

FROM THE NO.1 BESTSELLING AUTHOR

STEPHEN KING

THE
INSTITUTE

Annotation

По данным Национального центра по делам пропавших и эксплуатируемых детей ежегодно в Соединённых Штатах пропадает около 800,000 детей.

Большинство находят.

Но тысячи — нет.

18+

- [Стивен Кинг](#)
  -
  - [От переводчика](#)
  -
  -
  - [Ночной стучащий](#)
  - [Умный мальчик](#)
  - [Уколы для точек](#)
  - [Морин и Эйвери](#)
  - [Побег](#)
  - [Ад ждёт](#)
  - [Ад пришёл](#)
  - [Большой телефон](#)
  - [Шепелявый человек](#)
  - [От автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
-

Стивен Кинг Институт

The Institute by Stephen King (2019)
Роман

Перевод **Magnet**

От переводчика

В оригинале слово fuck и его производные встречаются 93 раза. К примеру, в «Чужаке» оно использовано 59 раз, в «Спящих красавицах» — 155 раз, в «Пост сдал» — 77 раз. Разумеется, в официальных переводах этого всего — нет. Максимум промелькнули цензурные «ублюдок» или «сука».

В моём переводе мата достаточно, хотя я старался не усердствовать. Книги Кинга никогда не были детскими, хотя многие *о детях*. Просто предупреждаю чувствительных читателей.

Моим внука: Итану, Эйдану и Райану

И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам...

И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утверждён был дом, упершись в них, в один правую рукою свою, а в другой левою.

И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И упёрся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нём. И было умерших, которых умертвил (Самсон) при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей.

Книга Судей, глава 16

*А кто соблазнит одного из малых сих,
верующих в Меня, тому лучше было бы,
если бы повесили ему мельничный
жернов на шею и потопили его во глубине
морской.*

Евангелие от Матфея, глава 18

По данным Национального центра по делам
пропавших и эксплуатируемых детей ежегодно
в Соединённых Штатах пропадает около
800,000 детей.

Большинство находят.

Но тысячи — нет.

Ночной стучащий

1

Через полчаса после того, как самолёт компании «Дельта» должен был забрать Тима Джеймисона из Тампы и направиться к ярким огням и высоткам Нью-Йорка, он всё ещё стоял возле посадочных ворот. Когда представитель «Дельты» и светловолосая женщина с бэйджем службы безопасности, висящим у неё на шее, вошли в салон, послышался недовольный ропот пассажиров эконом-класса.

— Пожалуйста, прошу вашего внимания! — сказал мужчина из «Дельты».

Кто-то спросил:

— Долго мы ещё будем стоять? Только честно.

— Не долго. Капитан обещает, что самолёт прибудет в пункт назначения почти вовремя. Но мы должны разместить на борту федерального офицера, поэтому нам бы хотелось, чтобы кто-нибудь уступил ему своё место.

Послышался общий гул недовольства, и Тим увидел, как несколько человек на всякий случай достали свои мобильные телефоны. Раньше в подобных ситуациях случались неприятности.

— «Дельта Эйр Лайнс» предлагает вам бесплатный билет на следующий рейс до Нью-Йорка, который будет завтра утром, в 6:45.

Раздался ещё один недовольный возглас: «Ну охренеть...»

Представитель невозмутимо продолжил:

— Вам предоставят талон на ночёвку в отеле, и ещё вы получите четыреста долларов сверху. Это хорошее

предложение. Кто готов его принять?

Желающих не было. Женщина из службы охраны ничего не сказала, только обвела салон эконом-класса пронизывающим, но каким-то безжизненным взглядом.

— Восемьсот долларов, — сказал мужчина из «Дельты». — Плюс талон в отель и бесплатный билет.

— Талдычит, как ведущий телевикторины, — пробурчал мужчина в ряду перед Тимом.

Желающих всё ещё не было.

— Тысяча четыреста?

Никого. Тиму это показалось любопытным, но не то, чтобы удивительным. И не только потому, что на рейс в 6:45 придётся встать чуть свет. Большинство пассажиров эконом-класса были семьями, которые возвращались домой после посещения различных достопримечательностей Флориды, парами с глубоким пляжным загаром, и упитанными, краснощёкими парнями с недовольным видом, которых в Большом яблоке ждали контракты, сулившие гораздо больше четырнадцати сотен баксов.

Кто-то крикнул в конце салона:

— Гоните кабриолет «Мустанг» и билет до Арубы, тогда можете забрать оба наших места! — Послышался смех, но не очень приветливый.

Представитель «Дельты» взглянул на блондинку с бэйджем; если он рассчитывал на её помощь, то оказался в пролёте. Она просто продолжала неподвижно разглядывать салон; двигались только её глаза. Он вздохнул и сказал:

— Тысяча шестьсот.

Тим Джеймисон вдруг решил, что хочет свалить на хер с этого самолёта и двинуть на попутках на север. Хотя подобная мысль раньше не приходила ему в голову, он ясно представил себе эту картину. Вот он стоит возле автострады 301 где-то посреди округа Эрнандо, выставив вперёд большой палец. Кругом

жара, толпы кружащих насекомых, на биллборде реклама какого-то скользкого адвокатишки; из бумбокса, стоящего на бетонных ступеньках близлежащего трейлера, рядом с которым мужчина с голым торсом моет свою машину, доносится Take It on the Run^[1], и, вот, наконец, его подбирает какой-то «фермер Джон» на пикапе с дощатым кузовом, груженном дынями, и с маленьким магнитным Иисусом на приборной панели. И лучшей частью всего этого были бы даже не деньги в кармане, а находиться подальше от этой банки с сардинами и её убийственной вони из парфюма, пота и лака для волос.

А второй лучшей частью была бы возможность сжать правительственную титьку и выдавить из неё немного лишних долларов.

Он встал, выпрямившись во весь свой совершенно средний рост (пять футов и десять дюймов^[2], может, чуть больше), поправил очки на носу и поднял руку.

— Согласен на две тысячи, сэр, плюс стоимость билета, — и место ваше.

2

В талоне была указана дешёвая ночлежка, находящаяся возле конца самой загруженной взлётной полосы Международного аэропорта Тампы. Тим заснул под шум самолётов, от их же шума проснулся, и спустился вниз, где проглотил сваренное вкрутую яйцо и два «резиновых» блина с бесплатного «шведского стола». Хотя еда была далеко не изысканной, Тим с удовольствием поел, а затем вернулся в свой номер дожидаться девяти часов, когда откроются банки.

Он без труда получил на руки свою неожиданную прибыль, потому что в банке знали о его приходе, и чек был одобрен заранее. Он не собирался сидеть в отеле, дожидаясь погоды у моря, поэтому взял свои две тысячи долларов в двадцатках и полтинниках, засунул их в левый передний карман, забрал у охранника банка свою дорожную сумку и вызвал «убер», чтобы отправиться в Эллентон. Там он расплатился с водителем, подошёл к ближайшему знаку 301-С и выставил вперёд большой палец. Через пятнадцать минут его подобрал какой-то старик в бейсболке «Кейс». В кузове пикапа не было никаких дынь, и он не был дощатым, но в остальном пикап вполне соответствовал картине, которая представилась Тиму прошлым вечером.

— Куда направляешься, дружище? — спросил старик.

— Ну, думаю, в итоге — это будет Нью-Йорк, — ответил Тим.

Старик выдавил в окно струйку коричневой от табака слюны.

— Зачем человеку в здравом уме ехать туда?

— Не знаю, — сказал Тим, хотя знал. Старый приятель по службе сказал ему, что в Большом яблоке полно работы в сфере частной охраны, включая компании, которые с бомльшим уважением отнесутся к его опыту, чем сраный Руби Голдберг, который положил конец его карьере в полиции Флориды. — Пока что надеюсь к вечеру добраться до Джорджии. Может, там мне понравится больше.

— Ну вот, другой разговор, — сказал Старик. — Джорджия не так уж плоха, особенно если ты любишь персики. А у меня от них крутит живот. Не возражаешь против музыки?

— Нисколько.

— Но предупреждаю: я люблю погромче. Маленько глуховат.

— Главное, что я не плетусь пешком.

Вместо REO Speedwagon пел Уэйлон Дженнингс, но Тим был не против. После Уэйлтона были Шутер Дженнингс и Марти Стюарт. Двое мужчин в грязном «Додж-Рэм» слушали музыку и смотрели на бегущее вперёд дорожное полотно. Через семьдесят миль^[3] старик остановился, коснулся козырька своей бейсболки «Кейс» и пожелал Тиму отличного дня.

Тим не добрался до Джорджии к вечеру — он переночевал в ещё одной ночлежке рядом с придорожным киоском, где продавали апельсиновый сок, — но был там на следующий день. В городке Брунсвик (где придумали рецепт особенного мясного рагу) он две недели проработал на утильзаводе, причём это решение пришло ему так же спонтанно, как желание отдать место на рейсе «Дельты» из Тампы. Тиму не нужны были деньги, но, казалось, нужно было время. Он находился на переходном этапе, который не мог завершиться мгновенно. Кроме того, рядом с «Деннис» был боулинг. А такую комбинацию трудно перекрыть.

3

С зарплатой, полученной на утильзаводе, и денежным бонусом от авиакомпаний, Тим стоял возле брунсвикского съезда с автострады I-95-СЕВЕР и чувствовал себя вполне состоятельным для скитальца. Он простоял на солнце больше часа, уже подумывая сдать себя и вернуться в «Деннис», чтобы пропустить стаканчик холодного сладкого чая, когда возле него остановился универсал «Вольво». Задняя часть машины

была заставлена коробками. Пожилая женщина за рулём опустила окно с пассажирской стороны и посмотрела на него сквозь толстые стёкла очков.

— Хотя и не крупный, но кажется вполне крепким, — сказала она. — Надеюсь, вы не насильник и не психопат?

— Нет, мэм, — сказал Тим, подумав: «Какой *ещё* ответ она хотела услышать?»

— Конечно, «нет» — другого ответа я и не ждала. Направляетесь в Южную Каролину? Судя по вашей дорожной сумке, похоже на то.

Мимо её «Вольво» пронеслась машина и с рёвом клаксона помчалась вверх по съезду. Женщина не обратила на неё внимания, продолжая невозмутимо смотреть на Тима.

— Да, мэм. И дальше до самого Нью-Йорка.

— Я довезу вас до Южной Каролины — конечно, не до самого центра этого невежественного штата, но и не высажу у самой границы — взамен на небольшую помощь. Рука руку моет, если вы понимаете, о чём я.

— Вы почешите спинку мне, а я — вам, — усмехнулся Тим.

— Ничего такого, но вы можете садиться.

Тим так и сделал. Её звали Марджори Келлерман, и она заведовала библиотекой в Брунсвике. Она так же входила в так называемую Юго-восточную библиотечную ассоциацию, у которой, по её словам, не было денег, потому что «Трампа и его приспешники всё забрали назад. Они понимают в культуре не больше, чем осёл в алгебре».

В шестидесяти пяти милях к северу, всё ещё находясь в Джорджии, она остановилась возле маленькой убогой библиотеки в городке под названием Пулер. Тим выгрузил коробки с книгами и отвёз их на тележке в библиотеку, а оттуда ещё дюжину коробок прикатил обратно к «Вольво». Марджори Келлерман

сказала, что эти книги нужно доставить в Публичную библиотеку Имасси, примерно в сорока милях к северу — это уже будет Южная Каролина. Но вскоре после того, как они миновали Хардивилл, им пришлось остановиться. Обе полосы занимали легковушки и грузовики, и ещё больше автомобилей быстро заполнили пространство позади «Вольво».

— Ненавижу, когда такое случается, — сказала Марджори. — И всегда в Южной Каролине, где жалеют денег на расширение дороги. Должно быть, впереди авария, которая перегородила обе полосы, и никто не может проехать. Проторчу здесь полдня. Мистер Джеймисон, вы можете быть свободны. На вашем месте, я бы вышла из машины, вернулась назад до съезда в Хардевилл и попытала счастья на шоссе 17.

— Ну, а как же все эти коробки?

— О, я найду другого крепкого мужчину, который поможет мне выгрузить их, — сказала она и улыбнулась. — По правде говоря, я просто увидела вас там, стоящего на солнцепёке, и решила добавить себе немножко острых ощущений.

— Что ж, если вы уверены. — Пробки на дорогах вызывали у него клаустрофобию. Собственно говоря, то же самое он чувствовал, сидя посреди салона эконом-класса в самолёте «Дельты». — А если нет, то я помогу. Мне некуда спешить.

— Я уверена, — сказала она. — Была рада познакомиться с вами, мистер Джеймисон.

— Взаимно, мисс Келлерман.

— Вам нужна материальная помощь? Я могу выделить десять долларов, если вы нуждаетесь.

Он был тронут и удивлён — не в первый раз — добротой и щедростью простого человека, в частности того, кому особо не чем было поделиться. Америка по-прежнему оставалась чудесным местом, кто бы что ни говорил (включая, порой, его самого).

— Нет, спасибо. У меня всё в порядке.

Он пожал ей руку, вышел из машины и направился обратно по заторенной автостраде I-95 к съезду на Хардивилл. Когда на семнадцатом шоссе его никто не подобрал, он прошагал пару миль до штатной трассы 92, где стоял знак, указывающий направление в сторону городка Дюпре. К тому времени было уже далеко за полдень, и Тим решил найти мотель, чтобы переночевать. Несомненно, это будет очередная ночлежка, хотя альтернатива — заночевать под открытым небом и быть съеденным заживо москитами, или в амбаре какого-нибудь фермера — была ещё менее привлекательной. Поэтому он отправился в Дюпре.

Большие дела начинаются с малого.

4

Час спустя он сидел на камне у края дороги, дожидаясь, когда её пересечёт, казалось бы, бесконечный товарный поезд. Он вальяжно катил в направлении Дюпре со скоростью тридцать миль в час: товарные вагоны, автомобильные вагоны (в основном груженные битыми машинами, чем новыми), цистерны, платформы и полувагоны, заполненные бог знает какой дрянью, которая в случае крушения могла воспламенить сосновый лес или накрыть жителей Дюпре в виде ядовитых или даже смертельных испарений. Наконец, появился оранжевый служебный вагон, где в шезлонге сидел мужчина в комбинезоне, который читал книгу в мягкой обложке и курил сигарету. Он оторвался от книги и помахал Тиму рукой. Тим помахал в ответ.

Город располагался в двух милях, и был построен вокруг пересечения штатной трассы 92 (теперь Мэйн-

Стрит) и двух других улиц. Дюпре, казалось, в значительной степени избежал засилья сетевых магазинов, которые расплодились в крупных городах; там был «Вестерн Ауто», но он был закрыт, а окна замылены^[4]. Тим заметил продуктовый магазин, аптеку, бакалею, в которой, казалось, продавалось всего понемногу, и пару салонов красоты. Также в городе были кинотеатр с надписью «ПРОДАЖА/АРЕНДА» на козырьке, магазин автозапчастей, который косил под спид-шоп^[5], и ресторан с названием «Бевс Итэри». Ещё было три церкви: одна — методистская, две — неопределённые, но все из разряда Иисус-ждёт-тебя. На парковке в деловом районе стояло не более двух дюжин легковых автомобилей и фермерских грузовиков. Тротуары были почти пусты.

Через три квартала, после очередной церкви, Тим заметил мотель «Дюпре». Позади него, где главная улица, по-видимому, переходила в шоссе 92, находился ещё один железнодорожный переезд, депо и ряд металлических крыш, сверкающих на солнце. Дальше снова был сосновый лес. В общем, Тиму город показался словно из кантри-баллады, одной из тех ностальгических песен Алана Джексона или Джорджа Стрейта^[6]. Вывеска мотеля была старой и покрытой ржавчиной и наводила на мысль, что он тоже закрыт, как и кинотеатр, но поскольку день близился к концу, это могло быть единственное заведение в городе, предоставляющее ночлег, Тим направился к нему.

На полдороге, миновав Городскую администрацию Дюпре, он подошёл к кирпичному зданию, стены которого были увиты плющом. На аккуратно подстриженной лужайке стояла табличка с надписью «Служба шерифа округа Фэйрли». Тим подумал, что это, должно быть, действительно бедный округ, если его центром выбрали этот город.

Перед зданием стояли две патрульные машины: одна из них — новенький седан, а вторая — старый, грязный «Фораннер» с мигалкой на приборной панели. Тим посмотрел в сторону входа — почти бессознательный взгляд бродяги с приличной суммой денег в кармане, — прошёл несколько шагов, затем обернулся, чтобы получше рассмотреть объявления на досках по обеим сторонам от двойной двери. А точнее, одно конкретное объявление. Он подумал, что ему, должно быть, померещилось и хотел удостовериться.

Не может быть, подумал он. Не в наши дни.

Но оно там было. Рядом с плакатом с надписью «ЕСЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО В ЮЖНОЙ КАРОЛИНЕ МАРИХУАНА ЛЕГАЛИЗОВАНА, — ПОДУМАЙТЕ ЕЩЁ РАЗ» висело объявление, в котором было просто сказано: «ТРЕБУЕТСЯ НОЧНОЙ СТУЧАЩИЙ. ПОДРОБНОСТИ ВНУТРИ».

«Ого, — подумал он. Привет из прошлого».

Он повернулся к ржавой вывеске мотеля и снова остановился, размышляя над этим объявлением. Как раз в этот момент открылась одна из дверей полицейского участка и оттуда вышел долговязый коп, нацепив кепку поверх рыжей головы. На его значке играли отблески заходящего солнца. Он окинул взглядом рабочие ботинки Тима, его пыльные джинсы и синюю рубашку. Глаза копа на мгновение задержались на сумке Тима, висящей на плече, прежде чем перейти к его лицу.

— Могу я вам чем-то помочь, сэр?

Тим поддался тому же импульсу, который заставил его встать в самолёте.

— Вряд ли, но как знать...

Рыжеволосым полицейским был помощник шерифа Таггарт Фарадей. Он провёл Тима внутрь, где витали знакомые запахи отбеливателя и аммиака, доносящиеся из задней части здания, где находились четыре камеры ИВС. Представив Тима Веронике Гибсон, помощнику шерифа средних лет, которая в этот день была на диспетчерском посту, Фарадей попросил водительское удостоверение Тима, и хотя бы ещё один документ, удостоверяющий личность. В дополнении к ВУ Тим достал полицейское удостоверение, выданное в Сарасоте, не пытаясь скрыть тот факт, что срок его действия истёк девять месяцев назад. Тем не менее, когда помощники увидели его, они по-другому посмотрели на Тима.

— Вы не житель округа Фэйрли, — сказала Ронни Гибсон.

— Нет, — согласился Тим. — Совсем нет. Но мог бы им стать, если получу работу ночного стучащего.

— Платят немного, — сказал Фарадей, — и в любом случае, с этим вопросом не ко мне. Нанимает и увольняет шериф Эшворт.

Ронни Гибсон сказала:

— Наш последний ночной стучащий вышел на пенсию и переехал в Джорджию. Эд Уитлок. У него БАС — болезнь Лу Герига^[7]. Хороший человек. Не свезло ему. Но у него там есть люди, которые позаботятся о нём.

— Дерьмо случается всегда с хорошими людьми, — сказал Таг Фарадей. — Выдай ему форму Ронни. — Затем, обращаясь к Тиму: — У нас тут небольшая команда, мистер Джеймисон: всего семь человек и двое из них работают на полставки. Это всё, что налогоплательщики могут себе позволить. Шериф Джон сейчас в патруле. Если не вернётся в пять, максимум в

полшестого, то сразу поедет ужинать домой и будет только завтра.

— В любом случае, сегодня я заночую здесь. Если, конечно, мотель открыт.

— О, думаю, у Норберта найдётся пара комнат, — сказала Ронни Гибсон. — Она переглянулась с рыжеволосым копом, и они оба рассмеялись.

— Полагаю, это не четырёхзвёздочное заведение.

— Без комментариев, — сказала Гибсон, — но я бы проверила простыни на предмет этих маленьких красных жучков перед тем как лечь спать. Почему вы ушли из полиции Сарасоты, мистер Джеймисон? Для пенсии вы слишком молоды.

— Об этом я расскажу вашему шефу, если он захочет провести собеседование.

Двое офицеров обменялись ещё одним, более долгим, взглядом, затем Таг Фарадей сказал:

— Ладно, выдай ему бланк заявления, Ронни. Рад был познакомиться, сэр. Добро пожаловать в Дюпре. Ведите себя хорошо, и мы прекрасно поладим. — С этими словами он ушёл, оставив альтернативу хорошему поведению открытой для толкования. Через зарешёченное окно Тим увидел, как «Фораннер» выехал со стоянки и покатил по короткой центральной улице Дюпре.

Бланк был прикреплён к планшету. Тим сел на один из трёх стульев у левой стены, положил свою сумку между ног и начал заполнять его.

«Ночной стучащий, — подумал он. Обалдеть».

Шериф Эшворт — шериф Джон для большинства горожан, а также для его заместителей, как узнал Тим

— был пузатым тихоходом. С подбородками как у бассет-хаунда и с обилием седых волос на голове. На его форменной рубашке виднелось пятно от кетчупа. На бедре висел «Глок», а на мизинце было кольцо с рубином. У него был сильный акцент, держался он по-деревенски дружелюбно, но взгляд его глаз, глубоко запавших в пухлые глазницы, был умным и пытливym. Он мог бы сойти за типичного персонажа из стереотипных фильмов о юге, как, например, «Широко шагая», если бы не тот факт, что он был чернокожим. И ещё кое-что: в его офисе, на стене, рядом с портретом президента Трампа, в рамке висел диплом об окончании Национальной академии ФБР в Куантико. Такой в переходе не купишь.

— Ну ладно, — сказал шериф Джон, откидываясь на спинку своего офисного кресла. — У меня мало времени. Марселла не любит, когда я опаздываю к ужину. Если, конечно, это не экстренный случай.

— Понятно.

— Так что, перейдём к делу. Почему вы ушли из полиции Сарасоты и что вы делаете здесь? В Южную Каролину ведёт не так уж много проторённых дорожек, а особенно в Дюпре.

Эшворт, вероятно, не станет звонить в Сарасоту этим же вечером, но сделает это утром, так что не было смысла юлить. Да и не то, чтобы Тим хотел. Если он не получит работу ночного стучащего, он переночует в Дюпре, а поутру продолжит путь в сторону Нью-Йорка — путешествие, которое, как он теперь понимал, было необходимой передышкой между тем, что случилось в конце прошлого года, в торговом центре Сарасоты «Вестфилд-Молл», и тем, что могло последовать дальше. Кроме того, честность — лучшая политика, потому что ложь — особенно в эпоху, когда можно получить доступ к любой информации, имея под рукой

клавиатуру и Wi-Fi точку — обычно аукается тому, кто солгал.

— Мне предоставили выбор между отставкой и увольнением. Я выбрал отставку. Никто этому не обрадовался, особенно я — мне нравилась моя работа и побережье Мексиканского залива, — но это был лучший вариант. Так я хотя бы получил немного денег — не всю пенсию, но лучше, чем ничего. Которую делю с бывшей женой.

— Причина? В двух словах, чтобы я успел к ужину, пока он не остыл.

— Это не займёт много времени. В конце смены, в последние дни ноября, я зарулил в «Вестфилд-Молл», чтобы купить ботинки. Собирался пойти на свадьбу. Я всё ещё был в форме.

— Ясно.

— Я выходил из обувного отдела, когда ко мне подбежала женщина и сказала, что возле кинотеатра какой-то подросток размахивает пистолетом. Я помчался туда.

— Вы достали своё оружие?

— Поначалу — нет, сэр. Парню с пистолетом было около четырнадцати, я заметил, что он был либо пьян, либо под кайфом. Рядом с ним лежал ещё один парень, которого он пинал. А также направлял на него пистолет.

— Похоже на Кливлендское дело, когда коп застрелил чёрного парня, который размахивал пневматическим пистолетом.

— Я тоже так подумал, приближаясь к подростку, но коп, который застрелил Тамира Райса, клялся, что тот размахивал настоящим оружием. Я был почти уверен, что у моего парня оружие ненастоящее, но не мог быть *полностью* уверен в этом. Думаю, вы знаете, почему.

Шериф Джон Эшворт, казалось, забыл о своём ужине.

— Потому что этот подросток целился в парня, лежащего на полу. Нет смысла наводить на кого-то ненастоящий пистолет. Если, к'нешно, лежащий парень этого не знал.

— Виновник позже сказал, что просто *размахивал* пистолетом перед лежащим парнем, а не целился в него. Говоря: «Он мой, ты ублюдок, не лапай чужое». Я бы не стал этого утверждать. Мне показалось, что он целился. Я крикнул, чтобы он бросил оружие и поднял руки. Он либо не слышал меня, либо проигнорировал, продолжая пинать второго парня и целиться в него. Или, как он сказал, размахивать пистолетом. Тогда я вытащил свой. — Он сделал паузу. — Если это имеет какое-то значение, то парень был белым.

— Не для меня. Произошёл конфликт. Один из парней оказался побитым на полу. У второго был пистолет, который мог быть настоящим. И вы застрелили его? Скажи, что до этого дело не дошло.

— Я ни в кого не стрелял. Но... вы же знаете, как люди любят поглазеть на драки, и тут же разбегаются, когда появляется оружие?

— Разумеется. Если у них есть хоть капля мозгов, будут уноситься со всех ног.

— Так и случилось, за исключением пары человек.

— Тех, кто всё это снимал на телефоны.

Тим кивнул.

— Четыре-пять Спилбергов. В общем, я направил пистолет в потолок и сделал предупредительный выстрел. Возможно, это было плохое решение, но на тот момент оно казалось правильным. Единственным. В той части торгового центра висели фонари. Пуля попала в один из них, который упал точно на голову горе-зеваки. Подросток бросил свой пистолет, и как только тот ударился о пол, я понял, что он был ненастоящий, потому что он отскочил. Оказалось, это был пластиковый водный пистолет, очень похожий на

настоящий. У подростка на полу было несколько синяков и ссадин — ничего такого, что пришлось бы зашивать, но зевака потерял сознание и пробыл в таком состоянии три часа. Сотрясение. Его адвокат сказал, что у него была амнезия и головные боли.

— Подал в суд на департамент?

— Да. Какое-то время шло разбирательство и в итоге он получил небольшую сумму.

Шериф Джон задумался.

— Мог бы вообще ничего не получить — не важно, насколько серьёзной была его травма, — потому что сам остановился поснимать. Полагаю, департамент отказался от вас с формулировкой «неосторожное использование оружия».

Так точно, подумал Тим, и было бы неплохо остановиться на этом моменте. Но это было невозможно. Шериф Джон, может, и выглядел как афроамериканская версия Босса Хогга из «Придурков из Хаззарда», но был не глупым. Он явно сочувствовал Тиму — как почти любой коп, — но всё равно должен был проверить его слова. Лучше уж пусть узнает продолжение этой истории от самого Тима.

— Перед обувным отделом я зашёл в «Бичкомберс» и пропустил пару стаканов. Офицер, который задержал подростка, почувствовал запах изо рта и проверил меня на алкотестере — в пределах нормы, но хорошего мало, потому что я только что стрелял из табельного оружия и уложил человека в больницу.

— Вы пьющий человек, мистер Джеймисон?

— Я довольно много пил в первые шесть месяцев после развода, но это было два года назад. Не сейчас. — Разумеется, *такого* ответа он от меня и ожидал, подумал Тим.

— Ага-ага, давайте-ка проясним, правильно ли я всё понял. — Шериф поднял вверх пухлый указательный палец. — Вы были на дежурстве, а значит, если бы вы

были без формы, эта женщина никогда бы не подбежала к вам.

— Скорее всего, но я услышал бы шум и всё равно пошёл бы туда. Коп всегда находится на службе. Уверен, вы об этом знаете.

— Ага-ага, но у вас был бы при себе пистолет?

— Нет, он остался бы взаперти, в машине.

Эшворт поднял второй палец, затем третий.

— У подростка, скорее всего, был ненастоящий пистолет, а мог быть и настоящий. Вы не могли знать наверняка.

— Да.

Шериф поднял четвёртый палец.

— Из-за вашего предупредительного выстрела упал светильник — и упал прямо на голову невинного прохожего. Если, конечно, можно назвать невинным засранца, который стоял и снимал всё на телефон.

Тим кивнул.

Шериф разогнул большой палец.

— И до того, как произошёл этот конфликт, вы выпили два алкогольных напитка.

— Да. И я был в форме.

— Не лучшее решение, не лучшее... как это слово... *недальновидное*, но я бы сказал, что всё это одна большая неудача. — Шериф Джон побарабанил пальцами по краю стола, делая акцент на мизинце с рубиновым кольцом. — Полагаю, ваша история слишком нестандартна, чтобы быть неправдой, но, думаю, мне придётся позвонить на ваше предыдущее место работы и удостовериться. Хотя бы для того, чтобы ещё раз услышать её и удивиться.

Тим улыбнулся.

— Я доложил об этом Бернадетт Дипино. Она начальник полиции Сарасоты. Наверное, вам бы лучше поспешить домой к ужину, а то ваша жена будет сердиться.

— Ага-ага, позвольте мне самому переживать из-за Марси. — Шериф наклонился вперёд. Его глаза блестели. — Если я сейчас дам вам дыхнуть в алкотестер, он что-нибудь покажет?

— Попробуйте и узнаете.

— Пожалуй, не стоит. Не думаю, что в этом есть необходимость. — Он снова откинулся назад; его офисное кресло протяжно закрипело. — Зачем вы хотите устроиться ночным стукающим в таком жалком городишке? Зарплата — всего сто долларов в неделю, и хотя с воскресенья по четверг проблем бывает мало, по ночам в пятницу и субботу случаются обострения. Стрип-клуб в Пенли закрылся в прошлом году, но в непосредственной близости есть несколько баров и клубов.

— Мой дед работал ночным стукающим в Хиббинге, Миннесота, — кажется, там вырос Боб Дилан. Это было после того, как он ушёл из полиции. Из-за него в детстве я хотел стать полицейским. Я увидел объявление и подумал... — Тим пожал плечами. И, что же он подумал? Почти то же самое, когда решил устроиться на утильзавод. Ничего особенного. Ему пришло в голову, что, по крайней мере, морально он может оказаться в затруднительном положении.

— Пойти по следам деда, ага. — Шериф Джон сложил руки на своём внушительном животе и уставился на Тима своими блестящими, пытливыми глазами, сидящими глубоко в пухлых глазницах. — Будем считать, что вы ушли в отставку, договорились? И просто ищете, чем занять себя на время. Правда, немного молоды для этого.

— Ушёл в отставку, да. На том и сойдёмся. Друг сказал, что сможет устроить меня охранником в Нью-Йорке, и я хотел сменить обстановку. Может, для этого и не нужно ехать в Нью-Йорк. — Он полагал, что ему, скорее, нужны душевные перемены. Работа ночным

стукающим могла и не принести их, но опять же, как знать.

— Разведены, вы сказали?

— Да.

— Дети?

— Нет. Она хотела детей, я — нет. Мне казалось, я ещё не готов.

Шериф Джон опустил глаза на заявление Тима.

— Тут сказано вам сорок два. Обычно — но не всегда — если к этому возрасту человек не готов...

Он замолчал, ожидая, как и бывает у копов, что Тим заполнит тишину. Но Тим промолчал.

— Может, со временем вы и доберётесь до Нью-Йорка, мистер Джеймисон, но пока что вы просто дрейфуете. Можно так выразиться?

Тим задумался над этим и согласился.

— Если я дам вам эту работу, откуда мне знать, что вы не вздумаете уехать отсюда через пару недель или через месяц? Дюпре — не самое интересное место на земле, или даже в Южной Кар'лине. Я хочу знать, сэр, можно ли на вас положиться.

— Я буду здесь. Всегда чувствуя ваш пристальный взгляд во время выполнения своих обязанностей. Если не справлюсь, вы просто уволите меня. Если я захочу уехать, я дам вам кучу намёков. Обещаю.

— Этой работы не достаточно для жизни.

Тим пожал плечами.

— Если понадобится, найду что-то ещё. Хотите сказать, здесь нет людей, работающих на двух работах, чтобы свести концы с концами? Кроме того, у меня есть кое-что для начала.

Шериф Джон посидел немного на месте, обдумывая услышанное, затем поднялся с кресла. Он сделал это с удивительной для такого тучного человека ловкостью.

— Приходите завтра утром, и мы всё решим. Часов в десять.

«Что даст вам достаточно времени, чтобы позвонить в Департамент полиции Сарасоты, — подумал Тим, — и узнать, правдив ли мой рассказ. А кроме того узнать, нет ли других пятен в моём деле».

Он встал и протянул руку. У шерифа Джона была крепкая хватка.

— Где вы остановитесь на ночь, мистер Джеймисон?

— В мотеле ниже по улице, если там есть свободные комнаты.

— О, у Норберта полно свободных комнат, — сказал шериф, — и сомневаюсь, что он попытается продать вам травы. Вы всё ещё немного смахиваете на копа. Если ваш желудок не имеет ничего против жаренного, заведение Бев работает до семи. Я лично неравнодушен к печени с луком.

— Спасибо. И спасибо, что согласились поговорить.

— Не за что. Это был интересный разговор. Когда будете заселяться в «Дюпре», скажите Норберту, что шериф велел дать вам хорошую комнату.

— Будет сделано.

— Но я бы всё равно проверил кровать на наличие жуков.

Тим улыбнулся.

— Мне уже это посоветовали.

7

На ужин в «Бевс Итэри» была жареная курица, стручковая фасоль и персиковый коблер. Не плохо. Другое дело — комната, которую ему выделили в мотеле «Дюпре». По сравнению с ней другие мотели по пути на север выглядели дворцами. Кондиционер в окне деловито дребезжал, но почти не давал прохлады. Из ржавой душевой лейки капало, сколько Тим не старался

закрутить кран; в итоге он подложил под неё полотенце, чтобы заглушить нудный звук капель. Абажур на прикроватной лампе просвечивал в нескольких местах. Единственная картина в номере — навевающая тревогу композиция, изображающая парусное судно, экипаж которого полностью состоял из ухмыляющихся и, возможно, одержимых убийством чернокожих мужчин — висела криво. Тим поправил её, но она тут же снова покосилась.

Снаружи стоял шезлонг. Сиденье протёрлось, а ножки были ржавыми, как и неисправная лейка душа, но оно выдержало вес Тима. Он сидел на нём, вытянув ноги, отмахивался от жуков и смотрел на заходящее оранжевое солнце, проглядывающее через деревья. Глядя на него, Тим чувствовал себя одновременно счастливым и подавленным. В четверть девятого появился ещё один почти нескончаемый товарный поезд, пересекающий шоссе и направляющийся мимо складов на окраине города.

— Долбанный южно-джорджеский всегда опаздывает.

Тим оглянулся и увидел владельца и единственного вечернего работника этого прекрасного заведения. Он был худой, как рельс. Сверху — пёстрый жилет. На ногах — высоко задранные штаны цвета хаки, из-под которых торчали белые носки, и старые кроссовки «Конверс». Его крысиное лицо обрамляла причёска в стиле «Битлз».

— Да уж, — сказал Тим.

— Так-то не беда, — сказал Норберт, пожимая плечами. — Вечерний поезд всегда проходит мимо. Полуночный — *почти* всегда, если не нужно разгрузить дизельное топливо или свежие фрукты и овощи для магазина. Там дальше есть развязка. — Для демонстрации он скрестил указательные пальцы. — Одна линия ведёт в Атланту, Бирмингем, Хантсвилл и

так далее. Другая идёт из Джексонвилла в Чарлстон, Уилмингтон, Ньюпорт-Ньюс и тому подобное. Чаще всего останавливается дневной поезд. Думаете поработать на складе? Обычно им требуется один-два парня. Но должна быть крепкая спина. Не как у меня.

Тим посмотрел на него. Норберт пошаркал кроссовками и улыбнулся, показав то, что Тим посчитал деревенскими зубами. Они были на месте, но выглядели так, будто скоро должны вывалиться.

— Где ваша машина?

Тим продолжал смотреть.

— Вы полицейский?

— Сейчас я просто человек, наблюдающий за заходом солнца, — сказал Тим, — и предпочёл бы делать это в одиночку.

— Всё, ухожу, ухожу, — сказал Норберт и развернулся, задержавшись лишь на секунду для последнего оценивающего взгляда через плечо.

Состав прошёл. Красные огни погасли. Шлагбаумы поднялись. Две-три машины, которые стояли на переезде, завелись и поехали. Тим наблюдал, как по мере заката солнце из оранжевого превратилось в красное; *ночное небо краснеет — моряк веселеет*, как сказал бы его дед. Он видел, как тени от сосен удлиннились, переползли через шоссе 92 и слились воедино. Он был совершенно уверен, что не получит работу ночного стучащего, но, возможно, так было даже лучше. Дюпре, казалось, находился вдали от всего, был не просто перевалочным пунктом, а самым настоящим захолустьем. Если бы не эти четыре склада, город и вовсе бы перестал существовать. И в чём был *смысл* их существования? Хранить телевизоры, доставленные из какого-нибудь северного порта вроде Уилмингтона или Норфолка, чтобы потом их отправили кораблём в Атланту или Мариетту? Хранить коробки с компьютерными комплектующими, привезёнными из

Атланты, чтобы их потом отправили в Уилмингтон, Норфолк, или Джексонвилл? Хранить удобрения или опасные химикаты, потому что в этой части Соединённых Штатов против них не действуют законы? И так круг за кругом; а то, что идёт по кругу, *не имеет* смысла — любой дурак знает об этом.

Он вошёл внутрь, запер дверь (что было глупо, потому что её можно было выбить одним ударом ноги), разделся до трусов и лёг на кровать, которая была продавленной, но без жуков. Он закинул руки за голову и уставился на изображение ухмыляющихся чернокожих мужчин, составляющих экипаж фрегата или как там называются эти посудины. Куда они плыли? Это были пираты? Ему они казались пиратами. Кем бы они не были, но в итоге они окажутся на погрузке и разгрузке в следующем порту захода. Может, всё к этому и сводится. И все. Не так давно он выгрузил себя из самолёта «Дельты», направлявшегося в Нью-Йорк. После этого он загружал банки и бутылки в сортировочную машину. Сегодня он загрузил книги для милой дамы-библиотекаря в одном месте и выгрузил в другом. Он оказался здесь только потому, что I-95 была загружена легковушками и грузовиками, которые ждали прибытия эвакуатора, чтобы тот убрал с дороги разбитую машину какого-то горемыки. Вероятно, после того, как скорая загрузила его и выгрузила в ближайшей больнице.

Но ночному стучащему не нужно грузить или разгружать, подумал Тим. Нужно просто ходить и стучать. В этом, как говорил его дедушка, и есть вся прелесть.

Он заснул и проснулся в полночь, когда с грохотом проехал ещё один товарный состав. Он сходил в туалет и прежде чем снова лечь в кровать, снял покосившееся изображение команды ухмыляющихся чернокожих мужчин и поставил его лицом к стене.

От этой проклятой штуки у него шли мурашки.

8

Когда на следующий день в его номере зазвонил телефон, Тим уже принял душ и снова сидел в шезлонге, наблюдая за тенями на дороге, которые с рассветом ползли в обратную сторону. Звонил шериф Джон. Даром времени он не терял.

— Не думал, что ваш шеф придёт так рано, поэтому я поискал вас в интернете мистер Джеймисон. Кажется, вы не упомянули пару вещей в вашем заявлении. И в нашем разговоре их тоже не было. В 2017 году вы получили благодарность за спасение жизни, а в 2018 стали офицером года в Департаменте полиции Сарасоты. Наверное, вы просто забыли.

— Нет, — сказал Тим. — Я заполнял бланк второпях. Если бы у меня было больше времени подумать, я бы написал об этом.

— Расскажите мне про аллигатора. Я вырос на болоте Литл-Пи-Ди и люблю хорошие истории про аллигаторов.

— Эта не очень хорошая, потому что аллигатор был не очень большим. И я не спасал жизнь того ребёнка, но у этой истории есть забавная сторона.

— Поведайте.

— Вызов поступил из Хайлендс, где находится частное поле для гольфа. Я был ближе всех. Ребёнок забрался на дерево рядом с водной преградой. Ему было одиннадцать-двенадцать лет, и он орал во всё горло. Под ним у дерева сидел аллигатор.

— Как в книге про Чёрного Самбо^[8], — сказал шериф Джон. — Только, кажется, вместо аллигатора

там был тигр. И если бы это было частное поле для гольфа, ребёнок вряд ли был бы чёрным.

— Да. И аллигатор скорее дремал, чем бодрствовал, — сказал Тим. — Всего пять футов. Максимум шесть. Я одолжил у отца парнишки — это он был инициатором благодарности — клюшку номер пять и пару раз огрел его.

— В смысле, аллигатора. Не отца.

Тим рассмеялся.

— Точно. Аллигатор вернулся обратно в воду, парнишка слез с дерева. Вот и всё. — Он сделал паузу. — Ну, и я попал в вечерние новости. Размахивая клюшкой для гольфа. Диктор пошутил, что я «отдрайвил»^[9] аллигатора. Такой гольф-юмор.

— Ага-ага. А история с офицером года?

— Ну, — сказал Тим, — я всегда приходил вовремя, никогда не брал больничные, и им нужно было кого-нибудь выбрать.

На другом конце провода на несколько секунд воцарилась тишина. Шериф Джон сказал:

— Не знаю, как вы называете это, скромностью или заниженной самооценкой, но мне не нравится ни то, ни другое определение. Возможно, это чересчур прямолинейно для столь короткого знакомства, но я из тех, кто говорит то, что думает. Хотя некоторые скажут, что у меня язык без костей. Например, моя жена.

Тим посмотрел на дорогу, на железнодорожные пути, на убывающие тени. Бросил взгляд на городскую водонапорную башню, возвышающуюся, как робот-захватчик из научно-фантастического фильма. Это будет ещё один жаркий день, решил он. И решил ещё кое-что: прямо здесь и сейчас он может либо получить, либо упустить эту работу. Всё зависит от того, что он скажет дальше. Вопрос был в том, действительно ли

она нужна ему, или это просто прихоть, порождённая семейными рассказами о дедушке Томе?

— Мистер Джеймисон, вы ещё здесь?

— Я заслужил эту награду. Были и другие копы, которые могли претендовать на неё — отличные офицеры, с которыми я работал, — но да, я заслужил её. Я почти ничего не взял с собой, когда уезжал из Сарасоты — думал потом переправить вещи кораблём, если бы подвернулось что-нибудь в Нью-Йорке, — но забрал грамоту. Она лежит в моей сумке. Могу показать, если хотите.

— Да, — сказал шериф Джон, — но не потому, что я вам не верю. Просто хочется посмотреть. Вы чересчур квалифицированы для работы ночным стучащим, но если вы действительно этого хотите, можете приступить сегодня вечером, в одиннадцать.

— Хочу, — ответил Тим.

— Отлично.

— И это всё?

— Я также из тех, кто доверяет своему чутью, и я беру на работу ночного стучащего, а не охранника в «Бринкс»^[10], так что — да, это всё. К десяти можете не приходить. Вздремните ещё немного и приходите к полудню. Офицер Галликсон всё вам расскажет. Это не займёт много времени. Это ведь не ракетостроение, хотя по субботам, после закрытия баров на Мэйн-Стрит, можно увидеть несущиеся по дороге «ракеты».

— Ясно. Спасибо.

— Посмотрим, как вы будете благодарны после первой недели. И ещё кое-что: вы — не помощник шерифа, и вам запрещается носить с собой оружие. Если возникнут неразрешимые ситуации или опасность, сообщите по рации на базу. Это понятно?

— Да.

— Надеюсь, мистер Джеймисон. Если я узнаю, что вы распаковали пистолет, будете паковать чемоданы.

— Я понял.

— Тогда отдыхайте. Скоро вы станете ночным существом.

Как граф Дракула, подумал Тим. Он положил трубку, вывесил снаружи табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», задёрнул тонкую занавеску на окне, поставил будильник на телефоне и вернулся ко сну.

9

Помощник шерифа Венди Галликсон, одна из тех, кто работал на полставки, была на десять лет младше Ронни Гибсон и выглядела сногшибательно, даже несмотря на столь туго стянутые в узел светлые волосы, что, казалось, она вот-вот закричит от боли. Тим не пытался очаровать её; было ясно видно, что её щит от чар поднят и готов к обороне. Он даже на секунду задумался, не хотела ли она пристроить ночным стучащим своего брата или парня.

Она дала ему карту небольшого делового района Дюпре, рацию с креплением для пояса, и поясные табельные часы. Без батареек, объяснила помощник Галликсон, их нужно заводить в начале каждой смены.

— Держу пари, в 1946 году они были последним словом техники, — сказал Тим. — Вообще, довольно классные. Ретро штука.

Она не улыбнулась.

— Отмечайте время, когда дойдёте до «Мастерской Фромье по ремонту и продаже маломоторной техники», и ещё раз — у железнодорожного депо на западном конце Мэйн-Стрит. Это одна и шесть десятых мили в

каждую сторону. Эд Уитлок делал по четыре круга за смену.

Что в сумме было почти тринадцать миль.

— Похоже, диетологи мне не понадобятся.

По-прежнему никакой улыбки.

— Мы с Ронни Гибсон составим график. У вас будет две свободные ночи в неделю, — скорее всего, понедельник и вторник. После уикенда в городе довольно тихо, но иногда нам может понадобиться ваша помощь. Если вы, конечно, останетесь.

Тим сложил руки на коленях и посмотрел на неё с полуулыбкой.

— Я вам чем-то не нравлюсь помощник Галликсон? Если да, то говорите сейчас или держите это при себе.

Её лицо было по-скандинавски светлым, поэтому у неё не было никакой возможности скрыть появившуюся краску на щеках. Которая только добавляла ей привлекательности, хотя он предположил, что сама она ненавидела, когда так случалось.

— Не знаю, нравитесь или нет. Время покажет. У нас хорошая команда. Маленькая, но хорошая. И дружная. А вы просто какой-то человек с улицы, который получил работу. Горожане любят пошутить над ночным стучащим, и Эд всегда по-доброму относился ко всем остротам — что очень важно, особенно в городе с такими малочисленными правоохранительными органами, как у нас.

— Предотвратить легче, чем лечить, — сказал Тим. — Так говорил мой дедушка. Он был ночным стучащим, офицер Галликсон. Вот почему я подал заявление на эту работу.

После этих слов она, кажется, немного оттаяла.

— Насчёт часов я согласна — это пережиток. Но могу лишь сказать: придётся привыкать. Ночной стучащий — это аналоговая работа в цифровую эпоху. По крайней мере, в Дюпре.

Тим довольно скоро понял, что она имела в виду. Он был словно участковым инспектором из 1954 года, только без оружия и даже без дубинки. И не имел права проводить задержания. Несколько крупных городских бизнесов были оборудованы охранными системами, но большинство небольших магазинчиков обходились без них. В таких местах, как бакалейный магазин Дюпре или аптека Оберга он проверял, горят ли зелёные огоньки сигнализации и нет ли следов взлома. В других, калибром поменьше, дёргал за дверную ручку и заглядывал внутрь через стекло, сопровождая это стандартным тройным стуком. Иногда ему отвечали взмахом руки или парой слов, но в основном следовала тишина, что тоже было неплохо. От делал пометку мелом и двигался дальше. На обратном пути он проделывал ту же процедуру, только теперь стирая пометки. Это напомнило ему старую ирландскую шутку: *Если ты доберёшься туда первым Пэдди, сделай пометку на двери. А если первым доберусь я, то я сотру её.* Судя по всему, никакой практической пользы от этих пометок не было — просто традиция, возможно корнями уходящая к ночным стучащим времён Реконструкции^[11].

Благодаря одному из помощников шерифа, работающих на полставки, Тим нашёл приличное место для ночлега. Джордж Баркетт сказал, что у его матери есть небольшие апартаменты над гаражом, и она сдаст их недорого, если Тиму интересно.

— Всего две комнаты, но очень уютные. Раньше там жил мой брат, пока не переехал во Флориду пару лет назад. Подвизался в этом тематическом парке «Юниверсал» в Орландо. Деньги гребёт лопатой.

— Неплохо.

— А то, но и цены во Флориде... ого-го какие. Должен тебя предупредить Тим: если будешь там жить, то не сможешь громко слушать музыку. Мама не любит музыку. Ей даже не нравилось банджо Флойда, на котором он играл, как Бог. Порой, они очень сильно ругались из-за этого.

— Джордж, я редко бываю дома.

Офицер Баркетт — около двадцати пяти лет, добродушный и жизнерадостный, но не обременённый интеллектом — просиял.

— Отлично, совсем забыл об этом. Ещё там есть маленький «Кэрриер», не ахти какой, но даёт достаточно прохлады, чтобы можно было спать, — по крайней мере, Флойд не жаловался. Ну как, согласен?

Тим согласился, и хотя кондиционер действительно был на ахти, кровать была удобной, спальня — уютной, а душ не капал. Из кухонной утвари — только микроволновка и электроплитка, но в основном он питался в «Бевс Итэри», так что всё было в порядке. И плата была божеской: семьдесят долларов в неделю. Джордж описал свою мать каким-то драконом, но миссис Бёркетт оказалась добродушной женщиной с таким протяжным южным говором, что он понимал только половину её слов. Иногда перед его дверью она оставляла кусок кукурузного хлеба или кусок пирога, завернутый в вощёную бумагу. Будто он снимал жильё у эльфа из Дикси^[12].

Норберт Холлистер, владелец мотеля с крысиным лицом, был прав насчёт «Дюпре Сторадж энд Вэрхаузинг»: там хронически не хватало людей и всегда требовались работники. Тим сообразил, что текучка характерна для таких мест, где нужно заниматься физическим трудом за минимально разрешённую законом почасовую оплату (в Южной Каролине: семь

долларов с четвертью). Он сходил к бригадиру, Вэлу Джарретту, который согласился взять его на три часа в день, начиная с восьми утра. Что давало Тиму время привести себя в порядок и поесть после окончания ночной смены. И вот, в дополнении к своим ночным обязанностям, он снова грузил и разгружал.

Так устроен мир, сказал он себе. Так устроен мир. На данный момент.

11

По мере проведения времени в маленьком южном городке, Тим Джеймисон погружался в умиротворяющую рутину. Он не собирался оставаться в Дюпре до конца своих дней, но, по крайней мере, мог задержаться до Рождества (возможно, с крошечной искусственной ёлкой в своей крошечной квартире над гаражом) и даже до следующего лета. Этот город не был культурным оазисом, и он понимал, почему дети страстно пытались сбежать от его монотонной скуки, хотя сам Тим наслаждался ею. Он был уверен, что со временем его отношение переменится, но пока что получал удовольствие.

Подъём в шесть вечера; ужин в «Бевс» — иногда в одиночку, иногда в компании кого-нибудь из помощников; патрулирование в ближайшие семь часов; завтрак в «Бевс»; работа на автопогрузчике в «Дюпре Сторадж энд Вэрхаузинг» до одиннадцати; сэндвич и кола или сладкий чай на обед в тени железнодорожного депо; возвращение к миссис Баркетт; сон до шести. В выходные он иногда спал по двенадцать часов подряд. Читал юридические триллеры Джона Гришема и всю серию «Песнь Льда и Пламени». Ему очень нравился Тирион Ланнистер. Тим знал о существовании ТВ-

сериала, основанного на книгах Мартина, но не чувствовал необходимости смотреть его — воображение способно было нарисовать любых драконов.

Будучи полицейским, он хорошо ознакомился с ночной стороной Сарасоты, настолько же отличающейся от беззаботных дней Дюпре, как мистер Хайд от доктора Джекилла. Ночная сторона часто была отвратительной, иногда опасной, и хотя он никогда не опускался до использования мерзкого полицейского жаргона в отношении мёртвых наркоманов или избитых проституток — ЖСЛН: жертв среди людей нет, — десять лет в полиции сделали его циничным. Иногда он приходил с этим ощущением домой (*часто*, если уж на чистоту), которое стало частью кислоты, разъедающей его брак. Это же ощущение, как он полагал, отводило любые мысли о том, чтобы завести ребёнка. Слишком много плохого творилось вокруг. Слишком много всего, что могло обернуться бедой. И аллигатор на поле для гольфа — наименьшее из всего этого.

Когда он взялся за работу ночным стучащим, он не думал, что у городка с населением в пятьдесят четыре сотни человек (большая часть из которых проживала на сельских окраинах) может быть ночная жизнь, но у Дюпре она была, и Тиму она пришлась по вкусу. Люди, с которыми он встречался ночью, фактически были лучшей частью работы.

Например, миссис Гулсби, с которой он обменивался взмахом руки и тихим приветствием почти каждую ночь, начиная с первой смены. Она сидела на крылечном диване-качалке, медленно покачиваясь вперёд и назад, и потягивая из чашки то, что могло быть виски, содовой или ромашковым чаем. Иногда она всё ещё сидела там, когда он возвращался обратно. Фрэнк Поттер, один из помощников шерифа, с которым он иногда ужинал в «Бевс», сказал ему, что миссис Джи

год назад осталась без мужа. Фура Венделла Гулсби слетела с дороги во время снежной бури в Висконсине.

— Ей нет и пятидесяти, но Вен и Эдди были женаты очень, очень долго, — сказал Фрэнк. — Скрепили союз, когда ещё оба были недостаточно взрослыми, чтобы голосовать или купить выпивку. Как в песне Чака Берри о свадьбе подростков. Обычно такие браки не держатся долго, но их продержался.

Также Тим познакомился с Сиротой Энни, бездомной женщиной, которая часто ночевала на матрасе под открытым небом в переулке между офисом шерифа и бакалейным магазином. У неё также имелась маленькая палатка в поле позади депо, в которой она спала в дождливую погоду.

— Её зовут Энни Ледо, — ответил Билл Уиклоу на вопрос Тима. Билл был самым возрастным из помощников шерифа, работал на полставки и казалось знал всех жителей города. — Она ночует в этом переулке уже много лет. Предпочитает там, нежели в палатке.

— А что она делает с приходом холодов? — спросил Тим.

— Отправляется в Йемасси. Чаще всего её отвозит Ронни Гибсон. Они, кажется, родственники, тройные кузины или что-то в это роде. Там есть приют для бездомных. Энни говорит, что не ночует в нём без нужды, потому что там полно сумасшедших. А я ей отвечаю: кто бы говорил, подруга.

Каждую ночь Тим проверял её в переулке, а один раз, после смены на складе, сходил посмотреть на палатку, главным образом из простого любопытства. Перед входом в землю были воткнуты три бамбуковые палки с флагами: звёздно-полосатый, флаг конфедератов и третий, который Тим не узнал.

— Это флаг Гайаны, — сказала она в ответ на его вопрос. — Нашла в мусорном баке позади «Зонис».

Ничего такой, да?

Она сидела в мягком кресле, покрытом прозрачной клеёнкой, и вязала шарф, который был настолько длинным, что сгодился бы гиганту из книг Джорджа Р. Р. Мартина. Она была достаточно дружелюбной, не проявляла ни единого признака того, что коллега Тима из Сарасоты называл «параноидным синдромом бездомного», но любила слушать ночные разговорные передачи на радио WMDK, и порой её диалог уходил куда-то в сторону, касаясь таких тем, как летающие тарелки, заместители ^[13] и одержимость демонами.

Однажды ночью, когда он нашёл её в переулке, лежащей на надувном матрасе и слушающей маленький радиоприёмник, он спросил, почему она ночует в переулке, а не в довольно приличной палатке. Сирота Энни — возрастом около шестидесяти или около восьмидесяти — посмотрела на него так, будто он был чем-то недоволен.

— Здесь я рядом с по-ли-ци-ей. Вы знаете, что там позади депо и хранилищ, мистер Джей?

— Кажется, лес.

— Лес и болота. Мили топей, грязи и валежника, которые тянутся до самой Джорджии. Там водятся всякие *твари* и некоторые плохие люди. Когда поливает и мне приходится оставаться в палатке, я говорю себе, что вряд ли кто-то выйдет оттуда в грозу, но всё равно сплю плохо. У меня есть нож, и я держу его под рукой, но не думаю, что он поможет против какой-нибудь болотной крысы.

Энни была худой, почти тощей, поэтому Тим начал приносить ей маленькие угощения из «Бевс» перед короткой сменой погрузки и разгрузки на складе. Иногда это был пакетик варёного арахиса или шкварки «Макс», иногда — «лунный» пирог или вишнёвый. Один раз это была банка огурчиков «Виклз», которую она

схватила и крепко прижала между своих тощих грудей, смеясь от радости.

— «Виклз»! Не ела их с тех пор, как Гектор был щенком! Почему вы так добры ко мне, мистер Джей?

— Не знаю, — ответил Тим. — Думаю, вы мне просто нравитесь, Энни. Можно мне один?

Она протянула ему банку.

— Кончено. Всё равно вам придётся открыть её — мои руки сильно болят из-за артрита. — Она протянула их, показывая настолько скрюченные пальцы, что они были похожи на коряги. — Я всё ещё могу шить и вязать, но Бог его знает, надолго ли это.

Он открыл банку, слегка поморщился от сильного запаха уксуса, и выудил один огурчик, который был покрыт чем-то, что по мнению Тима, могло быть формальдегидом.

— Дайте сюда! Дайте сюда!

Он протянул ей банку и съел огурец.

— Господи, Энни, мой рот может навсегда отняться.

Она засмеялась, обнажив несколько оставшихся зубов.

— Лучше есть их с хлебом и маслом, и с холодненькой «Эр-Си»^[14]. Или с пивом, но я больше не пью.

— Что это вы вяжете? Шарф?

— Господь не придёт в своём собственном одеянии, — сказала Энни. — А теперь идите, мистер Джей, и исполняйте свой долг. Остерегайтесь людей в чёрных машинах. Джордж Оллман всё время говорит о них по радио. Вы ведь знаете, откуда *они* берутся? — Она хитро посмотрела на него. Возможно, она шутила. Или нет. С Сиротой Энни нельзя было сказать наверняка.

Ещё одним обитателем ночной стороны Дюпре был Корбетт Дентон. Он был городским парикмахером,

прозванным в округе Барабанщиком за какой-то подростковый «подвиг», о котором никто толком ничего не знал, кроме того, что его на месяц отстранили от занятий в местной школе. Возможно, он и был шальным в молодые годы, но то время осталось далеко позади. Сейчас Барабанщику было около шестидесяти или перевалило за шестьдесят, он был полноват, с лысиной и страдал бессонницей. Когда ему не спалось, он сидел на крыльце своей парикмахерской и смотрел на пустую главную улицу Дюпре. Пустую, если не считать Тима. Обычно они перекидывались парой стандартных фраз, как и положено знакомым, — о погоде, бейсболе, ежегодной городской ярмарке, — но однажды ночью Дентон сказал то, что встревожило Тима.

— Знаешь, Джеймисон, вся эта жизнь, которую мы проживаем, — не настоящая. Это просто игра теней и я, например, буду рад, когда свет погаснет. В темноте все тени исчезают.

Тим присел на ступеньку под вывеской, спираль которой была выключена на ночь. Он снял очки, протёр их рубашкой и снова одел.

— Позвольте сказать, что я думаю.

Барабанщик Дентон щелчком отправил окурок в сточную канаву, где тот разлетелся вспышкой искр.

— Валяй. Между полночью и четырьмя утра все должны высказываться совершенно свободно. Таково моё мнение.

— Вы говорите так, будто страдаете от депрессии.

Барабанщик рассмеялся.

— Буду звать тебя Шерлок.

— Вам нужно сходить к доктору Роперу. У него должны быть таблетки, которые вернут вам настроение. Моя бывшая принимала такие. Хотя, вероятно, она чувствовала себя гораздо лучше, когда перемывала мне кости. — Он улыбнулся, чтобы

показать, что это была шутка, но Барабанщик Дентон не улыбнулся в ответ, а просто поднялся на ноги.

— Я знаю об этих таблетках, Джеймисон. Они как алкоголь или травка. Или как экстази, который подростки принимают в наши дни, когда идут отрываться, или как они это называют. Всё это заставляет тебя ненадолго поверить, что мир кругом — реален. Что, всё имеет значение. Но это не так.

— Да ладно, — тихо произнёс Тим. — Не может быть.

— А я считаю, что только так и есть, — сказал парикмахер и направился в сторону лестницы, ведущей в его квартиру над парикмахерской. Его походка была медленной и неуклюжей.

Тим с тревогой посмотрел ему вслед. Он подумал, что Барабанщик Дентон был одним из тех, кто может однажды в дождливую ночь наложить на себя руки. И забрать с собой собаку, если она у него есть. Как какой-нибудь египетский фараон. Он решил рассказать об этом шерифу Джону, затем подумал о Венди Галликсон, которая всё ещё косо поглядывала на него. Меньше всего ему хотелось, чтобы она или кто-нибудь из помощников подумал, что он пытается выслужиться. Он больше не был полицейским, теперь он просто ночной стучащий. Лучше не заморачиваться.

Но он не перестал думать о Барабанщике Дентоне.

12

Однажды ночью, ближе к концу июня, Тим заметил двух мальчиков, идущих по Мэйн-Стрит в западном направлении с рюкзаками за спиной и ланчбоксами в руках. Они могли направляться в школу, если бы не два часа ночи. Ночными гуляками оказались близнецы Билсон. Они были злы на своих родителей, которые не

взяли их на ежегодную сельскохозяйственную ярмарку в Даннинге из-за плохих оценок.

— Мы получили в основном «С»^[15], но всё сдали, — сказал Роберт Билсон, — и нас перевели в следующий класс. Что в этом плохого?

— Это несправедливо, — вмешался Роланд Билсон. — К утру будем на ярмарке и первым делом найдём работу. Мы слышали, им нужны разноработники.

Тим подумал, не сказать ли мальчику, что правильно говорить «разнорабочие», но решил, что это не так уж важно.

— Ребята, не хочется вас расстраивать, но сколько вам лет? Одиннадцать?

— Двенадцать! — хором выдали они.

— Ладно, двенадцать. Тише, а то люди спят. Никто не возьмёт вас на работу на этой ярмарке. Вас просто под любым предлогом заманят в «Долларовую тюрьму»^[16] и продержат там до приезда родителей. И пока они едут, люди будут приходить и глазеть на вас. Кто-нибудь может даже подкинуть арахиса или свиных рёбрышек.

Близнецы Билсон уставились на него с некоторой тревогой (и, возможно, с облегчением).

— Значит так, — сказал Тим. — Возвращайтесь домой, а я буду идти следом, чтобы ваше коллективное сознание не передумало.

— Что такое коллективное сознание? — спросил Роберт.

— То, что есть у близнецов, по крайней мере, так считается в народе. Вы воспользовались дверью или вылезли через окно?

— Через окно, — сказал Роланд.

— Ясно, значит тем же путём и обратно. Если повезёт, ваши родители никогда не узнают, что вы

уходили.

— Вы не скажете им? — спросил Роберт.

— Нет, если вы не уйдёте ещё раз, — сказал Тим. — Тогда я не только расскажу им об этом, но и о том, как вы обозвали меня, когда я поймал вас.

Роланд испугался.

— Мы ничего такого не делали!

— Я солгал, — сказал Тим. — Это я умею.

Он проводил их и наблюдал, как Роберт Билсон сделал подножку из ладоней, чтобы помочь Роланду залезть в открытое окно. Затем точно также Тим помог Роберту. Он подождал, не загорится ли где свет, сигнализируя об обнаружении потенциальных беглецов, и когда этого не произошло, продолжил обход.

13

В пятницу и в субботу на улицах было больше людей, по крайней мере, до полуночи или до часу ночи. В основном любовные парочки. После этого могло начаться вторжение «ракет», как их называл шериф Джон: молодые люди в прокачанных машинах или грузовиках, которые бок о бок проносились по пустой центральной улице Дюпре со скоростью шестьдесят-семьдесят миль в час и будили людей ревущими глушителями. Иногда помощники шерифа или патрульные дорожной полиции ловили одного из них и выписывали штраф (или задерживали, если алкотестер показывал 0,9), но даже с четырьмя офицерами на смене, аресты были относительно редким явлением. Большинству удавалось избежать наказания.

Тим отправился повидать Сироту Энни. Он нашёл её сидящей возле палатки и вяжущей носки. Артрит или нет, но её пальцы двигались с молниеносной скоростью.

Он спросил, не хочет ли она заработать двадцать долларов. Энни сказала, что немного денег никогда не помешает, но всё будет зависеть от того, что нужно делать. Он объяснил, и она захихикала.

— С радостью сделаю, мистер Джей. Если добавите сверху пару банок «Виклз».

Энни, чьим девизом, казалось был «Всё или ничего!», сделала для него баннер: тридцать футов в длину и семь в ширину. Тим прикрепил его к стальному валику, который изготовил сам, сварив вместе три куска трубы в мастерской Фромье. Объяснив шерифу Джону, что он хочет сделать, и получив разрешение, Тим и Таг Фарадей подвесили валик на тросе над Y-образным перекрёстком на Мэйн-Стрит; трос закрепили на декоративных фасадах аптеки Оберга с одной стороны, и неработающего кинотеатра с другой.

В пятницу и в субботу вечером, когда закрывались бары, Тим дёргал за шнур, который разворачивал баннер, как штору на окне. С обеих сторон Энни нарисовала старомодные вспышки камер. Надпись на баннере гласила: **СБАВЬ СКОРОСТЬ, ИДИОТ! МЫ ФИКСИРУЕМ ТВОИ НОМЕРА!**

Они, конечно, ничего такого не делали (хотя Тим записывал номера, когда успевал), но баннер Энни, казалось, действительно работал. Не идеально, но что вообще в этой жизни идеально?

В начале июля шериф Джон вызвал Тима к себе в офис. Тим спросил, не натворил ли он что-нибудь.

— Как раз наоборот, — сказал шериф Джон. — Ты отлично справляешься. Этот баннер казался мне глупостью, но должен признать, я был неправ, а ты — прав. Хотя меня никогда особенно не беспокоили эти ночные гонки, да и горожане не жаловались, что мы слишком ленивы, чтобы положить этому конец. Заметь, это те же самые люди, которые из года в год голосуют против увеличения зарплаты сотрудникам

правоохранительных органов. Больше всего меня беспокоит бардак, который нам приходится разгребать, когда один из этих лихачей влетает в дерево или в телефонный столб. Смерть — это плохо, но те, кто уже никогда не станут прежними после одной глупой ночи и крика «ура»... Иногда мне кажется, что это ещё хуже. Но в этом году июнь прошёл спокойно. Даже лучше, чем спокойно. Может, это было лишь исключение из общего правила, но я так не думаю. Всё дело в баннере. Скажи Энни, что она, вероятно, спасла кому-то жизнь, и может спать в одной из наших камер в любую ночь, когда наступят холода.

— Скажу, — ответил Тим. — Если запасётесь «Виклз», она обязательно придёт.

Шериф Джон откинулся назад. Его кресло заскрипело сильнее, чем прежде.

— Когда я сказал, что ты чересчур квалифицирован для этой работы, я и подумать не мог, что настолько. Нам будет не хватать тебя, когда ты уедешь в Нью-Йорк.

— Мне не к спеху, — сказал Тим.

14

Единственным предприятием в городе, который работал круглосуточно, был торговый центр «Зонис Гоу-Март» рядом со складами. В дополнении к пиву, газировке и чипсам, в «Зонис» продавался небрендовый бензин под названием «Зони Джус». Ночью, с полуночи до восьми утра, в торговом центре посменно работали двое порядочных сомалийских братьев, Абсимиль и Гутаале Добира. В жаркую ночь, в середине июля, когда Тим стучал в двери и ставил пометки мелом, направляясь в сторону западного конца Мэйн-Стрит, он

услышал грохот, раздавшийся в районе «Зонис». Не очень громкий, но Тим узнал звук выстрела. Далее последовал крик боли или гнева, и звук разбитого стекла.

Тим бросился бежать, часы стучали по его бедру, рука автоматически нащупывала рукоять пистолета, которого там давно не было. Он увидел машину, припаркованную у заправки, и когда он приблизился к магазину, из него выскочили двое молодых людей, один из них сжимал в руке что-то похожее на деньги. Тим опустился на колени, наблюдая, как они садятся в машину и с рёвом уносятся прочь, поднимая клубы голубого дыма.

Он снял рацию с пояса.

— База, это Тим. Есть там кто, приём?

Ответила Венди Галликсон, её голос звучал сонно и раздражённо.

— Что случилось, Тим?

— Два-одиннадцать в «Зонис». Слышал выстрел.

Это быстро взбудрило её.

— Господи, ограбление? Я сейчас...

— Стой, просто послушай меня. Нарушителей двое, мужского пола, белые, подростки или около двадцати лет. Небольшая машина, возможно, «Шеви Круз», из-за этих огней на заправке я не смог определить цвет, но модель последняя, номера Северной Каролины: WTB-9, остальные три цифры не разглядел. Передай это всем, кто сейчас в патруле и в полицию штата *до того*, как сделаешь что-то ещё!

— Что...

Он отключился, убрал рацию и побежал к «Зонис». Стекло перед кассой было разбито, а кассовый аппарат — открыт. Один из братьев Добира лежал на боку в расплывающейся луже крови. Он задышался, каждый вдох заканчивался свистом. Тим опустился рядом с ним на колени.

— Нужно перевернуть вас на спину, мистер Добира.

— Нет, пожалуйста... больно...

Тим в этом не сомневался, но ему нужно было взглянуть на повреждения. Пуля попала в верхнюю правую часть синей накидки «Зонис» Добира, которая теперь была грязно-фиолетовой от крови. Кровь текла и из его рта, пачкая козлиную бородку. Когда он закашлялся, то забрызгал лицо Тима и очки мелкими капельками.

Тим снова схватил рацию и с облегчением понял, что Галликсон всё ещё была на посту.

— Нужна скорая, Венди. Пусть высылают из Даннинга как можно быстрее. Один из братьев Добира ранен, кажется пуля пробила лёгкое.

Она приняла информацию, затем начала задавать вопрос. Тим снова оборвал связь, бросил рацию на пол и снял с себя футболку. Он приложил её к дыре в груди Доберы.

— Можете поддержать пару секунд, мистер Добира?

— Тяжело... дышать.

— Не сомневаюсь. Держите. Я помогу.

Добира прижал к груди скомканную футболку. Тим не думал, что он долго продержит её, а скорая могла приехать только через двадцать минут. И то — это было бы чудом.

В магазине было полно всяких закусок, но почти ничего из средств первой помощи. Хотя там был вазелин. Тим схватил его, а с соседней полки коробку «Хаггис», которую разорвал, пока бежал обратно к пострадавшему. Он убрал футболку, насквозь пропитанную кровью, осторожно сдвинул такую же кровавую накидку, и начал расстёгивать рубашку Доберы.

— Нет, нет, нет, — застонал Добира. — Больно, не трогайте, пожалуйста.

— Но я должен. — Тим услышал звук приближающейся машины. В осколках стекла заискрились и заплясали синие огни «дискотеки»^[17]. Но он даже не обернулся.

— Держитесь, мистер Добира.

Он подцепил пальцем вазелин из банки и поместил его в рану. Добира взревел от боли, затем взглянул на Тима шальными глазами:

— Могу дышать... чуть лучше.

— Это временная «заплата», но если дышать стало легче, значит коллапса лёгкого не случилось. — По крайней мере, полного, подумал Тим.

Появился шериф Джон и встал на колени рядом с Тимом. На нём была безразмерная пижамная рубашка поверх форменных брюк, а волосы торчали во все стороны.

— Быстро добрались, — сказал Тим.

— Я не спал. Не мог заснуть и делал себе сэндвич, когда позвонила Венди. Сэр, вы Гутаале или Абсимиль?

— Абсимиль, сэр. — Его дыхание всё ещё было свистящим, но в голосе прибавилось сил. Тим взял один из одноразовых подгузников и приложил его к ране.

— Ох как больно.

— Сквозное или пуля ещё там? — спросил шериф Джон.

— Не знаю, и не хочу снова переворачивать его, чтобы выяснить. Он относительно стабилен, так что нам остаётся только ждать скорую.

Затрещала рация Тима. Шериф Джон осторожно поднял её из груды битого стекла. Это была Венди.

— Тим? Билл Уиклоу засёк этих парней на Дип-Медоу-Рoad и начал преследование.

— Это Джон, Венди. Скажи Биллу, чтобы был осторожен. Они могут быть вооружены.

— Они задержаны. — Может до этого ей и хотелось спать, но сон как рукой сняло и голос Венди звучал бодро. — Они попытались скрыться и разбили машину. У одного сломана рука, другой пристёгнут наручниками к решётке на машине Билла. Полиция штата уже в пути. Скажите Тиму, что он был прав насчёт «Круза». Как там Добира?

— С ним всё будет в порядке, — ответил шериф Джон. Тим не до конца был в этом уверен, но понял, что эти слова были сказаны не только помощнику Галликсон, но и раненому мужчине.

— Я отдал им деньги из кассы, — сказал Добира. — Так нас учили. — Казалось, ему было стыдно. *Очень* стыдно.

— Вы поступили правильно, — сказал Тим.

— Тот, с пистолетом, всё равно выстрелил в меня. А другой прошёл за прилавок взять... — Он опять закашлял.

— Тише, тише, — сказал шериф Джон.

— Взять лотерейные билеты, — сказал Абсимиль Добира. — Которые нужно тереть. Их нужно вернуть. Неиспользованные всё ещё являются собственностью... — Он слабо кашлянул. — Штата Южная Каролина.

Шериф Джон сказал:

— Успокойтесь, мистер Добира. Не переживайте из-за этих проклятых бумажек, сохраняйте силы.

Мистер Добира закрыл глаза.

15

На следующий день, когда Тим обедал на крыльце железнодорожного депо, к нему на личной машине подъехал шериф Джон. Он поднялся по ступенькам и посмотрел на провисшее сиденье другого стула.

— Выдержит меня?

— Есть только один способ узнать, — ответил Тим.

Шериф Джон осторожно сел.

— В больнице говорят, с Добирой всё будет в порядке. С ним его брат Гутаале, и он говорит, что видел раньше этих двух ублюдков. Пару раз.

— Выясняли обстановку, — сказал Тим.

— Несомненно. Я послал Тага Фарадея взять показания у обоих братьев. Лучше Тага у меня никого нет, но, думаю, ты и так знаешь.

— Гибсон и Баркетт не так плохи.

Шериф Джон вздохнул.

— Не плохи, но никто из них не смог бы действовать так же быстро и решительно, как ты прошлой ночью. А бедолага Венди, наверное, просто стояла бы и таращила глаза, пока не упала бы в обморок.

— Зато она хороший диспетчер, — сказал Тим. — Создана для этой работы.

— Ага-ага, и отличный секретарь; в прошлом году реорганизовала все наши файлы и записала всё на флэшки, но на улице почти блин бесполезна. Хотя ей нравится быть в команде. А тебе хотелось бы стать частью команды, Тим?

— Не думаю, что вы сможете позволить себе ещё одного копа. Или вам всем сразу повысили зарплату?

— Если бы. Но Билл Уиклоу сдаёт значок в конце года. Я подумал, может, вы смогли бы поменяться местами. Он будет ходить и стучать, а ты оденешь форму и снова будешь носить оружие. Я спрашивал Билла, он говорит, что не против побыть какое-то время ночным стучащим.

— Мне нужно подумать над этим.

— Ради Бога. — Шериф Джон поднялся со стула. — До конца года ещё целых пять месяцев. Но мы были бы тебе рады.

— Даже помощник Галликсон?

Шериф Джон усмехнулся.

— Венди трудно расположить к себе, но прошлой ночью ты прошёл по этой дорожке до конца.

— Правда? А если я приглашу её на ужин, что она мне ответит?

— Думаю, скажет «да», если ты не собираешься вести её в «Бевс». Такая красивая девушка, по меньшей мере, будет рассчитывать на вечер в Даннинге, или в этом мексиканском местечке в Хардивилле.

— Спасибо за совет.

— На здоровье. Но ты подумай насчёт работы.

— Обязательно.

И подумал. И продолжал думать, когда жаркой ночью в конце того лета разразился настоящий ад.

Умный мальчик

1

Одним прекрасным утром в апреле того года, в Миннеаполисе — за несколько месяцев до приезда Тима Джеймисона в Дюпре — Герберт и Эйлин Эллисы пришли в кабинет Джима Грира, одного из трёх штатных психологов Школы Бродерика для одарённых детей.

— У Люка неприятности? — спросила Эйлин, когда они сели. — Если да, то он ни слова об этом не сказал.

— Вовсе нет, — сказал Грир. Ему было за тридцать, с редяющими каштановыми волосами и участвующим выражением лица. На нём была спортивная рубашка с расстёгнутым воротом и отглаженные джинсы. — Вы ведь знаете, как здесь всё работает? Как всё должно работать, учитывая умственные способности наших студентов? Они разделяются, но *не* по классам. Это фактически невозможно. У нас есть десятилетние дети с лёгкой формой аутизма, которые решают математические задачи старших классов, но всё ещё читают на уровне третьеклассников. У нас есть дети, которые знают по четыре языка, но испытывают трудности при умножении дробей. Мы преподаём им все необходимые предметы и содержим девяносто процентов из них — приходится, потому что они поступают к нам со всех концов Соединённых Штатов, и дюжина или около того из-за рубежа, — но внимание мы фокусируем на их особых талантах, какими бы они не были. Поэтому традиционная система, в которой дети постепенно развиваются от детского сада до двенадцатого класса, практически бесполезна для нас.

— Мы это понимаем, — сказал Герб, — и мы знаем, что Люк — умный мальчик. Поэтому он здесь. — Но он не добавил (о чём Грир, определённо, знал), что они никогда не могли позволить себе астрономическую плату за учёбу. Герб работал бригадиром на заводе по производству коробок; Эйлин была учителем в начальной школе. Люк был одним из немногих приходящих учеников в Броде, и одним из немногих стипендиатов.

— Умный? Не совсем.

Грир бросил взгляд на раскрытую папку, лежавшую на его безупречно чистом столе, и у Эйлин внезапно возникло предчувствие: либо их сына исключат, либо лишат стипендии, — что повлечёт за собой исключение. Плата за обучение в Броде составляла плюс-минус сорок тысяч долларов в год — примерно, как в Гарварде. Должно быть, Грир собирался сказать им, что всё это было ошибкой, что Люк не был настолько одарённым, насколько они все считали. Он был обычным ребёнком, который просто читал книги не по возрасту и, казалось, всё запоминал наизусть. Эйлин где-то читала, что эйдетическая память не так уж редко встречается у маленьких детей; почти феноменальной памятью обладает от десяти до пятнадцати процентов всех детей. Загвоздка в том, что этот талант обычно пропадает по достижении ребёнком подросткового возраста, и Люк как раз приближался к этому рубежу.

Грир улыбнулся.

— Позвольте сказать прямо. Мы гордимся тем, что обучаем одарённых детей, но у нас в Бродерике никогда не было такого ученика, как Люк. Один из наших заслуженных учителей — мистер Флинт, которому сейчас за восемьдесят — взял на себя смелость дать Люку книгу по истории Балкан, довольно сложную, но хорошо описывающую текущую

геополитическую ситуацию. Во всяком случае, так говорит Флинт. Через неделю он пришёл ко мне и сказал, что чувствует себя рядом с вашим сыном, как еврейские старейшины, когда Иисус не только учил их, но и укорял, говоря, что не то, что входит в их уста, оскверняет их, а то, что выходит из них.

— Я в замешательстве, — сказал Герб.

— Как и Билли Флинт. Вот, в чём дело.

Грир подался вперёд.

— Послушайте: Люк за одну неделю освоил два семестра чрезвычайно сложной аспирантуры, и сделал множество выводов, которые Флинт намеревался сделать, как только будет заложен надлежащий исторический фундамент. Некоторые из этих выводов Люк весьма убедительно аргументировал, сказав, что «они скорее основываются на мудрости, чем на свежих мыслях». Хотя Флинт добавил, что он сделал это очень учтиво. Почти извиняясь.

— Не знаю, как реагировать на это, — сказал Герб. — Люк не очень любит рассказывать о своей учёбе. Говорит, мы не поймём.

— Что в общем-то так и есть, — сказала Эйлин. — Когда-то я проходила биномиальную теорему, но это было очень давно.

Герб сказал:

— Когда Люк дома, он такой же, как любой другой ребёнок. Сделав уроки и работу по дому, он включает «Икс-бокс» или играет в баскетбол со своим другом Рольфом. Он всё ещё смотрит «Губка Боб Квадратные Штаны». — Он задумался, потом добавил: — Хотя обычно с книгой на коленях.

Да, подумала Эйлин. Недавно это была «Основы социологии». А до того — Уильям Джеймс. А до того — большая книга АА^[18] и полное собрание сочинений Кормака Маккарти. Он читал подобно тому, как коровы

пасутся в свободном выгуле, двигаясь туда, где трава зеленее. И её муж предпочитал игнорировать это, потому что это пугало его. Впрочем, как и её. Вероятно, поэтому она ничего не знала о книге по истории Балкан. Он не говорил, потому что она не спрашивала.

— У нас здесь есть вундеркинды, — сказал Грир. — Вообще, я бы назвал вундеркиндами более половины учеников Бродерика. Но у них есть ограничения. Люк — другой, потому что он *многогранен*. Хорош не в чём-то одном, а во многом. Не думаю, что он когда-нибудь будет профессионально заниматься бейсболом или баскетболом...

— Если пойдёт в меня, то ему не хватит роста для баскетбола, — сказал с улыбкой Герб. — Если только он не новый Спад Уэбб^[19].

— Перестань, — сказала Эйлин.

— Но он играет с энтузиазмом, — продолжи Грир. — Ему это нравится, и он не считает это пустой тратой времени. На площадке рохлей его не назовёшь. Он прекрасно ладит со своими товарищами. Он не замкнутый и эмоционально уравновешенный. Люк — образцовый и вполне замечательный американский мальчик, который носит футболки с рок-группами и кепку козырьком назад. Возможно, в обычной школе он не был бы таким замечательным — ежедневная тягомотина могла бы свести его с ума, — но даже там, думаю, у него всё было бы в порядке; он просто продолжал бы учиться самостоятельно. — Грир тут же добавил: — Но, разумеется, не стоит выяснять это на практике.

— Нет. Нам нравится, что он здесь, — сказала Эйлин. — Очень. И мы знаем, что он хороший мальчик. Мы безумно его любим.

— И он вас любит. Я несколько раз беседовал с Люком, и он ясно дал это понять. Такие удивительные

дети встречаются крайне редко. А такие зрелые и обстоятельные, которые видят внешний мир так же хорошо, как и собственный внутренний, — ещё реже.

— Если всё в порядке, то почему мы здесь? — спросил Герб. — Нет, я вовсе не против похвал в адрес моего сына, не поймите меня неправильно. И кстати, я всё ещё могу сделать его, хотя у него неплохой бросок крюком^[20].

Грир откинулся на спинку своего кресла. Его улыбка исчезла.

— Вы здесь, потому что мы подходим к концу того, что мы можем предложить Люку, и он это понимает. Он выразил довольно своеобразные пожелания относительно учёбы. Он хотел бы получить специальность инженера в Массачусетском технологическом институте в Кембридже, и диплом по английскому языку и литературе в Эмерсоне, что через реку, в Бостоне.

— Что? — спросила Эйлин. — *Одновременно?*

— Да.

— А как же АОТ^[21]? — Это всё, о чём Эйлин смогла подумать.

— Он сдаст его в следующем месяце, в мае. В Норт-Комьюнити-Хай. И, будьте уверены, сдаст на отлично.

Нужно будет собрать ему обед, подумала она. Она слышала, что в столовой Норт-Ком ужасная еда.

После пары секунд замешательства Герб сказал:

— Мистер Грир, но нашему мальчику *двенадцать* лет. Исполнилось двенадцать только в прошлом месяце. Может, у него и есть интерес к Сербии, но в ближайшие три года он не сможет даже отрастить усы. Вы... это...

— Я понимаю, что вы чувствуете, и мы не стали бы заводить этот разговор, если бы мои коллеги в руководстве и остальные преподаватели не верили, что он способен академически, социально и эмоционально

заниматься подобной работой. И сразу в *обоих* кампусах.

— Я не собираюсь посылать двенадцатилетнего ребёнка на другой конец страны, — сказала Эйлин, — где он будет жить среди студентов, которым уже можно пить и ходить по клубам. Если бы там были родственники, с которыми он мог бы остаться, тогда другое дело, но...

Грир кивал вместе с ней.

— Я понимаю, не могу не согласиться, и Люк знает, что не готов жить сам по себе, даже в контролируемой среде. Всё это он прекрасно понимает. Тем не мене, его не радует и разочаровывает текущая ситуация, потому что он голоден до знаний. Фактически, жаждет их. Я не знаю, что за невероятное устройство находится в его голове — никто из нас не знает, и, возможно, старик Флинт дал наиболее точное описание, когда говорил об Иисусе и старейшинах, — но, когда я пытаюсь представить, я думаю об огромном сверкающем механизме, который загружен всего на два процента от своей производительности.

— Не радует и разочаровывает? — сказал Герб. — Хм. Мы не замечали ничего такого.

«Я замечала, — подумала Эйлин. — Не всегда, но иногда. Когда бряцали тарелки или двери закрывались сами собой».

Она представила этот огромный сверкающий механизм, такой большой, что он мог бы разместиться в трёх или четырёх ангарах, и работающий или делающий что именно? Всего лишь бумажные стаканчики или алюминиевые подносы для фастфудов. Они должны дать ему больше, но стоит ли?

— А что насчёт Университета Миннесоты? — спросила она. — Или Конкордии в Сент-Поле? Если он будет учиться в одном из этих заведений, то сможет остаться дома.

Грир вздохнул.

— Это всё равно, что забрать Люка из Бродерика и отдать в обычную школу. Мы говорим о мальчике, в отношении которого тест IQ бесполезен. Он знает, где хочет учиться. И знает, что ему нужно.

— Я не представляю, что мы можем сделать, — сказал Эйлин. — Он может поступить туда, но мы *работаем* здесь. И мы далеко не богачи.

— Что ж, давайте всё обсудим, — сказал Грир.

2

Когда Герб и Эйлин позже вернулись в школу в тот день, Люк крутился возле парковочной полосы^[22] с четырьмя другими детьми: двумя мальчиками, и двумя девочками. Они смеялись и о чём-то оживлённо болтали. Эйлин они казались обычными: девочки были в юбках и чулках, их груди только начали округляться, а Люк и его друг Рольф в мешковатых штанах — дань моде всех подростков в этом году — и футболках. На футболке Рольфа было написано: ПИВО — ДЛЯ СОСУНКОВ. У него была виолончель в мягком чехле, и он кружился вокруг неё, будто в танце.

Люк увидел своих родителей, дал пять Рольфу, затем схватил свой рюкзак и нырнул на заднее сиденье «Фораннера» Эйлин.

— Оба тут, — сказал он. — Интересно. Чем обязан такой небывалой чести?

— Ты правда хочешь учиться в Бостоне? — спросил Герб.

Люк не растерялся; он засмеялся и вскинул обе руки в воздух.

— Да. А можно?

Будто он спросил, можно ли ему остаться ночевать у Рольфа, удивилась Эйлин. Она вспомнила, каким словом Грир описал их сына. Он назвал его *многогранным*, и это было идеальное попадание. Люк был гением, который каким-то образом не был испорчен своим собственным необъятным интеллектом; он без всяких зазрений совести мог запрыгнуть на скейтборд и скатиться вниз по крутому тротуару, подвергая опасности свой бесценный мозг.

— Давайте устроим ужин пораньше и поговорим об этом, — сказала она.

— «Рокет Пицца»! — воскликнул Люк. — Согласны? Пап, ты ведь взял свой «Прилосек»?

— О, после сегодняшней встречи, он всегда при мне.

3

Они взяли большую пепперони и Люк умял половину в одиночку, вместе с тремя стаканами колы; его родители могли только удивляться пищеварительной системе и мочевому пузырю их ребёнка, а также его уму. Люк объяснил, что сначала ему нужно было поговорить с мистером Гриром, потому что «я не хотел, чтобы вы волновались. Это была ваша первая беседа».

— Хотел запустить пробный шар, — сказал Герб.

— Ага. Или закинуть удочку. Или прощупать почву. Или запустить щупальца. Или...

— Хватит. Он объяснил, что мы могли бы поехать с тобой.

— Вы должны, — серьёзно сказал Люк. — Я ещё мал, чтобы жить без моих глубоко почитаемых и уважаемых маменьки и папеньки. А ещё... — Он посмотрел на них поверх остатков пиццы. — Я не смогу учиться. Буду очень скучать по вам.

Эйлин велела себе не плакать, но, разумеется, не удержалась. Герб протянул ей салфетку. Она сказала:

— Мистер Грир... э... если можно так сказать, изложил план... в котором мы могли бы... в общем...

— Эй, кто хочет последний кусок? — спросил Люк.

— Доедай, — сказал Герб. — Только не лопни, а то не сможешь осуществить свою безумную затею о поступлении.

— *Mynage a college*^[23], — сказа Люк и засмеялся. — Он ведь говорил вам о богатых выпускниках?

Эйлин опустила салфетку.

— Господи, Люки, ты обсуждал финансовые возможности своих родителей со школьным психологом? Кто тут из нас взрослый? Я уже начинаю чувствовать себя неловко.

— Успокойся, *tamacita*^[24], это имело смысл. Хотя сначала я подумал о спонсировании. У Бродерика много денег, и они могли бы оплатить переезд без ущерба для своих кошельков, но попечители никогда не согласятся, хотя это было бы логично.

— Логично? — спросил Герб.

— О, да. — Люк энергично прожевал кусок пиццы, проглотил и запил колой. — Я — капиталовложение. Инвестиции с хорошим потенциалом для роста. Вкладываешь цент, получаешь доллар. На том и стоит Америка, разве не так? Попечители без проблем могут заглянуть в будущее, но они не могут преодолеть свой когнитивный барьер.

— Когнитивный барьер, — повторил его отец.

— Ну да. Барьер, возведённый в результате наследственной диалектики. Возможно, даже родовой, хотя это как-то смешно звучит в отношении попечителей. Они говорят: «Если мы сделаем это для одного, то придётся сделать и для других детей». Вот он — барьер. Наследуемый сверху.

— Традиционные представления, — сказала Эйлин.

— В точку, мам. Попечители готовы пойти на встречу богатым выпускникам, тем, кто ворочает *mucho*^[25] деньгами за пределами барьера, но продолжают любить и помнить старый добрый Бродерик. Мистер Грир будет связующим звеном. По крайней мере, я надеюсь на это. Суть в том, что они помогают мне сейчас, а я им потом, когда стану богатым и знаменитым. Хотя меня не особенно волнует ни то, ни другое — я представитель среднего класса до мозга костей, но деньги так или иначе будут, как побочный продукт. Разумеется, если я не заболею жуткой болезнью или не погибну в результате террористической атаки, или ещё что-нибудь.

— Не говори таких ужасных вещей, — сказал Эйлин и перекрестилась над столом.

— Это предрассудки, мам, — снисходительно сказал Люк.

— И всё же. И вытри рот. Выглядит так, будто у тебя кровоточат дёсны.

Люк вытер рот.

Герб сказал:

— По словам мистера Грира, некоторые заинтересованные стороны действительно могли бы спонсировать переезд, и спонсировать *нас* целых шестнадцать месяцев.

— А он сказал, что те же самые люди могут помочь найти новую работу? — Глаза Люка заискрились. — Получше? Потому что один из выпускников школы — Дуглас Финкель. Он, так уж случилось, владелец «Американ Пэйпер Продактс», что близко к твоему тёпленькому местечку. Твоей зоне комфорта. Когда дойдёт до дела...

— Имя Финкеля действительно упоминалось, — сказал Герб. — Гипотетически.

— А ещё... — Люк повернулся к матери, его глаза блеснули. — В Бостоне сейчас большой спрос на учителей. Средняя стартовая зарплата для людей с таким опытом, как у тебя, — шестьдесят пять тысяч.

— Сын, откуда ты это знаешь? — спросил Герб.

Люк пожал плечами.

— Начал с «Википедии». Затем прошёлся по ссылкам. Это мой основной способ поддерживать связь с окружающей средой. Моя среда — Школа Бродерика. Я знаю всех попечителей, но нужно было узнать о выпускниках.

Эйлин потянулась через стол, взяла из рук сына то, что осталось от пиццы, и положила на жестяной поднос с небольшими откусками корочки.

— Люки, даже если это случится, разве ты не будешь скучать по друзьям?

Его лицо омрачилось.

Да. Особенно по Рольфу. И по Майе. Хотя официально мы не можем приглашать девочек на весенние танцы, неофициально она моя подруга. Так что — да. *Но*.

Они ждали. Их сын, всегда общительный и часто многословный, теперь вёл какую-то внутреннюю борьбу. Он начинал говорить, останавливался, снова начинал и снова останавливался.

— Я не знаю, как это описать. Не знаю, *смогу* ли.

— Попробуй, — сказал Герб. — В будущем у нас будет ещё много важных разговоров, но этот — самый важный. Так что, попробуй.

В передней части ресторана появился Ракета Ричи и принялся танцевать под Mambo Number 5. Эйлин наблюдала, как фигура в серебряном космо-костюме начала подзывать посетителей жестом руки в перчатке. Несколько маленьких детей присоединились к ней, танцуя под музыку и смеясь, в то время как их родители смотрели, щёлкали фотографии и аплодировали. Не так

давно — коротких пять лет назад — Люки был одним из таких детей. Теперь они говорили о невозможных переменях. Она не понимала, как такой ребёнок, как Люк, мог родиться у такой пары, как они, у обычных людей с обычными стремлениями и ожиданиями; порой, ей хотелось другого. Иногда она сильно ненавидела роль, в которую они были поставлены, но она никогда не испытывала ненависти к Люки, и никогда не будет. Он был её мальчиком, единственным и неповторимым.

— Люк? — сказал Герб очень тихим голосом. — Сынок?

— Это просто следующий шаг, — сказал Люк. Он поднял голову и посмотрел прямо на родителей, его глаза светились таким блеском, который они редко видели. Он скрывал от них этот блеск, потому что он знал, что он пугает их так, как не могут напугать пара дребезжащих тарелок. — Разве вы не понимаете? *Это следующий шаг.* Я хочу поехать туда... и учиться... и затем двинуться дальше. Эти заведения, как Брод. Не цель, а только ступеньки к цели.

— К какой цели, милый? — спросила Эйлин.

— *Не знаю.* Я так много хочу узнать и понять. У меня эта штуковина в голове... она разрастается... и иногда это приятно, но в основном — нет. Иногда я чувствую себя таким ничтожным... таким чертовски глупым.

— Нет, милый. Глупым тебя точно не назовёшь. — Она дотронулась до его руки, но он убрал её, мотая головой. На столе задрожал жестяной поднос для пиццы. На нём запрыгали огрызки от корочки.

— Это бездна, ясно? Иногда она мне снится. Она бесконечна и полна неизвестных существ. Хотя я не понимаю, как бездна может быть полна — это оксиморон, — но так оно и есть. От этого я чувствую себя ничтожным и глупым. Но над ней есть мост, и я хочу зайти на него. Хочу встать в центре и вскинуть руки...

Они заворуженно и немного испуганно наблюдали, как Люк поднял руки к своему узкому, напряжённому лицу. Поднос для пиццы теперь не просто дрожал, а дребезжал. Как иногда тарелки в шкафах.

— ... и все эти существа в темноте взмоют вверх. *Я знаю.*

Поднос покотился по столу и упал на пол. Герб и Эйлин едва обратили на это внимание. Так случилось, когда Люк был взволнован. Не часто, но иногда. Они привыкли к этому.

— Я понимаю, — сказал Герб.

— Брехня, — сказал Эйлин. — Мы оба не понимаем. Но тебе стоит готовиться, собрать документы. Сдать АОТ. И сделав это, ты всё равно можешь передумать. Но если не передумаешь, если останешься верен себе... — Она посмотрела на Герба, который кивнул. — Мы попробуем всё устроить.

Люк улыбнулся, затем поднял поднос, взглянув на Ракету Ричи.

— Я любил танцевать с ним, когда был маленьким.

— Да, — сказала Эйлин. Ей снова понадобилась салфетка. — Это уж точно.

— Ты ведь знаешь, что говорят о бездне? — спросил Герб.

Люк помотал головой — либо это высказывание было настолько редким, что он не знал о нём, либо не хотел портить эффект.

— Когда ты смотришь в бездну, бездна в ответ смотрит на тебя.

— Уверен, — сказал Люк. — Эй, может, закажем десерт?

АОТ тест, включая сочинение, длился четыре часа, но в середине был небольшой перерыв. Люк сидел на скамейке в школьном вестибюле, жевал сандвичи, которые приготовила его мать, и думал о книге. Он принёс с собой «Голый завтрак»^[26], но один из наблюдателей забрал её (вместе с телефоном, как и у всех остальных), сказав, что потом всё вернёт. Он также перелистал все страницы на предмет «грязных» картинок или шпаргалок.

Пока он жевал «Снэкималс», он обратил внимание на нескольких других абитуриентов, которые стояли вокруг него. Большие парни и девушки, ученики старших классов.

— Парень, — спросил один из них, — ты-то что тут делаешь?

— Прохожу тест, — ответил Люк. — Как и вы.

Они задумались. Одна из девушек сказала:

— Ты — вундеркинд? Как в кино?

— Нет, — ответил с улыбкой Люк, — просто на той неделе мне на голову упал кирпич.

Они рассмеялись, что было хорошим знаком. Один из парней протянул ладонь и Люк дал ему пять.

— Куда собираешься? В какой институт?

— В МТИ, если возьмут, — сказал Люк, что было не всей правдой; его уже предварительно зачислили в оба института на выбор при условии, что он пройдёт тест — не такая уж сложная задача; пока что тест шёл на ура. А пугали только окружающие его дети. Осенью он будет ходить с такими же на занятия — намного старше, в два раза крупнее, и конечно, все они будут глазеть на него. Он обсуждал это с мистером Гриром, сказав, что, вероятно, будет казаться им чудиком.

— Важно, что ты будешь *чувствовать*, — сказал мистер Грир. — Старайся не забывать об этом. И если

нужно будет поговорить с кем-то — о своих чувствах, — то всё в твоих руках. Ты всегда можешь написать мне.

Одна из девушек — красивая и рыжеволосая — спросила, решил ли он математический вопрос об отеле.

— Об Аароне? — спросил Люк. — Да, конечно.

— И что ты написал? Помнишь ответ?

В задаче спрашивалось: сколько парень по имени Аарон должен заплатить за x ночей в номере отеля, если там брали 99,95 долларов за ночь, плюс 8 % налога, плюс 5 баксов единовременного сбора. Конечно, Люк помнил, потому что это была каверзная задача. Ответом было не число, а уравнение.

— Это «В». Смотри. — Он достал ручку и написал на своём пакете из-под обеда: $1,08(99,95x) + 5$.

— Ты уверен? — спросила она. — Я выбрала «А». — Она наклонилась, взяла у Люка пакет — он уловил приятный запах сирени от её духов — и написала: $(99,95 + 0,08x) + 5$.

— Замечательное уравнение, — сказал Люк, — но именно так люди, составляющие эти тесты, обводят тебя вокруг пальца. — Он постучал по её уравнению. — У тебя здесь только одна ночь. А ещё не учтён налог.

Она тяжело вздохнула.

— Не беда, — сказал Люк. — Скорее всего, всё остальное ты выбрала правильно.

— Может, это ты ошибся, а не она, — сказал один из парней. Тот, который дал Люку пять.

Она покачала головой.

— Он прав. Я забыла вычислить блядский налог. Я — дура.

Люк смотрел, как она уходит, опустив голову. Один из парней пошёл следом за ней и приобнял за талию. Люк почувствовал укол зависти.

Другой парень, долговязый, в дизайнерских очках, сел рядом с Люком.

— Каково это? — спросил он. — В смысле, быть тобой?

Люк задумался.

— Иногда странно, — сказал он. — Но жить можно.

Один из смотрящих выглянул наружу и позвонил в колокольчик.

— Пора, ребята.

Люк встал с некоторым облегчением и бросил пакет в мусорную корзину возле двери в спортзал. Он ещё раз взглянул на красивую рыжевласку, и когда зашёл обратно, корзина качнулась, сдвинувшись на три дюйма в лево.

5

Вторая половина теста была такой же лёгкой, как и первая, и ему казалось, что он отлично справился с сочинением, уложившись в отведённый объём. Когда он вышел из школы, он увидел красивую рыжеволосую девушку, которая сидела на скамейке одна и плакала. Люку стало интересно, прошла ли она тест, и если да, то насколько плохо: просто не попала в первый набор или ей теперь дорога в местный колледж. Он задумался, каково это иметь ум, которые не знает всех ответов. Он подумал, не подойти ли к ней, чтобы попытаться успокоить. Ему было интересно примет ли она утешения ребёнка, который был умнее её. Она, вероятно, скажет, чтобы он проваливал. А ещё он подумал о том, как двигалась корзина, — это было жутко. Он пришёл к выводу (в виде откровения), что жизнь была одним длинным тестом АОТ, но вместо четырёх или пяти вариантов ответов, их многие десятки. Включая такую хрень, как: «какое-то время» или «может быть, а может и нет».

Ему помахала мама. Он помахал ей в ответ и побежал к машине. Когда он оказался внутри, она спросила, как успехи.

— Сдал, — сказал Люк. Он радостно улыбнулся ей, не переставая думать о рыжеволосой девушке. Слезы — всегда плохо, но то, как она склонила голову, когда он указал на её ошибку — как бутон в засушливое время года — было ещё хуже.

Он велел себе не думать об этом, но, естественно, думал. *«Попробуйте задать себе задачу: не вспоминать о белом медведе, — однажды сказал Фёдор Достоевский, — и увидите, что он, проклятый, будет поминутно припоминаться».*

— Мам?

— Что?

— Как думаешь, память это — благословение или проклятие?

Ей не нужно было долго думать; Бог свидетель, ей было что вспомнить.

— Всё вместе.

6

В два часа ночи, в июне, когда Тим Джеймисон шагал вверх по Мэйн-Стрит, чёрный джип свернул на Уайлдерсмут-Драйв в одном из пригородов на севере Миннеаполиса. Это было какое-то чокнутое название для улицы; Люк и Рольф называли её Уайлдерсмуч-Драйв, потому что от этого название становилось ещё более чокнутым, и потому что они оба крайне хотели пообжиматься с девочками.

В джипе находились мужчина и две женщины. Его звали Денни; их — Мишель и Робин. Денни сидел за рулём. На полпути по тихой извилистой улице он

погасил фары, подъехал к обочине и заглушил двигатель.

— Ты уверена, что этот не ТП? Потому что я не захватил с собой шапку из фольги.

— Ха-ха, — холодно произнесла Робин. Она сидела на заднем сиденье.

— Он обычный ТК, — сказала Мишель. — Не трясись. Давайте уже приступим к делу.

Денни открыл бардачок между сиденьями и достал из него мобильный телефон, который выглядел, будто прямиком из девяностых: угловатый «кирпич» с короткой толстой антенной. Он протянул его Мишель. Пока она набирала номер, он достал из скрытого нижнего отсека бардачка тонкие латексные перчатки, два «Глока-37», и аэрозольный баллончик, судя по этикетке, с освежителем воздуха «Глэйд». Один пистолет он протянул Робин, второй оставил себе, а «Глэйд» подал Мишель.

— Начинаем, банда, начинаем, — пропел он, натягивая перчатки. — Руби Ред, Руби Ред — один ответ.

— Завязывай с этим школярским дерьмом, — сказала Мишель. Затем в телефон, прижав его к плечу, чтобы можно было надеть перчатки: — Саймондс, приём?

— Приём, — ответил Саймондс.

— Это «Руби Ред». Мы на месте. Отключи систему.

Она ждала, слушая Джерри Саймондса на другом конце линии. В доме Эллисов, где спали Люк и его родители, в прихожей отключились панели сигнализации «ДеУолт» и кухня погрузилась во тьму. Мишель получила добро и показала напарникам большой палец.

— Готово.

Робин перекинула через плечо котомку, которая была похожа на небольшую женскую сумку. Когда они вышли из джипа с номерами дорожной полиции

Миннесоты, свет в салоне не включился. Они гуськом прошли между домом Эллисов и соседним домом Дестинов (где спал Рольф, которому, возможно, снилось, как он с кем-то обжимается), и через кухню вошли внутрь — Робин первой, потому что у неё ключ был.

Они остановились у плиты. Из сумки Робин достала два компактных глушителя и три пары специальных очков на эластичных ремешках. В очках они были похожи на насекомых, но зато в них тёмная комната стала светлой. Денни и Робин прикрутили глушители. Мишель прошла через гостиную в прихожую и затем на лестницу.

Они медленно, но уверенно продвигались по верхнему коридору; там была ковровая дорожка, которая заглушала их шаги. Денни и Робин остановились перед первой закрытой дверью. Мишель прошла до второй. Она посмотрела на своих напарников и сунула аэрозоль под мышку, чтобы освободить руки, которые подняла, растопылив пальцы: *дайте мне десять секунд*. Робин кивнула и в ответ подняла большой палец.

Мишель открыла дверь и вошла в спальню Люка. Петли слабо закрипели. Фигура на кровати (видно было только прядь волос) шевельнулась, затем замерла. В два часа ночи ребёнок должен был спать как убитый, но это явно было не так. Может, гениальные дети спят не так, как обычные, кто знает? Уж точно не Мишель Робертсон. На стенах было два плаката, оба хорошо видны в очках, как при свете дня. На одном был изображён скейтбордист в полёте: колени согнуты, руки вытянуты, запястья подняты. На другом были Ramones, панк-группа, которую Мишель слушала ещё в средней школе. Она подумала, что теперь все они

мертвы — отправились на небесный пляж Рокуэй-Бич^[27].

Она прошла через комнату, как обычно мысленно отсчитывая время: четыре... пять...

На «шесть» она ударилась бедром о стол ребёнка. На нём стоял какой-то кубок, который упал. Звук падения был негромкий, но мальчик повернулся на спину и открыл глаза.

— Мам?

— Конечно, — ответила Мишель. — Как скажешь.

Она увидела тревогу в глазах мальчика, увидела, как он открыл рот, собираясь сказать что-то ещё. Она замерла и нажала на клапан аэрозольного баллончика в двух дюймах от его лица. Он отключился, как лампочка. Так случалось всегда, и не было никаких последствий, когда они просыпались через шесть или восемь часов. Всё благодаря достижениям химии, подумала Мишель, и продолжила отсчёт: семь... восемь... девять.

На «десять» Денни и Робин вошли в комнату Герба и Эйлин. Их ожидал трудность: женщина была не в постели. Дверь в ванную была открыта, отбрасывая на пол перекошенный прямоугольник света — слишком яркий для очков. Они сняли их и бросили. Пол в комнате был из полированного твёрдого дерева и двойной стук был отчётливо слышен в тишине.

— Герб? — послышалось откуда-то из ванной. — Ты опрокинул свой стакан с водой?

Робин подошла к кровати, вытаскивая из-за спины «Глок», а Денни направился к двери ванной, не пытаясь приглушить шаги — в этом уже не было никакой необходимости, — и встал перед ней, подняв вверх пистолет.

На подушке женщины всё ещё был виден отпечаток головы. Робин положила её на лицо мужчины и выстрелила. «Глок» издал тихий кашляющий звук, и

выплюнул из газоотводных отверстий немного сажи на подушку.

Эйлин вышла из ванной с озабоченным видом: «Герб? С тобой всё в...»

Она увидела Денни, он схватил её за горло, приставил «Глок» к её виску и нажал на спусковой крючок. Раздался ещё один тихий кашляющий звук. Женщина рухнула на пол.

А в это время ноги Герба Эллиса беспорядочно дёргались, от чего одеяло, под которым они спали с покойной женой, вздувалось и подпрыгивало. Робин ещё раз выстрелила через подушку; второй выстрел был похож на лай, вместо кашля, а третий был ещё громче.

Денни убрал подушку.

— Кто-то слишком часто смотрел «Крёстного отца»? Господи, Робин, ты снесла ему полбашки. Как теперь прикажешь выкручиваться похоронщику?

— Главное, что дело сделано. — На самом деле ей неприятно было смотреть на них во время стрельбы; когда из них улетала жизнь.

— Блин, включи мозги. Третий выстрел был громким.

Они подобрали очки и прошли в комнату мальчика. Денни взял его на руки, что было не сложно — он весил не больше девяноста фунтов^[28], и дал женщинам сигнал подбородком: *на выход*. Они ушли так же, как и пришли: через кухню. Свет в соседнем доме не горел (третий выстрел был *не настолько* громким), и всё было тихо, за исключением стрекота сверчков и далёкой сирены, возможно, где-то в Сент-Поле.

Мишель прошла между домами, оглядела улицу и подала знак остальным следовать за ней. Эту часть Денни Уильямс ненавидел больше всего. Если какой-нибудь парень с бессонницей выглянет в окно и увидит троих людей на соседской лужайке в два часа ночи, это

будет весьма подозрительно. А если у одного из них он увидит то, что похоже на тело, это будет *чертовски* подозрительно.

Но Уайлдерсмут-Драйв, названная по имени давно почившей крупной городской шишки, была погружена в сон. Робин открыла заднюю дверь джипа, залезла внутрь и протянула руки. Денни отдал ей мальчика, и она прижала Люка к себе, положив его голову на плечо. Затем нащупала ремень безопасности.

— Фу, он пускает слюни, — сказала она.

— Да, люди в бессознательном состоянии так делают, — сказал Мишель, и закрыла дверь. Она села на пассажирское сиденье, а Денни обратно за руль. Мишель убрала оружие и аэрозоль, пока Денни медленно удалялся от дома Эллисов. Когда они доехали до первого перекрёстка, Денни снова включил фары.

— Звони, — сказал он.

Мишель набрала тот же номер.

— Это «Руби Ред». Посылка у нас, Джерри. В аэропорту будем примерно через двадцать пять минут. Врубай систему.

В доме Эллисов снова включилась сигнализация. Когда прибыла полиция, они нашли двое убитых. А мальчик — самый вероятный подозреваемый — пропал. Говорили, он был гением, а ведь именно такие и склонны сворачивать на кривую дорожку, не так ли? Слегка неуравновешенные? Они спросят его, когда найдут, а это всего лишь вопрос времени. Дети могут убежать, но даже гениальные не могут спрятаться.

По крайней мере, на долго.

Люк проснулся и вспомнил свой сон — не совсем кошмар, но определённо не очень приятный. Какая-то незнакомая женщина в его комнате, она склонилась над его кроватью, её лицо обрамляют светлые волосы. *Конечно, как скажешь*, сказала она. Как девушка в одном из порно-роликов, которые они с Рольфом иногда смотрели.

Он сел, огляделся и сначала подумал, что это ещё один сон. Это была его комната — те же синие обои, те же плакаты, тот же стол с кубком Малой лиги ^[29] на нём, — но где окно? Окно, выходившее на дом Рольфа, пропало.

Он крепко зажмурил глаза, потом резко открыл их. Ничего не изменилось: окна как не было, так и нет. Он решил ущипнуть себя, но это было так банально. Вместо этого он коснулся пальцами щеки. Всё осталось прежнему.

Люк встал с кровати. Его одежда лежала на стуле, куда прошлым вечером её сложила мама: трусы, носки и футболка — на сиденье, а джинсы перекинута через спинку. Он медленно оделся, глядя туда, где должно было быть окно, затем сел, чтобы одеть кроссовки. По краям на них были его инициалы «ЛЭ», которые казались вполне нормальными за исключением средней чёрточки у «Э» — она была длиннее, он был в этом уверен.

Он перевернул их, чтобы посмотреть на подошвы, но не нашёл никаких следов уличной грязи. Теперь он был абсолютно уверен: это были не его кроссовки. Шнурки тоже были слишком чистыми, хотя были очень похожи.

Он подошёл к стене и приложил к ней ладонь, затем надавил, пытаясь нащупать окно под обоями. Его там не было.

Он спросил себя, не сошёл ли он часом с ума — щёлк, как ребёнок в ужастике М. Найта Шьямалана. Разве высокоразвитые дети не склонны к срывам? Но он не был сумасшедшим. Он был таким же нормальным, как и прошлым вечером, когда ложился спать. В фильме сумасшедший ребёнок *думал*, что он нормальный, но согласно психологическим книгам, которые Люк читал, большинство сумасшедших людей осознают, что они безумны. Он не был безумен.

Будучи маленьким (в пять лет, а не в двенадцать), он был помешан на собирании политических значков. И отец с радостью помогал ему пополнять коллекцию, потому что большинство значков можно было за дёшево купить на «иБэй». В особенности Люк был одержим (по неизвестной причине) значками кандидатов в президенты, которые проиграли. Со временем его страсть прошла, и большинство значков, вероятно, лежали на чердаке или в подвале, но один он оставил в качестве, так сказать, талисмана на удачу. На нём был изображён синий самолёт в окружении слов: «КРЫЛЬЯ ЗА УИЛКИ». Уэнделл Уилки баллотировался в президенты против Франклина Рузвельта в 1940 году, но с треском проиграл, набрав в сумме восемьдесят два голоса выборщиков^[30] в десяти штатах.

Люк положил значок в кубок Малой лиги. И теперь, сунув в него руку, ничего не нашёл.

Потом он подошёл к плакату с Тони Хоуком на доске «Бёрдхаус»^[31]. Казалось, с ним было всё в порядке, но не совсем. Маленький разрыв на левой стороне исчез.

Не его кроссовки, не его плакат, нет значка Уилки.

Не его комната.

Сердце заколотилось в его груди, и он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Он подошёл к двери и взялся за ручку в полной уверенности, что она заперта.

Она была открыта, но коридор позади двери был не таким, как коридор в доме, где он прожил двенадцать лет. Вместо деревянных панелей — шлакоблоки, окрашенные в зелёный цвет. Напротив двери висел плакат, на котором трое детей примерно одного с Люком возраста бежали по зелёному травянистому лугу. Один из них был запечатлён в прыжке. Они были либо сумасшедшими, либо безумно счастливыми. Надпись внизу, казалось, указывала на второй вариант: «ПРОСТО ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ».

Люк вышел из комнаты. Справа от него коридор заканчивался двойными дверями с нажимными ручками-штангами, как в государственных учреждениях. Слева, примерно в десяти футах от другой двойной двери на полу сидела девочка. На ней были брюки-колокольчики и рубашка с широкими рукавами. Она была чернокожей. И хотя казалась ровесницей Люка, она похоже курила сигарету.

8

Миссис Сигсби сидела за своим столом и смотрела в монитор. Она была одета в сшитый на заказ деловой костюм от Дианы фон Фюрстенберг, который не скрывал её худобы. Её волосы с проседью были идеально уложены. Возле её плеча стоял доктор Хендрикс. «Доброе утро, пугало», — подумала она, но никогда не сказала бы этого вслух.

— Вот и он, — сказала Сигсби. — Наше пополнение. Лукас Эллис. Доставлен на «Гольфстриме» — его первый и единственный полёт — и даже не знает об этом. Судя по всему, он настоящий вундеркинд.

— Это ненадолго, — сказал доктор Хендрикс и засмеялся своим фирменным смехом — вдох-выдох,

вдох-выдох, — выдавая нечто похожее на «и-а». Из-за торчащих передних зубов и высокого роста — шесть футов и семь дюймов — он полностью оправдывал прозвище, данное ему техническим персоналом: Осёл-Конг.

Она повернулась и пристально посмотрела на него.

— Это наши подопечные. Дешёвые шутки не одобряются, Дэн.

— Извините. — Ему хотелось добавить: «*Но кого ты обманываешь, Сиггерс?*»

Произнести такое вслух было бы неуместно, да и вопрос был в лучшем случае риторическим. Он знал, что она никого не обманывает, и меньше всего себя. Сиггерс была как тот неизвестный нацистский шутник, которому в голову пришла потрясающая идея сделать над входом в Аушвиц^[32] надпись *Arbeit macht frei* — труд освобождает.

Миссис Сигсби взяла в руки сопроводительный лист на мальчика. В правом верхнем углу был розовый кружок, наклеенный Хендриком.

— Вы получили хоть *что-нибудь* из своих «розовых», Дэн? Хоть что-нибудь?

— Вы же знаете, что да. Вы видели результаты.

— Да, но что-нибудь доказанное?

Прежде чем добрый доктор успел ответить, в комнату заглянула Розалинда.

— Я подготовила документы, миссис Сигсби. Мы ожидаем ещё пятерых. Я знаю, они были в вашей ведомости, но поступят раньше графика.

Миссис Сигсби выглядела довольной.

— Все пять сегодня? Кажется, в этой жизни я всё делала правильно.

Хендрикс (он же Осёл-Конг) подумал: «*Делала правильно? Смотри не лопни от гордости*».

— Сегодня только *двое*, — сказал Розалинда. — Точнее, ночью. С группой «Эмеральд». И трое завтра, с «Опал». Четверо — ТК. Один — ТП, наша главная находка. Девяносто три нанограмма BDNF.

— Эйвери Диксон? — спросила миссис Сигсби. — Из Солт-Лейк-Сити.

— Из Орема, — поправила Розалинда.

— Мормон из Орема^[33], — сказал доктор Хендрикс и засмеялся своим ослиным «и-а» смехом.

«И правда находка, — подумала миссис Сигсби. — В листе на Диксона не будет розовой отметки. Он слишком ценен. Минимальные инъекции, нет риска припадков или клинической смерти — только не у того, у кого BDNF больше девяноста».

— Замечательные новости. Просто замечательные. Принесите их досье и положи на мой стол. Или уже отправили по имейлу?

— Конечно, — улыбнулась Розалинда. Весь мир пользовался электронной почтой, но она знала, что миссис Сигсби предпочитает бумагу пикселям; в этом смысле она была старомодной.

— Принесу, как можно скорее.

— И кофе. Как можно скорее.

Миссис Сигсби повернулась к доктору Хендриксу. Такой высокий, а всё равно с пузом, подумала она. Будучи доктором, он должен знать, насколько это опасно, особенно для такого высокого человека, у которого сосудистая система испытывает бомльшие нагрузки. Но никто не способен настолько игнорировать медицинские реалии, чем медик.

Ни миссис Сигсби, ни Хендрикс не были ТП, но в тот момент они одновременно подумали: насколько всё было бы проще, если бы между ними существовала взаимная симпатия, а не взаимное отвращение.

Как только они снова остались одни, миссис Сигсби откинулась назад, чтобы посмотреть на нависшего над ней доктора.

— Я согласна, что интеллект молодого дарования Эллиса не так уж важен для нашей работы в Институте. С таким же успехом его IQ мог быть 75. Однако, именно по этой причине мы забрали его чуть раньше. Его приняли не в одно, а сразу в два высших учебных заведения: МТИ и Эмерсон.

Хендрикс моргнул.

— В двенадцать?

— Именно. Убийство его родителей и его последующее исчезновение, конечно, станут новостью, но не такой уж *крупной* за пределами города, хотя неделю или больше она может побурлить в интернете. Если бы перед исчезновением он произвёл в Бостоне академический фурор, всё было бы гораздо хуже.

— В нашем деле отсутствие новостей — хорошая новость.

— Точно. В идеале нам пришлось бы отпустить его. Мы и так получаем свою долю ТК-ов. — Она постучала по розовому кружочку на сопроводительном листе. — А это указывает на то, что у него не такой уж высокий уровень BDNF. Если только...

Ей не нужно было заканчивать. Некоторые «материалы» попадались всё реже. Бивни слона. Шкуры тигра. Рога носорога. Редкие металлы. Даже нефть. А теперь и особенные дети, чьи экстраординарные качества не имели ничего общего с их IQ. На этой неделе прибудет ещё пять, включая Диксона. Неплохой улов, хотя два года назад их могло быть тридцать.

— О, смотрите, — сказала миссис Сигсби. На экране её компьютера только что прибывший новичок приближался к самому старшему постояльцу Передней Половины. — Сейчас он познакомится с много-знаешь-

плохо-спишь Бенсон. Она устроит ему сенсацию или что-то вроде того.

— Всё ещё в Передней, — сказал Хендрикс. — Чёрт, нужно сделать её нашим официальным портье.

Миссис Сигсби одарила его ледяной улыбкой.

— Лучше она, чем вы, док.

Хендрикс посмотрел на неё вниз, подумав, а не сказать ли: *«Отсюда я вижу, как быстро редют твои волосы, Сиггерс. Это всё последствия твоей маловыраженной, но продолжительной анорексии. Кожа на твоей голове такая же розовая, как глаза кролика-альбиноса»*.

Было много всего, что он хотел сказать ей, этой плоскогрудой заучке, главной управляющей Института, но не говорил. Это было бы неразумно.

9

В коридоре были ещё двери и другие плакаты. Девочка сидела под одним из них, где были изображены чёрный мальчик и белая девочка, улыбающиеся и прижимающиеся друг к другу лбам. Надпись внизу гласила: «Я ВЫБИРАЮ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ!»

— Как тебе плакат? — спросила темнокожая девочка. Вблизи сигарета, свисавшая из её рта, оказалась своеобразной конфетой. — Я бы написала «Я ВЫБИРАЮ БЫТЬ В ДЕРЬМЕ!», но они могут отобрать мою ручку. Иногда они закрывают на это глаза, а иногда — нет, поэтому невозможно сказать, чем это обернётся.

— Где я? — спросил Люк. — Что это за место? — Он почти готов был зареветь. В основном, из-за дезориентации.

— Добро пожаловать в Институт, — сказала она.

— Мы всё ещё в Миннеаполисе?

Она засмеялась.

— Едва ли. Мы больше не Канзасе, Тото. Мы в Мэне. В какой-то глуши. По крайней мере, так говорит Морин.

— В *Мэне*? — Он замотал головой, словно получил удар в висок. — Ты уверена?

— Ага. Какой-то ты бледный, белый мальчик. Думаю, тебе лучше присесть, пока не грохнулся.

Он сел, опираясь одной рукой о стену, потому что его ноги не то, чтобы не гнулись, а будто совсем отнялись.

— Я был дома, — сказал он. — Я был дома, а потом проснулся здесь. В комнате, которая выглядит, как моя, но не моя.

— Знаю, — сказала она. — Шокирован, да? — Она засунула руку в карман своих штанов и достала пачку. На ней был изображён ковбой, крутящий лассо. «СЛАДКИЕ СИГАРЕТЫ», гласила надпись. «КУРИ, КАК ТВОЙ ОТЕЦ!» — Хочешь одну? Немного сахара поможет взбодриться. Мне всегда помогает.

Люк взял пачку и откинул верх. Внутри было шесть сигарет, каждая с красным концом — якобы тлеющий уголёк, понял Люк. Он достал одну, засунул между губ и откусил половину. Во рту разлилась сладость.

— Только не делай так с настоящими сигаретами, — сказала она. — Вкус у них и близко не похож на эти.

— Я не знал, что их до сих пор продают, — сказал он.

— Уж точно не такие, — сказала она. — Кури, как твой отец? Что? Наверное, со старых времён. Но тут в столовой хватает странной хрени. Не поверишь, включая *настоящие* сигареты. Всякие «Лаки», «Честерфилд» и «Кэмэл», как в старых фильмах от «Тёрнер Классик Мувиз». У меня есть соблазн попробовать, но блин, они стоят *дофига* жетонов.

— Настоящие сигареты? Не для детей же?

— Здесь живут одни только дети. Сейчас не много. Морин говорит, возможно, привезут ещё. Не знаю, откуда она берёт информацию, но обычно она права.

— Сигареты для детей? Что это? Остров радости? — Не то, чтобы ему сейчас было очень радостно.

Она засмеялась.

— Как в «Пиноккио»! Точняк! — Она подняла ладонь. Люк дал ей пять и почувствовал себя немного лучше. Хотя было трудно сказать, почему.

— Как тебя зовут? Я же не могу постоянно называть тебя белым мальчиком. Это как-то по-расистски.

— Люк Эллис. А тебя?

— Калиша Бенсон. — Она подняла палец. — А теперь минутку внимания, Люк. Ты можешь называть меня Калиша или просто Ша. Но не зови меня умницей.

— Почему? — Он всё ещё пытался собрать мозги в кучу, но безуспешно. Он съел вторую половину сигареты, с ненастоящим угольком на конце.

— Потому что так говорят Хендрикс и остальные козлы, когда делают уколы или проводят тесты. Я собираюсь вставить иглу в твою руку, это будет больно, но потерпи, будь умницей. Я собираюсь взять посев из зева, ты будешь извиваться, как блядский червяк, но крепись, будь умницей. Мы собираемся окунуть тебя в бак, но ты просто удержи дыхание и будь умницей. Вот, почему ты не можешь называть меня умницей.

Люк почти не обратил внимания на сказанное о тестах, хотя задумается над этим позже. В его голове крутилось другое слово: *блядский*. Он слышал его от многих мальчишек (они с Рольфом сами часто пользовались им), и он слышал его от той красивой рыжеволосой девушки, которая могла бы сдать АОТ, но никогда от девочки одного с ним возраста. Будто он раньше жил в каком-то своём мире.

Она положила ладонь ему на колено, от чего у него слегка затрепетало в груди, и серьёзно посмотрела на

него.

— Но мой тебе совет: будь умницей, как бы хреново это не было, что бы они не совали тебе в глотку или в задницу. Хотя я ничего не знаю о баке, никогда не была в нём сама, а только слышала, но я знаю, что пока они проводят опыты, ты будешь оставаться в Передней Половине. Не знаю, что творится в Задней и не хочу знать. Всё, что я *знаю* о Задней Половине, так это то, что она как тараканья ловушка: дети заходят, но не выходят. Во всяком случае, сюда они не возвращаются.

Люк посмотрел в ту сторону, откуда пришёл. Там было много мотивационных плакатов, а ещё много дверей, примерно по восемь на каждой стороне коридора.

— Сколько здесь детей?

— Пять, включая тебя и меня. В Передней Половине никогда не бывает много народа, но сейчас тут вообще, как город-призрак. Дети приходят и уходят.

— Беседуя о Микеланджело ^[34], — прошептал Люк.

— А?

— Так, ничего. Что...

Одна из двойных дверей в конце коридора открылась и появилась женщина в коричневом платье, спиной к ним; она с чем-то возилась, упираясь пятой точкой в дверь. Калиша вскочила на ноги.

— Эй, Морин, эй, погоди, сейчас поможем.

Поскольку сказано было «мы», а не «я», Люк поднялся и поспешил за Калишей. Когда он подошёл ближе, то увидел, что коричневое платье на самом деле было своего рода формой, как у горничной в каком-нибудь роскошном отеле, — по крайней мере, отчасти, так как форма не была украшена оборками или чем-то подобным. Женщина пыталась перекатить тележку для белья через металлический порог между коридором и большим помещением за ним, которое выглядело, как

гостиная — там были столы, стулья, и окна, пропускающие яркий солнечный свет. Ещё там был телевизор размером с киноэкран. Калиша открыла вторую дверь, чтобы расширить проход. Люк взялся за тележку (сбоку было написано ДАНДУКС) и помог женщине протолкнуть её в коридор так называемого общежития. Тележке лежали простыни и полотенца.

— Спасибо, милок, — сказала она. Это была женщина в возрасте, с изрядным количеством седины в волосах, и выглядела она усталой. На табличке на её выпирающей левой груди было написано: МОРИН. Она оглядела его. — Ты — новенький. Люк, да?

— Люк Эллис. Откуда вы знаете?

— Из ведомости. — Она вытащила из кармана сложенный вдвое листок бумаги, затем засунула обратно.

Люк протянул руку, как его учили.

— Рад познакомиться.

Морин пожала её. Она показалась ему довольно милой, поэтому он и правда *был* рад встрече. Но не был рад нахождению здесь; ему было страшно, и он беспокоился за родителей, а также за себя. Они, должно быть, уже хватились его. И вряд ли поверили в побег, но увидев его спальню пустой, какой ещё они могли сделать вывод? Полиция скоро начнёт его искать, если уже не начала, но если Калиша была права, то искать будут очень далеко отсюда.

Ладонь Морин была тёплой и сухой.

— Я — Морин Алворсон. Здешняя экономка и уборщица. Твоя комната будет в чистоте и порядке.

— И смотри, не нагружай её работой, — сказала Калиша, строго посмотрев на него.

Морин улыбнулась.

— Ты золотце, Калиша. Он не кажется неряхой, как этот Ники. Он как Грязнуля из комикса «Пинатс». Он

сейчас в своей комнате? Не видела его на игровой площадке с Джорджем и Айрис.

— Вы же знаете Ники, — сказала Калиша. — Для него день начинается в обед.

— Тогда займусь остальными, но докторам он нужен к часу. Если сам не встанет, они подымут его. Рада была познакомиться, Люк. — И она ушла по своим делам, теперь уже толкая тележку перед собой, а не волоча следом.

— Пошли, — сказала Калиша, взяв Люка за руку. Беспокоился он или нет за своих родителей, но он ещё раз ощутил этот трепет.

Она потянула его в гостиную. Он хотел осмотреть помещение, особенно торговые автоматы (настоящие сигареты, разве такое возможно?), но как только дверь за их спинами закрылась, Калиша посмотрела ему в глаза. Она выглядела серьёзной, почти суровой.

— Не знаю, сколько ты ту пробудешь — сколько тут пробуду я, если уж на то пошло, — но пока ты здесь, будь добр с Морин, ясно? В этом месте полно всяких злобных говнюков, но она не одна из них. Она *хорошая*. И у неё проблемы.

— Какие проблемы? — спросил он из вежливости. Он смотрел в окно на то, что было похоже на игровую площадку. Там было двое детей, мальчик и девочка, вроде бы одного с ним возраста или немного постарше.

— Например, ей кажется, что она чем-то болеет, но не хочет идти к доктору, потому что не может *позволить* себе болеть. Она зарабатывает около сорока тысяч в год, а долгов на сумму вдвое больше. Их нахватал её муж, пока не сбежал. И они продолжают расти, ясно? Проценты.

— Виг, — сказал Люк. — Так их называет мой папа. Сокращение от *вигоришь*. От украинского слова, означающего «прибыль» или «выигрыш». Это бандитский термин, и папа говорит, что кредитные

компании в основном все бандитские. Судя по процентам, которые они взимают, он...

— Что? Прав?

— Ага. — Он перестал смотреть на детей снаружи — видимо, это были Джордж и Айрис — и повернулся к Калише. — Она рассказала тебе всё это? Ребёнку? Должно быть, ты спец по внутриличностным отношениям.

Калиша выглядела удивлённой, затем рассмеялась, уперев руки в бока и запрокинув голову. От чего была больше похожа на женщину, чем на ребёнка.

— Межличностные отношения! Ну ты и выдал, Люки!

— «Внутри», не «меж», — сказал он. — Если ты только не общаешься с группой людей. Например, проводишь консультации по кредиту или что-то в этом роде. — Он остановился. — Это, э, шутка. — И довольно неудачная шутка. Ботанская.

Она оглядела его оценивающим взглядом сверху до низу, снова вызывая этот щекотливый трепет.

— И насколько же ты умный?

Он смущённо пожал плечами. Обычно он не красовался — это был худший в мире способ для обретения друзей и влияния на людей, — но он был расстроен, растерян, взволнован и до смерти напуган. Всё тяжелее и тяжелее становилось не называть эту ситуацию *похищением*. Всё-таки, его забрали против воли, и если Калиша говорила правду, то он проснулся в тысячах миль от дома. Могли ли родители отдать его без сопротивления и боя? Вряд ли. Что бы ни произошло, он надеялся, что в это время они просто спали.

— Даже охренеть, какой умный. Ты ТП или ТК? Думаю, ТК.

— Не понимаю, о чём ты.

Хотя ему казалось, что понимал. Он подумал о том, как иногда дребезжали тарелки в шкафах, как дверь в

его спальне закрывалась и открывалась сама по себе, и как в «Рокет Пицца» вибрировал поднос. А ещё о том, как в день АОТ теста мусорная корзина передвинулась сама по себе.

— ТП — это телепат. ТК — ...

— Телекинетик.

Она улыбнулась и указала на него пальцем.

— Ты и правда умный мальчик. Телекинетик, верно. Ты один из двух. Считается, что одновременно обоих не бывает — по крайней мере, так говорят техники. Я — ТП. — Последнее она произнесла с некоторой гордостью.

— Ты читаешь мысли, — сказал Люк. — Конечно. Через день, да каждый день.

— Как ты думаешь я всё узнала о Морин? Она никогда *никому* не говорила о своих проблемах, она не такая. Но я не знаю подробностей, только в общих чертах. — Она задумалась. — И ещё знаю о каком-то ребёнке. Что странно. Я спросила её однажды, есть ли у неё дети, и она сказала, что нет.

Калиша пожала плечами.

— Я всегда умела это — не постоянно, а время от времени, — но не как супергерой. Если бы была супергероем, уже сбежала бы отсюда.

— Ты серьёзно насчёт этого?

— Да, и давай проведём тест. Твой первый из многих. Я загадала число между единицей и пятьюдесятью. Какое?

— Без понятия.

— Правда? Не врешь?

— Абсолютно. — Он подошёл к двери в дальнем конце помещения. Снаружи мальчик кидал мяч в кольцо, а девочка прыгала на батуте — ничего особенного, только прыжки в сед и периодические развороты. Ни у кого из них не было заметно радости на лице. — Это Джордж и Айрис?

— Да. — Она присоединилась к нему. — Джордж Айлс и Айрис Стэнхоуп. Оба ТК. ТП — раритетные. Эй, умный мальчик, это правильное слово или нужно было сказать: «*более редкие*»?

— Подходит и то, и другое, но я бы сказал «более редкие». *Раритетные* звучит так, будто ты пытаешься завести подвесной мотор^[35].

Она задумалась над этим, затем рассмеялась и снова указала на него пальцем.

— Неплохо.

— Мы можем выйти наружу?

— Конечно. Двери на площадку никогда не запирают. Но не то, чтобы хочется торчать там подолгу — насекомые здесь, в глуши, довольно лютые. В шкафчике, в твоей ванной, должен быть «Дит». Тебе стоит пользоваться им, хорошенько так намазываться. Морин говорит их станет меньше, когда появятся стрекозы, но я ещё не видела ни одной.

— Они хорошие ребята?

— Джордж и Айрис? Конечно, вроде бы. В смысле, не то чтобы мы были лучшими друзьями. Джорджа я знаю только неделю. Айрис появилась... ммм... кажется, десять дней назад. Что-то типа того. После меня здесь дольше всего живёт Ник. Ник Уилхолм. В Передней Половине не стоит рассчитывать на длительные, умный мальчик. Как я уже говорила, они приходят и уходят. И *никто* из них не беседует о Микеланджело.

— Как давно ты здесь, Калиша?

— Почти месяц. Я старожил.

— Тогда ты можешь рассказать мне, что тут происходит? — Он кивнул в сторону детей снаружи. — И они?

— Мы расскажем, всё что знаем, и что нам говорят санитары и техники, но у меня такое чувство, что большинство из этого ложь. Джордж думает также.

Айрис, погоди-ка... — Калиша засмеялась. — Она как агент Малдер в «Секретных материалах». Она *хочет* верить.

— Верить во что?

Взгляд, которым она посмотрела на него, — одновременно мудрый и печальный, — снова сделал её похожей на взрослую женщину.

— Что это всего лишь небольшой крюк на великой дороге жизни, и в конце всё будет хорошо, как в «Скуби-Ду».

— А где твои родители? Как ты сюда попала?

Её взрослось куда-то исчезла.

— Не хочу сейчас говорить об этом.

— Ладно. — Пожалуй, он и сам не хотел. По крайней мере, пока что.

— И когда познакомишься с Ники, не обращай внимания на его тирады. Так он выпускает пар, и некоторые из его тирад... — Она задумалась. — Занимательны.

— Как скажешь. Сделаешь мне одолжение?

— Конечно, если смогу.

— Перестань называть меня умным мальчиком. Меня зовут Люк. Лады?

— Это я могу.

Он потянулся к двери, но она положила ладонь ему на запястье.

— И ещё кое-что перед тем, как мы выйдем. Обернись, Люк.

Что он и сделал. Она была примерно на дюйм выше. Он не знал, что она собирается поцеловать его, пока она не сделала это — настоящий поцелуй, прямо в губы. Она даже просунула язык между его губ на секунду или две, и это вызвало не просто трепет, а сильный толчок, будто он сунул пальцы в розетку. Его первый настоящий поцелуй. Рольф, подумал он (насколько вообще *мог* думать после этого), будет завидовать.

Она отстранилась, выглядя довольной.

— Это не настоящая любовь, ничего такого, чтоб ты понимал. Я даже не уверена, одолжение ли это, хотя может быть. Первую неделю здесь я провела в карантине. Никаких уколов для точек.

Она указала на плакат, висевший на стене рядом с автоматом со сладостями. На нём был изображён мальчик в кресле, радостно указывающий на кучу цветных точек на белой стене. Рядом стоял улыбающийся доктор (в белом халате, со стетоскопом на шее), положив руку на плечо мальчика. Сверху было написано «УКОЛЫ ДЛЯ ТОЧЕК!» А снизу «ЧЕМ БЫСТРЕЕ ВЫ ИХ ЗАМЕТИТЕ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ВЕРНЁТЕСЬ ДОМОЙ!»

— И что, блин, это значит?

— Неважно. Мои предки были противниками прививок и через два дня после того, как я оказалась в Передней Половине, я заболела ветрянкой. Кашель, высокая температура, большие уродливые красные пятна — в общем, полный набор. Но думаю, с этим покончено, поскольку я выздоровела, и они снова проводят тесты, но, может быть, я всё ещё заразна. Если повезёт, получишь ветрянку и проведёшь пару недель попивая сок и смотря телек, вместо игл и МРТ.

Девочка на игровой площадке заметила их и помахала рукой. Калиша помахала в ответ, и прежде чем Люк успел что-нибудь ответить, открыла дверь.

— Пошли. Сотри это полусонное выражение со своего лица и познакомься с Факерами ^[36].

Уколы для точек

1

За дверью институтской столовой и гостиничной зоны с телевизором, Калиша обхватила Люка за плечи и прижала его к себе. Он подумал — понадеялся — что она снова собирается поцеловать его, но вместо этого она прильнула к его уху. Её губы щекотали кожу, вызывая мурашки.

— Говори о чём угодно, но не упоминай Морин, ясно? Мы думаем, они с не всегда подслушивают, но лучше соблюдать осторожность. Не хочу, чтобы у неё были проблемы.

С Морин, экономкой, было всё понятно, но кто такие *они*? Люк никогда не чувствовал себя таким растерянным, даже в четыре года, когда на пятнадцать нескончаемых минут разлучился с матерью в торговом центре «Молл-оф-Америка».

А тем временем, как и говорила Калиша, его нашли насекомые, маленькие чёрные, кружившие облаком вокруг его головы.

Большая часть площадки была покрыта мелким гравием. Зона с баскетбольным кольцом, где мальчик по имени Джордж продолжал кидать мяч, была заасфальтирована, а батут был окружён каким-то губчатым материалом, чтобы смягчить падение, если кто-нибудь прыгнет мимо края. Там был корт для шаффлборда, площадка для бадминтона, верёвочный курс, и группа цветастых цилиндров, которые маленькие дети могли собрать в туннели — не то, чтобы тут был хоть один малыш, чтобы воспользоваться ими. Также там были разные качели и горка. На зелёном

шкафу, который стоял в окружении столиков для пикника, были таблички с надписями: **«ИГРЫ И ИНВЕНТАРЬ»** и **«ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЁ НА СВОИ МЕСТА»**.

Игровая площадка была обнесена сетчатым ограждением высотой не менее десяти футов, и в двух углах Люк заметил камеры видеонаблюдения, направленные вниз. Позади ограждения был только лес, в основном сосны. Исходя из толщины стволов, Люк предположил, что им было около восьмидесяти лет. Формула из книги «Деревья Северной Америки», которую он читал одним субботним днём пару лет назад, была предельно проста. Не нужно подсчитывать количество колец. А нужно на глаз прикинуть окружность ствола, разделить её на число Пи, чтобы получить диаметр, и затем умножить на средний коэффициент роста северо-американских сосен, который составляет 4,5. Это было довольно просто, как и догадаться о том, что здешние деревья не вырубались уже довольно долгое время, может, пару поколений. Где бы не находился Институт, располагался он посреди старого леса, и значит посреди глуши. А об игровой площадке он первым делом подумал: если бы существовали тюремные прогулочный дворы для детей от шести до шестнадцати лет, то они выглядели бы именно так.

Девочка — Айрис — увидела их и помахала. Она дважды подпрыгнула на батуте — а вместе с ней и её волосы, собранные в хвостик, — затем прыгнула в сторону и приземлилась на губчатое покрытие, раздвинув ноги и согнув колени.

— Ша! Кто это тут у нас?

— Это Люк Эллис, — сказала Калиша. — Появился этим утром.

— Привет, Люк. — Айрис подошла и протянула руку. Она была худенькой девочкой и на пару дюймов выше

Калиши. У неё было приятное, симпатичное лицо, а её щёки и лоб блестели, как предположил Люк, от смеси пота и средства от насекомых. — Айрис Стэнхоуп.

Люк пожал руку, чувствуя, что насекомые — в Миннесоте их называли мошкой, — уже начали покусывать его.

— Приятно познакомиться, хотя и неприятно находиться здесь.

— Я из Абилина, Техас. А ты?

— Миннеаполис. Это в...

— Я знаю, где это, — сказала Айрис.

— Край с миллиардом озёр, или какая-то такая херня.

— Джордж! — вскрикнула Калиша. — Где твои манеры, молодой человек? Подойди-ка сюда!

— Сейчас, хотя подожди. Это важно. — Джордж провёл носком по краю асфальта, обозначив штрафную линию. Прижимая баскетбольный мяч к груди, он низким, напряжённым голосом сказал: — Что ж, ребята, после семи тяжелейших игр всё сводится к этому моменту. Дополнительное время, «Визардс» отстают от «Селтикс» на одно очко, и Джордж Айлс — только что со скамьи запасных — имеет все шансы на победу со штрафной линии. Если он возьмёт очко, у «Визардс» будет ничья. Если возьмёт второе, попадёт в историю, и возможно, его фотография украсит Зал славы баскетбола, и ему подарят кабриолет «Тесла»...

— Должно быть, сделанный на заказ, — сказал Люк. — «Тесла» пока что не выпускает кабриолетов.

Джордж не обратил внимания.

— Никто не мог предположить, что Айлс окажется в такой позиции, — и меньше всего сам Айлс. На стадионе «Кэпитал Уан Арена» воцаряется мёртвая тишина...

— А затем кто-то пердит! — выкрикнула Айрис. Она просунула язык между губ и издала долгий дребезжащий звук. — Смачно! И вонюче!

— Айлс делает глубокий вдох... дважды ударяет мяч об пол — его фирменный знак...

— Помимо языка без костей, у Джорджа ещё и богатая фантазия, — сказала Айрис Люку. — Так что привыкай.

Джордж окинул их троих взглядом.

— Айлс сердито смотрит на одинокого фаната «Селтикс», который дразнит его с трибуны... это девочка, которая выглядит настолько же тупой, насколько и уродливой...

Айрис издала ещё один звук пердежа.

— И вот Айлс перед корзиной... Айлс делает бросок...

Мимо.

— Господи, Джордж, — сказал Калиша. — Это было ужасно. Либо делай ничью, либо завязывай с этой блядской игрой, чтобы мы могли поговорить. Этот парень не знает, что с ним случилось.

— Как и *мы*, — сказала Айрис.

Джордж согнул колени и сделал второй бросок. Мяч покатился по дужке... будто сомневаясь... и упал в корзину.

— *«Селтикс» победили, «Селтикс» победили!* — закричала Айрис. Она подпрыгнула, как чирлидер, и потрясла невидимыми помпонами. — Теперь иди сюда и скажи «привет» новичку.

Джордж подошёл, отмахиваясь от насекомых. Он был невысоким и коренастым, и Люк подумал, что он может быть профессиональным баскетболистом только в своих фантазиях. Его бледно-голубые глаза напомнили Люку о фильмах Пола Ньюмана и Стива Маккуина, которые они с Рольфом любили смотреть по «Ти-Си-Эм»^[37]. При мысли о том, как они оба валялись на диване перед телевизором и жевали попкорн, его затошнило.

— Ёу, чувак. Как звать?

— Люк Эллис.

— Я — Джордж Айлс, но эти две девчонки наверняка уже сказали тебе. Я для них — бог.

Калиша взялась за голову. Айрис показала ему средний палец.

— Бог *любви*.

— Адонис, не Купидон, — сказал Люк, углубляясь в тему. По крайней мере, пытаюсь. — Адонис — бог желания и красоты.

— Как скажешь. Как тебе это место? Отстой, правда?

— А что *это* за место? Калиша назвала его Институтом, но что это значит?

— Можешь также называть его Приютом миссис Сигсби для беспутных детей-экстрасенсов, — сказала Айрис и плюнула.

Это было даже не то, чтобы войти в кинозал посреди фильма; это было, как включить сериал посреди третьего сезона. Ещё и со сквозным сюжетом.

— Кто такая миссис Сигсби?

— Главная сучка, — сказал Джордж. — Ты встретишься с ней, и вот, что я тебе скажу: не дерзи ей. Она не любит, когда ей дерзят.

— Ты ТП или ТК? — спросила Айрис.

— Полагаю, ТК. — На самом деле это было гораздо больше, чем предположение. — Иногда вещи вокруг меня двигаются, а так как я не верю в привидений, то, вероятно, это делаю я. Но не настолько, явно, чтобы... — Он умолк. *Не настолько явно, чтобы поместить меня сюда*, — вот, о чём он подумал. Но он *был* здесь.

— ТК-плюс? — спросил Джордж. Он направился к одному из столиков для пикника. Люк пошёл следом, а за ним обе девочки. Он мог вычислить приблизительный возраст окружавшего их леса, знал названия сотен видов бактерий, мог рассказать им о Хемингуэе,

Фолкнере или Вольтере^[38], но несмотря на это, никогда ещё не чувствовал себя таким отсталым.

— Даже не знаю.

Калиша сказала:

— Плюсами *они* — техники, санитары и врачи — называют детей наподобие меня или Джорджа... Хотя мы не должны этого знать...

— Но знаем, — закончила Айрис. — Это, так сказать, секрет Полишинеля. ТК- и ТП-плюсы могут делать это по своему желанию, по крайней мере, иногда. Остальные — нет. У меня вещи двигаются только когда я злюсь или сильно радуюсь, или от удивления. Но непроизвольно, как чих. Так что я обычная. Таких они называют «розовыми».

— Почему? — спросил Люк.

— Потому что, если ты обычный, то на бумагах в твоём досье будет стоять маленькая розовый кружок. И этого мы тоже не должны знать, но как-то раз мне удалось заглянуть в своё досье. Иногда они бывают неосторожны.

— Ты лучше не лезь на рожон, а то они по неосторожности залезут тебе в задницу, — сказала Калиша.

— Розовые проходят больше тестов и получают больше уколов. Я была в баке. Отстойно, но не слишком, — сказала Айрис.

— Что за...

Но Джордж не дал Люку закончить.

— Я — ТК-плюс, и в моей папке нет ничего розового.

— Ты видел своё досье? — спросил Люк.

— А мне и не нужно. Я и так крутой. Смотри.

Не было заметно никакой концентрации в духе йогов; мальчик просто стоял на месте, но происходило что-то экстраординарное. (По крайней мере, экстраординарным это казалось Люку, потому что

девочки не выглядели удивлёнными.) Облако мошкары, кружившее вокруг головы Джорджа, будто сдуло назад; они образовали что-то вроде хвоста кометы, словно их ударил сильный порыв ветра. Только ветра *не было*.

— Видал? — сказал он. — ТК-плюс в действии. Только длится это недолго.

И правда. Мошки уже вернулись обратно к его голове, и отпугивало их теперь только средство от насекомых.

— А что насчёт второго броска? — спросил Люк. — Ты мог бы подправить его?

Джордж с сожалением помотал головой.

— Хотела бы я увидеть здесь действительно сильного ТК-плюса, — сказала Айрис. Её воодушевление от знакомства с новичком прошло. Она выглядела усталой, напуганной и старше своего возраста, который Люк определил в пятнадцать лет. — Такого, чтобы к херам телепортировал нас *отсюда*. — Она села на скамейку возле столика и закрыла ладонью глаза.

Калиша села рядом и приобняла её.

— Ну хватит, всё будет в порядке.

— Нет, не будет, — сказала Айрис. — Посмотри на это, я подушка для иголок! — Она вытянула вперёд руки. На левой было приклеено два пластыря, на правой — три. Затем она быстро вытерла глаза и изобразила то, что Люк назвал бы деловитой миной. — Ну что, новичок, а *ты* можешь двигать предметы по своему желанию?

Люк никогда не обсуждал всякие «сознание-сильнее-материи» штучки — так же известные, как телекинез — ни с кем, кроме родителей. Его мама сказала, что люди будут нервничать, если узнают об этом. Его папа сказал, что это не самый важный его талант. Люк согласился с обоими, но эти ребята не нервничали и в этом месте это *было* важно. Без сомнений.

— Нет. Я не могу даже пошевелить ушами.

Они засмеялись и Люк расслабился. Это место было странным и пугающим, но, по крайней мере ребята казались нормальными.

— Время от времени двигаются разные вещи. Тарелки или столовые приборы. Иногда дверь закрывается сама по себе. Пару раз включалась лампа на столе. Но ничего особенного. Чёрт, я даже не был уверен, что это делаю я. Думал, может, это сквозняки... или глубокие подземные толчки...

Все они смотрели на него понимающими глазами.

— Короче, я знал об этом, — сказал он. — Родители тоже знали. Но ничего особенного.

Возможно, так и было бы, если бы он не был охренительно умным ребёнком, которого в двенадцать лет приняли не в один университет, а сразу в два. Предположим, у вас есть сын семи лет, который играет на пианино, как Ван Клиберн^[39]. Кого-нибудь волнует, что он может показать пару простеньких карточных трюков? Или умеет шевелить ушами? Но он не мог сказать этого Джорджу, Айрис и Калише. Это прозвучало бы, как хвастовство.

— Ты прав, *ничего* особенного! — выпалила Калиша. — В этом-то и есть блядская загвоздка! Мы не Лига справедливости и не Люди Икс!

— Нас ведь похитили? — Пожалуйста, пусть они рассмеются. Пусть кто-нибудь скажет «*конечно, нет*».

— Ясен фиг, — сказал Джордж.

— Потому что ты на пару секунд можешь отогнать насекомых? Потому что... — Он подумал о том, как поднос упал со стола в «Рокет Пицце». — Потому что периодически я захожу в комнату и двери сами закрываются позади меня?

— Если бы они похищали людей из-за красоты, — сказал Джордж, — то Айрис и Ши тут не было бы.

— Трепло, — сказала Калиша.

Джордж улыбнулся.

— Офигеть, какая изысканная ответочка. Прямо уделала меня.

— Иногда мне так и хочется, чтобы тебя забрали в Заднюю Половину, — сказала Айрис. — Да простит меня Бог, но...

— Стой, — сказал Люк. — *Постой-ка*. Начни с начала.

— Это и *есть* начало, приятель, — сказал голос позади них. — К сожалению, возможно, и конец.

2

Люк предположил, что вновь прибывшему примерно шестнадцать, но позже узнал, что было на два года больше. Ники Уилхолм был высоким и голубоглазым, с копной нечёсанных волос, которые были чернее чёрного, и вероятно, требовали двойную порцию шампуня. На нём была мятая рубашка с воротником на пуговицах, выпущенная поверх мятых шорт, белые сползшие носки и грязные кроссовки. Люк вспомнил слова Морин о том, что он похож на Грязнулю из комиксов «Пинатс».

Остальные смотрели на него с настороженным уважением, и Люк мгновенно понял, почему. Калиша, Айрис и Джордж были рады нахождению здесь не больше, чем сам Люк, но они пытались сохранять позитивный настрой; за исключением эпизода с Айрис, от них исходила лёгкая аура беспечной придурковатости. Чего нельзя было сказать об этом парне. Сейчас Ники не выглядел обозлённым, но было ясно, что совсем недавно дела обстояли иначе. На его распухшей нижней губе виднелась заживающая рана, след уже сходящего синяка под глазом, и свежий синяк на щеке.

Значит, хулиган. В своё время Люк встречал парочку таких, они были даже в Школе Бродерика. Они с Рольфом старались держаться от них подальше, но если это место и есть тюрьма, мысли о которой уже приходили Люку, то значит от Ники Уилхолма не скрыться. Но остальные трое, казалось, не боялись его, и это был хороший знак. Ники, может, и злился из-за того, что крылось за этим нейтральным словом «Институт», но рядом со своими товарищами казался просто напряжённым. Сосредоточенным. И всё же, эти отметины на его лице предполагали безрадостные перспективы, особенно, если он не был хулиганом по природе. Что, если они остались от рук взрослого? Школьный учителя, занимающийся подобным не только в Бродерике, но и почти везде, был бы уволен, и возможно, засужен или даже арестован.

Он подумал о словах Калиши: *«Мы больше не в Канзасе, Тото»*.

— Я — Люк Эллис, — он протянул руку, не зная, чего ожидать.

Ники проигнорировал его и открыл зелёный шкаф с инвентарём.

— Играешь в шахматы, Эллис? Эти трое ни хрена не умеют. Донна Гибсон могла продержаться, по крайней мере, половину игры, но её забрали в Заднюю Половину три дня назад.

— И мы больше не увидим её, — с грустью сказал Джордж.

— Играю, — ответил Люк, — но сейчас не хочется. Я хочу узнать, где я и что тут происходит.

Ник достал шахматную доску и коробку с фигурами. Он быстро расставил их по местам, щурясь через спадавшие на глаза волосы, вместо того, чтобы зачесать их.

— Ты в Институте. Где-то в дебрях Мэна. Это даже не город, а просто точка на карте. Координаты: TR-110.

Ша узнала их от нескольких людей. Как и Донна, как и Пит Литтлджон. Он — ТП, который тоже отправился в Заднюю Половину.

— Кажется, Пити забрали сто лет назад, хотя это было всего лишь на прошлой неделе, — с тоской произнесла Калиша. — Помните его прыщи? И его вечно съезжающие очки?

Ники пропустил это мимо ушей.

— Они даже не пытаются скрыть это или отрицать. Зачем, когда они изо дня в день работают с ТП-детьми? И они не стараются сохранить то, что они делают в секрете, потому что даже Ша не может проникнуть глубоко, хотя она довольно хороша.

— В большинстве случаев я набираю девяносто процентов на картах Рейна^[40], — сказала Калиша. Без хвастовства, просто констатировала факт. — Я могу назвать имя твоей бабушки, если ты будешь держать его в уме, но глубже я проникнуть не могу.

«Мою бабушку зовут Ребекка», — подумал Люк.

— Ребекка, — сказала Калиша, и увидев выражение удивления на лице Люка, захихикала, как ребёнок, которым была совсем недавно.

— Тебе белые, — сказал Ники. — Я всегда играю чёрными.

— Ник по совместительству наш дебошир, — сказал Джордж.

— О чём свидетельствуют эти отметины, — сказала Калиша. — Полезного мало, но он ничего не может с собой поделать. А в его комнате стоит бардак — ещё одно проявление детского бунтарства, которое только добавляет Морин работы.

Ники без улыбки повернулся к чернокожей девочке:

— Если бы Морин, как ты её считаешь, была святой, она бы вывела нас отсюда. Или дала наводку в ближайший полицейский участок.

Калиша помотала головой.

— Включи мозги. Если ты работаешь здесь, значит ты часть этого. И не важно, хорошая ты или плохая.

— Противная или приятная, — с важным видом добавил Джордж.

— К тому же, ближайший полицейский участок, где вероятно сидит кучка идиотов, находится в нескольких милях отсюда, — сказала Айрис. — Раз уж ты вызвался стать главным объяснителем, Ник, почему бы тебе и правда не рассказать всё этому пареньку? Ты ведь помнишь, каково это просыпаться здесь, в комнате, которая выглядит, как твоя домашняя?

Ник откинулся назад и скрестил руки. Люк увидел, как Калиша посмотрела на него, и подумал, что если она когда-нибудь поцелует Ники, то это будет не только ради того, чтобы заразить его ветрянкой.

— Ладно, Эллис, я расскажу, что мы знаем. Или то, что мы думаем, что знаем. На это не уйдёт много времени. Дамы тоже присоединяйтесь. Джордж, держи язык за зубами, если чувствуешь, что на подходе опять твой словесный понос.

— Ага, — сказал Джордж. — Как только, так сразу.

— Калиша пробыла здесь дольше всех, — сказал Ники. — Из-за ветрянки. Скольких детей ты видела за это время, Ша?

Она задумалась.

— Наверное, двадцать пять. Может, больше.

Ники кивнул.

— Они — *мы* — приходят отовсюду. Ша из Огайо. Айрис из Техаса, Джордж из дыры в Монтане...

— Я из Биллингса, — сказал Джордж. — Вполне себе респектабельный город.

— Сначала они метят нас, как перелётных птиц или долбанных буйволов. — Ник убрал волосы с уха и показал мочку, демонстрируя маленькое металлическое колечко

размером с дайм^[41]. — Они осматривают нас, они тестируют нас, они делают уколы для точек, затем они снова осматривают нас и проводят больше тестов. Розовые получают больше уколов и больше тестов.

— Я была в баке, — снова сказала Айрис.

— Рад за тебя, — сказал Ник. — Плюсоз заставляют делать всякие дебильные штуки. Я вот — ТК-плюс, но балабол Джордж будет немного получше меня. И был тут один парень, не помню имени, который был даже лучше Джорджа.

— Бобби Вашингтон, — сказала Калиша. — Маленький темнокожий мальчик лет девяти. Он мог столкнуть твою тарелку со стола. Его забрали... когда, Ники? Две недели назад?

— Чуть меньше, — ответил Ники. — Две недели назад — это было бы до моего появления.

— Он провёл здесь вечер и ночь, — сказала Калиша, — и на следующий день его забрали в Заднюю Половину. Оп: был и не стало. Мне кажется, я буду следующей. Думаю, они уже провели почти все тесты.

— Такая же фигня, — кисло сказал Ники. — Они, вероятно, будут рады избавиться от меня.

— Вероятно, — сказал Джордж.

— Они делают нам уколы, — сказала Айрис. — От некоторых больно, от некоторых — нет, некоторые что-то делают с тобой, некоторые — нет. После одного у меня поднялась температура и ужасно разболелась голова. Я подумала, что подцепила ветрянку у Ши, но через день всё прошло. Они делают уколы, пока не начнёшь видеть точки и не загудит в ушах.

— И это ещё легко отделаешься, — сказала ей Калиша. — Была тут парочка детей... одного звали Морти... не помню фамилию.

— Он ковырялся в носу, — сказала Айрис. — И тусовался с Бобби Вашингтоном. Но я тоже не помню

его фамилию. Его забрали в Заднюю Половину через два дня после моего приезда.

— А, может, и нет, — сказала Калиша. — Он пробыл здесь совсем недолго, и после одного из уколов у него появились прыщи. Он рассказал мне об этом в столовой. И сказал, что его сердце всё ещё бьётся, как сумасшедшее. Думаю, он серьёзно заболел. — Она замолчала. — Может, даже умер.

Джордж смотрел на неё широко раскрытыми от страха глазами.

— Цинизм и подростковые страхи — это понятно, но ты ведь не веришь в это.

— Очень *не* хочу верить, — сказала Калиша.

— Ну-ка заткнитесь все, — сказал Ники. Он навис над шахматной доской, уставившись на Люка. — Да, они похищают нас. Да, потому что у нас есть экстрасенсорные способности. Как они находят нас? Не знаю. Но, должно быть, это большое дело, потому что это большое место. Целый блядский *комплекс*. У них тут есть врачи, техники, и те, кто называют себя санитарами... это как маленькая больница, только посреди леса.

— С охраной, — сказала Калиша.

— Да. За неё отвечает большой лысый хрен. Его зовут Стакхаус.

— Это бред, — сказал Люк. — В Америке?

— Это не Америка, это владения Института. Когда мы пойдём обедать, Эллис, посмотри в окна. Ты увидишь много деревьев, но если присмотришься, увидишь ещё одно здание. Из зелёных шлакоблоков, как и это. Думаю, чтобы сливалось с лесом. Короче, это и есть Задняя Половина. Дети отправляются туда, когда пройдены все тесты и сделаны все уколы.

— И что там происходит?

— Мы не знаем, — ответила Калиша.

Люк хотел спросить знает ли Морин, но вспомнил, что Калиша прошептала ему на ухо: «*Они подслушивают*».

— Мы знаем только то, что они говорят нам, — сказала Айрис. — Они говорят...

— Они говорят, что всё будет *ХОРОШО!*

Ники выкрикнул это так громко и неожиданно, что Люк отшатнулся и чуть не упал со скамейки. Темноволосый парень встал на ноги, глядя в грязный объектив одной из камер. Люк вспомнил ещё кое-что, сказанное Калишей: «*Когда познакомишься с Ники, не обращай внимания на его тирады. Так он выпускает пар*».

— Они как миссионеры, впаривающие Иисуса кучке индейцев, которые настолько... настолько...

— Наивны? — рискнул предположить Люк.

— Точно! Оно самое! — Ники продолжал смотреть в объектив камеры. — Кучке индейцев, которые настолько наивны, что поверят *во что угодно*; что если они отдадут свои земли за пару бус и блядские блохастые одеяла, они попадут в рай, где встретят всех своих умерших родственников и всегда будут счастливы! Вот это мы — кучка наивных индейцев, которые поверят во всё, что хорошо звучит. Что звучит как *ебучий... радостный... КОНЕЦ!*

Он резко повернулся к ним, волосы растрёпаны, глаза горят, руки сжаты в кулаки. Люк заметил заживающие ссадины на костяшках. Он сомневался, что Ники раздал столько же, сколько получил — он был всего лишь ребёнком, — но, по крайней мере, кому-то точно *прилетело*.

— Думаешь Бобби Вашингтон сомневался, что его испытания закончились, когда его забрали в Заднюю Половину? А Пит Литтлджон? Господи Иисусе, да у этих двоих не осталось мозгов даже для того, чтобы завязать шнурки.

Он снова повернулся к пыльной камере. Из-за того, что ему больше не на что было излить гнев, всё это выглядело как-то нелепо, но Люк всё равно был восхищён им. Ники не смирился со своим положением.

— Эй вы, слушайте сюда! Вы можете выбить из меня всё дерьмо и можете забрать в Заднюю Половину, но я буду сопротивляться. *Ника Уилхолма не купишь за бусы и одеяла!*

Он сел на место, тяжело дыша; потом улыбнулся, продемонстрировав ямочки на щеках, белые зубы и добродушный взгляд. Угрюмый, сердитый человек исчез, будто его никогда не было. Люк не испытывал влечения к парням, но когда увидел эту улыбку, то понял, почему Калиша и Айрис смотрели на Ники так, будто он был вокалистом в бойз-бэнде.

— Наверное, мне следовало бы быть в их числе, а не сидеть здесь взаперти, как цыплёнок в клетке. Я мог бы впарить это место лучше, чем Сигсби и Хендрикс, и другие врачи. Я умею *убеждать*.

— Это уж точно, — сказал Люк, — но я не совсем понимаю, к чему ты клонишь.

— Да, Ники, что-то я тоже не пойму, — сказал Джордж.

Ники снова скрестил руки.

— Прежде чём я надеру твою задницу в шахматы, новичок, давай-ка я объясню ситуацию. Они привозят нас сюда. Они тестируют нас. Они чем только не накачивают нас и снова тестируют. Некоторым детям достаётся бак, и все дети проходят проверку зрения, от которой чувствуют себя так, будто сейчас свалятся в обморок. Мы живём в комнатах, которые выглядят, как комнаты у нас дома, что, вероятно, должно как-то нас успокаивать.

— Психологическая акклиматизация, — сказал Люк. — Думаю, в этом есть смысл.

— В столовой хорошая еда. Мы даже сами заказываем меню, хотя и с ограничениями. Двери в комнаты не запираются, поэтому если не можешь заснуть, можно сходить и что-нибудь съесть. Они оставляют печенье, орехи, яблоки и всякое такое. Или там стоят автоматы на жетонах, которых у меня нет, потому что только хорошие маленькие девочки и мальчики получают жетоны, а я уже не хороший маленький мальчик. В общем, я веду к тому, что если ты хочешь занять собаку, кинь ей...

— Перестань, — резко сказала Калиша. — Завязывай с этим дерьмом.

— Вас понял. — Ник одарил её убийственной улыбкой, а затем снова переключился на Люка. — Есть много стимулов быть хорошим и получить много жетонов. В столовой есть всякие закуски и напитки, довольно широкий выбор.

— «Крекер Джек», — мечтательно произнёс Джордж. — «Хо-Хос».

— А ещё сигареты, коктейли и выпивка.

— Там есть предупреждение «ПОЖАЛУЙСТА, ПЕЙТЕ В МЕРУ», — сказала Айрис. — Представь себе десятилеток, берущих себе «Бунс Фарм Блу Хавайян» и «Майкс Хард Лемонэйд». Ну не смех ли?

— Ты, наверное, шутишь, — сказал Люк, но Калиша и Джордж оба кивали.

— Можно напиться, но не до отключки, — сказал Ники. — Для этого ни у кого нет столько жетонов.

— Правда, — сказала Калиша, — но у нас есть дети, которые пьют, пока могут.

— В смысле запойные? Запойные десяти— и одиннадцатилетние дети? — Люк всё ещё не мог поверить. — Ты ведь это не серьёзно.

— Серьёзно. Тут есть дети, которые делают всё, что им говорят, чтобы они могли пользоваться диспенсером каждый день. Я здесь не так долго, чтобы изучить

вопрос, но слышал рассказы от детей, которые были до меня.

— А ещё, — сказала Айрис, — тут много детей неравнодушных к табаку.

Это казалось абсурдно, но Люк решил, что в этом был какой-то свой безумный смысл. Он подумал о римском сатирике Ювенале, который сказал, что если дать людьми хлеба и зрелищ, они будут счастливы и не будут создавать проблем. Он подумал, что то же самое справедливо в отношении алкоголя и сигарет, особенно если предложить их напуганным и безрадостным детям, которые сидят взаперти.

— А вся эта дрянь не мешает тестам?

— Поскольку мы не знаем, что это за тесты, то трудно сказать, — ответил Джордж. — Всё, что они хотят, это чтобы ты видел точки и слышал гудение.

— Какие точки? Какое гудение?

— Сам узнаешь, — сказал Джордж. — Эта часть не так уж плоха. Хотя я ненавижу уколы.

— Плюс-минус три недели, — сказал Ники. — Столько обычно дети живут в Передней Половине. По крайней мере, так думает Ша, а она здесь дольше всех. Затем нас переводят в Заднюю. А после — так они говорят — нас опрашивают и наши воспоминания об этом месте каким-то образом стирают. — Он поднял руки к небу, растопырив пальцы. — А *после* этого, ребятки, мы отправляемся на небеса! Безгрешные, как ангелочки, — ну, может, с пачкой сигарет в кармане. Аллилуйя!

— Он имеет в виду обратно домой к нашим родителям, — быстро добавила Айрис.

— Где нас будут встречать с распростёртыми объятиями, — сказал Ники. — Не будут задавать никаких вопросов, а просто обрадуются и поведут нас в «Чак И. Чиз», чтобы отпраздновать. Как по-твоему, это звучит реалистично, Эллис?

Нет.

— Значит наши родители *живы*, так? — Люк не знал, как его голос прозвучал для остальных, но себе он показался совершенно ничтожным.

Никто из них не ответил, лишь бросив взгляд на него. Но и такого ответа было достаточно.

3

Кто-то постучал в дверь офиса миссис Сигсби. Она пригласила посетителя, не отрывая глаз от монитора. Вошедший мужчина был почти таким же высоким, как доктор Хендрикс, но на десять лет младше и в гораздо лучшей физической форме: широкоплечий и мускулистый. С округлой бритой головой, которая поблескивала в свете ламп. На нём были джинсы и голубая рабочая рубашка с закатанными рукавами, показывающая его внушительные бицепсы. На одном бедре висела кобура с металлическим стержнем, торчащим вверх.

— Прибыла группа «Руби Ред», если вы хотите поговорить с ними об операции «Эллис».

— Есть что-нибудь необычное или срочное, Тревор?

— Нет мэм, не совсем, и если помешал, то могу прийти позже.

— Всё в порядке. Наши постоянцы вводят новичка в курс дела. Подойдите и взгляните. Некая смесь из догадок и наблюдений — довольно забавно. Как в «Повелителе мух»^[42].

Тревор Стакхаус обошёл вокруг стола. С одной стороны шахматной доски, фигуры на которой были выставлены и готовы к игре, он увидел Уилхолма — самого докучливого засранца. А с другой стороны сидел новичок. Девочки стояли рядом, и как обычно, в

основном, поглядывали на Уилхолма — красивого, угрюмого и непокорного, как Джеймс Дин^[43] в свои последние дни. И скоро его тоже не станет. Стакхаус не мог дожидаться, когда Хендрикс подпишет бумаги.

— Сколько по-вашему тут всего работает людей? — спросил новичок.

Айрис и Калиша (также известная, как Ветрянщица) переглянулись.

— Пятьдесят? Во всяком случае, не меньше. Доктора... техники и санитары... работники столовой... ээ...

— Два-три дворника, — сказал Уилхолм. — И экономки. Сейчас только Морин, потому что нас тут только пятеро, но когда детей бывает больше, они вызывают ещё пару экономок. Возможно, из Задней Половины, но я не уверен.

— С таким количеством людей, как им удаётся держать это место в секрете? — спросил Эллис. — Им же, например, надо где-то парковать *машины*?

— Интересно, — сказал Стакхаус. — Не припомню, чтобы раньше кто-нибудь задавался этим вопросом.

Миссис Сигсби кивнула.

— Он довольно умён, и похоже, не только потому, что начитанный. А теперь тихо. Хочу послушать.

— ... должен оставаться, — говорил Люк. — Уловил? Что-то вроде дежурства. А значит — это правительственное заведение. Как одно из теневых мест, куда доставляют террористов для допросов.

— И для старых добрых водных процедур с мешком на голове, — сказал Уилхолм. — Я не слышал, чтобы они поступали так с детьми, но от них этого можно ожидать.

— У них есть бак, — сказала Айрис. — Это и есть их водные процедуры. Они надевают на тебя шапку, окунают в воду и записывают показания. Хотя это

получше уколов. — Она замолчала. — По крайней мере, для меня.

— Сотрудники должны работать посменно, — сказал Эллис. Миссис Сигсби подумала, что он скорее обращается к себе, чем к остальным. Уверена, он так делает часто, подумала она. — Только так и не иначе.

Стакхаус кивнул.

— Неплохо мыслит. Чертовски неплохо. Сколько ему, двенадцать?

— Прочтите досье, Тревор. — Она нажала кнопку на своём компьютере и на экране появилась заставка: фотография её дочерей-близнецов в двухместной коляске, сделанная за много лет до того, как они обзавелись грудью, острым языком и дурными парнями. А в случае с Руди — и тягой к наркотикам. — «Руби Ред» уже опрошены?

— Да, лично мной. И когда копы проверят компьютер мальчика, то увидят, что его интересовали истории, в которых дети убивали своих родителей. Не много, всего две-три.

— В общем, стандартная процедура при операции.

— Да, мэм. Не нужно чинить то, что и так работает. — Стакхаус одарил её улыбкой, и она подумала, что эта улыбка почти такая же очаровательна, как у Уилхолма, когда тот демонстрировал её во всё лицо. Хотя не совсем. Их Ники был настоящим магнитом для кисок. По крайней мере, пока что. — Вы хотите пообщаться с группой или достаточно отчёта? Его составляет Денни Уильямс, так что он должен быть вполне читабельным.

— Если всё прошло гладко, то хватит отчёта. Розалинда принесёт его мне.

— Хорошо. А что насчёт Алворсон? У неё есть какие-нибудь новые сведения?

— Имеет в виду, не целовались ли ещё Уилхолм и Калиша? — Брови Сигсби поднялись вверх. — Это имеет

отношение к вашей задаче по обеспечению охраны, Тревор?

— Да и хорошо, если целовались. Вообще, я был бы рад, если бы они пошли дальше и лишились девственности — если ещё девственники, — пока у них есть такой шанс. Но время от времени Алворсон узнаёт то, что имеет отношение к моей задаче. Взять, например, её разговор с Вашингтоном.

Морин Алворсон, экономка, которая вроде как соперничала и симпатизировала институтским деткам, была на самом деле подсадной уткой. Судя по мелким сплетням, которые она рассказывала, миссис Сигсби считала слово «шпион» слишком громким. Ни Калиша, ни кто-либо ещё из ТП-ов не годились для этого, потому что Морин была слишком хороша в том, чтобы держать свой способ дополнительного заработка глубоко под поверхностью.

Но ценнее всего её делало умение убеждать, что некоторые зоны Института — южный угол столовой, небольшая зона в столовой возле торговых автоматов, и пара других мест — не прослушивались. Это были места, где Алворсон выводила детские секреты. В основном всякую ерунду, но иногда попадались стоящие: например, когда малыш Вашингтон признался, что подумывает о самоубийстве.

— В последнее время — ничего, — сказала Сигсби. — Я сообщу, если она расскажет что-то интересное, Тревор.

— Хорошо. Я спросил на всякий случай.

— Понятно. Теперь идите. Мне нужно работать.

— В пизду, — сказал Ники, садясь обратно на скамейку. Наконец-то он убрал волосы с глаз. — Скоро прозвенит звонок на обед, после которого я пойду на глазной тест и буду таращиться на белую стену. Посмотрим, что ты умеешь, Эллис. Твой ход.

Люку совсем не хотелось играть в шахматы. У него была тысяча других вопросов — в основном об уколах для точек, — но, может, сейчас было не время. Всё-таки, существует такая штука, как перенасыщение информацией. Он передвинул королевскую пешку на две клетки вперёд. Ники уравнил. Люк ответил королевским слоном, угрожая пешке королевского слона Ники. После секундного колебания, Ники переместил ферзя на четыре клетки по диагонали, и это в значительной степени решило исход. Люк переместил своего ферзя и подождал, пока Ники сделает ход, который уже не имел значения, затем поставил ферзя рядом с королём Ники — легко и аккуратно.

Ники нахмурился, глядя на доску.

— Шах и мат? За четыре хода? Ты серьёзно?

Люк пожал плечами.

— Это называется Детский мат, и он работает только если начинаешь белыми. Теперь ты знаешь и в следующий раз сможешь ответить. Лучший способ: сходить ферзевой пешкой на две клетки вперёд или королевской пешкой на одну.

— Но если я так сделаю, ты всё равно сможешь победить?

— Возможно. — Это был тактичный ответ. А настоящий был «конечно».

— Едрить-колотить. — Ники продолжал разглядывать доску. — Не хуёво. Откуда ты знаешь об этом?

— Из книг.

Ники поднял глаза, будто только сейчас впервые увидел Люка, и повторил вопрос Калиши:

— И *насколько* ты умный, парень?

— Достаточно умный, чтобы уделать тебя, — ответила вместо Люка Айрис.

В этот момент раздались два коротких негромких звонка: дин-дон, дин-дон.

— Идём обедать, — сказала Калиша. — Я проголодалась. Пошли, Люк. Проигравший убирает всё на место.

Ники направил в её сторону «пистолет» из пальцев и произнёс одними губами: *ба-бах*, но при этом улыбаясь. Люк встал и последовал за девочками. Перед дверью в гостиную Джордж догнал его и схватил за руку. Из книг по социологии (и из личного опыта) Люк знал, что дети в группах склонны занимать определённые характерные роли. Если Ники Уилхолм был бунтарём, то Джордж Айлс был классическим шутником. Только сейчас он был серьёзным, как сердечный приступ. Он заговорил быстро, понизив голос.

— Ник классный, он мне нравится и от него тащатся девочки; возможно, тебе он тоже понравится, и это нормально, но не делай из него образец для подражания. Он не смиритсся с тем, что мы оказались здесь, но мы здесь, так что не лезь на рожон. Например, это касается точек. Если увидишь, скажи об этом. Если ничего не увидишь, так и говори. Но не лги. *Они узнают.*

К ним подошёл Ники.

— О чём шепчетесь, Джорджи?

— Он хотел узнать, откуда берутся дети, — сказал Люк. — Я посоветовал спросить у тебя.

— Ну охренеть, ещё один блядский юморист. Как раз не хватало второго.

Ник сжал ладонью шею Люка будто в попытке задушить, что, Люк надеялся, было признаком симпатии. А, может, и уважения.

— Ладно, пошли есть.

Столовка, как её называли новые друзья Люка, занимающая часть гостиной, располагалась напротив большого телевизора. Люк хотел поближе рассмотреть торговые автоматы, но остальные шли так быстро, что ему опять не подвернулась возможность. Однако он заметил знак, о котором говорила Айрис: «ПОЖАЛУЙСТА, ПЕЙТЕ В МЕРУ». Видимо, всё, что они говорили на счёт алкоголя, было правдой.

«Не Канзас и не Остров радости, — подумал он. — Это — Страна чудес. Кто-то пробрался в мою комнату посреди ночи и толкнул меня в кроличью нору».

Столовая была не такой большой, как в Школе Бродерика, но похожа по размеру. От того, что посетителей было всего пять, он казался даже больше. Большинство столов были рассчитаны на четверых человек, но в середине стояла пара больших. Один из них был накрыт на пятерых. К ним подошла женщина в розовом халате и розовых брюках, и наполнила их стаканы водой. Как и у Морин, у неё была табличка с именем, на которой было написано: НОРМА.

— Как поживают мои цыплятки? — спросила она.

— О, нас без конца ощипывают, — весело сказал Джордж. — А вы?

— У меня всё хорошо, — сказала Норма.

— От тюрьмы не зарекайтесь.

Норма одарила его дежурной улыбкой и прошла обратно через вращающуюся дверь, которая, судя по всему, вела на кухню.

— И чего я распыляюсь? — сказал Джордж. — Мои лучшие перлы здесь просто пропадают впустую. Ну серьёзно.

Он потянулся к стопке меню в центре стола и раздал остальным. В самом верху было указано сегодняшнее число. Дальше шли «ГОРЯЧИЕ ЗАКУСКИ» (куриные крылышки или томатный суп), «ПЕРВЫЕ БЛЮДА» (гамбургеры или американское чоп-суи^[44]) и «ДЕСЕРТЫ» (яблочный пирог с мороженным или что-то с названием «Волшебный кремовый пирог»). Также в меню было полдюжины разных напитков.

— Ты можешь попросить молоко, хотя его нет в меню, — сказала Калиша. — Большинство детей предпочитают молоко только вместе с хлопьями.

— А тут хорошая еда? — спросил Люк. Прозаичность вопроса — будто они находились на курорте «Сандалс-Резорт», где в стоимость включено питание — вернула ему ощущение нереальности происходящего.

— Да, — сказала Айрис. — Иногда они взвешивают нас. Я набрала четыре фунта.

— Кормят как на убой, — сказал Ники. — Как Гензеля и Гретель.

— По вечерам в пятницу и днём в воскресенье устраивают шведский стол, — сказала Калиша. — Ешь, сколько влезет.

— Как блядские Гензель и Гретель, — повторил Ники. Он полуобернулся, посмотрев в камеру в углу. — Возвращайся, Норма. Думаю, мы уже выбрали.

Она тут же вернулась, что только усилило у Люка ощущение нереальности происходящего. Но когда перед ним появились куриные крылышки и чоп-суи, он принялся уплетать их за обе щёки. Он находился в незнакомом месте, боялся за себя и страшился того, что могло произойти с его родителями, но ещё он был двенадцатилетним мальчиком.

С растущим организмом.

Кем бы они не были, но должно быть они наблюдали, потому что едва Люк проглотил последний кусок кремового пирога, как рядом с ним возникла другая женщина в розовой форме. ГЛЭДИС — было сказано на её именной табличке.

— Люк? Пойдём пожалуйста со мной.

Он посмотрел на остальных ребят. Калиша и Айрис не взглянули на него. Ники смотрел на Глэдис, снова скрестив руки на груди и слегка улыбаясь.

— Может, придёшь попозже, дорогуша? Например, на Рождество. Я оприходуя тебя под омелой^[45].

Она не обратила на него внимания.

— Люк? Пожалуйста?

Джордж был единственным, кто смотрел ему прямо в глаза, и то, что Люк увидел в его лице, заставило его вспомнить слова Джорджа, сказанные перед дверью в гостиную: *«Не лезь на рожон»*. Он встал.

— Ещё увидимся, ребята. Надеюсь.

Калиша беззвучно проартикулировала: *«Уколы для точек»*.

Глэдис была маленькой и миловидной, но Люк подозревал, что она обладала хорошей боевой подготовкой и могла перекинуть его через плечо, если он доставит ей неприятности. А если нет, то *они* наблюдали за ним, и он не сомневался, что подкрепление прибудет незамедлительно. Но помимо этого присутствовал ещё какой-то фактор, настолько же убедительный. Его учили быть вежливым и слушаться старших. Даже в такой ситуации ему было трудно избавиться от этой привычки.

Глэдис провела его мимо ряда окон, о которых упоминал Ники. Люк посмотрел наружу и действительно увидел другое здание. Оно едва

проглядывало через деревья, но оно там было. Задняя Половина.

Он оглянулся через плечо перед тем как выйти из столовой, надеясь на какое-нибудь подбадривание: взмах руки или даже улыбку Калиши. Но не было ни взмаха, ни улыбки. Они смотрели на него так же, как на игровой площадке, когда он спросил живы ли их родители. Может быть, этого они не знали наверняка, но они точно знали, куда его повели. Что бы это ни было, они уже испытали это на себе.

7

— Боже, какой чудесный день, а? — сказала Глэдис, ведя Люка по шлакоблочному коридору, мимо его комнаты. Коридор перешёл в другое крыло — больше дверей, больше комнат, — но они свернули налево, в закуток, который оказался лифтовым холлом.

Люк, обычно любивший поддержать беседу, не сказал ни слова. Он был почти уверен, что именно так в подобной ситуации поступил бы Ники.

— Если бы не букашки... ох! — Она отмахнулась от невидимых насекомых и рассмеялась. — Будешь мазаться с ног до головы, по крайней мере, до июля.

— Когда появятся стрекозы.

— Да! Точно! — Она залилась смехом.

— Куда мы идём?

— Увидишь. — Она приподняла брови, как бы говоря: *не порти сюрприз*.

Двери лифта открылись и из него вышли двое мужчин в синих рубашках и брюках. Один — ДЖО, другой — ХАДАД. У обоих в руках были «айпады».

— Привет, мальчики, — весело сказала Глэдис.

— Здорова, девочка, — сказал Хадад. — Как дела?

— Хорошо, — прочирикала Глэдис.

— А у тебя, Люк? — спросил Джо. — Привыкаешь?

Люк не ответил.

— Молчанка, да? — усмехнулся Хадад. — Ну ладно, пока можно. А вот позже — вряд ли. Штука в том Люк, что как ты относишься к нам, так и мы к тебе.

— Всё в твоих руках, — добавил Джо. — Это мудрые слова. Увидимся позже, Глэдис?

— А то. С тебя выпивка.

— Как скажешь.

Мужчины ушли, а Глэдис завела Люка в лифт. Внутри не было ни цифр, ни кнопок. Она сказала: «Б», затем достала из кармана брюк карточку и поводила ею перед сенсором. Двери закрылись. Лифт опустился вниз, но не глубоко.

— «Б», — откуда-то сверху донёсся мягкий женский голос. — Этаж «Б».

Глэдис снова поводила карточкой. Двери открылись в широкий холл, освещённый полупрозрачными панелями в подвесном потолке. Играла ненавязчивая музыка — как в супермаркете, подумал Люк. Пара человек занимались своими делами, кто-то катил в их сторону тележки с оборудованием, а один нёс проволочную корзинку, в которой, возможно, находились образцы крови. Все двери были помечены цифрами, перед которыми стояла буква «Б».

Большое дело, сказал Ники. *Целый комплекс.* Должно быть, так оно и было, потому что если есть уровень «Б», то должен быть и уровень «В». Может, даже «Г» и «Д». Очень похоже на правительственное учреждение, подумал Люк, но как можно было держать в секрете настолько крупный комплекс? Это не только незаконно и неконституционно, но и связано с похищением детей.

Они миновали открытую дверь и Люк увидел что-то похожее на бытовку. Там стояли столы и торговые

автоматы (но без предупреждения ПОЖАЛУЙСТА, ПЕЙТЕ В МЕРУ). За одним из столов сидели трое человек: мужчина и две женщины. Они были одеты в обычную одежду, джинсы и рубашки, и пили кофе. Одна из женщин, блондинка, показалась Люку знакомой. Сначала он не понял, почему, но потом вспомнил голос, произносящий: *«Конечно, как скажешь»*. Это было последнее, что он запомнил перед тем, как очнулся здесь.

— Вы, — сказал он и указал на неё пальцем. — Это были вы.

Женщина ничего не сказала, и даже не повела бровью. Но она взглянула на него. И продолжала смотреть, пока Глэдис не закрыла дверь.

— Это была она, — сказала Люк. — Я знаю.

— Мы почти пришли, — сказала Глэдис. — Это не займёт много времени, а потом ты сможешь вернуться в свою комнату. Думаю, тебе захочется отдохнуть. Первые дни бывают изнуряющими.

— Вы меня слышали? Это она была в моей комнате. Она чем-то брызнула мне в лицо.

Никакого ответа, только снова улыбка, от которой Люку каждый раз становилось не по себе.

Они дошли до двери с номером «Б-31».

— Веди себя хорошо и получишь пять жетонов, — сказала она. Она сунула руку в другой карман и достала несколько металлических кружков, похожих на четвертаки, только с чеканными треугольниками с обеих сторон. — Видишь? Они у меня с собой.

Она постучала в дверь, которую открыл мужчина в синем — ТОНИ. Это был высокий блондин, красивый, если не считать одного слегка прищуренного глаза. Люк подумал, что он похож на злодея и фильмов о Джеймсе Бонде, — возможно, на обходительного лыжного инструктора, который оказался убийцей.

— Привет, красотка. — Он чмокнул Глэдис в щёку. — А вот и Люк. Привет, Люк. — Он протянул свою руку. Люк, подражая Ники Уилхолму, не стал пожимать её. Тони засмеялся, будто в ответ на весьма удачную шутку. — Прошу, прошу.

Похоже, приглашение было адресовано только ему; Глэдис слегка подтолкнула его и закрыла дверь. То, что Люк увидел посреди комнаты, встревожило его. Это было похоже на кресло дантиста. Если не считать ремней на подлокотниках.

— Садись и будь молодцом, — сказал Тони. Не умницей, подумал, Люк, но почти.

Тони подошёл к шкафу, открыл нижний ящик и порылся в нём, что-то насвистывая. Когда он обернулся, в одной руке у него было то, что выглядело как маленький паяльник. Похоже, он был удивлён тем, что Люк продолжал стоять возле двери. Тони ухмыльнулся.

— Садись, говорю.

— Что вы собираетесь с этим делать? Татуировку? — Он подумал о евреях, которым набивали номера на руках, когда они попадали в лагеря Аушвиц и Берген-Бельзен. Это была совершенно нелепая мысль, но...

Тони удивился, а затем рассмеялся.

— Боже, нет. Просто собираюсь проколоть тебе мочку уха. Что-то вроде пирсинга. Ничего особенного, через это проходят все наши гости.

— Я не гость, — сказал Люк, подавшись назад. — Я — узник. И вы ничего не засунете мне в ухо.

— Придётся, — сказал Тони, всё ещё ухмыляясь. Всё ещё выглядя, как лыжный инструктор, обучающий детей на склоне для начинающих, перед тем как попытаться убить Джеймса Бонда отравленным дротиком. — Слушай, это всего лишь маленький укол. Так что не усложняй. Сядь в кресло, на всё уйдёт не больше десяти секунд. На выходе Глэдис выдаст тебе

жетоны. А будешь упираться — я всё равно поставлю чип, но жетонов уже не получишь. Ну, что скажешь?

— Я не сяду в это кресло. — Люка всего трясло, но его голос звучал довольно твёрдо.

Тони вздохнул. Он осторожно положил устройство для чипирования на шкаф, подошёл к Люку и упёр руки в бока. Теперь он выглядел серьёзным, почти огорчённым. — Ты уверен?

— Да.

У его ушах зазвенело от пощёчины ещё до того, как он успел понять, что рука Тони оторвалась от левого бока. Люк отступил назад и уставился на здоровяка широко раскрытыми, ошалелыми глазами. Однажды, когда ему было четыре-пять лет, отец (легонько) отшлёпал его за игру со спичками, но раньше его никогда не били по лицу. Его щека горела, но он всё ещё не мог поверить в это.

— Это гораздо больнее прокола уха, — сказал Тони. Его ухмылка исчезла. — Добавки? Буду только рад. Дети всегда думают, что весь мир вращается вокруг них. Господи.

Только сейчас Люк заметил небольшой синяк на подбородке Тони, и небольшую ссадину на левой щеке. Он вспомнил свежий синяк на лице Ники Уилхолма. Он хотел бы набраться мужества, чтобы сделать то же самое, но не мог. По правде говоря, он не умел драться. И если бы попытался, то Тони размазал бы его по всей комнате.

— Теперь готов сесть в кресло?

Люк сел.

— Будешь вести себя хорошо или придётся застегнуть ремни?

— Буду.

Тони был прав: проколоть ухо было не так больно, как получить пощёчину, возможно, потому что он был к этому готов, а, может, потому что это выглядело, как

медицинская процедура, а не рукоприкладство. Когда всё было сделано, Тони подошёл к стерилизатору и достал иглу для инъекций.

— Второй раунд, молодчик.

— Что это? — спросил Люк.

— Не твоё дело.

— Если это войдёт в меня, то это *мое* дело.

Тони вздохнул.

— С ремнями или без ремней? Выбор за тобой.

Он вспомнил слова Джорджа: *не лезь на рожон*.

— Без ремней.

— Молодец. Просто сделаю маленький укол и готово.

Но это был не просто маленький укол. Не агония, но чертовски больно. Рука Люка стала горячей до самого запястья, будто поражённая лихорадкой, а затем всё прошло.

Тони наложил пластырь, затем повернул кресло так, чтобы оно смотрело на белую стену.

— Теперь закрой глаза.

Люк закрыл.

— Что-нибудь слышишь?

— Например?

— Не задавай вопросы, а отвечай. Слышишь *что-нибудь*?

— Перестаньте говорить и дайте прислушаться.

Тони замолчал. Люк слушал.

— Кто-то ходит в холле. И кто-то смеётся. Кажется, это Глэдис.

— Что-нибудь ещё?

— Нет.

— Ладно. Теперь я хочу, чтобы ты досчитал до двенадцати, а потом открыл глаза.

Люк сделал, что ему было велено.

— Что ты видишь?

— Стену.

— Что-нибудь ещё?

Люк подумал, что Тони наверняка говорит о точках. *«Если увидишь, скажи об этом»*, сказал ему Джордж. *«Если ничего не увидишь, так и говори. Но не лги. Они узнают»*.

— Ничего.

— Уверен?

— Да.

Тони хлопнул его по спине, от чего Люк вздрогнул.

— Молодец, мы закончили. Дам тебе немного льда для уха. Удачного дня.

8

Когда Тони вывел Люка из комнаты «Б-31», его ждала Глэдис. Она улыбалась своей профессиональной улыбкой хостес^[46].

— Как всё прошло, Люк?

За него ответил Тони:

— Отлично. Он хороший мальчик.

— Других не держим, — почти пропела Глэдис. — Хорошего дня, Тони.

— И тебе, Глэд.

Она повела Люка обратно к лифту, оживлённо болтая. Он совершенно не понимал, о чём. Боль в руке едва чувствовалась, но он прижимал холодный компресс к пульсирующему уху. Хуже всего сказалась пощёчина.

Глэдис провела Люка по зелёному коридору, мимо плаката, под которым сидела Калиша, мимо другого плаката с надписью «ПРОСТО ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ», и наконец они дошли до комнаты, которая выглядела как его, но не была ею.

— Личное время! — воскликнула она, словно вручая ему ценный приз. Хотя прямо сейчас перспектива побыть одному и правда казалась чем-то вроде приза. — Он сделал укол, так?

— Да.

— Если рука начнёт болеть или почувствуешь слабость, скажи мне или другому санитару, ладно?

— Ладно.

Он открыл дверь, но прежде чем успел войти внутрь, Глэдис взяла его за плечо и повернула к себе. Она по-прежнему улыбалась своей улыбкой хостес, сжимая его плоть стальными пальцами. Не сильно, но достаточно, чтобы он понял, что при желании они могут причинить боль.

— К сожалению, сегодня без жетонов, — сказала она. — Мне даже не нужно спрашивать Тони — след на твоей щеке говорит сама за себя.

Люк хотел сказать: *«Мне не нужны ваши сраные жетоны»*, но промолчал. Он не боялся ещё одной пощёчины, но боялся, что от звука своего собственного голоса — слабого, нетвёрдого, ошеломлённого, голоса шестилетнего мальчика — тут же заревёт, прямо перед ней.

— Позволь дать тебе совет, — сказала она. Теперь уже без улыбки. — Ты должен понять: ты здесь, чтобы служить, Люк. Это значит, что тебе следует быстро повзрослеть; ты должен стать реалистом. Здесь тебя много всего ждёт. И не всегда это будет приятно. Ты можешь быть умницей, получая жетоны, а можешь быть плохишом, не получая ничего. Но всё, что тебя ждёт, всё равно случится, так что выбор за тобой. Это не так уж тяжело понять.

Люк ничего не ответил. Тем не менее, её улыбка хостес — *о, да, сэр, я отведу вас к вашему столику* — вернулась.

— Ты будешь дома до конца лета и заживёшь, будто ничего этого не было. Всё это будет казаться тебе сном, если ты вообще сможешь вспомнить. А пока это *не* сон, почему бы не облегчить своё пребывание здесь? — Она ослабила хватку и слегка подтолкнула его. — Думаю, тебе стоит прилечь и немного отдохнуть. Ты видел точки?

— Нет.

— Увидишь.

Она очень осторожно закрыла дверь. Люк, будто в тумане, дошёл до кровати, которая была не его. Лёг, положив голову на подушку, которая была не его, и устался на пустую стену, в которой не было окна. И не было никаких точек, что бы они из себя не представляли. Он подумал: «Я хочу к маме. Боже, как же я очень хочу к маме».

И тут он не выдержал. Он выронил холодный компресс, закрыл глаза руками и заплакал. Наблюдают ли они за ним? Слышат ли его всхлипывания? Не важно. Он остался без утешения. Так он и заснул, в слезах.

9

Люк проснулся, чувствуя себя лучше — в каком-то смысле, облегчённым. Он заметил, что в его комнате появились две новые вещи, пока он был на обеде, а затем встречался со своими новыми замечательными друзьями, Глэдис и Тони. На столе стоял ноутбук. Это был «Мак», почти как его собственный, только более старая модель. Второй вещью был телевизор, который стоял в углу на подставке.

Первым делом он подошёл к компьютеру и включил его, снова ощутив глубокую тоску по дому, когда услышал знакомый звук приветствия «Макинтоша».

Вместо окна для ввода пароля на синем экране высветилось сообщение: ДЛЯ РАБОТЫ ПОКАЖИТЕ В КАМЕРУ ОДИН ЖЕТОН. Люк пару раз щёлкнул по клавише возврата, зная, что это ни к чему не приведёт.

— Долбаная херня.

Затем, несмотря на весь ужас и нереальность происходящего, он рассмеялся. Смех был резким и недолгим, но искренним. Ощущал ли он некоторое превосходство — может, даже презрение — при мысли о детях, стремящихся к получению жетонов, чтобы купить коктейли и сигареты? Конечно, ощущал. Думал ли он, что сам *никогда* не опустится до этого? Конечно, думал. Когда Люк думал о детях, которые курили и пили (что случалось редко, потому что ему было о чём подумать и без них), ему представлялись готы-неудачники, которые слушали «Пантеру» и рисовали закрученные дьявольские рога на своих джинсовых куртках; неудачники настолько тупые, что в акте протеста добровольно накидывали на себя цепи зависимости. Он не мог представить себя на их месте, но вот он сидел тут, перед синим экраном ноутбука, нажимая на клавишу возврата, как крыса в Ящике Скиннера^[47], нажимающая на рычажок, чтобы получить зёрнышко или щепотку кокаина.

Он закрыл ноутбук и взял пульт, лежащий на телевизоре. Он всерьёз ожидал увидеть ещё один синий экран с сообщением, что для использования устройства ему нужен один или несколько жетонов, но вместо этого по телевизору показывали, как Стив Харви спрашивал у Дэвида Хассельхоффа^[48] о его списке дел, которые нужно успеть сделать при жизни. А зрители в студии смеялись над забавными ответами Хоффа.

При нажатии кнопки управления, открылось меню телевизора «Директ Ти-Ви», похожее на меню телевизора, который стоял у него дома, но, как и

комната и ноутбук — не точно такое же. Хотя там был представлен широкий список фильмов и спортивных программ, Люк не обнаружил никаких телевизионных или новостных каналов. Он выключил телевизор, вернул пульт на место и огляделся вокруг.

Кроме двери, ведущей в коридор, было ещё две двери. За одной был стенной шкаф, где находились джинсы, футболки (они не стали в точности копировать его одежду, от чего он испытал некоторое облегчение), несколько рубашек, две пары кроссовок и одна пара шлёпок. Ботинок не было.

Другая дверь вела в маленькую, безупречно чистую ванную комнату. На раковине лежала пара зубных щёток, всё ещё в упаковке, а рядом с ними новый тюбик «Крест». В хорошо укомплектованной аптечке он нашёл ополаскиватель для рта, баночку детского «Тайленола» всего с четырьмя капсулами внутри, дезодорант, шариковый «Дит» от насекомых, пластыри, и несколько других более-менее полезных вещей. Единственной вещью, которую можно было считать потенциально опасной, были кусачки для ногтей.

Он захлопнул аптечку и посмотрел на себя в зеркало. Волосы всклокочены, а под глазами тёмные круги (Рольф назвал бы их отбивными). Он одновременно выглядел и молодым, и повзрослевшим, что было странно. Он всмотрелся в свою побаливавшую мочку правого уха и увидел маленькое металлическое колечко, просунутое через слегка покрасневшую кожу. Он не сомневался, что где-то на уровне «Б» — или «В», или «Г» — сидит компьютерный техник, который теперь может отслеживать все его перемещения. Возможно, делал это прямо сейчас. Лукаса Дэвида Эллиса, который собирался поступать в МИТ и Эмерсон, теперь низвели до мигающей точки на экране компьютера.

Люк вернулся в свою комнату (в *обычную* комнату, сказал он себе; это *обычная* комната, а не *моя* комната),

огляделся и понял страшную вещь: в ней не было книг. Ни одной. Это было так же плохо, как и отсутствие доступа к компьютеру. А, может, и того хуже. Он подошёл к комоду и один за другим открыл все ящики, думая, что там может лежать Библия или Книга Мормона^[49], которые обычно встречаются в номерах отелей. Но нашёл только аккуратные стопки нижнего белья и носков.

И что оставалось? Стив Харви, ведущий разговор с Дэвидом Хассельхоффом? Повторы «Самых смешных домашних видео Америки»?^[50]

Нет. Ни за что.

Он вышел из комнаты, думая, вдруг Калиша или кто-то ещё из ребят где-нибудь поблизости. Но увидел только Морин Алворсон, которая медленно катила по коридору свою тележку «Дандукс» для белья, заполненную до верху сложенными простынями и полотенцами. Она запыхалась и выглядела более усталой, чем раньше.

— Здравствуйте, мисс Алворсон. Вам помочь?

— Было бы очень любезно с твоей стороны, — ответила она с улыбкой. — Мы ожидаем пятерых новичков: двоих — сегодня вечером, и троих — завтра, так что нужно подготовить комнаты. Вон там. — Она указала пальцем в противоположном направлении от гостиной и игровой площадки.

Он толкал тележку не спеша, потому что шла не спеша.

— Вы не знаете, как можно заработать один жетон, мисс Алворсон? Мне нужен только один, чтобы разблокировать компьютер в комнате.

— Сможешь заправить кровать, если я скажу, как это делается?

— Конечно. Я сам заправляю кровать дома.

— А по-больничному?

— Ну... нет.

— Не бери в голову, я покажу. Заправишь пять кроватей, и я дам тебе три жетона. Это всё, что у меня есть. Больше не дают.

— Три тоже хорошо.

— Хорошо. Но хватит всяких «мисс». Зови меня Морин или просто Мо. Как и все остальные дети.

— Это я могу, — сказал Люк.

Они миновали закуток с лифтом и вошли в проход, в котором тоже висели вдохновляющие плакаты. А ещё там был ледогенератор, как в мотелях, и кажется он работал без всяких жетонов. Сразу после него Морин опустила ладонь на руку Люка. Он перестал толкать тележку и вопросительно посмотрел на неё.

Когда она заговорила, то её голос звучал чуть громче шепота.

— Вижу, тебя прочипировали, но жетонов не дали.

— Ну...

— Можешь говорить, но не громко. В Передней Половине есть с полдюжины мест, где их чёртовы микрофоны не достают — мёртвые зоны, и я все их знаю. Одна прямо здесь, возле ледогенератора.

— Ясно...

— Кто поставил чип и оставил эту отметину у тебя на лице? Тони?

Глаза Люка начали гореть, но он не решался заговорить, безопасно это было или нет. Он просто кивнул.

— Он один из злодеев, — сказала Морин. — Второй — Зик. И Глэдис тоже, хотя она часто улыбается. Здесь работает много людей, которые любят обижать детей, но эти трое — самые злобные.

— Тони ударил меня, — прошептал Люк. — Сильно.

Она взъерошила ему волосы. Обычно женщины так делают малышам и маленьким детям, но Люк не возражал. Это было прикосновение доброты, и сейчас

оно много значило для него. Сейчас оно было важнее всего.

— Делай, как он говорит, — сказал Морин. — Не спорь — это мой лучший тебе совет. Здесь есть люди, с которыми можно поспорить, даже с миссис Сигсби, и это обернётся для тебя чем-то полезным, но Тони и Зик — как две злые осы. И Глэдис тоже. Они *жалят*.

Она снова двинулась по коридору, но Люк схватил её за рукав коричневой формы и потянул назад в безопасную зону.

— Думаю, Ники ударил Тони, — прошептал он. — У него ссадина и подбит глаз.

Морин улыбнулась, показав зубы, которых, похоже, давно не касалась зубная щётка.

— Рада за Ники, — сказала она. — Тони, вероятно, отплатил ему вдвойне, но всё же... рада. Теперь пойдём. С твоей помощью мы подготовим комнаты в мгновение ока.

В первой комнате на стенах висели плакаты с Томми Пиклзом и Зуко, персонажами «Никелодеан», а на комоде стоял целый взвод фигурок «Джи-Ай-Джо». Люк сразу же узнал некоторые из них, потому что не так давно сам прошёл через «Джи-Ай-Джо» период. На обоях были изображены радостные клоуны с воздушными шарами.

— Твою-то мать, — сказал Люк. — Это комната маленького ребёнка.

Она удивлённо взглянула на Люка, как бы говоря: *до Мафусаила тебе далеко*.

— Верно. Его зовут Эйвери Диксон, и судя по моей ведомости, ему десять. Давай приступим к делу. Уверена, достаточно будет одного раза показать тебе, как заправлять кровать по-больничному. Ты похож на того, кто всё схватывает на лету.

Вернувшись в комнату, Люк поднёс один из жетонов к камере ноутбука. Делая это, он чувствовал себя немного глупо, но компьютер тут же ожил, показав сообщение на синем экране: **С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ДОННА!** Люк нахмурился, а затем слегка улыбнулся. Когда-то, до его прибытия, этот компьютер принадлежал (или был выдан на время) кому-то по имени Донна. И с тех пор экран приветствия не менялся. Кто-то недоглядел. Всего лишь маленький недосмотр, но где был один, могут быть и другие.

Приветствие исчезло и появилось стандартное изображение рабочего стола: пустынный пляж под предрассветным небом. Панель управления внизу экрана была почти такой же, как на его домашнем компьютере, за одним явным (но теперь не таким уж удивительным) исключением: там не было маленькой почтовой марки электронной почты. Однако были иконки двух интернет-браузеров. Люк удивился, но это был приятный сюрприз. Он открыл «Файрфокс» и набрал: *вход в AOL*^[51]. Вернулся синий экран, но в этот раз с пульсирующим красным кругом посередине. Мягкий компьютерный голос сказал: «Извини, Дэйв, но боюсь я не смогу этого сделать».

На секунду Люк подумал, что это ещё один недосмотр — сначала Донна, теперь Дэйв, — прежде чем понял, что это был голос ЭАЛ 9000 из фильма «2001: Космическая одиссея». Не оплошность, а просто забавная отсылка, хотя в нынешних обстоятельствах такая же забавная, как резиновый костыль.

Он загуглил *Герберта Эллиса* и снова услышал ЭАЛа. Люк задумался, потом загуглил «Орфеум-Сиэтр» на Хеннепин — не потому, что собирался посмотреть там спектакль (или в любом другом месте в обозримом

будущем), а потому, что хотел узнать, к какой информации у него *есть* доступ. Должно было быть хоть что-то, иначе зачем вообще устанавливать соединение.

«Орф», как его называли родители Люка, казалось, был одним из сайтов, одобренных для «гостей» Института. На нём сообщалось, что «Хэмилтон» — возвращается («По многочисленным просьбам!»), а в следующем месяце будет выступать Пэттон Освальд («Вас разорвёт от смеха!»). Он попытался загуглить Школу Бродерика и без проблем зашёл на их сайт. Он набрал мистера Грира, своего школьного психолога, и получил ЭАЛа. Теперь он начал понимать отчаяние доктора Дэйва Боумана в фильме.

Он начал закрывать крышку ноутбука, но затем передумал и ввёл в поле для поиска: *Полиция штата Мэн*. Его палец завис над кнопкой «выполнить», почти нажав её, но затем Люк убрал руку. Это снова будет дурацкое извинение от ЭАЛа, но он сомневался, что на этом всё закончится. Вполне вероятно, что на одном из нижних уровней сработает оповещение. Не вероятно, а точно. *Они* могли забыть сменить имя ребёнка на экране приветствия компьютера, но они не забыли бы установить программу оповещения на случай, если ребёнок попытается связаться с правоохранительными органами. И последует наказание — вероятно, хуже пощёчины. Компьютер, который раньше принадлежал кому-то по имени Донна, был бесполезен.

Люк откинулся на спинку стула и сложил руки на своей узкой груди. Он подумал о Морин и о том, как сочувствующе она взъерошила его волосы. Всего лишь маленькое проявление доброты, но оно (и жетоны) сняло часть обиды от удара Тони. Калиша сказала, что эта женщина задолжала сорок тысяч долларов? Нет, кажется, вдвое больше.

Отчасти из-за этого проявления сочувствия со стороны Морин, и чтобы скоротать время, Люк загуглил:

долг по кредиту помощь. Компьютер немедленно дал ему доступ ко всей возможной информации по данной теме, включая ряд компаний, которые заявляли, что погасить надоедливые счета — проще пареной репы; всем прижатым к стенке должникам стоит сделать лишь один телефонный звонок. Люк сомневался в этом, но полагал, что кто-то поверит; именно поэтому они и залезли в долговую яму.

Хотя, по словам Калиши, Морин Алворсон была не такой. Она сказала, что кредитов набрал муж Морин, пока не смотал удочки. Может быть, а, может, и нет, но в любом случае у этой проблемы могли быть решения. Главная задача — найти их, и дело в шляпе. Возможно, компьютер был не так уж бесполезен.

Люк обратился к наиболее надёжным источникам и вскоре углубился в тему долгов и погашения кредитов. Им овладела прежняя тяга к *познанию*. К изучению новых материй. Чтобы выделить и понять главные аспекты. Как обычно, новая порция информации приводила ещё к трём (или к шести, или к двенадцати), и в итоге начала вырисовываться цельная картина. Наподобие карты местности. Самая интересная концепция — центральная опора, к которой пристыковывались все остальные — была простой, но удивительной (по крайней мере, для Люка). Кредит — это *товар*. Его покупали и продавали, и в какой-то момент он стал центром не только американской экономики, но и всего мира. Хотя и не был чем-то материальным. Он не был каким-то сырьём, вроде газа, золота или бриллиантов; он был всего лишь понятием. Обещанием заплатить.

Когда раздался сигнал мессенджера, Люк помотал головой, словно ребёнок, оторванный от яркого сна. Судя по часам компьютера, было уже пять вечера. Он щёлкнул на иконку воздушного шарика внизу экрана и прочитал:

Миссис Сигсби: Привет Люк, я руковожу этим заведением и хотела бы встретиться с тобой.

Он обдумал эти слова и ответил.

Люк: У меня есть выбор?

Ответ пришёл мгновенно.

Миссис Сигсби: Нет.:)

— Засунь этот смайлик себе в...

В дверь кто-то постучал. Он подошёл к ней, ожидая увидеть Глэдис, но в этот раз за ней стоял Хадад, один из мужчин, которых он видел у лифта.

— Прогуляемся, парниша?

Люк вздохнул.

— Секунду. Нужно одеть кроссовки.

— Без проблем.

Хадад отвёл его к двери, которая находилась после лифта, и воспользовался картой-ключом, чтобы отпереть её. Затем они прошли небольшое расстояние до административного здания, отмахиваясь от насекомых.

11

Миссис Сигсби напомнила Люку старшую сестру его отца. Как и тётя Рода, эта женщина была худой, с едва заметными бёдрами и грудью. Только вокруг рта тёти Роды были морщинки, а её глаза всегда смотрели на него с теплотой. Она любила обниматься. Люк подумал, что от женщины в костюме цвета сливы и туфлях на

каблуках, стоящей возле своего стола, не стоит ждать никаких объятий. Можно было рассчитывать на улыбку, но эта улыбка была бы фальшивой. Во взгляде миссис Сигсби он увидел лишь внимательную оценку. И больше ничего.

— Спасибо Хадад. Дальше я сама.

Санитар — как предположил Люк — почтительно кивнул и вышел из офиса.

— Начнём с очевидных вещей, — сказала она. — Мы тут одни. Я провожу около десяти минут наедине с каждым новичком вскоре после их прибытия. Некоторые из них, дезориентированные и злые, пытались напасть на меня. Но я не держу на них зла. Да и с чего бы? Самым старшим новичкам — шестнадцать, а средний возраст — одиннадцать с половиной. Другими словами, все они дети, а дети плохо контролируют свои импульсы даже в лучшие периоды. Я рассматриваю такое агрессивное поведение, как сигнал к обучению... и я учу их. Нужно ли мне учить тебя, Люк?

— Нет, — ответил Люк. Он подумал, не был ли Ники одним из тех, кто пытался отыгаться на этой аккуратной маленькой женщине. Возможно, позже он спросит об этом.

— Хорошо. Присаживайся.

Люк сел в кресло перед её столом, наклонившись вперёд и крепко зажав ладони между коленями. Миссис Сигсби села напротив, глядя на Люка взглядом директрисы, которая не потерпит никаких глупостей. Которая сурово за них накажет. Люк ещё не встречал безжалостных взрослых, но сейчас ему показалось, что он столкнулся с одним из них лицом к лицу. Эта мысль была пугающей и сначала он хотел отвергнуть её, как нелепую. Но подавил порыв. Лучше считать, что он просто жил в каком-то своём мирке. Лучше — безопаснее — считать, что она та, за кого он её принял,

пока и если она не проявит себя с обратной стороны. Ситуация и так была скверной, вне всяких сомнений. И заниматься самообманом было худшее, что он мог сделать.

— Ты завёл друзей, Люк. Это хорошее, хорошее начало. Во время своего пребывания в Передней Половине ты познакомишься и с другими. Двое из них — мальчик по имени Эйвери Диксон и девочка по имени Хелен Симмс — только что поступили. Сейчас они спят, но ты скоро встретишься с ними, — с Хелен, возможно, ещё до отбоя в десять. А Эйвери может проспать всю ночь. Он довольно юн и наверняка будет дезориентирован, когда проснётся. Надеюсь, ты возьмёшь его под своё крыло, как надеюсь сделает Калиша, Айрис и Джордж. А, может, даже Ники, хотя никто не знает, как он может отреагировать. Думаю, он и сам не знает. Помогая Эйвери адаптироваться в новых условиях, ты сможешь заработать жетоны, которые, как ты уже знаешь, являются основным платёжным средством здесь, в Институте. Всё зависит от тебя, но мы будем приглядывать.

Знаю, подумал Люк. И будете подслушивать. За исключением нескольких мест. Если, конечно, Морин права насчёт их.

— Твои друзья дали тебе определённое количество информации, часть которой правдива, а часть — полная ерунда. То, что я скажу тебе сейчас, — абсолютная правда, так что слушай внимательно. — Она подалась вперёд, положив ладони на стол и сверля его взглядом. — Ты слушаешь, Люк? Потому что, как говорится, я не буду повторять дважды.

— Да.

— Что «да»? — бросила она, хотя её лицо оставалось таким же спокойным.

— Я слушаю. Внимательно.

— Замечательно. Какое-то время ты пробудешь в Передней Половине. Это может быть десять дней, или две недели, или месяц, хотя очень немногие из наших новобранцев остаются там так долго.

— Новобранцы? Хотите сказать, что меня призвали? Она коротко кивнула.

— Именно это я и хочу сказать. Идёт война и ты был призван, чтобы служить своей стране.

— Почему? Потому что время от времени могу передвинуть стакан или книгу, не прикасаясь к ним? Это глуп...

— *Заткни свой рот!*

Люк был потрясён этими словами, почти так же, как пощёчиной от руки Тони.

— Когда я говорю, ты слушаешь. И не перебиваешь. Это ясно?

Не доверяя своему голосу, Люк только кивнул.

— Это не гонка вооружений, а гонка *умов*, и если мы проиграем, последствия будут более чем ужасающими; они будут невообразимыми. Пусть тебе всего лишь двенадцать, но ты солдат в необъявленной войне. Как Калиша и остальные. Нравится ли тебе это? Конечно, нет. Призывникам это никогда не нравится, и порой им нужно объяснять, что их ждут последствия за невыполнение приказов. Полагаю, в этом отношении ты уже получил один урок. Если ты так умён, как сказано в твоём досье, то, вероятно, второй тебе не понадобится. Однако, если это повторится, то ты получишь его. Здесь не твой дом. Здесь не твоя школа. Здесь тебя не заставят *мыть посуду*, не отправят в *кабинет директора* и не оставят *после уроков*. Здесь ты будешь *наказан*. Ясно?

— Да. — Для хороших мальчиков и девочек — жетоны; для плохих — пощёчины. Или того хуже. Концепция была простой, но пугающей.

— Тебе сделают несколько инъекций. Ты пройдёшь несколько тестов. За твоим эмоциональным и физическим состоянием будет вестись наблюдение. И со временем тебя переведут в Заднюю Половину, где ты будешь служить. Там ты можешь пробыть до шести месяцев, хотя средняя продолжительность активной службы длится всего шесть недель. Затем твоя память будет стёрта и тебя отправят домой к родителям.

— А они живы? Мои родители живы?

Она засмеялась, и на удивление весело.

— Конечно живы. Мы не убийцы, Люк.

— Тогда я хочу поговорить с ними. Дайте мне поговорить с ними, и я сделаю всё, что попросите. — Слова вырвались прежде, чем он понял, настолько опрометчивым было это обещание.

— Нет, Люк. Кажется, между нами всё ещё есть недопонимание. — Она подалась назад. Но ладони остались на столе. — Это не переговоры. Ты и так сделаешь всё, что мы попросим. Поверь мне на слово, и тогда избавишь себя от ненужной боли. Пока ты находишься в Институте, у тебя не будет никаких контактов с внешним миром, включая родителей. Ты будешь подчиняться всем приказам. Ты будешь соблюдать все протоколы. Впрочем, за редким исключением, приказы не покажутся тебе трудными, а протоколы обременительными. Твоё время здесь быстро подойдёт к концу, и когда ты покинешь нас, когда одним прекрасным утром проснёшься в своей спальне, то ни о чём даже не вспомнишь. Печальнее всего — по крайней мере, я так думаю — что ты даже не будешь знать о том, что тебе выпадала великая честь служить своей стране.

— Не понимаю, как это возможно, — сказал Люк. Он скорее говорил самому себе, чем ей, что было ему свойственно, когда что-то — физическая задача,

картина Мане^[52], краткосрочные или долгосрочные последствия кредита — полностью занимало его внимание. — Меня многие знают. В школе... коллеги моих родителей... мои друзья... вы не сможете стереть все воспоминания.

Она не рассмеялась, но улыбнулась.

— Думаю, ты бы очень удивился, узнав, что мы можем. Мы закончили. — Он поднялась, обошла вокруг стола и протянула руку. — Было приятно познакомиться с тобой.

Люк тоже встал, но не протянул руку.

— Пожми мою руку, Люк.

Часть его хотела сделать это — старые привычки нелегко побороть, — но он не поднял руки.

— Пожми, а то пожалеешь. Больше повторять не буду.

Он понял, что она не шутит, поэтому сделал, как ему было велено. Хотя она не стала сжимать его ладонь, он мог сказать, что её рука была очень сильной. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Мы можем увидаться так сказать в кампусе, но я надеюсь это был твой последний визит в мой офис. Если тебя ещё раз вызовут сюда, наш разговор будет не самым приятным. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Я знаю, что для тебя это тёмный период, но если ты сделаешь так, как тебе говорят, над тобой засветит солнце. Поверь мне. Можешь идти.

Он ушёл, снова чувствуя себя как во сне или Алисой в кроличьей норе. Его дожидался Хадад, который болтал с секретарём миссис Сигсби или её помощником. — Отведу тебя назад в твою комнату. Держись рядом, понял? Никаких прятков среди деревьев.

Они вышли и направились к жилому зданию, а потом Люк остановился, почувствовав головокружение.

— Стойте, — сказал он. — Погодите.

Он согнулся пополам, обхватив руками колени. На мгновение перед его глазами заплясали разноцветные огоньки.

— Собираешься отрубиться? — спросил Хадад. — Или что?

— Нет, — ответил Люк. — Но дайте мне пару секунд.

— Конечно. Тебе сделали укол?

— Да.

Хадад кивнул.

— У некоторых детей так бывает: укол сказывается с запозданием.

Люк думал, он спросит о точках или пятнах, но Хадад просто ждал, насвистывая что-то сквозь зубы и отмахиваясь от назойливых мушек.

Люк подумал о холодных серых глазах миссис Сигсби, и её категорическом отказе объяснить, как такое место может существовать без какой-либо формы... как бы получше выразиться? Серьёзной исполнительности, быть может. Будто она упрашивала его решить математику.

Сделай как тебе говорят, и над тобой засветит солнце. Поверь мне.

Ему было только двенадцать, и он понимал, что у него скудный жизненный опыт, но в одном он был совершенно уверен: если кто-то говорит «*поверь мне*», обычно этот человек — лжёт.

— Лучше? Можешь идти, сын мой?

— Да. — Люк выпрямился. — Но я не ваш сын.

Хадад ухмыльнулся, блеснув золотым зубом.

— Пока что — мой. Ты — сын Института, Люк. Расслабься и привыкай к этому.

Как только они оказались в жилом здании, Хадад вызвал лифт, сказал «Увидимся, крокодил», и зашёл внутрь. Люк направился обратно в свою комнату и увидел Ники Уилхолма, сидящего на полу напротив ледогенератора, и уплетающего шоколадные лукошки с арахисовым маслом. Над ним висел плакат, на котором были изображены два мультяшных бурундука с текстовыми пузырями, вылетающими из их улыбающихся ртов. Один, с левой стороны, говорил: «Живи той жизнью, которую любишь!» А второй отвечал: «Живи той жизнью, которой живёшь!» Люк озадаченно уставился на них.

— И как бы ты назвал эти плакаты в таком месте, умник? — спросил Ники. — Ирония, сарказм или бред?

— Всё сразу, — ответил Люк и сел рядом с ним.

Ники протянул ему упаковку «Риз».

— Хочешь?

Люк взял угощение, поблагодарил, сорвал обёртку и съел лукошко в три укуса.

Ники наблюдал за ним с ухмылкой.

— Получил свой первый укол, я прав? Они знают, как подсадить на сахар. Может, ужин тебе и не зайдёт, но от десерта ты не откажешься. Гарантирую. Видел точки?

— Нет. — Потом он вспомнил, как наклонился и схватился за колени, дожидаясь, пока пройдёт головокружение. — Возможно. А какие они?

— Техники называют их огнями штази^[53]. Они — часть подготовки. У меня было всего несколько уколов и странных тестов, потому что я ТК-плюс, как и Джордж. А Ша — ТП-плюс. Если ты обычный, то получаешь больше. — Он задумался. — Вообще-то тут нет обычных, иначе нас бы тут не было, но ты понял, о чём я.

— Они пытаются усилить наши способности?

Ники пожал плечами.

— К чему они нас готовят?

— К тому, что ждёт в Задней Половине. Как всё прошло с королевой-сукой? Она заливала тебе о службе родине?

— Она сказала, что меня призвали. Скорее, насильно завербовали. Раньше, в семнадцатом и восемнадцатом веках, когда капитанам нужно было больше людей на кораблях...

— Я знаю об этом, Люк. Я тоже ходил в школу. И ты не далёк от истины. — Он поднялся на ноги. — Пойдём, прогуляемся до игровой площадки. Дашь мне ещё один урок шахмат.

— Думаю, мне лучше прилечь, — сказал Люк.

— Ты выглядишь бледным, но конфета же помогла, так? Согласись.

— Помогла, — согласился Люк. — Что ты делаешь, чтобы получить жетон?

— Ничего. Морин даёт мне один втихую перед уходом. Калиша права насчёт неё. — Ники произнёс это почти нехотя. — Если в этой обители дерьма есть хоть один хороший человек, то это — она.

Морин и Эйвери

1

Люк погрузился в дремоту, наполненную неприятными обрывками сна, и проснулся только когда раздался звонок на ужин. Он был рад услышать его. Ники ошибся — Люк очень проголодался, а ещё жаждал общения. Тем не менее, он остановился в столовой, чтобы убедиться, что остальные не разыграли его. И ведь не разыграли. Рядом с торговым автоматом стоял забитый под завязку винтажный сигаретный диспенсер; сверху, на подсвеченной квадратной панели были изображены мужчина и женщина в маскарадных костюмах, которые курили на балконе и смеялись. Рядом с диспенсером стоял автомат с напитками для взрослых в маленьких бутылочках, которые некоторые «зависимые» дети в Броде называли «шкаликами». За восемь жетонов можно было купить пачку сигарет; за пять — маленькую бутылочку «Леруа Блэкберри Уайн». С другой стороны помещения стоял холодильник с колой.

Чьи-то руки схватили его сзади и оторвали от пола. Люк вскрикнул от неожиданности, а Ники рассмеялся ему в ухо.

— Намочил портки — не кричи, а до Франции скачи!

— Поставь меня!

Вместо этого Ники начал раскачивать его взад и вперед.

— Люки-тиги-дуки-дель-Люки! Тадумс-бадумс-шмадумс-Люки!

Он поставил Люка на ноги, развернул его, поднял вверх свои руки и начал танцевать под фоновую

музыку, доносящуюся из динамиков над их головами. Позади него за происходящим наблюдали Калиша и Айрис, с одинаковым выражением лица: *мальчишки — есть мальчишки.*

— Хочешь побороться, Люки? Тадумс-бадумс-шмадумс-Люки!

— Засунь свой нос мне в задницу и поборись за воздух, — сказал Люк и начал гоготать. Не важно, в плохом Ники был настроении или в хорошем, подумал Люк, но его можно было назвать только одним словом: *живчик.*

— Неплохо, — сказал Джордж, проталкиваясь через девочек. — Надо запомнить для дальнейшего использования.

— Главное, не забудь о моих процентах, — сказал Люк.

Ники перестал танцевать.

— Помираю с голоду. Пошли есть.

Люк поднял крышку диспенсера с колой.

— Безалкогольные напитки, как я понимаю, бесплатные. Платишь только за алкоголь, сигареты и закуски.

— Всё так, — сказал Калиша.

— А, э... — Он указал на автомат с закусками. Большинство сладостей можно было взять за один жетон, но автомат, на который он показывал, просил шесть. — Это...

— Хочешь спросить, те ли это самые пирожные, о которых ты подумал? — спросила Айрис. — Никогда не брала их, но почти уверена, что да.

— Точняк, — сказал Джордж. — Меня от них штырило, а ещё пошла сыпь. У меня аллергия. Пойдём, поедим.

Они сели за один стол. Вместо НОРМЫ была ШЕРРИ. Люк заказал грибы в панировке, рубленый стейк с салатом и штуку с названием «Ванильный Крем-брюле».

Возможно, в этом гадском месте и были умные люди — миссис Сигсби определённо не казалась дурой, — но тот, кто составлял меню, явно был не из их числа. Или это было проявлением интеллектуального снобизма с его стороны?

Люк решил, что ему всё равно.

Они немного поговорили о своих школах, в которых они учились до того, как их вырвали из нормальной жизни, — обычных школах, а не специальных для умных детей, — и о своих любимых телепередачах и фильмах. Всё было хорошо, пока Айрис не провела ладонью по своей веснушчатой щеке и Люк увидел, что она плачет. Тихонько, но всё же да — это были слёзы.

— Сегодня не было уколов, но у меня долбаная температура в заднице, — сказала она. Когда она увидела озадаченное лицо Люка, то улыбнулась, от чего ещё одна слезинка скатилась по её щеке. — Они меряют температуру ректально.

Остальные согласно кивнули.

— Не представляю, почему, — сказал Джордж, — но это унинительно.

— А ещё это позапрошлый век, — сказала Калиша. — Должно быть, у них есть на то причина, но... — Она пожала плечами.

— Кто хочет кофе? — спросил Ник. — Я принесу, если нужно...

— Эй.

Голос донёлся со стороны входа. Они обернулись и увидели девочку, одетую в джинсы и блузку без рукавов. Её волосы, короткие и торчащие колючками в разные стороны, были зелёными с одной стороны и голубовато-фиолетовыми с другой. Несмотря на этот панковский вид, она выглядела, как девочка из сказки, которая заблудилась в лесу. Люк предположил, что она была примерно одного с ним возраста.

— Где я? Кто-нибудь из вас знает, что это за место?

— Заходи, солнце, — сказал Ники, сверкнув своей ослепительной улыбкой. — Хватай стул и отведай местной стряпни.

— Я не голодна, — ответила вновь прибывшая девочка. — Просто скажите, кому тут отсосать, чтобы выбраться отсюда?

Так они познакомились с Хелен Симмс.

2

Поев, они вышли на игровую площадку (Люк не забыл намазаться средством от насекомых) и ввели Хелен в курс дела. Оказалось, она была ТК, и как Джордж и Ники, с приставкой «плюс». Она доказала это, опрокинув несколько шахматных фигур на доске, когда Ники расставлял их.

— Не просто «плюс», а чумовой «плюс», — сказал Джордж. — Дай-ка я попробую. — Ему удалось опрокинуть пешку и слегка покачнуть чёрного короля, стоящего на стартовой позиции, и всё. Он подался назад и надул щёки. — Ладно, ты победила Хелен.

— Мне кажется, мы тут все проигравшие, — сказала она. — Я так думаю.

Люк спросил, переживает ли она за своих родителей.

— Не особенно. Мой отец — алкоголик. Моя мать развелась с ним, когда мне было шесть и вышла — сюрприз! — за ещё одного алкоголика. Она, должно быть, решила, если ты не можешь победить их, — присоединяйся, потому что сейчас она тоже алкаш. Но я скучаю по брату. Думаешь, с ним всё хорошо?

— Конечно, — без особой уверенности ответила Айрис, а потом пошла к батуту и начала прыгать. Если

бы Люк пошёл прыгать сразу после еды, то его бы начало мутить, но Айрис почти ничего не поела.

— Давайте всё закрепим, — сказала Хелен. — Вы не знаете, зачем мы здесь, разве что это может быть связано с нашими экстрасенсорными способностями, с которыми мы не попали бы даже в «Америка ищет таланты».

— Не попали бы даже в «Лучше всех!», — сказал Джордж.

— Они тестируют нас, пока не увидим точки, но вы не знаете для чего.

— Верно, — сказала Калиша.

— Затем они отводят нас в место с названием Задняя Половина, но вы не знаете, что там происходит.

— Ага, — сказал Ники. — Ты играешь в шахматы или умеешь только опрокидывать фигуры?

Она проигнорировала его.

— И когда они заканчивают, нам стирают память, как в кино, и мы продолжаем жить счастливой жизнью.

— Так говорят, — сказал Люк.

Она задумалась, а потом сказала:

— Звучит, как настоящий ад.

— Видимо, поэтому Бог и дал нам алкогольные коктейли и улётные пирожные, — сказала Калиша.

С Люка было достаточно. Он снова готов был разреваться; чувствовал, как внутри надвигается шторм. Айрис, может, и могла бы позволить себе это в компании, потому что была девочкой, но у него была своя установка (возможно, устаревшая, но крепкая) о том, как должны вести себя мальчики. Если коротко, то — как Ники.

Он вернулся в свою комнату, закрыл дверь и лёг на кровать, прикрыв глаза рукой. Затем, без всякой причины, подумал о Ракете Ричи в его серебряном космо-костюме, также бодро танцующем, как и Ники Уилхолм перед ужином; и как вместе с ним танцуют

маленькие дети, хохоча, как сумасшедшие, и подпевая Mambo Number 5. Будто ничего не может пойти не так, и их жизнь всегда будет наполнена беззаботной радостью.

Слёзы текли потому что он был напуган и зол, но в основном, потому что тосковал по дому. До сих пор он не вполне осознавал значение этого слова. Это был не летний лагерь и не поход. Это был ночной кошмар, и он желал одного: чтобы всё закончилось. Он хотел проснуться. А поскольку не мог, то задремал ещё крепче, напоследок пару раз вздрогнув своей узкой грудью.

3

И снились ему плохие сны.

Он проснулся от одного из них, в котором безголовая чёрная собака гналась за ним по Уайлдерсмут-Драйв. На какое-то прекрасное мгновение ему показалось, что *всё* это было сном, и он снова оказался в своей настоящей комнате. Затем он посмотрел на пижаму, которая была не его, и на стену, где должно было быть окно. Он воспользовался туалетом, а затем, поскольку спать ему больше не хотелось, включил ноутбук. Он подумал, что для работы может понадобится ещё один жетон, но не понадобился. Возможно, доступ открывался на двадцать четыре часа, или даже на сорок восемь. Судя по часам вверху экрана, сейчас было 3:25 ночи. До рассвета ещё долго — так бывает, если уснуть рано вечером.

Он подумал о том, чтобы зайти на «Ютьюб» и посмотреть какие-нибудь старые мультфильмы, вроде «Полая», от которого они с Рольфом всегда катались по

полу и кричали: «Где мой шпинат!» и «Як-як-як!» Но решил, что они только вернут тоску по дому, и слёзы. Что же оставалось? Вернуться в кровать и лежать до рассвета? Бродить по пустым коридорам? Сходить на игровую площадку? Калиша говорила, что игровую площадку никогда не запирают, но идти туда было слишком страшно.

— Тогда думай, идиот.

Он произнёс это тихо, но всё равно вздрогнул от звука собственного голоса, и даже вскинул руку, прикрывая рот. Он встал и прошёлся по комнате, шлёпая босыми ногами и шелестя пижамными штанами. Это был неплохой совет. Почему бы не подумать? Разве это не то, в чём он хорош? Лукас Эллис — умник. Мальчик-гений. Который любит Попая-моряка и «Коллоф-Дьюти», любит покидать мяч в кольцо на заднем дворе, но ещё бегло понимает французский язык, хотя для просмотра французских фильмов на «Нетфликсе» ему всё ещё нужны субтитры, потому что они очень быстро говорят, плюс попадаютсся непонятные идиомы. Например, *boire comme un trou*. Почему «пьёт, как свинья», если «пьёт, как сапожник» имеет больше смысла? Он может исписать доску математическими уравнениями; может оттарабанить все элементы из периодической таблицы; может перечислить всех президентов до Джорджа Вашингтона в обратном порядке; может дать весомое объяснение, почему достижение скорости света никогда не произойдёт в реальном, не киношном, мире.

Так, почему же он просто сидит тут и жалеет себя?

Что ещё я *могу* сделать?

Люк решил уцепиться за этот вопрос вместо того, чтобы впадать в отчаяние. Побег, вероятно, был невозможен, но что насчёт сбора информации?

Он попытался загуглить «Нью-Йорк Таймс» и нарвался на ЭАЛа 9000: никаких новостей для

институтский детей. Интересно, сумеет ли он обойти блокировку? Существует ли лазейка? Возможно.

Посмотрим, подумал он. Сейчас посмотрим. Он открыл «Файрфокс» и набрал: #!плащГриффина!#.

Гриффин был невидимкой из романа Герберта Уэллса, и этот сайт, как Люк узнал около года назад, был способом обойти родительский контроль — не даркнет, но что-то вроде того. Люк пользовался им не для того, чтобы заходить на порносайты с компьютеров в Броде (хотя они с Рольфом делали это пару раз) или посмотреть, как ИГИЛ кого-нибудь обезглавливает, а просто потому, что это был простой и дельный способ, и он хотел узнать, сработает ли он. Дома всё получалось и в школе тоже, но что насчёт этого места? Был только один способ узнать, поэтому он нажал на кнопку ввода.

Wi-Fi Института какое-то время «соображал» — он был медленным, — а затем, когда Люк уже начал думать, что ничего не выйдет, соединил его с Гриффином. Вверху экрана был изображён невидимка Уэллса, с головой, замотанной бинтами, и крутыми очками на носу. Ниже был вопрос-приглашение: НА КАКОЙ ЯЗЫК ВЫ ХОТИТЕ ПЕРЕВЕСТИ? Список был длинным, от ассирийского до зулусского. Прелесть сайта была в том, что не имело значения, какой язык вы хотите выбрать; важно было то, что останется в истории поиска. Когда-то в «Гугл» была секретная лазейка в обход родительского контроля, но потом кудесники из «Маунтин-Вью» закрыли её. Поэтому и появился Плащ Гриффина.

Люк наугад выбрал немецкий язык и появилось поле: ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ. Обратившись к своей памяти, которую его отец иногда называл аномальной, Люк набрал: #x49ger194GbL4. Компьютер немного подумал и выдал: ПАРОЛЬ ПРИНЯТ.

Он набрал: «Нью-Йорк Таймс» и нажал «интер». В этот раз компьютер думал дольше, но всё же нашёл

«Таймс». Сегодняшний номер, и на английском языке, но с этого момента в истории поиска не будет ничего, кроме немецких слов и их английского перевода. Это была маленькая победа, а, может, — и крупная. На данный момент Люку было всё равно. Главное — победа, и этого было достаточно.

Как скоро его похитители поймут, что он делает? Маскировка истории поиска не поможет, если они могут отслеживать его манипуляции в реальном времени. Увидев газету, тут же отключат его. И не важно, что в заголовке «Таймс» говорится о Трампе и Северной Корее; нужно проверить «Стар Триб», пока этого не случилось, узнать что-нибудь о родителях. Но прежде чем он успел сделать это, из коридора донёлся крик:

— ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! Кто-нибудь помогите мне! КТО-НИБУДЬ ПОМОГИТЕ, Я ПОТЕРЯЛСЯ!

4

На помощь звал маленький мальчик в пижаме «Стар Ворс», колотивший своими маленькими кулачками в двери. Десять? Эйвери Диксон выглядел на шесть, максимум на семь лет. Промежность и одна штанина пижамы были влажными и прилипли к телу.

— Помогите, Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Люк огляделся, ожидая увидеть кого-нибудь, спешащего к мальчику, но коридор был пуст. Позже он догадался, что в Институте детские крики о доме были в порядке вещей. На секунду Люку захотелось, чтобы мальчик заткнулся — он был взволнован и заставлял волноваться Люка.

Люк подошёл к нему, опустился на колени и взял мальчика за плечи.

— Эй, эй. Тише, малыш.

Малыш, о котором шла речь, уставился на Люка припухшими глазами, но казалось ничего не видел. Его волосы были мокрыми от пота и прилипли ко лбу, а лицо мокрым от слёз; верхняя губа блестела от соплей.

— *Где мама? Где папа?*

Только он произнёс не «папа», а «пааапа», что было похоже на вой сирены воздушной тревоги. Мальчик начал топтать ногами и упёрся кулаками в плечи Люка. Люк отпустил его, встал и отошёл назад, с изумлением наблюдая за тем, как мальчик упал и начал метаться по полу.

Напротив плаката, заявляющего ПРОСТО ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ, открылась дверь, из-за которой появилась Калиша, одетая в цветастую футболку и широченные баскетбольные шорты. Она подошла к Люку и посмотрела вниз на новичка, уперев руки в едва заметные бёдра. Затем посмотрела на Люка.

— Я и раньше видела истерики, но приз достаётся этой.

Открылась ещё одна дверь и появилась Хелен Симмс, одетая во что-то, как полагала Люк, наподобие ночнушки. У неё были видны бёдра, плюс другие интересные выпуклости.

— Оторви глаза, Люки, — сказала Калиша. — Помоги-ка мне. Этот парень не даёт мне покоя, как мигрень. — Она опустилась на колени, потянулась к истеричному мальчику — чьи слова теперь превратились в бессловесный вой — и отдёгнула руки, когда один из его кулаков ударил её по предплечью. — Господи, ну помоги же мне. Бери его за руки.

Люк тоже опустился на колени, сделал нерешительную попытку взять мальчика за руки, отстранился, а затем решил, что не хочет выглядеть слабаком перед только что появившейся фигурой в розовом. Он схватил маленького мальчика за локти и

прижал его руки к груди. Он буквально чувствовал, как бешено колотится сердце малыша.

Калиша склонилась над ним, обхватала ладонями его лицо и посмотрела в глаза. Мальчик перестал кричать. Теперь было слышно только звук его быстрых вдохов. Он замороженно смотрел на Калишу, и Люк вдруг понял, что она имела в виду, говоря, что мальчик не даёт ей покоя.

— Он ТП, да? Как ты.

Калиша Кивнула.

— Только он гораздо сильнее меня и любого другого ТП, которых я видела здесь за время своего пребывания. Давай отнесём его в мою комнату.

— Можно мне с вами? — спросила Хелен.

— Чувствуй себя, как дома, дорогуша, — сказал Калиша. — Уверена, Люки будет рад поглазеть.

Хелен покраснела.

— Пожалуй, я сначала переоденусь.

— Как скажешь, — ответила Калиша, а затем обратилась к мальчику: — Как тебя зовут?

— Эйвери. — Его голос стал хриплым от рыданий и крика. — Эйвери Диксон.

— Я — Калиша. Можешь звать меня Ша, если хочешь.

— Но не зови её умницей, — сказал Люк.

5

Комната Калиши была более девчачьей, чем Люк ожидал, учитывая её крутой говор. На кровати лежало розовое покрывало, а подушки были с оборками. На комоде, в рамке, стояла фотография Мартина Лютера Кинга^[54].

Она увидела, что Люк смотрит на неё, и рассмеялась.

— Они пытаются сделать всё как дома, но, думаю, кто-то решил, что другая фотография — это уже перебор, поэтому они заменили её.

— И кто был у тебя дома?

— Элдридж Кливер^[55]. Слышал о нём?

— Конечно. «Душа во льду». Я ещё не читал, но вот-вот собирался.

Она удивлённо сказала:

— Блин, ну ты даёшь.

Всё ещё всхлипывая, Эйвери начал забираться на её кровать, но она схватила его и оттянула назад, мягко, но решительно.

— Не-а, только не в мокрых штанах. — Она собралась снять их, но Эйвери отступил назад, прижав руки к бёдрам.

Калиша взглянула на Люка и пожала плечами. В ответ он сделал то же самое, затем присел на корточки перед Эйвери.

— В какой ты комнате?

Эйвери только помотал головой.

— Ты оставил дверь открытой?

В этот раз мальчик кивнул.

— Я принесу тебе сухую одежду, — сказал Люк. — Побудь пока здесь с Калишей, хорошо?

В этот раз никакой реакции. Мальчик просто смотрел на него, измотанный и растерянный, но, по крайней мере, больше не завывающий, как сирена.

— Иди, — сказала Калиша. — Думаю, я с ним справлюсь.

В дверях появилась Хелен, теперь в джинсах и свитере на пуговицах.

— Ему уже лучше?

— Немного, — ответил Люк. Он увидел на полу след от слёз, ведущий в том направлении, куда они с Морин ходили менять простыни.

— Никаких признаков других двух мальчиков, — сказала Хелен. — Должно быть, спят, как убитые.

— Ага, — сказала Калиша. — Иди с Люком, новенькая. У нас с Эйвери тут ментальное знакомство.

6

— Его зовут Эйвери Диксон, — сказал Люк, когда они с Хелен Симмс стояли в дверях чуть дальше гудящего ледогенератора. — Ему десять. Не похоже, правда?

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты что ли ТП?

— Нет, — сказал он глядя на постер с Томми Пиклзом и игрушки «Джи-Ай-Джо» на комод. — Я был здесь с Морин. Она одна из наших экономок. Я помогал сменить бельё, а сама комната уже была полностью подготовлена для него.

Хелен усмехнулась.

— Так значит ты у нас любимчик.

Люку вспомнилась пощёчина от Тони, и он подумал, что скоро такая же прилетит и Хелен.

— Нет, но Морин не такая, как остальные. Будь добра с ней, и она будет добра с тобой.

— Долго ты здесь, Люк?

— Привезли как раз перед тобой.

— Ну и откуда ты знаешь, кто тут добрый, а кто нет?

— Я говорю только о Морин. Давай отнесём ему одежду.

Хелен достала из шкафа штаны и трусы (не забыв пройтись по всем ящикам), и они вернулись в комнату Калиши. По пути Хелен спросила проходил ли Люк какие-нибудь тесты, о которых ей говорил Джордж. Он сказал, что нет, но показал ей прочипированное ухо.

— Не сопротивляйся. Я попробовал и получил по лицу.

Она остановилась, как вкопанная.

— Молчи!

Он повернул голову, чтобы показать ей щёку, на которой от двух пальцев Тони остались слабые синяки.

— Никто не ударит *меня*, — сказала Хелен.

— Не стоит проверять это на себе.

Она откинула свои крашенные волосы.

— Мои уши и так уже проколоты, так что ничего страшного.

Калиша сидела на кровати рядом с Эйвери, который сидел на сложенном полотенце. Она гладила его вспотевшие волосы. Он мечтательно смотрел на неё, будто она была принцессой Тианой^[56]. Хелен бросила одежду Люку. Он не ожидал этого и не поймал трусы с принтом Человека-паука в разных позах.

— У меня нет желания смотреть на его крошечную пипирку. Я возвращаюсь в постель. Может, когда проснусь, буду в своей комнате — *настоящей* комнате, — и всё это окажется сном.

— Удачи тебе, — сказала Калиша.

Хелен зашагала прочь. Люк поднял трусы Эйвери как раз вовремя, чтобы уловить движение её бёдер в выцветших джинсах.

— Аппетитная, а? — ровным голосам произнесла Калиша.

Люк отдал ей одежду, чувствуя, как горят его щёки.

— Вроде того, но её характер оставляет желать лучшего.

Он подумал, что это может рассмешить Калишу — ему нравился её смех, — но она выглядела угрюмой.

— Это место выбьет из неё всю дурь. Довольно скоро она будет вскакивать и метаться каждый раз, когда увидит человека в синей форме. Как и все мы. Эйвери, тебе нужно переодеться. Мы с Люки отвернёмся.

Что они и сделали, глядя на плакат о рае, висевший напротив открытой двери в комнату Калиши. Из-за их спин доносилось сопение и шуршание одежды. Наконец, Эйвери сказал:

— Я переоделся. Можете повернуться.

Они повернулись, и Калиша сказала:

— Теперь отнеси мокрые штаны в уборную и повесь на край ванны.

Он ушёл без возражений, затем прошаркал обратно.

— Повесил, Ша. — Буйство исчезло из его голоса. Теперь он звучал робко и устало.

— Вот и хорошо. А теперь забирайся обратно на кровать. Ложись, всё в порядке.

Калиша села и положила ноги Эйвери себе на колени, потом похлопала по кровати рядом с собой. Люк сел и спросил Эйвери, лучше ли он себя чувствует.

— Кажется, да.

— Конечно да, — сказала Калиша и начала снова гладить волосы мальчика. У Люка было ощущение — возможно, бредовое — что между ними что-то происходит. Какое-то внутреннее общение.

— Ладно, расскажи ему свою шутку, а потом, блядь, засыпай.

— Ты сказала плохое слово.

— Ну да. Давай рассказывай.

Эйвери посмотрел на Люка.

— Ладно. В общем, А, И, Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, кто остался на трубе?

Люк хотел было сказать Эйвери, что в приличном обществе не стоит молоть такую хрень, но поскольку было совершенно ясно, что в этом месте нет никакого приличного общества, то просто сказал:

— Сдаюсь.

— И. Понял?

— Конечно. Почему индюк в суп попал?

— Потому что думал?

— Нет, потому что вкусный. А теперь спи.

Эйвери начал было что-то говорить — может, вспомнил ещё одну шутку, — но Калиша успокоила его. Она продолжала гладить его по волосам; её губы безмолвно двигались. Глаза Эйвери начали закрываться, веки опустились, медленно поднялись, снова опустились и поднялись ещё медленнее. В следующий раз они остались опущенными.

— Ты что-то сделала с ним? — спросил Люк.

— Спела колыбельную, которую мне пела мама. — Она говорила почти шёпотом, но в её голосе безошибочно угадывались изумление и удовлетворение. — Я не умею петь, но когда это происходит мысленно, мелодия не так уж важна.

— Что-то мне подсказывает, что он не особенно смыслённый, — сказал Люк.

Она бросила на него долгий взгляд, от которого его лицо вспыхнуло краской, как было, когда она поймала его на разглядывании ног Хелен.

— Для тебя весь мир кажется не особенно смыслённым.

— Нет, я не такой, — возразил Люк. — Просто имел в виду...

— Тише. Я знаю, что ты имел в виду, но ему не достаёт не мозгов. Речь не об этом. Он очень сильный ТП, и это может плохо сказываться на нём. Когда *ты* не знаешь, о чём думаю люди, тебе приходится заходить издалека, чтобы... эммм...

— Уловить сигналы?

— Да, оно самое. Обычным людям приходится изучать выражение лица, прислушиваться к тону голоса, к словам. Это похоже на растущие зубы, чтобы ты потом мог жевать что-нибудь твёрдое. А этот мелкий засранец как Топотун^[57] из диснеевского мультфильма. Его зубы годятся только для травы. Ты понимаешь?

Люк ответил утвердительно.

Калиша вздохнула.

— Институт — плохое место для Топотуна, но, возможно, это не так уж важно, поскольку все мы рано или поздно отправимся в Заднюю Половину.

— Насколько он сильный ТП, например, по сравнению с тобой?

— Сильнее в десятки раз. У них есть штука для измерения: BDNF. Я видела её на ноутбуке доктора Хендрикса, и, думаю, это что-то серьёзное, очень серьёзное. Ты мозговитый — знаешь что-нибудь о этом?

Люк не знал, но намерен был выяснить. Если только сперва они не заберут его компьютер.

— В общем, как бы то ни было, а парень просто бомба. Я говорила с ним! Это была настоящая телепатия!

— Но ты, должно быть, встречалась и с другими ТП, хотя их и меньше, чем ТК. Может, не во внешнем мире, но тут уж точно.

— Ты не понял. Или не можешь. Это как слушать магнитофон на минимальной громкости или как слушать разговор людей на террасе, когда ты на кухне со включенной посудомоечной машиной. Иногда совсем ничего не слышно. А сейчас всё было отчётливо, как в кино. Ты должен позаботиться о нём, когда меня не станет, Люк. Он чёртов Топотун, и нет ничего удивительного в том, что он ведёт себя не по возрасту. До сих в его жизни всё шло своим чередом.

В голове Люка эхом отдалось: *когда меня не станет.*

— Ты... тебе кто-то сказал, что тебя скоро переводят в Заднюю Половину? Морин?

— Тут и не нужно говорить. Вчера у меня не было ни одного из этих сраных тестов. И никаких уколов. Это верный признак. Ника тоже переводят. Джордж и Айрис, вероятно, пробудут здесь чуть дольше.

Она нежно положила ладонь ему на шею, снова вызвав ощущение трепета.

— На минутку побуду твоей сестрой, Люк, твоей духовной сестрой, так что выслушай меня. Если тебе нравится смотреть, как эта панк-роковская девчонка виляет бёдрами, пусть так и остаётся. Здесь не стоит слишком сближаться с людьми. Тебе будет херово, когда они уйдут, а они все уйдут. Но ты должен позаботиться об этом пареньке так долго, как сможешь. Когда я представляю Тони или Зика, или эту сучку Вайнону, избивающих Эйвери, мне хочется плакать.

— Я сделаю, что смогу, — сказал Люк, — но надеюсь ты ещё надолго останешься здесь. Я буду скучать по тебе.

— Спасибо, но вот об этом я как-раз и говорю.

Какое-то время они сидели молча. Люк полагал, что скоро ему придётся оставить её, но пока что не хотел уходить. Не был готов снова остаться наедине с собой.

— Думаю, я могу помочь Морин. — Он говорил тихим голосом, едва шевеля губами. — Со счетами по кредитам. Но мне нужно поговорить с ней.

Её глаза широко раскрылись, и она улыбнулась.

— Правда? Это было бы здорово. — И она прикоснулась губами к его уху, вызвав очередную волну трепета. Он боялся посмотреть на свои руки — вдруг они покрылись мурашками. — Сделай это поскорее. Через день-два у неё неделя выходных. — Теперь она положила ладонь — Боже мой! — на его бедро, зайдя на территорию, которую к этому времени обходила даже

мать Люка. — А потом в течении трёх недель сможешь поймать её только в коридорах или в бытовке — и всё. Она не станет говорить с тобой об этом даже в безопасных зонах, а там уже не за горами будет Задняя Половина.

Она убрала губы от его уха и руку с бедра, от чего Люк страстно возжелал, чтобы у неё нашлись ещё какие-нибудь секреты, которыми можно поделиться.

— Возвращайся в свою комнату, — сказала она, и по блеску в её глазах он понял, что она хорошо понимает, какое впечатление произвела на него. — И попробуй немного вздремнуть.

7

Люк пробудился от глубокого сна без сновидений, услышав громкий стук в дверь. Он сел, озираясь по сторонам, гадая, не проспал ли школу.

Дверь открылась и на него уставилось улыбающееся лицо. Это была Глэдис, женщина, которая водила его на чипирование; которая сказала, что он здесь для службы.

— Ку-ку! — прошебетала она. — Проснись и пой! Ты пропустил завтрак, но я принесла тебе апельсиновый сок. Сможешь выпить по дороге. Свежевыжатый!

Люк увидел зелёный индикатор питания ноутбука, который находился в спящем режиме, но если Глэдис подойдёт и нажмёт любую клавишу, чтобы проверить, на какие сайты он заходил (Люк не станет препятствовать ей), она увидит невидимку Герберта Уэллса с забинтованной головой и в тёмных очках. Она не узнает, что там было; может просто подумает, что это какой-то научно-фантастический сайт, но, вероятно, доложит об этом. И если так, они пойдут к кому-то

рангом повыше. К кому-то, кому положено всем интересоваться.

— Можно мне минутку, чтобы одеться?

— Тридцать секунд. А то сок нагреется. — Она кокетливо подмигнула ему и закрыла дверь.

Люк спрыгнул с кровати, натянул джинсы, схватил футболку и подошёл к ноутбуку узнать время. Он удивился, увидев, что часы показывали девять. Он *никогда* не спал так долго. На секунду он задумался, не добавили ли они что-нибудь в еду, хотя, с другой стороны, он не проснулся бы ночью.

Это от потрясения, подумал он. Я всё ещё пытаюсь переварить происходящее, во всём разобраться.

Он выключил компьютер, понимая, что любые попытки скрыть мистера Гриффина бесполезны, если они мониторили его. И если так, то они уже знают, что он нашёл способ зайти на сайт «Нью-Йорк Таймс». Разумеется, если так думать, то всё бесполезно. Вероятно, приспешники Сигсби хотели, чтобы он так думал — он и все остальные пленники.

Если бы они знали, то уже забрали бы компьютер, сказал он себе. И если бы мониторили его, то разве не заметили бы, что на экране приветствия другое имя?

Это казалось логичным, но, возможно, они просто скармливали ему наживку. Какая-то паранойя, но и *ситуация* была параноидальной.

Когда Глэдис снова открыла дверь, он сидел на кровати и надевал кроссовки.

— Отлично! — выкрикнула она, будто Люку было три, и он впервые самостоятельно оделся. Она нравилась ему всё меньше и меньше, но когда подала ему сок, Люк выпил его залпом.

В этот раз, когда Глэдис поводила карточкой, она сказала лифту, чтобы тот доставил их на уровень «В».

— Боже, какой чудесный день! — воскликнула она, когда лифт начал спускаться. Казалось, это было её стандартное начало разговора.

Люк взглянул на её руки.

— Вижу, у вас обручальное кольцо. У вас есть дети, Глэдис?

Её улыбка слегка угасла.

— Это касается только меня.

— Мне просто интересно, будь у вас дети, вы бы хотели, чтобы их держали здесь взаперти?

— «В», — произнёс мягкий женский голос. — Этаж «В».

Улыбка исчезла с её лица, когда она вывела его из лифта, сжимая его руку чуть крепче необходимого.

— А ещё мне интересно, как вы уживаетесь сами с собой. Ой, кажется, это личное, да?

— Хватит, Люк. Я принесла тебе сок. Хотя могла этого не делать.

— А что бы вы сказали своим детям, если бы они узнали, что здесь происходит? Если бы вы, ну, попали в новости. Как бы вы объяснили им?

Она ускорила шаг, чуть ли не волоча его за собой, но в её лице не было никакой злости. А если бы была, он бы, по крайней мере, испытал сомнительное утешение, зная, что пробил брешь. Но её лицо ничего не выражало. Одна лишь пустота. Это было лицо куклы.

Они вошли в комнату с номером «В-17». Полки были уставлены медицинским и компьютерным оборудованием. Там стояло мягкое кресло, как в кинотеатре, а позади него на стальной подставке было что-то похожее на проектор. По крайней мере, на подлокотниках не было ремней.

Их ждал техник — ЗИК, судя по именной табличке на синей форме. Люк слышал это имя. Морин говорила,

что он был одним из самых плохих.

— Привет, Люк, — сказал Зик. — Как бодрость духа? Не зная, как ответить, Люк пожал плечами.

— Не собираешься создавать проблемы? Я это хотел узнать.

— Нет. Никаких проблем.

— Умница. Рад слышать.

Зик откупорил бутыль, наполненную синей жидкостью. Люк почувствовал резкий запах спирта, и Зик достал из неё градусник, который казался не меньше фута в длину. На самом деле нет, но...

— Спусти штаны и наклонись над креслом, Люк. Локти на сиденье.

— Может, не...

Не при Глэдис, хотел он сказать, но дверь в кабинет «В-17» была закрыта. Глэдис ушла. Может, чтобы не смущать меня, подумал Люк, но, скорее, потому что с неё хватило моего дерьма. Что несомненно взбодрило бы его, если бы не этот стеклянный стержень, который вскоре будет исследовать ранее неизведанные глубины его тела. Таким градусником ветеринар мог бы измерить температуру лошади.

— «Может, не» что? — Он помахал градусником вперёд и назад, будто жезлом тамбурмажора. — Не этим? Извини, приятель, но так нужно. Приказ сверху.

— Не легче ли воспользоваться налобным ^[58]? — спросил Люк. — Уверен, они вам по карману — продаются в аптеке «Си-Ви-Эс» по полтора бакса за штуку. А по карте ещё дешевле...

— Прибереги свои советы для друзей. Снимай штаны и нагибайся или я помогу тебе, от чего ты не будешь в восторге.

Люк медленно подошёл к креслу, расстегнул штаны, спустил их вниз и нагнулся.

— Вот и взошла луна! — Зик встал перед ним: в одной руке градусник, в другой — банка с вазелином. Он окунул градусник в банку и достал его. С конца свисал желеобразный шарик. Люку это показалось панчлайном грязной шутки. — Видишь? Смазки много, так что больно не будет. Просто расслабь булки и помни, что, пока ты не почувствуешь на себе обе мои руки, твоя задняя девственность останется нетронутой.

Он обошёл Люка, который стоял согнувшись, выставив задницу, и уперев локти в сиденье. Люк чувствовал сильный и невыносимый запах пота. Он напомнил себе, что он не первый ребёнок в Институте, подвергающийся этой процедуре. Стало немного легче... но совсем капельку. Помещение было забито высокотехнологичным оборудованием, а этот человек собирался измерить его температуру самым низкотехнологичным способом. Почему?

Чтобы сломить меня, подумал Люк. Чтобы дать понять, что я подопытная свинка и со мной можно не церемониться, получая данные любым старомодным способом. Возможно, им даже не нужна эта часть данных. Возможно, это просто способ сказать: *если мы можем засунуть эту штуку тебе в задницу, то что ещё мы можем туда засунуть?* Ответ: *всё, что угодно.*

— Незнание убивает, не так ли? — сказал Зик, стоя за спиной Люка. И этот сукин сын смеялся.

9

После надругательства с помощью градусника, которое, казалось, длилось довольно долго, Зик измерил кровяное давление Люка, содержание кислорода в крови, измерил его рост и вес. Также он заглянул Люку в рот и в нос, а затем записал

результаты, что-то бубня себе под нос. К этому времени Глэдис вернулась в комнату, попивая кофе из кружки с ромашками, и улыбаясь своей фальшивой улыбкой.

— Время укола, Люки, — сказала Зик. — Ты ведь будешь умницей и доставишь мне проблемы, а?

Люк помотал головой. Всё, что он сейчас хотел, так это вернуться в свою комнату и вытереть вазелин с задницы. Ему нечего было стыдиться, но он всё равно чувствовал себя пристыженным. Униженным.

Зик сделал ему укол. В этот раз Лю не почувствовал никакого нагрева. Только небольшую боль, которая сразу же прошла.

Зик посмотрел на часы, шевеля губами во время отсчёта секунд. Люк делал то же самое, только мысленно. Он успел досчитать до тридцати, когда Зик опустил руку.

— Тошнота?

Люк помотал головой.

— Металлический привкус во рту?

Люк чувствовал только послевкусие от апельсинового сока.

— Нет.

— Ладно, хорошо. Теперь посмотри на стену. Видишь точки? Или что-то наподобие пятен?

Люк помотал головой.

— Ты говоришь правду?

— Да. Ни точек. Ни пятен.

Зик несколько секунд смотрел ему в глаза (Люк хотел было спросить, не видит ли он в них каких-нибудь точек, но сдержался). Затем он выпрямился, театрально отряхнул ладони и повернулся к Глэдис.

— Можешь забирать его. Позже доктор Эванс хочет опробовать на нём эту глазную штуку. — Он указал на проектор. — В четыре часа.

Люк хотел спросить, что ещё за глазная штука, но на самом деле ему было всё равно. Чувство голода было

сильнее, и не важно, что они сделали с ним (по крайней мере, на данный момент), но больше всего он хотел привести себя в порядок. Он чувствовал себя — это можно было описать только тюремным словом — опущенным.

— Видишь, было не так уж страшно, правда? — спросила его Глэдис, когда они поднимались вверх на лифте. — Пустяки. — Люк хотел спросить, показалось бы это пустяком, если бы речь шла о её заднице? Ники мог бы спросить, но он не Ники.

Она одарила его фальшивой улыбкой, которая показалась ему ещё отвратительней.

— Ты начинаешь хорошо себя вести и это *замечательно*. Вот тебе жетон. Хотя, возьми два. Сегодня я добрая.

Он взял жетоны.

Позже, стоя под душем с опущенной головой и водой, стекающей по волосам, он снова разревелся. В каком-то смысле он был как Хелен: он тоже хотел, чтобы всё это оказалось сном. Он готов был отдать всё — возможно, и свою душу, если бы мог проснуться в своей домашней кровати, вдыхая запах жаренного бекона, доносящийся снизу, из кухни. Когда слёзы иссякли, он начал ощущать что-то ещё, помимо горести и утраты, — какую-то жёсткость. Будто открыл в себе неизвестный ранее источник сил. И от этого почувствовал некоторое облегчение.

Это был не сон, это происходило на самом деле, и выбраться отсюда казалось уже не достаточно. Эта сила внутри него хотела большего. Она хотела изобличить все эти похищения, всю эту кучку истязателей детей от миссис Сигсби до Глэдис с её фальшивой улыбкой, и до Зика с его мерзким ректальным градусником. Чтобы обрушить Институт на их головы, как Самсон обрушил храм Дагона на филистимлян. Он знал, что это не более, чем

несбыточная фантазия обиженного двенадцатилетнего ребёнка, но всё равно желал этого, и если бы существовал хоть какой-то способ, то он не упустил бы шанс.

Как любил говорить его отец: нужно ставить перед собой цели. Они могут помочь пережить трудные времена.

10

К тому времени, когда он добрался до столовой, там уже никого не было, за исключением уборщика (на табличке значилось имя ФРЕД), который мыл пол. Для обеда было ещё рано, но на столике у входа стояла ваза с фруктами: апельсины, яблоки, виноград и пара бананов. Люк взял яблоко, затем подошёл к торговым автоматам и воспользовался одним жетоном, чтобы купить пакет попкорна. Завтрак чемпионов, подумал он. Мама бы не одобрила.

Он прошёл в гостиную и выглянул на игровую площадку. За одним из столиков для пикников сидели Джордж и Айрис, которые играли в шашки. На батуте осторожно прыгал Эйвери. Ники и Хелен там не было.

— Кажется, это худшее сочетание продуктов, какое только можно представить, — сказала Калиша.

Люк вздрогнул, просыпав на пол часть попкорна из пакета.

— Чтоб тебя, привидение.

— Прости. — Она присела на корточки, подняла несколько попкорин и отправила их в рот.

— С пола? — спросил Люк. — Не верю своим глазам.

— Правило пяти секунд.

— По данным Национальной службы здравоохранения Англии правило пяти секунд — это

миф. Полная чушь.

— Твоя гениальность накладывает на тебя обязанность разрушать чужие заблуждения?

— Нет, я просто...

Она улыбнулась и встала.

— Да я просто подначиваю тебя, Люк. Ветрянщица просто подначивает тебя. Ты в порядке?

— Да.

— Тебе уже вставляли градусник?

— Да. И давай не будем об этом.

— Вас поняла. Хочешь до обеда поиграть в криббидж? Если не умеешь, я научу.

— Я умею, но не хочу. Думаю, пойду обратно в комнату.

— Поразмыслить над своим положением?

— Что-то вроде того. Увидимся в обед.

— Когда прозвенит звонок, — сказала она. — Считай, это свидание. Не унывай, маленький герой, и дай мне пять.

Она подняла руку и Люк увидел что-то, зажатое между её большим и указательным пальцами. Он приложил свою белую ладонь к её коричневой, и сложенный клочок бумаги перешёл из её руки в его.

— Увидимся, парень. — Она зашагала на игровую площадку.

Вернувшись в свою комнату, Люк лёг на кровать, повернулся к стене и развернул клочок бумаги. Почерк Калиши был очень мелким и аккуратным.

«Как можно скорее встретиться с Морин у ледогенератора возле комнаты Эйвери. Записку смой».

Он скомкал бумажку, прошёл в ванную и бросил её в унитаз, попутно спуская штаны. Он чувствовал себя нелепо, делая это, — как ребёнок, играющий в шпиона; и одновременно с этим он совершенно не чувствовал

себя нелепо. Ему хотелось верить, что, по крайней мере, в *la maison du chier*^[59] нет камер, но верилось слабо.

У ледогенератора. Там, где Морин разговаривала с ним вчера. Интересно. По словам Калиши, в Передней Половине было несколько мест, где прослушка работала плохо или вообще не работала, но Морин, похоже, предпочитала именно это. Может, потому что там не было видеонаблюдения. Может, только там она чувствовала себя в безопасности, потому что ледогенератор был довольно шумным. А, может, он делал слишком поспешные выводы.

Он подумал о том, чтобы перед встречей с Морин зайти сайт «Стар Трибьюн», и сел за компьютер. Он даже дошёл до мистера Гриффина, но затем остановился. **Действительно** ли он хотел знать? Что эти ублюдки, эти *монстры* — лгали, и его родители были мертвы? Зайти на сайт «Трибьюн» было бы сродни тому, чтобы поставить всё на кон.

Не сейчас, решил он. Пусть он и прошёл через унижение градусником, но не сейчас. Если это делает его трусом, то так тому и быть. Он выключил компьютер и пошёл в другое крыло. Морин не было рядом с ледогенератором, но её тележка с бельём стояла посреди коридора, который Люк теперь считал коридором Эйвери, и он услышал, как она напевает что-то о каплях дождя. Он пошёл на звук её голоса и увидел, как она застилает чистые простыни в комнате, украшенной плакатами ВФП^[60] с гигантскими бифштексами в обтягивающих шортах. Все они выглядели достаточно злобно, чтобы прожевать гвозди и выплюнуть скобки для степлера.

— Привет, Морин, как дела?

— Хорошо, — ответила она. — Спина немного побаливает, но на этот случай у меня есть «Мотрин».

— Нужна помощь?

— Спасибо, но это последняя комната и я почти закончила. Две девочки и один мальчик. Скоро поступят. Это комната мальчика. — Она указала на плакаты и засмеялась. — Если ты вдруг не понял.

— Я, вообще, думал принести льда, но у меня в комнате нет ведёрка.

— Они лежат в шкафу возле корзины для мусора. — Она выпрямилась, упёрлась руками в поясицу и поморщилась. Люк услышал, как хрустнула её спина. — Ох, так намного лучше. Я покажу тебе.

— Если вас не затруднит.

— Нисколько. Пойдём. Можешь катить мою тележку, если хочешь.

Пока они шли по коридору, Люк размышлял о своих исследованиях, проведённых в отношении проблемы Морин. Особенно выделялся один статистический факт: американцы задолжали более двенадцати триллионов долларов. Деньги потрачены, но не заработаны, а просто взяты в долг. Парадокс, который может понравиться только бухгалтеру. В то время, как большая часть долга связана с ипотекой на дома и бизнесы, немалая сумма распределилась по маленьким пластиковым прямоугольникам, которые есть в каждой сумочке и каждом бумажнике — этакий оксикодон для американских потребителей.

Морин открыла маленький шкафчик справа от ледогенератора.

— Достанешь сам, чтобы мне не горбиться лишний раз? Какой-то оболтус засунул все ведёрки в самый конец.

Люк потянулся за ведёрком, одновременно заговорив тихим голосом:

— Калиша сказала, что у вас проблемы с кредитами. Кажется, я знаю, как решить их, но многое зависит от вашего заявленного местожительства.

— Моего заявленного...

— В каком штате вы живёте?

— Я... — Она украдкой огляделась. — Нам нельзя сообщать вам личные данные. Это будет стоить мне работы, если кто-то узнает. *Больше*, чем работы. Могу я доверять тебе, Люк?

— Я буду держать рот на замке.

— Я живу в Вермонте. Берлингтон. Там я провожу выходные. — Сказав ему это, она как будто высвободила что-то внутри себя, слова полились потоком, хотя она по-прежнему говорила тихо. — Первое, что я делаю по окончании работы, так это удаляю из своего телефона кучу назойливых входящих звонков. А когда прихожу домой, делаю то же самое с автоответчиком на **другом** телефоне. На стационарном. Когда автоответчик заполнен, они шлют письма — с предупреждениями, угрозами — на электронную почту или суют конверты под дверь. Мою машину, эту развалюху, они могут забрать в любое время, но теперь они взялись за мой *дом*! Он оплачен, и не благодаря ему! Я погасила ипотеку поощрительной премией, когда устроилась сюда — именно *поэтому* я и устроилась сюда, но они заберут его и тогда плакали мои, как это называется...

— Сбережения, — шёпотом сказал Люк.

— Точно, правильно. — На её желтоватых щеках появился румянец, но Люк не знал, от досады или от гнева. — Как только они получают дом, они возьмутся за сбережения, но эти деньги не для меня! Не для меня, но они всё равно заберут их! Так они говорят.

— Он задолжал так много? — Люк был поражён. Её муж, должно быть, тратил деньги налево и направо.

— *Да!*

— Тише. — Он держал в одной руке пластиковое ведёрко, а другой открыл ледогенератор. — Хорошо, что Вермонт. Там нет совместной собственности.

— Что это значит?

«То, что по их мнению, вы не должны знать, — подумал Люк. — Есть столько всего, что по их мнению, вы не должны знать. Стоит раз попасть в ловушку, только там они и хотят вас видеть». Он взял пластиковый совок, лежащий внутри автомата, и притворился, будто разбивает лёд на куски. — Карты, которыми он пользовался, были на его имя или на ваше?

— На его, конечно, но они продолжают доставать меня, потому что мы всё ещё женаты, а номера счетов — те же!

Люк начал наполнять ведёрко льдом... очень медленно.

— Они сказали, что могут сделать это и это звучит убедительно, но они не в праве. Не юридически и не в Вермонте. И не в большинстве штатов. Если он пользовался *своими* картами и на бумагах стоит его подпись, то это *его* долг.

— Они говорят — общий! Наш долг!

— Они лгут, — прямо сказал Люк. — А что касается звонков, о которых вы рассказали, — они звонят после восьми вечера?

Её голос понизился до яростного шёпота.

— Ты шутишь? Иногда они звонят ночью! «Заплатите, иначе банк заберёт ваш дом на следующей неделе! Вы придёте и увидите свою мебель на лужайке, а замки в дверях будут заменены!»

Люк читал об этом и о том, что было ещё хуже. Коллекторы угрожают старикам выгнать их из дома престарелых. Угрожают молодым семьям, которые всё ещё пытаются обустроить финансовую независимость. Они делают всё, что угодно, лишь бы получить свой процент.

— Хорошо, что большую часть времени вас нет дома и эти звонки оказываются на автоответчике. Они разрешают вам приносить сюда мобильник?

— Нет! Что ты! Он лежит в моей машине, в... в общем, не с собой. Как-то раз я сменила номер, но они узнали его. Как?

Легко, подумал Люк.

— Не удаляйте входящие звонки. Сохраняйте их. На них стоит дата и время. Коллекторские агентства не имеют права звонить клиентам — так они называют вас — после восьми вечера.

Он высыпал ведёрко и начал снова наполнять его, ещё медленнее. Морин глядела на него с изумлением и зарождающейся надеждой, но Люк не замечал этого. Он был глубоко сосредоточен на проблеме, мысленно проводя линии до центральных узлов, в которых эти линии можно было обрезать.

— Вам нужен адвокат. Но даже не думайте идти в одну из этих контор-однодневок, которые рекламируются по телеку, — они возьмут с вас втридорога, а потом устроят Главу 7^[61]. Вы никогда не восстановите свой кредитный рейтинг. Вам нужен пробивной вермонтский адвокат, который специализируется на списании задолженностей, знает всё о законе «О добросовестных практиках взыскания долгов», и ненавидит этих кровососов. Я поищу и найду такого.

— Ты можешь это сделать?

— Почти уверен. — Если они не забрали его компьютер. — Адвокат должен выяснить, какие коллекторские агентства пытаются выбить из вас деньги, — те, что звонят вам по ночам. Банки и кредитные компании не любят называть имена посредников, которых они используют, но пока действует закон «О добросовестных практиках», — хотя в Вашингтоне есть влиятельные люди, которые пытаются отменить его, — хороший адвокат может вынудить их сделать это. Люди, которые звонят вам,

постоянно переступают черту. Это кучка козлов, работающих в бойлерных^[62].

И они не сильно отличаются от козлов, работающих здесь, подумал Люк.

— Каких бойлерных...

— Не важно. — Разговор уже начал затягиваться. — Хороший адвокат по списанию задолженностей пойдёт в банк с записью с вашего автоответчика и предложит им выбор: забыть о долге, либо пойти в суд с обвинениями в незаконной предпринимательской деятельности. Банки не любят ходить в суд, где люди узнают, что они нанимают парней, которые не шибко отличаются от бандитов из фильмов Скорсезе.

— Значит, мне не придётся платить? — Морин выглядела потрясённой.

Он посмотрел прямо в её усталое, бледное лицо.

— Разве *вы* сделали что-то плохое?

Она помотала головой.

— Но это *огромная* сумма. Он обставил свой дом в Олбани, купил стереосистему и компьютеров, и ЖК-телевизоров; покупает всякие вещи для своей фифы, играет в казино и это продолжается уже *несколько* лет. А я дуручка всё верила, пока не стало слишком поздно.

— Ещё не поздно, в том-то и...

— Привет, Люк.

Люк вздрогнул, обернулся и увидел Эйвери Диксона.

— Привет. Как тебе батут?

— Нормально. Потом стало скучно. Знаешь, что? Мне сделали укол, и я даже не плакал.

— Молодец.

— Хочешь посмотреть телевизор до обеда? Айрис сказала, тут есть «Никелодеон». «Губка Бок» и «Растимеханик», и «Мой шумный дом».

— Не сейчас, — сказал Люк, — но ты иди.

Эйвери секунду разглядывал их, затем пошагал по коридору.

Как только он ушёл, Люк повернулся к Морин.

— Ещё не поздно, в том-то и дело. Но нужно спешить. Встретимся здесь завтра. Я дам вам имя адвоката. Хорошего. С приличным послужным списком. Обещаю.

— Это... милоч, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Ему нравилось, что она называла его «милоч». Он чувствовал некую теплоту. Глупо, возможно, но приятно.

— Вот и нет. То, что они пытаются сделать с вами, слишком *плохо*, чтобы быть правдой.

— Я этого не забуду, — сказал она и сжала его руку. — Если ты сможешь...

В дальнем конце коридора с грохотом распахнулись двери. Люк вдруг подумал, что сейчас увидит парочку санитаров, злобных санитаров — возможно, Тони и Зика, — которые явились за ним. Они отведут его куда-нибудь и будут расспрашивать, о чём они с Морин разговаривали, и если он не ответит, они воспользуются «методами усиленного допроса», пока он всё не выложит. У него будут проблемы, но, возможно, у Морин будут проблемы похуже.

— Не волнуйся, Люк, — сказала она. — Это всего лишь новенькие.

В дверях появились трое санитаров в розовом. Они катили целую вереницу каталок. На первых двух были спящие девочки, обе светловолосые. На третьей лежал большой рыжеволосый мальчик — предположительно, поклонник ВФП. Все трое спали. Когда санитары приблизились, Люк сказал:

— Ни фиги себе, кажется, эти девочки — близнецы! Копии!

— Ты прав. Их зовут Герда и Грета. А теперь иди и поешь чего-нибудь. Я должна помочь с заселением новеньких.

11

Эйвери сидел на пластиковом стуле, болтая ногами, жевал «Слим Джим» и наблюдал за происходящим в Бикини-Ботом.

— Мне дали два жетона за то, что не заплакал, когда сделали укол.

— Молодец.

— Могу дать второй, если хочешь.

— Не нужно, спасибо. Оставь на потом.

— Ладно. Мне нравится «Губка Боб», но я бы хотел пойти домой. — Эйвери не всхлипнул и не распустил нюни, но из уголков его глаз потекли слёзы.

— Да, я тоже. Не хнычь.

Эйвери перестал хныкать и Люк сел рядом с ним. Стул был тесноват для двоих, но ничего страшного. Люк одной рукой приобнял Эйвери. В ответ Эйвери положил голову Люку на плечо, от чего Люка проняло и тоже захотелось плакать.

— Знаешь, у Морин есть ребёнок, — сказал Эйвери.

— Да? Думаешь?

— Конечно. Когда-то он был маленьким, но сейчас большой. Даже старше Ники.

— Ага, ясно.

— Это секрет. — Эйвери продолжал смотреть на экран, где Патрик спорил с мистером Крабсом. — Она копит деньги для него.

— Правда? И откуда ты знаешь?

Эйвери посмотрел на него.

— Просто знаю. Как знаю, что твой лучший друг — Рольф, и ты живёшь на Уайлдерсмучи-Драйв.

Люк уставился на него в изумлении.

— Господи, Эйвери.

— Неплохо, да?

И хотя на его щеках всё ещё были слёзы, Эйвери хихикнул.

12

После обеда Джордж предложил сыграть в бадминтон трое на трое: он, Ники и Хелен против Люка, Калиши и Айрис. И добавил, что в качестве бонуса команда Ники может взять себе Эйвери.

— Он не бонус, а обуза, — сказала Хелен и отмахнулась от облака мушек, кружащих вокруг неё.

— Что такое обуза? — спросил Эйвери.

— Если хочешь узнать, прочти мои мысли, — ответила Хелен. — К тому же бадминтон для слабаков, которые не умеют играть в теннис.

— Как же с *тобой* весело, — сказала Калиша.

Хелен, которая шла в сторону столиков для пикника и шкафа с играми, не оборачиваясь, подняла над плечом средний палец. И оттопырила его. Айрис сказала, что Ники и Джордж могут сыграть против Люка и Калиши, а она, Айрис, будет судьёй. Эйвери сказал, что поможет ей. Все согласились, и игра началась. Обе стороны набрали по десять очков, когда дверь гостиной открылась и наружу почти ровной походкой вышел новичок. Он казался потерянным, будто находился под действием каких-то препаратов. И ещё казался рассерженным. Ростом шесть футов и возрастом около шестнадцати, прикинул Люк. У него был внушительный живот — продуктивное брюхо, которое в зрелом возрасте

могло стать пивным, — но его руки бугрились мускулами и у него были внушительные трапециевидные мышцы — возможно, от занятий со штангой. Его щёки были усыпаны веснушками и прыщами. Глаза казались воспалёнными и сердитыми. Его рыжие волосы торчали клочьями во все стороны. Они все остановились, чтобы разглядеть его.

Шёпотом, не шевеля губами, как зэк на тюремном дворе, Калиша сказала:

— Ну и туша.

Новичок остановился возле батута и оглядел остальных. Он заговорил медленно, прерывисто, будто те, к кому он обращался, были первобытными людьми, плохо понимающими английский. У него был южный акцент.

— *Что, блядь... это... такое?*

К нему засеменил Эйвери.

— Это Институт. Привет, я — Эйвери. А как тебя зов...

Новичок опустил ладонь на щёку Эйвери и пихнул его. Движение это не казалось целенаправленным, было почти машинальным, но Эйвери растянулся на мягкой подкладке, окружающей батут, уставившись на новичка с ошеломлённым видом. Новичок не обращал внимания ни на него, ни на игроков в бадминтон, ни на Айрис, ни на Хелен, которая перестала раскладывать пасьянс. Казалось, он обращался к самому себе.

— *Что, блядь... это... такое?* — Он раздражённое отмахнулся от насекомых. Как и Люк в свой первый визит на игровую площадку, новичок ничем не намазался. Мошкара не просто роилась вокруг него, она буквально кидалась на него, пытаясь распробовать его на вкус.

— Эх, чувак, — сказал Ники, — не следовала тебе так поступать с Эйвестером. Он пытался быть добрым.

Новичок услышал это и повернулся к Нику.

— Ты, блядь... ещё... кто?

— Ники Уилхолм. Помоги Эйвери встать.

— Что?

Ник выглядел спокойным.

— Ты сбил его с ног, теперь помоги встать.

— Я помогу, — сказала Калиша и поспешила к батуту. Она нагнулась, чтобы взять Эйвери за руку, и новичок пихнул её. Она пролетела мимо мягкого материала и упала на гравий, поцарапав колено.

Ник бросил ракетку для бадминтона и подошёл к новичку, уперев руки в бока.

— Теперь помоги им обоим. Я понимаю, ты чертовски дезориентирован, но это не оправдание.

— А если нет?

Ники улыбнулся.

— Тогда я отхерачу тебя, жирдяй.

Хелен Симмс с интересом наблюдала за происходящим из-за стола. Джордж, очевидно, решил переместиться на более безопасную территорию; он направился к двери гостиную, обходя новичка по широкой дуге.

— Оставь этого придурка, — сказал Калиша. — Мы в порядке, правда Эйвери? — Она помогла ему подняться, и они попятились в сторонку.

— Конечно, — сказал Эйвери, но по его пухлым щекам снова потекли слёзы.

— Кого ты назвала придурком, сука?

Ник сказал:

— Видимо, тебя, поскольку других придурков тут нет. — Он шагнул ближе к новичку. Люка поразил контраст между ними: новичок был бочонком, а Ники — клинком. — Тебе стоит извиниться.

— Нахуй тебя и нахуй твои извинения, — сказал новичок. — Не знаю, что это за место, но знаю, что я здесь не останусь. — А теперь отвали.

— Ты никуда не пойдёшь, — сказал Ники. — Ты здесь надолго, как и все мы. — Он улыбнулся.

— Прекратите, вы оба, — сказала Калиша. Она приобняла Эйвери за плечи и Люку не нужно было читать мысли, чтобы знать, о чём она думала, потому что он думал то же самое: новичок был фунтов на шестьдесят тяжелее Ники, а то и на все восемьдесят, и хотя спереди у него был внушительный бампер, ещё у него были массивные руки.

— Последнее предупреждение, — сказал Новичок. — Отвали или тебе пизда.

Джордж, похоже, передумал заходить внутрь. Теперь он засеменил в направлении новичка, но не к нему за спину, а немного в сторону. За ним шла Хелен, не быстро, но всё равно с тем лёгким покачиванием бёдер, которое так понравилось Люку. И с улыбкой.

Лицо Джорджа сосредоточенно нахмурилось, губы сжались, на лбу проступили морщины. Мошки, кружащие вокруг обоих мальчиков, внезапно слились воедино и устремились к лицу новичка, будто повинуюсь дуновению ветра. Он поднёс руку к глазам, отмахиваясь от них. Позади него Хелен упала на колени, а Ники толкнул его. Новичок растянулся частично на гравии, а частично на асфальте.

Хелен вскочила на ноги и отпрыгнула в сторону, хохоча и тыкая пальцем.

— Отсосал толстяк, отсосал, отсосал!

Яростно взревев, новичок начал подниматься. Но прежде чем он успел сделать это, Ники шагнул вперёд и пнул его в бедро. Сильно. Новичок заорал, схватился за ногу и подтянул колени к груди.

— Господи, хватит уже! — воскликнула Айрис. — Разве нам не хватает проблем без этого?

Старый Люк мог бы согласиться; новый — институтский Люк — нет.

— Он первый начал. И получил по заслугам.

— Я тебя достану! — всхлипывая крикнул новичок. — Я вас всех достану, блядские подлые твари! — Его лицо стало опасно побагровело. Люк подумал, может ли у шестнадцатилетнего толстяка случиться инсульт, и решил — плохо, конечно, но правдиво, — что ему всё равно.

Ники опустил на колени.

— Хрен тебе, — сказал он. — А теперь слушай сюда, жирдяй. Не мы твоя проблема, а — они.

Люк обернулся и увидел троих санитаров, стоявших возле двери в гостиную: Джо, Хадад и Глэдис. Хадад не выглядел приветливым, а фальшивая улыбка Глэдис испарилась. Все трое держали в руках какие-то чёрные устройства с торчащими проводками. Они пока что не двигались, но были готовы к действию. Потому что нельзя допустить, чтобы подопытные кролики навредили друг другу, подумал Люк. Это единственное, что нельзя, потому что это ценные подопытные кролики.

Ники сказал:

— Помоги мне с этим козлом, Люк.

Люк взял руку новичка и закинул себе на плечи. Ник сделал то же самое. Кожа новичка была горячей и липкой от пота. Он судорожно втягивал воздух сквозь сжатые зубы. Люк и Ники подняли его на ноги.

— Ники? — позвал Джо. — Всё в порядке? Заварушка окончена?

— Всё пучком, — ответил Ники.

— Хорошо бы, — сказал Хадад. Он и Глэдис вернулись внутрь. Джо остался на месте, держа наготове чёрный гаджет.

— Всё в полном порядке, — сказала Калиша. — Это даже не была *заварушка*, просто маленькое...

— Недопонимание, — сказал Хелен. — Можно сказать, выпустили пар.

— Он не хотел ничего плохого, — сказала Айрис. — Просто был расстроен. — В её голосе звучала неподдельная доброжелательность, и Люку стало немного стыдно, что он обрадовался, когда Ники пнул новичка по ноге.

— Меня сейчас вырвет, — произнёс Новичок.

— Только не на батут, не на батут, — сказал Ники. — Он нам ещё нужен. Люк, помоги мне довести его до ограждения.

Новичок начал издавать булькающие звуки, его внушительный живот задёргался. Люк и Ники отвели его к ограждению, отделяющему игровую площадку от леса, как раз вовремя. Новичок упёрся лицом в стальную сетку и наблевал через неё, изрыгнув последние остатки того, что съел снаружи, когда ещё был свободным.

— Фу, — произнесла Хелен. — Кто-то ел кукурузу со сливками — ну и мерзость.

— Получше? — спросил Ники.

Новичок кивнул.

— Закончил?

Новичок помотал головой и его снова вырвало, в этот раз помягче.

— Кажется... — Он прочистил горло и из него вырвалась новая струя слизи.

— Господи, — сказал Ники, вытирая щёку. — Давай поаккуратнее.

— Кажется, я сейчас упаду в обморок.

— Не упадёшь, — сказал Люк. Хотя он не был в этом уверен, но лучше было не нагнетать. — Пойдём туда, в тенёк.

Они подвели его к столику. Калиша села рядом с ним и велела опустить голову. Что он и сделал без возражений.

— Как тебя зовут? — спросил Ники.

— Гарри Кросс. — Весь запал вышел из него. Он звучал усталым и посрамлённым. — Я из Сельмы. Это в Алабаме. Я не знаю, как попал сюда и что случилось — *ничего вообще.*

— Мы можем кое-что рассказать, — сказал Люк, — но тебе нужно уговориться. Нужно исправиться. Это место и без того плохое, чтобы ссориться друг с другом.

— И тебе придётся извиниться перед Эйвери, — сказал Джордж. Сейчас он не выглядел шутком. — С этого и начнётся исправление.

— Да ладно, — сказал Эйвери. — Мне не было больно.

Калиша пропустила это мимо ушей.

— Извинись.

Гарри Кросс поднял голову и провёл рукой по своему покрасневшему и неказистому лицу.

— Извини, что пихнул тебя, парень. — Он посмотрел на остальных. — Сойдёт?

— Наполовину. — Люк указал на Калишу. — И перед ней.

Гарри тяжело вздохнул.

— Извини. Не знаю, как тебя зовут.

— Калиша. Если мы подружимся, что на данный момент кажется маловероятным, то можешь называть меня Ша.

— Но не называй её умницей, — сказал Люк. Джордж засмеялся и похлопал его по спине.

— Как скажешь, — пробормотал Гарри и вытер подбородок.

— Теперь, когда все волнения закончились, может, доиграем в этот сраный бадминтон...

— Привет, девочки, — сказала Айрис. — Не хотите присоединиться к нам?

Люк обернулся. Джо уже не было. А на его месте стояли две маленькие светловолосые девочки. Они держались за руки и на их лицах читалось одинаковое

выражение потрясения и страха. Всё в них было одинаковым, за исключением футболок: одна — зелёная, другая — красная. Люку вспомнились Штучка Раз и Штучка Два^[63] доктора Сьюза.

— Смелее, — сказала Калиша. — Всё хорошо. Неприятности позади.

Если бы только это было правдой, подумал Люк.

13

В четверть четвёртого Люк сидел в своей комнате и искал информацию о вермонтских адвокатах, специализирующихся на законе «О добросовестных практиках взыскания долгов». Пока что никто не спрашивал его, почему он так интересуется этой темой. И никто не спрашивал его о невидимке Герберта Уэллса. Люк считал, что мог бы проверить, мониторят ли его — например, ввести в «Гугле»: как покончить жизнь самоубийством, — но затем решил, что это безумие. Зачем будить спящую собаку? И поскольку это бы не сильно повлияло на его нынешнюю жизнь, лучше было не рисковать.

В дверь кто-то постучал. Она открылась до того, как он успел сказать «войдите». Это была санитар. Высокая, с тёмными волосами, на именной табличке было сказано: ПРИСЦИЛЛА.

— На глазную штуку? — спросил Люк, выключая ноутбук.

— Да. Пойдём. — Ни улыбки, ни весёлости. После Глэдис это было облегчением.

Они прошли к лифту, затем спустились на уровень «В».

— Насколько глубокое это место? — спросил Люк.

Присцилла взглянула на него.

- Не твоё дело.
- Я просто хотел поддержать раз...
- Не стоит. Просто заткнись.

Люк замолчал.

В старой доброй комнате «В-17» вместо Зика был техник с табличкой БРЭНДОН. Вместе с ним присутствовали ещё двое мужчин в костюмах: один с айпадом, второй с доской-планшетом. У них не было именных табличек, поэтому Люк решил, что они доктора. Один из них был очень высоким и с таким брюхом, что утёр бы нос Гарри Кроссу. Он шагнул вперёд и протянул руку.

— Здравствуй, Люк. Я доктор Хендрикс, глава медицинской службы.

Люк просто посмотрел на протянутую руку, не испытывая ни малейшего желания пожать её. Он усваивал новые варианты поведения. Это было интересно, но довольно страшно.

Доктор Хендрикс издал странный «и-а» смешок, сначала вдохнув, а потом выдохнув.

— Это нормально, совершенно нормально. Это доктор Эванс, глава офтальмологической службы. — Он опять хохотнул на вдохе-выдохе, от чего Люк подумал, что «офтальмологическая служба» — это такой врачебный юмор.

Доктор Эванс, невысокий мужчина с пышными усами, не засмеялся, и даже не улыбнулся. Он даже не протянул руку.

— Значит, ты один из наших новобранцев. Добро пожаловать. Пожалуйста, присаживайся.

Люк сел. Сидеть в кресле было определённо лучше, чем стоять склонившись над ним с выставленной голой задницей. К тому же, он был почти уверен, что это за штука; раньше ему уже проверяли зрение. В фильмах какой-нибудь гений-ботан всегда носит толстенные очки, но у Люка зрение было пока что единица. Он

чувствовал себя более-менее спокойно, пока Хендрикс не подошёл со шприцом, при виде которого у Люка упало сердце.

— Не волнуйся, просто ещё один быстрый укол. — Хендрикс опять гоготнул, показав кривые зубы. — Много уколов, прямо как в армии.

— Разумеется, ведь я же призывник, — сказал Люк.

— Верно, абсолютно верно. Не двигайся.

Люк принял укол без возражений. Не было никакой вспышки тепла, но потом начало происходить что-то ещё. Что-то скверное. Когда Присцилла наклонилась, чтобы заклеить пластырем место укола, он начал задыхаться. — Я не могу... — *Глотать*, хотел сказать он, но не смог. У него сдавило горло.

— Всё в порядке, — сказал Хендрикс. — Это пройдёт. — Это прозвучало успокаивающе, но другой доктор приближался с трубкой, которую, очевидно, собирался засунуть Люку в горло, если возникнет такая необходимость. Хендрикс опустил руку на его плечо. — Дай ему пару секунд.

Люк безнадёжно смотрел на них, по его подбородку стекала слюна. Он был уверен, что их лица будут последним, что он увидит... а потом горло отпустило. Он громко, со свистом, втянул воздух.

— Видишь? — сказал Хендрикс. — Всё хорошо. Интубация не нужна, Джим.

— Что... что вы сделали со мной.

— Совершенно ничего. С тобой всё в порядке.

Доктор Эванс передал пластиковую трубку Брэндону и занял место Хендрикса. Он посветил фонариком в глаза Люка, а потом взял маленькую линейку и измерил расстояние между ними. — Корректирующие линзы?

— Я хочу знать, что это было! Я не мог *дышать*. Не мог *глотать*!

— С тобой всё в порядке, — сказал Эванс. — Теперь можешь. Цвет возвращаются к норме. А теперь ответь: ты носишь линзы?

— Нет, — сказал Люк.

— Хорошо. Пожалуйста, посмотри прямо.

Люк посмотрел на стену. Ощущение, что он забыл, как дышать, пропало. Брэндон опустил белый экран, затем приглушил свет.

— Продолжай смотреть прямо, — сказал доктор Эванс. — Если отвлечёшься в сторону, Брэндон наградит тебя пощёчиной. Если отвлечёшься ещё раз, он ударит тебя током — напряжение маленькое, но очень болезненное. Ты понял?

— Да, — ответил Люк. Он сглотнул. Теперь всё было в порядке, горло пришло в норму, но сердце продолжало учащённо биться. — А АМА^[64] знает об этом?

— Лучше заткнись, — сказал Брэндон.

Кажется, «заткнись» — это любимое слово в этих стенах, подумал Люк. Он сказал себе, что всё позади и теперь это обычная проверка зрения; другие дети прошли через неё и остались целы, но он продолжал глотать, проверяя, что снова может делать это. Они покажут таблицу для зрения, он прочитает её и всё закончится.

— Смотри прямо, — протянул Эванс. — Глаза на экран и никуда больше.

Включилась музыка, скрипки заиграли что-то из классики. Должно быть, для успокоения, предположил Люк.

— Прис, включи проектор, — сказал Эванс.

Вместо таблицы в центре экрана появилось синее пятно, слегка пульсирующее, что было похоже не сердцебиение. Поверх него появилось красное пятно, заставив Люка подумать об ЭАЛе: «Извини, Дэйв».

Следующим появилось зелёное пятно. Красное и зелёное синхронно пульсировали вместе с синим, затем все три начали мигать. Затем к ним добавилось ещё по одному, затем по два, а затем по дюжине. Вскоре весь экран был покрыт сотнями цветных мигающих точек.

— Смотри на экран, — протянул Эванс. — На экраан. И никуда больше.

— Значит, если я не вижу их сам, вы показываете их на экране? Что-то вроде стимуляции? Это не...

— Заткнись, — сказала Присцилла.

Теперь точки начали кружиться. Они вихрем летали друг за другом, некоторые кружились по спирали, другие собирались вместе, третьи образовывали круги, которые поднимались вверх, вниз и пересекались между собой. Скрипки ускорились и классическое звучание превратилось во что-то, вроде сельской кадрили. Теперь точки не просто двигались, они превратились в электронный рекламный щит, как на Таймс-Сквер, с погасшими светодиодами, от которого может стать хреново. Он почувствовал, что ему сейчас станет хреново. Он подумал о Гарри Кроссе, блюющем через сетчатое ограждение, и понял, что окажется на его месте, если будет продолжать смотреть на эти бешено кружащиеся цветные точки, а блевать ему не хотелось, потому что всё окажется на его коленях, это...

Брэндон отвесил ему пощёчину, крепкую и жирную. Звук был такой, будто одновременно вблизи и вдалеке хлопнула маленькая петарда.

— Смотри на экран, приятель.

Что-то тёплое потекло по его верхней губе. Сукин сын попал не только по щеке, но и по носу, подумал Люк, но это было не так уж важно. Эти кружащиеся точки вторгались в его голову, захватывали мозг, как энцефалит или менингит. Как *заболевание*, каким они, собственно, и были.

— Ладно Прис, выключай, — сказал Эванс, но она, должно быть, не услышала, потому что точки никуда не делись. Они расширялись и сжимались, и каждый раз становились всё больше: *шире*, а затем уже, *шире* и уже. Они становились трёхмерными, вылетая на него с экрана, и возвращаясь назад, вперёд и назад...

Ему показалось, что Брэндон что-то сказал о Присцилле, но, кажется, он услышал это у себя в голове. А ещё кто-то громко кричал. Может, он сам?

— Молодец, Люк, хороший мальчик. — Голос Эванса доносился откуда-то издалека. Будто из стратосферы. А, может, с обратной стороны луны.

Появилось больше цветных точек. Теперь они были не только на экране, они были на стенах, кружились на потолке, повсюду вокруг него, и внутри него. В последние секунды перед тем, как он потерял сознание, Люку пришла мысль, что они буквально *заменяют* ему мозг. Он увидел свои руки, парящие среди точек света, увидел, как они скачут и бегают по его коже, и понял, что мечется в кресле из стороны в сторону.

Он хотел сказать «*У меня припадок, вы убиваете меня*», но из его рта вырвался лишь жалкий булькающий звук. Затем точки пропали, он упал с кресла и погрузился в темноту, что было облегчением. Боже, какое же облегчение.

14

Он проснулся от того, что его хлопали по щекам. Это были не сильные пощёчины, не такие, как та, из-за которой у него носом пошла кровь (если это вообще было), но никакой заботы в них не чувствовалось. Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на полу. Но комната была другой. Рядом с ним, опустившись на

колени, стояла Присцилла. Это она хлопала его по щекам. Тут же, наблюдая, стояли Брэндон и двое докторов. Хендрикс по-прежнему с айпадом, а Эванс с планшетом для бумаг.

— Он очнулся, — сказала Присцилла. — Можешь подняться, Люк?

Люк не знал, сможет ли. Четыре или пять лет назад он слёг с воспалением горла и высокой температурой. Сейчас он чувствовал себя так же, как тогда, будто часть его покинула собственное тело и парила в воздухе. Во рту стоял отвратительный привкус, а место укола невыносимо зудело. Он всё ещё чувствовал сдавленность в горле.

Брэндон не дал ему возможности проверить ноги — просто схватил его за руку и поднял. Люк не упал, но стоял, покачиваясь.

— Как тебя зовут? — спросил Хендрикс.

— Люк... Лукас... Эллис. — Слова, казалось, выходили не из его рта, а из той его части, которая отделилась и парила над головой. Он очень устал. Его лицо пульсировало от множества пощёчин, а нос болел. Он поднял руку (она медленно поплыла вверх, словно в толще воды), потёр верхнюю губу и без удивления увидел корочки засохшей крови, оставшиеся на пальцах.

— Долго я был без сознания?

— Усадите его, — сказал Хендрикс.

Брэндон взял Люка за одну руку, Присцилла за вторую. Они подвели его к стулу (слава Богу, к обычному кухонному стулу, без ремней), который стоял перед столом. Рядом, на другом стуле, сидел Эванс. Перед ним лежала колода карт. Они были большими, размером с книгу в мягкой обложке, и с простыми синими «рубашками».

— Я хочу обратно в свою комнату, — сказал Люк. Его голос, казалось, по-прежнему доносился не из его рта,

но откуда-то неподалёку. — Я хочу прилечь. Мне нехорошо.

— Твоя дезориентация пройдёт, — сказал Хендрикс, — хотя советую пропустить ужин. А сейчас я хочу, чтобы ты уделил внимание доктору Эвансу. Мы проведём небольшие тесты. Как только закончим, ты сможешь вернуться в свою комнату и... ээ... расслабиться.

Эванс взял одну карту и посмотрел на неё.

— Что это?

— Карта, — ответил Люк.

— Прибереги шутки для «Ютьюба», — сказала Присцилла и ударила его. Эта пощёчина была гораздо крепче, чем те, которыми она будила его.

У Люка зазвенело в ухе, но, по крайней мере, немного прояснилось в голове. Он посмотрел на Присциллу: она не повела и бровью. Никакой жалости. Никакого сочувствия. Ничего. Люк понял, что для неё он вовсе не был ребёнком. Она будто провела в голове разделительную черту. Он был подопытным. Ты делаешь с ним, что хочешь, а если упрётся, прибегаешь к тому, что психологи называют отрицательным подкреплением. А после тестов ты идёшь в бытовку, пьёшь кофе с пирожными, болтаешь о своих детях (настоящих детях) или треплешься о политике, спорте и так далее.

Но разве он уже не знал этого? Вроде того, только знать что-то и чувствовать, как оно алеет на твоей коже — это разные вещи. Люк уже видел, что не за горами то время, когда он будет съёживаться каждый раз при виде поднятой руки — и не важно, хотят с ним поздороваться или дать пять.

Эванс аккуратно отложил карту в сторону и взял из колоды другую.

— Ну, а это, Люк?

— Я же сказал, не знаю! Откуда мне знать...

Присцилла снова ударила его. Теперь в ухе зазвенело сильнее и Люк начал плакать. Ничего не мог с собой поделаться. Он думал, что настоящий кошмар — это Институт, но настоящим кошмаром было происходящее: когда часть его где-то парила; когда он не мог назвать то, что было изображено на карте; когда ему тут же прилетала пощёчина при ответе «не знаю».

— Попытайся, Люк, — сказал Хендрикс во второе ухо, которое не звенело.

— Я хочу обратно в свою комнату. Я устал. И мне нехорошо.

Эванс отложил вторую карту и взял третью.

— Что это?

— Вы ошиблись, — сказал Люк. — Я не ТК, не ТП. Может, Калиша и скажет вам, что на этих картах, или, уверен, скажет Эйвери, *но я не ТП!*

Эванс взял четвёртую карту.

— Что это? Больше никаких пощёчин. Отвечай или в этот раз Брэндон опробует на тебе электродубинку, а это действительно больно. Возможно, у тебя случится ещё один припадок, так что отвечай Люк, что это?

— Бруклинский мост! — выкрикнул он. — Эйфелева башня! Брэд Питт в смокинге, срущая собака, Инди-500^[65], *я не знаю!*

Люк ожидал применения электродубинки — что-то вроде тайзера, решил он. Может, раздастся треск, а, может, она издаст жужжащий звук. Может, это случится бесшумно, и он просто дёрнется и упадёт на пол, корчась и пуская слюни. Вместо этого Эванс отложил карту и жестом велел Брэндону отойти. Но Люку не стало легче.

«Лучше умереть, — подумал он. — Умереть, чтобы всё это прекратилось».

— Присцилла, — сказал Хендрикс, — отведи Люка в его комнату.

— Да, доктор. Брэн, помоги мне довести его до лифта.

Когда они дошли до лифта, Люк снова почувствовал себя единым целым, шестерёнки в его голове начали потихоньку вращаться. Они действительно выключили проектор? А он *продолжал* видеть точки?

— Вы ошиблись. — У люка пересохло во рту и в горле. — Я не тот, кого вы называете ТП. Вы ведь знаете, правда?

— Неважно, — с безразличием ответила Присцилла. Она повернулась к Брэндону и игриво улыбнулась, став совершенно другим человеком.

— Увидимся позже, да?

Брэндон усмехнулся.

— Конечно.

Он повернулся к Люку, внезапно сжав пальцы в кулак, и замахнулся. Кулак остановился в дюйме от носа Люка, но Люк съёжился и вскрикнул. Брэндон залился смехом, а Присцилла одарила его снисходительной парни-есть-парни улыбкой.

— Не расстраивай её, Люк, — сказал Брэндон и развязной походкой направился вниз по коридору уровня «В», кобура с электропалкой болталась на его бедре.

В главном коридоре — крыле для постояльцев, как теперь знал Люк — стояли две маленькие девочки, Герда и Грета, с широко раскрытыми и испуганными глазами. Они держались за руки и сжимали кукол, таких же одинаковых, как они сами. Они напомнили Люку близнецов из одного старого ужастика.

Присцилла проводила его до двери и ушла, ничего не сказав. Люк вошёл в комнату, увидел, что ноутбук на месте, и рухнул на кровать, даже не сняв обувь. И проспал следующие пять часов.

Миссис Сигсби ждала доктор Хендрикса, он же Осёл-Конг, в своей жилой комнате, примыкающей к её офису. Она сидела на маленьком диване. Он протянул ей dossier.

— Знаю, что вы предпочитаете бумажную копию, так что получите. Тут много полезного.

Она не открыла dossier.

— Мне от него ни пользы, ни вреда, Дэн. А ваши тесты, ваши дополнительные эксперименты, похоже, не выгорели.

Он не смутился.

— Агнес Джордан. Уильям Гортсен. Вина Патель. Двое-трое других, чьи имена вылетели у меня из головы. Донна-как-её-там. По всем были положительные результаты.

Она вздохнула и пригладила свои редющие волосы. Хендрикс подумал, что у Сиггера птичье лицо: острый нос вместо клюва, но такие же маленькие алчные глазки. Птичье лицо с мозгами бюрократа за ним. Бездёга.

— И десятки розовых, по которым нет вообще никаких результатов.

— Пожалуй, соглашусь, но подумайте над этим, — сказал он, потому что то, что он хотел сказать — *Как ты можешь быть такой глупой?* — принесло бы ему большие неприятности. — Если телепатия и телекинез связаны, на чём основаны мои эксперименты, то могут существовать и другие экстрасенсорные способности, скрытые и только ждущие, когда их выведут на передний план. То, что умеют эти дети, даже самые одарённые, может быть всего лишь верхушкой айсберга. Представьте, что экстрасенсорное исцеление — реально. Представьте, что глиобластома, которая

убила Джона Маккейна, могла быть вылечена одним усилием воли. Представьте, что эти способности можно направить на продление жизни — скажем, до ста пятидесяти лет или дольше. То, для чего мы их используем, не обязательно предел. Это может быть только начало!

— Я всё это уже слышала, — сказал миссис Сигсби. — И читала в бюллетене, как вы её гордо называете, вашей миссии.

«Но вы не понимаете, — подумал он. — Не понимает и Стакхаус. Эванс — вроде да, но даже он не видит всего огромного потенциала».

— Просто не нужно думать, что Эллис или Айрис Стэнхоуп такие уж ценные. Мы не просто так зовём их розовыми. — Он фыркнул и махнул рукой.

— Двадцать лет назад вы бы этого не сказали, — ответила миссис Сигсби. — Даже десять.

— Но...

— Хватит, Дэн. Эллис показал какие-нибудь признаки ТП или нет?

— Нет, но он продолжал видеть огни после выключения проектора, что, как нам кажется, и есть признак. *Явный* признак. Но потом у него случился припадок. Что, как вы знаете, не редкость.

Она вздохнула.

— Я не возражаю против того, чтобы вы продолжали свои тесты с огнями штази, Дэн, но вы должны думать наперёд. Наша главная цель: подготовить их к Задней Половине. Это важнее всего. Любые побочные эффекты не так уж значимы. Руководство не заинтересовано в экстрасенсорном эквиваленте «Рогейна».

Хендрикс отпрянул, будто она ударила его.

— Препарат от гипертонии, который также оказался способен добавить волос лысым людям, вряд ли стоит в том же ряду, что и процедура, которая способна изменить ход человеческого существования!

— Возможно, нет, и, возможно, если бы ваши тесты давали более частые результаты, то я — и люди, которые выделяют нам деньги — были бы настроены более оптимистично. Но на данный момент у вас есть только парочка случайных попаданий.

Он открыл рот, чтобы возразить, но передумал, когда она грозно посмотрела на него.

— Можете пока продолжать свои тесты. Довольствуйтесь, учитывая, что из-за них мы потеряли нескольких детей.

— Розовых, — сказал он и снова фыркнул.

— Вы так говорите, будто их пруд пруди, — сказал она. — Может, раньше так и было, но не сейчас, Дэн. Не сейчас. А пока что, возьмите это.

Она подала ему красную папку с печатью: ПЕРЕМЕЩЕНИЕ.

16

Когда вечером Люк вошёл в гостиную, Калиша сидела на полу, прислонившись к одному из больших окон, выходящих на игровую площадку. Она потягивала из маленькой бутылочки с алкоголем, которую можно было купить в торговом автомате.

— Пьёшь эту гадость? — спросил он, садясь рядом с ней. На игровой площадке Эйвери и Хелен прыгали на батуте. Судя по всему, она учила его делать кувырки вперёд. Скоро стемнеет и им придётся зайти внутрь. Хотя игровая площадка никогда не запиралась, у неё не было освещения, от чего туда не хотелось ходить в ночное время.

— Это первый раз. Потратила все свои жетоны. Довольно противно. Хочешь? — Она протянула ему

бутылочку с напитком, который назывался «Твистед Ти».

— Я пас. Ша, почему ты не сказала, что глазной тест такой ужасный?

— Зови меня Калиша. Только ты называешь меня так, и мне это нравится. — У неё слегка заплетался язык. Она не могла выпить больше нескольких глотков, но, видимо, это было с непривычки, подумал он.

— Хорошо. Калиша. Так, почему ты не сказала мне? Она пожала плечами.

— Они заставляют тебя смотреть на танцующие разноцветные огоньки, пока не почувствуешь лёгкое головокружение. Что в этом ужасного? — У неё получилось: *ужаснго*.

— Правда? И это всё, что у тебя было?

— Да. А что было у *тебя*?

— Сначала мне сделали укол и пошла реакция. Сдавило горло. На секунду я подумал, что сейчас умру.

— Хм. Мне тоже делали укол перед тестом, но никаких последствий. Это и правда звучит ужасно. Мне жаль, Люк.

— Это только первая часть. Я отключился, пока смотрел на огни. Кажется, у меня случился припадок. — Он также слегка припустил в штаны, но решил не говорить об этом. — Когда я очнулся... — Он замолчал, стараясь взять себя в руки. Он не собирался пускать слёзы перед хорошенькой девочкой с красивыми карими глазами и курчавыми чёрными волосами. — Когда я очнулся, они лупили меня по лицу.

Она выпрямилась.

— *Чего?*

Он кивнул.

— Затем один из докторов... Эванс — знаешь его?

— Тот, что с усами. — Она поморщилась и сделала ещё один глоток.

— Да, он. У него были какие-то карты, и он пытался заставить меня говорить, что на них. Это были ЭСВ карты. Почти уверен в этом. Ты говорила о них, помнишь?

— Конечно. Я проходила их дюжину раз. Даже *две*. Но никогда после огней; они просто отводили меня обратно в комнату. — Она сделала ещё один маленький глоток. — Должно быть, они что-то напутали в своих бумагах и думали, что ты ТП, а не ТК.

— Это было первое, что я подумал, и сказал им об этом, но они продолжали лупить меня. Будто думали, что я притворяюсь.

— Безумие какое-то, — сказала она. «*Бзумие*», вместо «безумие».

— Думаю, это случилось, потому что я не тот, кого тут называют плюсами. Я обычный. Они называют нас розовыми.

— Ага. Розовыми. Точно.

— А что насчёт других детей? С ними случалось нечто подобное?

— Никогда не спрашивала. Точно не хочешь глотнуть?

Люк взял бутылочку и сделал глоток, хотя бы для того, чтобы она не выпила всё в одиночку. По его мнению, ей уже было достаточно. Вкус был отвратительный, как он и думал. Он вернул бутылочку назад.

— Не хочешь узнать, за что я пью?

— За что?

— За Айрис. И память о ней. Она как ты: ничего особенного, чуточку ТК. Час назад они пришли и забрали её. И, как сказал бы Джордж, мы её больше не увидим.

Она начала плакать. Люк обхватил её рукой. Он не знал, что ещё он мог сделать. Она положила голову ему на плечо.

В тот вечер он снова зашёл на страницу мистера Гриффина, ввёл название сайта «Стар Трибьюн» и смотрел на него почти три минуты, прежде чем стёр, так и не решившись нажать «интер». Трус, подумал он. Я — трус. Если они мертвы, я должен об этом узнать. Только он не знал, как принять эту новость, чтобы окончательно не сломаться. Кроме того, какая от неё польза?

Вместо этого он набрал: *адвокаты по долгам, Вермонт*. Он уже изучил этот вопрос, но сказал себе, что не помешает всё перепроверить. И это поможет скоротать время.

Через двадцать минут он выключил компьютер и подумал, не прогуляться ли и посмотреть, нет ли кого поблизости (например, Калиши, если она ещё не завалилась спать), когда вернулись цветные точки. Они закружились перед его глазами и весь мир начал куда-то отдаляться. *Отъезжать*, как поезд от станции, который он провожал взглядом, стоя на платформе.

Он опустил голову на закрытый ноутбук и сделал глубокий медленный вдох, говоря себе держаться, только держаться. Говоря, что это пройдёт, и не позволяя себе задаваться вопросом, что будет, если этого не случится? По крайней мере, он мог глотать, а это уже было неплохо. А через некоторое время ощущение уплыwania от самого себя — уплыwania во вселенную кружащихся огней — *прошло*. Он не знал, сколько это длилось; может, только минуту или две, но казалось гораздо дольше.

Он пошёл в ванную и почистил зубы, глядя на себя в зеркало. Они могли знать о точках, и, *скорее всего*,

знали, но не об остальном. Он не представлял, что было изображено на первой карте или на третьей, но на второй был мальчик на велосипеде, а на четвёртой была маленькая собака с мячом в зубах. Черная собака, красный мяч. Похоже, он всё-таки был ТП.

Или стал им, теперь.

Он прополоскал рот, выключил свет, разделся в темноте и лёг на кровать. Эти огни изменили его. Они знали, что это может случиться, но не были уверены. Он и сам не до конца был уверен, но...

Он был испытуемым объектом, как, вероятно, все они, но слабые ТП и ТК — розовые — проходили больше тестов. Почему? Потому что были менее ценными? Расходным материалом, если что-то пойдёт не так? В этом нельзя быть уверенным, но судя по всему, так и есть, подумал Люк. Доктора посчитали, что он провалил тест с картами. Это хорошо. Они были плохими людьми, а хранить секреты от плохих людей, это ведь хорошо, так? Но ему казалось, что огни могли иметь какую-то другую цель помимо усиления способностей розовых, потому что они были и у более сильных ТП и ТК, как Калиша и Джордж. Что это может быть за цель?

Он не знал. Он знал только, что точки ушли. И ушла Айрис. Но точки могут вернуться, а Айрис — нет. Айрис забрали в Заднюю Половину и больше они её не увидят.

На следующее утро, за завтраком было девять детей, но с уходом Айрис, они почти не разговаривали, и никто не смеялся. Джордж Айлс не шутил. Хелен Симмс позавтракала съедобными сигаретами. Гарри Кросс взял себе гору яичниц и умял их (вместе с беконом и жареной картошкой), не отрывая глаз от

тарелки. Маленькие девочки, Грета и Герда Уилкокс, ничего не ели, пока не появилась Глэдис со своей лучезарной улыбкой и не уговорила их съесть пару кусочков. Они, казалось, даже повеселели от её внимания, даже немного посмеялись. Люк подумал, что позже нужно отвести их в сторонку и сказать, что не стоит доверять её улыбке, но это, пожалуй, напугает их, да и какая от этого польза?

«*Какая от этого польза*» стало ещё одной мантрой, и он решил, что так думать нельзя; это шаг в сторону принятия этого места. А он не хотел этого, нет, он не хотел, но логика есть логика. Если маленькие Г находили утешение во внимании со стороны большой Г, может, это и к лучшему, но когда он подумал, как им будут вставлять ректальный градусник... и об огнях...

— Что с тобой? — спросил Ники. — Выглядишь, будто проглотил лимон.

— Ничего. Думаю об Айрис.

— Она в прошлом, чувак.

Люк взглянул на него.

— Это жестоко.

Ники пожал плечами.

— Такова правда. Не хочешь сыграть в КОНЯ^[66]?

— Нет.

— Да ладно. Я дам тебе фору.

— Я пасс.

— Зассал? — беззлобно спросил Ники.

Люк помотал головой.

— Просто, на меня накатят чувства. Раньше я играл с отцом. — От этого «раньше» ему стало не по себе.

— Ладно, я тебя понял. — Он посмотрел на Люка с выражением, которое Люк мог едва вынести, особенно от Ники Уилхолма. — Слушай, чувак...

— Что?

Ники вздохнул.

— Будут на площадке, если передумаешь.

Люк вышел из столовой и побрёл по своему коридору — ЕЩЁ-ОДИН-ДЕНЬ-В-РАЮ-коридору — а затем по следующему, который он теперь называл коридором ледогенератора. Морин там не было, так что он двинулся дальше. Он прошёл мимо других мотивационных плакатов, мимо других комнат — по девять на каждой стороне. Все двери были распахнуты, открывая вид на незастеленные кровати и голые стены. От этого комнаты были похожи на то, чем по сути и были: на детские тюремные камеры. Он миновал лифтовый холл и снова пошёл мимо комнат. Напрашивались определённые выводы. Когда-то в Институте было гораздо больше «гостей». Если только руководство не ожидало пополнения.

В итоге Люк добрался до другой гостиной, где уборщик по имени Фред томными размашистыми движениями мыл пол в столовой. Там стояли автоматы с закусками и напитками, но они были пусты и выключены из розетки. Снаружи не было никакой игровой площадки, только гравий, сетчатый забор и несколько скамеек (предположительно, для сотрудников, чтобы они могли передохнуть на воздухе), а дальше, в семидесяти ярдах^[67] или около того, стояло зелёное административное здание. Логово миссис Сигсби, которая сказала ему, что он здесь, чтобы служить.

— Что ты тут делаешь? — спросил Фред.

— Просто гуляю, — ответил Люк. — Смотрю, что тут есть.

— Тут ничего нет. Возвращайся туда, откуда пришёл. Играй с другими детьми.

— А если я не хочу? — Это прозвучало скорее жалко, чем решительно, и Люк пожалел, что открыл рот.

У Фреда на одном бедре висела рация, а на другом электропалка. Он взялся за второе.

— Возвращайся назад. Я не буду повторять.

— Ладно. Приятного дня, Фред.

— Пошёл в жопу. — Фред вернулся к работе.

Люк оставил его, удивляясь тому, как быстро все его нерушимые убеждения о взрослых — например, что они будут добры с тобой, если ты будешь добр с ними — были смыты в унитаз. Он старался не заглядывать в пустые комнаты, когда проходил мимо них. Оттуда веяло жутью. Сколько детей в них побывало? Что с ними стало, когда они отправились в Заднюю Половину? И, где они были сейчас? Дома?

— Хер там, — пробормотал он и захотел, чтобы его мама оказалась рядом, услышала, как он произносит это слово, и сделала ему выговор. Без папы было плохо. Без мамы — невыносимо.

Дойдя до коридора ледогенератора, он увидел тележку «Дандукс» Морин, стоящую возле комнаты Эйвери. Он заглянул внутрь, и она улыбнулась ему, ровняя одеяло на кровати Эйвестера.

— Всё хорошо, Люк?

Глупый вопрос, но он знал, что она спросила искренне; и то, как он узнал об этом, вполне могло быть связано со вчерашним световым шоу. Сегодня лицо Морин было ещё бледнее, а морщинки вокруг её рта ещё глубже. Люк подумал, что у этой женщины не всё хорошо.

— Да. А у вас?

— Всё нормально. — Она солгала. Это не было похоже на догадку или озарение; это пришло, как неоспоримый факт. — Если не считать, что минувшей ночью Эйвери намочил кровать. — Она вздохнула. — Он не первый и не последний. К счастью, дальше наматрасника не протекло. Теперь иди, Люк. Хорошего тебе дня. — Она смотрела прямо на него с надежной в

глазах. И не только в глазах, но и в мыслях. Он снова подумал: они изменили меня. Не знаю, как и на сколько, но они точно изменили меня. Что-то добавили. Он был очень рад, что солгал на счёт карт. И очень рад, что они поверили ему. Пока что.

Он собрался было уйти, но вернулся.

— Пойду возьму немного льда. Вчера они надавали мне пощёчин и у меня болит лицо.

— Давай, милочка. Давай.

И снова ему стало теплее на душе от этого слова. Ему даже захотелось улыбнуться.

Он взял ведёрко в своей комнате, вылил талую воду в раковину и прошёл к ледогенератору. Морит была уже там, согнувшись пополам и прижавшись попой к шлакоблочной стене, её руки почти касались лодыжек. Люк поспешил к ней, но она жестом остановила его.

— Просто потягиваю спину. Чтобы позвонки вернулись на место.

Он открыл дверцу ледогенератора и достал совок. Он не мог передать ей записку по методу Калиши, потому что, несмотря на наличие ноутбука, у него не было бумаги и ручки. Даже огрызка карандаша. Может, это и к лучшему. Здесь было опасно пользоваться записками.

— Лиа Финк из Берлингтона, — прошептал он, набирая лёд. — Рудольф Дэвис из Монпелье. У обоих по пять звёзд на «Легал Игл». Это сайт для клиентов. Запомните имена?

— Лиа Финк, Рудоль Дэвис. Храни тебя Бог, Люк.

Люк знал, что стоит на этом остановиться, но ему было любопытно. Он всегда был любопытным. Поэтому вместо того, чтобы уйти, он принялся колоть лёд, будто хотел измельчить его. Лёд не нуждался в измельчении, но зато от этого образовывался довольно громкий шум.

— Эйвери сказал, что деньги вы скопили для сына. Я знаю, это не моё дело...

— Это малыш Диксон, который умеет читать мысли, не так ли? Должно быть, он правда способный, хотя и пишет в кровать. В *его* досье нет никаких розовых отметок.

— Да, он. — Люк продолжал ворошить лёд совком.

— Что ж, он прав. Это было церковное усыновление, сразу после рождения моего мальчика. Я хотела оставить его, но мой пастор и моя мать отговорили меня. Кобель, за которого я вышла, никогда не хотел детей, так что он мой единственный. Тебе это действительно интересно, Люк?

— Да. — Но затягивать разговор было опасно. *Они* могли не слышать, но могли наблюдать.

— Когда у меня начались боли в спине, мне захотелось узнать, что с ним стало, и я выяснила это. Государственные службы не выдают данных о детях, но церковь хранит записи об усыновлениях, начиная с 1950 года, а у меня был пароль от компьютера. Пастор держит его прямо под клавиатурой в приходском доме. Мой мальчик живёт всего в двух городах от места моего проживания в Вермонте. Он заканчивает школу. Хочет пойти в колледж. Да, это я тоже выяснила. Мой сын хочет пойти в колледж. Вот, для чего мне нужны деньги, а не для оплаты счетов этой поганой скотины.

Она вытерла глаза рукавом — быстрым, почти машинальным движением.

Он закрыл крышку ледогенератора и выпрямился.

— Поберегите спину, Морин.

— Обязательно.

Но, что, если это рак? Именно так она и думала. Он это знал.

Когда он развернулся, она коснулась его плеча и придвинулась к нему. У неё был неприятных запах изо рта. Запах больного человека.

— Он не должен знать, откуда взялись деньги. Но он должен получить их. И, Люк? Делай, что они говорят.

Делай *всё*, что они говорят. — Она замолчала. — И если захочешь с кем-то что-то обсудить... делай это здесь.

— Я думал, тут есть другие места, где...

— Делай здесь, — повторила она, и покатила свою тележку обратно туда, откуда пришла.

19

Вернувшись на игровую площадку, Люк с удивлением увидел, что Ники играет в КОНЯ с Гарри Кроссом. Они смеялись, толкались и препирались друг с другом, будто были друзьями с первого класса. Хелен сидела за столиком и играла с Эйвери в «Пьяницу» с двумя колодами. Люк сел рядом с ней и спросил, кто выигрывает.

— Трудно сказать, — ответила Хелен. — В прошлый раз выиграл Эйвери, а сейчас идём ровно.

— Она считает это скучным дерьмом, но старается быть вежливой, — сказал Эйвери. — Разве не так, Хелен?

— Всё так, мелкий ты Крескин^[68], всё так. После этого играем в слэп-джек^[69]. И ты будешь не в восторге, потому что у меня *твёрдая* рука.

Люк огляделся и вдруг ощутил беспокойство. От чего перед его глазами за мгновение появился рой точек и тут же исчез.

— Где Калиша? Они ведь не...

— Нет, нет, они не забрали её. Она принимаешь душ.

— Она нравится Люку, — произнёс Эйвери. — *Очень* нравится.

— Эйвери?

— Что, Хелен?

— Есть вещи, о которых не стоит болтать.

— Почему?

— По кочану и по капусте. — Она вдруг отвела взгляд и провела рукой по своим разноцветным волосам — возможно, чтобы скрыть дрожь в голосе. Если так, то это не сработало.

— Что с тобой? — спросил Люк.

— Спроси мелкого Крескина. Он всё видит, всё знает.

— Ей засунули градусник в задницу, — сказал Эйвери.

— Ох, — произнёс Люк.

— Точно, — сказал Хелен. — Знаешь, как это, блядь, оскорбительно?

— Унизительно, — сказал Люк.

— А ещё приятно и восхитительно, — сказала Хелен, и они оба засмеялись. Хелен — со слезами на глазах, но смех есть смех, и здесь он был настоящим сокровищем.

— Я не понял, — сказал Эйвери. — Как это может быть приятно и восхитительно от градусника в заднице?

— Нужно достать его и облизать, — сказал Люк, и они все покатались со смеху.

Хелен ударила кулаком по столу, от чего разлетелись карты.

— Господи, я описалась, не смотрите! — И она убежала, чуть не сбив Джорджа с ног, когда он выходил наружу, жуя арахисовое лукошко.

— Что это с ней? — спросил Джордж.

— Описалась, — буднично ответил Эйвери. — Прошлой ночью я написал в кровать, так что я могу её понять.

— Спасибо, что поделился с нами, — улыбаясь сказал Люк. — Иди поиграй в КОНЯ с Ники и новичком.

— Ты псих? Они слишком большие, и Гарри уже толкал меня.

— Тогда иди попрыгай на батуте.

— Надоело.

— Всё равно иди. Я хочу поговорить с Джорджем.

— Об огнях? Каких огнях?

«Этот паренёк пугает меня», — подумал Люк.

— Иди Эйвестер. Покажи мне парочку своих передних кувырков.

— И попытайся не свернуть шею, — сказал Джордж. — А если свернёшь, я спою You Are So Beautiful на твоих похоронах.

Эйвери пару секунд пристально смотрел на Джорджа, а затем сказал:

— Но ты же ненавидишь эту песню.

— Да, — сказал Джордж. — Всё так. То, что я сказал, называется сатирой. Или иронией. Я всегда смешиваю два этих понятия. Теперь иди. Ноги в руки и вперёд.

Они смотрели, как он плетётся к батуту.

— Этому парню десять, но если не считать ЭСВ-дерьма, ведёт себя, как шестилетка, — сказал Джордж. — Ну и хрень.

— Да уж. Сколько тебе лет, Джордж?

— Тринадцать, — угрюмо ответил он. — Но сейчас чувствую себя на сотню. Слушал, Люк, они говорят, что с нашими родителями всё в порядке. Ты веришь в это?

Это был деликатный вопрос. Наконец, Люк ответил:

— Не... совсем.

— Если бы ты мог выяснить, ты бы сделал это?

— Не знаю.

— Я бы — нет, — сказал Джордж. — С меня и так хватит. Если бы я узнал, что они... ну, ты понял... это бы сломило меня. Но я постоянно задаюсь вопросом.

«Я мог бы выяснить это для тебя, — подумал Люк. — Мог бы выяснить для нас обоих». Он чуть не нагнулся к Джорджу, чтобы прошептать это ему на ухо. Затем вспомнил слова Джорджа о том, что с него уже хватит.

— Слушай, а ты проходил эту глазную штуку?

— Конечно. Все проходят. И всем суют в жопу градусник, и делают ЭЭГ, и МРТ, и XYZ; делают анализы крови, контрольные тесты и все остальные замечательные вещи, Люки.

Люк хотел спросить Джорджа, продолжил ли тот видеть точки после выключения проектора, затем решил не делать этого.

— У тебя был припадок? У меня был.

— Не-а. Они посадили меня за стол и этот усатый хрен занялся своими карточными фокусами.

— В смысле, спрашивал тебя, что на них изображено.

— В смысле, да. Я думал, это были карты Рейна — должны были быть. Я проходил такой тест за пару лет до того, как оказался в этом очаровательном гадюшнике. Это было после того, как мои родители поняли, что я действительно могу иногда перемещать вещи, если посмотрю на них. Как только они решили, что я не разыгрываю их, чтобы немножко попугать, и что это не один из моих приколов, они захотели узнать, что со мной происходит, и отвели в Принстон, где у них есть отдел исследования аномалий. Или был. Думаю, они прикрыли его.

— Аномалий... ты серьёзно?

— Ага. Полагаю, это звучит более научно, чем отдел исследования экстрасенсорных явлений. Веришь, нет, но он был частью инженерного факультета. Парочка студентов-выпускников провели тест с картами Рейна, но я провалил его. В тот день я даже не смог как следует подвигать предметы. Иногда так бывает. — Он пожал плечами. — Они, наверное, подумали, что я обманщик, но мне было всё равно. Понимаешь, порой, я могу опрокинуть стопку кирпичей, просто подумав о них, но что толку? Согласен?

Будучи тем, кто максимум мог опрокинуть на пол поднос для пиццы, не прикасаясь к нему, — он был

согласен.

— А они лупили тебя по лицу?

— Один раз, и это было как удар молотом, — сказал Джордж. — Когда я пошутил. Меня ударила эта сука, Присцилла.

— Я встречался с ней. Всё верно: сука.

Это слово его мама презирала даже сильнее, чем «блядь», и его использование снова заставило Люка скучать по ней.

— И ты не знал, что было на картах.

Джордж как-то странно посмотрел на него.

— Я — ТК, не ТП. Как и ты. Как я мог узнать?

— Пожалуй, не мог.

— Поскольку я уже сталкивался с картами Рейна в Принстоне, я назвал крест, потом звезду, потом волнистые линии. Присцилла сказала, чтобы я перестал врать, поэтому, когда Эванс посмотрел на следующую карту, я сказал, что там титьки Присциллы. *Тогда* она и влепила мне. Затем они разрешили мне вернуться в комнату. По правде говоря, они не были особенно заинтересованы. Скорее, расставляли точки над «i».

— Может, они действительно ничего не ожидали, — сказал Люк. — Может, ты просто был контрольным объектом.

Джордж рассмеялся.

— Чувак, я тут ничего не могу контролировать. О чём ты вообще?

— Ни о чём. Забудь. А огни возвращались? Ну, эти цветные точки?

— Нет. — Теперь Джордж выглядел заинтересованным. — А у тебя?

— Нет. — Люк вдруг обрадовался, что рядом не было Эйвери, и мог только надеяться, что у этого паренька был ограниченный радиус действия. — *Был* только... припадок... или, кажется, был... и я боялся, что они *могут* вернуться.

— Я не понимаю суть этого места, — сказал Джордж ещё более угрюмо, чем раньше. — Оно выглядит почти как правительственное учреждение... если бы не книга, которую купила моя мама незадолго до того, как они отвели меня в Принстон. Она называлась «Парапсихические истории и мистификации». Я прочитал её после неё. Там была глава о правительственных экспериментах на предмет наших способностей. ЦРУ проводила их в 1950-х годах. Телепатия, телекинез, предвидение и даже левитация с телепортацией. Не без использования ЛСД. Они получили какие-то результаты, но ничего особенного. — Он подался вперёд, глядя своими голубыми глазами в зелёные глаза Люка. — Ничего особенного, чувак — это мы. Разве мы можем достичь мирового господства для Соединённых Штатов, двигая банки — и только пустые — или перелистывая страницы книги?

— Они могли бы заслать Эйвери в Россию, — сказал Люк. — Он рассказал бы им, что Путин ест на завтрак, и носит ли он семейники или обычные трусы.

Это заставило Джорджа улыбнуться.

— Насчёт наших родителей... — начал Люк, но затем прибежала Калиша, спросив, не хочет ли кто поиграть в вышибалы.

Оказалось, что хотят все.

20

В тот день у Люка не было никаких тестов, кроме проверки собственной смелости. Ещё дважды он заходил на сайт «Стар Трьбьюн» и дважды шёл на попятную, хотя во второй раз взглянул на заголовок: что-то о парне, который переехал на грузовике группу людей, пытаясь доказать свою религиозность. Это было

ужасно, но, по крайней мере, давало некоторое понятие о том, что происходило за пределами Института. Во внешнем мире всё было без изменений, но здесь кое-что изменилось: теперь на экране приветствия ноутбука было его имя, вместо безвестной Донны.

Рано или поздно ему придётся выяснить, что с его родителями. Он знал это, и теперь прекрасно понимал старую поговорку: отсутствие новостей — уже хорошая новость.

На следующий день его снова отвели на уровень «В», где техник по имени Карлос взял у него три ампулы крови, сделал ему укол (без реакции), затем велел сходить в туалет и наполнить контейнер для мочи. После этого Карлос и хмурая женщина-санитар по имени Вайнона отвели его на уровень «Г». Вайнона была одной из самых злобных, и Люк даже не пытался заговорить с ней. Они завели его в большую комнату с аппаратом МРТ, который, вероятно, стоил кучу баксов.

«Оно выглядит почти как правительственное учреждение», сказал Джордж. Если так, что бы подумали налогоплательщики, узнай они о том, как расходуются их доллары? Люк предположил, что в стране, где люди кричат о Большом Брате, даже когда сталкиваются с каким-нибудь пустяковым требованием, вроде использования мотоциклетного шлема или получения лицензии на ношение скрытого оружия, ответ будет: ничего особенного.

Их уже ждал очередной техник, но прежде чем Карлос поместил Люка в аппарат, в комнату влетел доктор Эванс, проверил место последнего укола на руке Люка и объявил: «Неплохо». Он спросил, не было ли у Люка других припадков или обмороков.

— Нет.

— А что насчёт цветных огней? Появлялись? Может, во время игры или глядя в экран ноутбука, или тужась в нужнике? Это...

— Я знаю, что это. Нет.

— Не лги мне, Люк.

— Я не лгу. — Он гадал, сможет ли МРТ обнаружить какие-нибудь изменения в его мозговой активности и **подтвердить**, что он лжёт.

— Ладно, хорошо. — Не хорошо, подумал Люк. Вы разочарованы. И я этому рад.

Эванс что-то записал на своём планшете.

— Продолжайте, леди и джентльмены, продолжайте! — И так же стремительно вылетел, как ошпаренный.

МРТ-техник — ДЭЙВ, согласно табличке — спросил, не страдает ли Люк клаустрофобией.

— Ты, вероятно, тоже знаешь, что это.

— Не страдаю, — сказал Люк. — Моя единственная фобия связана с нахождением взаперти.

Дэйв выглядел серьёзным, среднего возраста, в очках, почти лысый. Он был похож на бухгалтера. Как и Адольф Эйман^[70].

— Если так... в смысле, если ты клаустрофоб... я могу дать тебе «Валиум». Это разрешено.

— Всё в порядке.

— Всё же стоит принять таблетку, — сказал Карлос. — Ты будешь находиться там довольно долго, и она немного сгладит ощущения. Можешь даже заснуть, хотя эта штукавина довольно громкая. Внутри всё стучит и бахает.

Люк знал. Хотя сам он не был внутри аппарата МРТ, но много раз видел это в сериалах про врачей.

— Я пасс.

Но после обеда (принесённого Глэдис) всё же принял «Валиум»: отчасти из любопытства, но в основном от скуки. Он трижды прошёл МРТ и, по словам Дэйва, ему предстояло ещё три раза. Люк не потрудился спросить, что они проверяли, искали или

надеялись найти. Ответ был бы примерно таким: *не твоё дело*.

«Валиум» вызвал у него ощущение парения и забытья, и во время последнего раза он впал в лёгкую дремоту, несмотря на громкий стук, который издавал аппарат, делая снимки. Когда Вайнона пришла забрать его на жилой уровень, действие «Валиума» уже прошло, и он просто чувствовал себя «прибалдевшим».

Она сунула руку в карман и достала горсть жетонов. Когда она протянул их ему, один упал на пол и укатился.

— Подними, разиня.

Он поднял.

— У тебя был долгий день, — сказала она, и даже улыбнулась. — Почему бы тебе не пойти и не выпить чего-нибудь? Оттянись. Расслабься. Советую взять «Харвис Бристол Крим».

Она была средних лет, достаточно взрослая, чтобы иметь ребёнка, ровесника Люка. Может, два. Стала бы она давать им такие советы? Божечки, у тебя был тяжёлый день в школе, почему бы тебе не расслабиться и не выпить коктейль перед тем, как приступить к урокам? Он уже собирался сказать это; худшее, что она могла сделать, — вклеить ему пощёчину, но...

— И что в этом хорошего?

— А? — Она нахмурилась, глядя на него. — Хорошего в чём?

— Во всём, — сказал он. — Вообще во всём, Винни. — Он не хотел «Харвис Бристол Крим», ни «Твистед Ти», ни даже «Стамп Джамп Гренаш», о котором мог думать Джон Китс^[71], когда говорил что-то вроде «так же романтично, как западная луна на убывающем полотне ночи».

— Ты должен следить за своим грязным языком, Люк.

— Я работаю над этим.

Он сунул жетоны в карман. Что-то около девяти штук. Он собирался дать три Эйвери и ещё по три каждой из близнецов Уилкокс. Вполне достаточно для закусок, но не хватит ни на что другое. А сам он в данный момент хотел пополнить запас белка и углеводов. Ему было всё равно, что дадут на ужин, лишь бы побольше всего.

21

На следующее утро Джо и Хадад отвели его обратно на уровень «В», где ему велели выпить раствор бария. Рядом стоял Тони со своей электродубинкой, готовый дать разряд, если Люк выкажет своё несогласие. Как только он всё выпил до капли, его отвели в кабинку размером с коморку часового на заставе и сделали рентген. Всё прошло нормально, но когда он вышел из кабинки, он сжался и согнулся пополам.

— Только не на пол, — сказал Тони. — Если собираешь сделать это, воспользуйся раковиной в углу.

Поздно. Полупереваренный завтрак, приправленный барием, вырвался наружу.

— Вот дерьмо. Теперь тебе придётся всё это убрать, а когда закончишь, пол должен быть таким чистым, чтоб с него можно было есть.

— Я уберу, — сказал Хадад.

— Ни хера. — Тони не взглянул на него и даже не поднял голоса, но Хадад всё равно вздрогнул. — Можешь принести швабру и ведро, а остальное сделает Люк.

Хадад принёс всё необходимое. Люк умудрился наполнить ведро в раковине в углу комнаты, но его живот всё ещё одолевали спазмы, а руки слишком

сильно тряслись, чтобы он мог опустить ведро на пол, не расплескав мыльную воду. За него это сделал Джо, прошептав Люку на ухо: «Держись, малыш».

— Дай уже ему швабру, — сказал Тони, и Люк понял — каким-то новым способом понимания вещей, — что старина Тони упивается собой.

Люк взял швабру и вымыл пол. Тони оценил проделанную работу и заявил, что результат неприемлем; он велел Люку повторить. Спазмы прекратились и на этот раз он смог самостоятельно набрать воды в ведро. Хадад и Джо сидели и обсуждали шансы «Янкиз» и «Сан-Диего Пардес» — по-видимому, их любимых команд. На обратном пути к лифту, Хадад похлопал Люка по спине и сказал:

— Ты молодец, Люк. У тебя есть жетоны, Джоуи? У меня закончились.

Джо дал Люку четыре жетона.

— Для чего все эти тесты? — спросил Люк.

— Для много чего, — ответил Хадад. — Не переживай об этом.

Это был, пожалуй, самый глупый совет из всех, что ему давали, подумал Люк.

— Я когда-нибудь выйду отсюда?

— Конечно, — сказал Джо. — Хотя ты ничего не будешь помнить об этом.

Он лгал. И опять, это не было чем-то вроде чтения мыслей, по крайней мере, таким, каким Люк представлял это себе, — когда слышишь слова в голове (или видишь их, как в бегущей строке в новостном выпуске на кабельном канале); это было просто *знание*, такое же бесспорное, как гравитация или иррациональность квадратного корня из двух.

— Сколько ещё будет тестов?

— Достаточно, чтобы занять тебя, — сказал Джо.

— Только больше не блюй на пол там, где ходит Тони Фиццале, — сказал Хадад и от души рассмеялся.

Когда Люк вошёл, новая экономка пылесосила пол в его комнате. Эта женщина — ДЖОЛИН, судя табличке — была в теле, и ей было двадцать с чем-то лет.

— Где Морин? — спросил Люк, хотя прекрасно знал. У Морин была неделя выходных, и когда она вернётся, то, возможно, её не будет в этой части Института, по крайней мере, какое-то время. Он надеялся, что сейчас она в Вермонте, разбирается с дерьмом, оставшимся после её сбежавшего мужа, хотя ему будет не хватать её... но, Люк полагал, что сможет увидеть её в Задней Половине, когда придёт его очередь отправиться туда.

— Мо-Мо снимается в фильме с Джонни Деппом, — сказала Джолин. — В одном из тех про пиратов, которые нравятся всем детям. Она играет Джолли Роджер. — Джолин засмеялась и сказала: — Может выйдешь, пока я тут прибираюсь?

— Я хочу полежать. Не очень хорошо себя чувствую.

— Ой-ой-ой, — сказала Джолин. — Вы детишки такие избалованные. Вам убирают комнату, вам готовят еду, у вас есть свой телевизор... Думаешь, у меня в детстве был собственный телевизор? Или ванная? У меня было три сестры и два брата, и мы постоянно ссорились из-за этого.

— А ещё нас заставляют глотать барий, от которого потом блюёшь. Не хотите тоже попробовать?

«С каждым днём я всё больше похож на Ники, — подумал Люк. — Ну, а что в этом такого? Это хорошо, когда у тебя есть положительный пример для подражания».

Джолин повернулась к нему и помахала трубкой пылесоса.

— Хочешь узнать, каково это получить её по голове?

Люк вышел из комнаты. Он медленно шёл по соединяющимся коридорам жилого уровня, дважды останавливаясь, чтобы прислониться к стене, когда начинались спазмы. По крайней мере, их частота и интенсивность уменьшились. Не доходя до гостиной с видом на административное здание, он вошёл в одну из пустых комнат, лёг на матрас и уснул. И впервые проснулся, не ожидая увидеть за окном своей спальни дом Рольфа Дестина.

По мнению Люка, это был явный шаг в неверном направлении.

23

На следующее утро ему сделали укол, затем подключили к кардиомонитору и прибору для наблюдения за кровяным давлением, и поставили на беговую дорожку под наблюдением Карлоса и Дэйва. Они увеличивали скорость, пока он не начал задыхаться и готов был вот-вот свалиться с неё. Показания приборов отражались на маленькой панели, и как раз перед тем, как Карлос убавил скорость, Люк увидел количество ударов в минуту: 170.

Пока он попивал апельсиновый сок и восстанавливал дыхание, вошёл крупный лысый мужчина и прислонился к стене, скрестив руки на груди. На нём был дорогой коричневый костюм и белая рубашка без галстука. Его тёмные глаза изучали Люка, начиная с его красного вспотевшего лица и заканчивая новыми кроссовками. Он сказал:

— Мне сказали, что ты, юноша, начал потихоньку принаравливаться. Возможно, Ники Уилхолм имеет к

этому какое-то отношение. Но он не тот, кого стоит эмулировать. Ты ведь знаешь это слово? Эмулировать?

— Да.

— Он дерзит и изводит мужчин и женщин, которые просто выполняют свою работу.

Люк ничего не ответил. Это всегда безопасней.

— Не позволяй его поведению отразиться на тебе — таков мой совет. Мой *настоятельный* совет. И сведи своё общение с обслуживающим персоналом к минимуму.

Люк почувствовал тревожный звоночек, но тут же понял, что лысый мужчина говорил не о Морин. Он говорил о Фреде, уборщике. Люк знал это совершенно ясно, хотя разговаривал с Фредом всего один раз, а с Морин — несколько.

— А ещё держись подальше от западной гостиной и пустых комнат. Если хочешь поспать, делай это в своей комнате. Сделай своё пребывание здесь максимально приятным.

— В этом месте нет ничего приятного, — сказал Люк.

— Ты имеешь право на своё мнение, — сказал лысый мужчина. — Оно, как говорится, есть у каждого, как и дырка в жопе. Но думаю ты довольно умный парень, чтобы знать, что есть большая разница между «ничего приятного» и «что-то неприятное». Помни об этом.

Он ушёл.

— Кто это был? — спросил Люк.

— Стакхаус, — сказал Карлос. — Начальник охраны Института. Тебе лучше не связываться с ним.

Дэйв подошёл к нему с иглой.

— Нужно взять ещё немного крови. Не займёт и минуты. Будь умницей, ладно?

После беговой дорожки и сдачи крови в следующие несколько дней у Люка не было никаких тестов. Ему сделали пару уколов — от одного у Люка целый час невыносимо чесалась рука, — но и только. Близнецы Уилкоксы начали приспособливаться, особенно после того, как с ними сдружился Гарри Кросс. Он был ТК, и хвастался, что может перемещать сразу много вещей, но Эйвери сказал, что это полная хрень.

— Он может даже меньше, чем ты, Люк.

Люк закатил глаза.

— Не будь *чересчур* тактичным, Эйвери, а то переутомишься.

— Что такое «тактичный»?

— Потратить жетон на компьютер и узнаешь.

— Извини, Дэйв, но боюсь я не смогу этого сделать, — сказал Эйвери, удивительно похоже имитируя мягкий зловещий голос ЭАЛ-9000, и начал хихикать.

Гарри был добр с Гретой и Гердой, это было ясно, как день. Каждый раз, когда он видел их, его лицо расплывалось в широкой глупой улыбке. Он садился на корточки, широко раскидывал руки, и они бежали к нему.

— Вам не кажется, что он будто заигрывает с ними? — спросил одним утром Ники, глядя как Гарри присматривает за девочками на батуте.

— Фу, блин, — сказала Хелен. — Ты пересмотрел мелодрам.

— Нет, — сказал Эйвери. Он ел «Чоко Поп», от которого у него «выросли» коричневые «усы». — Он не хочет... — Он положил свои маленькие ручки на ягодицы и начал двигать бёдрами вперёд и назад. Наблюдая за этим, Люк подумал, что это хороший

пример того, что телепатия — это плохо. Ты узнаёшь слишком много и слишком рано.

— Фу, — снова сказала Хелен и закрыла глаза. — Я почти жалею, что не слепая, Эйвестер.

— У него были кокер-спаниели, — сказал Эйвери. — Дома. Для него эти девочки как бы... забыл слово.

— Альтернатива.

— Точно, оно.

— Не знаю, как у Гарри было с его собаками, — сказал Ники Люку позже за обедом, — но тут эти маленькие девочки управляют им. Будто им дали новую игрушку. С рыжими волосами и большим брюхом. Ну ты посмотри.

Близнецы сидели по обе стороны от Гарри и кормили его мясным рулетом из своих тарелок.

— Думаю, это довольно мило, — сказал Калиша.

Ники улыбнулся ей — той самой улыбкой, от которой его лицо буквально засветилось (в том числе и фонарь под глазом, оставленный кем-то из персонала).

— Ты поступила бы также, Ша.

Она улыбнулась в ответ и Люк почувствовал укол ревности. Довольно глупо, учитывая обстоятельства... но всё же.

25

На следующий день Присцилла и Хадад сопровождали Люка на ранее неизведанный уровень «Д». Там ему поставили капельницу, которая, по словам Присциллы, должна была немножко расслабить его. Он отключился. А когда проснулся, голый и дрожащий, его живот, правая нога и правая сторона тела были перевязаны. Над ним склонился очередной доктор — РИЧАРДСОН, судя по табличке на её белом халате.

— Как самочувствие, Люк?

— Что вы со мной сделали? — Он хотел выкрикнуть это, но получилось только сдавленно прохрипеть. Ему что-то засунули в горло; должно быть, какую-то дыхательную трубку. Он с запозданием прикрыл ладонями промежность.

— Просто взяли пару образцов. — Доктор Ричардсон сняла с головы пёструю хирургическую шапочку, высвободив поток тёмных волос. — Твои почки на месте, не беспокойся, мы не торгуем органами на чёрном рынке. Будет немного болеть, особенно между рёбрами, но это пройдёт. А пока, возьми это. — Она протянула ему баночку без этикетки с таблетками внутри.

Она ушла. Вошёл Зик с его одеждой.

— Оденься, когда сможешь стоять на ногах. — Зик, всегда учтивый, бросил одежду на пол.

Через какое-то время Люк смог подобрать её и одеться. Присцилла — в этот раз вместе с Глэдис — проводила его до жилого уровня. Когда его отвели вниз, на улице было светло, но теперь стемнело. Возможно, поздний вечер, но он не мог сказать точно — совершенно потерял чувство времени.

— Ты сможешь сам дойти до своей комнаты? — спросила Глэдис. Без своей улыбки; возможно, из-за ночной смены.

— Да.

— Тогда иди. И прими одну таблетку. Это «Оксиконтин». От боли, а ещё улучшает самочувствие. Этаким бонус. К утру будешь чувствовать себя лучше.

Он прошёл по коридору до своей комнаты, взялся за ручку двери и замер. Кто-то плакал. Звук доносился откуда-то со стороны плаката «ПРОСТО ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ», а значит, вероятно, из комнаты Калиши. Секунду он стоял в нерешительности, не желая знать из-за чего слёзы и определённо не желая никого утешать. Но всё же, это была она, так что он пошёл и

тихонько постучал в дверь её комнаты. Ответа не было, поэтому он повернул ручку и просунул голову.

— Калиша?

Она лежала на спине, прикрыв глаза рукой.

— Уходи, Люк. Не хочу, чтобы ты видел меня такой.

Он почти сделал, как она просила, но на самом деле она не хотела этого. Он вошёл внутрь и сел рядом с ней.

— Что случилось?

Это он тоже знал. Но без подробностей.

26

Дети были снаружи, на игровой площадке — всё, кроме Люка, который лежал без сознания на уровне «Д», пока доктор Ричардсон брала образцы. Из гостиной вышли двое мужчин. Они были в красной форме, а не в розовой или синей, которую в Передней Половине носили санитары и техники, и без именных табличек на груди. Трое старожилы — Калиша, Ники и Джордж — поняли, что будет дальше.

— Я была уверена, что они пришли за мной, — сказала Калиша Люку. — Я здесь дольше всех и у меня десять дней не было никаких тестов, хотя я уже выздоровела от ветрянки. У меня даже не брали кровь, а ты сам знаешь, как эти кровососы любят делать это. Ники — вот, за кем они пришли. *Ники!*

Её голос дрогнул, когда она произносила это, от чего Люку стало грустно, ведь Калиша ему очень нравилась, но он не был удивлён. Хелен поворачивалась к Нику, как стрелка компаса, указывающая на север, когда он появлялся в поле её зрения; даже маленькие Г смотрели на него с открытыми ртами и горящими глазами, когда он проходил мимо. Но Калиша была с

ним дольше всех, они были институтскими зверушками и почти одного возраста. Из них могла получиться пара.

— Он дал им отпор, — сказала Калиша. — *Жёсткий* отпор. — Она так резко поднялась на кровати, что чуть не столкнула Люка на пол. В её лице читалось отчаяние, а кулаки были сжаты над её маленькой грудью.

— Я должна была дать им отпор! Мы все должны были!

— Но это случилось слишком быстро, так?

— Он ударил одного из них в горло, а второй ударил Ники током в бедро. Должно быть, у него онемела нога, но он ухватился за верёвочный курс, чтобы не упасть, и пнул второго рабочей ногой, прежде чем этот ублюдок смог снова воспользоваться электропалкой.

— Выбил её из руки, — сказал Люк. Он увидел это, но говорить было ошибкой, потому что он не хотел, чтобы она знала. Но Калиша, кажется, не заметила.

— Точно. Но затем тот, которого он ударил в горло, прижёг его в бок и, видимо, эта блядская хреновина была выставлена на полную пощность, потому что я услышала треск, хотя и была в стороне от корта для шаффлборда. Ники упал, они нависли над ним, прижгли ещё раз и он *подскочил*, хотя и лежал там без сознания, но — *подскочил*, и Хелен метнулась к нему с криком: «Вы убиваете его, вы убиваете его», и один из них пнул её в бедро, выдохнув «ха», как какой-то долбаный каратист, и заржал, а она упала со слезами; они подняли Ники и унесли его. Но прежде чем занести его в гостиную...

Она замолчала. Люк ждал. Он знал, что она скажет дальше — это было очередное озарение, которое вовсе не было озарением, — но должен был дать ей сказать. Потому что ей не следовало знать, кем он теперь стал, никому из них не следовало.

— Он немного пришёл в себя, — сказала она. По её щекам катились слёзы. — Достаточно, чтобы увидеть

нас. Он улыбнулся и помахал. Он *помахал*. Вот каким он был храбрым.

— Ага, — сказал Люк, услышав «*был*». И подумал: «Мы никогда его больше не увидим».

Она схватила его за шею и прильнула своим лицом к его лицу так неожиданно и резко, что они стукнулись лбами.

— Не смей так говорить!

— Извини, — сказал Люк, гадая, что ещё она могла уловить в его мыслях. Он надеялся, что немного. Надеялся, что она была слишком расстроена из-за этих краснорубашечников^[72], которые забрали Ники в Заднюю Половину. То, что она сказала дальше, значительно успокоило его на этот счёт.

— Они брали образцы? Так ведь? Ты в бинтах.

— Да.

— Эта темноволосая сучка, так? Ричардсон. Сколько?

— Три. Один с ноги, один с живота, один между рёбер — этот больнее остальных.

Она кивнула.

— Они взяли образец с одной из моих грудей — что-то вроде биопсии. Было очень больно. Но, что если они не берут? Что, если они засовывают внутрь? Они говорят, что берут образцы, но они постоянно обо всём врут!

— Ты о трекерах? Зачем, если есть это? — Он дотронулся пальцем до чипа в ухе. Оно больше не болело — теперь чип был просто частью Люка.

— Не знаю, — с грустью ответила она.

Люк залез в карман и достал баночку с таблетками.

— Они дали мне это. Может, тебе стоит принять одну. Думаю, она тебя успокоит. Поможет уснуть.

— «Окси»?

Он кивнул.

Она потянулась к баночке, но тут же отдернула руку.

— Дело в том, что я не хочу одну, не хочу две. Я хочу их все. Но, думаю, я должна пережить то, что сейчас чувствую. Думаю, так будет правильно. А ты как думаешь?

— Не знаю, — ответил Люк, и не солгал. Всё это было как-то сложно. И не важно, насколько умным он был, — он был всего лишь двенадцатилетним ребёнком.

— Иди, Люк. Я хочу погрустить одна.

— Ладно.

— Завтра мне будет лучше. И, если они заберут меня следующей...

— Не заберут. — Говорить это было глупо, максимально тупо. Она засиделась. Даже слишком.

— Если заберут, будь другом для Эйвери. Ему нужен друг. — Она пристально посмотрела на него. — И тебе тоже.

— Хорошо.

Она попыталась изобразить улыбку.

— Ты — золото. Иди сюда. — Он наклонился, и она поцеловала его сначала в щёку, а потом в уголок рта. Её губы были солёными. Но Люк не возражал.

Когда он открыл дверь, она сказала:

— Это должна была быть я. Или Джордж. Не Ники. Он единственный, кто никогда не вёлся на их враньё. Единственный, кто никогда не сдавался. — Она повысила голос. — *Вы здесь? Вы слушаете? Надеюсь, да, потому что я вас ненавижу и хочу, чтобы вы это знали. Я ВАС НЕНАВИЖУ!*

Она откинулась обратно на кровать и начала всхлипывать. Люк хотел подойти к ней, но передумал. Он уже утешил её, как мог, и ему было больно — не только из-за Ники, но и из-за того, что с ним проделала доктор Ричардсон. Не важно, брала ли темноволосая женщина образцы тканей или что-то засовывала в его

тело (трекеры были бессмысленны, но он полагала, что это мог быть какой-то экспериментальный энзим или вакцина), потому что все их тесты и инъекции, казалось, не имели смысла. Он снова подумал о концентрационных лагерях и ужасных, бессмысленных экспериментах, которые там проводились. Замораживание людей, сжигание людей, заражение людей болезнями.

Он вернулся в свою комнату, подумывая принять одну или даже две таблетки «Окси», но не стал.

Решил было воспользоваться мистером Гриффином, чтобы зайти на сайт «Стар Трибьюн», но не стал делать и этого.

Он подумал о Ники, покорителе женских сердец. Ники, который сначала поставил Гарри Кросса на место, а потом подружился с ним, что было гораздо смелее, чем побить его. Ники, который противился тестам и дал отпор людям из Задней Половины, когда они пришли за ним. Ники, который никогда не сдавался.

На следующий день Джо и Хадад отвели Люка и Джорджа Айлса в комнату «В-11», где они какое-то время пробыли одни. Когда двое санитаров вернулись — теперь с чашкой кофе в руке, — с ними был Зик. Казалось, что он был с похмелья. Он надел на мальчиков шапочки с электродами, туго затянув ремешки под подбородками. После того, как Зик записал показания, мальчики по очереди перешли к тренажёру вождения. Вошёл доктор Эванс и встал рядом, что-то записывая на своём планшете, пока Зик называл различные цифры, которые могли (или не могли) иметь отношение ко времени реакции. Люк

проехал через несколько светофоров и устроил изрядную бойню, прежде чем освоился, но после этого проходить тест — первый в Институте — было даже весело.

Когда всё закончилось, к доктору Эвансу присоединилась доктор Ричардсон. Сегодня она была одета в костюм-тройку и туфли на каблуках. Будто пришла на важную деловую встречу.

— По шкале от одного до десяти оцени свою утреннюю боль, Люк.

— Два, — сказал он. — По шкале от одного до десяти моё желание убраться отсюда: одиннадцать.

Она усмехнулась, будто это была шутка, попрощалась с доктором Эвансом (назвав его Джимом), и ушла.

— И кто победил? — спросил Джордж у доктора Эванса.

Он снисходительно улыбнулся.

— Это не такой тест, Джордж.

— Да, но кто победил?

— Вы оба справились быстро, как только привыкли к тренажёру, чего мы и ожидали от ТК. На сегодня больше никаких тестов, ребята, вы рады? Хадад, Джо, пожалуйста отведите этих молодых людей наверх.

По дороге к лифту Джордж сказал:

— Кажется, я задавил не меньше шести пешеходов, пока не приновился. А ты сколько?

— Только троих, но врезался в школьный автобус. Возможно, не обошлось без жертв.

— Лошара. Я проскочил автобус. — Приехал лифт, и они вчетвером вошли внутрь. — Вообще-то я сбил семерых пешеходов. На месте последнего представил Зика.

Джо и Хадад переглянулись и засмеялись. В этот момент Люк даже немножко проникся к ним симпатией. Не хотел, но так случилось.

Когда оба санитара вернулись в лифт, предположительно направляясь в бытовку, Люк сказал:

— После точек они проверяли тебя на картах. Тест на телепатию.

— Да, как я и сказал.

— А они тестировали тебя на ТК? Просили включить лампу или, может, опрокинуть дорожку из домино?

Джордж почесал голову.

— Раз уж ты спросил, то нет. Да и зачем, если они и так знают, что я это умею? По крайней мере, в хорошие дни. А тебя?

— Нет. Как-то это странно, что они не пытаются выяснить пределы наших способностей.

— А тут ни в чём нет смысла, Люки. Начиная с нашего появления здесь. Пойдём поедим что-нибудь.

Большинство детей обедали в столовой, но Калиша и Эйвери были на игровой площадке. Они сидели на гравии, прислонившись спинами к сетчатому ограждению, и глядели друг на друга. Люк сказал Джорджу, чтобы тот шёл обедать, а сам вышел наружу. Хорошенькая чёрная девочка и маленький белый мальчик молчали... но всё же разговаривали. Люк знал это, но не знал, о чём.

Он мысленно вернулся к АОТ-тесту и девочке, которая спросила его о математическом уравнении, связанном с каким-то парнем по имени Аарон и тем, сколько он должен заплатить за номер в отеле. Кажется, это было в другой жизни, но Люк отчётливо запомнил то, что он не мог понять, как такая простая для него задача могла быть такой трудной для неё. Теперь он понял. Что бы не происходило между Калишей и Эйвери там, возле ограждения, это лежало далеко за пределами его возможностей.

Калиша оглянулась и помахала ему.

— Поговорим позже, Люк. Иди ешь.

— Ладно, — сказал он, но они не поговорили, потому что она пропустила обед. Позже, после глубокого сна (он, наконец, не выдержал и принял одну из таблеток от боли), он прошёл по коридору, ведущему к гостиной и игровой площадке, и остановился возле двери в её комнату, которая была распахнута. Розовое покрывало и подушки с оборками — исчезли. Как и фото Мартина Лютера Кинга. Люк стоял, прикрыв рот рукой, с широко раскрытыми глазами и пытаясь принять увиденное.

Если бы она сопротивлялась, как Ники, подумал Люк, то шум разбудил бы его, несмотря на принятую таблетку. Другой, менее приятной, но — он должен был признать это — более вероятной мыслью было то, что она пошла с ними добровольно. В любом случае, девочки, которая поцеловала его дважды, — не стало.

Он вернулся в свою комнату и уткнулся лицом в подушку.

28

В ту ночь Люк показал один из своих жетонов камере ноутбука, чтобы «разбудить» его, и обратился к мистеру Гриффину. То, что он всё ещё мог сделать это, внушало надежду. Разумеется, говнюки, которые управляют этим местом, могли знать о его «чёрном ходе», но в чём тогда смысл? Это вело к достаточно убедительному выводу, по крайней мере, для него: в перспективе приспешники Сигсби, конечно, могли поймать его на «выходе» во внешний мир, но пока что этого не случилось. Они не мониторили его компьютер. В некоторых вещах они небрежны, подумал Люк. А, может, во многих — почему бы нет? Они имеют дело не с военнопленными, а с кучкой напуганных и сбитых с толку детей.

Через мистера Гриффина он зашёл на сайт «Стар Трибьюн». В сегодняшнем заголовке говорилось о спорах вокруг здравоохранения, которые велись уже несколько лет. Его охватил знакомый ужас при мысли о том, что он мог увидеть после домашней страницы, от чего он готов был выйти на рабочий стол. Удалить историю, выключить компьютер и лечь спать. Может, принять ещё одну таблетку. Как говорится, то, чего ты не знаешь, не может причинить тебе боль, а ему уже было достаточно боли для одного дня.

Потом он подумал о Нике. Отступил бы Ники Уилхолм, если бы знал о лазейке наподобие мистера Гриффина? Вероятно, нет. Почти наверняка — нет, вот только Люк не был таким же храбрым, как Ники.

Он вспомнил, как Вайнона дала ему горсть жетонов и как один из них упал; она назвала его разиней и велела поднять жетон. Он поднял без всяких пререканий. Ники не стал бы. Люк почти слышал, как он говорит *«Сама подбери, Винни»* и получает оплеуху. Может, даже даёт сдачи.

Но Люк Эллис был не таким. Люк Эллис был обычным домашним ребёнком, который делал то, что ему говорили, будь то работа по дому или игра в школьном оркестре. Он ненавидел свою чёртову трубу, каждая третья нота была похожа на брюзжание, но он не бросал её, потому что мистер Грир сказал, что у него должно быть хотя бы одно внеклассное занятие, не связанное со спортом. Люк Эллис был мальчиком, который изо всех сил старался быть общительным, чтобы люди не подумали, что помимо всезнайки, он ещё и чудик. Он опробовал все допустимые поля взаимодействия и вернулся к своим книгам. Потому что существовала целая бездна неизведанного, и в книгах содержались магические заклинания, высвобождающие то, что лежит в этой бездне: все величайшие тайны. Для

Люка эти тайны имели значение. Когда-нибудь в будущем, он может написать собственные книги.

Но здесь единственным будущим была Задняя Половина. Здесь вся истина существования сводилась к вопросу: *будет ли впереди что-то хорошее?*

— На хер всё, — прошептал он и зашёл на страницу местных новостей «Стар Трибьюн», чувствуя, как стук сердца отдаётся в ушах и пульсирует в небольших заживающих ранах под бинтами.

Не было никакой необходимости выяснять: как только он увидел себя на школьной фотографии, сделанной в прошлом году, он всё понял. На заголовок можно было не смотреть, но он всё равно прочитал его:

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОИСКИ СЫНА, УБИТОЙ В ФАЛКОН-ХАЙТС ПАРЫ.

Вернулись цветные огоньки, кружась и пульсируя. Люк сощурился, выключил ноутбук, встал на ноги, которые, казалось, были не его, и неуверенными шагами подошёл к кровати. Он лежал в мягком свете прикроватной лампы и смотрел в потолок. Наконец, эти проклятые поп-арт-точки начали пропадать.

Убитой в Фалкон-Хайтс пары.

Он чувствовал себя так, будто в глубине его сознания неожиданно образовалась пропасть, и только одна мысль — ясная, твёрдая, уверенная — удерживала его от падения: они могли наблюдать. Он не думал, что они знают о мистере Гриффине и его возможности выходить с помощью него во внешний мир. Он не думал, что они знают об огнях, которые стали причиной основательных изменений в его мозгу. Они считали, что эксперимент провалился. По крайней мере, пока что. Это было всё, чем он располагал, и, возможно, весьма ценное.

Приспешники Сигсби были не всемогущи. И его продолжающаяся возможность доступа к мистеру Гриффину была тому доказательством. Они воспринимали только один вид бунтарства со стороны постояльцев — тот, который они видели перед глазами. Как только детей запугивали, били или ударяли током, их можно было даже оставить одних на короткое время, как Джо и Хадад оставили их с Джорджем в комнате «В-11», пока ходили за кофе.

Убитой.

Это слово было пропастью, в которую было так легко упасть. С самого начала Люк был почти уверен, что ему лгут, но слово «почти» удерживало от падения. Оно давало небольшую надежду. А этот сухой заголовок положил ей конец. И так как они были мертвы — *убиты*, — кто же будет вероятным подозреваемым? Разумеется, **ПРОПАВШИЙ СЫН**. Следователи из полиции наверняка уже выяснили, что он был особенным ребёнком, гением, а разве гении не хрупкие, как стекло? Не склонны съезжать с рельсов?

Калиша кричала о своём презрении, но Люк не мог, как бы сильно ему не хотелось. В душе он мог кричать что угодно, но не вслух. Он не знал, будет ли от его секретов какая-то польза, но он знал, что в стенах того, что Джордж Айлс справедливо назвал гадюшником, появились трещины. Если бы он использовал эти секреты — и свой якобы исключительный интеллект — в качестве монтровки, он, вероятно, мог бы расширить одну из этих трещин. Он не знал, возможен ли побег, но если бы нашёл способ, побег стал бы только первым шагом на пути к большей цели.

«Обрушить это на них, — подумал Люк. — Как Самсон после того, как Далила хитростью обрезала ему волосы. Обрушить и раздавить их. Раздавить всех до единого».

В какой-то момент он провалился в глубокий сон. Ему снилось, что он был дома, а мама с папой были живы. Это был хороший сон. Отец попросил его не забыть выкатить наружу мусорные баки. Мама пекла оладьи, а Люк поливал их ежевичным сиропом. Отец съел одну, пока смотрел утренние новости на «Си-Би-Эс» — с Гейлом Кингом и симпатичной Норой О’доннелл, — а затем ушёл на работу, поцеловав Люка в щёку, а Эйлин в губы. Хороший сон. Мама Рольфа везла своих мальчиков в школу, и когда посигналила перед домом, Люк схватил свой рюкзак и побежал к двери. «Эй, не забудь деньги на обед!», выкрикнула его мама и протянула их ему, только это были не деньги, а жетоны. В этот момент он проснулся и понял, что в комнате был кто-то ещё.

29

Люк не смог разглядеть, кто это, потому что в какой-то момент, должно быть, выключил лампу, хотя и не мог этого вспомнить. Он услышал тихое шарканье ног рядом со столом, и сперва подумал, что это один из санитаров пришёл забрать ноутбук, потому что всё это время они мониторили его, а он, дурак, думал обратное. Полный дебил.

Его пронзила ярость. Он не столько встал, сколько вскочил с кровати, намереваясь схватить того, кто явился к нему в комнату. Пусть незванный гость бьёт его, колотит или использует свою сраную электродубинку, но Люк вернёт ему, по крайней мере, пару хороших ударов. Они могли не понять истинной причины такой реакции, ну и ладно. Главное, что знал Люк.

Только это был не взрослый человек. Люк налетел на кого-то маленького и сбил его с ног.

— Ай, Люки, нет! Не бей меня!

Эйвери Диксон. Эйвестер.

Люк нащупал его, помог встать и довёл до кровати, где включил лампу. Эйвери выглядел испуганным.

— Господи, что ты тут делаешь?

— Я проснулся и испугался. Не могу связаться с Ша, потому что они забрали её. Поэтому пришёл сюда. Можно я останусь? Пожалуйста?

Это была правда, но не вся. Люк понял это с такой ясностью, что остальные его «озарения» теперь казались туманными догадками. Потому что Эйвери был сильным ТП, гораздо сильнее Калиши, и прямо сейчас Эйвери... скажем так... *вещал*.

— Можешь остаться. — Но когда Эйвери начал забираться на кровать, Люк сказал: — Нет-нет, сначала сходи в туалет. А то напишаешь мне в кровать.

Эйвери не возражал, и вскоре Люк услышал звук булькающей в унитазе мочи. Довольно продолжительный. Когда Эйвери вернулся, Люк выключил свет. Эйвери прижался к нему. Было приятно не находиться одному. Даже замечательно.

Эйвери прошептал ему на ухо:

— Жаль, что так случилось с твоими мамой и папой, Люк.

На пару мгновений Люк потерял дар речи. Но потом прошептал:

— Вчера на игровой площадке вы с Калишей говорили обо мне?

— Да. Она сказала прийти. Сказала, что будет отправлять тебе письма, а я буду почтальоном. Можешь рассказать Джорджу и Хелен, если думаешь, что это безопасно.

Но он не собирался этого делать, потому что здесь всё было небезопасно. Даже думать было небезопасно. Он подумал о словах Калиши, когда она рассказывала ему о борьбе Ники с красными санитарами из Задней

Половины: *Выбил её из руки.* Имея в виду электропалку. Она не спросила Люка, как он узнал, потому что почти наверняка уже знала. Он думал, что сможет скрыть от неё свою новую ТП-способность? Возможно, от остальных, но не от Калиши. И не от Эйвери.

— Смотри! — прошептал Эйвери.

Люк не мог ничего увидеть, так как лампа была выключена, и в стене не было окон, которые могли бы пропустить свет снаружи; в комнате стояла крошечная тьма, но он всё равно посмотрел и ему показалось, что он увидел Калишу.

— С ней всё хорошо? — прошептал Люк.

— Да. Пока что.

— Ники там? С ним всё хорошо?

— Да, — прошептал Эйвери. — Айрис тоже. Только у неё бывают головные боли. И у других детей тоже. Ша думает, что это от фильмов. И от точек.

— Каких фильмов?

— Не знаю, Ша ещё ни одного не видела, но видел Ники. И Айрис тоже. Калиша думает, что там есть и другие дети — в задней половине Задней Половины, — но всего несколько там, где они сейчас. Джимми и Лен. А ещё Донна.

У меня компьютер Донны, подумал Люк. Достался по наследству.

— Там был Бобби Вашингтон, но теперь его нет. Айрис сказала Калише, что видела его.

— Я никого из них не знаю.

— Калиша говорит, что Донну перевели в Заднюю Половину за пару дней до твоего появления. Поэтому у тебя её компьютер.

— Ты жуткий, — сказа Люк.

Эйвери, который, вероятно, знал это, не обратил внимания.

— Им делают бомльные уколы. Уколы и точки, точки и уколы. Ша думает, что в Задней Половине творятся

всякие плохие штуки. Она говорит, возможно, ты сможешь что-нибудь сделать. Она говорит...

Он не закончил, да этого и не требовалось. У Люка возник краткий, но совершенно отчётливый образ, явно посланный Калишей Бенсон через Эйвери Диксона: канарейка в клетке. Дверца распахнулась, и канарейка выпорхнула наружу.

— Она говорит, ты единственный, кто достаточно умен.

— Я постараюсь, если получится, — сказал Люк. — Что ещё она тебе сказала?

Ответа не последовало. Эйвери уже уснул.

Побег

1

Прошло три недели.

Люк ел, спал, бодрствовал, и снова ел. Вскоре он выучил меню наизусть и вместе с другими детьми язвительно аплодировал, когда в нём что-то менялось. В какие-то дни были тесты. Иногда — уколы. Иногда — и то и другое. А иногда — не было ничего. Он пары уколов ему становилось дурно. Но в основном, последствий не было. Ему больше ни разу не сдавливало горло, чему он был очень рад. Он зависал на игровой площадке. Смотрел телевизор, заведя знакомство с Опррой, Эллен, доктором Филом, судьёй Джуди^[73]. Он смотрел на «Ютьюбе» ролики с котами, разглядывающими себя в зеркале, и с собаками, ловящими фрисби. Иногда смотрел в одиночестве, иногда с другими детьми. Когда Гарри входил в его комнату, за ним хвостиком входили близнецы, требуя мультики. Когда Люк заходил в комнату Гарри, близнецы почти всегда были там. Гарри не волновали мультики. Ему нравился рестлинг, бои в клетках и куча-мала в НАСКАР^[74]. Обычно он приветствовал Люка словами: «Зацени видос». Близнецы сидели над раскрасками, которых у санитаров, казалось, был нескончаемый запас. Обычно они не выходили за пределы контуров, но однажды вышли и много при этом гоготали, от чего Люк решил, что они были либо пьяны, либо под кайфом. Когда он спросил Гарри, тот сказал, что они хотели попробовать. Ему хватило такта изобразить стыд, а когда их стошнило (в тандеме, как они делали и всё остальное), ему хватило такта изобразить ещё больший стыд. И он

убрал за ними. В один из дней Хелен сделала тройной кувырок на батуте, рассмеялась, поклонилась, а потом разрыдалась и не хотела успокаиваться. Когда Люк попытался утешить её, Хелен начала колотить его своими маленькими кулачками: бах-бах-бах. Какое-то время Люк обыгрывал всех в шахматы, а когда надоело, начала поддаваться, что было для него на удивление трудно.

Ему казалось, что он спал, даже когда бодрствовал. Он чувствовал, что его айкью снижается, как уровень воды в кулере, потому что кто-то не докрутил кран. Он отмечал дни этого чуждого лета в календаре на своём компьютере. Помимо просмотра роликов на «Ютьюбе», он пользовался ноутбуком — за одним важным исключением, — только, чтобы переписываться с Джорджем и Хелен. Он никогда не начинал диалог первым и старался завершать его как можно скорее.

«Что за хрень с тобой творится? — как-то раз написала Хелен».

«Ничего, — написал он в ответ».

«Как думаешь, почему мы всё ещё в Передней Половине? — спросил Джордж. Не то, чтобы я жалуюсь».

«Не знаю, — ответил Люк и вышел из сети».

Он обнаружил, что не трудно скрыть своё горе от санитаров, техников и докторов; они привыкли иметь дело с понурыми детьми. Но даже в своём глубоком несчастье, он вспоминал о том ярком образе, который спроецировал Эйвери: канарейка, выпархивающая из клетки.

Его скорбный сон наяву иногда был пронизан яркими обрывками воспоминаний, которые всегда являлись внезапно: его отец, поливающий его из садового шланга; его отец, кидающий мяч, стоя спиной к кольцу, и Люк, пытающийся поставить блок, а затем оба они, со смехом падающие на траву; его мать,

несущая ему здоровенный торт с горящими свечами со словами «Ты уже такой большой»; его мать и отец, энергично танцующие на кухне под песню Рианны «Pon de Replay». Это были чудесные воспоминания, но обжигали, как крапива.

Когда он не думал об *убитой в Фалкон-Хайтс паре* — не грезил о них, — Люк думал о клетке, в которой находился, и о свободной птице, которой хотел стать. Только в такие моменты его разум снова обретал свою прежнюю резкость. Он заметил вещи, которые, казалось, подтверждали его веру в то, что Институт двигался по инерции, как ракета, у которой отключились двигатели, как только она набрала нужную скорость. Например, эти пузыри видеокамер из затенённого стекла под потолком. Большинство из них были грязными, будто их очень давно не протирали. Особенно это бросалось в глаза в пустом западном крыле жилого уровня. Камеры, вероятно, по-прежнему работали, но картинку они давали как минимум мутную. И даже в этом случае, никто не просил Фреда или других уборщиков — Морта, Конни, Джаведа — протереть их. А это говорило о том, что кто бы не наблюдал за коридорами, ему было наплевать на то, что изображение стало туманным.

Люк проводил дни с опущенной головой, делая всё, что ему велели без пререканий, но когда он не был ограничен своей комнатой, он становился маленькой губкой с большими ушами. Большинство того, что он слышал, было бесполезно, но он вбирал в себя всё. Вбирал и откладывал в сторонку. Например, сплетни. Как доктор Эванс постоянно ходил по пятам за доктором Ричардсон, пытаюсь завести разговор, но слишком очковал (это он услышал от Нормы) чтобы узнать, что Фелиция Ричардсон не дотронется до него и десятифутовой палкой. Как Джо и двое других санитаров, Чед и Гэри, иногда спускали

неиспользованные жетоны в торговые автоматы в восточной гостиниой, чтобы получить заветные маленькие бутылочки с алкоголем. Иногда они говорили о своих семьях или о попойках в баре «Аутло Кантри», где выступали музыкальные группы. «Если можно назвать это музыкой», сказала женщина-санитар по имени Шерри, обращаясь к Глэдис Фальшивая Улыбка. Этот бар, прозванный техниками и санитарами мужского пола «Пилоткой», находился в городке с названием Деннисон-Ривер-Бенд. Люк не знал точно, насколько далеко находился этот город, но думал, что не дальше, чем в двадцати пяти милях, максимум в тридцати, потому что они, казалось, все ездили туда по выходным.

Люк запоминал имена, когда слышал их. Доктора Эванс звали Джеймсом, доктора Хендрикса — Дэном, фамилия Тони — Фиццале, Глэдис — Хиксон, Зика — Ионидис. Если он когда-нибудь выберется отсюда, если когда-нибудь канарейка выпорхнет из своей клетки, а он надеялся на это, у него будет целый список, когда он будет давать показания против эти козлов в суде. Он понимал, что это всего лишь фантазия, но она двигала его вперёд.

Теперь, когда он вёл себя, как хороший маленький мальчик, его ненадолго оставляли одного на уровне «В», но с наставлением никуда не уходить. Он кивал, давал технику время уйти по своим делам, а потому уходил сам. На нижних уровнях было много камер и все они содержались в чистоте и порядке, но сигнализация не срабатывала, и не появлялись санитары, размахивающие электропалками. Дважды его ловили снующим по коридорам и отводили обратно: один раз с выговором, а второй с подзатыльником.

В один из таких походов (он всегда старался выглядеть безучастным и бесцельно шатающимся — просто ребёнок, который убивает время перед

следующим тестом, или которому разрешили вернуться в свою комнату) Люк отыскал сокровище. В комнате МРТ, пустой в тот день, он заметил карточку, которыми они пользовались для управления лифтом; она наполовину торчала из-под монитора компьютера. Он прошёл мимо стола, взял её и засунул в карман, не сводя глаз с аппарата МРТ. Он был уверен, что карта начнёт кричать «Вор, вор!», когда вышел из комнаты (как волшебная арфа, которую Джек украл у великана), но ничего не произошло, — ни тогда, ни позже. Разве они не отслеживали эти карты? Кажется, нет. Или у неё истёк срок действия, и она была бесполезна, как ключ-карта отеля, когда гость выезжает из номера.

Но когда днём позже Люк попробовал открыть с помощью неё лифт, он с радостью узнал, что она рабочая. Когда ещё через день доктор Ричардсон поймала его заглядывающим в комнату на уровне «Г», где находился иммерсионный бак, он ожидал наказания: возможно, разряда электропалки, которую она обычно держала в кобуре под белым халатом, или тумачков от Тони и Зика. Но вместо этого она дала ему жетон, за что он поблагодарил её.

— Я ещё там не был, — сказал Люк, указывая на бак. — Это страшно?

— Нет, это весело, — сказала она, и Люк широко улыбнулся, будто правда поверил в её брехню. — И что же ты тут делаешь?

— Меня привёл один из санитаров. Не знаю, кто. Думаю, он забыл свою табличку.

— Повезло, — сказала она. — Если бы ты знал его имя, мне пришлось бы доложить об этом и у него были бы неприятности. А потом? Много, много, много бумажной работы. — Она закатила глаза, и Люк *сочувственно* посмотрел на неё. Она отвела его обратно к лифту и спросила, где он должен быть; он ответил, что на уровне «Б». Она проводила его и спросила, как

он себя чувствует; он ответил, что всё хорошо, больше ничего не болит.

Карта также привела его на уровень «Д», где было полно всякого оборудования, но когда он попытался спуститься ниже — были *ещё* уровни, он слышал о них в разговорах: уровни «Е» и «Ё», — приятный голос Мисс Лифт сообщил, что доступ запрещён. Ну и ладно. Попытка не пытка.

В Передней Половине не было никаких бумажных тестов, зато часто проводилась ЭЭГ. Иногда доктор Эванс собирал детей в группы, но не всегда. Однажды, когда Люка тестировали одного, доктор Эванс вдруг поморщился, схватился рукой за живот и сказал, что сейчас вернётся. Он велел Люку ничего не трогать и выбежал за дверь. Чтобы облегчиться, предположил Люк.

Он изучил экраны компьютеров, пробежал пальцами по паре клавиатур, подумал, не похимичить ли с ними, но решил, что это плохая идея; вместо этого он направился к двери. Он выглянул наружу и увидел, как из лифта вышел большой лысый мужчина в том же дорогом коричневом костюме. Или в другом. Насколько Люк знал, у Стакхауса был целый шкаф дорогих коричневых костюмов. В руке у него была пачка бумаг. Он пошёл по коридору, шаркая ногами, и Люк быстро нырнула назад. В комнате «В-4», с аппаратами для ЭЭГ и ЭКГ, была небольшая ниша с полками, уставленными разным оборудованием. Было ли это обычным предчувствием, ТП-сигналом или старой доброй паранойей, но Люк решил спрятаться в этой нише. И сделал это как раз вовремя. Стакхаус заглянул в комнату, осмотрелся и исчез. Люк немного подождал, не вернётся ли он, затем снова уселся рядом с аппаратом ЭЭГ.

Две-три минуты спустя в комнату влетел Эванс с развевающимися позади него полами белого халата. Его

щёки пылали, а глаза были широко раскрыты. Он схватил Люка за рубашку.

— Что сказал Стакхаус, когда увидел тебя одного? Говори!

— Ничего, потому что он не увидел меня. Я выглянул поискать вас, и когда мистер Стакхаус вышел из лифта, я спрятался там. — Он указал пальцем на нишу с оборудованием, затем посмотрел на Эванса широко раскрытыми, невинными глазами. — Я не хотел, чтобы у вас были проблемы.

— Молодец, — сказал Эванс и похлопал его по плечу. — Пришлось откликнуться на зов природы, и я чувствовал, что ты не подведёшь. А теперь давай закончим тест, хорошо? Потом сможешь пойти наверх и поиграть со своими друзьями.

Прежде чем позвать Иоланду, (ещё одну женщину-санитара по фамилии Фриман), чтобы она отвела его на уровень «А», Эванс дал Люку дюжину жетонов и снова похлопал по спине.

— Это будет наш маленький секрет, да?

— Да, — ответил Люк.

«Он и правда думает, что нравится мне, — удивился Люк. — Как вам такое? Надо будет рассказать Джорджу».

2

Но не рассказал. В тот день за ужином было двое новичков, и не хватало одного старожил. Насколько он знал, Джорджа забрали, когда он прятался в нише от Стакхауса.

— Он с остальными, — прошептал Эйвери Люку в ту ночь, когда они лежали в кровати. — Ша говорит, он

плачет, потому что боится. Ша сказала ему, что это нормально. Сказала, что они все боятся.

3

Два или три раза во время своих походов Люк останавливался перед гостинной уровня «Б», где велись интересные и содержательные разговоры. Помещением пользовался персонал, а также полевые группы, которые иногда прибывали с дорожными сумками, на которых не наблюдалось бирок авиакомпании. Когда они видели Люка — пил ли он воду из поилки или делал вид, что читает плакат о гигиене — большинство не обращали на него внимания, будто он был мебелью. Люди из этих групп выглядели сурово, и Люк всё больше убеждался, что это были охотники-сборщики Института. Потому что теперь в западном крыле стало больше детей. Однажды Люк подслушал как Джо говорил Хададу — они были хорошими друзьями, — что Институт похож на прибрежный городок в Лонг-Айленде, где он вырос.

— Сначала наступает прилив, — сказал он, — а потом отлив.

— Сейчас чаще — отлив, — сказал Хадад, и, возможно, был прав, но по мере того, как тянулся июль, больше было похоже на прилив.

В каких-то полевых группах было по три человека, в других по четыре. Люку они казались похожими на военных; может, из-за того, что у всех мужчин были короткие волосы, а у женщин они были туго стянуты и заколоты на затылке. Он слышал, как санитар назвал одну из этих групп «Эмеральд». А другую техник назвал «Руби Ред». В ней было три человека: две женщины и один мужчина. Люк знал, что «Руби Ред» ездили в

Миннеаполис, чтобы убить его родителей и похитить его. Он пытался выяснить их имена, слушая своим разумом и ушами, и узнал только одно: женщину, которая чем-то брызнула ему в лицо в последнюю ночь в Фалкон-Хайтс, звали Мишель. Когда она увидела его в коридоре, склонившимся над поилкой, её взгляд скользнул мимо него... затем на секунду-две вернулся назад.

Мишель.

Ещё одно имя в списке.

Люку не потребовалось много времени, чтобы удостовериться в своей догадке, что именно этим людям поручалось привозить новых ТП и ТК. Группа «Эмеральд» находилась в гостинной, и когда Люк стоял снаружи, в десятый раз читая плакат о гигиене, он услышал, как один из мужчин сказал, что им нужно побыстрому смотаться в Миссури и забрать «посылку». На следующий день к их растущей группе постояльцев западного крыла присоединилась растерянная четырнадцатилетняя девочка по имени Фрида Браун.

— Я не должна быть здесь, — сказал она Люку. — Это ошибка.

— Было бы неплохо, — ответил Люк, затем объяснил ей, как получать жетоны. Он не был уверен, уловила ли она, но со временем поймёт. Они все понимали.

4

Казалось, никто не был против, что Эйвери почти каждую ночь спал в комнате Люка. Он был почтальоном и доставлял Люку письма от Калиши из Задней Половины — послания, которые приходили телепатическим путём, а не через ПССШ^[75]. Факт убийства его родителей был ещё слишком свеж и

болезнен, чтобы эти письма могли вывести Люка из состояния полужабытия, хотя новости, содержащиеся в них, не переставали от этого быть тревожными. А ещё они были информативными, хотя Люк мог бы обойтись без этой информации. В Передней Половине детей тестировали и наказывали за неповиновение; в Задней их заставляли работать. Использовали. И, судя по всему, потихоньку изводили.

Фильмы вызывали головные боли, которые от раза к разу были всё дольше и невыносимей. По словам Калиши, Джордж после перевода был в порядке, просто напуган, но после четырёх-пяти дней воздействия точек, фильмов и болезненных уколов, у него тоже начались головные боли.

Фильмы показывали в небольшом кинозале с мягкими удобными креслами. Они начинались со старых мультфильмов про Дорожного бегуна, Багса Банни, Гуфи и Мики. Затем, после разогрева, начиналось настоящее шоу. Калише казалось, что фильмы были короткими, не более получаса, хотя трудно было сказать точно, потому что она «плыла» во время просмотра, а после у неё болела голова. И так было у всех.

В её первые два раза дети из Задней Половины получили двойную порцию фильмов. В первом центральным персонажем был мужчина с редющими рыжими волосами. Он носил чёрный костюм и водил блестящую чёрную машину. Эйвери попытался показать эту машину Люку, но Люк получил лишь мутный образ — возможно, это был максимум того, что могла послать Калиша. И всё же он подумал, что это, должно быть, лимузин или седан, потому что пассажиры рыжего мужчины всегда сидели сзади. В основном одни и те же, в основном пожилые белые мужчины, но был один молодой, со шрамом на щеке.

— Ша говорит, у него есть завсегдатаи, — прошептал Эйвери, когда они с Люком лежали в кровати. — Она говорит, это Вашингтон, О. К., потому что мужчина проезжает мимо Капитолия и Белого дома, и иногда видно этот большой каменный шпиль.

— Монумент Вашингтона.

— Ага, он самый.

Ближе к концу фильма рыжий менял костюм на обычную одежду. Дети смотрели, как он катается на лошади, потом качает маленькую девочку на качелях, затем с этой девочкой ест мороженное на скамейке в парке. После этого на экране появился доктор Хендрикс, держа в руке незажжённый бенгальский огонь.

Во втором фильме был человек в том, что Калиша назвала арабской повязкой, вероятно имея в виду куфию. Он был на улице, потом в уличном кафе пил из стакана чай или кофе, потом произносил речь, а потом крутил маленького мальчика, держа его за руки. Один раз его показывали по телевизору. Фильм заканчивался доктором Хендриксом, держащим в руке незажжённый бенгальский огонь.

На следующее утро Ша и остальным показали мультфильм «Сильвестр и Твити», после которого последовал пятнадцати— или двадцатиминутный фильм про рыжеволосого водителя. Потом был обед в столовой Задней Половины, где были бесплатные сигареты. Днём им показали Порки Пига, а после него — араба. Каждый фильм заканчивался доктором Хендриксом и незажжённым бенгальским огнём. Вечером были болезненные уколы и мерцающие огни. Затем их отвели обратно в кинозал, где они двадцать минут смотрели на автокатастрофы. После каждой на экране появлялся доктор Хендрикс, держа в руке незажжённый бенгальский огонь.

Люк, убитый горем, но не глупый, начал понимать. Это было безумием, но не безумнее способности иногда знать, что творится в головах других людей. Кроме того, это многое объяснило.

— Калиша думает, что отключилась и видела сон, когда показывали автокатастрофы, — прошептал Эйвери Люку в ухо. — Только она не уверена, был ли это сон. Она говорит, что дети — она, Ники, Айрис, Донна, Лен, кто-то ещё — стояли в этих точках, обнявшись и прижавшись друг к другу головами. Говорит, там был доктор Хендрикс и в этот раз он зажжёт бенгальский огонь, и это было страшно. Но пока они стояли вместе, обнимая друг друга, их головы не болели. Но она говорит, что это *мог* быть сон, потому что она проснулась в своей комнате. Комнаты в Задней Половине не такие, как наши. Их запирают на ночь. — Эйвери замолчал. — Я не хочу больше говорить об этом, Люки.

— Ладно. Засыпай.

Что Эйвери и сделал, а Люк ещё долго не мог заснуть.

На следующий день он воспользовался ноутбуком не только для того, чтобы отметить ещё один день в календаре, написать Хелен или посмотреть «Конь Боджек». Он зашёл на сайт мистера Гриффина, а через него на сайт «Нью-Йорк Таймс», на котором его известили, что бесплатно он может прочитать только десять статей. Люк не знал, что он ищет, но был уверен, что поймёт, когда увидит. И это случилось. Заголовок на первой полосе номера от 15-го июля гласил: **ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БЕРКОВИЦ СКОНЧАЛСЯ ОТ ТРАВМ.**

Вместо чтения статьи Люк перешёл на предыдущий день. Заголовок гласил: **ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ МАРК БЕРКОВИЦ ПОЛУЧИЛ ТЯЖЁЛЫЕ ТРАВМЫ В АВТОКАТАСТРОФЕ.** Там была

фотография. У Берковица, представителя от штата Огайо, были чёрные волосы и шрам на щеке от ранения в Афганистане. Люк быстро прочитал статью. В ней было сказано, что седан «Линкольн», в котором Берковиц ехал на встречу с высокопоставленными иностранными лицами из Польши и Югославии, потерял управление и врезался в бетонную опору моста. Водитель погиб мгновенно; неназванный источник из госпиталя МедСтар описал состояние Берковица так: «одной ногой в могиле». В статье не говорилось был ли водитель рыжим, но Люк и так это знал, а ещё он знал, что какой-то выходец из арабских стран скоро умрёт, если этого уже не произошло. Или он собирался убить кого-то важного.

Растущая уверенность, что его и остальных детей готовили для использования в качестве экстрасенсорных БПЛА — даже безобидного Эйвери Диксона, который не смог бы прихлопнуть и муху, — начала пробуждать Люка, но потребовалось хоррор-шоу с участием Гарри Кросса, чтобы полностью вывести его из забытья, вызванного горем.

5

На следующий вечер за ужином в столовой сидело четырнадцать или пятнадцать детей. Кто-то болтал, кто-то смеялся, а некоторые из новичков плакали или завывали. Люк подумал, что в каком-то смысле нахождение в Институте было похоже на пребывание в старой психиатрической лечебнице, где сумасшедших просто держали и никогда не лечили.

Но в столовой не было Гарри, как и в обед. Этот здоровенный увалень не часто попадался в поле зрения Люка, но его трудно было не заметить во время еды,

так как Герда и Грета всегда сидели рядом с ним в своей одинаковой одежде и смотрели на него сияющими глазами, когда он болтал о НАСКАР, реслинге, своих любимым шоу и жизни в Сельме. Если кто-то просил его притихнуть, маленькие Г кидали на этого наглеца убийственные взгляды.

В этот вечер близнецы ели в одиночестве и выглядели от этого нерадостными. Однако они оставили Гарри место между собой, и когда он медленно вошёл, с животом наперевес и обгоревший на солнце, они бросились к нему с приветственными криками. В этот раз он едва обратил на них внимание. Его взгляд был отсутствующим, а глаза, казалось, двигались независимо друг от друга. Его подбородок блестел от слюны, а в промежности виднелось мокрое пятно. В столовой повисла тишина. Вновь прибывшие выглядели озадаченными и испуганными; те, кто провёл здесь достаточно, чтобы пройти тесты, бросили друг на друга обеспокоенные взгляды.

Люк и Хелен переглянулись.

— Оклемается, — сказала она. — Некоторые дети переносят хуже, чем...

Рядом с ней сидел Эйвери. Он взял её за руку и произнёс с жутким спокойствием:

— Не оклемается. Уже никогда не оклемается.

Гарри вскрикнул, упал на колени, а потом приложился лицом прямо о пол. Из его губ и носа на линолеум брызнула кровь. Он сначала задрожал, а потом забился в судорогах; его ноги вытянулись и раздвинулись, а руки молотили воздух. Он начал издавать рычащий звук — не как животное, а как двигатель, работающий на низких оборотах. Он перекинулся на спину, продолжая рычать и выплёвывая изо рта кровавую пену. Его нижняя челюсть двигалась вверх и вниз.

Маленькие Г начали визжать. Когда Глэдис бежала из коридора, а Норма из-за мармита^[76], одна из близнецов опустилась на колени и попыталась обнять Гарри. Его большая правая рука взлетела вверх, сделала взмах и опустилась назад, со страшной силой ударив её по лицу. Девочка отлетела в сторону, с глухим стуком ударившись головой о стену. Вторая близняшка с криком бросилась к сестре.

В столовой поднялся шум. Люк и Хелен остались на своих местах, Хелен обняла Эйвери за плечи (скорее, чтобы успокоить себя, чем маленького мальчика), но многие другие дети собрались вокруг бьющегося в судорогах Гарри. Глэдис оттолкнула парочку из них и прорычала: «Назад, кретины!». Сегодня вечером никаких фальшивых улыбок от большой Г.

Появилось больше сотрудников Института: Джо и Хадад, Чед, Карлос и пара тех, кого Люк не знал, включая одного в штатском, который, должно быть, только что пришёл на смену. Тело Гарри поднималось и опускалось резкими толчками, будто пол находился под напряжением. Чед и Карлос прижали его руки. Хадад прижёл его шею электропалкой, на которой была выставлена максимальная мощность; электрический треск был слышен даже сквозь лепет ошарашенных детских голосов. Гарри обмяк. Его глаза выпучились из-под полуопущенных век. Из уголков рта текла пена. Кончик языка высунулся наружу.

— С ним всё в порядке, ситуация под контролем! — выкрикнул Хадад. — Садитесь обратно за столы! Он в порядке!

Дети подались назад, теперь уже в молчании, наблюдая за происходящим. Люк наклонился к Хелен и тихо сказал:

— Кажется, он не дышит.

— Может быть, а может и нет, — сказал Хелен, — но посмотри-ка на неё. — Хелен указал на близняшку, которая влетела в стену. Люк увидел, что глаза маленькой девочки остекленели, а голова была выкручена под неестественным углом. По её щеке стекала кровь и капала на плечо.

— *Проснись!* — крикнула другая близняшка и начала трясти её. Столовые приборы с грохотом полетели со столов; дети и санитары невольно пригнулись. — *Проснись, Гарри не хотел обидеть тебя, проснись, ПРОСНИСЬ!*

— Кто из них кто? — спросил Люк Хелен, но ответил Эйвери, своим до жути спокойным голосом.

— Та, что кричит и раскидывает посуду, — Герда. Мёртвая — Грета.

— Она не мертва, — потрясённым голосом сказал Хелен. — *Не может быть.*

Ножи, вилки и ложки взметнулись к потолку («Я никогда не смог бы сделать ничего подобного», — подумал Люк), а затем с грохотом упали.

— Но это так, — как ни в чём не бывало сказал Эйвери. — Как и Гарри. — Он встал, держа за руки Хелен и Люка. — Мне нравился Гарри, хотя он и толкнул меня. Я больше не голоден. — Он перевёл взгляд с одной на второго. — И вы тоже, ребята.

Все трое удалились незамеченными, оставив кричащую близняшку и её мертвую сестру позади. Из лифта в спешке вышел доктор Эванс, который казался раздражённым. «Наверное, ему пришлось оторваться от ужина», — подумал Люк.

Позади них Карлос кричал:

— Всё в порядке, ребята! Заканчивайте ужин, всё в полном порядке!

— Его убили точки, — сказал Эйвери. — Доктор Хендрикс и доктор Эванс никогда не должны были показывать ему точки, пусть он и был розовым. Может,

его BDNF был слишком высок. Или это было что-то вроде аллергии.

— Что такое BDNF? — спросила Хелен.

— Не знаю. Но если у детей он высокий, они не должны делать им большие уколы до Задней Половины.

— А ты знаешь? — спросила Хелен, повернувшись к Люку.

Люк помотал головой. Калиша однажды упоминала об этом, и он пару раз слышал эту аббревиатуру во время своих походов. Он подумал, что не мешало бы загуглить, но решил, что увидит только предупреждение.

— У тебя ведь их ещё не было? — спросил Люк Эйвери. — Больших уколов? А специальные тесты?

— Нет. Но будут. В Задней Половине. — Он серьёзно посмотрел на Люка. — У доктора Эванса могут быть проблемы из-за того, что он сделал с Гарри. Надеюсь на это. Я до смерти боюсь огня. И больших уколов. *Сильнодействующих* уколов.

— Я тоже, — сказала Хелен. — Уколы, которые мне делали, и так были не очень.

Люк подумал, не рассказать ли Хелен и Эйвери об уколе, от которого у него сдавило горло, или о том, от которого его вырвало (он видел эти проклятые точки при каждом позыве), но по сравнению с тем, что только что произошло с Гарри, всё это казалось пустяками.

— Дорогу, ребята, — сказал Джо.

Они прижались к стене рядом с плакатом «Я ВЫБИРАЮ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ». Джо и Хадад прошли мимо них с телом Гарри Кросса. Карлос нёс маленькую девочку со сломанной шеей. Её голова болталась из стороны в сторону, а её волосы свисали вниз. Люк, Хелен и Эйвери наблюдали за ними, пока они не вошли в лифт, и Люк задумался, на каком уровне находится мор: «Д» или «Е».

— Она похожа на куклу, — услышал Люк свой голос. — Она похожа на свою собственную куклу.

Эйвери, чьё жуткое спокойствие оракула на самом деле было шоком, начал плакать.

— Пойду в свою комнату, — сказал Хелен. Она похлопала Люка по плечу и поцеловала Эйвери в щёку. — Увидимся завтра, парни.

Но они не увиделись. Ночью за ней пришли санитары в синем, и больше они её не видели.

6

Эйвери сходил по-маленькому, почистил зубы, переоделся в пижаму, которую теперь держал в комнате Люка, и лёг в его кровать. Люк тоже сделал все свои туалетные дела, забрался к Эйвестеру и выключил свет. Он прижался лбом ко лбу Эйвери и прошептал:

— Я собираюсь выбраться отсюда.

«Как?»

Вопрос был произнесён не вслух, а на мгновение вспыхнул в его сознании и исчез. Люк стал лучше улавливать мысли, но мог делать это только в присутствии Эйвери, — а бывало не мог вовсе. Точки — огни штази, по словам Эйвери — наделили его ТП, но слабой. Таким же был и его ТК. Может, у него и был заоблачный айкью, но по части экстрасенсорных способностей он не дотягивал. Хотелось бы больше, подумал он, и ему на ум пришла одна из старых дедушкиных поговорок: мечтай в одну руку, а сри в другую — потом посмотри, какая заполнится быстрее.

— Не знаю, — ответил Люк. Но он знал точно, что пробыл здесь слишком долго — дольше, чем Хелен, а её уже забрали. Скоро они придут за ним.

Посреди ночи Эйвери разбудил Люка от сна, в котором была Грета Уилкокс, лежащая у стены с вывернутой головой. Поэтому Люк рад был проснуться. Эйвестер прижался к нему, упираясь коленями и локтями, весь дрожа, как собака, застигнутая грозой. Люк включил прикроватную лампу. Глаза Эйвери были в слезах.

— Что случилось? — спросил Люк. — Плохой сон?

— Нет. *Они* разбудили меня.

— Кто? — Люк огляделся, но комната была пуста, а дверь закрыта.

— Ша. И Айрис.

— Ты можешь слышать Айрис, как и Калишу? — Это было что-то новенькое.

— Раньше не мог, но... они смотрели фильмы, потом были уколы, потом бенгальский огонь, потом групповое обнимание голова к голове — я тебе говорил об этом...

— Да.

— После этого обычно лучше, головные боли на время проходят, но у Айрис голова заболела сразу как они перестали обниматься, и так сильно, что она начала кричать без остановки. — Голос Эйвери зазвучал выше и задрожал так, что Люк весь похолодел. — «Моя голова, моя голова, она раскалывается, ох, моя голова, пусть это закончится, кто-нибудь, пусть это за...»

Люк потрянул Эйвери.

— Тише. Они могут слушать.

Эйвери сделал несколько глубоких вдохов.

— Жаль, что ты не можешь слышать меня в своей голове, как Ша. Тогда я мог бы всё тебе рассказать. Произносить вслух слишком тяжело.

— Попытайся.

— Ша и Ники попытались успокоить её, но не смогли. Она оцарапала Ша и пыталась ударить Ники. Затем пришёл доктор Хендрикс — он был в своей пижаме — и вызвал людей в красном. Чтобы забрать Айрис.

— В заднюю половину Задней Половины?

— Думаю. Но потом стало лучше.

— Может, они дали ей болеутоляющее. Или седативное.

— Не думаю. Кажется, ей просто стало лучше. Может, Калиша помогла ей?

— Меня не спрашивай, — сказал Люк. — Откуда я могу знать?

Но Эйвери не слушал.

— Возможно, есть способ помочь. Способ, чтобы они могли... — Он затих. Люку показалось, что он снова засыпает. Затем Эйвери пошевелился и сказал:

— Там есть что-то очень плохое.

— Тут везде всё плохое, — ответил Люк. — Фильмы, уколы, точки — всё это плохо.

— Да, но есть что-то другое. Что-то ещё хуже. Как... не знаю...

Люк прижался лбом ко лбу Эйвери и изо всех сил прислушался. Он услышал звук пролетающего высоко над головой самолёта.

— Звук? Что-то вроде гудения?

— Да! Но не от самолёта. Больше похоже на пчелиный улей. Это жужжание. Думаю, оно доносится из задней половины Задней Половины.

Эйвери поёрзал в кровати. В свете лампы, он больше не выглядел ребёнком, а был похож на взволнованного старика.

— Головные боли становятся хуже и хуже, длятся дольше и дольше, потому что они без конца заставляют их смотреть на точки... на эти огни... и они без конца делают им уколы и заставляют смотреть фильмы.

— И на бенгальский огонь, — сказал Люк. — Они должны смотреть на него, потому что это триггер.

— В смысле?

— Не важно. Засыпай.

— Не думаю, что смогу.

— Попытайся.

Люк обнял Эйвери и уставился в потолок. Он вспомнил старую блюзовую песню, которую ему иногда пела мама: *Я была твоей с самого начала, ты забрал моё сердце. Ты взял лучшее, так какого чёрта, теперь давай малыш, отдохни.*

Люк всё больше убеждался, что именно для этого они здесь и были: чтобы у них забрали всё лучшее. Здесь их превратили в оружие, которое будет использоваться, пока не исчерпает себя. Затем они отправятся в заднюю половину Задней Половины, к жужжанию... чем бы *оно* ни было.

Такого не бывает, сказал он себе. Но люди сказали бы, что таких мест, как Институт, тоже не бывает — уж точно не в Америке; а если и бывают, то мир узнал бы о них, потому что в наши дни ничего нельзя утаить — кто-нибудь бы проболтался. И всё же он был здесь. *Они* были здесь. Воспоминание о Гарри Кроссе, бьющемся в судорогах на полу в столовой и пускающем пену изо рта, — было ужасным; вид этой маленькой безобидной девочки с вывернутой головой, уставившейся стеклянными глазами в пустоту, — был ещё хуже, но ничто не могло быть ужаснее, чем сознание, постоянно подвергающееся атаке, пока оно, наконец, не станет частью пчелиного жужжания. По словам Эйвестера, именно это почти случилось с Айрис сегодня ночью, и скоро случится с Ники, покорителем всех женских сердец, и с остряком Джорджем.

И с Калишей.

Люк наконец заснул. Когда он проснулся, завтрак остался уже далеко позади, и он был один в кровати.

Люк выбежал в коридор и влетел в комнату Эйвери, уверенный, что там будет пусто, но плакаты по-прежнему висели на стенах, а фигурки «Джи-Ай-Джо» стояли на комоде, — сегодня, изображая бой.

Люк вздохнул с облегчением, а затем съёжился, когда его шлёпнули по затылку. Он обернулся и увидел Вайнону (фамилия: Бриггс).

— Надень-ка что-нибудь, молодой человек. У меня нет никакого желания смотреть на мужчину в трусах, по крайней мере, если он младше двадцати двух и не подкачан. К тебе это не относится.

Она подождала, пока он уйдёт. Люк показал ей палец (ладно, пусть он прятал его, держа перед грудью, но всё равно было приятно) и вернулся в свою комнату, чтобы одеться. В дальнем конце коридора, где он переходил в следующий коридор, Люк увидел тележку для белья «Дандукс». Её могла прикатить Джолин или другая экономка, которая помогала справиться с наплывом «гостей», но он знал, что это Морин. Он мог чувствовать её. Она вернулась.

8

Когда он увидел её пятнадцать минут спустя, он подумал, что эта женщина больна, как никогда.

Она прибиралась в комнате близнецов, снимая плакаты диснеевских принцев и принцесс и аккуратно складывая в картонную коробку. Кровати маленьких Г были уже разобраны, а простыни сложены в тележку с другим грязным бельём, которое Морин уже успела собрать.

— Где Герда? — спросил Люк. Ему также было интересно, где Грета и Гарри, не говоря уж об остальных, кто мог умереть от их сраных

экспериментов. Может, у них тут есть крематорий в этом гадюшнике? Например, на уровне «Е»? Если так, то у них, должно быть, стояли самые современные фильтры, иначе он почувствовал бы запах от сжигания детей.

— Не спрашивай и я не буду тебе лгать. Не мешай, парень, иди, куда шёл. — Её голос был скрипучим и сухим, пренебрежительным, но всё это было показухой. Даже от слабой телепатии была своя польза.

В столовой Люк взял яблоко из вазы с фруктами и пачку сладких сигарет (КУРИ, КАК ТВОЙ ОТЕЦ) из торгового автомата. Из-за сигарет он почувствовал, как ему не хватает Калиши, но в то же время ощутил себя рядом с ней. Он вышел на игровую площадку, где было восемь-десять детей — фул-хаус по сравнению с тем, что было, когда привезли Люка. Эйвери сидел на одном из матов, разложенных вокруг батута, опустив голову на грудь, глаза закрыты — он дремал. Люк не был удивлён. У мелкого засранца была тяжёлая ночь.

Кто-то хлопнул его по плечу, сильно, но без враждебности. Люк повернулся и увидел Стиви Уиппла, одного из новичков.

— Блин, прошлый вечер был хреновым, — сказал Стиви. — Я об этом большом рыжем парне и маленькой девочке.

— И не говори.

— А сегодня утром пришли эти мужики в красной форме и забрали панковскую девочку в Заднюю Половину.

Люк уставился на Стиви в молчаливом ужасе.

— Хелен?

— Ага, её. Это место отстой, — сказал Стиви, глядя на игровую площадку. — Вот бы у меня были, ну там, реактивные ботинки. Я бы слинял так быстро, что ты и глазом бы не моргнул.

— Реактивные ботинки и бомба, — сказал Люк.

— А?

— Разбомбить к херам, а *потом* улететь.

Стиви задумался над этим, его вытянутое лицо расслабилось, и он засмеялся.

— Неплохо. Ага, сравнять с землёй, а потом умчаться на хрен отсюда. Эй, у тебя нет лишних жетонов? Что-то я проголодался, и не очень люблю яблоки. Больше тащусь от «Твикс». Или чипсов. Чипсы — это хорошо.

Люк, который получил много жетонов, когда строил из себя хорошего мальчика, дал Стиви Уипплу три и посоветовал обдолбаться.

9

Вспомнив, как он первый раз увидел Калишу, и, возможно, чтобы отметить это событие, Люк зашёл внутрь, селя рядом с ледогенератором, и засунул в рот одну из сладких сигарет. Он принялся за вторую, когда появилась Морин с тележкой, наполненной теперь уже чистыми простынями и наволочками.

— Как ваша спина? — спросил её Люк.

— Хуже не бывает.

— Жаль. Это хреново.

— Я принимаю таблетки. Они помогают. — Она наклонилась и упёрлась руками в колени, так что её лицо оказалось напротив лица Люка.

Он прошептал:

— Они забрали мою подругу Калишу. Ники и Джорджа. А сегодня — Хелен. — Забрали большинство его друзей. И кто же теперь старожил Института? Конечно, Люк Эллис.

— Я знаю. — Она тоже говорила шёпотом. — Я была в Задней Половине. Мы не можем больше встречаться и

разговаривать, Люк. Они что-нибудь заподозрят.

В её словах была правда, но всё равно это казалось как-то странно. Как Джо и Хадад, Морин всегда общалась с детьми и давала им жетоны, когда они у неё были. Разве не было других мест, мёртвых зон, где не работала прослушка? Калиша считала, что были.

Морин выпрямилась и потянулась, уперев руки в поясницу. Она заговорила обычным голосом:

— Ты собираешься сидеть здесь весь день?

Люк втянул сладкую сигарету, свисавшую с его нижней губы, разжевал её и поднялся на ноги.

— Подожди, дам жетон. — Она вынула его из кармана и протянула Люку. — На что-нибудь вкусненькое.

Люк вернулся в свою комнату и растянулся на кровати. Он свернулся калачиком и развернул плотный квадрат бумаги, который она дала ему вместе с жетоном. У Морин был старомодный гуляющий почерк, но трудно было читать не только из-за этого. Буквы были *мелкими*. Она исписала листок слева направо, сверху до низу с одной стороны, и частично с другой. Люк вспомнил слова мистера Сируа, произнесённые им на уроке английского языка о лучших рассказах Эрнеста Хемингуэя: *они — чудеса сжатия*. Так и здесь. Сколько черновиков ей понадобилось, чтобы вместить самое важное из того, что она хотела сказать, в эти строчки, написанные на клочке бумаги? Он восхищался её лаконичностью, хотя уже начал понимать, чем Морин занималась. Кем она была.

Люк, ты должен избавиться от этой записки, как только прочтёшь её. Тебя будто Бог послал, как последний шанс исправить некоторые мои ошибки. Я поговорила с Лианой Финк из Берлингтона. Всё, что ты сказал, было правдой, и с моими деньгами всё будет хорошо. Но не всё

хорошо со мной — болит спина. НО теперь, когда \$\$\$ в безопасности, я в плюсе. Смогу передать их сыну, чтобы он поступил в колледж. Он никогда не узнает, что они от меня — я так хочу. Я перед тобой в долгу!! Люк, ты должен выбраться отсюда. Скоро тебя переведут в Заднюю Половину. Ты розовый и когда тесты закончатся, у тебя будет не больше 3-х дней. Я хотела бы кое-что дать тебе и рассказать много всего важного, но не знаю, как — разве что возле ледогенератора, но мы слишком часто бываем там. Не важно, что будет со мной, но я не хочу, чтобы ты утратил свой единственный шанс. Я бы хотела не делать того, что делала, или никогда не появляться в этом месте. Я думала о ребёнке, которого бросила, но это не оправдание. Теперь уже поздно. Я хотела бы поговорить где-то ещё, а не возле ледогенератора, но это рискованно.

ПОЖАЛУЙСТА, избавься от этой записки, Люк, и БУДЬ ОСТОРОЖЕН — не ради меня, моя жизнь скоро закончится, но ради себя.

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ.

Морин А.

Итак, Морин была доносчиком, выслушивала детей в якобы безопасных местах, а потом бежала докладывать Сигсби (или Стакхаусу) те крохи информации, которые ей прошептали на ухо. Она могла быть не единственной; двое дружелюбных санитаров, Джо и Хадад, тоже могли быть доносчиками. В июле Люк возненавидел бы её за это, но сейчас был не июль, и он стал гораздо старше.

Он прошёл в ванную и бросил записку Морин в унитаз, попутно спуская штаны, как раньше поступил с

запиской Калиши. Кажется, будто это было сто лет назад.

10

Днём Стиви Уиппл затеял игру в вышибалы. Большинство детей участвовали, но Люк отказался. Он взял из шкафа шахматную доску (в память о Ники) и воспроизвёл матч, который многие считают лучшим в истории: Яков Эстрин против Ганса Берлингера, Копенгаген, 1965 год. Классический, сорок два хода. Он ходил вперёд-назад, чёрной-белой, чёрной-белой — почти машинально, пока обдумывал записку Морин.

Ему была невыносима сама мысль, что Морин стучит, но Люк понимал её мотивы. Здесь были и другие люди, сохранившие хоть какие-то остатки порядочности, но работа в таком месте разрушала их моральный компас. Зная это или нет, но они были обречены. Морин, вероятно, тоже. Сейчас важно было только одно: действительно ли она знает, как ему выбраться отсюда. Для этого она должна передать ему информацию, не вызывая подозрений у миссис Сигсби и этого мужика, Стакхауса (по имени Тревор). А ещё отсюда вытекал вопрос: можно ли ей доверять? Люк думал, что можно. Не потому, что он помог ей в трудную минуту, но потому, что в записке читалось отчаяние, чувства женщины, решившей поставить все свои фишки на один оборот колеса. К тому же, какой у него был выбор?

Эйвери тоже играл в вышибалы, бегая внутри круга, и кто-то попал ему мячом прямо по лицу. Он сел и начал плакать. Стиви Уиппл помог ему подняться и осмотрел нос.

— Крови нет, всё в порядке. Можешь пока пойти посидеть с Люком.

— В смысле, выйти из игры, — сказал хныча Эйвери. — Я в порядке. Могу продолж...

— Эйвери! — позвал Люк. Он показал пару жетонов. — Хочешь крекеров с арахисовым маслом и колы?

Эйвери побежал к нему, забыв об ушибленном лице.

— Конечно!

Они зашли в столовую. Эйвери опустил жетон в автомат, и когда наклонился, чтобы достать упаковку из лотка, Люк наклонился вместе с ним и прошептал ему в ухо:

— Хочешь помочь мне выбраться отсюда?

Эйвери протянул ему упаковку «Набс».

— Хочешь? — А в сознании Люка вспыхнуло и погасло: «*Как?*»

— Возьму один, остальное тебе, — сказал Люк и в ответ послал три слова: «*Скажу сегодня ночью*».

Два параллельных разговора: один — вслух, второй — мысленный. И так же он будет общаться с Морин.

Он надеялся.

11

На следующий день после завтрака Глэдис и Хадад отвели Люка к иммерсионному баку. Там они оставили его с Зиком и Дэйвом.

Зик Ионидис сказал:

— Здесь мы проводим тесты, а ещё окунаем туда плохих мальчиков и девочек, которые не говорят правду. Ты будешь говорить правду, Люк?

— Да, — ответил он.

— У тебя есть телеп?

— Что? — спросил Люк, прекрасно зная, что имел в виду Зик-Фрик.

— Телеп. ТП. У тебя она есть?

— Нет. Я — ТК, помните? Двигаю ложки и всякое такое. — Он попытался улыбнуться. — Хотя не могу их гнуть. Я пытался.

Зик помотал головой.

— Если ты ТК и видишь точки, значит у тебя есть телеп. Если ты ТП и видишь точки, значит можешь двигать ложки. Так это и работает.

«Ты не знаешь, как это работает, — подумал Люк. — Никто из вас не знает». Он вспомнил, как кто-то сказал ему — может, Калиша, а, может, Джордж, — что они узнают, если он солжёт о том, что видит точки. Было похоже на правду; может, они что-то увидели в показаниях ЭЭГ, но знали ли наверняка? Нет. Зик блефовал.

— Я *видел* точки пару раз, но не могу читать мысли.

— Хендрикс и Эванс думают, что можешь, — сказал Дэйв.

— Я правда не могу. — Он посмотрел на них с такой искренностью, какую только мог изобразить.

— Сейчас мы это выясним, — сказал Дэйв. — Раздевайся, приятель.

Не имея выбора, Люк снял свою одежду и залез в бак — около четырёх футов в глубину, и около восьми в ширину. Вода была прохладной, но приятной — и на том спасибо.

— Я думаю о животном, — сказал Зик. — О каком?

Это был кот. Люк увидел не картинку, а просто слово, большое и яркое, как вывеска «Будвайзера» в окне бара.

— Не знаю.

— Ладно, приятель, значит хочешь поиграть в игры. Сделай глубокий вдох, опустись под воду и сосчитай до пятнадцати. После каждой цифры вставляй «физкульт-

привет». Один-физкульт-привет, два-физкульт-привет, три-физкульт-привет и так далее.

Что Люк и сделал. Когда Люк вынырнул, Дэйв (пока что без фамилии) спросил, о каком *он* думает животном. Он держал у уме слово «КЕНГУРУ».

— Не знаю. Я сказал, что я ТК, а не ТП. И даже не ТК-плюс.

— Нурыя, — сказал Зик. — Тридцать секунд, после каждой «физкульт-привет». Я тоже буду считать, приятель.

Третье погружение длилось сорок пять секунд, четвёртое — целую минуту. Каждый раз ему задавали новый вопрос. От животных они перешли к именам санитаров: Глэдис, Норма, Пит, Присцилла.

— Я не могу! — выкрикнул Люк, смахивая капли воды с глаз. — Вы что, не понимаете?

— Я понимаю, что дальше будет минута с четвертью, — сказал Зик. — И во время отсчёта думай о том, сколько ещё это может продлиться. Всё в твоих руках, приятель.

Люк попытался вынырнуть, досчитав до шестидесяти семи. Зик схватил его за голову и опустил вниз. Он вынырнул, досчитав до минуты-пятнадцати, хватая ртом воздух; его сердце бешено колотилось.

— О какой спортивной команде я думаю? — спросил Дэйв, и в его сознании Люк увидел яркую барную вывеску со словом «ВИКИНГЗ».

— *Не знаю!*

— Брехня, — сказал Зик. — Давай теперь на минуту-тридцать.

— Нет, — сказал Люк, отплыв к центру бака. Он старался не паниковать. — Я не могу.

Зик закатил глаза.

— Не будь девкой. Нурыальщики за жемчугом могут не дышать по девять минут. А я хочу всего лишь

девятью секундами. Или ты можешь назвать дяде Дэйву его любимую спортивную команду.

— Он не мой дядя и я не могу этого сделать. Теперь отпустите меня. — И от бессилия добавил: — Пожалуйста.

Зик вытащил из кобуры свою электропалку и выставил максимальную мощность.

— Хочешь, чтобы я сунул эту штуку в воду? Будешь скакать, как Майкл Джексон. А теперь иди сюда.

За неимением выбора, Люк подошёл к краю иммерсионного бака. *Это весело*, сказала Ричардсон.

— Последний шанс, — сказал Зик. — О чём он думает?

«Викингз», «Миннесота Викингз», моя домашняя команда.

— *Я не знаю.*

— Ладно, — сказал Зик с сожалением в голосе. — Субмарина ВМС «Люк» начинает погружение.

— Подожди, дай ему пару секунд, чтобы собраться, — сказал Дэйв. — Он выглядел встревоженным, от чего встревожился Люк. — Наполни лёгкие воздухом, Люк. И постарайся не нервничать. Когда твой организм подвергается стрессу, он расходует больше кислорода.

Люк несколько раз вдохнул и выдохнул, и погрузился в воду. Рука Зика опустилась на его голову и вцепилась в волосы. «Спокойно, спокойно, спокойно», — повторял про себя Люк. А ещё: «Ты ублюдок, Зик, ты ублюдок, я тебя ненавижу сраный садист».

Он выдержал девять секунд и вынырнул, задыхаясь. Дэйв вытер его лицо полотенцем.

— Останови это, — прошептал он Люку в ухо. — Просто скажи, о чём я думаю. В этот раз я загадал кинозвезду.

Теперь на барной вывеске в голове Дэйва горело имя: МЭТТ ДЭЙМОН.

— Не знаю. — Люк начал реветь, слёзы катились по его влажному лицу.

Зик сказал:

— Ладно. Перейдём к минуте-сорока пяти. Сто пять долгих секунд, и не забудь после каждой вставить «физкуль-привет». Мы сделаем из тебя ныряльщика за жемчугом.

Люк снова запасся кислородом перед погружением, но досчитав до сотой секунды, был уверен, что сейчас откроет рот и втянет воду. Они вытащат его, откачают и всё повторится. И они будут продолжать, пока он не скажет то, что они хотят услышать, или не утонет.

Но, наконец, рука отпустила его голову. Он вынырнул, задыхаясь и кашляя. Они дали ему время отдышаться, затем Зик сказал:

— Чёрт с ними, с животными и спортивными командами. Просто скажи это. Я — телеп. Я — ТП, и всё закончится.

— Ладно! Хорошо! Я — телеп!

— Отлично! — воскликнул Зик. — Вот это прогресс! Какое число я загадал?

На яркой барной вывеске высветилось: 17.

— Шесть, — сказал Люк.

Зик издал звук гудка из игрового телешоу.

— Извини, но это семнадцать. Теперь две минуты.

— Нет! Я не могу! Пожалуйста!

Дэйв спокойно произнёс.

— Последний раз, Люк.

Зик с силой пихнул своего коллегу плечом, чуть не сбив с ног.

— Не говори ему того, что может не сбыться. — Он снова сосредоточил внимание на Люке. — Даю тридцать секунд, чтобы надышаться, а потом ныряй. Будешь у нас в олимпийской сборной, малыш.

Не имея выбора, Люк сделал несколько быстрых вдохов и выдохов, но задолго до того, как он успел

мысленно досчитать до тридцати, рука Зика взяла его за волосы и надавила.

Люк открыл глаза и уставился на белую стенку бака. Краска в нескольких местах была содрана — возможно, ногтями других детей, подвергнутых этой пытке, которая применялась только к розовым. Почему? Это же очевидно. Потому что Хендрикс и Эванс считали, что диапазон экстрасенсорных способностей может быть расширен, а розовые — это расходный материал.

«Расширяй, расходуй, — подумал он. — Расширяй, расходуй. Спокойно, спокойно, спокойно».

И хотя он изо всех сил старался войти в дзен-подобное состояние, его лёгкие начали требовать больше воздуха. Его дзен-подобное состояние, которое было не таким уж дзен-подобным, испарилось, когда он подумал, что если выживет, то дальше придётся выдержать две минуты-пятнадцать, две-тридцать, затем...

Он начал метаться. Зик удерживал его под водой. Люк упёрся ногами в дно и оттолкнулся, почти вынырнув, но Зик добавил вторую руку и снова надавил. Вернулись точки, они вспыхнули перед глазами Люка, устремляясь к нему, отдаляясь, и возвращаясь обратно. Они начали кружиться вокруг него безумных вихрем. Огни штази, подумал Люк. Я захлебнусь, глядя на...

Зик вытянул его за волосы. Его белая туника промокла. Он пристально посмотрел на Люка.

— Я сделаю это ещё раз, Люк. Буду делать снова и снова, и снова. Буду окунать, пока не утонешь, а потом мы откачаем тебя, снова утопим и снова откачаем. Последний шанс: какое число я загадал?

— Я не... — Люка вырвало водой. — ...знаю!

Зик смотрел на него ещё около пяти секунд. Люк пересёкся с ним взглядом, хотя в его глазах стояли слёзы. Затем Зик сказал.

— В жопу это и в жопу тебя, приятель. Дэйв, вытри его и отправь назад. Не хочу больше видеть его блядскую рожу.

Он вышел, хлопнув дверью.

Люк вылез из бака, пошатнулся и чуть не упал. Дэйв поддержал его и протянул полотенце. Люк вытерся и оделся, так быстро, как мог. Он не хотел дольше оставаться рядом с этим человеком или этим местом, но даже чувствуя себя полумертвым, он испытывал интерес.

— Почему это так важно? Почему это так важно, если мы здесь не для *этого*?

— Откуда ты знаешь, для чего ты здесь? — спросил Дэйв.

— Потому что я не тупой, вот откуда.

— Лучше держи рот на замке, Люк, — сказал Дэйв. — Ты мне нравишься, но это не значит, что я буду терпеть твой острый язык.

— Для чего бы не были эти точки, они не имеют никакого отношения к выяснению того, может ли ребёнок одновременно быть ТП и ТК. Чем вы вообще *занимаетесь*? Вы сами-то зна...

Дэйв наотмашь ударил Люка, сбив его с ног. Вода, растёкшаяся по кафельному полу, впиталась в его джинсы.

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы. — Он наклонился к Люку. — Мы знаем, что мы делаем, хренов умник! *Мы точно знаем, что мы делаем!* — Он схватил Люка за руку. — В прошлом году у нас был парень, который продержался три с половиной минуты. Он был занозой в жопе, но, по крайней мере, не ныл!

В его комнату вошёл обеспокоенный Эйвери, но Люк попросил его уйти; сказал, что хочет побыть один.

— Это было плохо? — спросил Эйвери. — Бак. Мне жаль, Люк.

— Спасибо. Теперь уходи. Поговорим позже.

— Ладно.

Эйвери вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Люк повернулся на спину, стараясь не думать о тех долгих минутах под водой, но всё равно думал. Он всё ждал, когда вернутся огни, прыгающие и проносящиеся перед глазами, описывающие круги и закручивающие головокружительные вихри. Но этого не произошло, и он начал успокаиваться. Одна мысль вытеснила все остальные, даже страх, что точки могут вернуться... и остаться навсегда.

Побег. Я должен бежать. И если не смогу, то должен умереть до того, как они заберут меня в Заднюю Половину и заберут оставшуюся часть меня.

13

С окончанием июня отошли самые надоедливые насекомые, поэтому доктор Хендрикс встретился с Зиком Ионидисом на скамейке под тенистым дубом, который рос перед административным зданием. Рядом стоял флагшток, на котором в лёгком летнем ветерке лениво развевался звёздно-полосатый. На коленях доктора Хендрикса лежало досье Люка.

— Ты уверен, — сказал он Зику.

— Абсолютно. Я окунал маленького ублюдка, кажется, пять-шесть раз, и всегда на пятнадцать секунд дольше, как вы велели. Если бы он читал мысли, то сделал бы это, будьте уверены. Морской котик не

выдержит такого дерьма, не говоря уж о ребёнке, у которого на яйцах не больше шести волосков.

Хендрикс, казалось, хотел чертыхнуться, затем вздохнул и покачал головой.

— Ладно. Я это переживу. Сейчас у нас много розовых, и ещё много на подходе. Выбор богатый. Но всё равно это досадно. Я возлагал надежды на этого ребёнка.

Он открыл досье с маленьким розовым кружком в правом верхнем углу. Достал ручку из кармана и провёл линию по диагонали.

— По крайней мере, он здоров. Эванс его проверил. Эта идиотка — Бенсон — не заразила его ветрянкой.

— Он был привит? — спросил Зик.

— Да, но она постаралась передать ему свою слюну. А у неё был довольно тяжёлый случай. Я не мог рисковать. Нет. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

— Так, когда его переведут в Заднюю Половину?

Хендрикс слегка улыбнулся.

— Хочешь поскорее избавиться от него, я прав?

— Вообще, нет, — сказал Зик. — Бенсон, может, и не заразила его ветрянкой, но Уилхолм передал ему свою «на хер вас» бациллу.

— Его заберут, когда я получу зелёный свет от Хекла и Джекла.

Зик театрально задрожал.

— Эти двое. *Брррр*. Жуть.

Хендрикс не стал ничего говорить о докторам из Задней Половины.

— Ты уверен, что он не проявляет телепатических способностей?

Зик похлопал его по плечу.

— Абсолютно, док. Можете даже не думать об этом.

Пока Зик и Хендрикс обсуждали будущее Люка, он шёл на обед. От процедур в баке он не только перенервничал, но и сильно проголодался. Когда Стиви Уиппл спросил, где он был и что случилось, Люк только помотал головой. Он не хотел говорить о баке. Ни сейчас, никогда. Он подумал, что это похоже на войну. Тебя призвали, ты пошёл, но ты не хочешь говорить о том, что видел, или что пережил.

Насытившись местной версией феттуччине, он вздремнул и проснулся, чувствуя себя немного лучше. Он пошёл искать Морин и заметил её в ранее пустынном восточном крыле. Казалось, Институт собирался принять больше гостей. Он подошёл к ней и спросил, не нужна ли помощь.

— Я не прочь заработать пару жетонов, — сказал он.

— Нет, я справляюсь. — Люку показалось, что она стареет буквально на глазах. Её лицо было мертвецки бледным. Интересно, сколько ещё времени пройдёт, прежде чем кто-нибудь заметит её состояние и запретит работать? Он не хотел думать, что с ней будет, если это произойдёт. Разве существовала пенсионная программа для экономок, которые также были институтскими доносчиками? Он сомневался в этом.

Тележка была наполовину заполнена свежим бельём и Люк бросил туда записку. Он написал её на листке для заметок, который взял в нише с оборудованием в комнате «В-4» вместе с дешёвой шариковой ручкой, которую прятал под матрасом. На ручке была надпись «РИЭЛТЕРСКОЕ АГЕНСТВО ДЕННИСОН-РИВЕР-БЕНД». Морин увидела сложенную записку, накрыла её наволочкой и слегка кивнула ему. Люк пошёл дальше своей дорогой.

В ту ночь, лежа в кровати, Люк долго перешёптывался с Эйвери, прежде чем дал ему заснуть. Есть два сценария, сказал он Эйвери, — должны быть. Ему казалось, что Эйвестер всё понял. По крайней мере, он *надеялся* на это.

Люк долго не спал, слушая тихое посапывание Эйвери и размышляя о побеге. Сама идея казалась одновременно абсурдной и вполне реализуемой. Колпаки камер видеонаблюдения были грязными, а его постоянно оставляли одного, чем он пользовался, добывая и впитывая крохи информации. Существовали фэйковые мёртвые зоны, свободные от видеонаблюдения, о которых знали Сигсби и её приспешники, и одна настоящая, о которой они не знали (он надеялся на это). В итоге получался довольно простой вывод. Он должен попытаться. Альтернатива: огни штази, фильмы, головные боли, бенгальский огонь, который служил триггером для чего бы то ни было. А в конце: жужжание.

Когда тесты закончатся, у тебя будет не больше 3-х дней.

15

На следующий день Тревор Стакхаус встретился с миссис Сигсби в её офисе. Она сидела, склонившись над открытым досье, читала и делала пометки. Она, не глядя на него, подняла вверх указательный палец. Он подошёл к окну, выходявшему на восточное крыло здания, которое они называли общежитием, будто у Института действительно был кампус, который, так случилось, находился глубоко в лесу на севере Мэна. Он увидел двух-трёх детей, слоняющихся вокруг автоматов с закусками, которые только что пополнили. В этой

гостиной не было табака и алкоголя с 2005 года. Восточное крыло обычно было малозаселённым, либо вообще пустовало, и когда в нём жили дети, они могли купить сигареты и спиртное в автоматах в другом конце здания. Некоторые только пробовали, но на удивление многие — обычно те, кто были чрезвычайно подавлены и напуганы внезапно сменившейся обстановкой — быстро становились зависимыми. Именно они доставляли меньше всего хлопот, потому что не просто хотели получить жетоны, они нуждались в них. Карл Маркс назвал религию опиумом для народа, но Стакхаус был другого мнения. Он считал, что «Лаки Страйкс» и «Бунс Фарм» (особенно любимые «гостями» женского пола) отлично справляются.

— Всё, — сказала миссис Сигсби, закрывая досье. — Я слушаю вас, Тревор.

— Завтра группа «Опал» доставит ещё четверых, — сказал Стакхаус. Его руки были сложены за спиной, а ноги расставлены в стороны. Будто капитан на носу своего корабля, подумала миссис Сигсби. Он был одет в один из своих привычных коричневых костюмов, который, по её мнению, был ужасным выбором для середины лета, но он без сомнения считал костюм неотъемлемой частью своего *имиджа*. — Столько здесь не было с 2008 года.

Он повернулся спиной к окну, вид из которого был не так уж интересен. Иногда — даже зачастую — он очень уставал от детей. Он не представлял, как с ними справляются учителя, особенно без свободы лупить наглецов и бить током бунтарей, каким был теперь находившийся в Задней Половине Николас Уилхолм.

Миссис Сигсби сказала:

— Когда-то — задолго до нас с тобой — здесь было более сотни детей. Был *лист ожидания*.

— Хорошо, буду знать. Так, зачем вы позвали меня? Группа «Опал» на месте и, по крайней мере, один из

«грузов» будет деликатным. Я вылетаю ночью. Девочка находится в тщательно контролируемой обстановке.

— В смысле, на реабилитации.

— Так точно. — Высокофункциональные ТК, казалось, относительно неплохо уживались в обществе, но такие же ТП испытывали проблемы, часто обращаясь к выпивке и наркотикам. Стакхаус полагал, что они стараются заглушить поток входных сигналов. — Но она того стоит. Не как Диксон — он подобен электростанции, — но близко. Поэтому, скажите, что вас беспокоит и позвольте мне заняться своими делами.

— Это не беспокойство, а обычная предосторожность. И не стойте у меня за спиной, от этого у меня мурашки по коже. В ногах правды нет.

Пока он выдвигал стул с другой стороны её стола, миссис Сигсби открыла на рабочем столе видеофайл. На экране появились автоматы с закусками в столовой. Картинка была мутной, дёргалась каждые десять секунд, и периодически искажалась. Миссис Сигсби нажала на паузу во время одного из таких искажений.

— Первое, на что я хочу обратить ваше внимание, — сказал она сухим наставническим голосом, который ему так не нравился, — это качество видео. Оно совершенно неприемлемо. Так снимает по меньшей мере половина камер видеонаблюдения. Даже камера, что стоит в этом сраном минимаркете в Бенде, лучше, чем большинство наших. — Она говорила о Деннисон-Ривер-Бенде, и это была правда.

— Я дам распоряжение, но мы оба знаем, что инфраструктура этого места — полное дерьмо. Последняя крупная модернизация проводилась сорок лет назад, когда всё в этой стране было иначе. Гораздо свободнее. Сейчас у нас только два айтишника, и одни из них в отпуске. Компьютерное оборудование устарело, как и генераторы. Вы и сами всё *знаете*.

Миссис Сигсби очень хорошо это знала. И дело было не в недостатке финансирования, а в невозможности привлечь помощь извне. Другими словами, уловка-22. Институт должен был оставаться непроницаемым, а в эпоху социальных сетей и хакеров, это стало ещё труднее. Даже слух о том, что тут происходило, стал бы поцелуем смерти. И не только для жизненно важной работы, которую они проводили, но и для персонала. От этого возникали проблемы с наймом, затруднялись поставки продуктов, а ремонты вообще были кошмаром.

— Эти искажения из-за кухонной техники, — сказал он. — Миксеры, измельчители отходов, микроволновки. Возможно, я смогу что-нибудь сделать с этим.

— Возможно, вы даже сможете что-нибудь сделать с колпаками, в которых находятся камеры. Что-нибудь низкотехнологичное. Кажется, это называется «протирка». У нас есть уборщики.

Стакхаус посмотрел на свои часы.

— Ладно, Тревор. Намёк ясен. — Она снова запустила видео. На экране появилась Морин Алворсон с корзиной для уборки. Её сопровождали двое постояльцев: Люк Эллис и Эйвери Диксон, исключительный ТП-плюс, который почти каждую ночь проводил у Эллиса. Картинка, может, и была не совсем качественной, но со звуком был полный порядок.

— Мы можем поговорить здесь, — сказала Морин мальчикам. — Здесь есть микрофон, но он не работает уже много лет. Просто улыбайтесь, чтобы тот, кто смотрит видео, подумал, что вы выпрашиваете у меня жетоны. Так, что у вас на уме? И давайте покороче.

Последовала пауза. Маленький мальчик почесал свои руки, ущипнул себя за нос и посмотрел на Люка. Значит, Диксон пришёл за компанию. А это была затея Эллиса. Стакхаус не удивился. Эллис был умным ребёнком. Шахматистом.

— Ну, — начал Люк, — это насчёт того, что случилось в столовой. С Гарри и маленькой Г. Вот, что у нас на уме.

Морин вздохнула и поставила корзину.

— Я слышала об этом. Это печально, но, кажется, с ними всё в порядке.

— Правда? Со всеми троими?

Морин молчала. Эйвери с тревогой смотрел на неё, почёсывая руки и пощипывая нос, и вообще выглядел так, будто ему нужно было в туалет. Наконец, она сказала:

— Может, *сейчас* не всё в порядке, по крайней мере, не совсем, но я слышала, как доктор Эванс сказал, что их отправили в лазарет в Задней Половине. У них там довольно приличный лазарет.

— А что ещё у них там...

— Тише. — Она подняла ладонь и огляделась. Картинка исказилась, но звук остался прежним. — Не спрашивай меня о Задней Половине. Я не могу говорить о ней, за исключением того, что там хорошо, лучше, чем в Передней, и после того, как мальчики и девочки проводят там какое-то время, они возвращаются домой.

Когда картинка восстановилась, она стояла, обхватив их за плечи и придвинув ближе к себе.

— Вы посмотрите, — сказал Стакхаус. — Мамаша Кураж^[77]. А она хороша.

— Тихо, — сказала миссис Сигсби.

Люк спросил Морин, абсолютно ли она *уверена*, что Гарри и Грета живы.

— Потому что они выглядели... ну... мёртвыми.

— Да-да, все дети так говорят, — согласился Эйвери, и с силой сжал нос. — Гарри дёрнулся и перестал дышать. Голова Греты была как-то странно выгнута и болталась на шее.

Морин не спешила с ответом; Стакхаус видел, как она подбирает слова. Он подумал, что она могла бы стать достойным агентом разведки там, где есть нужда в полевых агентах. А тем временем оба мальчика смотрели на неё в ожидании.

Наконец, она сказала:

— Конечно, меня там не было, и, полагаю, это было довольно страшно, но, думаю, выглядело всё гораздо хуже, чем было на самом деле. — Она замолчала, но после того, как Эйвери опять ущипнул себя за нос, продолжила. — Если у Кросса случился припадок — я сказала «если» — они, уверена, назначили ему необходимое лечение. Что касается Греты, то проходя мимо бытовки, я услышала, как доктор Эванс говорил доктору Хендрикс, что у неё растяжение шеи. Они, вероятно, поставили ей фиксатор. Её сестра, должно быть, с ней. Для спокойствия.

— Хорошо, — с некоторым облегчением сказал Люк. — Раз вы так уверены.

— Уверена, насколько это возможно, — это всё, что я могу сказать, Люк. В этом месте полно лжи, но меня воспитывали не лгать людям, особенно детям. Так что я уверена настолько, насколько это возможно. А почему это так важно для тебя? Ты просто переживаешь за друзей или дело в чём-то ещё?

Люк посмотрел на Эйвери, который буквально дёрнул себя за нос, затем кивнул. Стакхаус закатил глаза.

— Господи Иисусе, парень, если хочешь оторвать его, бери и отрывай. Это выводит меня из себя.

Миссис Сигсби поставила видео на паузу.

— Жест самоутешения, и это лучше, чем если бы он хватался мошонку. У меня было достаточно любителей хвататься за промежность, как мальчиков, так и девочек. А теперь — тихо. Начинается самое интересное.

— Если я скажу вам кое-что, обещаете держать это в тайне? — спросил Люк.

Она обдумала это немного, пока Эйвери продолжал теревить свой бедный шнобель, затем кивнула.

Люк понизил голос. Миссис Сигсби прибавила звук.

— Некоторые ребята поговаривают о голодовке. Никакой еды, пока мы не будем уверены, что маленькие Г и Гарри в порядке.

Морин тоже понизила голос.

— Кто именно?

— Я не знаю точно, — ответил Люк. — Кто-то из новичков.

— Скажи им, что это очень плохая идея. Ты умный мальчик, Люк, очень умный, и я уверена, ты знаешь такое слово: *репрессии*. Можешь позже объяснить Эйвери. — Она пристально посмотрела на младшего мальчика, который высвободился из её объятий и прикрыл нос рукой, будто боялся, что она схватится за него, и, может, даже оторвёт. — Теперь мне надо идти. Я не хочу, чтобы у вас, ребята, были проблемы, и не хочу проблем для себя. Если кто-то спросит, о чём мы разговаривали...

— Просились помочь, чтобы получить жетоны, — сказал Эйвери. — Я понял.

— Хорошо. — Она бросила взгляд на камеру, начала было уходить, но тут же обернулась. — Скоро тебя выпустят отсюда, и ты вернёшься домой. А пока что, будь умницей. Не раскачивай лодку.

Она взяла тряпку, быстро протёрла лоток диспенсера с алкоголем, затем схватила корзину и ушла. Люк и Эйвери немного помедлили, а потом тоже пошли своей дорогой. Миссис Сигсби выключила видео.

— Голодовка, — сказал Стакхаус с улыбкой. — Это что-то новенькое.

— Да, — согласилась миссис Сигсби.

— Трясусь от одной только мысли. — Его улыбка переросла в смех. Сиггерс она могла не нравиться, но он ничего не мог с собой поделать.

К его удивлению, она тоже засмеялась. Когда он в последний раз слышал её смех? Вероятно, правильный ответ: никогда.

— В этом есть что-то забавное. У растущих детей могла бы получиться самая провальную в мире голодовка. Они же машины по переработке еды. Но ты прав, это что-то новенькое. Как думаешь, кто из новичков подкинул ему идею?

— Ой, да ладно. Никто. У нас только один ребёнок, который может знать, что такое голодовка, и он пробыл здесь почти месяц.

— Да, — согласилась она. — И я буду рада, когда его не станет в Передней Половине. Уилхолм был беспокойным, но хотя бы не скрывал своей злобы. Эллис же... *тихушник*. А я не люблю тихушников.

— Когда его заберут?

— В воскресенье или понедельник, если Халлас и Джеймс будут согласны. А они будут. Хендрикс почти закончил с ним.

— Хорошо. Вы будете что-то предпринимать насчёт голодовки, или просто подождёте? Я бы подождал. Думаю, она сойдёт на нет сама собой, если вообще случится.

— Пожалуй, приму меры. Как вы сказали, у нас сейчас много постояльцев, и было бы неплохо хотя бы раз устроить собрание.

— Если вы это сделаете, Эллис, скорее всего, поймёт, что Алворсон крыса. — Учитывая айкью парня, в этом не было никаких сомнений.

— Не важно. Через пару дней его не станет, а вскоре за ним последует его маленький друг, любитель подёргать за нос. А теперь вернёмся к камерам видеонаблюдения...

— Перед отъездом я оставляю записку Энди Феллоузу, и мы сразу ими займёмся, когда я вернусь. — Он наклонился вперёд, сцепив руки; его карие глаза смотрели прямо в её серо-стальные. — А пока что расслабьтесь. Иначе заработаете язву. Напоминайте себе хотя бы раз в день, что мы имеем дело с детьми, а не с уголовниками.

Миссис Сигсби ничего не ответила, потому что знала, что он был прав. Даже Люк Эллис, каким бы умным он не был, — всего лишь ребёнок. И, проведя какое-то время в Задней Половине, останется ребёнком, но растеряет весь свой ум.

16

Когда в тот вечер миссис Сигсби вошла в столовую, стройная и осанистая, в малиновом костюме, серой блузке и с тоненькой ниточкой жемчуга вокруг шеи, ей не нужно было стучать ложкой по стакану, чтобы привлечь к себе внимание. Все разговоры разом прекратились. Техники и санитары потянулись к дверному проёму, ведущему в западную гостиную. Даже кухонные работники вышли наружу и собрались за салатной секцией.

— Как известно большинству из вас, — произнесла миссис Сигсби приятным звучным голосом, — два дня назад, здесь, в столовой, произошёл неприятный инцидент. Пошли слухи, что в этом инциденте погибли двое детей. Это абсолютно не так. Здесь, в Институте, мы не убиваем детей.

Она оглядела их. Они смотрели на неё с широко раскрытыми глазами, позабыв о еде.

— На случай, если кто-то из вас не смог оторваться от фруктового коктейля и не расслышал последние

слова, позвольте повторить: *мы не убиваем детей*. — Она остановилась, дав им время усвоить это. — Вы не просились сюда. Мы это понимаем, но мы не намерены приносить извинения. Вы здесь, чтобы служить не только своей стране, но и всему миру. По окончании службы вас не наградят медалями. Не будет парадов в вашу честь. Вы не будете знать о нашей сердечной благодарности, потому что перед уходом, ваши воспоминания об Институте будут ликвидированы. Или стёрты, если вам не знакомо это слово. — Она на секунду задержалась взглядом на Люке, как бы говоря: *тебе уж точно знакомо*. — Но знайте: наша благодарность никуда не денется. Во время нахождения здесь, вас будут тестировать, и некоторые тесты покажутся неприятными, но вы справитесь и вернётесь к своим семьям. Мы здесь не потеряли ни одного ребёнка.

Она снова остановилась в ожидании ответов или возражений. Уилхолм мог бы что-то сказать, но Уилхолма больше не было. Эллис — нет, потому что прямые возражения не в его стиле. Будучи шахматистом, он предпочитал хитрые гамбиты прямой атаке. Так больше пользы.

— У Гарольда Кросса случился короткий припадок после проверки поля и остроты зрения; некоторые из вас, кто уже прошёл этот тест, называют его «точками» или «огнями». Он случайно ударил Грету Уилкокс, которая пыталась — как, вероятно, мы все понимаем — успокоить его. У неё сильное растяжение шеи, но она восстанавливается. Её сестра находится рядом с ней. Близнецы Уилкокс и Гарольд будут отправлены домой на следующей неделе, и нам остаётся пожелать им только всего наилучшего.

Её глаза снова обратились к Люку, сидящему за столом у дальней стены. Рядом был его маленький друг.

Диксон сидел разинув рот, но хотя бы на время оставил в покое свой нос.

— Если кто-нибудь начнёт возражать против того, что я только что сказала, будьте уверены, этот человек лжёт, о чём немедленно должно быть доложено одному из санитаров или техников. Это понятно?

Тишина, даже никакого нервного кашля.

— Если вам понятно, я хочу услышать: «Да, миссис Сигсби».

— Да, миссис Сигсби, — ответили дети.

Она слегка улыбнулась.

— Думаю, вы можете громче.

— *Да, миссис Сигсби!*

— А теперь с полной уверенностью.

— *ДА, МИССИС СИГСБИ!* — В этот раз к ним присоединились даже работники кухни, техники и санитары.

— Отлично. — Миссис Сигсби улыбнулась. — Нет ничего лучше возгласа согласия, чтобы освободить лёгкие и разум, не так ли? А теперь возвращайтесь к еде. — Она повернулась к работникам кухни в белых халатах. — Всем дополнительный десерт перед сном. Полагаю, шеф Дуг, у вас найдутся пирожные и мороженное?

Шеф Дуг сложил колечком указательный и большой пальцы. Кто-то начал хлопать в ладоши. Остальные присоединились. В ответ на аплодисменты миссис Сигсби кивнула направо и налево, и направилась из столовой, высоко подняв голову и помахивая взад и вперёд руками. Лёгкая улыбка — Моны Лизы, подумал Люк — изогнула уголки её губ. Белые халаты расступились, пропуская её.

Продолжая аплодировать, Эйвери придвинулся к Люку и прошептал:

— Она солгала *обо всём*.

Люк едва заметно кивнул.

— Чёртова сука, — сказал Эйвери.

Люк снова слегка кивнул и послал короткое мысленное сообщение: *«Продолжай хлопать»*.

17

В ту ночь Люк и Эйвери лежали бок обок в кровати Люка, когда весь остальной Институт спал.

Эйвери шёпотом пересказал Люку то, что Морин говорила ему, когда он дотрагивался до носа, подавая сигнал на мысленную передачу. Люк боялся, что Морин могла не понять записку, которую он кинул в её тележку (это было какое-то бессознательное предубеждение, вероятно, основанное на её коричневой форме, и над которым следовало поработать), но она прекрасно поняла и передала Эйвери пошаговую инструкцию. Люк подумал, что Эйвери мог бы сигналить менее явно, но всё обошлось. Приходилось надеяться на это. Приняв на веру полученную информацию, оставался только один насущный вопрос: сработает ли первый шаг? Простой до безобразия.

Мальчики лежали на спине и смотрели в темноту. Люк уже десятый раз перебирал в голове все шаги — может, пятнадцатый, — когда Эйвери вторгся в его сознание с тремя словами, которые вспыхнули красной неоновой вывеской, и погасли, оставив остаточное изображение.

«Да, миссис Сигсби».

Люк ткнул его пальцем в бок.

Эйвери хихикнул.

Пару секунд спустя слова снова вспыхнули, в этот раз ярче.

«Да, миссис Сигсби!»

Люк ткнул его ещё раз, но с улыбкой, и Эйвери, вероятно, знал об этом, несмотря на темноту. Улыбка была не только на губах, но и в его голове; Люк подумал, что имеет на неё право. Он мог и не сбежать из Института — стоило признать, что шансы на это были невелики, — но сегодняшний день был отличным. Надежда — это замечательное слово, и такое замечательно чувство.

«ДА, МИССИС СИГСБИ, БЛЯДСКАЯ ТЫ СУКА!»

— Перестань, а то я тебя защекочу, — прошептал Люк.

— Это сработало, не так ли? — прошептал Эйвери. — Правда сработало. Думаешь ты действительно сможешь...

— Не знаю, но я попытаюсь. Теперь замолкни и засыпай.

— Хочу, чтобы ты взял меня с собой. *Очень* хочу.

— Я тоже, — сказал Люк, и это было правдой. Эйвери будет тяжело здесь одному. Он был более социально приспособленным, чем маленькие Г или Стиви Уиппл, но до статуса Мистер Индивидуальность ему было ещё далеко.

— Когда вернёшься, приведи с собой целую тысячу копов, — прошептал Эйвери. — И побыстрее, чтобы они не успели забрать меня в Заднюю Половину. И чтобы мы могли спасти Ша.

— Сделаю, что смогу, — пообещал Люк. — А теперь оставь мою голову в покое. Эта шутка уже приелась.

— Хочу, чтобы ты был более сильным ТП. И, чтобы тебе не было больно посылать сообщения. Тогда мы могли бы подольше поболтать.

— Если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом. Говорю последний раз: спи.

Эйвери заснул, и Люк тоже начал «отъезжать». Первый шаг в инструкции Морин был таким же древним, как ледогенератор, возле которого они иногда

общались, но Люк должен был признать, что он соответствовал всему остальному: пыльным корпусам камер, плинтусам с облупившейся много лет назад краской, беспечно оставленной карточке от лифта. Он снова подумал, что это место похоже на ракету с выключенными двигателями: всё ещё движется, но теперь только по инерции.

18

На следующий день Вайнона отвела его на уровень «В», где его подвергли быстрому осмотру: кровяное давление, пульс, температура, уровень кислорода в крови. Когда Люк спросил, что дальше, Дэйв заглянул в свой планшет, одарив его радостной улыбкой — будто никогда не бил его, — и сказал, что дальше по расписанию ничего нет.

— У тебя выходной, Люк. Наслаждайся. — Он поднял руку ладонью от себя.

Люк тоже улыбнулся и дал ему пять, а сам подумал о записке Морин: *когда тесты закончатся, у тебя будет не больше 3-х дней.*

— А завтра? — спросил он, когда они вернулись к лифту.

— Завтра будет завтра, — ответил Дэйв. — Только так.

Может, это и было справедливо для других, но не для Люка. Он хотел, чтобы у него было больше времени на обдумывание плана Морин — а, скорее, на оттягивание, — но боялся, что оно почти подошло к концу.

Игра в вышибалы стала ежедневным занятием на игровой площадке Института, почти ритуалом, и почти все присоединялись к ней, по крайней мере, на время.

Люк был в центре круга и уворачивался целых десять минут, прежде чем в него попали. Но он не стал вставать рядом с бросающими, а пошёл по асфальтированной баскетбольной площадке, мимо Фриды Браун, которая кидала мяч в кольцо. Люк подумал, что она всё ещё не понимает, где находится. Он опустился на гравий, спиной к сетчатому ограждению. По крайней мере, теперь ситуация с насекомыми была немного получше. Он опустил руки и бесцельно поводил ими взад и вперёд вдоль пояса, не сводя глаз с игры в вышибали.

— Хочешь покидать со мной? — спросила Фрида.

— Может, позже, — ответил Люк. Он небрежно завёл одну руку за спину, нащупал нижнюю часть ограждения, и обнаружил, что Морин была права: там была щель, где земля немного проседала. Углубление могло образоваться ранней весной во время таяния снега. Не более пары дюймов, но оно там было. Никто не позаботился засыпать его. Рука Люка нащупала нижний край сетки, зубцы которой впились в ладонь. Секунду-две он перебирал пальцами, находившимися на свободе, за пределами Института, а потом встал, отряхнулся и спросил Фриду, не хочет ли она сыграть в КОНЯ. Она нетерпеливо улыбнулась и сказала: *«Да! Конечно! Будь моим другом!»*

У Люка будто защемило сердце.

На следующий день у Люка снова не было никаких тестов, и никто даже не потрудился проверить у него показатели жизнедеятельности. Он помог Конни, одной из уборщиц, донести два матраса от лифта до комнат в западном крыле, получил один жалкий жетон за свои

хлопоты (все уборщики были скупы, когда дело доходило до жетонов), и на обратном пути до своей комнаты встретил Морин, которая стояла возле ледогенератора и пила воду из бутылки. Он спросил, не нужна ли ей помощь.

— Нет, спасибо. — Затем она понизила голос. — Хендрикс и Зик разговаривали снаружи возле флагштока. Я их видела. Они проводят тесты?

— Нет. Уже два дня.

— Так я и думала. Сегодня пятница. Возможно, есть время до субботы или до воскресенья, но я бы не особенно рассчитывала на это. — Его ужаснула помесь беспокойства и сочувствия, которую он увидел на её измождённом лице.

Ночью.

Он не произнёс слово вслух, а только проартикулировал губами, прикрыв рот рукой и почёсывая щёку. Она кивнула.

— Морин... они знают, что у вас... — Он не смог закончить, но это было ни к чему.

— Они думают, это радикулит. — Её голос было едва слышно. — Хендрикс может подозревать, но ему всё равно. Как и всем им, пока я могу работать. Теперь иди, Люк. Я приберусь у тебя во время обеда. Загляни под матрас перед сном. Удачи. — Она помедлила. — Жаль я не могу обнять тебя, милочка.

Люк почувствовал, как его глаза наполняются слезами. Он поспешил удалиться, прежде чем она успела заметить это.

Пообедал он плотно, хотя и не был особенно голодным. И собирался также плотно поужинать. У него было чувство, что если всё сработает, ему понадобится все силы, какие у него есть.

Вечером за ужином к ним присоединилась Фрида, которая вроде как произвела впечатление на Люка. После этого они вышли на игровую площадку. Люк

отказался покидать с ней мяч, сказав, что ему нужно присмотреть за Эйвери на батуте.

Красное неоновое слово возникло в сознании Люка, когда он наблюдал, как Эйвестер подпрыгивает вверх и вниз, лениво делая прыжки в сед и плюхаясь на живот.

«Ночью?»

Люк помотал головой.

— Но мне нужно, чтобы ты спал в своей комнате. Хочу выспаться хотя бы раз.

Эйвери соскользнул с батута и серьёзно посмотрел на Люка:

— Не обманывай меня, потому что думаешь, что кто-нибудь увидит меня грустным и спросит, почему. Я не грустный. — И его губы растянулись в неискренней улыбке.

«Ладно. Только не проси мой шанс, Эйвестер».

«Вернись за мной, если сможешь. Пожалуйста».

«Обещаю».

Начали возвращаться точки, напоминая об иммерсионном баке. Люк подумал, что это из-за усилий, потребовавшихся для передачи мыслей.

Эйвери ещё мгновение смотрел на него, затем побежал к баскетбольному кольцу.

— Хочешь поиграть в КОНЯ, Фрида?

Она посмотрела на него сверху вниз и улыбнулась.

— Малыш, я сделаю тебя в два счёта.

— Дай мне фору в две буквы, а там посмотрим.

Они всё ещё играли, когда начало смеркаться. Люк пересёк игровую площадку и обернувшись, взглянул на Эйвери, которого Гарри Кросс однажды назвал «мелким корешем Люка»; Эйвери бросил мяч по кольцу и промахнулся. Он подумал, что вечером Эйвери придёт к нему, чтобы хотя бы забрать зубную щётку, но этого не случилось.

Люк сыграл несколько раз в «Слэп Дэш» и «100 Боллс» на своём ноутбуке, затем почистил зубы, разделся до трусов и лёг в кровать. Он выключил лампу и залез рукой под матрас. Люк мог бы порезать пальцы о кухонный нож, который ему оставила Морин (не пластиковый, какие были в столовой, а с настоящим лезвием), если бы она не завернула его в тряпку. Помимо ножа он нащупал что-то ещё. Он сто раз пользовался такими штуками до того, как попал сюда. Это была флэшка. Он приподнялся и сунул оба предмета в карман брюк.

Потом наступило ожидание. Какое-то время дети носились туда-сюда по коридору — может, играли в салочки или просто дурачились. Теперь так было каждый вечер, когда детей стало больше. Послышались возгласы и смех, затем шиканье и снова смех. Так они выпускали пар. Прогоняли *страх*. Громче всех этим вечером был Стиви Уиппл, и Люк подумал, что Стиви выпил вина или навернул коктейль. Здесь не было грозных взрослых, требовавших тишины; а те, кто управлял этим местом, не были заинтересованы в ограничении уровня шума или введении комендантского часа.

Наконец, все уgomонились. Теперь Люк слышал только звук своего собственного сердца и ход своих мыслей, когда в последний раз прокручивал инструкцию Морин.

«Пройти к батуту, как только окажусь снаружи, — напомнил он себе. — Если понадобится, воспользоваться ножом. Затем слегка повернуть вправо».

Если окажусь снаружи.

Он с облегчением понял, что на восемьдесят процентов был полон решимости, и только на двадцать процентов боялся. И даже этот страх был каким-то бессмысленным, но Люк считал, что это вполне естественно. А то, что подпитывало решимость — что Люк совершенно точно *знал*, — было просто и ясно: это его единственный шанс, и он собирался воспользоваться им по максимуму.

Люку показалось, что прошло примерно полчаса после того, как в коридоре всё стихло. Он встал с кровати и взял с телевизора пластиковое ведёрко для льда. Он придумал спектакль для наблюдателей, если в такое время кто-то действительно следил за мониторами, а не просто сидел на посту охраны где-то на нижнем уровне, играя в солитёра.

Спектакль был о мальчике, который рано ложится спать, а затем по какой-то причине просыпается: может, захотел в туалет или приснился кошмар. В общем, этот мальчик, больше спящий на ходу, чем бодрствующий, бредёт по коридору в одних трусах. Камеры в пыльных колпаках фиксируют, как он подходит к ледогенератору, чтобы наполнить ведёрко. А затем возвращается не только с ведёрком, но и с совком; наблюдатели считают, что в своём сонном состоянии мальчик просто не понимает, что всё ещё держит совок в руке. Заметит его утром на столе или в раковине, и удивится, как совок там оказался.

Вернувшись в комнату, Люк бросил немного льда в стакан, наполнил водой из-под крана и выпил половину. Было приятно, так как у него пересохло во рту и горле. Он оставил совок на бачке унитаза и вернулся в кровать. Он шевелился и ворочался. Он что-то бубнил себе под нос. Может, мальчик из спектакля скучал по своему мелкому корешу. Может, поэтому он не мог заснуть. И, может, никто не подслушивал и не

наблюдал, но, может, и наоборот, поэтому он продолжал играть.

Наконец, он снова включил лампу и оделся. Он прошёл в ванную, где не было камер (*предположительно* не было) и засунул совок спереди за пояс брюк, прикрыв футболкой. Если тут *было* видеонаблюдение и если кто-то смотрел, то он, вероятно, только что спалился. Но он ничего не мог с этим поделать, так что оставалось только перейти к следующему акту спектакля.

Он вышел из комнаты и направился по коридору в гостиную. Там были Стиви Уиппл и кто-то из новичков: они спали, лёжа на полу. Вокруг них было разбросано с полдюжины бутылочек «Файрболл». Эти маленькие бутылочки стоили кучу жетонов. Стиви и его новый друг проснутся с похмелья с пустыми карманами.

Люк перешагнул через Стиви и вошёл в столовую. Свет горел только в салатной секции, и было мрачновато и немного жутковато. Он схватил яблоко из всегда полной вазы с фруктами и откусил, надеясь, что за ним никто не наблюдает, а если наблюдает, то они купятся на его притворство. Мальчик проснулся. Мальчик взял лёд из ледогенератора и выпил прохладной воды из стакана, после чего проснулся окончательно и решил пойти в столовую чего-нибудь поесть. Затем мальчик подумал, почему бы ненадолго не выйти на игровую площадку, подышать свежим воздухом. Он был бы не первым; Калиша говорила, что они с Айрис несколько раз выходили наружу, чтобы посмотреть на звёзды — без засветки неба они были невероятно яркими. А иногда, по её словам, дети пользовались игровой площадкой по ночам, чтобы уединиться. Он надеялся, что сегодня там никто не любит звёздами и не обжимается.

Никого не было и без луны на игровой площадке было довольно темно, виднелись только угловатые тени

объектов. Без компании маленькие дети обычно боятся темноты. Большие дети тоже, хотя большинство отказывается это признать.

Люк прошёлся по игровой площадке, ожидая появления одного из ночных санитаров, который спросит, что он тут делает с совком, спрятанным под футболкой. Неужели собрался устроить побег, а? Потому что это будет чертовски глупо!

— Глупо, — пробормотал Люк и сел спиной к сетчатому ограждению. — Всё верно, я настоящий дурак.

Он ждал, не придёт ли кто-нибудь. Но никто не пришёл. Он слышал только стрекот сверчков и уханья совы. Здесь была камера, но наблюдал ли кто-нибудь? В Институте была охрана, он знал это, но охрана была *небрежной*. Это он тоже знал. А насколько небрежной, сейчас он это выяснит.

Он задрал футболку и вынул совок. Он представлял, что будет копать за спиной правой рукой, переходя на левую, когда правая устанет. Но в реальности всё было не так просто. Он несколько раз зацепил совком за нижнюю часть сетки, производя звук, который в тишине казался довольно громким, и ещё он не мог понять, есть ли хоть какой-то прогресс.

«Это безумие», — подумал он.

Отбросив беспокойство по поводу камеры, Люк встал на колени и начал копать под ограждением, откидывая гравий вправо и влево. Казалось, время растянулось. Он чувствовал, будто прошло несколько часов. Может, человек на посту охраны, которого Люк никогда не видел (но мог хорошо себе представить), начал задаваться вопросом, почему ребёнок с бессонницей не возвращается с игровой площадки? Не стоит ли ему или ей послать кого-нибудь для проверки? И, что если у этой камеры есть режим ночного видения, Люки? Как тебе такое?

Он продолжал копать. Он чувствовал, как лицо заливают пот, на который уже набросились ночные жуки. Он чувствовал запах своих подмышек. Его сердце ускорилося до галопа. По почуствовал, что кто-то стоит за спиной, но когда оглянулся через плечо, увидел только баскетбольное кольцо на фоне звёзд.

Теперь под нижней частью ограждения образовалась траншея. Неглубокая, но его привезли в Институт худым, и с тех пор он похудел ещё больше. Может...

Но когда он лёг и попробовал пролезть, ограждение помешало ему. Даже не близко.

Возвращайся. Возвращайся и ложись в кровать, пока они не нашли тебя и не сделали с тобой ничего ужасного за попытку бежать.

Но это не вариант, это всего лишь трусость. Они и так *собирались* сделать с ним ужасное: фильмы, головные боли, огни штази... а в конце — жужжание.

Он копал, задыхаясь, откидывал грунт вперёд и назад, вправо и влево. Расстояние между нижним краем ограждения и землёй увеличивалось. Как же глупо было с их стороны оставить участок вдоль ограждения неукреплённым. Как же глупо было не пустить через сетку электрический ток, хотя бы слабый. Но они этого не сделали, и вот от здесь.

Он снова лёг, снова попытался проползти, и снова нижняя часть ограждения помешала ему. Но он уже был близок. Люк снова встал на колени и принялся копать, быстро, влево и вправо, вперёд и назад, туда-сюда. Раздался щелчок, когда ручка совка, наконец, отломилась. Люк отбросил ручку в сторону и продолжил копать, чувствуя, как кромка совка врезается ему в ладони. Когда он остановился, чтобы взглянуть на них, он увидел кровь.

«В этот раз должно получиться. Должно».

Но он всё ещё не мог пролезть.

Оставалось снова взяться за совок. Влево и вправо, с левой стенки и с правой. Кровь стекала по его пальцам, волосы прилипли ко лбу от пота, в ушах пищали комары. Он отложил совок в сторону, лёг и попытался ещё раз пролезть под ограждением. Торчащие зубцы оттянули его футболку, затем впились в кожу в районе лопаток, где тоже пошла кровь. Но он не сдавался.

На полпути вперёд он застрял. Он уставился на гравий, глядя, как пыль вздымается крошечными вихрями под его ноздрями при каждом выдохе. Нужно вылезти, копнуть ещё глубже, может, совсем чуть-чуть. Но когда он попытался выбраться обратно на игровую площадку, то понял, что это невозможно. Он не просто застрял, а попался. И всё ещё будет торчать здесь, в ловушке, под этим сраным блядским забором, как кролик в капкане, когда завтра утром взойдёт солнце.

Начали возвращаться точки: красные, зелёные и фиолетовые, появляясь на фоне вскопанной земли, которая находилась всего в дюйме или двух от его глаз. Они неслись на него, рассыпаясь и собираясь вместе, вращаясь и мерцая. Его тело и сознание сковала клаустрофобия. Его руки пульсировали и гудели.

Люк вытянул их, вцепился пальцами в землю и изо всех сил потянулся вперёд. На мгновение точки заполнили не только поле зрения, но и весь его мозг; он потерялся в их свете. Затем нижняя часть ограждения немного приподнялась. Возможно, ему только показалось, но он так не думал. Он услышал, как она заскрипела.

«Может быть, благодаря уколам и баку, я теперь ТК-плюс, — подумал он. — Как и Джордж».

Он решил, что это не важно. А важно только то, что он снова мог двигаться.

Точки пропали. Если низ ограждения действительно приподнялся, то теперь снова опустился. Металлические зубцы впились не только в лопатки, но

ещё в его ягодицы и бёдра. Это был мучительный момент — ограждение снова жадно вцепилось в него, не желая отпускать, — но когда он повернул голову и прижался щекой к земле, то увидел куст. Совсем рядом. Люк потянулся, почти достал, потянулся ещё и схватился за него. Куст начал вырываться из земли, но прежде чем это случилось, Люк снова начал двигаться вперёд, отталкиваясь бёдрами и ступнями. Торчащий зубец ограждения подарил ему прощальный поцелуй, процарапав икру, а затем Люк оказался с обратной стороны.

Он выбрался.

Люк поднялся на колени и шальными глазами посмотрел назад, уверенный, что увидит, как везде загораются огни — не только в гостиной, но и в коридорах, в столовой, — и в их свете он увидит бегущие фигуры: санитаров с электродубинками в руках, выставленными на максимальную мощность.

Но там никого не было.

Он поднялся на ноги и побежал без оглядки, в панике позабыв о следующем жизненно важном шаге: выборе направления. Он мог забежать в лес и потеряться, прежде чем голова снова начала бы соображать, если бы не жгучая боль в левой пятке, когда он наступил на острый камень и понял, что в последнем отчаянном рывке на свободу потерял кроссовок.

Люк вернулся к ограждению, поднял кроссовок и надел на ногу. Его спина и ягодицы просто ныли, но рана на икре была глубже и жгла, как раскалённый прут. Его сердцебиение замедлилось и вернулась ясность ума. *«Как только выберешься, встань напротив батута»,* сказал Эйвери, пересказывая второй шаг из инструкции Морин. *«Спиной к нему, затем повернись на полшага вправо. Это и будет твое направление. Всего милю или около того, и не обязательно идти строго по*

прямой; место, которое тебе нужно, довольно большое, но старайся сильно не отклоняться». Позже, лёжа в кровати, Эйвери сказал, что Люк может идти по звёздам. Но сам он в этом ничего не понимает.

Ну ладно. Пора уходить. Но сначала нужно кое-что сделать.

Он взялся рукой за правое ухо и нащупал маленькое колечко. Он вспомнил чьи-то слова — может, это была Айрис или Хелен, — что от имплантата не будет больно, так как у неё уже проколоты уши. Только серьги можно было снять, а эту штуку закрепили намертво.

Прошу тебя Боже, не дай мне воспользоваться ножом.

Люк собрался с духом, вцепился ногтями в изогнутый верхний край трекера и потянул. Мочка его уха натянулась, было больно, очень больно, но трекер остался на месте. Люк отпустил его, сделал два глубоких вдоха (во время которых ему вспомнился иммерсионный бак), и снова потянул. Сильнее. В этот раз было ещё больнее, но трекер не поддался, а время уходило. Западное крыло жилого уровня, которое с этой точки выглядело непривычно, оставалось тёмным и тихим, но надолго ли?

Он подумал, не потянуть ли ещё раз, но это лишь отсрочило бы неизбежное. Морин знала, именно поэтому она оставила нож. Люк достал его из кармана (очень аккуратно, стараясь одновременно не вытащить флэшку) и поднёс к глазам в тусклом свете звёзд. Он нащупал острый край подушечкой большого пальца, а левой рукой взялся за мочку уха и оттянул, насколько мог.

Он помедлил, давая себе время свыкнуться с мыслью, что он действительно находился по другую сторону ограждения. Снова заухала сова, но как-то сонно. Он мог видеть светлячков, мелькающих в

темноте, и даже в эту напряжённую минуту они были прекрасны.

Сделай это быстро, сказал он себе. Представь, что отрезаешь кусок стейка. И не кричи, как бы больно не было. Ты не можешь кричать.

Люк прижал лезвие к мочке и простоял так несколько секунд, которые показались ему вечностью. Затем опустил нож.

Я не смогу.

Ты должен.

Я не смогу.

Господи, но я должен.

Он снова прижал лезвие к чувствительной незащищённой плоти и резанул, не успев даже пожелать, чтобы оно оказалось достаточно острым и выполнило работу в один присест.

Лезвие *было* острым, но в последний момент его рука дрогнула, и вместо того, чтобы отделиться, мочка уха осталась болтаться на клочке хряща. Сначала боли не было, только тёплая кровь потекла вниз по шее. Затем стало больно. Будто оса размером с литровую бутылку ужалила его, впрыснув свой яд. Люк с протяжным шипением втянул воздух, ухватил болтающуюся мочку уха и сорвал, как кожу с куриной ножки. Он поднёс её ближе к глазам, зная, что избавился от этой долбаной хреновины, но всё равно хотел увидеть её. Хотел убедиться, что она в руке.

Люк встал напротив батута, затем повернулся к нему спиной и на полшага вправо. Перед ним виднелся тёмный массив северного мэнского леса, простирающийся бог знает на сколько миль. Он посмотрел вверх и нашёл Большой ковш с одной угловой звездой прямо над головой. Следуй за ней, сказал он себе. Это всё, что тебе нужно сделать. Нужно пройти всего милю или около того, сказала она Эйвери, а дальше будет следующий шаг. Игнорируй боль в

лопатках, сильную боль в икре и безумную боль в ван-гоговском ухе. Игнорируй дрожь в руках и ногах. Иди. Но сперва...

Он замахнулся правой рукой, сжатой в кулак, и перебросил через ограждение кусок плоти со вставленным в него трекером. Он услышал (или ему показалось) тихий щелчок от удара об асфальт, которым было покрыто жалкое подобие баскетбольной площадки. Пусть они найдут его там.

Он двинулся вперёд, не сводя глаз с единственной звезды.

21

Она вела Люка не более тридцати секунд. Как только он вошёл в лес, звезда исчезла. Он остановился, Институт всё ещё был частично виден сквозь ветви деревьев на опушке.

Всего лишь миля, сказал он себе, и ты найдёшь место, даже если немного собьёшься с курса, потому что она сказала Эйвери, что оно большое. *Довольно* большое. Так что иди медленно. Ты правша, а значит тебя будет уводить вправо; постарайся компенсировать это, но не переусердствуй, иначе отклонишься от курса влево. И веди счёт. Милля должна быть где-то между двумя и двумя с половиной тысячами шагов. Приблизительная цифра, конечно, всё зависит от рельефа. И будь осторожен, не выколи себе глаз веткой. В тебе уже достаточно отверстий.

Люк пошёл дальше. По крайней мере, здесь не было никаких кустарников, через которые пришлось бы пробиваться; лес состоял из старых деревьев, которые давали много тени сверху и толстый слой лесной подстилки снизу. Каждый раз, когда ему приходилось

обходить одно из них (возможно, это были сосны, но в темноте не разберёшь), он пытался сориентироваться, чтобы продолжить движение по прямой, которая теперь — он должен было это признать — стала в значительной степени гипотетической. Это было похоже на поход через огромную комнату, уставленную едва заметными предметами.

Что-то слева от него внезапно хрюкнуло и побежало, сломав одну ветку и шумя другими. Люк, городской ребёнок, — замер. Это был олень? Господи, а если медведь? Олень мог убежать, но медведь, возможно, не прочь был перекусить. Может, он уже приближался к нему, привлечённый запахом крови, которой были залиты шея и правое плечо Люка.

Затем шум прекратился, и он мог слышать только сверчков и периодические уханья совы. Он отсчитал уже восемьсот шагов, когда что-то услышал. И пошёл дальше с вытянутыми вперёд руками, как слепой, мысленно отсчитывая шаги. Тысяча... двенадцать сотен... а вот какое-то дерево, настоящий исполин, первые ветви высоко над головой, не разглядеть, нужно обойти... четырнадцать сотен... пятнадцать сот...

Он споткнулся о поваленный ствол и растянулся на земле. Что-то, возможно, обломок ветки, вонзился ему в левую ногу, и он застонал от боли. Какое-то время он лежал на лесной подстилке, восстанавливая дыхание, и с грустью — какой же невероятный и запредельный вздор — вспоминал свою комнату в Институте. Комнату, где было место для всего и всё было на своём месте, и никакие животные неопределённого размера не грохотали среди деревьев. Безопасное место.

— Ага, только это не так, — прошептал он, и поднялся на ноги, потирая новое отверстие в джинсах и новое отверстие в коже. По крайней мере, у них не было собак, подумал он, вспоминая какой-то старый чёрно-белый фильм про тюрьму, в котором пара заключённых,

скреплённых цепью, вырвались на свободу со сворой ищеек на хвосте. К тому же, эти парни бежали по болоту. С аллигаторами.

Видишь, Люки? — услышал он голос Калиши. Всё хорошо. Просто продолжай двигаться. По прямой, настолько это возможно.

Отсчитав две тысячи шагов, Люк начал вглядываться в деревья, не пробиваются ли где огни. *Там всегда горит несколько огней,* сказала Морин Эйвери, *но жёлтый ярче остальных.* К двум с половиной тысячам он начал испытывать беспокойство. К трём с половиной был почти уверен, что сбился с курса, и namного.

«Это всё дерево, из-за которого я упал, — подумал он. — Чёртово дерево. Когда я поднялся, видимо, пошёл не в ту сторону. Теперь я знаю только то, что впереди Канада. Если люди из Института не найдут меня, я умру в этих лесах».

Но поскольку вернуться назад было невозможно (даже при всём желании он не смог бы найти свои следы), Люк продолжал идти, размахивая перед собой руками в поисках веток, которые могли нанести ему новые раны. В ухе пульсировала боль.

Он перестал считать шаги, но, должно быть, сделал около пяти тысяч — более двух миль, — когда увидел среди деревьев жёлто-оранжевые проблески. Сначала Люк принял их за галлюцинацию или возвращающиеся точки. Ещё с десятков шагов развеяли его сомнения. Жёлто-оранжевый свет стал ярче, и к нему присоединились ещё два, более тусклых свечения. Должно быть, электрические. Он подумал, что самый яркий свет шёл от натриевой лампы, которые обычно были на больших парковках. Отец Рольфа сказал однажды, когда возил их с Рольфом на фильм в «Эй-Эм-Си Саутдэйл», что такие лампы ставятся для предотвращения грабежей и угона машин.

Повинуясь порыву, Люк хотел броситься вперёд, но сдержался. Меньше всего ему хотелось снова споткнуться об упавшее дерево или сломать ногу, угодив в нору. Теперь огней стало больше, но он не сводил глаз с первого. Большой ковш продержался недолго, но сейчас у него появилась новая путеводная звезда, гораздо лучше. Через десять минут Люк подошёл к окраине леса. Примерно в пятидесяти ярдах, через открытое пространство, стояло ещё одно сетчатое ограждение. Оно было увенчано колючей проволокой и вдоль него с интервалом примерно в тридцать футов стояли фонарные столбы. С датчиками движения, сказала Морин Эйвери. Передай Люку, чтобы держался от них подальше. Этот совет был явно лишним.

За ограждением виднелись маленькие дома. *Очень* маленькие. Не хватит места даже для кошки, сказал бы отец Люка. В них могло быть по три комнаты, но, скорее всего, было по две. Все они были одинаковыми. Эйвери сказал, что Морин назвала это место посёлком, но Люку оно показалось больше похожим на армейские бараки. Дома стояли блоками по четыре, с лужайкой в центре каждого блока. В некоторых домах горел свет, вероятно, в ваннах, чтобы не споткнуться ночью, если кому-то захочется сходить в туалет.

Там была единственная улица, которая заканчивалась зданием побольше. По обе стороны от этого здания располагалась маленькая парковка, на которой колесо-к-колесу стояли легковушки и пикапы. Всего тридцать или сорок, предположил Люк. Он вспомнил, как задавался вопросом, где сотрудники Института оставляют свои машины. Теперь он знал, хотя всё ещё оставалось загадкой, как доставлялись продукты. Перед зданием стоял фонарный столб с натриевой лампой, освещавшей две бензоколонки. Люк

подумал, что это место было чем-то вроде магазина, институтской версией «Пи-Экс».

Теперь он понимал немного больше. Когда были выходные — Морин, например, ездила в Вермонт, — большинство персонала оставалось здесь, и между сменами они жили в этих убогих маленьких домишках. График мог составляться в шахматном порядке, чтобы они могли делить жильё. Когда нужно было отдохнуть, они садились в свои машины и ехали в ближайший город, которым был Деннисон-Ривер-Бенд.

Местные жители, вероятно, интересовались, что эти мужчины и женщины делают там, в лесу, для чего необходимо было придумать какую-то легенду, чтобы отвести их. Люк не представлял, какую (и в данный момент ему было всё равно), но, должно быть, очень убедительную, чтобы столько лет не привлекать внимание.

Иди вдоль ограждения. Ищи шарф.

Люк двинулся; ограждение и посёлок — по левую руку, кромка леса — по правую. И снова ему пришлось побороть желание ускориться, особенно сейчас, когда он стал видеть чуть лучше. Им не удалось подольше поговорить с Морин, отчасти потому, что если бы разговор затянулся, это вызвало бы подозрения, а с другой стороны Люк боялся, что слишком явное дёрганье за нос могло выдать Эйвери. В результате он не представлял, где именно мог находиться этот шарф, и боялся пропустить его.

Оказалось, что переживать было не из-за чего. Морин привязала его к нижней ветке высокой сосны как раз перед поворотом ограждения в сторону от леса. Люк снял его и повязал вокруг пояса, не желая оставлять столь явный след тем, кто уже скоро отправиться на его поиски. Это заставило его задуматься, сколько времени уйдёт у миссис Сигсби и

Стакхауса узнать, кто помог ему сбежать. Вероятно, не много.

«Расскажи им всё, Морин, — подумал он. — Не заставляй их пытаться. Потому что, если откажешься, они сделают это, а тебе уже много лет, и ты слишком больна для бака».

Яркий фонарь у здания, которое могло быть местным магазином, остался далеко позади, и Люку пришлось тщательно оглядеться, чтобы отыскать старую дорогу, ведущую обратно в лес, которой, вероятно, много лет назад пользовались лесорубы. Перед дорогой росли густые кусты черники, и несмотря на необходимость торопиться, он остановился, набрал пару горстей и бросил их в рот. Ягоды были сладкими и вкусными. С привкусом *свободы*.

По старой дороге идти было легко, даже в темноте. По краям рос густой подлесок, а колеи заросли травой. Встречались павшие ветви, которые можно было перешагнуть (или споткнуться о них), но свернуть обратно в лес было невозможно.

Он снова принялся считать шаги, досчитал до четырёх тысяч и сдался. Дорога время от времени поднималась, но в основном шла вниз. Пару раз он наткнулся на бурелом, и один раз на заросли кустарника, такие густые, что испугался, не тупик ли это, но когда пробрался через них, то снова увидел старую дорогу и продолжил идти. Он не представлял, сколько времени прошло. Возможно, час, или даже два. Он знал только, что всё ещё была ночь, и хотя находиться посреди леса в темноте было жутковато, особенно для городского ребёнка, он надеялся, что рассвет наступит ещё не скоро, совсем не скоро. Но что толку. В это время года светать начинало уже в четыре утра.

Он преодолел очередной подъём и остановился на минуту передохнуть. Стоя. Он не думал, что заснёт,

если опустится на землю, но мысль об этом пугала его. Адреналин, который заставлял его копать и ползти под ограждением, а потом вёл через лес к посёлку, теперь растворился. Раны на спине, ногах и ухе перестали кровоточить, но все они пульсировали и горели. Хуже всего было с ухом. Он осторожно дотронулся до него, а затем отдёрнул пальцы, зашипев сквозь стиснутые зубы от боли. Но успел почувствовать шероховатый сгусток крови и струпья.

«Я изуродовал себя, — подумал он. — Мочка уже никогда не отрастёт».

— Ублюдки вынудили меня, — прошептал он. — Они *вынудили* меня.

Поскольку садиться он не хотел, он наклонился и упёрся руками в колени — положение, в котором он часто видел Морин. Оно ничего не давало ни ранам на спине, ни его больной заднице или изуродованной мочке уха, но немного расслабило усталые мышцы. Он выпрямился, готовый продолжить путь, но замер. Впереди послышался слабый звук. Что-то похожее на шум листьев на ветру, но там, где он стоял, на этом небольшом возвышении, не ощущалось ни малейшего дуновения.

«Пусть это не будет галлюцинацией, — подумал он. — Пусть это будет по-настоящему».

Люк прошёл ещё пятьсот шагов — он сосчитал их — и понял, что это был звук бегущей воды. Дорога становилась всё шире и круче, настолько крутой, что ему пришлось спускаться боком, держать за ветки деревьев, чтобы не плюхнуться на задницу. Он остановился, когда деревья по обе стороны закончились. Здесь лес был не только вырублен, но и выкорчеван, образовав поляну, которая теперь заросла кустарником. Дальше и ниже виднелась широкая лента чёрного шёлка, достаточно гладкая, чтобы в ней отражались блики падающего вниз звёздного света. Он

представил себе те давние времена, когда лесорубы работали здесь ещё до Второй мировой войны, используя старые лесовозы «Форд» и «Интернейшнл Харвестер», чтобы возить брёвна в такую даль, или даже лошадиные упряжки. Поляна была их перевалочным пунктом. Здесь они складировали брёвна и сплавляли их вниз по Деннисон-Ривер, откуда они направлялись на фабрики в южной части штата.

Люк преодолел последний склон на дрожащих и больных ногах. Последние двести футов были самыми крутыми, дорога уходила в глубь горной породы, выложенная те ми самыми брёвнами. Он сел и начал скользить, хватаясь за кусты, чтобы немного замедлить движение, и, наконец, остановился на обрывистом берегу, в трёх или четырёх футах над водой. И тут, как и обещала Морин, из-под зелёного брезента, усыпанного сосновыми иглами, показался неотёсанный нос старой лодки. Она была привязана к облупленному пню.

Откуда Морин узнала об этом месте? Ей сказали? Как-то неубедительно — не тогда, когда от этой старой хлипкой лодки могла зависеть жизнь мальчика. Может, она сама нашла её во время прогулки до того, как заболела. Или вместе с другими сотрудниками — например, с женщинами из столовой, с которыми она, казалось, была дружна — приходила сюда из своего полувоенного посёлка, чтобы устроить пикник: сэндвичи, кола или бутылка вина. Не важно. Главное, что лодка была здесь.

Люк спустился в воду, которая доходила ему до голеней. Наклонился и зачерпнул пару раз в рот. Речная вода была холодной, а на вкус ещё слаще, чем черника. Утолив жажду, он попытался развязать верёвку, но узлы были крепкими, а время не стояло на месте. В конце концов, он воспользовался ножом, чтобы «перепилить» её, от чего его правая ладонь снова

начала кровоточить. Хуже того, лодку сразу же начало уносить.

Он бросился к ней, схватил за нос и притянул назад. Теперь кровоточили обе ладони. Он попытался скинуть брезент, но как только отпустил нос, течение снова начало уносить лодку. Он выругал себя за то, что сперва не взялся за брезент. Полоска суши возле воды была слишком узкой, чтобы вытащить лодку, и в итоге он сделал единственное, что мог: откинул ближний край брезента, пахнувшего рыбой и затхлостью, нагнулся под него, отодвинул шершавое центральное сиденье и нырнул внутрь. Он приземлился в лужу и на что-то длинное и угловатое. Лодку уже тянуло вниз по течению, кормой вперёд.

«У меня тут настоящее приключение, — подумал Люк. — Без сомнения, самое настоящее приключение».

Люк уселся под брезентом, который колыхался над ним, источая ещё более сильный запах. Люк тянул и сгребал его окровавленными руками, пока брезент не свалился за борт. Сначала он плыл рядом с лодкой, потом начал тонуть. Угловатая штука, на которую он приземлился, оказалась веслом. В отличие от лодки, оно выглядело относительно новым. Морин оставила шарф, но что насчёт весла? Он не был уверен, что она могла спуститься по старой лесовозной дороге в её нынешнем состоянии, не говоря уж о крутом склоне в конце этой дороги. Но, если это *была* она, то, по крайней мере, она заслужила оду в свою честь. И всё потому, что он кое-что нашёл для неё в интернете, что она, вероятно, могла найти сама, если бы не была настолько больна? Он даже не знал, что думать о таких вещах, не говоря о том, чтобы понимать их. Он только знал, что весло было в лодке, и он должен был воспользоваться им, несмотря на усталость и кровоточащие руки.

И он знал, как. Он был городским ребёнком, но Миннесота — это земля десяти тысяч озёр^[78], и Люк много раз рыбачил с дедушкой по отцовской линии (который любил называть себя «старым жуликом из Манкейто^[79]»). Он устроился на центральном сиденье лодки и первым делом воспользовался веслом, чтобы развернуть её носом вперёд. После этого он выгреб на середину реки, которая в этом месте достигала восьми ярдов в ширину, и вынул весло из воды. Он снял кроссовки и принялся раскладывать их на заднем сиденье для просушки. На этом сиденье была выцветшая чёрная надпись, и когда он нагнулся рассмотреть её, то прочитал: С. С. Поки^[80]. Он усмехнулся. Люк откинулся на локти, глядя на завораживающую россыпь звёзд, пытаясь убедить себя, что это не сон — что он действительно выбрался.

Откуда-то сзади и слева донёсся двойной гудок. Люк обернулся и увидел яркий фонарь, мелькающий среди деревьев, который сначала поравнялся с его лодкой, а затем миновал её. Из-за густоты деревьев Люк не видел, был ли это локомотив или поезд, но слышал грохот вагонов и стук металлических колёс по рельсам. Тут он, наконец, уверился — это не была какая-то невероятно детализированная фантазия, которая прокручивалась в его мозгу, пока он спал в своей кровати в западном крыле. Это был настоящий поезд, вероятно, направляющийся в Деннисон-Ривер-Бенд. Настоящая лодка, медленно и беззаботно плывущая на юг. А над головой были настоящие звёзды. Разумеется, приспешники Сигсби погонятся за ним, но...

— Я никогда не отправлюсь в Заднюю Половину.
Никогда.

Он свесил руку с одного края С. С. Поки, растопылив пальцы и наблюдая за четырьмя тоненькими следами, уносящимися в темноту позади него. Он делал так

раньше, сидя в маленьком алюминиевом рыбацком ялике своего дедушки с двухтактным подвесным мотором, но никогда — даже в четыре года, когда всё ново и поразительно — не был так захвачен видом этих быстро исчезающих бороздок на поверхности воды. Осознание было подобно откровению: чтобы понять, что такое свобода, нужно побывать в заключении.

— Я умру, прежде чем дам им поймать себя.

Он верил в это, знал, что до этого может прийти, но ещё он знал, что сейчас не время. Люк Эллис возвёл свои изрезанные и мокрые руки к ночному небу, чувствуя, как их овеивает воздух свободы, и заплакал.

22

Он задремал, сидя на центральной скамье, опустив подбородок на грудь, свесив руки между ног, опустив босые ноги в небольшую лужицу на дне лодки, и, возможно, продолжал бы спать, пока *Поки* нёс его мимо следующей остановки в его невероятном путешествии, если бы не ещё один гудок поезда, который донёсся не с берега, а откуда-то спереди и сверху. Гудок был гораздо громче, не одиночный, а повелительное «ууууууааа», от чего Люк так резко дёрнулся, что чуть не рухнул спиной на корму. Он инстинктивно вскинул руки в защитном жесте, но тут же осознал, как это глупо. Гудок прекратился и его сменили металлический визг и громкий глухой стук. Люк ухватился за борта лодки там, где они сужались к носу, и с дикими глазами посмотрел вперёд, уверенный, что его сейчас потопит какое-то судно.

Ещё не рассвело, но небо уже начало светлеть, придавая блеск реке, которая теперь была намного шире. В четверти мили ниже по течению товарный

поезд пересекал железнодорожный мост, замедляя ход. Люк увидел вагоны с надписью «Нью-Ингленд Лэнд Экспресс», «Массачусеттс Ред», пару вагонов-гаражей и несколько цистерн с надписями «Канэдиан КлинГас» и «Вирджиния Ютикс-Экс». Он проплыл под мостом, прикрываясь рукой от падающего шлака. Несколько кусков шлёпнулись в воду по обе стороны от лодки.

Люк схватил весло и начал грести к правому берегу, где увидел несколько потрёпанных зданий с заколоченными окнами, и кран, который выглядел ржавым и нерабочим. Берег был завален бумажным мусором, старыми крышками и банками. Теперь поезд, под которым он проплыл, был на одной с ним стороне, всё ещё со скрежетом и грохотом продолжая замедлять ход. Вик Дестин, отец Рольфа, сказал, что нет другого такого же грязного и шумного способа транспортировки, чем железная дорога. Он произнёс это скорее с удовлетворением, чем с отвращением, что не удивило мальчиков. Мистер Дестин обожал поезда.

Люк уже почти добрался до последнего шага в инструкции Морин, и теперь ему нужно было шагнуть на твёрдую землю. А точнее на красную лестницу. *«Хотя не совсем красную»*, сказал ему Эйвери. *«Уже нет. Она говорит, что сейчас лестница скорее розовая»*. И когда Люк увидел её, всего через пять минут после того, как проплыл под мостом, она не показалась ему даже такой. Хотя на ступеньках оставалась красно-розовая краска, сами они были в основном серыми. Они поднимались от кромки воды к вершине насыпи, примерно на сто пятьдесят футов вверх. Он подплыл к лестнице, сев носом на одну из ступеней, находящуюся чуть ниже поверхности воды.

Люк медленно сошёл на берег, чувствуя себя дряхлым стариком. Он подумал, не привязать ли С. С. Поки к одному из столбиков, что стояли по обе стороны от лестницы — с них сошла ржавчина там, где другие

люди, возможно, рыбаки, привязывали свои лодки, — но кусок верёвки на носу казался слишком коротким.

Он отпустил лодку, наблюдая, как она начала уплывать, подхваченная неспешным течением, затем увидел свои кроссовки с торчащими из них носками, которые остались лежать на заднем сиденье. Он упал на колени, стоя на утопленной ступеньке, и в последний момент успел схватиться за лодку. Он провёл её мимо себя, перебирая руками по борту, пока не взял кроссовки. А затем прошептал: «Спасибо, *Поки*», и отпустил лодку.

Он поднялся на пару ступенек и сел, чтобы обуться. Кроссовки были довольно сухими, но теперь он сам был весь мокрый. Ему было больно смеяться, но он всё равно рассмеялся. Он поднялся по лестнице, которая раньше была красной, то и дело останавливаясь, чтобы дать отдых ногам. Шарф Морин — в утреннем свете Люк увидел, что он фиолетовый — свободно болтался вокруг пояса. Люк подумал, не бросить ли его, а затем снова затянул потуже. Он не представлял, как они смогут отследить его до этого места, но город был логичным местом поиска, и он не хотел оставлять следы, которые они могли найти, пусть даже случайно. Кроме того, теперь шарф был важным. Был... он принялся подбирать подходящее слово. Не счастливым. А талисманом. Потому что принадлежал ей — спасителю Люка.

К тому времени, как он добрался до верхушки лестницы, солнце уже показалось над горизонтом, большое и красное, отливая блеском на переплетении железнодорожных путей. Товарняк, под которым Люк проплыл, остановился в маневровом парке Деннисон-Ривер-Бенд. Когда локомотив, который тащил вагоны, медленно покотил прочь, к заднему концу состава подъехал ярко-жёлтый маневровый паровоз и вскоре весь состав снова двинулся, направляясь на

сортировочную горку, где поезда расцепляли и снова сцепляли.

В Школе Бродерика, где руководство было больше заинтересовано в таких изотерических предметах, как высшая математика, климатология и английские поэты позднего периода, не преподавали азов железнодорожного дела. О поездах взхлёб рассказывал Вик Дестин, гордый обладатель огромного макета «Лайнел»^[81], установленного в подвале его дома. Люк и Рольф провели там много часов в качестве его добровольных помощников. Рольфу нравилось запускать модели поездов, но информацию о настоящих поездах он мог слушать, а мог пропускать мимо ушей. Люку же нравилось и то, и другое. Если бы Вик Дестин собирал марки, Люк с таким же интересом наблюдал бы за его экскурсами в филателию. Так уж он был устроен. Он полагал, что из-за этого выглядел немного жутковатым (иногда он ловил на себе взгляды Алисии Дестин, которые наводили на эту мысль), но в данный момент он был благодарен мистеру Дестину за лекции.

Морин же, напротив, ничего не знала о поездах — только то, что в Деннисон-Ривер-Бенд есть депо, и она думала, что поезда, проходящие через него, отправлялись в самые разные места. Что это были за места, она не знала.

«Она думает, если ты зайдёшь так далеко, то, может, тебе удастся запрыгнуть на товарняк», сказал Эйвери.

Что ж, он *зашёл* так далеко. Другое дело, сможет ли он действительно запрыгнуть на товарняк. Он видел, как это делается в кино — довольно легко, — но в большинстве фильмов показывали полную чушь. Может, было бы лучше пойти в то место, которое в этом северном захолустном городишке считается деловым центром. Отыскать полицейский участок, если он там

есть; позвонить в полицию штата, если нет. Но как позвонить? У него не было мобильного, а таксофоны были вымирающим видом. Если ему попадётся один, что он будет бросать в щель для монет? Институтские жетоны? Он полагал, что звонок в 911 — бесплатный, но стоило ли звонить? Что-то подсказывало, что — нет.

Он продолжал стоять на месте, пока день становился светлее — слишком быстро, по его мнению, — нервно теребя шарф. В том, чтобы звонить или идти в полицию так близко от Института, были свои изъяны; он видел их даже в своём нынешнем состоянии страха и усталости. Полицейские быстро выяснят, что его родители мертвы, убиты, а сам он — наиболее вероятный подозреваемый. А ещё изъяном был сам Деннисон-Ривер-Бенд. Города существуют только тогда, когда поступают деньги — это их жизненная сила, а откуда в Деннисон-Ривер-Бенд приходили деньги? Точно не от сортировочной станции, которая по большей части была автоматизирована. Не от тех потрёпанных зданий, которые Люк видел; возможно, когда-то это были фабрики, но не сейчас. С другой стороны, под боком находился какой-то комплекс, расположенный на немунципальной территории («правительственная хрень», сказали бы местные жители, понимающе кивая друг другу в парикмахерских или на городской площади), и у людей, работающих там, водились деньги. У мужчин и женщин, которые приезжали в город не только для того, чтобы послушать вечером какую-нибудь дерьмовую группу. Они тратили здесь доллары. И, возможно, Институт вносил свой вклад в благосостояние города. Он мог финансировать общественный центр или спортивные площадки, или вкладываться в ремонт дорог. И на всё, что могло бы поставить под угрозу эти доллары, смотрели бы со скептицизмом и недовольством. Насколько Люк знал, городские чиновники могли получать регулярные

выплаты, следя за тем, чтобы Институт не привлекал внимание ненужных людей. Может, это всё паранойя? Может быть. А, может, и нет.

Люк умирал от желания заложить миссис Сигсби и её приспешников, но решил, что безопаснее и разумнее всего будет убраться подальше от Института, и как можно скорее.

Маневровый паровоз толкал группу товарных вагонов вверх по холму, который железнодорожники называют горбом. На крыльце маленького офисного здания станции стояли два кресла-качалки. В одном из них сидел мужчина в джинсах и ярко-красных резиновых сапогах, читая газету и попивая кофе. Когда машинист паровоза посигналил, мужчина отложил газету и сбежал по ступенькам, остановившись, чтобы помахать кому-то в застеклённой будке, стоящей на стальных сваях. Человек внутри помахал в ответ. Это был горочный оператор, а мужчина в красных сапогах был составителем поездов.

Отец Рольфа часто сокрушался по поводу плачевного состояния американской железнодорожной системы, и теперь Люк понял, почему. Пути тянулись во все стороны, но казалось, что используются только четыре-пять. Остальные рельсы были покрыты ржавчиной, а между шпалами росли сорняки. На некоторых путях стояли заброшенные товарные вагоны и платформы, которые Люк использовал в качестве укрытий, продвигаясь к офисному зданию. Он увидел планшет, висящий на гвозде на одной из опорных стоек крыльца. Если это было расписание движения на сегодняшний день, то Люк хотел взглянуть на него.

Люк присел на корточки за брошенным товарным вагоном рядом с задней стенкой горочного поста, наблюдая, как составитель идёт к горочному пути. Только что прибывший товарняк теперь находился на вершине горба и всё внимание оператора будет

сосредоточено на нём. Если Люка заметят, то скорее всего примут за ребёнка, помешанного, как и мистер Дестин, на поездах. Только обычно дети не приходили в половине шестого утра, чтобы поглазеть на поезда, насколько бы сильно помешанными они не были. Особенно вымокшие и с изуродованным ухом.

Выбора нет. Он должен был увидеть, что на планшете.

Мистер Красные Сапоги шагнул вперёд, когда первый вагон состава медленно прокатился мимо него, и потянул за «палец», соединяющий его со следующим. Вагон — «Стэйт-оф-Мэн Продактс», покрашенный в красный, белый и синий цвета, — покатился вниз по склону, повинаясь гравитации; его скорость контролировалась управляемыми вагонными замедлителями. Оператор горочного поста дёрнул за рычаг и «Стэйт-оф-Мэн Продактс» перешёл на Путь № 4.

Люк вышел из-за вагона, и, засунув руки в карманы, неторопливо направился к офисному зданию. Он смог выдохнуть только, когда оказался ниже горочного поста и вне поля зрения оператора. К тому же, подумал Люк, если оператор ответственный, то его внимание должно быть сосредоточено только на текущей работе.

Следующий вагон, цистерна, отправился на Путь № 3. Два вагона-гаража также пошли на Путь № 3. Они сталкивались, ударялись и катились. Поезда «Лайнел» Вика Дестина были довольно тихими, но в это место было сумасшедшим домом. Люк подумал, что люди, живущие на расстоянии меньше мили, подвергались шумовой атаке не меньше трёх-четырёх раз в день. Но, может, они уже привыкли. В это было трудно поверить, пока он не подумал о детях, проводящих свои дни в Институте — наедающихся от пуза, пьющих алкоголь, курящих сигареты, зависающих на игровой площадке и носящихся с криками по коридорам в вечернее время.

Привыкнуть можно к чему угодно, подумал Люк. Это была ужасная мысль.

Он добрался до крыльца, всё ещё находясь вне поля зрения оператора, а составитель поездов стоял к нему спиной. Люк не думал, что он обернётся. «Отвлечётесь на такой работе и можно остаться без руки», как-то раз сказал мальчикам мистер Дестин.

На листе, прикреплённом к планшету, было не так уж много информации; колонки для путей № 2 и № 5 содержали только два слова: ОТПРАВКИ НЕТ. Товарняк на первом пути отправлялся в Нью-Брунсвик, Канада, в 5 вечера — не вариант. Отправка с четвёртого пути в Берлингтон и Монреаль должна была начаться в 2:30 дня. Уже лучше, но всё равно не подходит; если к этому времени Люк не уедет, у него определённо будут большие проблемы. Путь № 3, на который составитель сейчас отправлял вагон «Нью-Ингленд Лэнд Экспресс», показался Люку подходящим. Отсечка поезда № 4297 — время, после которого начальник станции не должен (теоретически) принимать больше вагонов, — была назначена на 9 утра, а в 10 97-ой должен был отправиться из Деннисон-Ривер-Бенда в Портленд/МЭ, Портсмут/НХ и Стербридж/МА. Последний город находился не менее, чем в трёхстах милях отсюда, а, может, и дальше.

Люк вернулся к заброшенному товарному вагону, наблюдая, как вагоны продолжают катиться вниз по горбу, распределяясь по разным путям, — какие-то предназначались для отправки сегодня, а другие должны были дожидаться своего часа на разъездных путях.

Составитель поездов закончил свою работу и забрался на маневровый паровоз, чтобы переговорить с машинистом. К ним присоединился оператор горки. Раздался смех, который был отчётливо слышен в утреннем воздухе, и которому Люк был рад. Он много

раз слышал смех, доносящийся из бытовки на уровне «В», но тот смех был каким-то зловещим, будто смеялись орки из книг Толкиена. А этот исходил от людей, которые никогда не держали взаперти кучку детей, и не окунали их в иммерсионный бак. Смех мужчин, у которых не было специальных тайзеров в виде электродубинок.

Машинист маневрового паровоза протянул наружу пакет. Составитель взял его и спустился вниз. Когда паровоз медленно покатил вниз по горбу, составитель и оператор достали себе пончики из пакета: большие, посыпанные сахарной пудрой, и, вероятно, с джемом внутри. У Люка заурчало в животе.

Двое мужчин сидели в креслах-качалках на крыльце и жевали пончики. Люк, тем временем, переключил внимание на вагоны, ожидающие отправки на Пути № 3. Всего их было двенадцать, половина товарных. Вероятно, недостаточно, чтобы составить поезд для отправки в Массачусетс, но на горке оставалось ещё более пятидесяти нераспределённых вагонов.

В это время на станцию зарулила фура и проехала через пути к товарному вагону с надписью «Стэйт-оф-Мэн Продактс». За ней проследовал автофургон. Из него вышли несколько мужчин и начали грузить бочки из вагона в фуру. Люк слышал, что они общались на испанском, и даже понял несколько слов. Одна из бочек опрокинулась и из неё высыпалась картошка. Было слышно много непринужденного смеха и немного ругани. Люк с интересом наблюдал за происходящим.

Оператор горочного поста и составитель вагонов наблюдали за погрузкой с крыльца, а потом зашли внутрь. Фура уехала, теперь груженная свежей картошкой для «Макдональдс» или «Бургер Кинг». А за ней проследовал автофургон. Станция на время опустела, но вряд ли надолго; могли снова начаться погрузочно-разгрузочные работы, а машинист

маневрового паровоза мог продолжить добавлять вагоны к составу, который должен был отбыть в 10 утра.

Люк решил рискнуть. Он вышел из-за заброшенного товарного вагона, но тут же нырнул обратно, увидев, как машинист поднимается по горбу, держа телефон у уха. Он остановился на секунду, и Люк подумал, что его заметили, но мужчина, очевидно, просто закончил разговор. Он сунул телефон в нагрудный карман спецовки и прошёл мимо, даже не взглянув в ту сторону Люка. Он поднялся на крыльцо офисного здания и вошёл внутрь.

Люку некогда было ждать и в этот раз он не стал расхаживать. Он помчался вниз по горбу, не обращая внимания на боль в спине и уставшие ноги, перепрыгивая через рельсы и вагонные замедлители, и лавируя между датчиками скорости. Среди вагонов, ожидающих отбытия в Портленд-Портсмут-Стербридж, был красный вагон с надписью «Саутвэй Экспресс»; слова были едва различимы под множеством граффити, появившихся за годы эксплуатации. Он был грязным, невзрачным и строго утилитарным, но имел одну привлекательную особенность: не до конца закрытую раздвижную дверь. Возможно, ширины щели хватит, чтобы в неё протиснулся один исхудавший отчаянный мальчик.

Люк ухватился за ржавую ручку и подтянулся. Щель *была* достаточно широкой. По крайней мере, шире, чем траншея, которую он выкопал под сетчатым ограждением Института. Казалось, это было давным-давно, чуть ли не в другой жизни. Край двери оцарапал его и без того раненную спину и ягодицы, открыв затянувшиеся раны, но затем он оказался внутри. Вагон был заполнен примерно на три четверти, и хотя снаружи он выглядел, как грязная консервная банка,

внутри пахло довольно приятно: деревом, краской, машинным и мебельным маслом.

Содержимое вагона напомнило Люку о чердаке его тёти Лэйси, хотя вещи, которые она там хранила, были старыми, а эти — новые. Слева стояли газонокосилки, триммеры, воздуходувки, бензопилы, коробки с автомобильными запчастями и подвесными моторами. Справа — мебель, часть в картоне, но в основном, замотанная в километры защитной плёнки. По краям стояли торшеры в пузырчатой упаковке и сложенные скотчем по три. Также тут были стулья, столы, кресла и даже диваны. Люк подошёл к дивану, стоявшему рядом с приоткрытой дверью, и прочитал накладную, приклеенную к упаковке. Диван (и предположительно вся остальная мебель) предназначался для «Бендер-энд-Боуэн Файн Фурничер» в Стербридже, Массачусетс.

Люк улыбнулся. 97-ой поезд мог лишиться нескольких вагонов в Портленде и Портсмуте, но этот шёл до конца линии. Удача ещё не покинула Люка.

— Я направляюсь кому-то там, наверху, — прошептал Люк. Затем вспомнил, что его мама и папа — мертвы, и подумал, что нравится не так уж сильно.

Люк отодвинул несколько коробок «Бендер-энд-Боуэн» у дальней торцевой стенки вагона и с радостью увидел за ними груды мебельных подкладок. Они пахли затхлостью, но не плесенью. Он пролез в зазор и придвинул коробки обратно, насколько смог.

Наконец, он оказался в относительно безопасном месте, лёжа на куче мягких подкладок, но ещё он был измотан — не только из-за ночного бегства, но и из-за дней нарушенного покоя и нарастающего страха, которые привели к бегству. Но спать пока не решался. Хотя один раз действительно задремал, но проснулся от звука приближающегося маневрового паровоза, и вагон «Саутвэй Экспресс» начал двигаться. Люк поднялся и выглянул в приоткрытую дверь. Он увидел

проплывающую мимо сортировочную станцию. Затем вагон резко встал, из-за чего Люк чуть не упал. Раздался металлический скрежет, и Люк понял, что его вагон присоединился к другому.

В течении часа или около того последовало больше толчков и ударов, когда другие вагоны добавлялись к товарняку под номером 4297, который направлялся на юг Новой Англии и подальше от Института.

«Дальше, — подумал Люк. — Дальше, дальше, дальше».

Пару раз он слышал разговоры, один раз очень близко, но вокруг было слишком шумно, чтобы разобрать, о чём. Люк прислушивался и грыз ногти, которые и так были сгрызены до мяса. Что, если они говорили о нём? Он вспомнил, как машинист маневрового паровоза болтал по телефону. Что, если Морин проговорила? Что, если они знали о его побеге? Что, если один из приспешников миссис Сигсби — вероятнее всего, Стакхаус — позвонил на станцию и велел дежурному проверять все отбывающие вагоны? И если так, разве не начал бы он с вагонов с приоткрытыми дверями? Как пить дать.

Затем голоса стихли и пропали. Толчки и удары продолжились, когда 4297-ой увеличивался в весе и длине. Локомотивы приезжали и уезжали. Иногда раздавались гудки. Люк вздрагивал от каждого из них. Ему хотелось узнать, который час, но он не мог. Оставалось только ждать.

Казалось, прошла вечность, прежде чем удары и толчки прекратились. Потом ничего не происходило. Люк уже снова начал дремать, когда раздался самый сильный удар, отбросивший его в сторону. Последовала пауза, затем поезд снова двинулся.

Люк выбрался из своего укрытия и подошёл к приоткрытой двери. Он выглянул как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо проскользнуло зелёное

офисное здание. Оператор горки и составитель вагонов снова сидели в креслах-качалках, каждый со своей газетой. 4297-ой с глухим стуком миновал последний узловой пункт, а затем ещё одно скопление заброшенных зданий. Дальше было заросшее сорняками бейсбольное поле, свалка, пара пустых парковок. Затем поезд проехал мимо трейлерного парка, где играли дети.

Через несколько минут Люк понял, что смотрит на центр Деннисон-Ривер-Бенд. Он видел магазины, уличные фонари, наклонную парковку, тротуары, заправку «Шелл». Он видел грязный белый пикап, дожидаящийся прохода поезда. Всё это было для него так же завораживающе, как и вид звёзд над рекой. Он был на свободе. Здесь не было ни техников, ни санитаров, ни автоматов с жетонами, где дети могли достать алкоголь и сигареты. Когда на повороте вагон слегка накренился, Люк упёрся руками в стенки вагона и зашаркал ногами. Он слишком устал, чтобы переставлять их, и пусть это было слабым оправданием, но всё же это можно было считать победным танцем.

Как только город исчез, сменившись глухим лесом, усталость захлестнула Люка. Его будто придавило лавиной. Он снова заполз за коробки и сначала лежал на спине — это была его любимая поза для сна, затем перевернулся на живот, когда раны на лопатках и ягодицах запротестовали. Он сразу же заснул. Он проспал все остановки в Портленде и одну в Портсмуте, хотя поезд дёргался каждый раз, когда от него отцепляли несколько старых вагонов и прицепляли несколько новых. Он всё ещё спал, когда поезд

остановился в Стербридже, и очнулся только когда дверь его вагона распахнулась, запустив внутрь ослепляющий свет послеполуденного июльского солнца.

В вагон забрались двое мужчин и начали грузить мебель в грузовик, стоявший задом к открытой двери вагона — сначала диваны, затем торшеры и стулья. Скоро они доберутся до коробок и Люк будет обнаружен. Рядом была разная техника и газонокосилки, и куча мест, где можно было спрятаться, но стоило пошевелиться, и он бы выдал себя.

Один из грузчиков подошёл достаточно близко, чтобы Люк смог почувствовать запах его одеколона, когда снаружи донёсся голос:

— Эй, парни, тут задержка с передаточным локомотивом. Это ненадолго, но если хотите, можете пока выпить кофе.

— Может, пивка? — спросил мужчина, который через три секунды увидел бы Люка, лежащего на мебельных подкладках.

Вопрос был встречен смехом и мужчины ушли. Люк выбрался из своего укрытия и заковылял к двери на негнущихся и больных ногах. Из-за края грузовика он увидел мужчин, направляющихся к офисному зданию станции, которое было не красным и зелёным, и в четыре раза больше, чем в Деннисон-Ривер-Бенд. Вывеска на фасаде здания гласила: СТЕРБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС.

Люк подумал о том, чтобы выскочить наружу через зазор между вагоном и грузовиком, но на этой сортировочной горке работа шла полным ходом и кругом сновали работники (и несколько работниц), пешком, либо на транспорте. Его увидят, будут расспрашивать, а он знал, что в своём нынешнем состоянии не сможет связно рассказать всю историю.

Он смутно ощущал голод, чуть лучше чувствовал пульсирующую боль в ухе, но всё это меркло перед желанием ещё немного поспать. Возможно, после выгрузки мебели этот товарный вагон переведут на разъездной путь, а когда стемнеет, он сможет добраться до ближайшего полицейского участка. К тому времени он, возможно, сможет говорить, не смахивая при этом на психа. По крайней мере, на *полного* психа. Они могут не поверить, но хотя бы точно накормят и, может быть, дадут «Тайленол» для раненого уха. Его козырем был рассказ о родителях. Эту информацию они могли проверить. И отвезли бы его в Миннеаполис. Что хорошо, даже если бы он попал в какое-нибудь учреждение для детей. Там будут замки, но никаких иммерсионных баков.

Массачусетс был отличным началом, ему посчастливилось забраться так далеко, но это всё ещё слишком близко к Институту. С другой стороны, в Миннеаполисе был его дом. Он знал людей. Мистер Дестин мог поверить ему. Или мистер Грир в Школе Бродерика. Или...

Но он больше не мог ни о чём думать. Он слишком устал. Попытаться думать было всё равно, что попытаться что-то разглядеть через заляпанное окно. Он встал на колени, отполз в дальний правый угол вагона «Саутвэй Экспресс» и принялся следить за входом, сидя между двумя мотоблоками и дожидаясь возвращения мужчин, которые должны были закончить погрузку мебели в грузовик. Они всё ещё могли найти его, он знал это. Они были парнями, а парни любят разглядывать всякие штуки с моторами. Они могли заинтересоваться газонокосилками или триммерами. Они могли проверить, сколько лошадиных сил у новенького «Эвинруда» — сами моторы были упакованы, но вся информация была указана в накладной. Он будет ждать, сидеть тише воды, ниже травы, будет

надеяться, что его удача — и без того не резиновая — растянется ещё немного. И если они не найдут его, он снова погрузиться в сон.

Только не было никакого ожидания и наблюдения. Люк опустил голову на руку и уже через две минуты снова спал. Он спал, когда двое мужчин вернулись и закончили погрузку. Он спал, когда один из них нагнулся рассмотреть садовый трактор «Джон Дир» всего в четырёх футах от того места, где лежал свернувшийся калачиком и отключенный от всего мира Люк. Он спал, когда они ушли и один из работников горки закрыл дверь «Саутвэя», в этот раз до конца. Он спал, когда со стуком и грохотом добавлялись новые вагоны, и слегка шевельнулся, когда новый локомотив сменил 4297-го. Затем он продолжил спать — двенадцатилетний беглец, измотанный, раненый и напуганный.

4297-ой имел предел тяги в сорок вагонов. Вик Дестин определил бы новый локомотив, как GE AC600 °CW, где 6000 — это лошадиные силы. Это был один из самых мощных дизельных локомотивов в Америке, способный тянуть состав длиной более мили. Выдвигаясь из Стербриджа — сначала на юго-восток, а потом на юг, — этот скорый 9956-ой поезд тянул за собой семьдесят вагонов.

Теперь вагон Люка был почти пуст и оставался таковым до Ричмонда, Вирджиния, где в него загрузили две дюжины бытовых генераторов «Келер». Большая часть из них направлялась в Уилмингтон, но два — и весь ассортимент моторной техники и всяких агрегатов, за которыми спал Люк — предназначались для «Мастерской Фромье по ремонту и продаже маломоторной техники» в маленьком городке с названием Дюпре, штат Южная Каролина. 9956-ой останавливался там три раза в неделю.

Большие дела начинаются с малого.

Ад ждёт

1

Когда поезд № 4297 покидал станцию в Портсмуте, Нью-Хэмпшир, направляясь в Стербридж, миссис Сигсби изучала досье и уровень BDNF двух детей, которых вскоре должны были доставить в Институт. Девочку и мальчика. Группа «Руби Ред» должна была привести их сегодня вечером. У десятилетнего мальчика из Су-Сент-Мари уровень BDNF был всего лишь 80. У четырнадцатилетней девочки из Чикаго — 86. Согласно досье, она страдала аутизмом. Это осложнит её пребывание здесь, как для персонала, так и для постояльцев. Если бы уровень был ниже 80, они могли бы пропустить её. Но 86 — это приличный показатель.

BDNF расшифровывалось как нейротрофический фактор мозга. Миссис Сигсби очень мало понимала в химической стороне вопроса, это была вотчина доктора Хендрикса, но она знала основы. Как и BMR, интенсивность основного обмена, BDNF был величиной. Он показывал рост и выживаемость нейронов по всему телу, и особенно в мозгу.

Те не многие, обладающие высоким показателем BDNF — меньше пяти процентов населения планеты — были самыми везучими людьми в мире; Хендрикс сказал, что они были теми, кого Бог хотел создать, когда сотворил людей. Они редко страдали от потери памяти, депрессий или нейропатической боли. Они редко страдали от ожирения или сильного недоедания, которое бывает у больных анорексией или булимией. Они хорошо ладили с другими людьми (поступающая девочка была редким исключением), были склонны,

скорее, улаживать конфликты, чем начинать их (Ник Уилхолм был ещё одним редким исключением); у них была низкая восприимчивость к таким неврозам, как обсессивно-компульсивное расстройство, и у них были высокие речевые навыки. Их редко донимали головные боли и почти никогда не было мигреней. Их холестерин оставался низким независимо от того, что они ели. Они склонны были плохо спать по ночам, но компенсировали это дневной дремотой, а не принятием снотворных.

Хотя BDNF не является хрупким, он может быть повреждён, иногда катастрофически. Наиболее распространённой причиной было то, что Хендрикс назвал хронической травматической энцефалопатией — коротко: СТЕ. Насколько миссис Сигсби могла судить, речь шла об обычном сотрясении мозга. Средний показатель BDNF составлял 60 единиц на миллилитр; у футболистов, игравших десять и более лет, этот показатель был в середине 30-ти, иногда 20-ти. С возрастом BDNF снижался, и гораздо быстрее у тех, кто страдал от болезни Альцгеймера. Но всё это не волновало миссис Сигсби, которой было поручено только добиваться результатов, и за годы, проведённые в Институте, эти результаты были весьма хорошими.

А что имело значения для неё, для Института и тех, кто основал его и держал в тайне с 1955 года, так это то, что дети с высоким уровнем BDNF поступали вкупе с определёнными экстрасенсорными способностями: ТК, ТП или (в редких случаях) их сочетание. Сами дети иногда не знали об этих способностях, потому что их таланты были обычно скрыты. Те, кто знал — обычно высокофункциональные ТП, как Эйвери Диксон — иногда пользовались своими талантами, когда это было полезно, но большую часть времени игнорировали.

Почти все новорожденные тестировались на BDNF. Дети, как например те двое, чьи досье сейчас читала миссис Сигсби, отмечались, отслеживались и в итоге

изымались. Их низкоуровневые экстрасенсорные способности совершенствовались и усиливались. По словам доктора Хендрикса, их таланты также можно было расширить: добавить ТК к ТП или наоборот, хотя такое расширение нисколько не влияло на миссию Института — на его *raison d'être*^[82]. Периодический успех с розовыми, которых ему давали в качестве подопытных свинок, никогда не будет обнародован. Она была уверена, что Осёл-Конг сожалеет об этом, хотя он должен был понимать, что публикация в любом медицинском журнале вместо Нобелевской премии приведёт к тюрьме строгого режима.

Раздался формальный стук в дверь и внутрь просунулась голова Розалинды с извиняющимся выражением лица.

— Не хотела беспокоить вас, мэм, но Фред Кларк хочет с вами поговорить. Он, кажется...

— Напомните, кто такой Фред Кларк? — Миссис Сигсби сняла свои очки для чтения и помассировала переносицу.

— Один из уборщиков.

— Узнайте, что ему нужно, а затем доложите мне. Если у нас снова завелись мыши, грызущие проводку, это может подождать. Я занята.

— Он говорит, это важно, и кажется сильно взволнованным.

Миссис Сигсби вздохнула, закрыла папку и убрала в ящик стола.

— Ладно, зовите его. Лучше бы это было что-то хорошее.

Но было плохое. Очень плохое.

Миссис Сигсби узнала Кларка, она много раз видела его в коридорах со шваброй или метлой, но никогда не принимал у себя. Он был мертвенно бледен, его седеющие волосы спутались, будто он недавно теребил их или дёргал, а губы слабо подёргивались.

— Что случилось, Кларк? Выглядите, будто увидели призрака.

— Вы должны сходить, миссис Сигсби. Вы должны увидеть это.

— Увидеть — что?

Он помотал головой и повторил:

— Вы должны сходить.

Она пошла с ним по дорожке между административным зданием и западным крылом жилого уровня. Она ещё дважды спросила Кларка, в чём дело, но он только мотал головой и повторял, что она всё должна увидеть сама. Раздражение миссис Сигсби от того, что её прервали, начало сменяться тревогой. Что-то с одним из детей? Тест пошёл не по плану, как в случае с Кроссом? Конечно, нет. Если бы были проблемы с детьми, то об этом скорее доложил бы кто-нибудь из санитаров, техников или докторов, а не уборщик.

Посреди пустынного коридора в западном крыле мальчик с большим животом, оттягивающим его небрежно заправленную рубашку, разглядывал листок бумаги, висящий на ручке закрытой двери. Он увидел приближающуюся миссис Сигсби и тут же переполошился. По мнению миссис Сигсби, именно так он и должен был отреагировать.

— Уиппл, так?

— Ага.

— Что ты сказал?

Стиви прикусил нижнюю губу, обдумывая вопрос.

— Да, миссис Сигсби.

— Так лучше. А теперь марш отсюда. Если нет тестов, иди и найди себе занятие.

— Хорошо. В смысле, да, миссис Сигсби.

Стиви направился прочь, бросив взгляд через плечо. Миссис Сигсби не заметила этого. Она смотрела на листок бумаги, который был насажен на дверную ручку. НЕ ВХОДИТЬ, было написано на нём, вероятно, ручкой, торчащей из нагрудного кармана Кларка.

— Я бы запер дверь, если б у меня был ключ, — сказал Фред.

У уборщиков были ключи от кладовок уровня «А», а ещё от торговых автоматов, чтобы можно было пополнять их, но не от смотровых или жилых комнат. Впрочем, последние редко запирались, за исключением случаев, когда какой-нибудь смутьян отбивался от рук и в наказание его приходилось на день посадить под замок. У уборщиков также не было ключей от лифтов. Если им нужно было спуститься на один из нижних уровней, то приходилось найти санитара или техника, и ехать вместе с ними.

Кларк сказал:

— Если бы маленький толстяк зашёл туда, это было бы потрясением всей его юной жизни.

Миссис Сигсби открыла дверь, ничего не ответив, и увидела пустую комнату: ни картин или плакатов на стенах, ничего на кровати, кроме матраса. Никаких отличий от других комнат жилого крыла за последние десять лет, в течении которых некогда сильный поток детей с высоким уровнем BDNF убавился до тонкой струйки. Это была теория доктора Хендрикса, что высокий BDNF выродился из человеческого генома, как и некоторые другие характеристики, например, острое зрение и слух. Или, по его словам, способность шевелить ушами. Что могло быть шуткой.

Она повернулась и посмотрела на Фреда.

— Это в ванной. Я на всякий случай закрыл дверь.

Миссис Сигсби открыла дверь и замерла на несколько секунд. Она многое повидала за время своего

пребывания на посту главы Института, включая самоубийство одного постояльца и попытку самоубийства двух других, но они никогда не сталкивались с суицидом среди персонала.

Экономка (об этом говорила коричневая форма) повесилась на лейке душа, которая отломилась бы под весом кого-нибудь потяжелее — например, Уиппла, которого она только что спровадила. Мёртвое лицо, смотревшее на миссис Сигсби, почернело и распухло. Язык высунут между губ, будто в прощальной усмешке. На кафельной стенке неровными буквами было написано прощальное послание.

— Это Морин, — низким голосом сказал Фред. Он достал из заднего кармана рабочих штанов платок и вытер свои губы. — Морин Алворсон. Она...

Миссис Сигсби очнулась от короткого шока и обернулась, глядя через плечо. Дверь в комнату оставалась открытой. — Закройте.

— Она...

— *Закройте дверь!*

Уборщик сделал, как ему было велено. Миссис Сигсби схватилась за правый карман пиджака, но он был пуст. Вот дерьмо, подумала она. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Она забыла взять рацию, но кто знал, что её ждёт нечто подобное.

— Идите в мой офис. Скажите Розалинде, пусть даст вам мою рацию. И возвращайтесь сюда.

— Вы...

— Молчать. — Она повернулась к нему. Её губы превратились в тонкую линию, а выпученные глаза на её угловатом лице заставили Фреда отступить назад. Она казалась безумной. — Давайте быстрее и никому ни слова об этом.

— Ладно, как скажете.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Миссис Сигсби села на голый матрас и посмотрела на женщину,

свисающую с душевой лейки. И на послание, написанное губной помадой, которую миссис Сигсби заметила на полу перед унитазом.

АД ЖДЁТ. И Я ВСТРЕЧУ ВАС ТАМ.

3

Стакхаус был в институтском посёлке, и когда ответил на вызов, его голос звучал сонно. Она предположила, что ночью он был в загуле в городе, возможно, в своём коричневом костюме, но не стала спрашивать. Она просто сказала, чтобы он немедленно шёл в западное крыло; возле нужной комнаты будет стоять уборщик.

Хендрикс и Эванс были на уровне «В», проводили тесты. Миссис Сигсби велела им бросить все дела и отослать «подопытных» обратно наверх. Оба доктора были нужны в западном крыле. Хендрикс, который мог быть чрезвычайно раздражительным даже при хорошем настроении, хотел знать, почему. Миссис Сигсби велела ему заткнуться и прийти.

Первым прибыл Стакхаус. Доктора следом за ним.

— Джим, — сказал Стакхаус, обращаясь к Эвансу, — приподними её. Нужно ослабить верёвку.

Эванс обхватил мёртвую женщину за талию — на секунду можно было подумать, будто они танцевали — и приподнял её. Стакхаус принялся распутывать узел у неё под челюстью.

— Быстрее, — сказал Эванс. — У неё тут навалено в трусах.

— Уверен, ты нюхал и похуже, — сказал Стакхаус. — Почти готово... подожди... теперь всё.

Он снял петлю с мёртвой женщины (тихо чертыхнувшись, когда одна из её рук по-дружески плюхнулась ему на затылок) и перенёс её на матрас. От петли на шее остался чёрно-пурпурный след. Они вчетвером стояли и молча смотрели. Тревор Стакхаус был ростом шесть футов и три дюйма, но Хендрикс был выше, по крайней мере, на четыре дюйма. Стоя между ними, миссис Сигсби казалась гномом.

Стакхаус посмотрел на миссис Сигсби, вопросительно приподняв брови. Она посмотрела в ответ, не обмолвившись ни словом.

На столе рядом с кроватью стоял коричневый пузырёк с таблетками. Доктор Хендрикс взял его и потряс.

— «Окси». Сорок миллиграммов. Не максимальная дозировка, но всё равно очень высокая. Написано девяносто таблеток, осталось только три. Полагаю, мы не будем делать вскрытие...

«Всё верно», — подумал Стакхаус.

— ... но если *сделаем*, думаю, узнаем, что она приняла их до того, как надела петлю на шею.

— Что убило бы её в любом случае, — сказал Эванс. — Эта женщина весит не больше ста фунтов. Очевидно, что её основной проблемой был не радикулит, что бы она там не говорила. Она не смогла бы долго справляться со своими обязанностями, так что просто...

— Решила покончить с ними, — закончил Хендрикс.

Стакхаус смотрел на послание на стене.

— Ад ждёт, — задумчиво произнёс он. — Учитывая то, что мы здесь делаем, некоторые могут назвать это утверждением разумным.

Как правило не склонная к вульгарности, миссис Сигсби сказала:

— Херня.

Стакхаус пожал плечами. Его лысая голова блестела под лампой, будто натёртая воском.

— Я имею в виду людей снаружи, которые ничего не знают. В общем, не важно. То, что мы тут видим, довольно просто: женщина с неизлечимой болезнью решила потушить свет. — Он указал на стену. — Объявив себя виновной. И нас тоже.

Звучало логично, но миссис Сигсби это не нравилось. Последнее обращение Алворсон к миру, может, и выражало чувство вины, но было в нём и что-то торжествующее.

— Не так давно у неё была неделя отпуска, — заговорил Фред, уборщик. Миссис Сигсби не заметила, что он всё ещё находился в комнате. Кто-то должен был отправить его. *Она* должна была отправить его. — Она ездила домой, в Вермонт. Вероятно, оттуда и таблетки.

— Спасибо, — сказал Стакхаус. — Настоящий Шерлок. Разве вам не нужно начищать полы?

— И протрите корпуса камер, — отрезала миссис Сигсби. — Я просила об этом на прошлой неделе. Больше повторять не буду.

— Да, мэм.

— Ни слова об этом, мистер Кларк.

— Нет, мэм. Конечно, нет.

— Кремация? — спросил Стакхаус, когда уборщик ушёл.

— Да. Попросим пару санитаров отнести её в лифт, когда постояльцы уйдут на обед. Который будет, — миссис Сигсби взглянула на свои часы, — меньше чем через час.

— Какие-то проблемы? — спросил Стакхаус. — Я имею в виду, помимо сокрытия этого от постояльцев? Спрашиваю, потому что вы выглядите так, будто есть какие-то проблемы.

Миссис Сигсби перевела взгляд с надписи в ванной на почерневшее лицо мёртвой женщины с высунутым

языком. Затем посмотрела на докторов.

— Я бы хотел, чтобы вы оба вышли. Мне нужно поговорить с мистером Стакхаусом наедине.

Хендрикс и Эванс переглянулись и ушли.

4

— Она была вашей крысой. В этом проблема?

— *Нашей* крысой, Тревор, но да, это проблема. Возможно.

Год назад — нет, скорее шестнадцать месяцев, когда на улице ещё лежал снег — Морин Алворсон пришла к миссис Сигсби и попросила какую-нибудь дополнительную работу, чтобы подзаработать лишних денег. Миссис Сигсби — у которой уже год на уме крутилась одна задумка, но она не представляла, как её реализовать, — спросила, не хочет ли Алворсон заняться сбором информации у детей. Алворсон согласилась и даже продемонстрировала своё коварство, предложив байку о предполагаемых мёртвых зонах, где микрофоны работали плохо или вообще не работали.

Стакхаус пожал плечами.

— То, что она рассказывала нам, редко выходило за рамки сплетен. Кто из мальчиков провёл ночь у девочки, кто написал «ТОНИ КОЗЁЛ» на столе в столовой и тому подобное. — Он сделал паузу. — Хотя доносы могли усилить её чувство вины.

— Она была замужем, — сказала миссис Сигсби, — но перестала носить кольцо. Как много мы вообще знаем о её жизни в Вермонте?

— Так сразу не скажу, но всё есть в её досье, и я с радостью загляну в него.

Миссис Сигсби задумалась над этим и поняла, как мало она сама знает о Морин Алворсон. Она знала, что Алворсон была замужем, потому что видела обручальное кольцо. Она была бывшим военным, как и многие сотрудники Института. И она знала, что дом Алворсон находился в Вермонте. Но больше ничего. Как же так, ведь она поручила этой женщине шпионить за постояльцами? Возможно, теперь, когда Алворсон мертва, это было не так важно, но это заставило миссис Сигсби вспомнить, как она оставила свою рацию, подумав, что уборщик разнервничался из-за какого-то пустяка. А также заставило её подумать о пыльных корпусах камер, медленных компьютерах и малочисленном и неумелом персонале, отвечающем за них; о частой порче продуктов в столовой, о мышах, грызущих проводку, и небрежных отчётах от наблюдения, особенно в ночное время, с 11-ти вечера до 7-ми утра, когда постояльцы спят.

Это заставило её подумать о безответственности.

— Джулия? Я сказал...

— Я слышу вас. Я не глухая. Кто сейчас в наблюдении?

Стакхаус взглянул на свои часы.

— Вероятно, никто. Сейчас середина дня. Дети либо в своих комнатах, либо занимаются своими обычными детскими делами.

Значит ты предполагаешь, подумала она, а откуда растут ноги у безответственности, если не из предположений? Институт существовал уже более шестидесяти лет, и ни разу не было утечки информации. Никогда не было повода (по крайней мере, при ней) воспользоваться специальным телефоном — Нулевым Телефоном, — кроме рутинных докладов. Короче говоря, ничего такого, с чем они не смогли бы справиться самостоятельно.

В Бенде, разумеется, ходили слухи. Самым распространённым среди горожан было то, что комплекс в лесу был своего рода базой с ядерными ракетами. Или что он был связан с биологическим или химическим оружием. Ближе к истине было предположение о правительственной экспериментальной станции. Но слухи — это обычное дело. Слухи порождают дезинформацию.

Всё в порядке, сказала она себе. *Всё так, как и должно быть.* Самоубийство неизлечимо больной экономки — всего лишь ухаб на дороге, причём незначительный. И всё же он наводил на мысль, о бомльших... нет, не о *проблемах*, это было бы паникёрством называть их так, но о трудностях. И отчасти в этом была её собственная вина. В первое время пребывания миссис Сигсби на посту директора, корпуса камер никогда не загрязнялись, и она никогда не выходила из своего офиса без рации. В то время она знала бы гораздо больше о женщине, которой платила за доносы.

Она подумала об энтропии. И о тенденции двигаться по инерции, когда всё идёт хорошо.

О тенденции предполагать.

— Миссис Сигсби? Джулия? У вас будут для меня распоряжения?

Она вернулась в настоящее.

— Да. Я хочу знать о ней всё, и если комната видеонаблюдения пуста, я хочу, чтобы там кто-нибудь был, и как можно скорее. Пожалуй, Джерри. — Джерри Саймондс был одним из двух компьютерных техников, и хорошо обращался со старым оборудованием.

— Джерри в отпуске, — сказал Стакхаус. — Рыбачит в Нассау.

— Тогда, Энди.

Стакхаус помотал головой.

— Феллоуз в посёлке. Я видел, как он выходил из лавки.

— Чёрт возьми, он должен быть здесь. Тогда Зик. Грек Зик. Он ведь раньше занимался видеонаблюдением, так?

— Вроде бы, — ответил Стакхаус. Опять эта неопределённость. Догадки. *Предположения.*

Пыльные корпуса камер. Грязные плинтуса. Неосторожные разговоры на уровне «Б». Пустая комната видеонаблюдения.

Миссис Сигсби вдруг решила, что пора провести большие изменения, и желательно до того, как листья на деревьях пожелтеют и начнут опадать. Если самоубийство Алворсон не было вызвано ничем другим, то это тревожный звонок. Ей не нравилось общаться с человеком на другом конце Нулевого Телефона, она всегда чувствовала лёгкий холодок, когда слышала его шепелявое приветствие (всегда *Шигби*, вместо *Сигсби*), но обязана была сделать это. Письменный доклад не годился. У них были резиденты по всей стране. У них был частный самолёт по вызову. Их сотрудники хорошо зарабатывали и пользовались различными бонусами. Но это учреждение всё больше и больше напоминало «Фикс Прайс» на краю какого-то пустыря. Невообразимо. Всё должно измениться. И всё *изменится.*

Она сказала:

— Передайте Зику, пусть проверит сигналы локаторов. Хочу быть уверена, что все наши подопечные на месте и учтены. Особенно меня интересуют Люк Эллис и Эйвери Диксон. Она часто разговаривала с ними.

— Мы знаем, о чём они говорили. Ничего особенного.

— Просто сделайте это.

— С радостью. А пока что, вам нужно расслабиться. — Он указал на тело с почерневшим

лицом и нахально высунутым языком. — И осмыслить случившееся. Эта женщина была очень больна, почувствовала приближение конца и решила не дожидаться.

— Проверьте постояльцев, Тревор. Если они все на месте — не важно, с радостными или кислыми лицами, — *тогда* я расслаблюсь.

Но не расслабилась. Все кругом только и делали, что расслаблялись.

5

Вернувшись в офис, она сказала Розалинде, чтобы её никто не беспокоил, если только это не Стакхаус или Зик Ионидис, который сейчас вёл наблюдение на уровне «Г». Она села за стол, глядя на экранную заставку своего компьютера: белый песчаный пляж на Сиеста-Ки, куда, как она говорила людям, собиралась перебраться на пенсии. Но она давно перестала говорить это себе. Миссис Сигсби была совершенно уверена, что умрёт здесь, в лесу, вероятно, в своём маленьком домике в посёлке, или, более вероятно, — прямо за этим самым столом. Двое её любимых писателей, Томас Харди и Редьярд Киплинг, умерли именно так; почему бы также не умереть и ей? Институт стал её жизнью, и она не возражала.

Как и большинство сотрудников. Когда-то они были солдатами или охранниками в таких крупных компаниях, как «Блэкуотер» и «Томахок Глобал», или служили в правоохранительных органах. Денни Уильямс и Мишель Робертсон из группы «Руби Ред» были сотрудниками ФБР. Если Институт не был их жизнью, когда они пришли сюда, то он *стал* их жизнью. Дело было не в деньгах. Не в бонусах и пенсионных

возможностях. Отчасти это было связано с образом жизни, который был им настолько знаком, что походил на сон. Институт был как небольшая военная база; в посёлке даже имелась лавка, где они могли купить широкий ассортимент товаров по низким ценам и заправить свои машины, заплатив девяносто центов за галлон обычного бензина и доллар-пять за галлон высокооктанового. Миссис Сигсби какое-то время провела на авиабазе Рамштайн в Германии, и Деннисон-Ривер-Бенд — правда он был гораздо меньшего размера — напоминал ей о Кайзерслаутене, где она с друзьями иногда выпускала пар. В Рамштайне было всё, даже кинотеатр и «Джонни Рокетс», но иногда вам просто хочется сбежать. Так и здесь.

Но они всегда возвращаются, подумала она, глядя на песчаный пляж, который она иногда посещала, но никогда не будет там жить. Они всегда возвращаются, неважно, насколько небрежными здесь стали некоторые вещи, и всегда молчат. Это единственное, в чём они никогда не бывают небрежны. Потому что, если люди узнают, что мы здесь делаем, о сотнях загубленных детей, мы будем осуждены и казнены всего парой десятков. Как Тимоти Маквей^[83].

Это была тёмная сторона медали. Светлая сторона была проста: все сотрудники, от часто раздражающего, но, несомненно, компетентного доктора Дэна Осла-Конга Хендрикса и докторов Хекла и Джекла из Задней Половины, до самого последнего уборщика понимали, что судьба мира находится в их руках, как и в руках тех, кто был до них. Не только выживание человеческой расы, но и выживание всей планеты. Они понимали, что нет предела тому, что они могут и будут делать для достижения этих целей. Никто из тех, кто полностью осознавал работу Института, не мог считать её чудовищной.

Жизнь здесь была хороша — во всяком случае, достаточно хороша, особенно для мужчин и женщин, которые глотали песок на Ближнем Востоке и видели своих сослуживцев с оторванными ногами или вывалившимися кишками. Периодически вам дают отпуск; можно съездить домой и провести время с семьёй, если она у вас есть (у многих сотрудников Института не было). Разумеется, вам нельзя рассказывать им о том, чем вы занимаетесь, и через какое-то время они — жёны, мужья, дети — понимают, что работа важнее. Потому что она поглощает вас. Ваша жизнь выстраивается в определённом порядке: Институт, посёлок и Деннисон-Ривер-Бенд с тремя барами, в одном из которых играют живую кантри-музыку. И как только заведённый порядок устаканивается, обручальное кольцо часто оказывается снятым с пальца, как у Алворсон.

Миссис Сигсби открыла нижний ящик стола и достала телефон, похожий на те, какими пользовались группы эксфильтрации: большой и увесистый, как в те времена, когда кассеты уступали место компакт-дискам, а портативные телефоны только начали появляться в магазинах электроники. Из-за цвета его иногда называли Зелёным Телефоном, но чаще Нулевым, потому что у него не было экрана и кнопок с цифрами, только три маленьких белых колёсика.

«Я позвоню, — подумала она. — Может быть, они поаплодируют моему дальновидному мышлению и похвалят за проявленную инициативу. Может быть, решат, что я параноик и пришло время подумать о моей замене. Так или иначе, я должна сделать это. Долг зовёт, и должен был позвать раньше».

— Но не сегодня, — прошептала она.

Нет, не сегодня, пока не разберётся с Алворсон (избавится от тела). Может, и не завтра и даже не на этой неделе. Звонок — это серьёзное дело. Сначала

нужно всё упорядочить, чтобы во время разговора быть максимальной точной. Если она действительно хочет воспользоваться Нулевым Телефоном, то должна быть готова ответить кратко, когда человек на другом конце скажет: *«Приветствую, мишиш Шигби, чем могу помочь?»*

Это не откладывание на потом, сказала она себе. Нисколько. К тому же, не хотелось бы доставлять кому-то проблем, но...

Она услышала сигнал интеркома.

— Звонит Зик, миссис Сигсби. Третья линия.

Миссис Сигсби ответила.

— Что скажете, Ионидис?

— Все на месте, — ответил он. — Двадцать восемь локаторов мигают в Задней Половине. В Передней Половине двое в гостиной, шестеро на игровой площадке, пятеро в своих комнатах.

— Очень хорошо. Спасибо.

— Не за что, мэ.

Миссис Сигсби встала, чувствуя себя лишь слегка лучше, но не могла сказать, почему. *Конечно*, все постояльцы на месте. Или она ожидала, что кто-то из них уехал в «Дисней Уорлд»?

Ладно, теперь можно перейти к обычной рутине.

6

Когда все постояльцы были на обеде, уборщик Фред подкатил тележку, одолженную в столовой, к двери комнаты, где Морин Алворсон свела счёты с жизнью. Фред и Стакхаус завернули её в кусок зелёного брезента и в спешке покатали по коридору. Откуда-то издали доносился гул и брэнчание ложек, но здесь кругом было пустынно, если не считать плюшевого

медвежонка, оставленного на полу возле лифтового лобби. Он лежал, уставившись в потолок стеклянными глазами-пуговками. Фред бесцеремонно пнул его в сторону.

Стакхаус с упрёком посмотрел на него.

— Полегче, дружище. Это же чья-то игрушка.

— Мне всё равно, — сказал Фред. — Не хрен разбрасывать своё дерьмо. Ходи потом подбирай.

Когда двери лифта открылись, Фред начал заводить тележку внутрь. Стакхаус бесцеремонно остановил его.

— Дальше ваша помощь не требуется. Возьмите мишку и отнесите в гостиную или в столовую, где владелец увидит его, когда будет выходить. А потом начинайте протирать блядские корпуса. — Он указал вверх на камеру, закатил тележку внутрь и поднёс карточку к сенсору.

Фред Кларк дождался закрытия дверей, а потом показал средний палец. Но приказ есть приказ, и он протрёт корпуса. Когда-нибудь.

7

Миссис Сигсби ждала Стакхауса на уровне «Е». Там было прохладно и на ней был свитер поверх пиджака. Она кивнула ему. Стакхаус кивнул в ответ и покатил тележку по туннелю между Передней Половиной и Задней, который был воплощением утилитарности: только бетонный пол, кафельные стены и флуоресцентные лампы на сводчатом потолке. Некоторые мигали, как в фильмах ужасов, а несколько перегорело. Кто-то налепил на стену бамперную ^[84] наклейку «Нью-Ингланд Патриотс».

Больше безответственности, подумала она. Больше свободного плавания.

На двери в дальнем конце коридора висела табличка с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОРИЗОВАННОГО ПЕРСОНАЛА». Миссис Сигсби воспользовалась своей карточкой и толкнула дверь. За ней было ещё одно лифтовое лобби. После краткого подъёма, они очутились в гостиной, почти такой же утилитарной, как служебный туннель, по которому они дошли до Задней Половины. Там их ждал Хекл, настоящее имя — доктор Эверетт Халлас. Он широко улыбался и постоянно дотрагивался до уголка рта. Это напомнило миссис Сигсби о мальчишке Диксоне, который, как одержимый, дёргал себя за нос. Только Диксон был ребёнком, а Халласу было за пятьдесят. Работа в Задней Половине давала о себе знать, как работа в среде, загрязнённой низкоуровневой радиацией.

— *Приветствую, миссис Сигсби! Приветствую,* начальник охраны Стакхаус! Как я рад вас видеть! Мы должны встречаться чаще! Жаль, что сегодня при столь прискорбных обстоятельствах! — Он наклонился и похлопал по брезентовому свёртку с Морин Алворсон. Затем дотронулся до уголка рта, будто проверил простуду, которую только он мог видеть и чувствовать. — В расцвете сил, так сказать.

— Нужно сделать это быстро, — сказал Стакхаус. В смысле, побыстрее убраться отсюда, подумала миссис Сигсби. Она была только за. Именно здесь делалась настоящая работа, а доктора Хекл и Джекл (настоящее имя Джоан Джеймс) были героями труда, но это не облегчало нахождение в этом месте. Она уже начала ощущать его атмосферу. Это было похоже на пребывание в слабом электрическом поле.

— Да, конечно нужно, работы непочатый край, всё взаимосвязано, колёсики вращаются, — а то я не знаю. Прошу за мной.

Из гостиной с неприглядными стульями, таким же неприглядным диваном и устаревшим плоским

телевизором, они перешли в коридор с толстым синим ковром на полу — в Задней Половине дети иногда падали и бились своими маленькими ценными головками о пол. От колёс тележки в ворсе оставались колеи. Всё выглядело, как в жилом уровне Передней Половины, за исключением замков на закрытых дверях. За одной из них миссис Сигсби услышала громкий стук и приглушённые крики «Выпустите меня!» и «Хотя бы дайте блядский аспирин!»

— Айрис Стэнхоуп, — сказал Хекл. — К сожалению, сегодня ей не здоровится. С другой стороны, некоторые из наших недавних гостей держатся на удивление хорошо. Вечером у нас, знаете ли, просмотр. А завтра — буря эмоций. — Он хихикнул и дотронулся до уголка рта, напомнив миссис Сигсби — карикатурно — Ширли Темпл [\[85\]](#).

Она пригладила волосы, дабы убедиться, что они не поднялись. Конечно, нет. То, что она чувствовала — открытые участки кожи и глаза в глазницах будто вибрировали — не было электричеством.

Они миновали кинозал с дюжиной или больше мягких кресел. На переднем ряду сидели Калиша Бенсон, Ник Уилхолм и Джордж Айлс. Они были одеты в красно-синие майки. Бенсон жевала сладкую сигарету; Уилхолм курил настоящую и над их головами летало облако серого дыма. Айлс легонько потирал виски. Бенсон и Айлс повернулись, когда они прокатили мимо них свой груз, завёрнутый в брезент; Уилхолм продолжал смотреть на пустой экран. Этот хотдог совсем остыл, с удовлетворением подумала миссис Сигсби.

За кинозалом, по другую сторону коридора, находилась столовая. Она была гораздо меньше, чем в Передней Половине. Здесь всегда было больше детей, но чем дольше они оставались в Задней Половине, тем

меньше ели. Какой-нибудь гуманитарий назвал бы это иронией, подумала миссис Сигсби. В данный момент там находилось трое детей, двое из которых хлебали что-то похожее на овсянку, а третий — девочка двенадцати лет — просто сидела с полной миской перед собой. Но когда она увидела их с тележкой, то просияла.

— Привет! А что там у вас? Это мертвый человек? Да? Её звали Моррис? Смешное имя для девочки. Или Морин. Можно посмотреть? У неё открыты глаза?

— Это Донна, — сказал Хекл. — Не обращайтесь внимания. Вечером она пойдёт на фильм, но, думаю, уже очень скоро двинется дальше. Может, на этой неделе. На злачные пажити, так сказать. Вы знаете.

Миссис Сигсби знала. Существовала Передняя Половина, существовала Задняя Половина... и существовала задняя половина Задней Половины. Конец пути. Она подумала о трёхколёсном велосипеде, который был у неё в детстве, о тёплой струйке мочи в штанах, когда она каталась на нём по подъездной дорожке. Она подумала о порванных шнурках. Она подумала о своей первой машине...

— Это был «Валиум»! — выкрикнула девочка по имени Донна. Она вскочила, опрокинув стул. Двое других детей отрешённо посмотрели на неё, у одного с подбородка стекала овсянка. Плимутский «Валиум»^[86], я знаю это! О, Боже, я хочу *домой*! О, Боже, моя *голова*!

Двое санитаров в красной форме появились из... миссис Сигсби не знала, откуда они появились. И ей было всё равно. Они взяли девочку под руки.

— Правильно, отведите её назад в комнату, — сказал Хекл. — Но никаких таблеток. Она нужна вечером.

Донна Гибсон, которая когда-то делилась девичьими секретами с Калишей, когда они обе были в

Передней Половине, начала кричать и вырываться. Санитары понесли её прочь, носки её кроссовок волочились по ковру. Разрозненные воспоминания в голове миссис Сигсби потускнели, а затем угасли. Однако вибрация в коже и даже в пломбах — осталась. Здесь она было постоянной, как гудение флуоресцентных ламп в коридоре.

— Всё хорошо? — спросил Стакхаус миссис Сигсби.

— Да. — Поскорее выведите меня отсюда.

— Если вам станет легче, то я тоже это чувствую.

Не стало.

— Тревор, не могли бы вы объяснить, почему тела, предназначенные для кремации, перевозятся прямо через жилые помещения с детьми?

— В Бинтауне^[87] тонны бобов, — ответил Стакхаус.

— Что? — спросила миссис Сигсби. — Что вы сказали?

Стакхаус помотал головой, будто пытаясь собраться с мыслями.

— Извините. Просто вдруг подумалось...

— Да, да, — сказал Халлас. — Их тут много витает... скажем так, *помех*.

— Я знаю, — сказал Стакхаус. — Просто нужно было высказать это, вот и всё. Будто...

— Подавились косточкой, — прозаично сказал доктор Халлас. — Ответ на ваш вопрос, миссис Сигсби... *никто не знает*. — Он хихикнул и дотронулся до уголка рта.

«Просто поскорее выведите меня отсюда», — снова подумала она.

— Доктор Халлас, где доктор Джеймс?

— У себя в комнате. К сожалению, сегодня она не очень хорошо себя чувствует. Но передаёт вам привет. Надеется, что вы в полном здравии, как огурчик, так

сказать. — Он улыбнулся, снова изобразив Ширли Темпл: *разве я не милашка?*

8

В кинозале Калиша выхватила окурок из пальцев Ники, затянулась и бросила его на пол, наступив ногой. Потом она взяла Ники за плечи.

— Плохо?

— Бывало и хуже.

— От фильма станет лучше.

— Ага. До следующего раза. Теперь я знаю, почему мой отец был таким уродом с похмелья. Ну а ты, Ша?

— Бодрячком. — И это было правдой. Только слабая пульсация над левым глазом. Вечером её не станет. Завтра вернётся, но не слабая. Завтра боль будет такая, что похмелья отца Ники (и, порой, её собственных родителей) покажутся увеселительной прогулкой: устойчивый громкий стук, будто в голове заточён какой-то демон, колотивший по черепу в попытке выбраться наружу. И даже это, как она знала, было не так плохо, как могло быть. Головные боли Ники становились сильнее, у Айрис ещё сильнее, и длились всё дольше и дольше.

Джорджу повезло; будучи сильным ТК, он всё равно почти ничего не чувствовал. Ноющая боль в висках, сказал он, и в затылке. Но дальше будет хуже. Так было всегда, во всяком случае, пока всё не закончится. А потом? Палата А. Жужжание. Гудение. Задняя половина Задней Половины. Калиша пока что не заглядывала так далеко, мысль о том, что её сотрут, как личность, всё ещё приводила её в ужас, но это пройдёт. Как у Айрис; большую часть своего времени она выглядела как зомби из «Ходячих мертвецов». Хелен Симмс довольно

точно выразила чувства Калиши к Палате А, когда сказала, что всё лучше, чем огни штази и пронзительная головная боль, которой нет конца.

Джордж наклонился вперёд, глядя на Калишу мимо Ника ясными глазами, в которых пока что не замечалось особой боли.

— Он выбрался, — прошептал Джордж. — Сосредоточьтесь на этом. И держите в голове.

— Обязательно, — сказала Калиша. — Правда, Ник?

— Мы попытаемся, — ответил Ник и изобразил улыбку. — Хотя сама мысль, что парень, настолько неумелый в КОНЕ, как Люки, приведёт сюда кавалерию, кажется мне неправдоподобной.

— Может, он и плох в КОНЕ, но хорош в шахматах, — сказал Джордж. — Не сбрасывай его со счетов.

В дверном проёме кинозала появился «красный» санитар. Санитары в Передней Половине носили именные таблички, но здесь их ни у кого не было. Здесь санитары чередовались. И не было техников, только двое здешних докторов и иногда появлялся доктор Хендрикс: Хекл, Джекл и Осёл-Конг. Грозное Трио.

— Свободное время закончилось. Если не собираетесь есть, возвращайтесь в свои комнаты.

Старый Ник мог бы сказать этому перекачанному дебилу, чтобы тот шёл на хер. Новый просто поднялся на ноги, пошатываясь и хватаясь для равновесия за спинку кресла. Сердце Калиши разрывалось, когда она видела его таким. То, что они отняли у Ники в каком-то смысле было хуже убийства. Во *многих* смыслах.

— Пойдём, — сказала она. — Все вместе, так Джордж?

— Ну, — сказал Джордж, — я собирался посмотреть «Парней из Джерси»^[88], но раз уж ты настаиваешь.

«Мы как три блядских мушкетёра», — подумала Калиша.

В коридоре жужжание было гораздо сильнее. Да, она знала, что Люк выбрался — ей сказал Эйвери, и это было хорошо. Напыщенные придурки даже не знали, что он ушёл, и это было ещё лучше. Но головные боли не вселяли надежды. Даже когда они отпускают, ты начинаешь ждать их возвращения — это какой-то особый вид ада. А жужжание, доносившееся из Палаты А вообще заставляло надежду казаться неуместной, что было ужасно. Никогда ещё она не чувствовала себя такой одинокой, загнанной в угол.

«Но я должна держаться как можно дольше, — подумала она. — Не важно, что они сделают с нами с помощью этих огней и проклятых фильмов, я должна держаться. Держаться за свой разум».

Они медленно шли по коридору под взглядом санитаров — не как дети, а как инвалиды. Или престарелые люди, коротающие свои последние дни в вонючем хосписе.

9

В сопровождении доктора Эверетта Халласа, миссис Сигсби и Стакхауса, кативший тележку, прошли мимо закрытой двери с табличкой «Палата А». За этой дверью не слышно было ни криков, ни воплей, но ощущение присутствия в электрическом поле усилилось; оно разбегалось по её коже невидимыми муравьями. Стакхаус тоже чувствовал это. Свободной рукой он потирал свою лысую макушку.

— Мне всегда кажется, что кругом паутина, — сказал он. Затем обратился к Хеклу: — Вы чувствуете?

— Я уже привык, — ответил Хекл и дотронулся до уголка рта. — Это процесс ассимиляции. — Он умолк. —

Нет, не то слово. Кажется, *акклимации*. Или акклиматизации? Вроде, без разницы.

У миссис Сигсби вдруг разыгралось любопытство.

— Доктор Халлас, когда у вас день рождения? Вы помните?

— Девятого сентября. И я знаю, о чём вы подумали. — Он оглянулся и посмотрел на дверь с красной надписью Палата А, затем повернулся к миссис Сигсби. — Я в порядке, в общем и целом.

— Девятого сентября, — повторила она. Значит вы кто? Весы?

— Водолей, — сказал Хекл, бросив на неё лукавый взгляд, будто говоривший: *Вы так просто не проведёте меня, моя дорогая*. — Когда луна в седьмом доме, а Меркурий на линии с Марсом, так сказать. Пригнитесь, мистер Стакхаус. Тут низкий потолок.

Они прошли по короткому полутёмному коридору, спустились по лестнице — Стакхаус придерживал тележку спереди, а миссис Сигсби рулила сзади — и подошли к очередной закрытой двери. Хекл воспользовался картой-ключом, и они вошли в круглое помещение, в котором было довольно жарко. Мебели внутри не было, но на стене висела табличка в рамке: **ПОМНИТЕ СВОИХ ГЕРОЕВ**. Она находилась под грязным испачканным стеклом, которое давно нуждалось в протирке. В дальнем конце помещения, в центре грубой цементной стены была стальная дверца, как в промышленном мясохранилище. Слева от неё был экран ввода, в данный момент пустой. Справа — пара кнопок: красная и зелёная.

Здесь осколки воспоминаний и обрывки мыслей, которые докучали миссис Сигсби, исчезли, и мимолётная головная боль, ощущавшаяся в, немного отступила. Это хорошо, но она не могла дождаться, когда покинет это место. Она редко приходила в Заднюю Половину, потому что её присутствие там было

необязательным; командир редко бывает на передовой, если всё идёт по плану. И хотя ей стало немного легче, находиться в этой круглой комнате всё равно было невыносимо.

Халласу, казалось, тоже полегчало — он уже не был Хеклом, а был человеком, который двадцать пять лет проработал военным врачом и получил бронзовую звезду^[89]. Он расправил плечи и перестал дотрагиваться пальцем до уголка рта. Его глаза прояснились, а вопросы стали более конкретными.

— На ней есть драгоценности?

— Нет, — ответила миссис Сигсби, подумав об отсутствующем обручальном кольце Алворсон.

— Полагаю, она одета?

— Разумеется. — Этот вопрос слегка задел миссис Сигсби.

— Вы проверяли её карманы?

Она взглянула на Стакхауса. Он помотал головой.

— Хотите проверить? Это ваш последний шанс.

Миссис Сигсби обдумала предложение и отвергла его. Женщина оставила предсмертную записку на стене ванной, а её сумка должна быть в её шкафчике — нужно будет проверить. Но она не собиралась разворачивать тело экономки, снова обнажая этот высунутый наглый язык, только для того, чтобы найти гигиеническую помаду, упаковку жвачек или пару скомканных салфеток.

— Я — нет. А вы, Тревор?

Стакхаус снова помотал головой. Он круглый год ходил загорелым, но сегодня выглядел бледным. Поход через Заднюю Половину сказался и на нём тоже. Может, нам стоит делать это почаще, подумала она. Чтобы быть на короткой ноге с процессом. Затем она подумала о докторе Халласе, который назвал себя водолеем, и о Стакхаусе, который что-то сказал о тоннах бобов в

Бинтауне. Она решила, что быть на короткой ноге с процессом — это плохая идея. И кстати, разве девятое сентября — это весы? Вроде бы, нет. Кажется, дева.

— Давайте покончим с этим, — сказала она.

— Что ж, ладушки, — сказал доктор Халлас, и сверкнул улыбкой от уха до уха, в которой было что-то от Хекла. Он дёрнул за ручку дверцы из нержавеющей стали и распахнул её. Дальше была темнота, запах палёного мяса и закопчённая конвейерная лента, уходящая куда-то вниз.

«Эту табличку нужно убрать, — подумала миссис Сигсби. — А конвейер нужно почистить, пока он окончательно не загрязнился и не сломался. Опять безответственность».

— Надеюсь, вам не понадобится помощь, чтобы поднять её, — сказал Хекл, всё ещё улыбаясь своей улыбкой ведущего игрового шоу. — Боюсь, сегодня меня одолевает некоторая слабость. Не поел каши.

Стакхаус поднял обёрнутое тело и поместил его на конвейер. Нижний край брезента отвернулся, открыв одну туфлю. Миссис Сигсби почувствовала желание отвернуться, чтобы не смотреть на потёртую подошву, но пересилила себя.

— Какие-нибудь последние слова? — спросил Халлас. — Помним, скорбим? Дженни, мы едва тебя знали?^[90]

— Не будьте идиотом, — сказала миссис Сигсби.

Доктор Халлас закрыл дверь и нажал на зелёную кнопку. Миссис Сигсби услышала треск и скрип, когда грязная лента конвейера начала двигаться. Когда она остановилась, Халлас нажал на красную кнопку. На экране загорелось число, быстро возрастающее от 200 до 400, до 800, до 1600 и, наконец, до 3200.

— Гораздо больше, чем в обычном крематории, — сказал Халлас. — А ещё гораздо быстрее, но всё равно

занимает какое-то время. Можете пока осмотреться; я готов провести экскурсию. — Он продолжал улыбаться.

— Не сегодня, — сказала миссис Сигсби. — Много дел.

— Так я и думал. Тогда в другой раз. Мы так редко видимся, но мы всегда открыты для дел.

10

Когда Морин Алворсон скользила вниз по конвейеру, Стиви Уиппл ел макароны с сыром в столовой Передней Половины. Эйвери Диксон схватил его за мясистую веснушчатую руку.

— Пойдём со мной на игровую площадку.

— Я ещё ем, Эйвери.

— Ну и что. — Он понизил голос. — Это важно.

Стиви засунул в рот последнюю ложку с горкой, вытер рот тыльной стороной ладони и последовал за Эйвери. Площадка была пустынной, за исключением Фриды Браун, которая сидела на асфальтированной баскетбольной площадке и рисовала мелом мультяшные фигуры. Довольно неплохие. Все с улыбками. Она не взглянула на мальчиков, когда они прошли мимо неё.

Когда они приблизились к сетчатому ограждению, Эйвери указал на траншею в каменистой земле. Стиви уставился на неё выпученными глазами.

— Кто это сделал? Какой-нибудь сурок или кто? — Он огляделся, будто ожидал увидеть сурка — или кролика, — прячущегося под батутом или засевшего под столиком.

— Нет, это был не сурок, — сказал Эйвери.

— Держу пари, ты мог бы пролезть туда. И совершить забег.

«А то я не думал об этом, — подумал Эйвери, — но я заблудился бы в лесу. К тому же, лодки больше нет».

— Без шансов. Помоги мне засыпать её.

— Зачем?

— Просто помоги. И не говори «забег», это безграмотно. *По-*, Стиви. *Побег*. — Который только что совершил его друг — благослови его Бог. Где он сейчас? Эйвери не представлял. Он утратил связь.

— *Побег*, — сказал Стиви. — Понял.

— Замечательно. Теперь помоги мне.

Мальчики опустились на колени и начали закапывать углубление под ограждением, загребая руками и поднимая облако пыли. Это была нелёгкая работа и скоро они оба вспотели. Лицо Стиви покраснелось.

— Что делаете, ребята?

Они обернулись. Это была Глэдис, и она не улыбалась.

— Ничего, — ответил Эйвери.

— Ничего, — согласился Стиви. — Просто играем с землёй.

— Дайте-ка взглянуть. Подвиньтесь. — И когда они оба остались на месте, она пнула Эйвери в бедро.

— *Оууу!* — взревел он и свернулся калачиком. — *Больно!*

Стиви сказал:

— У вас эти дни что ли... — Ему тоже прилетело, но выше, по плечу.

Глэдис посмотрела на частично заполненную траншею, потом на Фриду, всё ещё погруженную в свои художества.

— Твоя работа?

Фрида не глядя помотала головой.

Глэдис вытащила рацию из кармана белых брюк и нажала на кнопку.

— Мистер Стакхаус? Глэдис вызывает мистера Стакхауса.

Она подождала, а затем услышала:

— Это Стакхаус, приём.

— Думаю, вам нужно как можно быстрее прийти на игровую площадку. Вы должны кое-что увидеть. Может, ничего серьёзного, но мне это не нравится.

11

Уведомив начальника охраны, Глэдис вызвала Вайнону, чтобы та отвела мальчиков в их комнаты: они должны оставаться там до дальнейших распоряжений.

— Я ничего не знаю об этой яме, — угрюмо сказал Стиви. — Думаю, это сделал сурок.

Вайнона велела ему заткнуться и загнала мальчиков обратно внутрь.

Стакхаус прибыл вместе с миссис Сигсби. Она наклонилась, а он присел на корточки, глядя сначала на углубление под ограждением, затем на само ограждение.

— Тут никто не мог пролезть, — сказала миссис Сигсби. — Может быть, Диксон, он не крупнее близнецов Уилкокс, но никто больше.

Стакхаус выгреб рыхлую смесь из камней и земли, которую двое мальчиков уже успели накидать, углубив траншею.

— Вы уверены?

Миссис Сигсби вдруг поняла, что закусывает губу, и остановилась. Это просто смешно, подумала она. У нас есть камеры и микрофоны, у нас есть санитары и уборщики, у нас есть экономки и охрана. И всё ради кучки детей, настолько напуганных, что они вздрагивают от слова «бу».

Да, здесь был Уилхолм, который определённо не шелохнулся бы от «бу», и за годы было несколько других, как он. Но всё же...

— Джулия, — тихим голосом произнёс Стакхаус.

— Что?

— Присядьте рядом со мной.

Она начала садиться, но заметила, как на неё смотрит девчонка Браун.

— Иди внутрь, — отрезала она. — Быстро.

Фрида поспешила прочь, отряхивая от мела руки и оставив позади улыбающихся мультяшных человечков. Когда девочка вошла в гостиную, миссис Сигсби увидела небольшую группу глазеющих детей. Где санитары, когда они так нужны? В бытовке, треплют языками с одной из групп захвата? Рассказывают грязные анек...

— Джулия!

Она встала на одно колено, поморщившись, когда острый камушек впился в ногу.

— Здесь кровь на ограждении. Видите?

Она не хотела, но видела. Да — это была кровь. Высохшая и коричневатая, но определённо кровь.

— А теперь посмотрите туда.

Он просунул палец через сетку, указывая на частично вырванный из земли куст. На котором тоже была кровь. Когда миссис Сигсби увидела её — кровь, которая была *снаружи*, — у неё в животе всё перевернулось и на один тревожный миг ей показалось, что она сейчас намочит брюки, как тогда на трёхколёсном велосипеде. Она подумала о Нулевом Телефоне и увидела, как её жизнь в роли главы Института — потому что это была не работа, а именно жизнь — улетает в трубку. Что бы сказал шепелявый человек на другом конце провода, если бы ей пришлось позвонить ему и доложить, что из самого секретного и охраняемого учреждения в стране — не говоря уж о

том, что оно было самым *важным* — сбежал ребёнок, который *пролез под ограждением?*

Он бы, разумеется, сказал, что с ней покончено. Покончено и забыто.

— Все постояльцы здесь, — хриплым шёпотом сказала она. Она схватила Стакхауса за запястье, впиваясь ногтями в его кожу. Он, казалось, не заметил этого. Он, как загипнотизированный, продолжал смотреть на частично выкорчеванный куст. Для него это было так же плохо, как и для неё. Не хуже — хуже быть *не могло*, — а просто также плохо. — Тревор, *они все здесь*. Я проверила.

— Думаю, тебе следует проверить ещё раз. А?

В этот раз рация была при ней (в её голове промелькнула поговорка: поздно запирать ворота, если кони разбежались), и она нажала на кнопку.

— Зик. Миссис Сигсби вызывает Зика. — Лучше бы тебе быть там, Ионидис. Лучше быть там.

Он был.

— Это Зик, миссис Сигсби. Я наводил справки об Алворсон — мистер Стакхаус велел мне, так как Джерри в отпуске, а Энди не здесь, и я разговаривал с её ближайшими сосе...

— Сейчас это не важно. Проверь-ка ещё раз сигналы локатеров.

— Сделаю. — Это прозвучало как-то настороженно. Должно быть, он услышал напряжение в моём голосе, подумала она. — Только нужно подождать, сегодня всё работает медленно... ещё пару секунд.

Ей казалось, что она сейчас закричит. Стакхаус продолжал смотреть через ограждение, будто ожидал блядского хоббита, который появится и всё им разъяснит.

— Итак, — сказал Зик. — Сорок один постоялец, все на месте.

Облегчение охладило её лицо, как лёгкий бриз.

— Хорошо, отлично. Это очень...
Стакхаус взял у неё рацию.
— Где они сейчас находятся?
— Э... всё ещё двадцать восемь в Задней Половине, четверо в гостинице восточного крыла... трое в столовой... двое в своих комнатах... трое в коридоре...
«Эти трое, должно быть, Диксон, Уиппл и маленькая художница», — подумала миссис Сигсби.
— Плюс один на игровой площадке, — закончил Зик. — Сорок один, как я и сказал.
— Погоди-ка, Зик. — Стакхаус посмотрел на миссис Сигсби. — Вы видите здесь ребёнка?
Она не ответила. Этого и не требовалось.
Стакхаус снова поднёс рацию ко рту.
— Зик?
— Я здесь. Говорите, мистер Стакхаус.
— Можешь указать конкретную точку на игровой площадке?
— Э... сейчас увеличу... тут есть кнопка для этого.
— Не утруждайся, — сказала миссис Сигсби. Она заметила какой-то предмет, сверкающий в лучах послеполуденного солнца. Она прошла на баскетбольную площадку, остановилась на линии для штрафного броска и подняла его. Затем вернулась к начальнику охраны и протянула руку. На ладони лежала большая часть мочки уха с продетым сквозь неё с трекером.

Постояльцам Передней Половины было сказано вернуться в свои комнаты и оставаться там. Если кого-то поймут в коридоре, они будут сурово наказаны. Силы охраны Института насчитывали всего четыре

человека, включая самого Стакхауса. Двое из них находились в институтском посёлке и быстро прибыли по накатанной гольфкарами дорожке, которую, Морин рассчитывала, найдёт Люк, и до которой он не дошёл всего сотню футов. Третий член команды Стакхауса был в Деннисон-Ривер-Бенд и ему некогда было дожидаться её появления. Но на территории находились Денни Уильямс и Робин Лекс из группы «Руби Ред», ожидавшие следующего поручения и готовые в любое время сняться с места. К ним присоединились двое упитанных парней, Джо Бринкс и Чед Гринли.

— Мальчишка из Миннесоты, — сказал Денни, как только поисковая группа была собрана и проинформирована. — Которого мы привезли в прошлом месяце.

— Так точно, — ответил Стакхаус. — Мальчишка из Миннесоты.

— И вы говорите, он сорвал трекер прямо с уха? — спросила Робин.

— Больше похоже, что срезал. Думаю, воспользовался ножом.

— Взял яйца в кулак, другими словами, — сказал Денни.

— Я оторву его яйца, когда мы доберёмся до него, — сказал Джо. — Он не драчун, как Уилхолм, но у него этот «на хер вас» взгляд в глазах.

— Будет бродить по лесу, пока не заблудится, и когда мы найдём его, сам кинется к нам в объятия, — сказал Чед. После паузы добавил: — *Если* мы найдём его. Дам дофига деревьев.

— У него кровоточило ухо и, вероятно, вся спина, когда пролезал под ограждением, — сказал Стакхаус. — И руки, должно быть, тоже. Будем следовать по кровавым следам, пока они не закончатся.

— Было бы неплохо подключить собак, — сказал Денни Уильямс. — Бладхаунда или крапчато-голубого

кунхаунда.

— Было бы неплохо, если бы он не выбрался, — сказал Робин. — Под забором, каково это, а? — Она чуть не рассмеялась, но, передумала, увидев осунувшееся лицо и грозный взгляд Стакхауса.

Тут как раз прибыли Рэйф Пуллман и Джон Уолш, двое охранников из посёлка.

Стакхаус сказал:

— Вы должны понять: мы не собираемся убивать его, но выьем всё дерьмо из этого маленького сукина сына, когда найдём его.

— *Если* мы найдём его, — повторил Чед.

— Мы найдём его, — сказал Стакхаус. Потому что, если нет, мне крышка. Всему этому месту крышка.

— Мне нужно сходить в офис, — сказала миссис Сигсби.

Стакхаус схватил её за локоть.

— Зачем?

— Подумать.

— Это хорошо. Думайте о чём хотите, но никаких звонков. Договорились?

Миссис Сигсби посмотрела на него с презрением, но по тому, как она кусала свои губы, можно было предположить, что ей тоже страшно. И если так, то значит их уже двое.

— Конечно.

Но, когда она добралась до своего офиса — до благословенной тишины и кондиционированного воздуха, — думать оказалось нелегко. Она то и дело поглядывала на запёртый ящик своего стола. Будто там лежал не телефон, а ручная граната.

Три часа пополудни.

От людей, отслеживающих Люка Эллиса в лесу, новостей не поступало. Много сообщений — да, но никаких новостей. Каждый сотрудник Института был извещён о побеге; все были в сборе. Некоторые присоединились к поисковикам. Другие прочёсывали институтский посёлок, обыскивая все закоулки, ища мальчика или хотя бы какие-то признаки его пребывания. Все личные транспортные средства были посчитаны. Гольфкары, которыми иногда пользовались сотрудники для передвижения по территории, стояли на своих местах. Резиденты в Деннисон-Ривер-Бенд — включая двоих членов небольшой городской полиции — были подняты по тревоге и получили описание Эллиса, но не обнаружили его следов.

А по части Алворсон новости *были*.

Ионидис проявил инициативу и хитрость, на которые их айтишники Джерри Саймондс и Энди Феллоуз были не способны. Сначала воспользовавшись «Гугл Эрс», а затем приложением для отслеживания местоположения телефона, Зик связался с соседкой Алворсон в маленьком вермонтском городке, где у Алворсон по-прежнему было жильё. Он представился соседке сотрудником налоговой службы, и она купилась без всяких вопросов. Не выказывая никаких признаков сдержанности, якобы характерной для янки, она рассказала, что Морин просила её засвидетельствовать несколько документов, когда Мо в последний раз приезжала домой. При встрече присутствовала женщина-адвокат. Документы были адресованы нескольким коллекторским агентствам. Адвокат назвала документы П- и В-приказами, что соседка справедливо определила, как «прекращение и воздержание».

— Эти письма касались кредитных карт её мужа, — сказала соседка Зику. — Мо ничего не объяснила, но ей

и не нужно был объяснять. Я не вчера родилась. Разбиралась со счетами этого паразита — вот, что она делала. Если налоговая хочет подать на неё в суд за это, то лучше вам поторопиться. Она выглядела чертовски больной.

Миссис Сигсби подумала, что соседка из Вермонта рассудила правильно. Вопрос был в том, почему Алворсон решила поступить именно так — это был всё равно, что мартышкин труд. Все сотрудники Института знали, что если попадут в какие-то финансовые передрыги (чаще всего это были азартные игры), они могут рассчитывать на почти беспроцентные кредиты. Эта часть льготного пакета доводилась до каждого из них при приёме на работу. На самом деле это была вовсе не льгота, а защита. Люди в долгах могли поддаться искушению продать секреты.

Самым простым объяснением такого поведения была гордость, возможно, в сочетании со стыдом из-за того, что её обманул сбежавший муж, но миссис Сигсби оно не нравилось. Эта женщина приближалась к концу жизни и, должно быть, какое-то время знала об этом. Она решила очистить руки, но брать деньги у организации, в которой запачкала их, было бы не лучшим началом. Такое объяснение казалось правильным — или близким к правильному. Оно сочеталось с упоминанием Алворсон ада.

«Эта сука помогла ему сбежать, — подумала миссис Сигсби. — Без сомнений — это была её идея искупления. Но теперь её не расспросишь, она позаботилась об этом. Ещё бы, ведь она знала о наших методах. Так, что же мне делать? Что я *сделаю*, если этот слишком умный для своей породы мальчишка не вернётся назад до темноты?»

Она знала ответ, и была уверена, что Тревор тоже. Она достанет Нулевой Телефон из запертого ящика и нажмёт все три белые кнопки. Ответит шепелявый

человек. Когда она расскажет ему о первом за всё время существования Института побеге постояльца — посреди ночи совершил подкоп под ограждением, — что он скажет на это? Боже, мне так шаль? Это очень плохо? Не переживайте об этом?

Черта с два.

Думай, приказала она себе. Думай, думай, *думай*. Кому могла рассказать эта гадская экономка? Если уж на то пошло, кому мог рассказать *Эллис...*

— Блядство. *Блядство!*

Ответ был прямо перед ней, и был с тех пор, как они обнаружили яму под ограждением. Она выпрямилась в своём кресле, глаза широко раскрыты; Нулевой Телефон впервые перестал занимать её с тех пор, как Стакхаус сказал, что кровавый след пропал всего через пятьдесят ярдов.

Она включила свой компьютер и нашла нужный файл. Она нажала на него и воспроизвелось видео. Алворсон, Эллис и Диксон стояли возле торгового автомата.

«Здесь есть микрофон, но он не работает уже много лет».

В основном говорил Люк Эллис. Он выразил беспокойство по поводу тех близнецов и Кросса. Алворсон успокоила их. Диксон стоял рядом, говорил мало, просто почёсывал свои руки и теребил нос.

«Господи Иисусе, — сказал Стакхаус. — Если хочешь оторвать его, бери и отрывай». Только сейчас, глядя на это видео новыми глазами, миссис Сигсби увидела, что происходило на самом деле.

Она закрыла ноутбук и нажала на интерком.

— Розалинда, я хочу увидеть Диксона. Пусть Тони и Вайнона приведут его. Сейчас же.

Эйвери Диксон, одетый в футболку с Бэтменом и запачканные шорты, не скрывающие его шелушащиеся колени, стоял перед столом миссис Сигсби, глядя на неё испуганными глазами. Он и так казался малышом, но стоя в окружении Вайноны и Тони, совсем перестал выглядеть на десять; он едва тянул даже на первоклассника.

Миссис Сигсби одарила его лёгкой улыбкой.

— Мне следовало добраться до вас гораздо раньше, мистер Диксон. Должно быть, я зазевалась.

— Да, мэм, — прошептал Эйвери.

— Значит вы согласны? Я зазевалась?

— Нет, мэм! — Эйвери высунул язык и облизал губы. Но не дотронулся до носа — не сегодня.

Миссис Сигсби подалась вперёд, сцепив руки.

— Если и зазевалась, то теперь я исправилась. Скоро произойдут изменения. Но сначала нужно... *необходимо*... вернуть Люка домой.

— Да, мэм.

Она кивнула.

— Хорошо, мы оба согласны. И это хорошее начало. Так, куда он направился?

— Не знаю, мэм.

— Мне кажется, знаете. Вы со Стивеном Уипплом закапывали яму, через которую он сбежал. Что было глупо. Вы должны были оставить её.

— Мы думали её выкопал сурок, мэм.

— Чушь. Вы точно знаете, кто это сделал. Ваш друг, Люк. — Она положила руки на стол и снова улыбнулась ему. — Он умный мальчик, а умные мальчики не уходят просто так в лес. Пролезть под ограждением — это, возможно, была его идея, но Алворсон должна была рассказать ему об окружающей местности. Она давала

вам указания, шаг за шагом каждый раз, когда вы дёргали за свой нос. Посылала прямо в вашу маленькую способную головку, так? Позже вы всё пересказали Эллису. Нет смысла отрицать это, мистер Диксон, я видела запись вашего разговора. Это — если вы не против шуток от старой глупой леди — написано на вашем носу. Я должна была понять раньше.

«И Тревор, — подумала она. — Он тоже видел это, и тоже должен был понять, что происходит. Если состоится всесторонний разбор полётов, когда всё это закончится, какими же слепцами мы будем выглядеть».

— А теперь скажите мне, куда он направился.

— Я честно не знаю.

— Ваши глаза бегают по сторонам, мистер Диксон. Это говорит о лжи. Смотрите прямо на меня. Иначе Тони выкрутит вам руку, а это больно.

Она кивнула Тони. Он схватил Эйвери за тоненькое запястье.

Эйвери посмотрел ей прямо в глаза. Это было тяжело, потому что её лицо было худым и страшным, лицо злой учительницы, которая велела *всё рассказать*, а он промолчал. По его щекам побежали слёзы. Он всегда был плаксой; обе его старших сестры называли его Рёва-корова, а на перемене в школьном дворе он был чьей-то боксёрской грушей. Он скучал по своим маме и папе, *очень* скучал, но здесь у него хотя бы были друзья. Гарри толкнул его, но потом стал другом. Пока не умер. Пока они не убили его своим дурацким тестом. Ша и Хелен забрали, но новенькая девочка, Фрида, была добра с ним, и позволяла выигрывать в КОНЯ. Правда, только один раз, но всё же. И Люк. Он был лучше всех. Лучшим другом, какой был у Эйвери.

— Куда его направила Алворсон, мистер Диксон? Какой был план?

— *Не знаю!*

— Отпусти его Тони.

Тони отпустил и Эйвери, рыдая, рухнул на колени.

— Это и правда больно, не делайте мне больно, пожалуйста. — Он хотел добавить «*это несправедливо*», но какое дело этим людям до того, что справедливо? Никакого.

— Я и не хочу, — сказала миссис Сигсби. Это была малая часть правды. Но в целом правда заключалась в том, что за годы, проведённые в этом офисе, она привыкла к детской боли. И хотя табличка в крематории была верна — они были героями, неважно, насколько вынужденным мог быть их героизм, — некоторые из них умели испытывать чужое терпение. И иногда терпение лопалось.

— Я не знаю, куда он пошёл, честно.

— Когда люди добавляют «честно», это значит, что они лгут. Я уже это проходила и знаю. Так что говорите: куда он пошёл и какой был план?

— Я не знаю!

— Тони, поднимите ему рубашку. Вайнона, достаньте тайзер. Средняя мощность.

— Нет! — выкрикнул Эйвери, пытаясь отстраниться. — Только не электропалка! Пожалуйста, нет!

Тони схватил его за талию и задрал рубашку. Вайнона приложила электродубинку чуть выше пупка Эйвери и нажала на кнопку. Эйвери взвизгнул. Его ноги дёрнулись, и на ковёр полилась моча.

— Куда он пошёл, мистер Диксон? — Лицо мальчишки было в пятнах и соплях, под глазами залегли тёмные круги, он обмочил шорты, но этот недомерок не отключился. Миссис Сигсби была удивлена.

— Куда он пошёл, и какой был план?

— *Я не знаю!*

— Вайнона, ещё раз. Средняя мощность.

— Мэм, вы увер...

— Будьте добры, теперь чуть повыше. В районе солнечного сплетения.

Руки Эйвери взмокли, и он вывернулся из хватки Тони, почти ухудшив и без того поганую ситуацию — он метался бы по её офису, как птица в клетке, опрокидывая вещи и отскакивая от стен, — но Вайнона поставила ему подножку, и подняла за руки на ноги. В этот раз тайзером воспользовался Тони. Эйвери вскрикнул и обмяк.

— Он в отключке? — спросила миссис Сигсби. — Если да, вызовите сюда доктора Эванса, пусть сделает ему укол. Нам нужны ответы, и быстро.

Тони ухватил Эйвери за щеку (пухлую, когда его доставили сюда, и теперь весьма похудевшую) и выкрутил её. Глаза Эйвери распахнулись. — Он в сознании.

Миссис Сигсби сказала:

— Мистер Диксон, это глупая и бесполезная боль. Скажите мне, что я хочу узнать, и всё прекратится. Куда он пошёл? Какой был план?

— Я не знаю, — прошептал Эйвери. — Я правда, правда, правда не зн...

— Вайнона, пожалуйста стяните с мистера Эйвери шорты и приложите тайзер к его яичкам. На полную мощность.

Хотя по виду Вайноны казалось, что она готова ударить током непокорного постояльца, она была явно не в восторге от подобного приказа. Тем не менее, она потянулась к поясу его шорт. Тогда Эйвери и сломался.

— Ладно! Ладно! Я скажу! Только не делайте больно!

— Так будет легче для нас обоих.

— Морин сказала ему идти через лес. Она сказала, он может найти дорогу для гольфкаров, но если не найдёт, пусть продолжает идти прямо. Сказала, что он увидит огни, особенно яркий жёлтый. Сказала, когда

дойдёт до домов, пусть идёт вдоль забора, пока не увидит шарф, привязанный к кусту или дереву, я точно не помню. Сказала, за ним будет тропа... или дорога... я не помню. Но она сказала, что по ней он дойдёт до реки. Сказала, там есть лодка.

Он замолчал. Миссис Сигсби кивнула ему и мягко улыбнулась, но внутри её сердце билось втрое быстрее. Это были и хорошие и плохие новости. Поисковая группа Стакхауса могла закончить прочёсывание леса, но лодка? Эллис добрался до *реки*? И у него была многочасовая фора.

— Что дальше, мистер Диксон? Где она сказала ему сойти на берег? В Бенде, я права? В Деннисон-Ривер-Бенде?

Эйвери помотал головой и заставил себя посмотреть прямо на неё, широко раскрытыми и до ужаса честными глазами.

— Нет, она сказала, что это слишком близко; сказала плыть по реке до Прек-Айла.

— Очень хорошо, мистер Диксон, вы можете возвращаться в свою комнату. Но если я узнаю, что вы солгали...

— У меня будут неприятности, — сказал Эйвери, вытирая дрожащими руками слёзы на щеках.

Услышав это, миссис Сигсби рассмеялась.

— Ты читаешь мои мысли, — сказала она.

15

Пять часов пополудни.

Эллис отсутствовал по меньшей мере восемнадцать часов, а, может, дольше. Камеры на игровой площадке не вели запись, так что узнать было невозможно. Миссис Сигсби и Стакхаус находились в её офисе,

наблюдая за развитием событий и выслушивая доклады от резидентов, которые были рассредоточены по всей стране. По большей части резиденты Института занимались подготовительной работой: приглядывали за детьми с высоким уровнем BDNF и собирали информацию об их друзьях, семьях, соседях, об обстановке в школе. И, конечно, об их домах. Всё об их домах, особенно о сигнализационных системах. Вся эта подготовительная работа была полезна для групп захвата, когда приходило время. Они также выискивали особенных детей, которые пока что не попали в поле зрения Института. И такие дети время от времени появлялись. Тест на BDNF вместе с PKU и шкалой Апгар были обычным делом в отношении новорожденных в больницах Америки, но, разумеется, не все дети рождались в больницах, и многие родители — ярые противники вакцинации — уклонялись от тестов.

Резиденты не имели понятия, кому они докладывали, или с какой целью; многие думали (ошибочно), что это какая-то правительственная программа Большого Брата. Большинство получали свои лишние пятьсот долларов, отправляли доклад и не задавали никаких вопросов. Естественно, время от времени, кто-нибудь всё же интересовался, и тогда обнаруживалось, что любопытство не только убивает кошек, но и их ежемесячные дивиденды.

Больше всего резидентов, почти пятьдесят человек, находилось в районе вокруг Института, и отслеживание талантливых детей не было их главной обязанностью. Основная их работа заключалась в выявлении людей, задающих неправильные вопросы. Они были, так сказать, минами-растяжками, системой раннего предупреждения.

Стакхаус отправил полдюжины людей в Деннисон-Ривер-Бенд — на всякий случай, если Диксон ошибся или солгал («Он не лгал, я бы это поняла, — настаивала

миссис Сигсби»), но большинство послал в район Прек-Айл. Одному из них было поручено связаться с местной полицией и сказать, что он якобы видел мальчика, которого показывали в новостях по «Си-Эн-Эн». Этот мальчик, согласно новостям, разыскивается в свете убийства своих родителей. Его зовут Люк Эллис. Резидент сказал полиции, что не уверен, тот ли это мальчик, но он был очень похож, и выпрашивал денег. Миссис Сигсби и Стакхаус знали, что если беглец попадёт в руки полиции, это не будет наилучшим решением проблемы, но с полицией можно договориться. К тому же, всё, что Эллис скажет им, будет воспринято, как бредни неуравновешенного ребёнка.

Мобильные телефоны не работали ни в Институте, ни в городке — как и в радиусе двух миль, — так что поисковики пользовались рациями. Но *имелась* и проводная связь. На столе миссис Сигсби зазвонил стационарный телефон. Стакхаус взял трубку.

— Да? С кем я говорю?

Это была доктор Фелиция Ричардсон, которая сменила Зика в комнате связи. Её задница тоже была на кону, и она это прекрасно понимала.

— У меня на связи один из резидентов. Парень по имени Джин Левек. Говорит, он нашёл лодку Эллиса. Переключить его на вас?

— Немедленно!

Миссис Сигсби встала перед Стакхаусом, разведя руки, и беззвучно произнесла: «*Что?*»

Стакхаус проигнорировал её. Раздался щелчок и на линии появился Левек. У него был сильный говор Сент-Джон-Вэлли^[91], который резал ухо.

— Я нашёл посудину.

— Мне сказали. Где?

— Она села на мель примерно в пяти милях вверх по реке от Прек-Айла. Внутри было норм воды, но ручка весла — только одного — лежала на сиденье. Оставил, где была. Никому не звонил. Тама кровь на весле. А ещё скажу вам, тама чуть повыше есть децельный порог. Если ентот пацан ваш не привычный к лодкам, особенно к вот таким вот...

— То его могло выкинуть за борт, — закончил Стакхаус. — Оставайтесь на месте, вышлю к вам пару ребят. И спасибо.

— Дык, за то мне и платят, — сказал Левек. — Я не рассчитываю, что вы скажете мне, чем он занят.

Стакхаус закончил звонок, который дал ответ конкретно на *этот* глупый вопрос, и пересказал всё миссис Сигсби.

— Если повезёт, этот мелкий ублюдок утонул, и кто-нибудь найдёт его тело к вечеру или завтра, но мы не может рассчитывать на удачу. Хочу отправить Рэйфа и Джона — вся моя охрана, но это *изменится*, когда всё закончится — в центр Прек-Айла, как можно скорее. Если Эллис идёт пешком, именно туда он и отправится в первую очередь. Если ловит попутку, его подберёт и задержит полиция штата или какой-нибудь городской коп. Всё-таки, он сумасшедший пацан, который убил своих родителей, а потом сбежал в Мэн.

— Вы правда настолько оптимистично настроены, как говорите? — Ей действительно было любопытно.

— Нет.

Постояльцам разрешили выйти из своих комнат на ужин. Во время еды стояла тишина. Вокруг детей, как акулы, кружили санитары и техники. Они явно были на

взводе, готовые ударить или применить электродубинку, если хоть кто-то пикнет. И всё же за этой кажущейся тишиной стояло настолько сильное возбуждение, что Фрида Браун ощутила лёгкое опьянение. Был совершён побег. Все дети радовались, но никто не хотел показывать этого. А *она* радовалась? Фрида не была в этом уверена. Часть её да, но...

Рядом с ней сидел Эйвери, закапывая две своих сосиски в печёные бобы, а потом раскапывая. Погребая их и эксгумируя. Фрида не была такой смышлёной, как Люк Эллис, но была достаточно умна, и знала, что такое «погребение» и «эксгумация». Но она не знала, что будет, если Люк расскажет о происходящем здесь тому, кто поверит ему. В частности, что с *ними* будет? Отпустят ли их? Отправят ли домой к родителям? Фрида была уверена, что именно в это хотят верить дети — отсюда и тишина в столовой, — но сама сомневалась. Ей было всего четырнадцать, но она уже была закоренелым циником. Она рисовала человечков с улыбками, но сама редко улыбалась. Кроме того, она знала то, чего не знали остальные. Эйвери был в офисе миссис Сигсби и там выложил всё начистоту.

А это значило, что Люк никуда не денется.

— Ты собираешься есть или будешь играть?

Эйвери отодвинул тарелку в сторону и встал. Вернувшись от миссис Сигсби, он был похож на мальчика, который увидел призрака.

— В меню на десерт есть яблочный пирог и шоколадный пудинг, — сказала Фрида. — Тут не как дома — по крайней мере, у меня, — где нужно съесть всё, что лежит на тарелке.

— Я не голодный, — сказал Эйвери и ушёл из столовой.

Но через два часа, когда детей снова отправили по комнатам (гостиная и столовая были объявлены запретными территориями, а дверь на игровую

площадку заперли), он пришёл в комнату Фриды в пижаме, сказал, что проголодался и попросил у Фриды жетоны.

— Ты шутишь? — спросила она. — Я только недавно попала сюда. — На самом деле у неё было три жетона, но она не собиралась делиться с Эйвери. Он нравился ей, но не *настолько*.

— А, ну ладно.

— Возвращайся в кровать. Пока спишь, есть не хочется, а когда проснёшься, уже будет завтрак.

— Можно спать с тобой, Фрида? Ведь Люка нет.

— Ты должен быть в своей комнате. А то у нас могут быть проблемы.

— Я не хочу спать один. Они делали мне больно. Они били меня током. Что если они вернутся и снова сделают мне больно? Они могут, если найдут меня...

— Что?

— Ничего.

Она задумалась. Вообще-то она много о чём размышляла. Отменным мыслителем была Фрида Браун из Спрингфилда, Миссури.

— Ну... ладно. Забирайся в кровать. А я лягу чуть позже. Хочу посмотреть передачу о животных. Ты знал, что некоторые дикие животные поедают своих детёнышей?

— Правда? — Эйвери выглядел потрясённым. — Это ужасно грустно.

Она похлопала его по плечу.

— Многие не едят.

— О, это хорошо.

— Да. Теперь ложись и не болтай. Не люблю, когда болтают одновременно с телеком.

Эйвери забрался в постель. Фрида смотрела передачу о животных. Аллигатор бился со львом. Или это был крокодил. В общем, было интересно. И Эйвери был интересен. Потому что у Эйвери был секрет. Если

бы она была таким же сильным ТП, как он, то уже узнала бы. Но она только что-то почувствовала.

Когда она убедилась, что он спит (он слегка похрапывал, как и полагается маленьким мальчиком), она выключила свет, забралась к нему в постель и потрясла его.

— Эйвери.

Он хрюкнул и попытался отвернуться от неё. Она не дала.

— Эйвери, куда пошёл Люк?

— Прекиль, — пробормотал он.

Она не представляла, что такое *Прекиль*, и ей было всё равно, потому что это было неправдой.

— Ну же, куда он пошёл? Я не расскажу.

— Вверх по красным ступенькам, — сказал Эйвери. Он всё ещё почти спал. Может, думал, что это сон.

— Что за красные ступеньки? — прошептала она ему на ухо.

Он не ответил, и когда в этот раз он попытался отвернуться от неё, Фрида отпустила его. Потому что получила то, что хотела. В отличие от Эйвери (и Калиши в лучшие дни), она не то, чтобы могла читать мысли. Но обладала интуицией, которая, вероятно, строилась на размышлениях, и, порой, если человек был очень открыт (как сонный маленький мальчик), она получала короткие ясные картинки.

Она легла на бок, глядя на потолок комнаты и размышляя.

Десять часов вечера. В Институте стояла тишина.

Софи Тёрнер, одна из ночных санитаров, сидела за столиком для пикников на игровой площадке, курила

запрещённую сигареты и стряхивала пепел в колпачок от бутылки «Витаминуотер». Рядом сидел доктор Эванс, положив руку ей на бедро. Он наклонился и поцеловал её в шею.

— Нет, Джимми, — сказала она. — Не сегодня, когда все на ушах. Не известно, кто может наблюдать.

— Ты сотрудник Института и куришь сигарету, пока всё место на ушах, — сказал он. — Если уж хочешь быть плохой девочкой, то нужно быть ею до конца.

Он скользнул рукой выше и тут она уже задумалась, не убрать ли её, когда оглянулась и увидела девочку — одну из новеньких, — стоящую в дверях гостиной. Она прислонила ладони к стеклу и смотрела на них.

— Чёрт возьми! — сказала Софи. Она убрала руку Эванса и смяла сигарету. Подошла к двери, отперла её, рывком распахнула и схватила любопытную Варвару за шею. — Что ты тут делаешь? Никаких прогулок по ночам, тебя разве не предупреждали? Гостиная и столовая под запретом! Так что, если не хочешь, чтобы тебя как следует выпороли, возвращайся в свою...

— Я хочу поговорить с миссис Сигсби, — сказала Фрида. — Прямо сейчас.

— Ты спятила? Последний раз говорю, возвращайся...

Доктор Эванс протолкнулся через Софи, даже не извинившись. Сегодня ему больше ничего не перепадёт, решила Софи.

— Фрида? Ты Фрида, так?

— Да.

— Почему бы тебе не рассказать мне?

— Я буду говорить только с ней. Потому что она босс.

— Это так, и у босса был тяжёлый день. Почему бы тебе не рассказать мне, и уж я решу, достаточно ли это важно, чтобы передать ей.

— Ох, ну хватит, — сказала Софи. — Разве ты не видишь, когда эти сопляки вешают тебе лапшу на уши?

— Я знаю, где был Люк, — сказал Фрида. — Я не скажу вам, но скажу ей.

— Она врёт, — сказала Софи.

Фрида ни разу не взглянула на неё, продолжая смотреть на доктора Эванса.

— Нет.

Эванс колебался недолго. С побега Люка Эллиса скоро минует двадцать четыре часа, он может быть где угодно, болтая с полицейским или, боже упаси, с репортёром. В обязанности Эванса не входила оценка заявления девочки, каким бы надуманным оно не казалось. Это была работа миссис Сигсби. А его работа — не допустить ошибки, которая заведёт его в реку дерьма без бродней.

— Лучше бы тебе говорить правду, Фрида, или тебе будет очень больно. Ты ведь понимаешь это, так?

Она только взглянула на него.

18

Десять-двадцать.

Вагон «Саутвэй Хкспресс», в котором Люк спал позади мотоблоков, газонокосилок и упакованных подвесных моторов, покидал штат Нью-Йорк, направляясь в Пенсильванию и входя в скоростной коридор, по которому должен был идти следующих три часа. Скорость состава возросла до 79-ти миль в час, и горе тому, кто остановится на переезде или заснёт на путях.

Фрида Браун стояла перед столом в офисе миссис Сигсби. Она была одета в розовую пижаму-комбинезон, более приятную, чем любая из её домашних пижам. Её

волосы были заплетены в косички, а руки сцеплены за спиной.

Стакхаус дремал на диване в маленькой жилой комнате, примыкающей к офису. Миссис Сигсби не видела причины будить его. По крайней мере, сейчас. Она оглядела девочку и не заметила ничего примечательного. Она была такой же, как её фамилия^[92]: карие глаза, коричневатые волосы, смуглая кожа цвета кофе с молоком. Судя по её досье, её уровень BDNF был также ничем не примечателен, во всяком случае, по стандартам Института; пригодный, но не поразительный. И всё-таки *что-то* было в этих карих глазах. Это мог быть взгляд игрока в бридж или вист, у которого на руках большие козыри.

— Доктор Эванс говорит вы знаете, где пропавший ребёнок, — сказала миссис Сигсби. — Не желаете ли поведать, кто нашептал вам?

— Эйвери, — ответила Фрида. — Он пришёл ко мне в комнату. И сейчас спит там.

Миссис Сигсби улыбнулась.

— Боюсь, вы немного опоздали, моя дорогая. Мистер Диксон уже рассказал нам всё, что знал.

— Он солгал. — Она всё ещё стояла со сцепленными за спиной руками и внешне выглядела спокойной, но миссис Сигсби имела дело со многими и многими детьми, и знала, что этой девочке было страшно находиться здесь. Она осознавала риск. И всё же смотрела на неё уверенными глазами. Это было достойно уважения.

В офис вошёл Стакхаус, заправляя рубашку.

— Это кто?

— Фрида Браун. Маленькая девочка с конфабуляцией. Уверена, вы не знаете такого слова, моя дорогая.

— Знаю, — ответила Фрида. — Это значит говорить неправду, но я не лгу.

— Как и Эйвери Диксон. Я уже говорила мистеру Стакхаусу и теперь повторю вам: я знаю, когда дети лгут.

— О, может, он и рассказал большую часть правды. Вот, почему вы поверили. Но он не всё рассказал о Прекиле.

Миссис Сигсби нахмурилась.

— Что...

— Прек-Айл? — Стакхаус подошёл к Фриде и взял её за руку. — Ты это хочешь сказать?

— Так сказал *Эйвери*. Но это была ложь.

— Откуда вы зн... — начала миссис Сигсби, но Стакхаус жестом прервал её.

— Если он солгал насчёт Прек-Айла, то какова же правда?

Она хитро улыбнулась ему.

— А что мне за это будет, если скажу?

— Ты *не получишь* удар током, — сказала миссис Сигсби. — И не окажешься на волоске от смерти.

— Если прижжёте меня, может, я что-нибудь и расскажу, но не факт, что это будет правдой. Как и Эйвери не рассказал вам правды, когда вы прижгли *его*.

Миссис Сигсби хлопнула ладонью по столу.

— Не играйте со мной, юная мисс! Если есть, что сказать...

Стакхаус снова поднял руку. Он встал на колени перед Фридой. Из-за его роста их глаза всё равно не оказались на одной линии, но были почти наравне. — Чего ты хочешь Фрида? Вернуться домой? Скажу тебе прямо: этого не случится.

Фрида почти рассмеялась. Вернуться домой? К её *el doro* ^[93] матери с её нескончаемым потоком *el doro*

ухажёров? Последний хотел, чтобы она показала ему грудь, чтобы увидеть «насколько созрела ягодка».

— Мне это не нужно.

— Ладно, тогда что?

— Я хочу остаться здесь.

— Это довольно необычная просьба.

— Но я не хочу никаких игл, и никаких больше тестов, и я не пойду в Заднюю Половину. Никогда. Хочу остаться здесь, вырасти и стать санитаром, как Глэдис или Вайнона. Или техником, как Тони или Эван. Или даже могу научиться готовить и стать поваром, как шеф Дуг.

Стакхаус посмотрел поверх плеча девочки, не поразило ли услышанное миссис Сигсби так же, как его. Определённо.

— Скажем так... э... постоянное проживание можно организовать, — сказал он. — Скажем, оно *будет* организовано, если твоя информация поможет, и мы поймаем его.

— Его поимка не может быть частью сделки, потому что это не справедливо. Его поимка зависит от *вас*. Я даю только информацию. И всё.

Он снова посмотрел поверх плеча Фриды на миссис Сигсби, которая слегка кивнула.

— Ладно, — сказал он. — Договорились. Теперь выкладывай.

Она лукаво улыбнулась ему, и он задумался, а не стереть ли эту улыбку с её лица. Задумался на секунду, но со всей серьёзностью.

— И я хочу пятьдесят жетонов.

— Нет.

— Тогда сорок.

— Двадцать, — сказала миссис Сигсби у неё за спиной. — И только, если ваша информация полезна.

Фрида задумалась над этим.

— Ладно. Но откуда мне знать, что вы выполните обещания?

— Придётся поверить на слово, — сказала миссис Сигсби.

Фрида вздохнула.

— Пожалуй.

Стакхаус сказал:

— Больше никаких торгов. Если тебе есть что сказать, — говори.

— Он сошёл на берег до Прекиля. Он поднялся по какой-то красной лестнице. — Она помедлила, потом рассказала остальное. — Там есть железнодорожная станция. Вот, куда он пошёл. На железнодорожную станцию.

19

После того, как Фриду отослали в её комнату вместе с жетонами (и с предупреждением, что все обещания будут аннулированы, если она хоть словом обмолвится о том, что было в офисе миссис Сигсби), Стакхаус позвонил в комнату связи. Энди Феллоуз вернулся из посёлка и сменил Фелицию Ричардсон. Стакхаус передал Феллоузу указания и попросил всё сделать без лишнего шума. Феллоуз ответил утвердительно, но сказал, что ему потребуется несколько минут.

— Но только несколько, — сказал Стакхаус. Он повесил трубку и позвонил Рэйфу Пуллману и Джону Уолшу, двум своим охранникам, которые были наготове.

— Может, вам лучше попросить одного из наших ручных копов, чтобы он сходил на станцию? — спросила миссис Сигсби, когда он закончил разговор. Двое сотрудников полиции Деннисон-Ривер-Бенда были резидентами Института, составляя при этом двадцать

процентов от общего числа полицейских. — Разве так не будет быстрее?

— Быстрее, но, возможно, не безопаснее. Только в случае крайней необходимости. Я не хочу, чтобы информация об этом дерьмо-параде распространилась дальше, чем уже есть.

— Но если он добрался до поезда, то может быть *где угодно!*

— Мы даже не знаем, был ли он там. Девчонка могла просто нести чушь.

— Я не думаю.

— Вы также говорили о *Диксоне*.

Это было справедливое — и обескураживающее, — замечание, но оно не смутило её. Ситуация была слишком серьёзной, чтобы отвлекаться. — Аргумент принят, Тревор. Но если бы он остался в таком маленьком городе, его бы уже давно заметили!

— Может, и нет. Он очень смыслёный парень. Мог где-нибудь залечь на дно.

— Но поезд — самый оптимальный вариант, и вы это знаете.

Снова зазвонил телефон. Они оба потянулись к нему, но Стакхаус оказался первым.

— Да, Энди. Сделал? Хорошо, говори. — Он схватил блокнот и быстро что-то записал в нём. Она наклонилась над его плечом и прочитала:

4297-й в 10 утра.

16-й в 2:40 дня.

77-й в 5 вечера.

Он обвёл кружком *4297-й в 10 утра*, спросил о месте прибытия, затем добавил: *Порт, Портс, Стер.*

— Во сколько поезд прибывает в Стербридж?

Он записал: *в 4-5 вечера*. Миссис Сигсби посмотрела на него с тревогой. Она знала, о чём думал Тревор: мальчишка хотел уехать как можно дальше — если допустить, что он сел на поезд. И остановился в Стербридже. Даже, если поезд опоздал, он прибыл туда пять часов назад.

— Спасибо, Энди, — сказал Стакхаус. — Стербридж — это ведь Западный Массачусетс?

Он слушал, кивая.

— Ладно, пусть на магистрали, но это всё равно должен быть довольно маленький пункт назначения. Может, перевалочная станция. Узнай, идёт ли туда этот поезд или какая-то его часть? Может, с другим локомотивом или что-то вроде того?

Он слушал.

— Нет, просто догадка. Если он уехал на этом поезде, то Стербридж может показаться ему недостаточно далеко, чтобы вздохнуть с облегчением. Он может двинуться дальше. На его месте я бы так и поступил. Проверь и сообщи как можно скорее.

Он повесил трубку.

— Энди взял информацию с сайта станции, — сказал он. — Без проблем. Чудеса, да и только, а? В наши дни всё есть в интернете.

— Но не мы, — сказала она.

— Пока что, — возразил он.

— Что дальше?

— Ждём Рэйфа и Джона.

И они ждали. Часы перевалили за полночь. Чуть позже половины первого на столе зазвонил телефон. В этот раз трубку схватила миссис Сигсби, назвала своё имя, а затем выслушала звонящего, кивая головой.

— Хорошо. Всё поняла. Теперь идите на станцию... в депо... на пути... или как там это у них называется... и посмотрите, есть ли там кто... а-а.

Она повесила трубку и повернулась к Стакхаусу.

— Это были ваши силы безопасности. — Она произнесла это с некоторым сарказмом, потому что сегодня ночью служба охраны Стакхауса состояла только из двух человек старше пятидесяти и далеко не в идеальной физической форме. — Браун всё сказала правильно. Они нашли лестницу, нашли следы от обуви, даже нашли пару кровавых отпечатков пальцев, примерно на середине лестницы. Рэйф предполагает, что Эллис либо остановился там передохнуть, либо завязать шнурки. Сейчас они пользуются фонариками, но Джон говорит, возможно, они смогут найти больше следов, когда рассветёт. — Она сделала паузу. — И они проверили станцию. Никого, даже ночного сторожа.

Несмотря на то, что в офисе был кондиционер, выставленный на благодные семьдесят два градуса, Стакхаус вытер пот со лба.

— Ситуация скверная, но мы всё ещё можем уладить её без этого. — Он указал на нижний ящик её стола, где лежал Нулевой Телефон. — Конечно, если он добрался до копов в Стербридже, ситуация резко усложняется. И для этого у него было целых пять часов.

— Совсем не обязательно, даже если он доехал до туда, — сказала она.

— Почему нет? Он не знает, что разыскивается за убийство своих родителей. Да и откуда, если он даже не знает, что они мертвы?

— Если и не знает, то догадывается. Он очень умный, Тревор, не забывайте об этом. Знаете, как бы я первым делом поступила на его месте, сойдя с поезда в Стербридже, Массачусетс... — Она посмотрела на блокнот. — ...в четыре или пять часов пополудни? Я бы помчалась в библиотеку и вышла в интернет, чтобы узнать о том, что случилось дома.

В этот раз они оба посмотрели на нижний ящик.

Стакхаус сказал:

— Ладно, давайте расставим сети пошире. Мне это не по нраву, но другого выбора, похоже, нет. Давайте выясним, есть ли у нас кто в окрестностях Стербриджа. Узнаем, не объявлялся ли он там.

Миссис Сигсби села за свой стол, но телефон зазвонил, как только она потянулась к нему. Она коротко выслушала звонящего и передала трубку Стакхаусу.

Это был Энди Феллоуз. Он неплохо поработал. Судя по всему, на станции в Стербридже была ночная смена, и когда Феллоуз представился менеджером службы снабжения компании «Даун-Ист Фрейт», который искал потерявшийся груз живых омаров, начальник смены рад был помочь. Нет, в Стербридж не выгружались никакие омары. И да, большая часть 4297-го отправилась дальше, только с более мощным локомотивом. Поезд № 9956 держал путь на юг, в Ричмонд, Уилмингтон, Дюпре, Бруинсвик, Тампу и, наконец, в Майами.

Стакхаус всё это записал, затем спросил о двух неизвестных ему городах.

— Дюпре в Южной Каролине, — ответил Феллоуз. — В общем, обычный полустанок: три дома, два забора, но это перевалочный пункт для поездов, идущих с запада. У них там есть несколько складов. Вероятно, поэтому город до сих пор не загнулся. Бруинсвик находится в Джорджии. Размером чуть побольше. Я думаю, там загружают изрядное количество продуктов и морепродуктов.

Стакхаус повесил трубку и посмотрел на миссис Сигсби.

— Давайте рассуждать...

— Рассуждать, — повторила миссис Сигсби. — Это слово вам не к лицу и...

— Прикусите язык.

Никто другой не смел говорить с миссис Сигсби в такой резкой (и грубой) манере, а ещё никто другой не

смел называть её по имени. Стакхаус принялся расхаживать по офису, его лысая голова блестела в свете ламп. Иногда ей казалось, что он и правда натирает её воском.

— Что мы имеем в этом учреждении? — спросил он. — Я скажу. Около сорока сотрудников в Передней Половине и ещё две дюжины в Задней, не считая Хекла и Джекла. Потому что нам нужно держать оборону. Приходится, но сегодня от неё толку мало. В этом ящике лежит телефон, который может дать нам любую помощь, но если мы воспользуемся им, наши жизни изменятся, и не к лучшему.

— Если мы воспользуемся этим телефоном, мы можем *лишиться* наших жизней, — сказала миссис Сигсби.

Он пропустил это мимо ушей.

— У нас резидентура по все стране, добротная информационная сеть, включающая полицейских и медиков низкого ранга, работников мотелей, репортёров еженедельных изданий в маленьких городках, и пенсионеров, у которых много свободного времени на изучение интернет-сайтов. Кроме того, в нашем распоряжении есть две группы захвата и «Челленджер», который может быстро доставить их практически в любую точку. И у нас есть наши мозги, Джулия, наши мозги. Он шахматист; санитары часто видели его играющим с Уилхолмом, но пришло время для настоящих шахмат, в которые он никогда раньше не играл. Так что, давайте рассуждать.

— Ладно.

— Мы попросим резидента связаться с полицией в Стербридже. Та же история, что и в Прек-Айле: наш человек скажет, что вроде бы видел ребёнка, похожего на Эллиса. То же самое в Портленде и Портсмуте, хотя с трудом верится, что он мог сойти с поезда так рано.

Стербридж кажется вероятнее всего, но для верности активизируем наших людей везде.

— Вы уверены, что это не просто принятие желаемого за действительное?

— О, я желал бы вообще ни хрена не делать. Но если он думает так же хорошо, как убегает, то это имеет смысл.

— Когда поезд № 4297 стал поездом № 9956, мальчишка остался на нём. Вы к этому ведёте.

— Да. 9956-й остановится в Ричмонде примерно в два часа ночи. Нужно, чтобы кто-то, желательно несколько человек, последили за поездом. Так же в Уилмингтоне, где он остановится между пятью и шестью утра. Но знаете, что? Я думаю, он там не сойдёт.

— Считаете, поедет до конца линии. — Тревор, подумала она, ты продолжаешь ползти всё выше и выше по древу рассуждений, и каждая ветвь тоньше предыдущей.

Но, что ещё оставалось, теперь, когда ребёнок пропал? Если ей придётся воспользоваться Нулевым Телефоном, ей скажут, что они должны были быть готовы к чему-то подобному. Легко сказать, но как можно было предвидеть, что отчаявшийся двенадцатилетний ребёнок способен отрезать себе мочку уха, чтобы избавиться от трекера? Или, что экономка будет помогать и содействовать ему? А потом ей скажут, что сотрудники Института стали ленивыми и расхлябанными... и что она ответит на это?

— ...линии.

Она вернулась в здесь и сейчас и попросила его повторить.

— Я сказал, что он не обязательно поедет до конца линии. Такой умный ребёнок, как он, догадался бы, что мы отправим туда людей, если выясним маршрут поезда. И я не думаю, что он сойдёт в густонаселённом

районе. Особенно в Ричмонде, незнакомом городе и посреди ночи. Возможно, в Уилмингтоне — этот город меньше и уже будет светло, когда 9956-й доберётся туда, — но я склоняюсь к одному из полустанков. Думаю, либо Дюпре, Южная Каролина, либо Брунсвик, Джорджия. Если, конечно, он на этом поезде.

— Возможно, он даже не знает, куда направляется после Стербриджа. В таком случае, он *может* поехать до конца.

— Если он внутри с кучей помеченного груза, то знает.

Миссис Сигсби поняла, что уже много лет не испытывала подобного страха. Может, вообще никогда. Они рассуждали или просто стоили догадки? И если второе, разве могло прийти им в голову столько дельных за раз? Но это всё, что у них было, поэтому она кивнула.

— Если он сойдёт на одной из маленьких остановок, мы могли бы послать группу захвата, чтобы вернуть его. Боже, Тревор, это было бы просто идеально.

— *Две* группы. «Опал» и «Руби Ред». Именно «Руби» доставила его сюда. Тогда круг замкнётся.

Миссис Сигсби вздохнула.

— Главное, чтобы он оказался на этом поезде.

— Я вполне в этом уверен, и мне этого достаточно. — Стакхаус улыбнулся ей. — Садитесь за телефон. Разбудите людей. Начните с Ричмонда. Мы платим этим мужчинам и женщинам по всей стране — сколько? Миллион в год? Так что пусть работают.

Тридцать минут спустя миссис Сигсби вернула трубку на место.

— Если он в Стербридже, то, должно быть, прячется в водосточной трубе, в заброшенном доме или ещё где — в полиции его нет, иначе мы бы об этом знали. Наши люди в Ричмонде и в Уилмингтоне будут дожидаться

прибытия поезда, для чего у них уже готовы убедительные легенды.

— Ясно. Отличная работа, Джулия.

Она устало подняла руку в знак признания.

— Наводка даёт весомый бонус, и этот бонус будет ещё весомей — сродни нежданной удаче, — если у наших людей появится шанс схватить мальчишку и доставить его в безопасное место для передачи. Может, не в Ричмонде, потому что оба наших человека там — обычные граждане, но резидент в Уилмингтоне — полицейский. Молитесь, чтобы это случилось именно там.

— А что насчёт Дюпре и Брунсвика?

— Двое наших людей ведут наблюдение в Брунсвике, пастор близлежащей методистской церкви и его жена. И только один в Дюпре, но он местный. Владелец городского мотеля.

20

Люк снова оказался в иммерсионном баке. Зик держал его под водой, а перед глазами кружили огни штази. А ещё они были внутри его головы, что было в десятки раз хуже. Он почти захлебнулся, глядя на них.

Сначала ему показалось, что крик, который он услышал, придя в сознание, был его собственный, и он удивился тому, как сумел издать столь дикий и пронзительный вопль под водой. Затем он вспомнил, что находится в товарном вагоне, который был частью движущегося поезда, быстро замедляющего ход. Это был не крик, а визг стальных колёс по стальным рельсам.

Цветные точки были видны секунду-две, а потом исчезли. Вагон погрузился в крошечную тьму. Люк

попытался размять затёкшие мышцы, но обнаружил, что зажат: упали три или четыре коробки с подвесными моторами. Ему хотелось верить, что он опрокинул их, ворочаясь во время страшного сна, но он мог сделать это и силой мысли, находясь во власти чёртовых огней. Когда-то пределом его мысленной силы было скидывание подносов для пиццы с ресторанных столиков на пол или перелистывание страниц книги, но времена изменились. *Он* изменился. Сколько ещё всего он не знал, да и не хотел знать.

Поезд замедлился сильнее, постукивая колёсами на стыках рельс. Люк понимал, что находится в довольно затруднительном положении. Его тело пока что не было в состоянии «красной тревоги», но уже определённо достигло «жёлтого кода». Он был голоден и это было плохо, но пустой желудок явно проигрывал жажде. Он вспомнил, как скользил по берегу к тому месту, где был привязан С. С. *Поки*, и как плеснул холодной водой себе в лицо и зачерпнул в рот. Он отдал бы всё, чтобы ещё раз хлебнуть воды из этой реки. Он провёл языком по губам, но от этого не стало легче — язык тоже был довольно сухим.

Поезд остановился и Люк снова сложил коробки, работая на ощупь. Они были тяжёлыми, но он справился. Он не представлял, где находится, потому что в Стербридже кто-то до конца закрыл дверь вагона «Саутвэй Экспресс». Он вернулся в своё убежище и стал ждать, чувствуя себя весьма паршиво.

Он снова задремал, несмотря на голод, жажду, переполненный мочевой пузырь и пульсирующее ухо, когда дверь вагона с грохотом распахнулась, впуслав поток лунного света. Который после темноты показался люку наводнением, когда он проснулся. К вагону задом подъезжал грузовик, а какой-то парень выкрикивал:

— Давай... ещё немного... давай... ещё чуток... *стой!*

Грузовик остановился. Послышался звук открывающейся двери кузова, а затем в вагон запрыгнул мужчина. Люк почувствовала запах кофе и у него заурчало в животе, достаточно громко, чтобы мужчина мог услышать. Но всё обошлось. Когда Люк выглянул из-за газонокосилок, он увидел человека в рабочей одежде и с защитными наушниками на голове.

К первому присоединился второй и установил фонарь, направив его — слава богу — на дверь, а не в сторону Люка. Они опустили стальную рампу и начали переносить ящики из кузова в вагон. На каждом была надпись «КЕЛЕР, ЭТОЙ СТОРОНОЙ КВЕРХУ» и «СОБЛЮДАЙТЕ ОСТОРОЖНОСТЬ». Значит, где бы он ни находился, это был ещё не конец линии.

Загрузив десять или двенадцать ящиков, мужчины остановились и съели пончики из бумажного пакета. Люку потребовались все силы — мысли о Зике, топящем его в баке, о близнецах Уилкокс, о Калише и Ники и обо всех остальных, чья судьба зависела от него, — чтобы удержаться и не выскочить из укрытия, выпрашивая у этих людей кусочек, всего один кусочек. Он почти решился, если бы один из них не произнёс то, что заставило Люка застыть на месте.

— Эй, ты не видел тут паренька?

— Что? — спросил второй с полным ртом пончиков.

— Паренька, ну — ребёнка. Когда носил машинисту термос.

— Что тут может делать ребёнок? Сейчас половина третьего ночи.

— Какой-то мужик спрашивал, когда я ходил за пончиками. Сказал, что ему звонил шурин из Массачусетса, разбудил и попросил проверить железнодорожную станцию. Мол, у него сбежал сын. Сказал, что тот постоянно болтал о товарняках и поездке до Калифорнии.

— Это ж на другом конце страны.

— Я-то знаю. И ты знаешь. Но знает ли ребёнок?

— Если не двоечник, то знает, что Ричмонд пиздец как далеко от Лос-Анджелеса.

— Да, но ещё это узловой пункт. Мужик сказал, что он может быть на этом поезде; может сойти с него и попытаться запрыгнуть на другой, идущий на запад.

— Короче, я не видел никакого паренька.

— Мужик сказал, что его шурин готов заплатить.

— Да хоть миллион долларов, Билли, но только я не видел никакого ребёнка, если он тут вообще появлялся.

«Если в животе снова заурчит, — мне конец, — подумал Люк. Кранты. Жопа».

Снаружи кто-то крикнул:

— Билли! Дуэйн! У вас двадцать минут, заканчивайте!

Билли и Дуэйн погрузили ещё несколько ящиков «КЕЛЕР» в вагон, затем подняли рампу и уехали. Люк успел разглядеть очертания города — какого именно, он не знал, — а затем появился человек в спецовке и кепке железнодорожника и задвинул дверь... но в этот раз не до конца. Люк догадался, что в направляющих есть какая-то помеха. Через пять минут поезд снова пришёл в движение, сначала медленно, стуча колёсами на стыках и пересечениях рельс, а затем набирая скорость.

Какой-то мужик, который назвался шурином другого мужика.

Сказал, что тот постоянно болтал о товарняках.

Они знали, что Люк сбежал, и если даже нашли Поки ниже по течению от Деннисон-Ривер-Бенд, это не обмануло их. Должно быть, заставили Морин говорить. Или Эйвери. Мысль о пытках Эйвестера была слишком невыносимой, поэтому Люк прогнал её. Если у них были люди, наблюдавшие не сойдёт ли он здесь, то значит такие люди будут ждать его и на следующей остановке, а к тому времени уже рассветёт. Вероятно, они не

хотели наводить шум, а просто наблюдали и докладывали обстановку, но вполне возможно, могли попытаться схватить его. Зависит от того, сколько их всего. И, конечно, насколько они отчаянные.

«Мне повезло сесть на поезд, — подумал Люк, — но ведь это не всё, что я мог сделать. Как они узнали так *быстро?*»

А между тем, по крайней мере, с одной трудностью Люк мог справиться самостоятельно. Держась для равновесия за сиденье газонокосилки, он открутил крышку топливного бака мотоблока «Джон Дир», расстегнул ширинку и отлил в пустой бак, как ему показалось, не меньше двух галлонов. Не очень хороший поступок, самая настоящая подлянка для того, кому в итоге достанется этот мотоблок, но обстоятельства были чрезвычайными. Он поместил крышку бака на место и туго закрутил. Затем сел на сиденье газонокосилки, положил руки на пустой живот и закрыл глаза.

Подумай о своём ухе, сказал он себе. И подумай о царапинах на спине. Подумай о том, как всё это болит, и тогда забудешь о голоде и жажде.

Это сработало, но ненадолго. В голове возник образ детей, которые через пару часов выйдут из своих комнат и поплетутся в столовую на завтрак. Люк бессилен был избавиться от видений кувшинов с апельсиновым соком и автоматов с пуншем. Как же он хотел очутиться там прямо сейчас. Он бы выпил по стакану того и другого, а затем нагрузил бы свою тарелку омлетом с беконом.

Лучше не желать оказаться там. Это настоящее безумие.

И тем не менее, какая-то часть его желала.

Он открыл глаза, чтобы избавиться от видений. Один из кувшинов с соком заупрямился и не хотел уходить... затем Люк что-то увидел в пространстве

межу новыми ящиками и моторной техникой. Сперва он подумал, что это игра лунного света, который просачивался через зазор между дверью и стенкой вагона, или просто галлюцинация, но когда он дважды моргнул и оно никуда не делось, он слез с газонокосилки и пополз к нему. Справа от него, за дверью вагона мелькали залитые лунным светом поля. Покидая Деннисон-Ривер-Бенд, Люк с изумлением и восхищением пожирал глазами всё, что видел, но теперь внешний мир исчез для него. Он мог видеть только то, что было на полу товарного вагона: крошки от пончиков.

И один кусочек, покрупнее.

Люк поднял его первым. Чтобы собрать крошки поменьше, он намочил слюной большой палец. Боясь, что самые маленькие провалятся в щели в полу вагона, он нагнулся и слизал их языком.

21

Настала очередь миссис Сигсби немного поспать на диване в прилегающей комнате, и Стакхаус закрыл дверь, чтобы ни стационарный телефон, ни интерком не побеспокоили её. Феллоуз позвонил из комнаты связи без десяти три.

— 9956-й покинул Ричмонд, — сказал он. — Мальчика нет.

Стакхаус вздохнул и потёр подбородок, покрытый щетиной.

— Ясно.

— Жаль, что мы не можем остановить этот поезд на запасном пути и обыскать. Чтобы уж точно ответить на вопрос, там он или нет.

— Жаль, что все в этом мире не стоят взявшись за руки, распевая Give Peace a Chance^[94]. Во сколько он прибывает в Уилмингтон?

— Должен быть к шести. Или раньше, если выгадает время.

— Сколько у нас там людей?

— Сейчас двое, ещё один на пути из Голдсборо.

— Они знают, что усердствовать не нужно? Усердствующие люди вызывают подозрения.

— Думаю, всё будет в порядке. У них хорошая легенда: ребёнок-беглец, обеспокоенные предки.

— Лучше было бы в порядке. Держите меня в курсе.

В офис без стука вошёл доктор Хендрикс. Под глазами круги, одежда измята, а волосы торчали во все стороны.

— Есть новости?

— Пока нет.

— Где миссис Сигсби?

— Получает крайне необходимый отдых. — Стакхаус откинулся на спинку её кресла и потянулся. — Диксон ведь ещё не был в баке?

— Конечно, нет. — Осёл-Конг, казалось, слегка оскорбился от самой идеи. — Он не розовый. И рядом не стоял. Рисковать таким высоким BDNF, как у него, было бы безумием. Его способности практически невозможно расширить. Сигсби оторвала бы мне голову.

— Не оторвёт, и он отправится в бак сегодня же, — сказал Стакхаус. — Окунайте этого мелкого пиздюка, пока ему не покажется, что он отдал концы, а потом окунайте снова.

— Вы серьёзно? Он ценный экземпляр! Один из самых сильных ТП за последние годы!

— Мне наплевать, умеет ли он ходить по воде или стрелять молниями из задницы. Он помог Эллису сбежать. Пусть Грек займётся им, как только вернётся.

Он обожает сажать их в бак. Но передайте Зику: без летального исхода; я понимаю его ценность, но хочу, чтобы он пережил такой опыт, какой будет помнить столько, сколько *сможет* помнить. Затем отдайте его в Заднюю Половину.

— Но миссис Сигсби...

— Миссис Сигсби полностью согласна.

Оба мужчины резко повернулись. Она стояла в проходе между офисом и своей жилой комнатой. Стакхаус сначала подумал, что она выглядит так, будто увидела призрака, но это было не совсем так. Она выглядела так, будто и *была* призраком.

— Делайте так, как вам сказано, Дэн. Если это навредит его BDNF, так тому и быть. Он должен поплатиться.

22

Поезд снова тронулся и Люку подумалось ещё об одной песне из тех, что ему пела бабушка. Вроде бы о полуночном экспрессе^[95]. Он не мог вспомнить. Крошки от пончиков только обострили голод и усилили жажду. Его рот был пустыней, а язык песчаной дюной. Он клевал носом, но заснуть не мог. Прошло какое-то время, он не знал сколько, но вот уже свет от зари начали просачиваться в вагон.

По раскачивающемуся полу Люк подполз к приоткрытой двери вагона и выглянул наружу. Он видел редкие деревья, молодые сосны, маленькие городки, поля и ещё деревья. Поезд проехал по мосту и Люк с вожделением посмотрел на реку внизу. На этот раз вспомнилась не песня, а Кольридж^[96]. Вода, вода

повсюду, подумал Люк, вагона доски ссохлись. Вода, вода повсюду, но нечего нам пить.

Она скорее всего грязная, сказал он себе, но он всё равно выпил бы её. Пока не раздуло бы живот. И с удовольствием блеванул бы, потому что тогда смог бы выпить ещё.

Перед самым восходом солнца, красного и жаркого, он начал чувствовать в воздухе запах соли. Фермы сменились в основном складами и старыми кирпичными фабриками с заколоченными окнами. На фоне светлеющего неба возвышались краны. Неподалёку взлетали самолёты. Некоторое время поезд ехал вдоль четырёхполосной дороги. Люк видел людей в машинах, главной заботой которых была, разве что, предстоящая работа. Теперь он чувствовал запах ила, дохлой рыбы или того и другого вместе.

Я бы съел дохлую рыбу, если б в ней не было личинок, подумал Люк. А, может быть, даже с ними. Согласно «Нэшнл Джеографик», личинки являются хорошим источником органического белка.

Поезд начал замедляться, и Люк отступил в своё укрытие. Вагон опять начал постукивать колёсами на стыках и пересечениях рельс. И, наконец, остановился.

Несмотря на ранний час, место было оживлённым. Люк слышал шум грузовиков. Слышал смех и разговоры. Из бумбокса или радио доносился Канье — басы, как биение сердца, сначала бумхали, а потом затихали. Где-то рядом проехал локомотив, оставив после себя облако выхлопов. Последовали несколько рывков и толчков, когда вагоны добавлялись и удалялись от поезда Люка. Мужчины кричали по-испански и Люк понимал некоторые ругательства: *puta mierda, hijo de puta, chupapollas*^[97].

Прошло ещё какое-то время. Казалось, целый час, или пятнадцать минут. К вагону «Саутвэй Экспресс»

подъехал ещё один грузовик. Мужчина в спецовке распахнул дверь. Люк выглянул из-за мотоблока и газонокосилки. Мужчина запрыгнул в вагон, и между грузовиком и вагоном снова легла рампа. В этот раз в команде было четверо человек, двое чёрных и двое белых, все здоровенные и в татуировках. Они смеялись и разговаривали с сильным южным акцентом, напомнив Люку кантри-певцов на радио Миннеаполиса BUZ'N 102.

Один из белых парней сказал, что вчера он отплясывал с женой одного из чёрных. Чёрный наигранно изобразил, будто хочет ударить его, а белый парень наигранно отшатнулся назад, присев на стопку коробок с подвесными моторами, которые Люк не так давно сложил.

— Ну-ка, хорош, — сказал другой белый парень. — Я ещё хочу позавтракать.

«Я тоже, — подумал Люк. — Господи, я тоже».

Когда они начали грузить ящики «КОЛЕР» в грузовик, Люку подумалось, будто он смотрит тот же самый фильм, только в обратной перемотке. Это заставило его вспомнить о фильмах, которые, по словам Эйвери, показывали детям в Задней Половине, от чего начали возвращались точки — жирные и яркие. Дверь вагона дёрнулась, будто собиралась закрыться.

— Ёпта! — произнёс второй чёрный парень. — Кто там? — Он посмотрел. — Блин, вроде, никого.

— Бабайка, — сказал чёрный парень, который притворился, будто собирается ударить белого парня. — Живее, живее, давайте уже покончим с этим. Начальник станции сказал, что эта хуета и так опаздывает.

«*Всё ещё* не конец линии, — подумал Люк. — Может, я и не загнусь от голода, но точно загнусь от жажды». Из прочитанного он знал, что человек может прожить без воды три дня, прежде чем впасть в бессознательное

состояние, предшествующее смерти, но сейчас ему так не казалось.

Команды из четырёх человек погрузила в грузовик всё, кроме двух больших ящиков. Люк ждал, что они возьмутся за маломоторную технику и обнаружат его, но вместо этого они закатили рампу обратно в грузовик и закрыли откидной борт.

— Вы идите, — сказал белый парень, который пошутил насчёт жены чёрного. — А мне нужно заскочить в служебный вагон. Сбросить балласт.

— Блин, Мэтти, сожми очко покрепче.

— Не могу, — ответил белый парень. — У меня там будто чужой рвётся наружу.

Грузовик завёлся и уехал. Ненадолго наступила тишина, а затем белый парень, Мэтти, снова забрался в вагон; на его голых руках играли внушительные бицепсы. Когда-то, давным-давно, лучший друг Люка, Рольф, назвал такие бицепсы *заряжёнными пушками*.

— Ладно, бандит. Я видел тебя, когда уселся на те коробки. Теперь можешь выйти.

23

На мгновение Люк застыл на месте, думая, что если он останется совершенно неподвижным и бесшумным, мужчина решит, что ему показалось и уйдёт. Но это была детская мысль, а он уже не был ребёнком. Даже близко. Поэтому он выполз наружу и попытался встать, но у него затекли ноги, а голова кружилась. Он бы упал, если бы белый парень не поддержал его.

— Ни хрена себе, пацан, кто отхватил тебе ухо?

Люк попытался ответить. Сначала был слышен только хрип. Он прочистил горло и попытался снова.

— Я попал в неприятности. Сэр, у вас не найдётся что-нибудь поесть? Или попить? Я ужасно голоден и изнываю от жажды.

Не сводя глаз с изуродованного уха Люка, белый парень — Мэтти — залез в карман и достал полпачки конфет «Лайф Сэйверс». Люк схватил их, разорвал обёртку и сунул четыре штуки в рот. Он думал, что вся слюна исчезла, поглощённая жаждущим телом, но откуда-то, будто из невидимых желез, брызнула ещё и сахар волной ударил ему в голову. На мгновение вспыхнули точки, пробежав по лицу белого парня. Мэтти огляделся, будто почувствовал чьё-то приближение, затем перевёл взгляд на Люка.

— Когда ты ел в последний раз?

— Не знаю, — ответил Люк. — Не могу точно вспомнить.

— Долго ты едешь на поезде?

— Около дня. — Должно быть, но казалось гораздо дольше.

— С самого Янкиленда?[\[98\]](#)

— Да. — Мэн — самый что ни на есть Янкиленд, подумал Люк.

Мэтти указал на ухо Люка.

— Кто это сделал? Твой отец? Отчим?

Люк встревоженно уставился на него.

— Кто... почему вы так думаете? — Но даже в его нынешнем состоянии, ответ был очевиден. — Кто-то ищет меня. Как и на последней остановке. Сколько их всего? Что они говорят? Что я сбежал из дома?

— Всё верно. Твой дядя. Он привёл с собой пару друзей, один из них — полицейский из Райтвилл-Бич. Они не назвали причину, но да, сказали, что ты сбежал, в Массачусетсе.

То, что один из «встречающих» был полицейским, сильно напугало Люка.

— Я залез на поезд в Мэне, а не в Массачусетсе, и мой папа — мёртв. Мама — тоже. Всё, что они сказали, — ложь.

Белый парень обдумал это.

— Так, кто обрезал тебе ухо, бандит? Какой-то урод из приюта?

«Это не так уж далеко от истины, — подумал Люк. — Да, он был в своеобразном приюте, и да, им управляли уроды».

— Всё сложно. Просто... сэр... если эти люди увидят меня, то заберут. Возможно, не сейчас, если с ними нет полицейского, но обязательно заберут. Они вернут меня туда, где это произошло. — Он указал на ухо. — Пожалуйста, не рассказывайте. Пожалуйста, дайте мне остаться на этом поезде.

Мэтти почесал свою черепушку.

— Ну не знаю. Ты ещё ребёнок, и выглядишь хреново.

— Я буду выглядеть ещё хуже, если эти люди заберут меня.

Поверь мне, изо всех сил пожелал Люк. Поверь мне, поверь мне.

— Ну не знаю, — повторил Мэтти. — Хотя, скажу тебе честно, мне не понравился вид этих троих. Они казались какими-то нервными, даже коп. А кроме того, ты сейчас смотришь на человека, который три раза сбегал из дома, прежде чем у него, наконец, получилось. В первый раз я был примерно твоих лет.

Люк ничего не ответил. Пока что Мэтти двигался в правильном направлении.

— Ты хоть знаешь, куда направляешься?

— Туда, где смогу достать еды и воды, и *подумать*, — ответил Люк. — Мне нужно подумать, потому что никто не поверит в историю, которую я хочу рассказать. Особенно из уст ребёнка.

— *Мэтти!* — кто-то выкрикнул. — *Быстрее, чувак! Если не хочешь бесплатно прокатиться в Южную Каролину!*

— Тебя что ли похитили?

— Да, — сказал Люк и начал плакать. — А эти люди... тот, который назвался моим дядей, и коп...

— *МЭТТИ! Вытирай жопу и давай быстрее!*

— Я говорю правду, — просто сказал Люк. — Если хотите помочь мне, то отпустите.

— Вот же дерьмо. — Мэтти сплюнул за край товарного вагона. — Может, это и не правильно... но твоё ухо... Ты уверен, что эти люди плохие?

— Худшие, — сказал Люк. На самом деле, худшие были позади, но останется он в поезде или нет, зависело только от решения этого человека.

— Ты знаешь, где ты сейчас находишься?

Люк помотал головой.

— Это Уилмингтон. Поезд остановится в Джорджии, затем в Тампе и финиширует в Майами. Если тебя ищут, то они будут во всех этих местах. Но *следующая* остановка будет в обычном Зажопинске. Ты можешь...

— Мэтти, где ты, ёб твою мать? — Это прозвучало уже гораздо ближе. — Заебал. Нам нужно отметить.

Мэтти снова с сомнением посмотрел на Люка.

— Пожалуйста, — сказал Люк. — Они сажали меня в бак. Почти утопили. Знаю, в это трудно поверить, но я говорю правду.

Послышались шаги по гравию, кто-то приближался. Мэтти спрыгнул вниз и на три четверти задвинул дверь товарного вагона. Люк заполз обратно в своё гнездо за маломоторной техникой.

— Ты же сказал, что собираешься поспать? Что ты здесь делаешь?

Люк ждал, что Мэтти скажет: *«Там в вагоне прячется пацан, рассказал мне какую-то безумную*

историю о том, что его похитили в Мэне и засунули в бак с водой, поэтому он не хочет видеть своего дядю».

— Я сделал свои дела и решил глянуть мотоблоки «Кубота», — сказал Мэтти. — Мой «Лаун-Бой» едва фурычит.

— Ну, пошли, поезд не может ждать. Эй, а ты не видел тут ребёнка? Вдруг какой мальчишка запрыгнул в вагон на севере и решил, что неплохо бы скататься до Уилмингтона?

Последовала пауза. Затем Мэтти ответил: «Нет».

Люк сидел, подавшись вперёд. Услышав это слово, он прислонился затылком к стенке вагона и закрыла глаза.

Примерно через десять минут поезд № 9956 резко дёрнулся и вместе с ним по цепочке дёрнулись все вагоны — теперь их было сто, — будто содрогнувшись. Сортировочная станция начала смещаться в сторону, сначала медленно, а затем набирая скорость. По полу вагона пробежала тень от сигнального поста, а потом появилась ещё одна тень. От человека. В вагон влетел бумажный пакет и приземлился на пол.

Люк не видел Мэтти, только слышал его голос: «Удачи, бандит». Затем тень пропала.

Люк так быстро выполз из своего укрытия, что треснулся здоровым ухом о корпус газонокосилки. Он даже не заметил этого. В пакете с пятнами жира лежал дар небесный. Он чувствовал его запах.

Дар оказался сырно-мясным бисквитом, пирожками с фруктовой начинкой и бутылочкой родниковой воды. Люку пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не выпить всю полулитровую бутылку за раз. Он оставил четверть, поставил бутылку, затем снова схватил её и закрутил крышку; он подумал, что если поезд внезапно накренится, и вода прольётся, он сойдёт с ума. Он проглотил печенье в пять коротких укусов и запил одним большим глотком воды. Облизал ладонь, затем

взял воду и пирожки, и залез обратно в своё гнездо. Впервые после спуска по реке в С. С. *Поки* и разглядывания звёздного неба, он почувствовал себя живым. И хотя он не совсем верил в Бога, найдя чуть больше свидетельств «против», чем «за», он всё равно молился, но не за себя. Он молился, чтобы гипотетическая высшая сила благословила человека, который называл его бандитом и бросил коричневый пакет в вагон.

24

С набитым животом ему снова захотелось вздремнуть, но он заставил себя не спать.

«Поезд остановится в Джорджии, затем в Тампе и финиширует в Майами, — сказал Мэтти. — Если тебя ищут, то они будут во всех этих местах. Но следующая остановка будет в обычном Зажопинске».

Его могли ждать даже в маленьком городке, но Люк не собирался ехать в Тампу или Майами. Идея затеряться в густонаселённом районе была привлекательной, но в больших городах слишком много полицейских и к этому времени у них, вероятно, уже имеется фото мальчика, подозреваемого в убийстве своих родителей. Кроме того, логика подсказывала, что он не сможет долго убегать. То, что Мэтти не сдал его, было невероятной удачей; рассчитывать на повторение было глупо.

Люк подумал, что у него на руках остался только один козырь. Нож, который Морин оставила под его матрасом, потерялся по дороге, но у него всё ещё была флэшка. Он не представлял, что на ней — скорее всего, ничего, кроме бессвязного признания, которое покажется полной бессмыслицей; может, что-нибудь о

ребёнке, которого Морин бросила. С другой стороны, это могли быть доказательства. Документы.

Наконец, поезд снова начал замедлять ход. Люк подошёл к двери, взялся за неё для равновесия и выглянул наружу. Он увидел много деревьев, двухполосную асфальтированную дорогу, затем задние стенки домов и зданий. Поезд проехал мимо жёлтого сигнала. Возможно, он приближался к Зажопинску, о котором говорил Мэтти или просто сбавлял скорость, дожидаясь, пока пути впереди освободятся. Возможно, так даже лучше, потому что если на следующей остановке его дожидается обеспокоенный дядюшка, он уже наверняка на станции. Впереди виднелись склады с блестящими металлическими крышами. Позади складов тянулась двухполосная дорога, а за ней ещё деревья.

Твоя задача, сказал он себе, как можно скорее сойти с поезда и скрыться в тех деревьях. И помни: прыгай в движении, чтобы не влететь лицом в шлак.

Он начал раскачиваться взад и вперёд, держась за дверь и сжав губы в тоненькую линию от усердия. Это *была* остановка, о которой сказал Мэтти, теперь впереди Люк видел здание вокзала. На крыше выцветшей зелёной краской было написано: ДЮПРЕ, ЮЖНОЕ И ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ.

«Нужно прыгать, — подумал Люк. — Никаких встреч со всякими дядюшками».

— Раз...

Он качнулся вперёд.

— Два...

Он качнулся назад.

— *Три!*

Люк прыгнул, перебирая ногами в воздухе, но приземлился на шлак рядом с рельсами, двигаясь со скоростью поезда, что было немного быстрее, чем могли выдержать его ноги. Верхняя часть его тела накренилась вперёд, а руки оказались за спиной,

пытаясь удержать равновесие; он был похож на конькобежца, приближающегося к финишу.

Как только он подумал, что сможет устоять, кто-то крикнул: «*Эй, осторожно!*»

Он резко вскинул голову и увидел человека на погрузчике на полпути между складами и станцией. Ещё один поднимался с кресла-качалки в тени станционной крыши, держа в руках журнал, который читал. Он крикнул: «*Берегись, там пост!*»

Люк увидел второй сигнальный пост, который горел красным, но было поздно. Он инстинктивно отвернул голову и начал поднимать руки, но влетел в стальной пост на полной скорости до того, как успел выставить их перед собой. Правая сторона его лица столкнулась с постом, основной удар пришёлся на больное ухо. Люк отлетел, упал на шлак и откатился в сторону от путей. Он не потерял сознания, но потерял ориентацию — небо качнулось вперёд, потом качнулось назад, и снова вперёд. Он ощутил тепло, разливающееся по щеке, и понял, что ухо снова вскрылось, — бедное, измученное ухо. Внутренний голос кричал, чтобы Люк встал и побежал в лес, но слышать и прислушаться — это две разные вещи. Когда он попытался подняться на ноги, у него ничего не вышло.

«Мой „домкрат“ сломался, — подумал он. — Дерьмо. Полная жопа».

Потом над ним склонился водитель погрузчика. Снизу он казался Люку ростом шестнадцать футов. В его очках отражалось солнце, от чего невозможно было разглядеть его глаза.

— Господи, парень, какого чёрта ты тут вытворяешь?

— Пытаюсь убежать. — Люк не был уверен, что это его голос, но, вероятно, так оно и было. — Нельзя, чтобы они поймали меня. Пожалуйста, не дайте им поймать меня.

Мужчина наклонился.

— Перестань разговаривать, я всё равно ничего не понимаю. Ты нехило впечатался в этот пост, из тебя кровь хлещет, как из резаной свиньи. Пошевели-ка ногами.

Люк выполнил просьбу.

— Теперь руками.

Люк поднял их.

Человек с кресла-качалки присоединился к водителю погрузчика. Люк попытался использовать свой недавно приобретённый ТП-дар, чтобы прочесть мысли одного или обоих, и узнать, что им известно. Но ничего не получилось. Видимо, удар напрочь выбил из его головы всю телепатию.

— Он в порядке, Тим?

— Думаю, да. Надеюсь. В инструкции об оказании первой помощи говорится, что нельзя перемещать людей с травмами головы, но я рискну.

— Кто из вас мой мнимый дядя? — спросил Люк. — Или вы оба?

Парень с кресла-качалки нахмурился.

— Ты понимаешь, о чём он толкует?

— Нет. Нужно отнести его в заднюю комнату мистера Джексона.

— Я возьму его за ноги.

Люк начал приходить в себя. Его ухо неплохо способствовало этому. Казалось, будто оно хочет вгрызться в его голову. И спрятаться где-то внутри.

— Не нужно, я справлюсь, — сказал водитель погрузчика. — Он не тяжёлый. А ты позвони доку Роперу и договорись о вызове на дом.

— Точнее, на склад, — сказал мужчина из кресла-качалки, и засмеялся, обнажив пожелтевшие редкие зубы.

— Ага. Иди уже. Воспользуйся станционным телефоном.

— Есть, сэр. — Мужчина из кресла-качалки отсалютовал водителю погрузчика и удалился. Водитель взял Люка на руки.

— Поставьте меня, — сказал Люк. — Я могу идти.

— Уверен? Давай проверим.

Люк покачнулся на ногах, но тут же выровнялся.

— Как тебя зовут, сынок?

Люк задумался, не уверенный, стоит ли называть имя, потому что он не знал, был ли этот человек его «дядей». Выглядел он вполне нормально... но Зик из Института — тоже, когда у него было хорошее настроение.

— А вас как?

— Тим Джеймисон. Пойдём, нужно хотя бы увести тебя с солнцепёка.

25

Норберт Холлистер, владелец старого мотеля, который продолжал функционировать только благодаря ежемесячному пособию за работу в качестве резидента Института, воспользовался стационарным телефоном, чтобы позвонить доку Роперу, но сначала он набрал на своём мобильнике номер, который получил рано утром. Тогда он был зол, что его разбудили. Однако сейчас был в восторге.

— Ваш пацан, — сказал он. — Он здесь.

— Секунду, — ответил Энди Феллоуз. — Перевожу звонок.

Последовало короткое молчание, затем другой голос сказал:

— Вы Холлистер? Из Дюпре, Южная Каролина?

— Ага. Этот пацан, которого вы ищите, только что спрыгнул с товарняка. Ухо разорвано. За него ещё дают

награду?

— Да. И она увеличится, если вы проследите, чтобы он остался в городе.

Норберт рассмеялся.

— О, думаю, останется. Он ударился башкой прямо о сигнальный пост.

— Не упустите его, — сказал Стакхаус. — Звоните каждый час. Это ясно?

— Типа с докладом.

— Да, типа того. Об остальном мы позаботимся сами.

Ад пришёл

1

Тим повёл окровавленного мальчика, явно ещё ошеломлённого, но идущего на своих двоих, через офис Крейга Джексона. Владелец «Дюпре Сторадж-энд-Вэлхаузинг» жил в соседнем городке Даннинг, но уже пять лет был разведён, и комната с кондиционером позади офиса иногда служила ему жильём. Джексона не было на месте, что не удивило Тима; в дни, когда 56-й останавливался, а не проносился мимо, Крейг был склонен пропадать.

После маленькой кухоньки с микроволновкой, плиткой и крошечной раковиной начиналась жилая зона с мягким креслом, стоящим перед телевизором с высокой чёткостью. На стене висели старые плакаты из «Плейбой» и «Пентхаус», смотревшие вниз на аккуратную спартанскую кровать. Тим хотел уложить на неё мальчика, пока не придёт док Ропер, но мальчик помотал головой.

— На кресло.

— Уверен?

— Да.

Мальчик сел. Из сиденья лениво вышел воздух. Тим встал перед ним на колени.

— Так, что насчёт имени?

Мальчик недоверчиво посмотрел на него. Кровотечение прекратилось, но щека была покрыта запёкшейся кровью, а правое ухо превратилось в месиво.

— Вы ждали меня?

— Я ждал поезд. Я работаю здесь по утрам. Задерживаюсь, если приходит 9956-й. Теперь, может, скажешь своё имя?

— А кто был с вами?

— Никаких больше вопросов, пока не назовёшь имя.

Мальчик задумался, облизал губы, потом сказал:

— Я — Ник. Ник Уилхолм.

— Хорошо, Ник. — Тим показал символ мира. — Сколько пальцев ты видишь?

— Два.

— А сейчас?

— Три. Другой мужчина говорил, что он мой дядя?

Тим нахмурился.

— Это был Норберт Холлистер. Он владеет местным мотелем. Если он приходится кому-то дядей, то я об этом ничего не знаю. — Тим вытянул один палец. — Следи за пальцем. Хочу проверить твои глаза.

Глаза «Ники» последовали за пальцем влево и вправо, затем вверх и вниз.

— Кажется, ты не сильно ушибся, — сказал Тим. — По крайней мере, будем надеяться на это. От кого ты бежишь, Ник?

Мальчик насторожился и попытался встать с кресла.

— Кто вам такое сказал?

Тим тихонько остановил его.

— Никто. Просто, всякий раз, когда я вижу ребёнка в грязной изорванной одежде и с разорванным ухом, выпрыгивающим из поезда, такое предположение рождается само собой. Так, кто...

— Что тут за крики? Я слышала... ох, господи ты боже мой, что случилось с этим мальчиком?

Тим обернулся и увидел Сироту Энни Ледо. Должно быть, она была в своей палатке позади станции. Она часто приходила туда вздремнуть в середине дня. Несмотря на то, что в десять утра термометр показывал восемьдесят пять градусов, Энни была в полной, как её

называл Тим, мексиканской экипировке: серапе, сомбреро, старые браслеты и спасённые от забвения ковбойские сапоги со складками вдоль швов.

— Это Ник Уилхолм, — сказал Тим. — Он приехал в наш городок Бог знает откуда. Спрыгнул с 56-го и на полном ходу врезался в сигнальный пост. Ник, это Энни Ледо.

— Очень рад познакомиться, — сказал Люк.

— Спасибо, сынок, и я тоже. Это сигнальный пост ободрал ему ухо, Тим?

— Я так не думаю, — сказал Тим. — Надеялся услышать объяснение.

— *Вы* ждали прибытия поезда? — спросил мальчик. Казалось, он заикнулся на этом. Может, потому что сильно ударился головой, а, может, по другой причине.

— Я не жду ничего, кроме возвращения Господа нашего Иисуса Христа, — сказала Энни. Она оглянулась по сторонам. — У мистера Джексона на стене висят неприличные картинки. Но не скажу, что я удивлена. — «Не» у нее получилось, как «нье».

В этот момент в комнату вошёл мужчина в комбинезоне поверх белой рубашки с чёрным галстуком. На голове у него красовалась кепка железнодорожника.

— Привет, Гектор, — сказал Тим.

— И тебе привет, — сказал Гектор. Он без особого интереса взглянул на окровавленного мальчика, сидящего в мягком кресле Крейга Джексона, затем перевёл внимание на Тима.

— Мой помощник^[99] сказал, что у меня для тебя пара генераторов, несколько газонокосилок и прочее, около тонны консервов и ещё тонна свежих продуктов. Я опаздываю, Тимми, дружище, и если ты не разгрузишь меня, то придётся посылать за ними в Брунсвик колонну грузовиков, которых у этого города нет.

Тим поднялся на ноги.

— Энни, можешь составить компанию этому молодому человеку до приезда доктора? Мне нужно сходить порулить погрузчиком.

— С этим я справлюсь. Если он закатит истерику, я суну ему что-нибудь в рот.

— Я не буду закатывать истерику, — сказал мальчик.

— Сынок, — сказал Гектор, — ты что ли прятался на моём поезде?

— Да, сэр. Извините.

— Ну, раз уж ты сошёл, теперь это меня не касается. Наверное, дальше тобой займутся копы. Тим, я понимаю, что у тебя тут ЧП, но продукты не будут ждать, так что помоги выгрузить их. Где вообще твои чёртовы помощники? Я видел только одного, и он сидит в офисе на телефоне.

— Это Холлистер из местного мотеля, и я ни разу не видел, чтобы он хоть что-нибудь разгружал. За исключением, может быть, своего кишечника по утрам.

— Отвратительно, — сказал Сирота Энни, хотя это могло быть адресовано журнальным разворотам, на которые она продолжала смотреть.

— Биманы должны быть здесь, но эти двое раздолбаев, похоже, идут с опозданием. Как и ты.

— А, чёрт возьми. — Гектор снял кепку и провёл рукой по густым чёрным волосам. — Ненавижу эти кольцевые маршруты. Разгрузка в Уилмингтоне тоже шла медленно. Долбаный «Лексус» застрял в автовозке. Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Тим последовал за Гектором к двери, затем обернулся.

— Тебя ведь зовут не Ник, верно?

Мальчик задумался, а потом сказал.

— Пока что Ник.

— Не позволяй ему двигаться, — сказал Тим Энни. — Если вздумает, крикни меня. — И обратился к окровавленному мальчику, который выглядел очень маленьким и истерзанным: — Мы побеседуем с тобой, когда я вернусь. Договорились?

Мальчик обдумал это, затем устало кивнул.

— Думаю, придётся.

2

Когда мужчины ушли, Сирота Энни нашла пару чистых тряпок в корзине под раковиной. Она смочила их в холодной воде и одну, крепко отжав, протянула мальчику.

— Приложу это к своему уху.

Люк так и сделал. Ухо защипало. Другой тряпкой она воспользовалась, чтобы вытереть кровь с его лица — с такой нежностью, что он подумал о своей матери. Энни остановилась и спросила — с такой же нежностью, — почему он плачет.

— Скучаю по маме.

— Держу пари, она тоже по тебе скучает.

— Нет, если только её сознание не продолжает каким-то образом существовать после смерти. Мне бы хотелось в это верить, но практические исследования показывают, что так не бывает.

— Продолжает? О, *несомненно*. — Энни подошла к раковине и начала споласкивать тряпку, которой вытирала кровь. — Некоторые говорят, что души не проявляют никакого интереса к земным делам — не больше, чем мы заботимся о муравьях, но я не из их числа. Я считаю, что душам не всё равно. Жаль, что её не стало, сынок.

— Как вы думаете, их любовь тоже продолжается? — Мысль была дурацкой, он знал это, но *по-хорошему* дурацкой.

— Конечно. Любовь не умирает вместе с земной оболочкой, сынок. Это совершенно смехотворное предположение. Давно её не стало?

— Может, месяц назад, может, шесть недель. Я потерял ход времени. Их убили, меня похитили. Я знаю, в это трудно поверить...

Энни принялась вытирать оставшуюся кровь.

— Не трудно, если ты в курсе. — Она постучала себя по виску под краем сомбреро. — Они приехала на чёрных машинах?

— Я не знаю, — ответил Люк, — но вполне возможно.

— И они проводили эксперименты на тебе?

У Люка отвисла челюсть.

— Как вы узнали?

— Джордж Оллман, — сказала она. — Он выходит в эфир на WMDK с полуночи до четырёх утра. Рассказывает о «заместителях»^[100], НЛО и экстрасенсорных способностях.

— Экстрасенсорных способностях? Правда?

— Да, и о заговоре. Ты знаешь о заговоре, сынок?

— Вроде того, — сказал Люк.

— Программа Джорджа Оллмана называется «Изгои». Туда звонят люди, но в основном вещает только он. Он не говорит, что это пришельцы, или правительство, или правительство, *сотрудничающее* с пришельцами, он осторожен, потому что не хочет исчезнуть или получить пулю, как Джек или Бобби^[101], но он постоянно говорит о чёрных машинах и экспериментах. Вещи, от которых у тебя поседеют волосы. Ты знал, что Сын Сэма^[102] был «заместителем»? Нет? Так, знай. Затем дьявол, что был внутри него, вышел наружу, оставив только оболочку. Подними

голову, сынок, у тебя вся шея в крови, и если она засохнет, придётся потом соскабливать.

3

Парни Биманы, пара здоровенных неуклюжих подростков из трейлерного парка к югу от города, появились в четверть первого, когда у Тима обычно был обед. К этому времени большая часть груза для «Мастерской Фромье по ремонту и продаже маломоторной техники» уже лежала на потрескавшемся бетонном покрытии станции. Если бы это зависело от Тима, он бы без раздумий уволил Биманов, но они каким-то образом были связаны с мистером Джексонсом, так что здесь он был бессилён. Кроме того, он нуждался в них.

В половине первого Дел Биман подогнал большой грузовик с дощатым кузовом к двери товарного вагона «Каролина Продьюс», и они начали загружать в него ящики с салатом, помидорами, огурцами и кабачками. Гектор и его помощник, не заинтересованные в свежести овощей, а только желающие поскорее убраться из Южной Каролины, подключились к делу. Норб Холлистер стоял в тени свеса станции, внимательно наблюдая за происходящим. Тим находил его присутствие несколько странным — раньше он не проявлял никакого интереса к прибытию и отправлению поездов, — но был слишком занят, чтобы обдумать это.

Без десяти час на маленькую парковку станции въехал универсал «Форд» — как раз, когда Тим погрузил последние ящики в кузов грузовика, который должен был отвезти их в продуктовый магазин Дюпре... если Фил Биман доставит их туда в сохранности. До магазина было меньше мили, но сегодня у Фила

заплетался язык, а глаза были красными, как у кролика, убегающего от лесного пожара. Не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что он баловался каким-то «странным» табаком. На пару с братом.

Из универсала вышел док Ропер. Тим помахал ему рукой и указал на склад, где у мистера Джексона был офис/квартира. Ропер помахал в ответ и направился в указанном направлении. Он был старомодным, почти карикатурным; из тех докторов, которые всё ещё обитают в тысячах бедных сельских районов, где ближайшая больница находится в сорока, а то и в пятидесяти милях, где Обамакер^[103] считается либеральным кощунством, а поездка в «Уолмарт» — целым событием. Он был полноват, старше шестидесяти, убеждённый баптист, который наряду со стетоскопом носил Библию в своём чёрном саквояже, который передавался от отца сыну в течении трёх поколений.

— Что с парнишкой? — спросил помогатор, вытирая банданой пот со лба.

— Не знаю, — сказал Тим, — но намерен это выяснить. Давайте, парни, прибавьте оборотов и вперёд. Если только не хочешь оставить мне один из этих «Лексусов», Гектор. С удовольствием самолично спущу его с вагона.

— *Chupa mi polla*^[104], — сказал Гектор. Затем он пожал руку Тима и направился обратно к локомотиву, надеясь наверстать время между Дюпреем и Брунсвиком.

Стакхаус намеревался полететь на «Челленджере» вместе с двумя группами захвата, но миссис Сигсби отвергла эту идею. Она могла, потому что была боссом. Тем не менее, смятение Стакхауса почти граничило с обидой.

— Сотрите это выражение со своего лица, — сказал она. — Как вы думаете, чья голова полетит с плеч, если всё пойдёт наперекосяк?

— Полетят обе наши головы, и на этом они не остановятся.

— Да, но чья будет первой и отлетит дальше?

— Джулия, это полевая работа, а вы никогда раньше не были в поле.

— Да, но со мной будут две группы, «Руби» и «Опал» — четверо достойных мужчин и три крепких женщины. У нас также будут Тони Фиццале, бывший морской пехотинец, доктор Эванс и Вайнона Бриггс. Она бывший военный и обладает навыками триажа^[105]. Операцией будет руководить Денни Вильямс, но я намерена быть там и намерена составить доклад «с передовой». — Она сделала паузу. — Если, конечно, доклад потребуется, а я начинаю верить, что этого не избежать. — Она посмотрела на свои часы: двенадцать-тридцать. — Хватит дискуссий. Нужно отправляться. Если всё пройдёт хорошо, я вернусь к двум часам ночи.

Он вышел вместе с ней за дверь и направился к закрытой грунтовой дороге, которая вела к двухполосной асфальтированной дороге в трёх милях к востоку. День выдался жаркий. Сверчки стрекотали в густом лесу, через который этот блядский мальчишка сумел каким-то образом пробраться. Перед воротами стоял заведённый минивэн «Форд Виндстар», за рулём которого сидела Робин Лекс. Позади неё сидела Мишель Робертсон. Обе женщины были одеты в джинсы и чёрные футболки.

— Отсюда до Прек-Айла, — сказала миссис Сигсби, — девяносто минут езды. От Прек-Айла до Эри, Пенсильвания, ещё девяносто. Там мы подберём группу «Опал». От Эри до Алколу, Южная Каролина, плюс-минус два часа. Если всё пойдёт по плану, мы будем в Дюпре к семи вечера.

— Будьте на связи и помните, что Вильямс встанет у руля, как только станет жарко.

— Хорошо.

— Джулия, я правда думаю, что это ошибка. Там должен быть я.

Она повернулась к нему.

— Скажете это ещё раз, и я вас ударю.

Она пошла к минивэну. Денни Вильямс открыл боковую дверь для неё. Миссис Сигсби начала забираться внутрь, затем повернулась к Стакхаусу. — И проследите, чтобы к моему возвращению Эйвери Диксон был хорошенько выкупан в баке и переведён в Заднюю Половину.

— Ослу-Конгу не нравится эта идея.

Она изобразила жуткую улыбку.

— Разве похоже, что меня это волнует?

5

Тим смотрел как удаляется поезд, затем вернулся в тень от свеса станции. Его рубашка промокла от пота. Он с удивлением увидел Норберта Холлистера, стоящего на прежнем месте. Как обычно, он был одет в пёстрый жилет и грязные штаны цвета хаки, сегодня опоясанные плетёным ремнём чуть ниже грудины. Тим удивился (и не в первый раз), как можно было так высоко носить штаны, не раздавив себе яйца.

— Почему ты ещё здесь, Норберт?

Холлистер пожал плечами и улыбнулся, показав Тиму зубы, которые лучше было не видеть перед едой.

— Просто убиваю время. У старого ковбоя не так уж много занятий после обеда.

«Как и утром, и вечером», — подумал Тим.

— Может, не стоит тут отсвечивать, а?

Норберт вытащил из заднего кармана пачку «Ред Ман» и сунул сигарету в рот. Но это всё равно не объясняет цвет его зубов, подумал Тим.

— Кто сделал тебя главным?

— Мой хук справа, — сказал Тим. — А теперь иди.

— Ладно, ладно, намёк ясен. Всего доброго, мистер Ночной Стучащий.

Норберт неторопливо удалился. Тим, нахмурившись, смотрел ему вслед. Иногда он видел Холлистера в «Бевс Итэри» или в «Зонис», покупающим варёный арахис или яйца в банке, но вообще Норберт редко покидал свою каморку в мотеле, где смотрел спортивные матчи и порно по спутниковому ТВ. Которое у него работало, в отличие от номеров мотеля.

Сирота Энни ждала Тима в офисе мистера Джексона, сидя за столом и разглядывая макулатуру в корзинке для входящей и исходящей почты.

— Это тебя не касается, Энни, — мягко сказал Тим. — И если устроишь беспорядок, то влетит мне.

— Всё равно ничего интюресного, — сказала она. — Только счета, графики да всё такое. Хотя у него *есть* перфокарта из этого топлесс-кафе в Хардивилле. Ещё две дырки, и он получит бесплатный завтрак. Обедать, глядя на прелести какой-то женщины... *бррр*.

Тим никогда не думал об этом, и теперь, когда подумал, пожалел.

— Док с мальчиком?

— Ага. Я остановила кровь, но теперь ему придётся носить длинные волосы, потому что его ухо никогда не

будет прежним. А теперь послушай-ка сюда. Родители этого мальчика были убиты, а его самого похитили.

— Часть заговора? — Они с Энни много говорили о заговорах во время его ночных обходов.

— Так точно. Они приехали за ним на чёрных машинах, будь уверен. И если отследят его досюда, то *приедут* снова.

— Замётано, — сказал он. — И я обязательно поговорю об этом с шерифом Джоном. Спасибо, что отмыла его и приглядела, но сейчас, я думаю, тебе лучше удалиться.

Она встала и встряхнула серапе.

— Правильно, расскажи шерифу Джону. Вы все должны быть настороже. Они, как правило, приходят готовыми к бою. В Мэне есть один городок, Джерусалемс-Лот, жители там могли бы рассказать тебе о людях в чёрных машинах. Могли бы, да они все пропали более сорока лет назад. Джордж Оллман постоянно говорит об этом городе.

— Ясно.

Она пошла к двери с развевающимся серапе, затем обернулась.

— Ты не веришь мне, и я несколько не удивлена. С чего бы? Я была городской чудилой задолго до твоего приезда, и если Господь не заберёт меня, то буду ещё долго после тебя.

— Энни, я никогда...

— Тише. — Она яростно уставилась на него из-под сомбреро. — Всё в порядке. Но теперь будь осторожен. Говорю тебе... а *он* сказал *мне*. Этот мальчик. Поэтому, нас уже двое, так? Помни, что я сказала. *Они приезжают на чёрных машинах.*

Док Ропер укладывал в саквояж свои немногочисленные инструменты для обследования. Мальчик продолжал сидеть в кресле мистера Джексона. Его лицо было отмыто от крови, а на ухо наложена повязка. На правой стороне лица образовался приличный синяк от столкновения с сигнальным постом, но глаза мальчика были ясными и внимательными. Док нашёл в маленьком холодильнике бутылку имбирного эля, и мальчик быстро взялся за неё.

— Сидите спокойно, молодой человек, — сказал Ропер. Он защёлкнул саквояж и подошёл к Тиму, который стоял в дверном проёме.

— Он в порядке? — спросил Тим, понизив голос.

— Он обезвожен и голоден, давно не ел, но во всём остальном кажется в порядке. Дети его возраста оправляются и от худшего. Он сказал, что ему двенадцать и что его зовут Ник Уилхолм; ещё он сказал, что сел на поезд в самом начале пути, в Северном Мэне. Я спросил, что она там делал, а он не ответил. Я спросил, где он живёт, и он сказал, что не помнит. Вполне вероятно, что сильный удар головой мог вызвать временную дезориентацию и потерю памяти, но я сталкивался с подобным всего пару раз, и не могу отличить амнезию от умалчивания, особенно у ребёнка. Он что-то скрывает. Может, много всего.

— Ясно.

— Дать совет? Накорми его обедом в кафе, и он всё тебе расскажет.

— Спасибо, док. Вышлите мне счёт.

Ропер отмахнулся.

— Накорми *меня* обедом, но в местечке попримечнее, чем «Бевс», и мы в расчёте. — Из-за сильного Дикси-акцента дока, «в расчёте» получилось, как «ррэсчёте».

Когда он ушёл, Тим закрыл дверь, так что в помещении остались только он и мальчик, и достал свой

мобильник из кармана. Он позвонил Биллу Уиклоу, помощнику шерифа, который после Рождества должен был занять место ночного стучащего. Мальчик пристально следил за ним, допив остатки прохладного напитка.

— Билл? Это Тим. Да, хорошо. Просто хотел узнать, не хочешь ли сегодня побыть ночным стучащим, так сказать, совершить пробных заход. Обычно я сплю в это время, но тут намечаются дела на станции. — Он слушал ответ. — Замечательно. Я твой должник. Оставляю часы в участке. Не забудь завести их. Спасибо.

Он закончил разговор и внимательно посмотрел на мальчика. Синяк на его лице расцветёт, а через недельку-другую исчезнет. На взгляд его глаз может потребоваться больше времени.

— Тебе уже лучше? Головная боль ушла?

— Да, сэр.

— Никаких «сэр», зови меня Тим. И скажи, как называть тебя. В смысле, своё настоящее имя.

После недолгого колебания, Люк сказал.

7

В плохо освещённом туннеле между Передней Половиной и Задней, было холодно, и Эйвери сразу же начал дрожать. На нём всё ещё была одежда, в которой Зик и Карлос вытащили его маленькое бессознательно тело из иммерсионного бака, и он был мокрый до нитки. Его зубы начали стучать. И всё же он держался за то, что узнал. Это было важно. Теперь всё было важно.

— Хватит клацать зубами, — сказала Глэдис. — Отвратительный звук. — Она катила его в инвалидном кресле, на её лице не было ни следа от улыбки. Молва о том, что натворил этот мелкий засранец, теперь

разлетелась повсюду, и, как и все остальные сотрудники Института, она была напугана, и будет бояться, пока Люк Эллис не вернётся назад, — тогда они смогут вздохнуть с облегчением.

— Н-н-н-икак не м-м-м-огу, — сказал Эйвери. — Я о-ч-ч-ч-ень з-з-з-амёрз.

— Думаешь мне не насрать? — Повышенный голос Глэдис эхом отразился от кафельных стен. — Ты хоть знаешь, что ты сделал? У тебя есть хоть какие-нибудь представления?

Они у него были. На самом деле, он много всего представлял, например, страх Глэдис, бегущий в её голове, как крыса в колесе.

Как только они вошли в дверь с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ АВТОРИЗОВАННОГО ПЕРСОНАЛА», стало чуть теплее, а в обшарпанной гостиной, где их ждала доктор Джеймс (её белый лабораторный халат был расстёгнут, волосы растрёпаны, а на лице застыла широкая глуповатая улыбка), было ещё теплее.

Эйвери стал меньше дрожать, а потом дрожь исчезла, но вернулись цветные огни штази. Ничего страшного, он мог заставить их уйти в любое время. Зик почти убил его в баке; на самом деле, перед тем как отключиться, он решил, что уже мёртв, но бак также что-то сделал с ним. Он знал, что бак что-то менял в других детях, но чувствовал, что в этот раз изменения были масштабнее. ТК и ТП были наименьшими из них. Глэдис боялась того, что может случиться из-за Люка, но Эйвери подумал, что мог бы сам привести её в ужас, если бы захотел.

Но не сейчас.

— Приветствую, молодой человек! — воскликнула доктор Джеймс. Она звучала, как политик по телевизору, и её мысли разлетались по сторонам, как клочки бумаги в порывах ветра.

«С ней творится что-то совсем, совсем нехорошее, — подумал Эйвери. — Это похоже на радиационное отравление, только в мозгу, а не в костях».

— Здравствуйте, — сказал Эйвери.

Доктор Джекл запрокинула голову и рассмеялась так, будто «Здравствуйте» было панчлайном самой смешной шутки в её жизни.

— Мы не ожидали тебя так скоро, но добро пожаловать! Некоторые твои друзья уже здесь!

«Я знаю, — подумал Эйвери, — и я поскорее хочу увидеть их. И думаю, они тоже будут рады видеть меня».

— Но сначала нам нужно снять с тебя мокрую одежду. — Она бросила на Глэдис укоризненный взгляд, то Глэдис была занята почёсыванием рук, пытаясь избавиться от вибрации на поверхности кожи (или под ней). Удачи тебе в этом, подумал Эйвери. — Попрошу Генри отвести тебя в твою комнату. У нас тут хорошие санитары. Ты можешь идти сам?

— Да.

Доктор Джекл снова гортанно засмеялась, запрокинув голову. Эйвери встал с кресла-каталки и окинул Глэдис долгим оценивающим взглядом. Она перестала чесаться и теперь *она* начала дрожать. Не потому, что была мокрой, и не потому, что замёрзла. А из-за него. Она чувствовала его, и ей это не нравилось.

Но нравилось Эйвери. В этом была своя красота.

Поскольку в задней комнате мистера Джексона не было второго стула, Тим принёс его из офиса. Он хотел поставить его напротив мальчика, но решил, что это будет похоже на допрос в полицейском участке. Вместо

этого он поставил его рядом с креслом, будто два друга собрались посмотреть по телеку любимое шоу. Только телевизор мистера Джексона был выключен.

— Ну, Люк, — начал Тим, — Энни говорит, ты был похищен, но Энни иногда... скажем так, преувеличивает.

— Но она не преувеличила насчёт этого, — сказал Люк.

— Что ж, с этим ясно. И откуда тебя похитили?

— Из Миннеаполиса. Они вырубili меня. И убили моих родителей. — Он провёл рукой по глазам.

— Эти похитители забрали тебя из Миннеаполиса в Мэн. Как именно?

— Я не знаю. Я был без сознания. Возможно, на самолёте. Я правда из Миннеаполиса. Вы можете проверить это, просто позвоните в мою школу. Она называется Школа Бродерика для одарённых детей.

— Значит ты у нас смышлёный парень.

— Конечно, — сказал Люк без гордости в голосе. — Я смышлёный парень. А прямо сейчас я очень голодный парень. Я пару дней ничего не ел, кроме мясного бисквита и фруктового пирога. Думаю, что пару дней. Я потерял счёт времени. Мне их дал человек по имени Мэтти.

— Ничего больше?

— Кусочек пончика, — ответил Люк. — Не очень большой.

— Господи, тогда давай накормим тебя.

— Да, — сказал Люк и добавил: — Пожалуйста.

Тим достал мобильник из кармана.

— Венди? Это Тим. Не могла бы ты оказать мне одну услугу.

Комната Эйвери в Задней Половине была без излишеств. Вместо кровати самая настоящая койка. Никаких плакатов «Никелодеан» на стенах, ни фигурок «Джи-Ай Джо» на комод, с которыми можно играть. Но Эйвери был не против. Ему было всего десять, но теперь он должен был стать взрослым, а взрослые не играют в солдатики.

«Но только я не смогу сделать это один», — подумал он.

Он вспомнил прошлогоднее Рождество. Было больно думать об этом, но он всё равно думал. Он получил замок «Лего», о котором просил, но когда детали оказались разложены перед ним, он не знал, как собрать из них красивый замок, изображённый на коробке, с башенками, воротами, и подъёмным мостом, который мог подниматься и опускаться. Он начал плакать. Затем его отец (который, без сомнения, был мёртв) опустился рядом с ним на колени и сказал: *«Будем смотреть инструкцию и собирать вместе. Шаг за шагом»*. Так они и сделали. Замок стоял на комод в его комнате вместе с защитниками «Джи-Ай Джо», и замок был одной из вещей, которые они не смогли воспроизвести, когда он проснулся в комнате в Передней Половине.

Он лежал на койке в пустой комнате, одетый в сухую одежду, думая каким же красивым получился замок в собранном виде. И слышал гудение. Здесь, в Задней Половине, оно было постоянным. Громким в комнатах, громче в коридорах, но громче всего после столовой, за бытовкой санитаров, где была дверь с двойным замком, ведущая в заднюю половину Задней Половины. Санитары часто называли эту часть Овощебазой, потому что дети, которые жили там (если можно назвать это жизнью) были овощами^[106]. Гуделками. Но они были полезны, предположил Эйвери.

Как обёртка от батончика «Херши»: нужна, пока ты не оближешь её дочиста. Потом можно её выкинуть.

На дверях здесь были замки. Эйвери сосредоточился, пытаясь открыть на своей. Конечно, идти было некуда, кроме коридора с синим ковром, но это был интересный эксперимент. Он чувствовал, что замок *пытается* повернуться, но дальше этого дело не пошло. Он задумался, смог бы Джордж Айлс? Джордж изначально был сильным ТК-плюсом. Наверное, решил Эйвери, но с небольшой помощью. Он снова вспомнил слова своего отца: *«Будем делать это вместе. Шаг за шагом»*.

В пять часов дверь в комнату открылась, и санитар в красной форме просунул внутрь своё не улыбочное лицо. Здесь они не носили именных табличек, но Эйвери не нуждался в них. Это был Джейкоб, которого его коллеги называли Змей Джейк. Раньше он служил во флоте. Пытался стать спецназовцем ВМС, подумал Эйвери, но не смог. Его выпнули. Наверное, слишком нравилось причинять людям боль.

— Ужин, — сказал Змей Джейк. — Если хочешь, иди. Если не хочешь, я запроу тебя до фильмов.

— Хочу.

— Хорошо. Тебе нравятся фильмы, малой?

— Да, — сказал Эйвестер, и подумал: но не ваши. Ваши фильмы убивают.

— И эти тоже понравятся, — сказал Джейк. — Перед ними всегда идут мультики. Столовка вон там, по левую руку. Только иди прямо туда. — Джейк отвесил ему приличный шлепок по заднице, чтобы прибавить ходу.

В столовой — унылое помещении, выкрашенное в тот же тёмно-зелёный цвет, что и коридоры жилого уровня в Передней Половине — было около дюжины детей, которые ели то, что по запаху напоминало Эйвери мясное рагу «Динти Мур». Его мама готовила это рагу по меньшей мере дважды в неделю, потому что

его любила младшая сестра Эйвери. Наверное, она тоже мертва. Большинство детей выглядели, как зомби, пуская слюни. Он заметил одну девочку, которая курила сигарету во время еды. На глазах Эйвери она стряхнула пепел в миску, рассеянно огляделась и снова принялась за еду.

Он чувствовал Калишу даже в туннеле, а теперь увидел её, сидящую за столом в глубине зала. Ему пришлось подавить желание побежать к ней и крепко обнять. Это привлекло бы внимание, чего Эйвери вовсе не хотел. А хотел обратного. Рядом с Ша сидела Хелен Симмс, её руки плетью лежали по обе стороны от миски. Её глаза были устремлены в потолок. Её волосы, такие цветастые, когда она появилась в Передней Половине, теперь потускнели и разрослись, свисая клочьями вокруг её сильно *похудевшего* лица. Калиша кормила её или пыталась кормить.

— Давай, Хел, давай же, вот так. — Ша сунула ложку с рагу в рот Хелен. Когда коричневый комочек непонятно субстанции попытался выползти наружу, Ша воспользовалась ложкой, чтобы затолкнуть его обратно. В этот раз Хелен проглотила его и Ша улыбнулась. — *Вот так, хорошо.*

«Ша, — подумал Эйвери. — Эй, Калиша».

Она испуганно огляделась, увидела его и расплылась в широкой улыбке.

«Эйвестер!»

Струйка коричневой слюны потекла по подбородку Хелен. Ники, сидевший по другую сторону от неё, вытер подбородок бумажной салфеткой. Потом он тоже увидел Эйвери, улыбнулся и поднял вверх большой палец. Джордж, сидевший напротив Ники, обернулся.

— Посмотрите-ка, это же Эйвестер, — сказал Джордж. — Ша чувствовала, что ты придёшь. Добро пожаловать в нашу счастливую семью, маленький герой.

— Если ты собираешься есть, возьми миску, — сказала женщина за сорок с суровым лицом. Эйвери знал, что её зовут Корин, и что она любила раздавать оплеухи. От этого ей было хорошо. — Мне нужно закончить пораньше, сегодня вечер фильмов.

Эйвери взял миску и положил немного рагу. Да, это был «Динти Мур». Он положил сверху кусок губчатого белого хлеба, затем присоединился к своим друзьям. Ша улыбнулась ему. Сегодня у неё сильно болела голова, но она всё равно улыбалась, от чего ему хотелось одновременно смеяться и плакать.

— Налетай, старина, — сказал Ники, но сам не следовал собственному совету: его миска была почти полна. У него были покрасневшие глаза, и он потирал левый висок. — Я знаю, это выглядит, как дерьмо, но лучше не смотреть фильмы на пустой желудок.

«Они поймали Люка?» — мысленно спросила Ша.

«Нет. Они все до смерти напуганы».

«Отлично. Отлично!»

«После просмотра нам будут делать бомльные уколы?»

«Не думаю. Мы видели этот фильм всего один раз».

Джордж смотрел на них понимающими глазами. Он всё слышал. Когда-то в Передней Половине Джордж Айлс был только ТК, но теперь стал обладателем нечто большего. Все они стали. В Задней Половине расширялись любые способности, но благодаря иммерсионному баку никто из них не был похож на Эйвери. Он много всего знал. Например, о тестах в Передней Половине. Многие из них были сторонними проектами доктора Хендрикса, но инъекции были обычной практикой. Некоторые служили ограничителями, но Эйвери таких уколов не делали. Он направился напрямик в иммерсионный бак, где оказался на пороге смерти, или даже переступил через него, и в результате мог по своему желанию вызывать

огни штази почти в любое время. Ему не нужны были фильмы, и не нужно было становиться частью групповых сеансов, проведение которых было основной задачей Задней Половины.

Приступив к еде, он попытался достучаться до Хелен, и с радостью узнал, что она всё ещё была там. Хелен нравилась ему. Она была не такой, как эта сучка Фрида. Ему не нужно было читать мысли Фриды, чтобы понять, что она обманом заставила его всё ей рассказать, а потом заложила его; кто ещё это *мог* быть, кроме неё?

«Хелен?»

«Нет. Не говори со мной, Эйвери. Я должна...»

Остальное затерялось, но Эйвери показалось, что он понял: она должна прятаться.

В её голове была губка, наполненная болью, и она пряталась от неё, как могла. В целом, прятки от боли были разумной ответной реакцией. Проблема заключалась только в том, что губка продолжала набухать. И это могло закончиться тем, что губка размазала бы её по задней стенке её же черепа, как муху по стене. И её не стало бы. По крайней мере, как Хелен.

Эйвери проник в её сознание. Это было проще, чем повернуть замок в двери его комнаты, потому что изначально он был сильным ТП, а ТК был для него в новинку. Из-за неопытности он должен был действовать осторожно. Он не мог исправить её состояние, но думал, что может *облегчить*. Защитить её. Это будет хорошо для неё, и будет хорошо для них... потому что им понадобится любая помощь, какую они смогут получить.

Он отыскал болевую губку глубоко в голове Хелен. Он велел ей перестать набухать. Он велел ей уходить. Она не хотела. Он надавил на неё. Перед его глазами начали появляться цветные огни, медленно

закручиваясь, как сливки в кофе. Он надавил сильнее. Губка поддалась, но устояла.

«Калиша. Помоги мне».

«С чем? Что ты делаешь?»

Он сказал. Она присоединилась к нему, сперва нерешительно. Они надавили вместе. Болевая губка слегка отступила.

«Джордж, — подумал Эйвери. — Ники. Помогите нам».

Ники мало что мог сделать. Джордж поначалу выглядел озадаченным, затем присоединился к ним, но через секунду вышел.

— Я не могу, — прошептал он. — Там темно.

«Не обращай на это внимания! — сказала Ша. — Думаю, мы можем помочь!»

Джордж вернулся. Он колебался и помощи от него было мало, но, по крайней мере, он был с ними.

«Это всего лишь губка, — сказал им Эйвери. Он перестал видеть свою миску с рагу. Перед глазами стоял пульсирующий водоворот огней штази. — Она не может навредить вам. Давите! Все вместе!»

Они надавили и что-то случилось. Хелен оторвала глаза от потолка. И теперь смотрела на Эйвери.

— Смотрите, кто здесь, — сказала она хриплым голосом. — Голова уже не так сильно болит. Слава Богу. — Она принялась за еду.

— Ни хрена себе, — сказал Джордж. — Мы сделали это.

Ники ухмылялся, подняв вверх ладонь.

— Дай пять, Эйвери.

Эйвери шлёпнул рукой по его ладони, но радость победы исчезла вместе с точками. Головная боль Хелен вернётся, и после каждого просмотра фильмов будет только хуже. И у Хелен, и у Ша, и у Ники. И у него тоже. Со временем все они присоединятся к гулу, доносящемуся из Овощебазы.

Но, может быть... если они все вместе создадут свой групповой сеанс... и если смогут защитить себя...

«Ша».

Она посмотрела на него. Она слышала. Ники и Джордж — тоже, по мере возможностей, будто частично потеряли слух. Но Ша слышала. Она съела немного рагу, потом положила ложку и помотала головой.

«Мы не сможем сбежать, Эйвери. Если ты подумал об этом, то забудь».

«Я знаю, что не сможем. Но нужно кое-что сделать. Нужно помочь Люку и помочь себе. Я вижу детали, но не знаю, как собрать их вместе. Я не...»

— Ты не знаешь, как собрать замок, — сказал Ники тихим, задумчивым голосом. Хелен снова перестала есть, и продолжила изучать потолок. Её болевая губка опять начала расти, набухая и поглощая её разум. Ники помог ей съесть ещё одну ложку.

— Сигареты! — прокричал один из санитаров. Он поднял вверх коробку. Похоже, сигареты здесь были бесплатными. И курение даже поощрялось. — Кто хочет сигаретку перед просмотром?

«Мы не сможем сбежать, — подумал Эйвери, — так что помогите мне собрать замок. Стену. Щит. Наш замок. Нашу стену. Наш щит».

Он перевёл взгляд с Ша на Ники, потом на Джорджа и вернулся к Ша, призывая её понять. Её глаза заблестели.

«Она поняла, — подумал Эйвери. — Слава Богу, она поняла».

Она начала говорить, но умолкла, когда мимо них прошёл санитар — по имени Клинт, — выкрикивая: «Сигареты! Кто хочет курнуть перед просмотром?»

Когда он прошёл, она сказала:

— Если мы не можем сбежать, то должны захватить это место.

Первоначальное прохладное отношение помощника шерифа Венди Галликсон к Тиму заметно потеплело после их первого свидания в мексиканском ресторане в Хардивилле. Теперь они стали парой, и когда она вошла в заднюю комнату мистера Джексона с большим бумажным пакетом, то сначала чмокнула его в щёку, а затем поцеловала в губы.

— Это помощник шерифа Галликсон, — сказал Тим, — но ты можешь называть её Венди, если она не против.

— Не против, — сказала Венди. — А как тебя зовут?

Люк взглянула на Тима, который слегка кивнул ему.

— Люк Эллис.

— Рада познакомиться, Люк. Ну и синяк тут у тебя.

— Да, мэм. Налетел на что-то.

— Да, *Венди*. А что за повязка на ухе? Ты ещё и порезался?

Это заставило его улыбнуться, потому что было сущей правдой.

— Что-то вроде того.

— Тим сказал, что ты голоден, так что я принесла немного еды из ресторана на Мэйн-Стрит. Колу, цыплёнка, бургеры и картошку. Что ты хочешь?

— Всё, — сказал Люк, от чего Венди и Тим рассмеялись.

Они смотрели, как он съел две куриные ножки, затем гамбургер и большую часть картошки-фри, а сверху — приличного размера чашку рисового пудинга. Тим, который пропустил свой обед, съел остатки цыплёнка и запил колой.

— Уже получше? — спросил Тим, когда всё было съедено.

Вместо ответа Люк разрыдался.

Венди обняла его и начала гладить по волосам, распрямляя пальцами спутавшиеся пряди. Когда Люк успокоился, Тим присел рядом с ним на корточки.

— Простите, — сказал Люк. — Простите, простите, простите.

— Ничего страшного. Тебе можно.

— Это потому что я снова чувствую себя живым. Не знаю, почему это заставило меня расплакаться, но так уж вышло.

— По-моему, это называется облегчением, — сказала Венди.

— Люк утверждает, что его родители были убиты, а сам он был похищен, — сказал Тим. Глаза Венди расширились.

— Я не утверждаю! — сказал Люк, подавшись вперёд на кресле мистера Джексона. — Это правда!

— Вероятно, я неправильно выразился. Давай выслушаем твою историю, Люк.

Люк задумался, затем сказал:

— Вы сделаете кое-что для меня перед этим?

— Если смогу, — ответил Тим.

— Выгляните наружу. Посмотрите, там ли этот другой человек.

— Норберт Холлистер? — Тим улыбнулся. — Я велел ему убраться. Сейчас он, вероятно, в «Гоу-Марте», покупает лотерейные билеты. Он верит, что станет следующим миллионером Южной Каролины.

— Просто проверьте.

Тим посмотрел на Венди, которая пожала плечами и сказала:

— Я схожу.

Она вернулась через минуту, нахмурившись.

— Вообще-то он сидит там у станции в кресле-качалке. Читает журнал.

— Думаю, он дядя, — низким голосом сказал Люк. — Мои дяди были в Ричмонде и Уилмингтоне. Может, и в Стербридже. Я и не знал, что у меня столько дядей. — Он засмеялся. Его смех был звонким.

Тим встал и направился к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как Норберт Холлистер поднялся и неторопливо зашагал в сторону своего запущенного мотеля. Он не обернулся. Тим вернулся к Люку и Венди.

— Он ушёл.

— Может, звонить им, — сказал Люк. Он сдвинул свою пустую банку из-под колы. — Я не дам им забрать меня назад. Скорее умру здесь.

— Куда? — спросил Тим.

— В Институт.

— Расскажи нам всё с самого начала, — сказал Венди.

Люк так и сделал.

11

Когда он закончил — на это ушло почти полчаса, и за это время Люк выпил вторую банку колы, — наступило молчание. Затем Тим очень тихим голосом сказал:

— Это невозможно. Хотя бы потому, что многие похищения вызвали бы тревогу.

На что Венди помотала головой.

— Ты был копом. И должен лучше знать. Пару лет назад проводилось исследование, в котором говорилось, что в Соединённых Штатах каждый год пропадает более полумиллиона детей. Довольно ошеломляющий показатель, не правда ли?

— Я знаю, что цифры высоки; в последний год моей службы в полиции, в округе Сарасота было принято почти пять сотен заявлений о пропаже детей, но большинство — *подавляющее* большинство — вернулись домой. — Тим вспомнил Роберта и Роланда Билсонов, близнецов, которых он остановил по дороге на сельскохозяйственную ярмарку в Даннинге в предрассветные часы.

— И всё равно остаются тысячи, — сказала она. — *Десятки* тысяч.

— Согласен, но сколько из них пропадают, оставив после себя мёртвых родителей?

— Не знаю. Сомневаюсь, что кто-то проводил такое исследование. — Она снова обратила своё внимание на Люка, который следил глазами за их разговором, словно за теннисным мячом. Его рука лежала в кармане, касаясь флэшки, будто это была кроличья лапка.

— Иногда, — сказал Люк, — они, вероятно, маскируют это под несчастный случай.

Тим вдруг представил, как этот мальчик сидит вместе с Сиротой Энни в её палатке, они вместе слушают по радио полуночный бред. Обсуждают заговоры. Разговаривают о *них*.

— Ты говоришь, что отрезал мочку, потому что в ней было устройство слежения, — сказала Венди. — Это действительно так, Люк?

— Да.

Венди, казалось, не знала, в каком направлении двинуться дальше. Выражение её лица, обращённого к Тиму, говорило: *дальше ты сам*.

Тим взял пустую банку из-под колы и кинул в бумажный пакет, в котором теперь лежали обертки да куриные кости.

— Ты говоришь о секретной организации с секретной программой, находящейся внутри страны, которая действует уже Бог знает сколько лет.

Вероятно, когда-то это было возможно — теоретически, — но не в век компьютеров. Самые большие правительственные тайны утекают в интернет благодаря этому преступному ресурсу под названием...

— «ВикиЛикс», я знаю о нём. — В голосе Люка слышалось нетерпение. — Я знаю, как трудно хранить секреты, и знаю, как бредово это звучит. С другой стороны, у немцев во время Второй мировой войны были концентрационные лагеря, в которых они убили семь миллионов евреев. А также цыган и гомосексуалистов.

— Но люди за пределами этих лагерей знали об их существовании, — сказала Венди. Она попыталась взять его за руку.

Люк отстранился.

— И я готов поспорить на миллион баксов, что люди в близлежащем городе Деннисон-Ривер-Бенд знают, что там *что-то* творится. Что-то плохое. Но они не хотят знать, что. Зачем? Это учреждение приносит им пользу, к тому же, кто в это поверит? До сих пор есть люди, которые не верят, что немцы убили всех этих евреев. Это называется отрицанием.

«Да, — подумал Тим, — парень — смышлёный. История о том, что с ним случилось, конечно, пахнет дурдомом, но мозгов ему не занимать».

— Хочу быть уверена, что всё поняла правильно, — сказал Венди. Она говорила мягко. Они оба так говорили. Не нужно быть блядским вундеркиндом, чтобы понять, что так разговаривают с психически неуравновешенными людьми. Он был огорчён, но не удивлён. Чего ещё он мог ожидать? — Они каким-то образом находят детей, которые обладают телепатией и телеки... как там дальше?

— Телекинезом. ТК. Как правило их способности невелики — даже у ТК-плюсов. Но институтские доктора усиливают их. Уколы для точек — так они это называют, так мы все это называем, только точки — это огни

штази, о которых я вам говорил. Уколы, которые вызывают огни, должны усиливать то, что у нас есть. А некоторые, думаю, предназначены для того, чтобы мы дольше продержались. Или... — Он о чём-то подумал. — Или, чтобы мы не стали слишком сильными. Что может сделать нас опасными для них.

— Что-то вроде прививок? — спросил Тим.

— Думаю, можно так сказать, да.

— До того, как тебя забрали, ты мог двигать предметы силой мысли, — сказал Тим своим мягким я-разговариваю-с-дурачком голосом.

— *Маленькие* предметы.

— А благодаря этому почти убийственному опыту в иммерсионном баке, ты также можешь читать мысли.

— И раньше мог. Бак просто... усилил это. Но я по-прежнему не... — Он помассировал затылок. Это было трудно объяснить, их голоса, такие тихие и спокойные, действовали ему на нервы, которые и так были напряжены. Такими темпами он и правда станет психом, каким они его считали. И всё же нужно было попытаться. — Но я по-прежнему не очень силен в этом. Никто из нас, разве что Эйвери. Он — нечто.

— Правильно ли я понимаю: они похищают детей со слабыми экстрасенсорными способностями, пичкают их ментальными стероидами, затем велят им убивать людей. Как того политика, который собирался баллотироваться в президенты. Марка Берковица.

— Да.

— Почему не бен Ладена? — спросила Венди. — Я подумала, что он идеальная цель для... ментального устранения.

— Не знаю, — сказал Люк. Он выглядел измотанным. Синяк на его щеке, казалось, с каждой минутой становился сочнее. — Я понятия не имею, как они выбирают цели. Я как-то говорил об этом с моей подругой Калишей. И она тоже не представляет.

— Почему эта таинственная организация не пользуется услугами наёмников? Разве это не проще?

— Проще кажется только в кино, — сказал Люк. — В реальности, думаю, у них не получается или их ловят. Как чуть не поймали человека, который убил бен Ладена.

— Давай проведём демонстрацию, — сказал Тим. — Я загадал число. Скажи мне, какое.

Люк попытался. Он сосредоточился и ждал появления цветных точек, но они не появились.

— Не получается.

— Тогда передвинь что-нибудь. Я так понимаю, это твоё основное умение, из-за которого они тебя и похитили.

Венди покачала головой. Тим не был телепатом, но он знал, о чём она думала: *«Хватит приставать к нему, он на нервах, дезориентирован и в бегах»*. Но Тим подумал, что если они смогут пробиться через эту абсурдную историю, то, может быть, доберутся до чего-то реального и поймут, куда двигаться дальше.

— Как насчёт пакета? Теперь в нём нет еды, он лёгкий и ты должен справиться.

Люк посмотрел на пакет, сосредоточившись ещё сильнее. На секунду Тиму показалось, что он что-то почувствовал — слабое дуновение, будто от сквозняка, — но затем оно пропало и пакет остался лежать на месте. Конечно, как иначе.

— Ладно, — сказала Венди. — Думаю, этого достаточно для...

— Я знаю, что вы оба — пара, — сказал Люк.

Тим улыбнулся.

— Не слишком убедительно, малыш. Ты видел, как она поцеловала меня, когда вошла.

Люк обратился к Венди.

— Вы собираетесь в поездку. Хотите навестить сестру, я прав?

Её глаза расширились от удивления.

— Как...

— Не ведись на это, — сказал Тим... но по-прежнему мягко. — Это старый трюк медиумов: грамотная прикидка. Хотя должен признать, что парень неплох.

— Откуда я мог узнать о сестре Венди? — спросил Люк, хотя и без особой надежды. Он сыграл все свои карды одну за другой, теперь у него осталась только одна. И он так устал. Сон в вагоне был скудным и его мучали кошмары. В основном снился иммерсионный бак.

— Ты не извинишь нас на минутку? — спросил Тим. Не дожидаясь ответа, он повёл Венди к двери в офис. Он что-то сказал ей. Она кивнула и вышла из комнаты, на ходу достав из кармана мобильник. Тим вернулся.

— Думаю, нужно отвести тебя на станцию.

Сначала Люк подумал, что он говорил о железнодорожной станции. Может, хотел посадить Люка на другой товарняк, чтобы ему и его девушке не пришлось иметь дело со сбежавшим ребёнком и его бреднями. Затем понял, что Тим имел в виду другую станцию.

«Ой, ну и что? — подумал Люк. — Я всегда знал, что окажусь в каком-нибудь полицейском участке. И лучше в маленьком, чем в большом, где они имеют дело с сотнями людей — преступников».

Только они считали его параноиком из-за этого Холлистера, в чём мало хорошего. Теперь ему оставалось только надеяться, что они правы, и Холлестер — обычный житель. Вероятно, они *были* правы. Институт ведь не мог иметь своих людей повсюду, не так ли?

— Ладно, но сначала я хочу вам кое-что сказать, и кое-что показать.

— Валяй, — сказал Тим. Он наклонился вперёд, пристально вглядываясь в лицо Люка. Может, он просто потворствовал поехавшему ребёнку, но, хотя бы,

слушал; Люк полагал, что это лучшее, на что он мог рассчитывать.

— Если они знают, что я здесь, то придут за мной. Вероятно, с оружием. Потому что они до смерти боятся, что кто-то может поверить мне.

— Верно подмечено, — сказал Тим, — но у нас тут неплохие полицейские силы, Люк. Думаю, ты будешь в безопасности.

Вы не представляете, с чем можете столкнуться, подумал Люк, но он просто не мог больше продолжать убеждать этого парня. Он был слишком измотан. Вернулась Венди и кивнула Тиму. Люк слишком обессилел, чтобы обратить на это внимание.

— Женщина, которая помогла мне сбежать из Института, дала мне две вещи. Одной был нож, которым я отрезал часть уха с трекером. А другой — это. — Он достал из кармана флэшку. — Я не знаю, что на ней, но, думаю, вы должны посмотреть, прежде чем что-то предпринять.

Он протянул флэшку Тиму.

12

Постояльцам Задней Половины — то есть передней половины Задней Половины; восемнадцать детей из Овощебазы продолжали сидеть за закрытыми дверями, предаваясь гудению, — дали двадцать минут свободного времени перед началом фильма. Джимми Каллум, походкой зомби поплёлся в свою комнату; Хэл, Донна и Лен сидели в столовой, двое мальчиков «гипнотизировали» свой недоеденный десерт (сегодня: шоколадный пудинг), Донна смотрела на свою тлеющую сигарету, кажется позабыв, как курить.

Калиша, Ник, Джордж, Эйвери и Хелен прошли в гостиную с неприглядной мебелью из комиссионки и старой плазмой, по которой шли только доисторические ситкомы, наподобие «Заколдованного» и «Счастливых дней». Там была Кэти Гивенс. Она не обратила на них внимания, глядя в пустой экран телевизора. К удивлению Калиши, к ним присоединилась Айрис, которая выглядела лучше, чем в предыдущие дни. Оживлённее.

Калиша напряжённо думала — могла думать, потому что *чувствовала* себя лучше, чем обычно. То, что они сделали с головной болью Хелен — в основном, Эйвери, хотя они все принимали участие, — помогло и ей тоже. Как и Ники и Джорджу. Она видела это.

«Захватить это место».

Смелая и притягательная идея, но сразу же возникли вопросы. Наиболее очевидный: как, если на смене находились по меньшей мере двенадцать санитаров, а в дни просмотра фильмов их было всегда больше. И второй: почему они не додумались до этого раньше.

«Я думал», — сказал ей Ники... и неужели его мысленный голос стал сильнее? Кажется, да, подумала она, и не последнюю роль в этом сыграл Эйвери. Потому что теперь *он* был сильнее. — *«Я думал об этом, когда они впервые привели меня сюда».*

Это было всё, что Ники смог передать ей мысленно, поэтому он наклонился к её уху и прошептал:

— Я был тем, кто всегда боролся, помнишь?

Правда. То с подбитым глазом. То с разбитой губой.

— Мы недостаточно сильны, — прошептал он. — Даже здесь, даже после огней, наших способностей недостаточно.

Тем временем, Эйвери смотрел на Калишу с отчаянной надеждой. Он посылал ей мысленное сообщение, но вряд в этом была необходимость. Всё

было в его глазах. *«Здесь все детали, Ша. Я почти уверен, что все они здесь. Помоги мне собрать их вместе. Помоги построить замок, где мы будем в безопасности, хотя бы временно».*

Ша подумала о старой выцветшей наклейке Хиллари Клинтон на заднем бампере «Субару» её мамы: СИЛЬНЕЕ ВМЕСТЕ; именно по такому принципу шла работа и в Задней Половине. Вот, почему они смотрели фильмы вместе. Вот, почему они могли переместиться на тысячи миль, а иногда даже на другой конец планеты, к людям, которые были в фильмах. Если они впятером (вшестером, если поработают над головной болью Айрис, как поработали над Хелен) смогут создать единую ментальную силу, своего рода вулканический поток мысленной лавы, разве этого не будет достаточно, чтобы поднять мятеж и захватить Заднюю Половину?

— Это отличная идея, но я так не думаю, — сказал Джордж. Он взял её за руку и слегка сжал. — Может быть, мы сумеем немного раскрутить им гайки, может быть, напугать до чёртиков, но у них есть эти электродубинки, и если они вырубят одного или двоих из нас, то игра будет окончена.

Калиша не хотела соглашаться с этим, но сказала, что он, вероятно, прав.

Эйвери: *«Один шаг за раз».*

Айрис сказала:

— Ребята, я не могу читать ваши мысли. Я знаю, вы о чём-то переговариваетесь, но у меня всё ещё сильно болит голова.

Эйвери: *«Посмотрим, что мы сможем для неё сделать. Все вместе».*

Калиша взглянула на Ника, который кивнул. Потом на Джорджа, который пожал плечами и тоже кивнул.

Эйвери провёл их в голову Айрис Стэнхоуп, как исследователь, ведущий свой отряд в подземелье.

Губка в её сознании была очень большой. Эйвери видел её кроваво-красной, поэтому все видели её такой же. Они выстроились перед ней и начали толкать. Губка слегка поддалась... ещё немного... но затем остановилась, сопротивляясь их усилиям. Первым отступил Джордж, за ним Хелен (которая, впрочем, мало что могла сделать), затем Ник и Калиша. Эйвери остался последним, нанеся болевой губке дерзкий ментальный удар, прежде чем уйти.

— Тебе лучше, Айрис? — спросила Калиша без особой надежды.

— Что лучше? — Это была Кэти Гивенс, которая отвлеклась от телевизора.

— Моя головная боль, — сказала Айрис. — И — да. Во всяком случае, немного. — Она улыбнулась Кэти, и на мгновение девочка, которая выиграла конкурс по орфографии в Абилине, снова была с ними.

Кэти снова переключилась на телевизор.

— Где Ричи Каннингэм и Фонзи?^[107] — спросила она и начала массировать виски. — Вот бы мне тоже стало лучше; голова болит, как хрен знает что.

«Наглядный пример», — подумал Джордж, обращаясь ко всем.

Калиша согласилась. Да, вместе они были сильнее, и всё же недостаточно сильными. Как Хиллари Клинтон, когда она баллотировалась в президенты несколько лет назад. Потому что у её конкурента и его сторонников был политический аналог электродубинок.

— Хотя это помогло мне, — сказала Хелен. — Моя боль почти пропала. Похоже на чудо.

— Не переживай, — сказал Ники. Пораженческий тон его голоса испугал Калишу. — Она ещё вернётся.

В гостиную вошла Корин; одну руку она держала на электродубинке, будто что-то почувствовала. Может быть, подумала Калиша, но не знала, что.

— Время кино, — сказала она. — Вперёд детки, шевелите задницами.

13

Двое санитаров, Джейк и Фил (известные как Змей и Пилюля соответственно), стояли возле входа в кинозал, держа каждый по корзине. Когда дети входили внутрь, они складывали туда сигарет и спички (зажигалки были запрещены в Задней Половине), у кого они были. Они могли получить их назад после просмотра... если, конечно, вспомнили бы. Хэл, Донна и Лен сели на задний ряд, безучастно глядя на пустой экран. Кэти Гивенс села в центре рядом с Джимми Каллумом, который без особого старания ковырял в носу.

Калиша, Ник, Джордж, Хелен, Айрис и Эйвери сели спереди.

— Добро пожаловать на ещё один приятный вечер, — сказал Ники голосом конференсье. — Сегодня в программе лауреат премии «Оскар» в категории «Самый дерьмовый документальный фильм...»

Пилюля Фил выписал ему подзатыльник.

— Заткнись, придурок, и наслаждайся просмотром.

Он ушёл. Свет погас и на экране появился доктор Хендрикс. От одного вида незажжённого бенгальского огня в его руке у Калиши пересохло во рту.

Ей чего-то не хватало. Какой-то жизненно важной части замка Эйвери. Но она не потеряла её, а просто упустила из вида.

«Сильнее вместе, но недостаточно сильные. Даже если бы к нам присоединились эти несчастные полуовощи Джимми, Хэл и Донна. Но мы могли бы обрести силу. Когда горит бенгальский огонь, мы становимся сильными. Когда горит огонь, мы

становимся разрушителями. В таком случае, чего же мне не хватает?»

— Добро пожаловать мальчики и девочки, — начал говорить доктор Хендрикс, — и спасибо за вашу помощь! Давайте же немного повеселимся, вы не против? До встречи. — Он помахал незажжённым бенгальским огнём и даже подмигнул. Калишу от этого чуть не стошнило.

«Если мы можем добраться до другого конца планеты, тогда почему мы не...»

Она почти закончила, но затем Кэти издала громкий крик, но не от боли, а от радости.

— Дорожный бегун! Он самый лучший. — Она начала петь полувибрирующим фальцетом, который буквально сверлил мозг Калиши. — Дорожный бегун, Дорожный бегун, койот на хвосте у ТЕБЯ! Дорожный бегун, Дорожный бегун, попадётся и тебе ХАНА!

— Помолчи, Кейтс, — беззлобно сказал Джордж, и когда Дорожный бегун просвистел по пустынному шоссе, а Уайли Койот посмотрел ему вслед и увидел обед в честь Дня благодарения, Калиша почувствовала, как то, что она почти сформулировала, уплывает куда-то прочь.

Когда мультфильм закончился и Уайли Койот снова был повержен, на экране появился мужчина в костюме. В руке у него был микрофон. Калиша подумала, что он бизнесмен, которым он, возможно, и был, хотя основной род его деятельности был другим. Он был проповедником, потому что когда камера начала отъезжать назад, за его спиной можно было увидеть большой старый крест, подсвеченный красным неоновым светом; проповедник находился на какой-то арене или стадионе с тысячами зрителей. Они поднялись со своих мест, некоторые махали руками, другие размахивали Библиями.

Сначала он читал обычную проповедь, цитируя главы и стихи из Библии, но потом перешёл к тому, как из-за наркотиков и супружеской измены разваливается страна. Потом затронул политиков и судей, и сказал, что Америка была цветущим городом на холме, который хотят извалить в грязи. Он начал было рассказывать, как магия околдовала жителей Самарии (какое отношение это имело к Америке, Калише было не понятно), но тут появились вспыхивающие и гаснущие цветные точки. Гудение нарастало и спадало. Калиша чувствовала его своим носом, в котором вибрировали тоненькие волоски.

Когда точки рассеялись, они увидели проповедника, сажающегося на самолёт с женщиной, которая, вероятно, была его женой. Точки вернулись. Гудение нарастало и спадало. Калиша услышала в своей голове Эйвери, который сказал что-то вроде: *«Они видят это»*.

«Кто видит это?»

Эйвери не ответил — вероятно, потому что был поглощён фильмом. Это и делали огни штази: они с головой погружали вас. Проповедник снова вещал, вещал страстно, через мегафон и стоя на платформе грузовика. Транспаранты гласили: «ХЬЮСТОН ЛЮБИТ ВАС», «БОГ ПОКАЗАЛ НОЮ РАДУГУ» и «ОТ ИОАННА 3:16». Затем появились точки. И гудение. Некоторые пустые сиденья начали сами по себе хлопать вверх и вниз, как незакреплённые ставни на сильном ветру. Двери кинозала распахнулись. Змей Джейк и Пилюля Фил снова захлопнули их, подперев плечами.

Теперь проповедник находился в каком-то приюте для бездомных, одетый в поварской фартук и помешивающий в огромном чане соус для спагетти. Рядом стояла его жена, оба улыбались, и в этот раз в голове Калиши прозвучал Ник: *«Улыбнитесь на камеру!»* Она почувствовала, что её волосы поднялись вверх, как в каком-то эксперименте с электричеством.

Точки. Гудение.

Далее проповедник появился в новостной программе вместе с другими людьми. Один из них обвинил проповедника в том, что тот был... он кидался разными умными словами, которые, по мнению Калиши, Люк бы точно понял... а проповедник смеялся так, словно услышал самую смешную шутку в своей жизни. У него был весёлый смех. От чего вам тоже хотелось смеяться. Если бы от этого не ехала крыша.

Точки. Гудение.

Каждый раз, когда огни штази возвращались, они становились ярче, каждый раз, казалось, всё глубже проникали в голову Калиши. В её нынешнем состоянии все отдельные части фильма казались захватывающими. В них крылись *рычаги*. Когда придёт время — вероятно, завтра вечером или на следующий день, — дети в Задней Половине нажмут на них.

— Ненавижу это, — сказал Хелен тихим расстроенным голосом. — Когда это закончится?

Проповедник стоял перед роскошным особняком, где судя по всему шла вечеринка. Проповедник ехал в кортеже. Проповедник был на барбекю, а на здании позади него висела красно-бело-синяя праздничная лента. Люди ели корндоги и большие куски пиццы. Он проповедовал об извращении естественного порядке вещей, установленного Богом, но затем его голос оборвался, сменившись голосом доктора Хендрикса.

— Это Пол Уэстин, ребята. Он живёт в Дирфилде, Индиана. Пол Уэстин. Дирфилд, Индиана. Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана. Повторяйте со мной, девочки и мальчики.

Отчасти потому, что у них не было выбора, отчасти потому, что это принесло бы благостный конец цветным точкам и нарастающему и затухающему гулу, но главным образом потому, что сейчас они *по-настоящему были в фильме*, десять детей в кинозале начали

скандировать. Калиша присоединилась к ним. Она не знала на счёт остальных, но для неё это была худшая часть вечерних просмотров. Она ненавидела, что от этого становилось лучше. Она ненавидела ощущение присутствия *рычагов*, которые только дожидались нажатия. Умоляли об этом! Она чувствовала себя куклой чревовещателя, сидящей на коленях этого блядского доктора.

— Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана! Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана! ПОЛ УЭСТИН, ДИРФИЛД, ИНДИАНА!

Затем на экране снова появился улыбающийся доктор Хендрикс, держащий в руке незажжённый бенгальский огонь.

— Всё правильно. Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана. Спасибо ребята, и доброй ночи. Увидимся завтра!

Огни штази вернулись в последний раз, мигая и кружась по спирали. Калиша стиснула зубы и подождала, пока они уйдут, чувствуя себя крошечной космической капсулой, попавшей в поле гигантских астероидов. Гудение стало невыносимым, но затем точки исчезли, и оно мгновенно прекратилось, будто кто-то выдернул провод из усилителя.

Они видят это, сказал Эйвери. Это и была недостающая деталь? Если да, то кто такие *они*?

В кинозале зажёгся свет. Двери открылись: с одной стороны стоял Змей Джейк, с другой — Пилюля Фил. Большинство детей вышли, но Донна, Лен, Хэл и Джимми остались на своих местах. Могли сидеть там, развалившись в удобных креслах, до появления санитаров, которые разогнали бы их по комнатам, а один-двое из них или все четверо могли оказаться на Овощебазе после завтрашнего просмотра. Итогового просмотра. Когда они сделали бы то, что должно было быть сделано с проповедником.

Перед отправкой по комнатам и запираанием дверей на ночь, всем было разрешено ещё полчаса провести в

гостиной. Куда направилась Калиша. За ней последовали Джордж, Ники и Эйвери. Через несколько минут вошла Хелен и села на пол с незажжённой сигаретой в руке, её когда-то цветастые волосы свисали ей на лицо. Последними пришли Айрис и Кэти.

— Голова не так сильно болит, — объявила Кэти.

«Да, — подумала Калиша, — после фильма боль всегда отступает... но ненадолго. И каждый раз возвращается всё быстрее».

— Ещё один весёлый вечерок в кино, — пробормотал Джордж.

— Так детишки, что мы уяснили? — спросил Ники. — Что кому-то где-то не сильно нравится преподобный Пол Уэстин из Дирфилда, Индиана.

Калиша провела большим пальцем по губам и взглянула на потолок. *«Прослушка, — мысленно сказала она Ники. — Осторожно».*

Ники приставил к голове пистолет из пальцев и «застрелился». Это заставило остальных улыбнуться. Завтра всё будет по-другому, Калиша знала это. Никаких улыбок. После завтрашнего просмотра на экране появится доктор Хендрикс с зажжённым бенгальским огнём, и гудение перерастёт в рёв белого шума. Рычаги будут нажаты. Наступит период неизвестной продолжительности, одновременно величественный и ужасающий, когда их головная боль будет полностью изгнана. Вместо пятнадцати-двадцати минут у них будет шесть-восемь часов благословенного облегчения. И где-то Пол Уэстин из Дирфилда, штат Индиана, сделает что-то, что изменит его жизнь или закончит её. Для детей в Задней Половине жизнь продолжится... если можно назвать это жизнью. Головная боль будет возвращаться. И каждый раз всё сильнее. Пока вместо того, чтобы просто ощущать гул, они не станут его частью. Не превратятся в...

«Овощей!»

Это был Эйвери. Никто больше не мог проецировать мысли с такой необъятной силой. Он будто жил в её голове.

«Так это и работает, Ша! Потому что они...»

— Они видят, — прошептала Калиша; в яблочко — это и была недостающая деталь. Она прижала ладони ко лбу, но не потому, что головная боль вернулась, а потому, что это было настолько очевидно. Она схватила Эйвери за щуплое костлявое плечо.

«Овощи видят то, что видим мы. Зачем ещё они их держат?»

Ники взял Калишу за плечи и прошептал ей в ухо; прикосновение его губ заставило её вздрогнуть.

— О чём вы говорите? Они лишились рассудка. И скоро лишимся мы.

Эйвери: *«Это и делает их сильнее. У них ничего нет. Всё забрали. Они — аккумуляторы. А мы все...»*

— Свечи, — прошептала Калиша. — Свечи зажигания.

Эйвери кивнул: *«Мы должны использовать их».*

«Когда?» — Мысленный голос Хелен был голоском маленького испуганного ребёнка. — *Лучше бы поскорее, потому что я не могу больше это выносить».*

— Никто не может, — сказал Джордж. — К тому же, прямо сейчас эта сука...

Калиша предупреждающе помотала головой, и Джордж продолжил мысленно. Пока что у него плохо получалось, но Калиша уловила суть. Они все уловили. Прямо сейчас эта сука миссис Сигсби сосредоточила внимание на Люке. Стакхаус тоже. Да и все в Институте, потому что они знали о его побеге. Это был их шанс, пока все были напуганы и отвлечены. Второго такого не будет.

Ники начал улыбаться.

«Сейчас самый подходящий момент».

— Как? — спросила Айрис. — Как мы это сделаем?

Эйвери: *«Кажется, я знаю, но нам нужны Хэл, Донна и Лен».*

— Ты уверен? — спросила Калиша, а затем добавила: *«Они почти 'отъехали'».*

— Я приведу их, — сказал Ники. Он встал, улыбаясь. — *«Эйвестер прав. Пригодится любая помощь».*

Калиша поняла, что его мысленный голос стал сильнее. Интересно, на передающей или на принимающей стороне?

«На обеих, — сказал Эйвери. Он тоже улыбался — Потому что сейчас мы делаем это для себя».

«Да, — подумала Калиша. — Потому что они делали это для себя. Они не собирались быть кучкой кукол, сидящих на коленях чреовещателя. Это было так просто, но казалось откровением: если ты делаешь для себя, это даёт тебе силу».

14

Примерно в то время, когда Эйвери — мокрый и трясущийся — ехал в инвалидном кресле по туннелю между Передней Половиной и Задней, институтский самолёт «Челленджер» (940NF на хвосте и «МЭН ПЭЙПЕР ИНДАСТРИЗ» на фюзеляже) поднимался в воздух в Эри, Пенсильвания, с о штурмовой группой на борту. Когда самолёт набрал крейсерскую высоту, направившись в маленький городок Алколу, Тим Джеймисон и Венди Галликсон везли Люка Эллиса в Департамент шерифа округа Фэйрли.

Завертелись шестерёнки одной машины.

— Это Люк Эллис, — сказал Тим. — Люк, познакомься с помощниками шерифа Фарадеем и Уиклоу.

— Рад познакомиться, — сказал Люк без особого энтузиазма.

Билл Уиклоу посмотрел на разбитое лицо Люка и его завязанное ухо.

— А это всё откуда?

— Долгая история, — ответила Венди, опередив Люка. — Где шериф Джон?

— В Даннинге, — сказал Билл — У него там мать в доме престарелых. Она, это... вы поняли. — Он постучал по виску. — Сказал, что вернётся около пяти. Но если у неё сегодня хороший день, то может остаться с ней на ужин. — Он посмотрел на Люка, покалеченного, в грязной одежде, у которого на лбу было написано: БЕГЛЕЦ. — У вас срочное дело?

— Хороший вопрос, — сказал Тим. — Таг, ты получил информацию, которую просила Венди?

— Да, — ответил помощник по фамилии Фарадей. — Мы можем пройти в офис шерифа Джона.

— В этом нет необходимости, — сказал Тим. — Не думаю, что ты расскажешь что-то такое, чего Люк ещё не знает.

— Уверен?

Тим взглянул на Венди, которая кивнула, затем на Люка, который пожал плечами.

— Да.

— Ладно. Родители мальчика, Герберт и Эйлин Эллисы, были убиты в своём доме около семи недель назад. Застрелены в спальне.

Люк почувствовал себя так, будто находится вне тела. Точек не было, но именно так он себя чувствовал, когда они возвращались. Он сделал два шага к вращающемуся креслу перед диспетчерским столом и рухнул на него. Кресло покатило назад и перевернулось бы, если бы не врезалось в стену.

— Ты в порядке, Люк? — спросила Венди.

— Нет. Да. Насколько это возможно. Ублюдки из Института — доктор Хендрикс, миссис Сигсби и санитары — сказали, что они целы и невредимы, но я знал, что они мертвы ещё до того, как увидел это на экране моего компьютера. Я знал, но это всё равно... ужасно.

— У тебя там был *компьютер*? — спросила Венди.

— Да. Чтобы играть или смотреть музыкальные клипы на «Ютьюб». Ничего серьёзного. Новостные сайты были заблокированы, но я знал, как это обойти. Они должны были мониторить мои поисковые запросы и поймать меня, но они просто... слишком ленивые. Беспечные. Иначе я бы не выбрался.

— О чём, чёрт возьми, он говорит? — спросил Уиклоу.

Тим помотал головой. Его внимания всё ещё было сосредоточено на Таге.

— Вы ведь узнали это не от полиции Миннеаполиса, верно?

— Нет, но не потому, что ты так просил. Когда и с кем связываться решает шериф Джон. Такие тут порядки. А между тем, «Гугл» в помощь. — Он посмотрел на Люка как бы говоря: ситуация у тебя скверная. — Он числится в Национальном центре по делам пропавших и эксплуатируемых детей, и о нём есть много упоминаний в «Стар Трибьюн» Миннеаполиса и «Пайонир Пресс» Сент-Пола. Согласно газетам, он очень умный парень. Вундеркинд.

— Похоже на то, — сказал Билл. — Использует много умных слов.

«Я здесь, — подумал Люк. — Говорите обо мне так, будто я здесь».

— Полиция не считает его подозреваемым, — сказал Таг. — Во всяком случае, в газетах об этом ни слова, но они хотят задать ему вопросы.

Люк заговорил.

— Конечно, хотят. И первый вопрос, вероятно, будет таким: «Где ты взял пистолет, парень?»

— Ты убил их? — как бы невзначай спросил Билл, будто просто хотел поддержать разговор. — Скажи нам правду, сынок. Это пойдёт тебе на пользу.

— Нет. Я люблю своих родителей. Их убили грабители, а я был тем, что они пришли украсть. Они забрали меня не потому, что я набрал 1580 баллов по АОТ-тесту, или что я умею решать сложные уравнения в голове, или что я знаю, что Харт Крэйн^[108] покончил с собой, спрыгнув с корабля в Мексиканский залив. Они убили моих маму и папу и похитили меня, потому что иногда я мог затушить свечу, просто глядя на неё, или скинуть со стола в «Рокет Пицца» поднос для пиццы. *Пустой* поднос. Полный остался бы на месте. — Он посмотрел на Тима с Венди и засмеялся. — Я даже не смог устроиться на работу в паршивой придорожной ярмарке.

— Не вижу в этом ничего смешного, — нахмурившись, сказал Таг.

— Я тоже, — сказал Люк, — но, порой, я смеюсь просто так. Я много смеялся с моими друзьями, Калишей и Ником, несмотря на то, через что нам пришлось пройти. К тому же, это было долгое лето. — В этот раз он не засмеялся, но улыбнулся. — Вы даже не представляете.

— Думаю, ты мог бы немного передохнуть, — сказал Тим. — Таг, сейчас есть кто-нибудь в камерах?

— Нет.

— Хорошо. Почему бы нам не...

Люк отступил назад с тревогой в лице.

— Нет. Ни за что.

Тим поднял руки.

— Никто не собирается запираить тебя. Мы оставим дверь открытой.

— Нет. Пожалуйста, не надо. Не заставляйте меня снова идти в клетку. — Тревога переросла в ужас, и Тим впервые начал верить, по крайней мере, в одну часть истории мальчика. Экстрасенсорика — это всё чушь собачья, но он и раньше видел то, что сейчас наблюдал перед собой, когда был полицейским: взгляд и поведение ребёнка, подвергнувшегося насилию.

— Ладно, может тогда диван в приёмной? — Венди указала пальцем. — Он комковатый, но не так уж плох. Я несколько раз спала на нём.

Если так, то Тим ни разу не видел этого, но паренёк явно испытал облегчение.

— Хорошо, я согласен. Мистер Джеймисон — Тим, — флэшка ещё у вас?

Тим достал её из нагрудного кармана и поднял вверх.

— Тут.

— Хорошо. — Он зашагал к дивану. — Вот бы вы проверили этого мистера Холлистера. Я правда думаю, что он может быть дядей.

Таг и Билл, оба озадаченно посмотрели на Тима. Тим помотал головой.

— Люди, которые ищут меня, — сказал Люк. — Они притворяются моим дядей. Или, может, кузеном или просто другом семьи. — Он заметил, как Таг и Билл закатили глаза, и снова улыбнулся. Это было одновременно утомительно и забавно. — Да, я знаю, как это звучит.

— Венди, почему бы тебе не отвести этих двух офицеров в офис шерифа Джона и не пересказать им то, что нам рассказал Люк? Я останусь здесь.

— Правильно, останься, — сказал Таг. — Потому что, пока шериф Джон не выдаст тебе значок, ты обычный ночной стукачий.

— Вас понял, — сказал Тим.

— Что на флэшке? — спросил Билл.

— Не знаю. Посмотрим все вместе, когда вернётся шериф.

Венди прошла с помощниками в кабинет шерифа Эшворта и закрыла дверь. Тим слышал их приглушённые голоса. Обычно в это время он спал, но впервые за долгое время чувствовал себя бодрее некуда. Возможно, с тех пор, как покинул Департамент Полиции Сарасоты. Он хотел знать, что на самом деле скрывалось за мутной историей этого мальчика, и что с ним приключилось.

Он налил себе кофе из кофеварки, стоящей в углу: крепкий, но не такой противный, каким он становился к десяти часам вечера, когда Тим обычно заходил в участок перед дежурством. Он отнёс чашку к диспетчерскому посту. Мальчик уже спал, либо очень умело притворялся. Повинуясь внезапному желанию, Тим схватил скоросшиватель, в котором находился список всех предприятий Дюпре и набрал номер мотеля. Никто не ответил. Похоже, Холлистер так и не вернулся в свою крысиную дыру. Что, разумеется, ничего не значило.

Тим повесил трубку, достал из кармана флэшку и посмотрел на неё. Скорее всего, она тоже ничего не значила, но, как и сказал Таг Фарадей, здесь решает шериф Эшворт. Флэшка может и подождать.

А пока пусть мальчик поспит. Если он и правда проделал весь путь из Мэна в товарном вагоне, то сон ему не помешает.

«Челленджер», на борту которого находились одиннадцать пассажиров — миссис Сигсби, Тони Фиццале, Вайнона Бриггс, доктор Эванс и

объединенные группы «Руби Ред» и «Опал», — приземлился в Алколу в четверть шестого. Для доклада Стакхаусу в Институт, теперь эта укороченная дюжина называлась «Золотой Командой». Первой с самолёта сошла миссис Сигсби. Денни Вильямс из «Руби Ред» и Луис Грант из «Опал» остались на борту, чтобы позаботиться о довольно специфическом багаже «Золотой Команды». Миссис Сигсби стояла на взлётной полосе, несмотря на невыносимую жару, и звонила по мобильнику на стационарный телефон в своём офисе. Ответила Розалинда и перенаправила её Стакхаусу.

— Есть ли... — начала она, но прервалась, потому что мимо неё молча прошли пилот и второй пилот. Один раньше служил в ВВС, второй — в ВВС Национальной гвардии, и оба были, как нацистские охранники из старого ситкома «Герои Хогана»: ничего не видели, ничего не слышали. Их работа была в том, чтобы забирать и доставлять.

Как только они ушли, она спросила Стакхауса, не слышно ли чего-нибудь от их человека в Дюпре.

— Так точно. Спрыгнув с поезда, Эллис ударился головой о сигнальный пост. Мгновенная смерть от субдурального кровотечения решила бы большинство наших проблем, но Холлистер говорит, что он даже не потерял сознание. Эллиса увидел водитель погрузчика, завёл его на склад рядом со станцией и вызвал местного лекаря. Чуть позже появилась помощник шерифа. Они с водителем погрузчика отвезли нашего мальчика в службу шерифа. На ухо, в котором был трекер, наложена повязка.

Денни и Луис вышли из самолёта, неся длинный стальной ящик. Они спустили его по трапу и занесли внутрь.

Миссис Сигсби вздохнула.

— Что ж, этого можно было ожидать. Собственно, мы и ждали. Это ведь маленький городок, верно? С

маленьким полицейским участком?

— Захолустье, — согласился Стакхаус. — И это хорошая новость, но не последняя. Наш человек говорит, что шериф ездит на большом серебристом пикапе «Титан», и его не было на парковке перед участком. Поэтому Холлистер решил прогуляться в местный универсам. Говорит, чурки — его слово, не моё, — которые там работают, знают всё обо всех. Один из них сообщил, что шериф заехал за пачкой «Свишер Свит» и сказал, что едет навестить свою мать, которая находится то ли в доме престарелых, то ли в хосписе в соседнем городе.

— И что для нас хорошего в этой новости? — Миссис Сигсби подёргала за воротник, охлаждая шею.

— Конечно, нельзя быть уверенным, что копы в такой глухомани, как Дюпре, будут следовать протоколу, но если да, то просто задержат ребёнка, пока не вернётся главный. Что бы он решил, что делать дальше. Через сколько вы там будете?

— Два часа. Можно и быстрее, но у нас с собой много палочек-выручалочек, и было бы неразумно превышать скорость.

— Верно, — сказал Стакхаус. — Слушайте, Джулия. Эти колхозники из Дюпре могут в любое время связаться с полицией Миннеаполиса. Или уже связались. Но это ничего не меняет. Вы ведь понимаете?

— Конечно.

— О любых последствиях будем беспокоиться позже. А сейчас разберитесь с нашим путешественником.

Убийство — вот, что имел в виду Стакхаус, и, вероятно, без этого будет не обойтись. Убийство Эллиса и любого, кто встанет у них на пути. Такого рода последствия потребуют использования Нулевого Телефона, но если она сможет заверить уctивый

шепелявый голос на другом конце, что ключевая проблема решена, то, возможно, сохранит себе жизнь. Возможно, даже работу, но она будет согласна и на жизнь, если до этого дойдёт.

— Я знаю, что делать, Тревор. Как только буду на месте.

Она прервала связь и зашла внутрь. Кондиционированный воздух в комнате ожидания ударил её, будто пощёчина. Она увидела Денни Вильямса.

— Всё готово?

— Да, мэм. Можно приступать. Жду только вашей команды.

Во время полёта из Эри миссис Сигсби была занята своим айпадом.

— Сделаем короткую остановку у съезда 181. Там я и передам вам командование операцией. Вас это устроит?

— Абсолютно.

Они присоединились к остальным, которые стояли снаружи. Не было никаких чёрных внедорожников с тонированными стёклами, только ещё три минивэна невзрачных цветов: синий, зелёный и серый. Сирота Энни была бы разочарована.

16

Съезд 181 направил «Золотую Команду» с автострады прямо в натуральные чигири, где были только заправка и «Ваффл Хаус». Ближайший город, Латта, находился в двенадцати милях. Через пять минут после «Ваффл Хаус», миссис Сигсби, ехавшая в переднем минивэне, велела Денни остановиться за рестораном, который выглядел так, будто разорился

примерно в то же время, когда Обама стал президентом. Даже табличка с надписью «ЗАСТРОЙКА ПОД КЛЮЧ» казалась обветшалой.

Стальной ящик, который Денни и Луис вынесли из «Челленджера», был открыт и «Золотая команда» вооружилась. Семь членов «Руби Ред» и «Опал» взяли «Глоки-37», которыми пользовались во время миссий по захвату. Такой же взял Тони Фиццале, и Денни с удовольствием увидел, как он тут же отдёрнул затвор и проверил, пустой ли патронник.

— Неплохо бы иметь кобуру, — сказал Тони. — Не хочется совать его за пояс, как какой-то гангстер из MS-13^[109].

— Можешь пока положить под сиденье, — сказал Денни.

Миссис Сигсби и Вайнона Бриггс взяли себе «Зиг-Зауэры-P238», достаточно компактные, чтобы поместиться в их сумочках. Когда Денни предложил такой же Эвансу, доктор поднял ладони и отступил назад. Том Джонс из «Опал» наклонился над переносным оружейным складом и достал одну из двух штурмовых винтовок «НК37».

— Может, эту док? Обойма на тридцать патронов — разнесёт корову через стенку сарая. И ещё есть световые гранаты.

Эванс помотал головой.

— Я тут не по своему желанию. Если вы собираетесь убить мальчика, то без меня.

— В жопу ваше желание, — сказала Элис Грин, также из «Опал». Эти слова были встречены смехом — напряжённым, громким и слегка безумным, — который можно услышать перед операциями, в которых планируется стрельба.

— Перестаньте, — сказала Миссис Сигсби. — Доктор Эванс, вполне возможно, что мы возьмём мальчишку

живым. Денни, у вас ведь есть карта Дюпре на планшете?

— Да, мэм.

— Тогда, теперь операция на вас.

— Очень хорошо. Подойдите ближе, все. Док, не стесняйтесь.

Они собрались вокруг Денни Вильямса, стоя в жарком предвечернем зное. Миссис Сигсби посмотрела на часы: четверть седьмого. До места назначения остался час, может, чуть больше. Есть небольшое отставание от графика, но это терпимо, учитывая, насколько быстро всё было организовано.

— Это центр Дюпре, всё, что там есть, — сказал Денни Вильямс. — Только одна центральная улица. На полпути вниз находится Департамент шерифа округа — прямо между администрацией города и бакалейным магазином Дюпре.

— Что за бакалейный магазин? — спросил Джош Готтфрид из «Опал».

— Как универмаг, — сказала Робин Лекс.

— Скорее, как дискаутер, — сказал Тони Фиццале. — Я около десяти лет провел в Алабаме, в основном в военной полиции, и могу сказать, что эти маленькие южные городки — это как будто ты вернулся в прошлое на пятьдесят лет назад. За исключением «Уолмарта», который есть почти везде.

— Хватит болтать, — сказала Миссис Сигсби и кивнула Денни, чтобы он продолжал.

— В общем, ничего особенного, — сказал Денни. — Припаркуемся здесь, за кинотеатром, который закрыт. Источник миссис Сигсби подтвердил, что цель всё ещё в полицейском участке. Мы с Мишель изобразим супружескую пару на отдыхе, которая путешествует по маленьким городкам американского юга...

— Безумие, одним словом, — сказал Тони, который опять засмеялся напряжённым смехом.

— Мы пойдём по улице, разглядывая окрестности...

— Держась за руки, как влюблённые голубки, — сказала Мишель Робертсон, взяв Денни за руку и одарив его скромной, но благоговейной улыбкой.

— Как насчёт того, чтобы ваш местный человек всё проверил? — спросил Луис Грант. — Разве так не будет безопаснее?

— Я его не знаю и не доверяю его данным, — сказал Денни. — А ещё он гражданский.

Он посмотрел на миссис Сигсби, которая снова кивнула ему в знак продолжения.

— Может быть, мы зайдём в участок и спросим дорогу. Может, нет. В общем, нужно выяснить, сколько там офицеров и где они. Затем... — Он пожал плечами. — Мы устраним их. Если завяжется бой, чего я не ожидаю, то прямо там же прикончим и мальчика. Если нет, мы заберём его. Так придётся меньше разгребать, если это будет выглядеть, как похищение.

Миссис Сигсби оставила Денни, чтобы он сообщил остальным, где будет ждать «Челленджер», и позвонила Стакхаусу, доложив обстановку.

— Только что разговаривал с нашим человеком, Холлистером, — сказал он. — Пять минут назад шериф припарковался перед полицейским участком. К этому времени, он уже познакомился с нашим своенравным ребёнком. Пора действовать.

— Да. — Она почувствовала не совсем приятное напряжение в животе и паху. — Я позвоню, когда всё закончится.

— Сделайте это, Джулия. Вытащите нас из этого блядского бардака.

Она прервала связь.

Шериф Джон Эшворт вернулся в Дюпре примерно в шесть-двадцать. В четырнадцать сотнях миль заторможенные дети складывали сигареты и спички в корзины и заходили в кинозал, где звездой сегодняшнего вечера должен был стать священнослужитель мегацеркви из Индианы с его влиятельными друзьями-политиками.^[110]

Шериф остановился в дверях и оглядел помещение полицейского участка, уперев руки в большие пухлые бёдра, отметив, что там собрались все его сотрудники, за исключением Ронни Гибсон, которая проводила отпуск у своей матери в Сент-Питерсберге. В числе присутствующих также был Тим Джеймисон.

— Ну и ну, — сказал он. — Не похоже на вечеринку-сюрприз, потому что сегодня не мой день рождения. А это кто? — Он указал на мальчика на маленьком диване в приёмной. Люк лежал, свернувшись калачиком, насколько это было возможно. Эшворт повернулся к Тагу Фарадею, старшему помощнику. — И кто его побил?

Вместо ответа Таг повернулся к Тиму, взмахнув рукой, как бы говоря: *после тебя*.

— Его зовут Люк Эллис и никто его здесь не бил, — сказал Тим. — Он спрыгнул с товарняка и налетел на сигнальный пост. Оттуда и синяки. Что касается повязки, то он говорит, что был похищен, и похитители вставили ему в ухо следящее устройство. Он утверждает, что отрезал мочку, чтобы избавиться от этого устройства.

— Кухонным ножом, — добавила Венди.

— Его родители мертвы, — сказал Таг. — Убиты. Эта часть его истории — правда. Я проверил. Это случилось аж в самой Миннесоте.

— Но он говорит, что место, из которого он сбежал, находится в Мэне, — сказал Билл Уиклоу.

Эшворт продолжал молча стоять, уперев руки в бёдра. Он перевёл взгляд с помощников и ночного стучащего и на спящего на диване мальчика. Люк никак не отреагировал на разговор, был словно отрезан от мира. Затем шериф Джон снова посмотрел на своих сотрудников.

— Жаль, что я не остался на ужин с моей ма.

— Ей стало хуже? — спросил Билл.

Шериф Джон пропустил это мимо ушей.

— Если предположить, что все вы тут не обкурились дури, могу я услышать связную историю?

— Присядьте, сэр, — сказал Тим. — Я быстро введу вас в курс дела, а затем нам, думаю, стоит посмотреть это. — Он положил флэшку на диспетчерский стол. — После этого решите, что будет дальше.

— Возможно, захотите позвонить в полицию Миннеаполиса или в полицию штата в Чарлстоне, — сказал помощник Баркетт. — Или туда и туда. — Он кивнул головой в сторону Люка. — Пусть сами решают, что с ним делать.

Эшворт сел.

— Если подумать, я рад, что вернулся раньше. Это довольно интересно, вам так не кажется?

— Очень, — ответила Венди.

— Что ж, тогда решено. В целом, здесь происходит не так уж много интересного, так что можно поработать. В полиции Миннеаполиса думают, что он убил родителей?

— Такой тон у газетных статей, — сказал Таг. — Хотя они осторожны в высказываниях, потому что он несовершеннолетний и всё такое.

— Он невероятно умён, — сказал Венди, — но в остальном кажется вполне приятным ребёнком.

— Ага, ага, приятный или противный — это будут решать другие люди, а пока что вы заинтриговали меня.

Билл, перестань теребить часы, пока не сломал их, и принеси мне колы из моего офиса.

Пока Тим пересказывал шерифу Эшворту то, что Люк рассказал им с Венди, и пока «Золотая Команда» приближалась к съезду с автострады I-95 на Хардивилл, откуда они должны были попасть в маленький городок Дюпре, Ник Уилхолм отвёл детей, оставшихся в кинозале, в маленькую гостиную Задней Половины.

Иногда дети держались довольно долго; Джордж Айлс был тому примером. Хотя порой, казалось, что они рассыпаются в одночасье. Похоже, именно это и произошло с Айрис Стэнхоуп. В этот раз для неё не случилось того, что дети в Задней Половине называли срывом атаки — короткая передышка от головных болей после просмотра фильма. Она стояла с приоткрытым ртом, привалившись к стене гостиной, волосы спадали ей на глаза с невидящим взглядом. Хелен подошла к ней и обняла, но Айрис, не отреагировала.

— Что мы тут забыли? — спросила Донна. — Я хочу обратно в свою комнату. Хочу лечь спать. Я ненавижу вечера с фильмами. — Её голос звучал жалобно, на грани слёз, но она всё же была здесь и хотела получить объяснения. Как, судя по всему, Джимми и Хэл. Они выглядели заторможенными, но не совсем прибитыми, как Айрис.

«Больше не будет никаких фильмов, — сказал Эйвери. — Никогда».

Его голос прозвучал в голове Калиши гораздо громче, чем раньше, и это почти служило для неё доказательством того, что вместе они сильнее.

— Смелое заявление, — сказал Ники. — Особенно от такого мелкого пиздюка, как ты, Эйвери.

Хэл и Джимми улыбнулись, а Кэти даже хихикнула. Только Айрис выглядела совершенно потерянной, теперь бессознательно почёсывая в промежности. Лен отвлёкся на телевизор, хотя он был не включен. Калиша подумала, что он изучает своё отражение.

«У нас мало времени, — сказал Эйвери. — Один из них скоро придёт отвести нас по комнатам».

— Вероятно, Корин, — сказала Калиша.

— Ага, — сказала Хелен. — Злобная Сука Востока^[111].

— Что будем делать?

Мгновение Эйвери казался потерянным, что испугало Калишу. Затем маленький мальчик, который чуть раньше думал, что его жизнь закончится в иммерсионном баке, протянул руки.

«Хватайтесь, — сказал он. — Вставайте в круг».

Все, кроме Айрис, двинулись вперёд. Хелен Симмс взяла Айрис за плечи и повела к неровному кругу, который образовали остальные. Лен с тоской глянул через плечо на телевизор, затем вздохнул и протянул руки.

— На хер всё. Поехали.

— Точно, на хер всё, — сказал Калиша. — Нам нечего терять. — Она взяла левой рукой правую руку Лена, а правой — левую руку Ники. Айрис присоединилась последней, и в тот момент, когда она оказалась связана с Джимми Каллумом с одной стороны, и с Хелен с другой, её голова поднялась.

— Где я? Чем мы тут заняты? Фильм уже кончился?

— Тише, — сказал Калиша.

— Моей голове гораздо лучше!

— Хорошо. Теперь, тише.

К ней присоединились остальные: *«Тише... тише... Айрис, тише»*.

Каждое *«тише»* было громче предыдущего. Что-то менялось. Что-то *питалось*.

«Рычаги, — подумала Калиша. — Это рычаги, Эйвери».

Он кивнул ей с противоположной стороны круга.

Это не было энергией, во всяком случае, пока что, и Калиша знала, что будет фатальной ошибкой так полагать, но *потенциал* для энергии присутствовал. Будто вдыхаешь воздух перед большой летней грозой, подумала она.

— Ребята? — робким голосом сказал Лен. — В моей голове прояснилось. Даже не помню, когда так было в последний раз. — Он посмотрел на Калишу с долей паники. — Не отпускай меня, Ша!

«Не бойся, — подумала она. — Ты в безопасности».

Но он не был. Никто из них не был.

Калиша знала, что должно случится дальше, что *будет* дальше, и боялась этого. И одновременно хотела. Но это было больше, чем желание. Это было вожделение. Они словно были детьми со взрывчаткой в руках, что, вероятно, было неправильно, но казалось таким правильным.

Эйвери заговорил тихим, чистым голосом: *«Думайте. Думайте вместо со мной, ребята»*.

Он начал думать, мысль и изображение были стойкими и ясными. К нему присоединился Ники. Кэти, Джордж и Хелен тоже не заставили себя ждать. Как и Калиша. Затем к процессу присоединились остальные. Они скандировали так же, как скандировали в конце фильма.

«Думать о бенгальском огне. Думать о бенгальском огне. Думать о бенгальском огне».

Появились точки — ярче, чем когда-либо. Появился гул — громче, чем когда-либо. Возник бенгальский

огонь, пестрящий искрами.

И вдруг их больше не было одиннадцать. Их стало двадцать восемь.

«Зажигание!», — подумала Калиша. Она трепетала; она ликовала; она чувствовала себя возвышенной.

БОЖЕ МОЙ!

19

Когда Тим закончил рассказывать историю Люка, шериф Эшворт несколько секунд сидел молча в диспетчерском кресле, сцепив пальцы на своём внушительном животе. Затем он взял флэшку, изучил её, будто никогда раньше не видел ничего подобного, и положил на место.

— Он сказал, что не знает, что на ней, верно? Просто получил её от экономки вместе с ножом, которым воспользовался, чтобы отделить мочку уха.

— Именно так он и сказал, — согласился Тим.

— Пролез под забором, прошёл через лес, сплавился на лодке по реке, как Гек и Джим^[112], а потом большую часть пути проехал в товарном вагоне вдоль Восточного побережья.

— Судя по его словам, да, — сказала Венди.

— Ну, это уже целая сказка. Особенно мне нравится часть про телепатию и управление материей. Как байки, которые бабульки рассказывают на своих посиделках: о кровавом дожде или исцелениях с помощью отвара мха. Венди, разбуди мальчика. Только тихонько; я вижу, что ему сильно досталось, какова бы ни была его настоящая история, но хочу, чтобы он посмотрел это с нами.

Венди подошла к Люку и потормошила его за плечо. Сначала легонько, потом сильнее. Он что-то

пробормотал и попытался отстраниться от неё. Она взяла его за руку.

— Давай, Люк, открывай глаза и...

Он поднялся так внезапно, что Венди отшатнулась назад. Его глаза были открыты, но ничего не видели, волосы по всей голове торчали в стороны, как иглы.

— *Они что-то делают! Я видел бенгальский огонь!*

— О чём он говорит? — спросил Джордж Баркетт.

— Люк! — сказал Тим. — Всё в порядке, это просто сон...

— *Убейте их!* — выкрикнул Люк, и двери всех четырёх камер полицейского участка — захлопнулись. — *Уничтожьте этих ублюдков!*

Бумаги взлетели с диспетчерского стола, как стая испуганных птиц. Тим почувствовал порыв ветра, достаточно сильный, чтобы взъерошить его волосы. Венди тихонько вскрикнула. Шериф Джон вскочил на ноги.

Тим тряхнул мальчика.

— Проснись, Люк, *проснись!*

Бумаги, порхавшие в воздухе, упали на пол. Все собравшиеся полицейские, включая шерифа Джона, уставились на Люка с открытыми ртами.

Люк замахал руками.

— Прочь, — пробормотал он. — Прочь.

— Ладно, — сказал Тим и отпустил плечи Люка.

— Не вы. Точки. Огни шт... — Он выдохнул и провёл рукой по грязным волосам. — Хорошо. Они ушли.

— Ты сделал это? — спросила Венди. Она указала на упавшие бумаги. — Ты и правда сделал это?

— *Нечто* точно сделало это, — сказал Билл Уиклоу. Он смотрел на часы ночного стучащего. — Стрелки на них ходили по кругу... *носились* по кругу... но сейчас остановились.

— Они что-то делают, — сказал Люк. — Мои друзья что-то делают. Я почувствовал это, даже находясь

здесь. Как такое возможно? Господи, моя *голова*.

Эшворт подошёл к Люку и протянул руку. Тим заметил, что вторую руку он держал на рукоятке пистолета, висящего в кобуре.

— Я шериф Эшворт, сынок. Не здороваешься со мной?

Люк пожал ему руку.

— Хорошо. Хорошее начало. А теперь мне нужна правда. Это ты только что сделал?

— Не знаю, был ли это я или они, — ответил Люк. — Не знаю, как это *могли* быть они, потому что они очень далеко, но и не знаю, как это мог быть я. Я никогда в жизни не делала ничего подобного.

— Твоя специализация — подносы для пиццы, — сказала Венди. — Пустые.

Люк слабо улыбнулся.

— Ага. Вы видели огни? Кто-нибудь? Множество цветных точек?

— Я ничего не видел, кроме летающих бумаг, — сказал шериф Джон. — И слышал, как хлопнули двери камер. Фрэнк, Джордж, соберите тут всё, ладно? Венди, дай пареньку аспирин. А потом мы посмотрим, что на этой маленькой электронной штучке.

Люк сказал:

— Сегодня ваша мама только и говорила, что о своих заколках. Она сказала, что кто-то украл её заколки.

У шерифа Джона отвисла челюсть.

— Откуда ты знаешь об этом?

Люк помотал головой.

— Не знаю. В смысле, оно пришло само. Боже, но я бы хотел знать, что они делают. И хотел бы быть с ними.

Таг сказал:

— Кажется, в истории этого паренька что-то есть.

— Хочу посмотреть, что на флэшке, и прямо сейчас, — сказал шериф Эшворт.

20

Первое, что они увидели, было пустое старомодное каминное кресло, стоящее перед стеной, на которой висела литография парусника. Затем в кадре появилось женское лицо, смотрящее в камеру.

— Это она, — сказал Люк. — Это Морин, женщина, которая помогла мне сбежать.

— Она включена? — сказала Морин. — Маленький огонёк горит, значит включена. Надеюсь, потому что у меня не хватит сил сделать это ещё раз. — Её лицо вышло за пределы экрана ноутбука, на котором офицеры смотрели запись. Тим почувствовал некоторое облегчение, потому что от настолько крупного плана её лица, казалось, что она находится в аквариуме.

Её голос стал тише, но всё равно был слышен.

— Но если придётся, то сделаю.

Она села в кресло и поправила на коленях подол своей юбки в цветочек. Сверху на ней была красная блузка. Люк, который никогда не видел её без формы, подумал, что это неплохое сочетание, но яркие цвета не могли скрыть, насколько худым и измождённым было её лицо.

— Прибавьте звук, — сказал Фрэнк Поттер. — Должно быть, говорит в петличку.

В это время она что-то сказала. Таг отмотал видео назад, прибавил звук и снова включил воспроизведение. Морин опять села в кресло и поправила подол юбки. Затем она посмотрела прямо в объектив камеры.

— Люк?

Он был так поражён, услышав своё имя, что чуть не ответил, но она, не дожидаясь, продолжила, сказав то, что пронзило его сердце ледяным кинжалом. Хотя он и так знал, разве нет? Как и без «Стар Трибьюн» знал, что случилось с его родителями.

— Если ты смотришь это, значит ты сбежал, а я мертва.

Помощник по фамилии Поттер сказал что-то другому помощнику по фамилии Фарадей, но Люк не обратил на это внимания. Он был полностью сосредоточен на женщине, которая была его единственным взрослым другом в Институте.

— Я не собираюсь рассказывать тебе историю своей жизни, — сказала мёртвая женщина в каминном кресле. — На это нет времени, чему я рада, потому что мне есть чего стыдиться. Не только того, как я поступила с моим мальчиком. Он собирается в колледж. Он никогда не узнает, что я дала ему деньги, но пусть будет так. Это хорошо, так и должно быть, учитывая, что я бросила его. И Люк, без твоей помощи я могла бы потерять эти деньги и шанс поступить правильно в отношении него. И надеюсь, что я поступила правильно в отношении тебя.

Она замолчала, видимо, собираясь с силами.

— Я расскажу только часть своей истории, потому что это важно. Я была во время войны в Ираке, и я была в Афганистане, и участвовала в том, что называется допросом «с пристрастием».

Для Люка её спокойствие — никаких «ээ», «в общем», «короче» и тому подобного, — было удивительно. Это, наряду со скорбью, заставило его почувствовать смущение. Она звучала гораздо образованней, чем во время их перешёптываний рядом с ледогенератором. Потому что прикидывалась дурочкой? Может быть, а может — *скорее всего* — он

увидел женщину в коричневой форме экономки и решил, что она недалёкого ума.

«Другими словами — не такая, как я», — подумал Люк, и понял, что «смущение» не совсем точно описывает его чувства. Правильным словом было: «стыд».

— Я видела пытки водой, я видела мужчин — и пару женщин тоже — стоящих в тазах с электродами на пальцах или засунутых в ректальное отверстие. Я видела, как плоскогубцами вырывали ногти на ногах. Я видела человека, которому прострелили коленную чашечку, когда он плюнул в лицо дознавателя. Сначала это шокировало меня, но потом перестало. Иногда, когда это были люди, которые навешивали на наших парней самодельные взрывные устройства или посылали террористов-смертников на переполненные рынки, — я была рада. Но в основном была... как же это слово...

— Равнодушной, — сказал Тим.

— Равнодушной, — сказала Морин.

— Господи, она будто услышала тебя, — сказал помощник Баркетт.

— Тише цыц, — сказала Венди, и что-то в этом слове заставило Люка вздрогнуть. Будто кто-то только что говорил его до неё. Он снова сосредоточился на видео.

— ... никогда не принимала участие после первых двух или трёх раз, потому что мне дали другую работу. Когда они говорили, я была добрым солдатом, который приносил им попить или вытаскивал из кармана что-нибудь съестное, вроде «Квест Бар» или «Орео». Я говорила им, что все дознаватели ушли передохнуть или на обед, и микрофоны выключены. Я говорила, что мне их жаль и что я хочу помочь. Я говорила, что если они не заговорят, то будут убиты, хотя это и против правил. Я не упоминала Женевскую конвенцию, потому что большинство из них не слышали о ней. Я говорила,

что если они не заговорят, то их *семьи* будут убиты, и мне *правда* этого не хочется. Обычно это не срабатывало — они сомневались, — но иногда, когда дознаватели возвращались, заключённые говорили им то, что те хотели услышать, потому что верили мне, либо хотели верить. Иногда они что-то рассказывали мне, потому что были растеряны... дезориентированы... и потому что доверяли мне. Бог свидетель, я умела взывать к доверию.

«Я знаю, почему она рассказывает это мне», — подумал Люк.

— Как я оказалась в Институте... это слишком долгая история для усталой, больной женщины. Скажем так, ко мне пришли. Не миссис Сигсби, Люк, и не мистер Стакхаус. И не человек из правительства. Пожилой мужчина. Сказал, что он вербовщик. Спросил, хочу ли я поработать после окончания контракта. Сказал, работа лёгкая, но только для тех, кто умеет держать рот на замке. Я подумывала о новом контракте, но решила, что это предложение выгоднее. Потому что мужчина сказал, что так я буду помогать родине гораздо больше, чем находясь в стране песков. Поэтому я согласилась, и когда они сделали меня экономкой, меня это устроило. Я знала, чем они занимаются, и сначала это устраивало меня, потому что я знала причину. К тому же это шло мне на пользу, потому что Институт, как мафия — как только ты пришёл, уйти уже не можешь. Когда у меня перестало хватать денег на оплату счетов мужа, и когда я начала бояться, что эти стервятники заберут деньги, которые я скопила для моего мальчика, я попросила о дополнительной зарплате. Миссис Сигсби и мистер Стакхаус дали его мне.

— Докладывать, — пробормотал Люк.

— Это было легко, как два пальца. Я пробыла здесь двенадцать лет, но доносила только последние полгода или около того; под конец меня начала заедать совесть,

и я говорю не только о доносах. Я была равнодушной к тому, что мы называли «курортом», и оставалась равнодушной в Институте, но со временем это начало пропадать, как пропадает блеск у машины, если перестать натирать её воском. Понимаешь, они просто дети, а дети склонны доверять взрослым, которые добры с ними. Они никогда никого не взрывали. *Они* сами стали жертвами — они и их семьи. Но, возможно, я бы продолжила заниматься этим. Если уж начистоту — а для другого не осталось времени, — то скорее всего. Но потом я заболела, и встретила тебя, Люк. Ты помог мне, но я помогла тебе не поэтому. Во всяком случае, это не единственная причина, и не главная. Я видела, каким умным ты был, гораздо умнее остальных детей, и тех людей, которые похитили тебя. Я знала, что их не волнуют ни твой тонкий ум, ни твоё нестандартное чувство юмора или желание помочь старой больной развалине, как я, несмотря на то, что у тебя могут быть проблемы. Для них ты был всего лишь ещё одной частью механизма, которой попользуются и выбросят. В конце концов, ты пошёл бы тем же самым путём, что и остальные. Сотни детей. Может быть, тысячи, если считать с первого дня.

— Она спятила? — спросил Джордж Баркетт.

— Замолкни! — сказал Эшворт. Он сидел, наклонившись вперёд над своим животом и не отрывая глаз от монитора.

Морин прервалась, чтобы выпить воды и протереть глубоко запавшие глаза. Больные глаза. Печальные глаза. Умирающие глаза, подумал Люк, заглядывающие прямо в бесконечность.

— Всё равно мне было трудно решиться, и не потому, что они могли сделать со мной или с тобой, Люк. Было трудно решиться потому, что если бы ты сбежал, если бы они не поймали тебя в лесу или в Деннисон-Ривер-Бенд, и если бы ты нашёл человека,

который поверил бы тебе... если бы ты преодолел все эти «если», ты смог бы вытащить на свет всё то, что творилось здесь в течении пятидесяти или шестидесяти лет. И обрушить это на их головы.

«Как Самсон», — подумал Люк.

Она подалась вперёд, глядя прямо в объектив. Прямо на него.

— И тогда, возможно, миру пришёл бы конец.

21

Заходящее солнце превратило рельсы, идущие близ штатного шоссе 92, в розовато-красные пылающие линии, и высветило знак:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЮПРЕ, Ю. К.

ЦЕНТР ОКРУГА ФЭЙРЛИ

НАСЕЛЕНИЕ: 1,369

**ХОРОШЕЕ МЕСТО ДЛЯ ОТДЫХА И
ОТЛИЧНОЕ МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ!**

Денни Вильямс свернул на обочину и встал. Остальные последовали за ним. Он переговорил с теми, кто сидел в его минивэне — миссис Сигсби, доктор Эванс и Мишель Робертсон, — а потом подошёл к двум другим.

— Выключите радиы и выньте гарнитур. Мы не знаем, на каких частотах могут сидеть местные жители или патрульные. И выключите мобильники. Теперь это закрытая операция и будет оставаться такой, пока мы не доберёмся до самолёта.

Он вернулся в ведущий минивэн, сел за руль и повернулся к миссис Сигсби.

— Всё в порядке, мэм?

— Всё в порядке.

— Я здесь против своего желания, — снова сказал доктор Эванс.

— Заткнись, — сказала миссис Сигсби. — Денни? Поехали.

Они въехали в округ Фэйрли. С одной стороны дороги были амбары, поля и сосновые рощи, с другой — железнодорожные пути и ещё деревья. До города оставалось всего две мили.

22

Корин Роусон стояла перед кинозалом и трепала языком с Джейком Змеем Холандом и Филом Пилюлей Чаффицем. Хотя в детстве Корин подвергалась насилию со стороны отца и двух из четырёх её братьев, у неё не возникало проблем с работой в Задней Половине. Она знала, что дети называли её Корин-шлепок, но была не против. В трейлерном парке, в Рино, где она выросла, она получала много шлепков, поэтому смотрела на это так: что посеешь, то и пожмёшь. Кроме того, это было ради благого дела. Как говорится, беспроегрышный вариант.

Но всё же в работе в Задней Половине имелись свои недостатки. Во-первых, голова была забита слишком большим количеством информации. Она знала, что Фил хотел трахнуть её, а Джейк — нет, потому что ему нравились женщины с большими дыньками спереди, и пышными булочками сзади. И она знала, что они *знают*, что она не хочет иметь ничего общего ни с одним из них, по крайней мере, в этом плане; с семнадцати лет она играла строго за противоположную сторону.

Телепатия всегда кажется интересной в книгах и фильмах, но в реальной жизни она была невероятно раздражающей. Она приходила с гулом, что тоже было недостатком. И усиливалась, что было ещё *большим* недостатком. Экономки и уборщики менялись между Передней Половиной и Задней, что помогало, но красные санитары работали только здесь. Было две группы, «Альфа» и «Бета». Каждая работала четыре месяца, затем на четыре месяца уходила в отпуск. Корин подошла почти к концу своей четырёхмесячной вахты. Затем она неделю-две проведёт в посёлке для персонала, восстанавливая силы, и отправится в свой маленький домик в Нью-Джерси, в котором жила вместе с Андреа, верившей, что её партнёрша работала на сверхсекретном военном объекте. Сверхсекретном — да, военном — нет.

Низкоуровневая телепатия исчезнет за время её пребывания в институтском посёлке, и к тому времени, как она вернётся к Андреа, её уже не будет. Потом, через несколько дней после начала следующей вахты, она снова начнёт нарастать. Если бы Корин могла испытывать сочувствие (которое было почти выбито из неё к тринадцати годам), ей было бы жаль докторов Халласа и Джеймса. Они находились здесь почти всё время, а значит почти всегда подвергались воздействию гула; последствия были видны невооружённым глазом. Она знала, что доктор Хендрикс, начальник медицинской службы Института, делал докторам из Задней Половины инъекции, которые должны были ограничить эрозию, но между ограничением и прекращением большая разница.

Хорас Келлер, красный санитар, с которым она дружила, называл Хекла и Джекла высокоэффективными психами. Он сказал, что рано или поздно кто-нибудь из них или оба слетят с катушек, и тогда шишкам наверху придётся искать новые

медицинские таланты. Корин это не касалось. Её работа заключалась в том, чтобы дети ели, когда полагается есть; шли в свои комнаты, когда полагается идти в комнаты (что они там делали, её также не касалось); чтобы сидели в кинозале во время просмотра фильмов, и не выходили за рамки дозволенного. А если выходили, то получали оплеухи.

— Овощи сегодня беспокойные, — сказал Змей Джейк. — Это слышно. Наверное, придётся кормить ужином с тайзерами на изготовку?

— По вечерам им всегда хуже, — сказал Фил. — Я не... эй, что за *херня*?

Корин тоже это почувствовала. Они привыкли к гулу, как привыкаешь к шуму холодильника или к дребезжанию кондиционера. Но внезапно он возрос до уровня, который наблюдался во время вечеров кино, также называемых вечерами бенгальских огней. Только в эти вечера гул исходил из-за закрытых дверей Палаты А, известной как Овощебаза. И сейчас она чувствовала, как он исходит оттуда, но также, словно порывистый сильный ветер, доносится с другой стороны — из гостиной, куда ушли дети, чтобы провести там свободное время после фильма. Сначала туда прошла группка пока что высокофункциональных детей, затем ещё несколько, которых Корин считала полуовощами.

— Какого хера они делают? — крикнул Фил. Он обхватил голову руками.

Корин побежала в гостиную, доставая на ходу электродубинку. Джейк последовал за ней. Фил — возможно, более чувствительный к гулу, или просто испугавшийся — остался стоять на месте, прижав ладони к вискам, будто удерживая мозг от взрыва.

Добравшись до двери, Корин увидела почти дюжину детей. Даже Айрис Стэнхоуп, которая после завтрашнего просмотра определённо отправится на Овощебазу. Они стояли, образовав круг и держась за

руки; теперь гул стал настолько сильным, что у Корин заслезились глаза. Ей даже показалось, что у неё завибрировали пломбы.

«Разберись с новичком, — подумала она. — С молокососом. Кажется, он у руля. Шарахни его током и тогда круг разорвётся».

Только она это подумала, как её пальцы разжались и её электродубинка упала на ковёр. Она услышала, как позади неё, почти теряясь в гуле, Джейк кричит детям, чтобы они перестали делать то, что делали, и шли по своим комнатам. На Корин смотрела чернокожая девочка, на губах которой играла дерзкая улыбка.

«Я собою это выражение с твоего лица, малявка», — подумала Корин, и когда она подняла руки, девочка кивнула.

«Ага, бей».

К Калише присоединился ещё один голос: «Бей!»

Затем все остальные: «Бей! Бей! Бей!»

Корин Доусон принялась лупить себя сначала правой рукой, затем левой, взад и вперёд, сильнее и сильнее, почувствовав, как её щёки сначала запылали, а потом начали гореть. Но это чувство было слабым и каким-то далёким, потому что теперь гул превратился в одно сплошное ВУАААААААААААААААА, проносящееся через всё её тело.

Она упала на колени, когда Джейк пробежал мимо неё.

— Перестаньте, вы, блядские мелкие...

Его рука взметнулась вверх и раздался электрический треск, когда он прижёг себя шокером между глаз. Он дёрнулся назад, расставив и сведя ноги, будто в движении танца диско, и выпучив глаза. Его рот раскрылся, и он вставил туда конец электродубинки. Треск электричества был приглушённым, но результат был очевиден. Его горло раздулось, как пузырь. В ноздрах мелькнула вспышка голубого света. Затем он

упал ничком, от чего шокер залез в его горло до самой ручки, а палец продолжал дёргаться на кнопке.

Калиша повела детей, взявшихся за руки, как первоклассники на экскурсии, в коридор. Пилюля Фил увидел их и отшатнулся, держа в одной руке электродубинку, а второй хватаясь за дверь кинозала. Дальше по коридору, между столовой и Палатой А, с открытым ртом стоял доктор Халлас.

В запертые двойные двери Овощебазы начали барабанить кулаки. Фил выронил шокер и поднял руку, показывая приближающимся детям, что она пуста.

— Я не стану мешать, — сказал он. — Что бы вы ни задумали, я не стану меш...

Двери кинозала захлопнулись, оборвав его, а заодно отрезав три пальца.

Доктор Халлас развернулся и побежал.

Из подсобки позади лестницы, ведущей в крематорий, выглянули два других красных санитаров. Они побежали к Калише и её импровизированной команде, достав электродубинки. Но остановились перед запертыми дверями Палаты А, прижгли друг друга и упали на колени. Они продолжили бить друг друга током, пока не рухнули без чувств. Появилось больше санитаров, которые либо увидели, либо почувствовали, что что-то происходит, и попятились назад, кто-то вниз по лестнице, ведущей в крематорий (финиш во всех отношениях), остальные обратно в подсобку.

«Погоди, Ша». — Эйвери смотрел в конец коридора, не обращая внимания на Фила, оплакивающего обрубки пальцев, и ещё двух ошеломлённых санитаров.

«Мы выходим или нет?»

«Да. Но сначала выпустим их».

Группа детей начала двигаться по коридору к Палате А, в самое сердце гула.

— Я не знаю, как они выбирают свои цели, — сказала Морин. — Мне всегда было интересно, но, должно быть, не наобум лазаря, потому что за последние семьдесят пять лет никто не сбросил атомную бомбу и не начал мировую войну. Подумайте над тем, насколько это фантастическое достижение. Некоторые люди говорят, что Он приглядывает за нами, другие — что это дипломатия или ВГУ, взаимное гарантированное уничтожение, но я так не думаю. Это — Институт.

Она прервалась, чтобы выпить ещё воды, затем продолжила.

— Они знают, каких детей брать, потому что большинство из них проходят тесты при рождении. Я не должна этого знать, я ведь простая экономка, но я так же хорошо умею слушать, как и доносить. А ещё подглядывать. Это называется BDNF, что расшифровывается как нейротрофический фактор мозга. Мишенью становятся дети с высоким BDNF, за ними наблюдают и потом забирают в Институт. Иногда возраст детей достигает шестнадцати лет, но в основном младше. Если у детей действительно высокий BDNF, то их стараются забрать как можно скорее. У нас бывали и восьмилетние.

«Это объясняет, почему там был Эйвери, — подумал Люк. — И близнецы Уилкоккс».

— Их готовят в Передней Половине. Часть подготовки выражена в инъекциях, часть в том, что доктор Хендрикс называет огнями штази. Некоторые поступающие дети имеют телепатические способности — читают мысли. Другие — телекинетики, управляют материей. После инъекций и воздействия огней штази некоторые дети остаются прежними, но у большинства

наблюдается небольшое усиление той или иной способности, которыми они владеют. И только некоторые дети, которых доктор Хендрикс называет розовыми, получают дополнительные тесты и уколы, от которых у них иногда развиваются *обе* способности. Я слышала, как однажды доктор Хендрикс сказал, что способностей может быть больше, и их открытие может всё изменить к лучшему.

— И ТП и ТК, — пробормотал Люк. — Так случилось со мной, но я скрыл это. Во всяком случае, попытался.

— Когда они готовы... для работы, их перемещают из Передней Половины в Заднюю. Они смотрят фильмы, в которых раз за разом появляется один и тот же человек. Дома, на работе, на отдыхе, на семейных собраниях. Затем им показывают визуальный триггер, который возвращает огни штази, а также объединяет их вместе. Понимаете, ...так это и работает... когда они разрознены, их способности невелики даже после усиления, но когда они вместе, их сила возрастает... этим словом пользуются математики...

— По экспоненте, — сказал Люк.

— Не помню. Я устала. В общем, эти дети используются для устранения определённых людей. Иногда это выглядит, как несчастный случай. Иногда, как самоубийство. Иногда, как убийство. Но всегда к этому причастны дети. Политик Марк Берковиц? Это тоже сделали дети. Джангир Гафур, который якобы случайно взорвал себя, изготавливая бомбу в провинции Кундуз два года назад? Тоже дети. И много других за время моего пребывания в Институте. Шесть лет назад это был аргентинский поэт, который проглотил щёлочь — казалось бы, причём тут он, но должна быть какая-то причина, потому что мир всё ещё цел. Однажды я слышала, как миссис Сигсби, большой босс, сказала, что мы как люди, которые постоянно заделывают дыры в лодке, иначе она утонет, и я ей верю.

Морин ещё раз протёрла глаза и подалась вперёд, пристально глядя прямо в камеру.

— Они нуждаются в постоянном притоке детей с высоким BDNF, потому что Задняя Половина «расходует» их. Дети испытывают головные боли, которые постоянно усиливаются, и каждый раз, когда они видят огни штази или доктора Хендрикса с бенгальским огнём, они теряют часть своей сущности. В конце, когда их отправляют на Овощебазу — так персонал называет Палату А, — они похожи на детей, страдающих от деменции или прогрессирующей болезни Альцгеймера. Им становится всё хуже и хуже, пока они не умрут. Обычно от пневмонии, потому что они специально держат Овощебазу в холоде. Иногда, будто... — Она пожала плечами. — Боже, будто они просто забывают, как дышать. Чтобы избавиться от трупов, в Институте есть современный крематорий.

— Нет, — тихо сказал шериф Эшворт. — Ох, *нет*.

— Персонал в Задней Половине работает долгими вахтами. Несколько месяцев находится в Институте, затем несколько месяцев вне, потому что атмосфера там — вредная. Но поскольку ни у одного сотрудника нет высокого BDNF, воздействие на них происходит медленнее. А некоторые, кажется, совершенно не восприимчивы.

Она остановилась, чтобы глотнуть воды.

— Там есть два доктора, которые работают почти всё время, и оба сходят с ума. Я знаю, потому что была там. Экономки и уборщики работают короткими сменами между Задней Половиной и Передней. Как и работники столовой. Это далеко не всё, что там происходит, но это всё, что я сейчас могу сказать. Мне нужно идти, но я хочу кое-что показать тебе, Люк. Тебе и тем, кто может смотреть вместе с тобой. На это тяжело смотреть, но я надеюсь ты сможешь, потому что я рисковала жизнь, чтобы добыть это.

Она судорожно вздохнула и попыталась улыбнуться. Люк начал плакать, поначалу беззвучно.

— Люк, решение помочь тебе сбежать, было самым трудным в моей жизни, даже на пороге смерти, после которой меня без сомнения ждёт ад. Это было трудно, потому что теперь лодка может затонуть, и в этом будет моя вина. Мне пришлось выбирать между твоей жизнью и жизнями миллиардов людей по всей планете, которые зависят от работы Института, даже не подозревая об этом. Я выбрала тебя вместо всех них, и да простит меня Бог.

Экран стал синим. Таг потянулся к клавиатуре ноутбука, но Тим перехватил его руку.

— Стой.

Последовала череда помех, обрывки звука, а затем началось новое видео. Камера плыла по коридору с толстым синим ковром на полу. Был слышен повторяющийся скрежет, и периодически изображение затемнялось, будто срабатывал затвор объектива.

«Она записывает видео, — подумал Люк. — Снимает через дыру или разрез в кармане своей формы. Скрежет — это шелест одежды вокруг микрофона».

Он сомневался, что мобильные телефоны ловят сигнал в глухих дебрях северного Мэна, и, тем не менее, в Институте они были строго *запрещены*, потому что *камеры* по-прежнему работали. Если бы Морин поймали, она лишилась бы не просто зарплаты или работы. Она по-настоящему рисковала своей жизнью. От этого слёзы потекли сильнее. Люк почувствовал, как офицер Галликсон — Венди — приобняла его. Он благодарственно прильнул к ней, но продолжал неотрывно смотреть на экран ноутбука. Наконец, появилась Задняя Половина — то, чего он избежал, и где сейчас несомненно находился Эйвери, если ещё был жив.

Камера миновала открытые двойные двери с правой стороны. Морин на мгновение повернулась, показывая кинозал с двумя дюжинами мягких кресел. Там сидело несколько детей.

— Эта девочка *курит*? — спросила Венди.

— Да, — сказал Люк. — Думаю, в Задней Половине им тоже разрешено иметь сигареты. Девочка — одна из моих друзей. Её зовут Айрис Стэнхоуп. Они забрали её до того, как я сбежал. Интересно, жива ли она? И если да, то способна ли ещё мыслить?

Камера снова повернулась к коридору. Мимо прошла пара детей, взглянув на Морин без особого интереса. Появился санитар в красной форме. Его голос был приглушён карманом, в котором Морин спрятала телефон, но слова были различимы: он спрашивал, рада ли она вернуться. Морин спросила, похожа ли она на сумасшедшую, на что он засмеялся. Он сказал что-то о кофе, но из-за громкого шелеста ткани, Люк не расслышал.

— Это у него там пистолет? — спросил шериф Джон.

— Это электродубинка, — ответил Люк. — Как тайзер. На них есть бегунок для увеличения напряжения.

— Ты гонишь! — сказал Фрэнк Поттер.

Камера миновала ещё одну пару открытых двойных дверей, в этот раз слева, переместилась на два-три десятка шагов вперёд и остановилась у закрытой двери с красной надписью: Палата А. Морин сказала тихим голосом: «Это Овощебаза».

В кадре появилась её рука в синей латексной перчатке. Она держала ключ-карту. За исключением ярко-оранжевого цвета, карта показалась Люку похожей на ту, что он украл, хотя он полагал, что сотрудники Задней Половины относились к ним гораздо бережнее. Морин приложила карту к электронной

панели над ручкой, раздался звуковой сигнал, а затем она открыла дверь.

По ту сторону был ад.

24

Сирота Энни была бейсбольной фанаткой и обычно проводила тёплые летние вечера в своей палатке, слушая игру «Файрфлайс», команды младшей лики из Колумбии. Она радовалась, когда одного из её игроков забирали в «Рамбл Пониз» для турнира «Дабл-Эй» в Бингемтоне, но ей всегда было грустно от их ухода. Когда игра заканчивалась, она могла вздремнуть, затем просыпалась и настраивалась на Джорджа Оллмана, чтобы узнать, что происходит в так называемом Джорджем Удивительном Мире Тайн.

Однако сегодня вечером ей было любопытно узнать о мальчике, который спрыгнул с поезда. Она решила отправиться в полицейский участок и посмотреть, не удастся ли что-нибудь выяснить. Они, вероятно, не пустили бы её внутрь, но иногда Фрэнки Поттер или Билли Уиклоу выходили в переулок, где у неё был надувной матрас и запасные принадлежности для курения. Они могут рассказать историю мальчика, если она вежливо попросит. Всё-таки, она отмыла его и немного успокоила, и это происшествие вызвало у неё живой интерес.

Тропинка от её палатки возле складов вела через лес на западной окраине города. Направляясь в переулок, чтобы заночевать на надувном матрасе (или в участке, если было холодно — теперь они разрешали ей спать внутри, благодаря помощи Тиму с «тормозным» баннером), она шла по тропинке до «Джема», городского кинотеатра, где она посмотрела много

интересных фильмов, когда была молодой (и более здравомыслящей) женщиной. Старичок «Джемми» был закрыт последние пятнадцать лет и парковка позади него поросла сорняками и золотарником. Обычно Энни проходила по ней, а потом шла вдоль осыпающейся боковой стены кинотеатра до тротуара. Её переулок (так она его называла) находился на другой стороне Мэйн-Стрит между полицейским участком и бакалейным магазином Дюпре.

В этот вечер, когда Энни уже собиралась свернуть с тропы на парковку, она увидела машину, вырулившую на Пайн-Стрит. За ней проследовала ещё одна... и ещё. Всего три фургона, ехавшие бампер к бамперу. И хотя уже смеркалось, фары были выключены. Стоя среди деревьев, Энни наблюдала, как они въезжают на парковку, которую она только что собиралась пересечь. Они развернулись, выстроившись в ряд, и остановились носом в сторону Пайн-Стрит. «Будто для быстрого отхода», — подумала она.

Двери открылись. Наружу вышли несколько мужчин и женщин. На одном из мужчин был спортивный пиджак и брюки со стрелками. Одна из женщин, старше остальных, была одета в тёмно-красный брючный костюм. На другой было платье в цветочек, и она держала сумку. Остальные четыре женщины были с пустыми руками. Почти все они были одеты в джинсы и тёмные рубашки.

Кроме мужчины в спортивном пиджаке, который стоял в стороне и наблюдал; остальные двигались быстро и целеустремлённо, как люди на задании. Энни они показались похожими на военных, и вскоре эта догадка подтвердилась. Двое мужчин и одна молодая женщина открыли задние двери фургонов. Из одного из них мужчины достали длинный металлический ящик. Из другого — ремни с кобурами, которые женщина раздала всем, кроме мужчины в пиджаке, второго мужчины с

короткими светлыми волосами и женщины в цветочном платье. Из ящика извлекли пару винтовок, которые не были похожи на охотничьи. «Таковыми винтовками, — подумала Энни Ледо, — обычно пользуются школьные стрелки».

Женщина в цветочном платье положила в сумку маленький пистолет. Мужчина, стоявший рядом с ней, засунул себе за спину пистолет покрупнее, накрыв рубашкой. Остальные убрали оружие в кобуру. Они выглядели, как штурмовой отряд. Чёрт, они и *были* штурмовым отрядом. Другого Энни просто не могла себе представить.

Обычный человек — который, например, не получал каждую ночь порцию новостей от Джорджа Оллмана, — мог бы просто растерянно таращиться, гадая, что кучка вооружённых мужчин и женщин забыла в сонном городке Южной Каролины, где был только один банк — и тот закрывался на ночь. Обычный человек мог бы достать мобильник и набрать 911. Энни, однако, не была обычным человеком, и она точно знала, что эти вооружённые мужчины и женщины, во всяком случае, минимум десять из них, собирались сделать. Они приехали не на чёрных внедорожниках, как она ожидала, но они были здесь, чтобы забрать мальчика. Это уж точно.

В её случае набрать 911, чтобы предупредить людей в участке, было не вариантом, потому что она не стала бы носить с собой мобильник, даже если бы он у неё был. Мобильники испускают радиацию прямо в ваш мозг, любой дурак знает об этом, и к тому же, *они* могут отследить вас. Поэтому Энни продолжила движение по тропе, теперь уже бегом, пока не добралась до задней части парикмахерской Дюпре, находящейся в двух зданиях от кинотеатра. Там была шаткая лестница, ведущая в квартиру на втором этаже. Энни вскарабкалась по ней так быстро, как могла, приподняв

серапе и длинную юбку под ним, чтобы не споткнуться и не упасть. Наверху она принялась колотить в дверь, пока сквозь рваную занавеску не увидела Корбетта Дентона, шаркающего в её сторону с большим животом наперевес. Он отодвинул занавеску и выглянул наружу, его лысая голова поблескивала в свете засиженной мухами кухонной люстры.

— Энни? Чего тебе? Если пришла за едой, то я не собираюсь ничего давать...

— Там мужчины, — сказала она, тяжело дыша. Она могла бы добавить и «женщины», но слово «мужчины» звучало более угрожающее, по крайней мере, ей так казалось.

— Уходи, Энни. У меня нет времени на твои бредни...

— Это мальчик! Думаю, они хотят пойти в участок и забрать его. Думаю, будет пальба!

— Какого хрена ты нес...

— Пожалуйста, Барабанщик, умоляю! Кажется, у них автоматы, а этот мальчик, он такой славный!

Он открыл дверь.

— Ну-ка дыхни.

Она схватила его за ворот пижамной рубашки.

— Я не пью уже десять лет! Умоляю, Барабанщик, они пришли за ребёнком!

Он понюхал и нахмурился.

— Не пахнет. У тебя глюки?

— Нет!

— Ты сказала, у них автоматы. В смысле автоматические винтовки, как «AR-15»?

— Да! Нет! Не знаю! Но у тебя есть оружие — это я точно знаю! Ты должен принести его!

— Ты совсем рехнулась, — сказа он, и тогда Энни заплакала. Барабанщик знал её почти всю свою жизнь, даже ходил с ней гулять, когда они были гораздо моложе, и он никогда не видел её плачущей. Она и правда верила, что там что-то происходило, и

Барабанщик решил: какого чёрта. Каждый вечер, включая сегодняшний, он только и делал, что помышлял о самой великой глупости, которую человек может совершить в своей жизни.

— Ладно, пойдём посмотрим.

— А оружие? Возьмешь оружие?

— Ну уж нет. Я сказал, что мы идем посмотреть.

— Барабанщик, пожалуйста!

— *Посмотреть*, — сказал он. — Это всё, что я готов сделать. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет.

За неимением выбора, Сирота Энни согласилась.

25

— Господи Боже, что это?

Слова Венди прозвучали приглушённо, потому что она прикрыла рот рукой. Никто не ответил. Все, включая Люка, смотрели на экран, застыв от изумления и ужаса.

Задняя половина Задней половины — Палата А, Овощебаза — представляла собой длинную комнату с высоким потолком; Люку оно показалось похожим на заброшенную фабрику, где всегда происходили финальные перестрелки в боевиках, которые они с Рольфом любили смотреть тысячу лет назад, когда он ещё *был* ребёнком. Освещалась она флуоресцентными лампами с решётками, которые отбрасывали тени, придавая палате жуткий вид подводного мира. В помещении были продолговатые узкие окна, забранные более толстыми решётками. Кроватей не было, только голые матрасы. Несколько были сдвинуты в проходы, пара перевёрнута и один был прислонён к голой стене из шлакоблоков. Он был измазан жёлтой массой, похожей на рвоту.

Длинный желоб с проточной водой тянулся вдоль одной из стен, на которой была сделана трафаретная надпись «ВЫ — СПАСИТЕЛИ!». Обнажённая девочка, не считая грязных носков, сидела на корточках, прислонившись к стене, и испражнялась. Послышался звук трения ткани о телефон в кармане Морин, где он, возможно, крепился на скотч, и изображение на мгновение пропало, когда прорезь, через которую смотрела камера, закрылась. Когда она снова открылась, девочка уже шла прочь пьяной походкой, а её дерьмо уносилось по желобу.

Женщина в коричневой форме с помощью моющего пылесоса убирала то, что могло быть рвотой, дерьмом или выплюнутой едой. Она увидела Морин, помахала рукой, и сказала что-то невнятное, никто из них не смог понять, что, но не из-за шума пылесоса, а потому, что Овощебаза была сумасшедшим домом, кругом стоял галдёж и вой. На одном из рваных матрасов девочка делала «колесо». Мимо прошёл мальчик в грязных трусах, с прыщами на лице и в заляпанных очках, сползших на нос. Он кричал «йя-йя-йя-йя-йя-йя» и ударял себя по макушке при каждом втором «йя». Люк вспомнил, что Калиша упоминала мальчика с прыщами и в очках; это было в первый его день в Институте. *«Кажется, Пити забрали сто лет назад, хотя это было всего лишь на прошлой неделе»*, сказала она, и он до сих пор был здесь. Или то, что от него осталось.

— Литтлджон, — прошептал Люк. — Кажется, так его зовут. Пит Литтлджон.

Никто не услышал. Они смотрели на экран, как загипнотизированные.

Напротив желоба, служившего канализацией, стояло длинное корыто на ножках. Возле него были две девочки и один мальчик. Девочки руками зачерпывали в рот какую-то коричневую жижу. Тим, глядя на это не верящими глазами и с каким-то больным интересом,

подумал, что жижга похожа на хлопья «Мэйпо» из его детства. Мальчик стоял уткнувшись лицом в эту массу, вытянув руки по швам и щёлкая пальцами. Несколько других детей просто лежали на своих матрасах, таращась в потолок, их лица были исполосованы тенями от решёток.

Когда Морин подошла к женщине с пылесосом, по-видимому, чтобы заменить её, изображение пропало и снова появился синий экран. Все ждали, не появится ли Морин снова в каминном кресле, например, чтобы дать какие-нибудь дополнительные объяснения, но больше ничего не последовало.

— Господи, что *это* было? — спросил Фрэнк Поттер.

— Задняя половина Задней половины, — ответил Люк. Он был бледнее бледного.

— Что за люди способны посадить *детей* в...

— Чудовища, — сказал Люк. Он встал, затем приложил руку к голове и пошатнулся.

Тим подхватил его.

— Не грохнешься в обморок?

— Нет. Не знаю. Мне нужно выйти. Подышать свежим воздухом. Стены будто давят на меня.

Тим посмотрел на шерифа Джона, который кивнул.

— Выведи его в переулок. Может, ему станет лучше.

— Я пойду с вами, — сказала Венди. — Кто-то должен открыть вам дверь.

На двери в дальнем конце ИВС большими заглавными буквами была сделана надпись: АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД НА СИГНАЛИЗАЦИИ. Венди воспользовалась своим ключом, чтобы отключить сигнализацию. Тим одной рукой толкнул дверь, а второй вывел Люка в переулок, уже не шатающегося, но всё ещё ужасно бледного. Тим знал, что такое ПТСР^[113], но видел его только по телевизору. И видел сейчас, у этого

мальчика, который начнёт бриться не раньше, чем через три года.

— Не наступите на барахло Энни, — сказала Венди. — Особенно на её надувной матрас. Она не поблагодарит вас за это.

Люк не стал спрашивать, что делают в переулке надувной матрас, два рюкзака, три продуктовые тележки из магазина и скрученный спальный мешок. Он медленно пошёл в сторону Мэйн-Стрит, глубоко вдыхая воздух, а затем наклонился, упёршись руками в колени.

— Получше? — спросил Тим.

— Мои друзья собираются освободить их, — сказал Люк.

— Кого освободить? — спросила Венди. — Этих... — Она не знала, что сказать дальше. Но это не имело значения, поскольку Люк, кажется, не услышал её.

— Я не вижу их, но я знаю. Не понимаю, как, но тем не менее. Думаю, это Эйвестер. В смысле, Эйвери. А с ним Калиша. И Ники. Джордж. Боже, они так сильны! Так сильны вместе!

Люк выпрямился и снова пошёл вперёд. Когда он остановился возле тротуара, загорелись шесть уличных фонарей Мэйн-Стрит. Он удивлённо посмотрел на Тима и Венди.

— Это сделал я?

— Нет, дорогуша, — ответила Венди, слегка усмехнувшись. — Это они по расписанию. А теперь давайте вернёмся внутрь. Выпьешь одну из баночек колы шерифа Джона.

Она коснулась его плеча. Люк отстранился.

— Подождите.

Пустынную улицу пересекала держащаяся за руки пара. У мужчины были короткие светлые волосы. Женщина была одета в цветочное платье.

Энергия, вырабатываемая детьми, ослабла, когда Ники отпустил руки Калиши и Джорджа, но ослабла ненамного. Потому что остальные уже толпились позади двери Палаты А, и производили большую её часть.

«Это как качели, — подумал Ник. — По мере утраты способности мыслить, ТП и ТК — усиливаются. А те, кто за этой дверью, почти лишились рассудка».

«Точно, — сказал Эйвери, — Так это и работает. Они — аккумуляторы».

Голова Ники была совершенно ясной — никакой боли. Глядя на остальных, он догадался, что они чувствовали то же самое. Вернётся боль или нет, сказать было трудно. Но пока что, он был этому рад.

Никаких больше бенгальских огней — это пройденный этап. Теперь они управляли гулом.

Ники склонился над санитарями, которые вырубili себя электродубинками, и начал обшаривать их карманы. Он нашёл, что искал, и протянул Калише, которая передала это Эйвери.

— Давай ты, — сказала она.

Эйвери Диксон — который должен был находиться дома и ужинать с родителями после очередного тяжёлого дня в жизни самого маленького мальчика среди учеников пятого класса — взял оранжевую карту-ключ и приложил к сенсорной панели. Замок щёлкнул и дверь открылась. Постояльцы Овощебазы стояли за ней, сгрудившись, как овцы во время грозы. Они были грязными, в основном голыми и ошеломлёнными. Некоторые пускали слюни. Пити Литтлджон повторял «йя-йя-йя-йя-йя-йя», стуча себе по голове.

«Они никогда не оправятся, — подумал Эйвери. — Их шестерёнки слишком изнашивались, чтобы

восстановиться. Вероятно, у Айрис — тоже».

Джордж: *«Но у остальных из нас есть шанс».*

Да.

«А пока что мы можем использовать их», — сказала Калиша. Она знала, что это бессердечно, но было необходимо.

— Что дальше? — спросила Кэти. — Что дальше, что дальше?

Мгновение все молчали, потому что никто из них не знал. Потом заговорил Эйвери.

«Идём в Переднюю Половину. Нужно освободить остальных детей и сваливать отсюда».

Хелен: *«И куда?»*

Заревел сигнал тревоги, прерывистые *вуууп-вуууп-вуууп*. Никто из них не обратил на него внимание.

— Будем думать об этом позже, — сказал Ники. Он снова взял за руки Калишу и Джорджа. — Сначала нужно вернуть должок. Давайте устроим тут погром. У кого-нибудь есть возражения?

Никто не возражал. Снова взявшись за руки, одиннадцать мятежников, двинулись назад по коридору в сторону гостиной Задней Половины и находящегося за ним лифта. Постояльцы Палаты А последовали за ними, как зомби, возможно, влекомые магнетизмом детей, которые всё ещё могли мыслить. Гул перешёл в жужжание, но никуда не делся.

Эйвери Диксон попытался «дотянуться» до Люка, надеясь отыскать его в месте, слишком далёком, чтобы он мог помочь им. Потому что это значило бы, что, по крайней мере, один из институтских узников был в безопасности. Сами они скорее всего погибнут, потому что персонал этого гадюшника сделает всё возможно, чтобы помешать им сбежать.

Всё возможное.

Тревор Стакхаус находился в своём офисе дальше по коридору от офиса миссис Сигсби, расхаживая взад и вперёд, потому что был слишком взвинчен, чтобы просто сидеть и дожидаться новостей от Джулии. Которые могли быть хорошими или плохими, но всё равно лучше ожидания.

Зазвонил телефон, но это был не стандартный звонок стационарного телефона, и не *трр-трр* служебного; это был повелительный двойной сигнал красного служебного аппарата. В последний раз он звонил, когда в столовой произошёл инцидент с Кроссом и близнецами. Стакхаус поднял трубку, и прежде чем успел сказать хоть слово, доктор Халлас протараторил ему в ухо:

— Они сбежали, те что, смотрели фильмы — точно, и, думаю, овощи вместе с ними; они покалечили не менее трёх санитаров, нет, четырёх, Корин говорит Фил Чаффиц, кажется, мёртв, убит током...

— МОЛЧАТЬ! — гаркнул Стакхаус в трубку. А потом, когда убедился (надеялся на это), что Хекл слушает его, сказал: — Соберитесь и расскажите, что случилось.

Холлас, обретя прежнюю осмысленность, рассказал Стакхаусу, что видел. Когда он заканчивал, в Институте раздался сигнал общей тревоги.

— Господи, это вы включили, Эверетт?

— Нет, нет, не я, должно быть, Джоанн. Доктор Джеймс. Она была в крематории. Она ходит туда медитировать.

Стакхаус отвлёкся, представив в голове странную картину: доктор Джекл сидит скрестив ноги перед дверцей печи, и стремится обрести покой, а затем заставил себя вернуться мыслями к текущей ситуации. Дети в Задней Половине устроили что-то вроде

спонтанного мятежа. Как это могло случиться? Раньше такого никогда не было. И почему *сейчас*?

Хекл продолжал говорить, но Стакхаус услышал всё, что ему было нужно.

— Послушайте меня, Эверетт. Соберите все оранжевые карты, какие сможете найти, и сожгите их, ясно? *Сожгите их.*

— Как... как я могу это сдел...

— У вас долбаная печь на уровне «Д»! — проревел Стакхаус. — Используйте эту блядскую хреновину для чего-то помимо детей!

Он повесил трубку и позвонил по стационарному телефону Феллоузу в комнату связи. Энди спросил, из-за чего сработала тревога. Он казался испуганным.

— У нас проблема в Задней Половине, но я уже работаю над ней. Переведи изображение с камер на мой компьютер. И не задавай вопросов, просто сделай это.

Он включил свой компьютер — разве эта штука загружалась так долго? — и нажал на «КАМЕРЫ СЛЕЖЕНИЯ». Он увидел столовую Передней Половины, почти пустую... несколько детей на игровой площадке...

— Энди! — крикнул он. — Не Переднюю Половину, а *Заднюю!* Мать твою...

Картинка переключилась, и сквозь пелену от пыли он увидел Хекла, засевшего в своём офисе, когда вошла Джекл, по-видимому, после прерванного сеанса медитации. Она оглядывалась через плечо.

— Так, уже лучше. Дальше я сам.

Он переключил картинку и увидел подсобку санитаров. Несколько из них спрятались там, сидя за закрытой и, вероятно, запертой дверью. Без всякой помощи.

Щёлк, и появился синий ковёр главного коридора, где были трое павших санитаров. Нет, четверо. Джейк

Холанд сидел на полу у входа в кинозал, прижимая руку к груди; его форма пропиталась кровью.

Щёлк, и появилась пустая столовая.

Щёлк, и появилась гостиная. Корин Роусон стояла на коленях рядом с Филом Чаффицем и что-то говорила в рацию. Фил тоже выглядел мёртвым.

Щёлк, и появился лифт, двери которого только-только начали закрываться. Он был размером с те, что используются в больницах для перевозки пациентов, и был битком набит постояльцами. В основном раздетыми. Значит, это были овощи из Палаты А. Если бы их можно было задержать там... поймать в ловушку...

Щёлк, и сквозь эту раздражающую пелену из пыли и грязи Стакхаус увидел других детей на уровне «Д», около дюжины, толпящихся возле дверей лифта и дожидаящихся, когда они извергнут остальных мелких бунтовщиков. Дожидающихся перед туннелем, который ведёт в Переднюю Половину. Нехорошо.

Стакхаус поднёс трубку телефона к уху и не услышал ничего, кроме тишины; Феллоуз прервал связь. Чертыхаясь, Стакхаус снова набрал его.

— Ты можешь отключить лифт в Задней Половине? Остановить его в шахте?

— Я не знаю, — сказал Феллоуз. — Может быть. Надо глянуть «Действия при ЧП». Сейчас прове...

Но было уже слишком поздно. Двери лифта открылись на уровне «Д» и наружу высыпали беглецы из Овощебазы, глядя по сторонам на плитку лифтового холла, будто в ней было что-то интересное. Это было плохо, но Стакхаус видел и кое-что похуже. Хекл и Джекл могли собрать десятки карт-ключей от Задней Половины и сжечь их, но это ничего не меняло. Потому что один из детей — тот самый шибздик, который помогал экономке в побеге Люка — держал оранжевую ключ-карту в своей руке. Она откроет дверь в туннель,

а также дверь на уровне «Е» в Передней Половине. Если они доберутся до Передней Половины, случиться может всё, что угодно.

Стакхаус замер на секунду, которая показалась бесконечностью. Феллоуз что-то кричал ему в ухо, но голос был каким-то далёким. Потому что да, мелкий говнюк воспользовался картой и повёл свою группу поддержки в туннель. Через две сотни ярдов они окажутся в Передней Половине. Дверь за спиной последнего ребёнка закрылась и на экране осталось только пустое лобби лифта. Стакхаус переключился на другую камеру и увидел детей, идущих по облицованному кафелем туннелю.

В офис ворвался доктор Хендрикс, старина Осёл-Конг, с выпущенной наружу рубахой и не до конца застёгнутой ширинкой, его глаза были красными и слезились.

— Что происходит? Что...

В добавок к общему переполоху начал звонить служебный телефон: *трр-трр-трр*. Стакхаус жестом велел Хендриксу молчать. Интерком продолжал надрываться.

— Энди. Они в туннеле. Идут сюда и у них есть ключ-карта. Нужно остановить их. Есть какие-то идеи?

Он ожидал услышать ещё больше паники, но Феллоуз удивил его.

— Думаю, я смогу отключить замки.

— Что?

— Я не могу деактивировать карты, но могу заблокировать замки. Коды для входа генерируются компьютером, так что...

— Хочешь сказать, что сможешь отрезать их?

— Ну, да.

— Приступай! Сейчас же!

— Что случилось? — спросил Хендрикс. — Господи, я только собирался уйти, а тут эта тревога...

— Замолчите, — сказал Стакхаус. — Но оставайтесь здесь. Вы мне можете понадобиться.

Телефон продолжал трезвонить. Он ответил, наблюдая за шагающими в туннеле идиотами. Теперь он держал по трубке у каждого уха, как персонаж из старой эксцентрической комедии.

— Что? Что?

— Мы на месте и мальчик здесь, — сказала миссис Сигсби. Связь была устойчивой, будто она находилась в соседней комнате. — Ожидаю его скорого захвата. — Она сделала паузу. — Или смерти.

— Рад слышать, Джулия, но у нас тут ЧП. Случился...

— Что бы ни случилось, уладьте это. Операция уже началась. Я позвоню, когда мы будем покидать город.

Она оборвала связь. Стакхаус был не в обиде, потому что если Феллоуз не применит свою компьютерную магию, Джулии, вероятно, *некуда* будет возвращаться.

— Энди! Ты ещё здесь?

— На месте.

— Ты всё сделал?

Стакхаус был уверен, что Феллоуз скажет, что их старая компьютерная система именно в этот критический момент решила заартачиться.

— Да. Ну, похоже на то. На экране моего компьютера высветилось сообщение: ОРАНЖЕВЫЕ КЛЮЧ-КАРТЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ, ВВЕДИТЕ НОВЫЙ КОД ДОСТУПА.

Стакхаусу ни хрена не стало легче от «похоже на то» Энди Феллоуза. Он подался вперёд, сцепив руки и глядя на монитор компьютера. К нему присоединился Хендрикс, выглядывая из-за плеча.

— Бог мой, что они делают снаружи?

— Полагаю, идут за нами, — сказал Стакхаус. — Скоро узнаем, если доберутся.

Парад потенциальных беглецов вышел из поля зрения камеры. Стакхаус нажал на клавишу переключения картинки; сначала он увидел Корин Роусон, держащую голову Фила у себя на коленях, а потом то, что ему было нужно: дверь в конце соединительного туннеля, ведущую на уровень «Е» в Передней Половине. Дети дошли до неё.

— Решающий момент, — сказал Стакхаус. Он так сильно сжал кулаки, что на ладонях должны были остаться следы.

Диксон поднял оранжевую карточку и приложил к считывающему устройству. Он попробовал повернуть ручку, и когда этого не произошло, Тревор Стакхаус, наконец-то, расслабился. Позади него выдохнул Хендрикс, его дыхание сильно отдавало бурбоном. Пить на работе было *запрещено*, как и носить мобильные телефоны, но Стакхаусу сейчас было не до этого.

«Мухи в банке, — подумал он. — Вот, кто вы теперь, мальчики и девочки. А, что с вами будет дальше...»

Это, слава Богу, уже была не его проблема. То, что с ними будет — после того, как развяжется узелок в Южной Каролине, — зависело от миссис Сигсби.

— Вот, почему они платят тебе такие бабки, Джулия, — сказал он и откинулся назад в своём кресле, наблюдая за кучкой детей — теперь под руководством Уилхолма, — идущих в обратную сторону, чтобы проверить дверь, через которую они вошли. Безрезультатно. Паршивец Уилхолм повернул голову назад. Его рот открылся. Жаль, не было звука, чтобы Стакхаус мог услышать его крик разочарования.

— Мы устранили проблему, — сказал он Хендриксу.

— Мм, — произнёс Хендрикс.

Стакхаус повернулся и посмотрел на него.

— Что это значит?

— Может, не совсем.

Тим опустил ладонь на плечо Люка.

— Если тебе полегче, нам и правда стоит вернуться и во всём разобраться. Выпьешь колы и...

— Подождите. — Люк смотрел на пару, держащуюся за руки и переходившую улицу. Они не заметили трио, стоящее в начале переулочка Сироты Энни; их внимание было приковано к полицейскому участку.

— Съехали с шоссе и заблудились, — сказала Венди. — Ставлю, что хочешь. У нас таких полдюжины каждый месяц. Теперь пойдём внутрь?

Люк не отреагировал. Он всё ещё чувствовал остальных детей, которые теперь казались встревоженными, но они были где-то глубоко в подсознании, как голоса, доносящиеся из вентиляционного канала. Эта женщина... на ней цветочное платье...

«Что-то падает и будит меня. Должно быть, кубок за победу в Северо-западном турнире по дебатам, потому что он увесистый и издаёт адский грохот. Кто-то склоняется надо мной. Я говорю „мам“, потому что, хоть я и знаю, что это не она, но она тоже женщина и „мам“ — это первое слово, которое возникает во всё ещё сонной голове. И она говорит...»

— Конечно, — сказал Люк. — Как скажешь.

— Отлично! — произнесла Венди. — Мы просто...

— Нет, это сказала *она*. — Он указал в сторону женщины. Парочка ступила на тротуар перед участком. Они больше не держались за руки. Люк повернулся к Тиму, в его глазах стояла паника.

— Она из тех, кто похитили меня! Я потом видел её в Институте! В бытовке! Они здесь! Я говорил, что они придут, и *они здесь!*

Люк развернулся и побежал к двери, которая не запиралась с этой стороны, чтобы Энни при желании могла попасть внутрь поздним вечером.

— Что... — начала Венди, но Тим не дал ей закончить. Он побежал следом за мальчиком из поезда, и подумал, что парень, возможно, был прав насчёт Норберта Холлистера.

29

— Ну что? — Шёпот Сироты Энни был слишком неистовым, чтобы его можно было так назвать. — Теперь ты мне веришь, мистер Корбетт Дентон?

Барабанщик сначала не ответил, потому что пытался осмыслить то, что видел: три фургона, припаркованные бок о бок, а позади них группа мужчин и женщин. Похоже, человек девять — достаточно, чтобы собрать чёртову бейсбольную команду. И Энни была права насчёт оружия. Сумерки уже сгустились, но свет в конце лета держался довольно долго; кроме того, зажглись уличные фонари. Барабанщик мог видеть оружие в кобурах и две винтовки, которые были похожи на «НК» — машины для убийства людей. Бейсбольная команда собралась у фасада старого кинотеатра, но почти была невидна с тротуара. Они определённо чего-то ждали.

— У них есть разведчики! — сказала Энни. — Видишь, переходят улицу? Хотят выяснить, сколько людей у шерифа в участке! Теперь-то ты принесёшь своё гадское оружие или мне разбираться с ними голыми руками?

Барабанщик развернулся и впервые за двадцать лет, а может, и за тридцать, помчался, что есть сил. Он поднялся по лестнице и остановился на площадке,

чтобы сделать два-три глубоких вдоха. И достаточно долгих, чтобы задаться вопросом, выдержит ли такую нагрузку его сердце или просто разорвётся.

Его 30-06, которым он планировал застрелиться в одну из прекрасных южно-каролинских ночей (возможно, уже сделал бы это, если бы не случайный интересный разговор с новым ночным стучащим), стоял в шкафу и был заряжен. Там же, на полке, лежали автоматический пистолет 45-го калибра и револьвер 38-го.

Он схватил всё и побежал вниз, тяжело дыша и обливаясь потом, и, вероятно, воняя, как скотина, но впервые за многие годы чувствуя себя по-настоящему живым. Он прислушивался, не раздастся ли стрельба, но пока что ничего не слышал.

«Может, они копы, — подумал он, — хотя маловероятно. Копы зашли бы прямо в участок, предъявили свои документы и сообщили о своих намерениях. Кроме того, они бы приехали на чёрных внедорожниках, 'Субурбан' или 'Эскалэйд'».

Во всяком случае, так показывают по телевизору.

30

Ник Уилхолм повёл разношёрстный отряд потерянных мальчиков и девочек по слегка наклонному туннелю обратно к двери, ведущей в Переднюю Половину. Некоторые из узников Палаты А последовали за ним, некоторые просто слонялись вокруг. Пит Литтлджон начал стучать себе по голове, выкрикивая «йя-йя-йя-йя-йя-йя-йя». По туннелю разнеслось эхо, сделав его ритмичное скандирование не просто раздражающим, но и сводящим с ума.

— Возьмитесь за руки, — сказал Ник. — Все вместе. — Он указал подбородком на слоняющихся овощей, и добавил: — *«Думаю, это привлечёт их».*

«Как жуков на свет», — подумала Калиша. Не особенно приятное сравнение, но правда редко бывает иной.

Они пришли. По мере их присоединения к кругу, гул становился громче. Из-за туннеля их круг принял скорее форму овала, но в этом не было ничего страшного. Энергия снова возросла.

Калиша понимала, о чём думал Ники, но не только потому, что читала его мысли, а потому, что это было единственное, что им осталось.

«Вместе сильнее», — подумала она, а затем сказал вслух Эйвери: — Выломай этот замок, Эйвестер.

Гул возрос до крика, и если бы у кого-то из них болела голова, этого ребёнка охватил бы ужас. И снова Калиша ощутила эту возвышенную энергию. Она приходила во время просмотра фильмов, но тогда была грязной. А эта — чистой, потому что по их воле. Дети из Палаты А были спокойны, но улыбались. Они тоже чувствовали энергию. И она им нравилась. Калиша предположила, что это был максимум того, что они теперь способны ощутить.

Дверь издала слабый скрип, а затем они увидели, как она продавилась назад в проёме, и на том всё. Эйвери стоял на цыпочках, его маленькое личико сосредоточенно сжалось. Потом он расслабился и перевёл дыхание.

Джордж: *«Нет?»*

Эйвери: *«Нет. Если бы она была просто заперта, мы смогли бы, но, похоже, замка даже нет».*

— Хана, — сказала Айрис. — Хана, Хана, не подключить, что говорить, замку хана.

— Угомони их как-нибудь, — сказал Ники. — *«И мы не можем пробиться через неё, так?»*

Эйвери: *«Нет, сплошная сталь».*

— Где Супермен, когда он так нужен? — сказал Джордж. Он растянул руками губы, изобразив невесёлую улыбку.

Хелен села на пол, прижала ладони к лицу и начала плакать.

— Какая от нас польза? — Она эхом повторила эти слова, но уже мысленно: *«Какая от нас польза?»*

Ники повернулся к Калише: *«Есть идеи?»*

«Нет».

Он повернулся к Эйвери: *«Ну а у тебя?»*

Эйвери помотал головой.

31

— Что значит «не совсем»? — спросил Стакхаус.

Вместо ответа Осёл-Конг спешно подошёл к интеркому Стакхауса. Верхняя часть корпуса была покрыта толстым слоем пыли. Стакхаус не пользовался им ни единого раза — ему ведь не нужно было делать объявления о предстоящих танцах или викторинах. Доктор Хендрикс наклонился, чтобы осмотреть допотопные органы управления и щёлкнул выключателем — загорелась зелёная лампочка.

— Что значит...

Пришёл черёд Хендрикса сказать «молчать», но вместо того, чтобы рассердиться, Стакхаус почувствовал некоторое уважение. Что бы ни задумал добрый доктор, он считал это важным.

Хендрикс взял микрофон, затем остановился:

— Возможно ли сделать так, чтобы эти сбежавшие дети не слышали того, что я собираюсь сказать? Не хотелось бы подкидывать им идеи.

— В соединительном туннеле нет динамиков, — сказал Стакхаус, надеясь, что не ошибается. — А в Задней Половине, кажется, своя, отдельная система интеркома. Что вы задумали?

Хендрикс посмотрел на него, как на идиота.

— Если их тела заперты, это не значит, что их сознания тоже.

«Вот дерьмо, — подумал Стакхаус. — Я забыл, что они здесь именно поэтому».

— Как это работает... неважно, я понял. — Хендрикс зажал кнопку сбоку микрофона, прочистил горло и заговорил: — Пожалуйста, внимание. Всему персоналу: внимание. Это доктор Хендрикс. — Он провёл рукой по редющим волосам, растрепав их ещё сильнее. — В Задней Половине сбежали дети, но нет причин для тревоги. Повторяю, никаких причин для тревоги. Они заперты в соединительном туннеле между Передней Половиной и Задней. Однако, они могут попытаться воздействовать на вас, как... — Он остановился, облизывая губы. — Как они воздействуют на определённых людей, когда выполняют свою работу. Они могут попытаться заставить вас навредить себе. Или... ну... обратить вас друг против друга.

«Бог мой, — подумал Стакхаус. — *Замечательная идея*».

— Слушайте внимательно, — сказал Хендрикс. — Они могут преуспеть в своём ментальном проникновении, только если цели ни о чём не подозревают. Если вы что-нибудь чувствуете... если улавливаете посторонние мысли... сохраняйте спокойствие и сопротивляйтесь. Изгоняйте их. Вы сможете сделать это довольно быстро. Помогает, если говорить вслух. Например, *«Я не слушаю вас»*.

Он хотел поставить микрофон, но его взял Стакхаус.

— Это Стакхаус. Обращаюсь к персоналу Передней Половины: все дети немедленно должны вернуться в

свои комнаты. Если будут сопротивляться, воспользуйтесь электродубинками.

Он выключил интерком и повернулся к Хендриксу.

— Может, мелкие ублюдки в туннеле не подумают об этом. Всё-таки, они только дети.

— О, они подумают, — сказал Хендрикс. — Всё-таки, у них есть опыт.

32

Тим догнал Люка, когда мальчик открыл дверь в ИВС.

— Будь здесь, Люк. Венди, ты со мной.

— Ты же не думаешь...

— Я не знаю, что думать. Не вынимай пистолет, но расстегни ремешок.

Когда Тим и Венди торопливо шли по короткому проходу вдоль четырёх пустых камер, они услышали мужской голос. Он звучал довольно приятно. Даже игриво.

— Нам с женой сказали, что в Бофорте есть несколько интересных старых зданий, и мы решили срезать путь, но наш GPS накосячил.

— Я велела ему остановиться и спросить дорогу, — сказала женщина, и когда Тим вошёл в офис, он увидел, как она смотрит на своего мужа — если он действительно был её мужем — с шутливым упрёком. — Он не захотел. Мужчины всегда думают, что знают, куда едут, разве нет?

— Знаете, мы сейчас немного заняты, — сказал шериф Джон, — и у меня нет времени...

— Это *она*! — крикнул Люк за спинами Тима и Венди, от чего они оба вздрогнули. Остальные офицеры обернулись. Люк с силой оттолкнул Венди, от чего она

прижалась к стене. — Она усыпила меня, брызнув что-то в лицо! *Ты сука, ты убила моих родителей!*

Он попытался броситься на неё. Тим схватил его за ворот рубашки и дёрнул назад. Светловолосый мужчина и женщина в цветочном платье выглядели удивлёнными и озадаченными. Другими словами, совершенно нормально. Только Тиму показалось, что он на секунду разглядел другое выражение на лице женщины: взгляд мгновенного опознания.

— Кажется, тут какая-то ошибка, — сказала она. Она попыталась растерянно улыбнуться. — Кто этот мальчик? Он что, сумасшедший?

Хотя он был всего лишь городским ночным стукающим, которым будет ещё следующие пять месяцев, Тим, не задумываясь, вошёл в режим полицейского, как в ту ночь, когда подростки ворвались в «Зонис» и выстрелили в Абсимиля Добиру. — Я хотел бы взглянуть на ваши документы.

— В самом деле, в этом же нет необходимости, ведь так? — сказала женщина. — Я не знаю, что подумал этот мальчик, но мы просто заблудились, и когда я была маленькой девочкой, моя мама повторяла мне: если потеряешься, спроси полицейского.

Шериф Джон поднялся на ноги.

— Ага, ага, может, это и правда, а значит вы не станете возражать и покажете нам своё водительские удостоверения, я прав?

— Конечно, — сказал мужчина. — Погодите, я достану бумажник. — Женщина уже полезла в свою сумочку, выглядя раздражённой.

— *Осторожно!* — выкрикнул Люк. — *У них оружие!*

Таг Фарадей и Джордж Баркетт выглядели изумлёнными, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу — озадаченными.

— Эй, полегче! — сказал шериф Джон. — Держите руки на виду!

Ни один из них не послушался. Рука Мишель Робертсон появился из сумочки, держа не водительское удостоверение, а выданный ей «Зиг-Зауэр Ночной Кошмар Микро». Денни Вильямс потянулся не за бумажником, а за «Глоком», который был спрятан за спиной. Шериф и помощник Фарадей схватились за своё табельное оружие, но значительно медленнее.

Тим — нет. Он вытащил пистолет Венди из её кобуры, держа обеими руками.

— *Бросьте оружие, бросьте!*

Они не бросили. Робертсон прицелилась в Люка и Тим выстрелил в неё один раз; она отлетела в большую двойную дверь участка с такой силой, что треснуло матовое стекло.

Вильямс упал на колени и прицелился в Тима, который подумал: «Этот мужик — профессионал, я покойник». Но оружие мужчины вздёнулось кверху, будто привязанное к невидимой верёвке, и пуля, предназначенная Тиму, влетела в потолок. Шериф Джон Эшворт ударил блондина по голове, от чего тот растянулся на полу. Билли Уиклоу наступил ему на запястье.

— Сдавайся, сука, быстро сдавайся...

В этот момент миссис Сигсби поняла, что всё пошло наперекосяк, и приказала Луису Гранту и Тому Джонсу открыть огонь из больших пушек. Плевать на Вильямса и Робертсон.

Важен мальчишка.

Два «НК37» наполнили когда-то тихий мирный вечер Дюпре грохотом. Грант и Джонс решетили кирпичный фасад полицейского участка, выбивая клубы розовато-

красной пыли и разнося в дребезги окна и стеклянные панели входной двери. Они стояли на тротуаре; остальная часть «Золотой Команды» был рассредоточена позади них на проезжей части. За исключением доктора Эванса, который стоял в стороне, зажав уши руками.

— *Да!* — крикнула Вайнона Бриггс. Она прыгала с ноги на ногу, будто ей срочно нужно было в туалет. — *Разнесите их жопы!*

— Вперёд! — крикнула миссис Сигсби. — Все вперёд! Схватите пацана или убейте! Схватите или...

Затем из-за их спин донеслось:

— Вы никуда не пойдёте, мэм. Клянусь Спасителем, вы станете кучкой трупов, если попытаетесь. Вы двое впереди, опустите свои пулемёты.

Луис Грант и Том Джонс обернулись, но не опустили «НК».

— Быстро, — скомандовала Энни, — или вы трупы. Это вам не игрушки, парни. Это юг.

Они посмотрели друг на друга, затем медленно опустили оружие на тротуар.

Миссис Сигсби увидела двух недопартизан, стоявших под провисшим козырьком «Джема»: толстого лысого мужчину в пижамной рубаше и женщину с растрёпанными волосами, одетую во что-то похожее на мексиканское серапе. У мужчины была винтовка. Женщина в одной руке держала автоматический пистолет, в другой — револьвер.

— Теперь остальные, — сказал Барабанщик Дентон. — Вы попались.

Миссис Сигсби посмотрела на двух деревенщин, стоявших перед заброшенным кинотеатром, и в её голове возникла одновременно простая и утомительная мысль: это когда-нибудь закончится?

В полицейском участке раздались выстрелы, короткая пауза, и снова выстрелы. Когда деревенщины

посмотрели в ту сторону, Грант и Джонс нагнулись, чтобы подобрать своё оружие.

— Не смей! — крикнула женщина в серапе.

Робин Лекс, которая не так давно застрелила отца Люка через подушку, воспользовалась этим коротким окном, чтобы выхватить свой «Зиг Микро». Остальные члены «Золотой Команды» упали на землю, чтобы не стоять на линии огня у Гранта и Джонса; так их учили реагировать в подобных ситуациях. Миссис Сигсби стояла на месте, будто её гнев, вызванный этим внезапным осложнением, мог защитить её.

34

Когда в Южной Каролине началась заварушка, Калиша и её друзья сидели в скорбных позах возле входной двери в Переднюю Половину. Двери, которую не могли открыть, потому что Айрис была права: замку хана.

Ник: *«Может быть, мы можем что-то сделать. Повлиять на персонал Передней Половины, как повлияли на красных санитаров».*

Эйвери помотал головой. Он был похож не столько на маленького мальчика, сколько на усталого старика.

«Я устал. „Дотянитесь“ до Глэдис, потому что я ненавижу её. Её и её фальшивую улыбку. Она сказала, что не слушает меня и вытолкнула из головы».

Калиша окинула взглядом детей из Палаты А, которые снова разбрелись, будто тут было куда идти. Девочка делала «колесо»; мальчик в грязных шортах и порванной футболке тихонько стучал головой о стену; Пит Литтлджон продолжал повторять «йя-йя». Но они придут, если их позвать, и вокруг было достаточно энергии. Она взяла Эйвери за руку.

— Все вместе...

— Нет, — сказал Эйвери. — *«Мы можем заставить их почувствовать лёгкое недомогание, головокружение или боль в животе... но не больше».*

Калиша: *«Но почему? Почему? Если мы смогли убить этого террориста в Афганистане...»*

Эйвери: *«Потому что террорист не знал этого. Уэстин, проповедник, тоже не знал. Когда они знают...»*

Джордж: *«Они могут не пустить нас».*

Эйвери кивнул.

— Тогда, что нам остаётся? — спросила Хелен. — *«Хоть что-нибудь?»*

Эйвери помотал головой.

«Не знаю».

— Есть кое-что, — сказала Калиша. — Мы застряли здесь, но тот, кого мы знаем, — нет. Но нам нужны все. — Она кивнула головой в сторону блуждающих беженцев из Палаты А. — Позовём их.

— Не знаю, Ша, — сказал Эйвери. — Я очень устал.

— Ещё один последний раз, — попросила она.

Эйвери вздохнул и протянул свою руку. Калиша, Ники, Джордж, Хелен и Кэти образовали круг. Через секунду к ним присоединилась Айрис. И снова к ним потянулись остальные. Круг стал овалом и гул возрос. В Передней Половине санитары, техники и уборщики почувствовали это и вздрогнули, но это предназначалось не для них. В четырнадцати сотнях миль Тим только что всадил пулу в грудь Мишель Робертсон; Грант и Джонс собирались обстрелять полицейский участок; Билли Уиклоу стоял на руке Денни Вильямса, а рядом с ним стоял шериф Джон.

Дети Института воззвали к Люку.

Люк не думал о том, чтобы силой мысли вздёрнуть кверху пистолет блондина; он просто сделал это. В одно мгновение вернулись огни штази, поглотив всё вокруг. Когда они начали уходить, он увидел полицейского, стоящего на запястье блондина, пытаюсь заставить того выпустить из руки пистолет. Губы блондина искривились от боли, по лицу текла кровь, но он держался. Шериф отвёл ногу назад, вероятно, собираясь снова пнуть его по голове.

Люк увидел всё это, а затем огни штази вернулись ярче прежнего, и голоса друзей обрушились на него внутри головы, как молот. Он попятился назад через дверь в ИВС, подняв руки, будто защищаясь от удара, и упал, запутавшись в собственных ногах. Он приземлился на задницу как раз в тот момент, когда Грант и Джонс открыли огонь.

Он увидел, как Тим схватил Венди и повалил её на пол, прикрывая своим телом. Он увидел, как пули вонзились в шерифа и его помощника, стоящего на руке блондина. Они оба упали. Разлетелись осколки стекла. Кто-то кричал. Люк подумал, что это Венди. Снаружи Люк услышал голос женщины — подозрительно похожий на голос миссис Сигсби, — крикнувшей что-то вроде: «*Все вперёд*».

Для Люка, оглушённого двойной порцией огней штази и хором голосов его друзей, мир, казалось, замедлился. Он увидел, как другой помощник шерифа — раненный, по его руке текла кровь — повернулся к разбитым дверям, вероятно, посмотреть, кто стрелял. Он двигался очень медленно. Блондин поднялся на колени и тоже двигался очень медленно. Люк будто наблюдал за подводным балетом. Он выстрелил помощнику в спину, затем начал поворачиваться к Люку. Уже быстрее — мир снова начал ускоряться. Прежде чем блондин успел выстрелить, рыжеволосый полицейский склонился, будто в поклоне, и выстрелил

блондину в висок. Блондин отлетел в сторону и приземлился на женщину, которая назвалась его женой.

Женщина снаружи — не та, что звучала, как миссис Сигсби, а другая, с южным акцентом — выкрикнула: «Не сметь!»

Последовали новые выстрелы, а затем первая женщина закричала: *«Мальчик! Мы должны забрать мальчика!»*

«Это она, — подумал Люк. — Не знаю, как такое может быть, но это она. Миссис Сигсби».

36

Робин Лекс была хорошим стрелком, но сумерки сгущались, и для её маленького «Микро» дистанция была большой. Её пуля попала Барабанщику в плечо вместо того, чтобы угодить в центр тела. Барабанщика Дентона отбросило на заколоченную кассу кинотеатра, а следующие два выстрела ушли в сторону. Сирота Энни не шелохнулась. Так она была воспитана своим отцом в каменных джунглях Джорджии, который сказал ей: «Ни за что не отступай без боя». Жан Ледо был отличным стрелком, и трезвым и пьяным, и хорошо обучил её. Она открыла огонь из обоих пистолетов Барабанщика, компенсируя сильную отдачу 45-го даже не задумываясь об этом. Он уложила одного из стрелков (это был Тони Фиццале, который больше никогда не воспользуется электродубинкой), не обращая внимания на три-четыре пули, просвистевшие мимо неё; одна из них кокетливо чиркнула по краю её серапе.

Барабанщик вернулся на позицию и прицелился в женщину, которая ранила его. Робин стояла на колене

посреди улицы, проклиная свой «Зиг», который заклинило. Барабанщик прижал 30-06-й ко второму плечу, которое не кровоточило, и сбил её с ног.

— *Перестаньте стрелять!* — закричала миссис Сигсби. — *Нужно добраться до мальчика! Сначала разберитесь с ним! Том Джонс! Элис Грин! Луи Грант! Ждите меня! Джош Готтфрид! Вайнона Бриггс! Будьте настороже!*

Барабанщик и Энни переглянулись.

— А нам продолжать стрелять или нет? — спросила она.

— Да хуй знает, — ответил Барабанщик.

Том Джонс и Элис Грин стояли по обе стороны от разбитых дверей полицейского участка. Джош Готтфрид и Вайнона Бриггс пятились назад, прикрывая с флангов миссис Сигсби и направляя оружие на неожиданных стрелков, которые застали их врасплох. Доктор Джеймс Эванс, которому не назначили позицию, сам определил её для себя. Он прошёл мимо миссис Сигсби к Барабанщику и Сироте Энни с поднятыми руками и демонстративной улыбкой.

— Вернись сюда, кретин! — гаркнула миссис Сигсби. Он проигнорировал её.

— Я не участвую в этом, — сказал он, обращаясь к полному мужчине в пижамной рубаше, который из двух «партизан» выглядел более вменяемым. — И никогда не хотел, так что, думаю, я просто...

— Ой, да угомонись ты, — сказала Энни и выстрелила ему в ногу. Ей хватило такта воспользоваться 38-м, потому что от него меньше урон. По крайней мере, в теории.

Осталась только женщина в красном костюме, которая была главной. Если бы стрельба возобновилась, её, вероятно, разорвало бы на куски в перекрёстном огне, но она не выказывала никакого страха, а просто казалась раздражённой.

— Я иду в участок, — сказала она Барабанщику и Сироте Энни. — Не нужно больше глупостей. Стойте на месте и не пострадает. Начнёте стрелять и Джош с Вайноной разберутся с вами. Это ясно?

Она не стала дожидаться ответа, просто повернулась и пошла к остаткам своей группы, цокая каблуками по тротуару.

— Барабанщик? — сказала Энни. — Что будем делать?

— Может быть, ничего не нужно делать, — сказал он. — Посмотри налево, но не всей головой, а только глазами.

Она увидела одного из братьев Добира, торопливо шагавшего по тротуару. У него был пистолет. Позже он скажет полиции штата, что хотя они с братом мирные люди, но после ограбления стали держать в магазине оружие.

— Теперь направо. Но не верти головой.

Она скосила глаза и увидела вдову Гулсби и мистера Билсона, отца близнецов Билсонов. Эдди Гулсби была в халате и тапочках. Ричард Билсон был одет в клетчатые шорты и красную футболку «Кримсон Тайд». У обоих были охотничьи винтовки. Группа перед полицейским участком не видела их; их внимание было сосредоточено на деле, ради которого они приехали сюда.

«Это юг», сказала Энни этим вооружённым чужакам. Она подумала, что они вот-вот узнают, насколько правдивыми были эти слова.

— Том и Элис, — сказала миссис Сигсби. — Идите внутрь. Проверьте, жив ли мальчик.

Они вошли.

Тим поднял Венди на ноги. Она выглядела ошеломлённой, не совсем понимая, где находится. В её волосах застряли маленькие обрывки бумаги. Стрельба на улице прекратилась, по крайней мере, на время. Послышался разговор, но у Тима сильно звенело в ушах, и он не мог разобрать ни слова. Но это было не важно. Если они там договаривались о мире, — это хорошо. Однако, разумно было бы ожидать продолжение боя.

— Венди, ты цела?

— Они... Тим, они убили шерифа Джона! А скольких ещё?

Он тряхнул её.

— *Ты цела?*

Она кивнула.

— Д-да. Думаю...

— Выведи Люка через заднюю дверь.

Она потянулась к нему, но Люк увернулся и побежал к столу шерифа. Таг Фарадей попытался схватить его за руку, но Люк увернулся и от него. Пуля задела ноутбук, сбив его на бок, но экран продолжал работать, хотя и треснул; на флэшке мигал маленький оранжевый индикатор готовности. У Люка тоже звенело в ушах, но теперь он был близко к двери и услышал слова миссис Сигсби: *«Проверьте, жив ли мальчик»*.

«Ах ты сука, — подумал он. — Безжалостная сука».

Люк схватил ноутбук и упал на колени, прижимая его к груди, когда Элис Грин и Том Джонс вошли через разбитые двойные двери. Таг поднял свой пистолет, но получил очередь из «НК» до того, как успел выстрелить; его форменную рубашку разорвало в клочья. «Глок» вылетел из его руки и покатился по полу. Единственный оставшийся в живых помощник шерифа, Фрэнк Поттер, даже не пошевелился, чтобы защитить себя. На его лице застыло выражение оцепенения и недоумения. Элис Грин выстрелила один раз ему в голову, а затем

пригнулась, когда на улице позади них снова раздались выстрелы. А также вопли и крики боли.

Стрельба и крики на мгновение отвлекли мужчину с «НК». Джонс отвернулся и Тим дважды выстрелил в него: одна пуля попала в шею, другая в голову. Элис Грин выпрямилась и пошла дальше, перешагнув через Джонса с застывшим лицом. Позади неё Тим увидел ещё одну женщину, в возрасте, одетую в красный брючный костюм и с пистолетом в руке. «Господь всемогущий, — подумал он. — Сколько их ещё там? Они послали целую армию за одним маленьким мальчиком?»

— Он за столом, Элис, — сказала женщина в возрасте. Учитывая бойню, она звучала до жути спокойной. — Я вижу часть его повязки на ухе. Вытащи его и застрели.

Женщина по имени Элис обошла стол. Тим не стал говорить ей «стоять» — этот этап они уже прошли, — а просто нажал на спусковой крючок «Глока» Венди. Раздался глухой щелчок, хотя в обойме должен был остаться, по крайней мере, ещё один патрон, или два. Даже в этот сделай-или-умри момент, он понял причину: Венди не до конца зарядила пистолет после тренировки на стрельбище в Даннинге. Такие вещи не входили в список её приоритетов. Он даже успел подумать — как и в первые дни пребывания в Дюпре, — что Венди никогда не была создана для работы в полиции.

«Надо было остаться диспетчером, — подумал он, — но уже поздно. Кажется, нам всем конец».

Люк выскочил из-за диспетчерского стола, держа ноутбук обеими руками. Он замахнулся им и ударил Элис Грин по лицу. Треснутый экран раскололся. Грин отшатнулась к женщине в красном костюме, из её рта и носа заструилась кровь, а затем она снова подняла своё оружие.

— *Брось! Брось! Брось!* — закричала Венди. Она схватила «Глок» Тага Фарадея. Грин не обратила на неё внимания. Она целилась в Люка, который вынимал флэшку Морин Алворсон из гнезда ноутбука вместо того, чтобы занять укрытие. Венди выстрелила три раза, прищулив глаза и издавая пронзительный крик при каждом нажатии на спусковой крючок. Первая пуля поразила Элис Грин чуть выше переносицы. Вторая прошла через пустое пространство в двери, где всего две минуты назад была матовая стеклянная панель.

Третья попала Джулии Сигсби в ногу. Пистолет вылетел из её руки, и она рухнула на пол с выражением недоумения на лице.

— Ты выстрелила в меня. Почему ты выстрелила в меня?

— Ты тупая? Сама как думаешь? — сказала Венди. Она подошла к женщине, сидящей возле стены; под её ногами хрустело битое стекло. В воздухе пахло порохом, и участок — когда-то опрятный, а теперь похожий на руины — был наполнен плывущим голубым дымом. — Ты приказала им убить мальчика.

Миссис Сигсби одарила её такого рода улыбкой, которой пользуются те, кому приходится терпеть дураков.

— Ты не понимаешь. Да и с чего бы? Он принадлежит мне. Он — *собственность*.

— Больше нет, — сказал Тим.

Люк опустился на колени рядом с миссис Сигсби. На его щеках были брызги крови, а в одной брови — осколок стекла.

— Кто остался за главного в Институте? Стакхаус? Это он?

Она просто посмотрела на него.

— *Это Стакхаус?*

Ноль реакции.

Вошёл Барабанщик Дентон и огляделся. Его пижамная рубашка с одной стороны была пропитана кровью, но несмотря на это, он выглядел довольно бодрым. Из-за его плеча выглядывал Гутаале Добира, широко раскрыв глаза.

— Вот дерьмо, — сказал Барабанщик. — Ну и бойня.

— Мне пришлось застрелить человека, — сказал Гутаале. — Миссис Гулсби застрелила женщину, которая пыталась убить её. Так что, это явный случай самообороны.

— Сколько их снаружи? — спросил Тим. — Все убиты или есть выжившие?

Энни отпихнула Гутаале Добира в сторону и встала рядом с Барабанщиком. В своём серапе, с дымящимся пистолетом в каждой руке, она выглядела, как персонаж из спагетти-вестерна. Тим не удивился. Теперь он был вне всякого удивления.

— Кажется, там все, кто был в фургонах, — сказала она. — Есть пара раненых, один с пулей в ноге, один тяжело ранен. Его подстрелил Добира. Остальные сукины дети выглядят так, будто отдали Богу душу. — Она оглядела помещение. — Господи, в Департаменте шерифа кто-то остался?

«Венди, — подумал Тим, — но не сказал вслух. Кажется, теперь она исполняет обязанности шерифа. Или Ронни Гибсон, когда вернётся из отпуска. Скорее всего, Ронни. Венди не захочет».

Эдди Гулсби и Ричард Билсон теперь стояли с Гутаале, позади Энни и Барабанщика. Билсон оглядел основное помещение — изрешечённые пулями стены, разбитые стёкла, реки крови на полу, распластавшиеся тела, — и приложил руку ко рту.

Эдди была покрепче духом.

— Док уже едет. На улице собралось полгорода, большинство вооружены. Что тут случилось? И кто

это? — Она указал на худенького мальчика с повязкой на ухе.

Люк не отреагировал. Его внимание было приковано к женщине в брючном костюме.

— Конечно, Стакхаус. Больше никому. Мне нужно связаться с ним. Как это сделать?

Миссис Сигсби продолжала таращиться на него. Тим опустился на колени рядом с Люком. Он увидел в глазах этой женщины боль, отрицание и ненависть. Он не знал, что именно преобладало, но если бы его вынудили ответить, сказал бы — ненависть. Она всегда сильнее, по крайней мере, в первые минуты.

— Люк...

Люк не отреагировал. Всё его внимание было обращено на раненую женщину.

— Мне нужно с ним связаться, миссис Сигсби. Он держит в плену моих друзей.

— Они не пленники, они — *собственность*!

К ним присоединилась Венди.

— Кажется, вы отсутствовали в тот день, когда ваш класс узнал о том, как Линкольн освободил рабов, мэм.

— Приехали сюда, устроили пальбу в нашем городе, — сказала Энни. — Полагаю, теперь-то вы узнали, не так ли?

— Тише, Энни, — сказала Венди.

— Мне нужно связаться с ним, миссис Сигсби. Хочу заключить сделку. Скажите, как с ним связаться.

Когда она не ответила, Люк засунул большой палец в пулевое отверстие в её красных брюках. Миссис Сигсби взвизгнула.

— *Не надо, ох, не надо, мне БОЛЬНО!*

— Электродубинки — вот, что больно! — выкрикнул Люк. На полу задребезжали осколки стекла, образуя маленькие ручейки. Энни уставилась на них с широко открытыми от восторга глазами. — Уколы — больно! Быть полуутопленником — больно! А когда твоё

сознание вскрывают? — Он снова надавил большим пальцем на рану. Хлопнула дверь, ведущая в ИВС, заставив их всех вздрогнуть. — Когда твоё сознание *разрушают*? Это больнее всего!

— *Пусть перестанет!* — закричала миссис Сигсби. — *Пусть перестанет делать мне больно!*

Венди нагнулась, чтобы оттянуть Люка. Тим помотал головой и взял её за руку.

— Нет.

— Это заговор, — прошептала Энни Барабанщику. Её глаза были выпучены. — Эта женщина участвует в заговоре. Все они! Я знала это с самого начала, я *говорила* об этом, но никто не верил!

Звон в ушах Тима начал стихать. Но он не слышал сирен, что не удивило его. Он предположил, что полиция штата даже не знает о перестрелке в Дюпре, — по крайней мере, пока что. И любой, кто позвонит в 911, попадёт не в Патрульную службу Южной Каролины, а к шерифу округа Фэйрли — одним словом, в руины. Он посмотрел на часы и не поверил тому, что мир полетел к чёртовой матери всего лишь пять минут назад. Максимум шесть.

— Миссис Сигсби, да? — спросил он, стоя на коленях рядом с Люком.

Она не ответила.

— У вас большие проблемы, миссис Сигсби. Советую сказать Люку то, что он хочет знать.

— Мне нужна медицинская помощь.

Тим помотал головой.

— Сейчас вам нужно просто ответить. А уж потом займёмся медицинской помощью.

— Люк говорил правду, — сказала Венди, не обращаясь ни к кому конкретно. — Обо всём.

— Что я говорила, а? — почти выкрикнула Энни.

В участок протолкнулся док Ропер.

— Святой Иисус Воскресным утром, — сказал он. — Есть живые? Сильно ранена эта женщина? Это что-то связанное с терроризмом?

— Они пытаются меня, — сказала миссис Сигсби. — Если вы доктор, а судя по вашему саквоюжу, — да, вы обязаны остановить их.

Тим сказал:

— Мальчик, которому вы помогли, Док, бежал от этой женщины и её головорезов, которых она притащила с собой. Не знаю, сколько там трупов снаружи, но мы потеряли пятерых, включая шерифа, и всё по вине этой женщины.

— Ладно, разберёмся с этим позже, — сказал Ропер. — А сейчас мне нужно позаботиться о ней. У неё кровотечение. И кто-нибудь должен вызвать чёртову скорую.

Миссис Сигсби взглянула на Люка, оскалив зубы в улыбке, которая говорила: «*Я победила*», затем снова посмотрела на Ропера.

— Спасибо, доктор. Спасибо.

— А стойкости ей не занимать, — сказала Энни не без восхищения. — В отличие от мужика снаружи, которого я ранила в ногу. На вашем месте я бы занялась им. Думаю, он продал бы свою мать за укол морфия.

Глаза миссис Сигсби расширились в тревоге.

— Оставьте его. Я запрещаю вам говорить с ним.

Тим поднялся на ноги.

— Запрещает она. Не знаю, кто вы и на кого работаете, леди, но, полагаю, ваши дни похищения детей сочтены. Люк, Венди, пойдёте со мной.

По всему городу в домах горели огни, и главная улица Дюпре была полна толпящихся людей. Тела убитых были накрыты первым, что попало под руку. Кто-то притащил из переулка спальный мешок Сироты Энни и накрыл им Робин Лекс.

Про доктора Эванса совершенно забыли. Он мог бы спокойно доковылять до одного из фургонов и уехать, но даже не попытался. Тим, Венди и Люк нашли его сидящим на бордюре перед «Джемом». Его щёки блестели от слёз. Ему удалось снять ботинок, и теперь он смотрел на кровавый носок, в котором было что-то похожее на сильно деформированную ногу. Тим не знал, насколько сильно повреждена кость и мягкие ткани, и ему было всё равно.

— Как вас зовут, сэр? — спросил Тим.

— Не важно. Мне нужен адвокат. И доктор. Меня ранила женщина. Хочу, чтобы её арестовали.

— Его зовут Джеймс Эванс, — сказал Люк. — И *он* — доктор. Как Йозеф Менгеле^[114].

Эванс, казалось, только сейчас заметил Люка. Он указал на мальчика трясущимся пальцем.

— Это всё твоя вина.

Люк устремился к Эвансу, но в этот раз Тим перехватил его и мягко, но решительно, направил к Венди, которая взяла его за плечи.

Тим присел на корточки, чтобы посмотреть бледному, до смерти напуганному человеку прямо в глаза.

— Послушайте меня, доктор Эванс. И слушайте очень внимательно. Вы и ваши друзья приехали в город, чтобы забрать этого мальчика и убили пятерых человек. Всё — офицеры полиции. Вы можете не знать этого, но в Южной Каролине разрешена смертная казнь, и если вы думаете, что они в два счёта не приговорят вас к ней

за убийство шерифа округа и четырёх его помощников...

— Я тут ни при чём! — завопил Эванс. — Я остался здесь в знак протеста! Я...

— Заткнитесь! — сказала Венди. Она всё ещё держала «Глок» покойного Тага Фарадея и теперь направила его на вторую ногу, в ботинке. — Эти офицеры также были моими друзьями. Если вы думаете, что я собираюсь зачитывать вам права, то вы спятили. Если не скажете Люку то, что он хочет услышать, я всажу пулю во вторую...

— Ладно! Ладно! Да! — Эванс нагнулся и в защитном жесте прикрыл руками здоровую ногу, от чего Тиму стало его почти жаль. Почти. — Что? Что вы хотите знать?

— Мне нужно поговорить со Стакхаусом, — сказал Люк. — Как мне это сделать?

— Её телефон, — сказал Эванс. — У неё есть специальный телефон. Она звонила ему перед началом... ну... захвата. Я видел, как она сунула его в карман пиджака.

— Я принесу, — сказала Венди и повернулась в сторону полицейского участка.

— Нужен не только телефон, — сказал Люк. — Приведите её.

— Люк... она ранена.

— Она может понадобиться, — сказал Люк. Его глаза были беспрекословными.

— Зачем?

Потому что теперь это были шахматы, а в шахматах ты никогда не живёшь тем ходом, который собираешься сделать, или даже следующим. Думай на три хода вперёд — таково правило. Плюс по три хода на каждый из них в зависимости от того, что предпримет соперник.

Она посмотрела на Тима, который кивнул.

— Приведи её. В наручниках, если потребуется. Всё-таки ты здесь закон.

— Господи, и не говори, — сказала она и ушла.

Наконец, Тим услышал звук сирены. Может, даже пары сирен. Хотя и весьма отдалённый.

Люк взял его за руку. Тим подумал, что мальчик выглядит абсолютно сосредоточенным, абсолютно собранным, хотя и до смерти усталым.

— Нельзя, чтобы меня задержали. У них мои друзья. Они заперты и им некому помочь, кроме меня.

— Заперты в Институте.

— Да. Теперь вы мне верите, не так ли.

— Трудно не поверить после всего того, что было на флэшке, и всего этого. Кстати, где она? Всё ещё у тебя?

Люк похлопал по карману.

— Миссис Сигсби и её люди хотят сделать с твоими друзьями то, из-за чего они станут как те дети в палате?

— Они уже начали делать это, но затем мои друзья выбрались. В основном благодаря Эйвери, он оказался там из-за того, что помог мне сбежать. Думаю, вы бы назвали это иронией. Но я почти уверен, что они снова заперты. Боюсь, Стакхаус убьёт их, если я не заключу с ним сделку.

Возвращалась Венди. Она несла какое-то угловатое устройство, которое Тим принял за телефон. На тыльной стороне её руки, в которой было устройство, виднелись три свежих царапины.

— Она не хотела отдавать его. И она на удивление сильная, даже с раненой ногой. — Она протянула Тиму устройство и оглянулась назад. Сирота Энни и Барабанщик Дентон переводили миссис Сигсби через улицу. Хотя она была бледной и испытывала боль, она сопротивлялась, насколько могла. За ними тянулись по меньшей мере три десятка горожан во главе с доком Ропером.

— Вот она, Тимми, — сказала Сирота Энни. Она тяжело дышала, на щеке и виске виднелись красные отметины от пощёчины миссис Сигсби, но Энни, похоже, ничуть не расстроилась из-за этого. — Что нам с ней сделать? Думаю, о том, чтобы вздёрнуть её, не может быть и речи, но разве это не заманчивая идея?

Док Ропер поставил свой чёрный саквояж, взял Энни за серапе и отодвинул в сторонку, чтобы увидеть Тима.

— О чём, во имя Господа, ты только думаешь? Эту женщину нельзя перемещать! Это может убить её!

— Она не кажется при смерти, док, — сказал Барабанщик. — До свадьбы заживёт. — И он засмеялся. До этого Тим ни разу не слышал, чтобы этот человек смеялся.

Венди проигнорировала и Барабанщика, и доктора.

— Если мы собираемся куда-нибудь ехать, Тим, лучше сделать это до прибытия полиции штата.

— Пожалуйста. — Люк посмотрел сначала на Тима, потом на дока Ропера. — Мои друзья погибли, если мы ничего не сделаем — я это знаю. А ещё с ними есть другие, которых называют овощами.

— Мне нужно в больницу, — сказала миссис Сигсби. — Я потеряла много крови. И хочу встретиться с адвокатом.

— Заткни свою пасть или это сделаю я, — сказала Энни. Она посмотрела на Тима. — Она ранена не так сильно, как пытается изобразить. Кровотечение почти прекратилось.

Тим ответил не сразу. Он вспомнил день, не так давно, когда зашёл в «Вестфилд Молл» в Сарасоте, чтобы купить обувь и ничего более, когда к нему подбежала женщина, потому что на нём была полицейская форма. Возле кинотеатра какой-то парень размахивал оружием, сказала она, поэтому Тим пошёл посмотреть и столкнулся с выбором, который изменил

его жизнь. Выбор, который фактически привёл его сюда. И теперь перед ним стоял ещё один выбор.

— Перевяжите её, док. Думаю, мы с Венди и Люком возьмём эту парочку с собой, и посмотрим, сможем ли что-то исправить.

— И дайте ей что-нибудь от боли, — сказала Венди. Тим помотал головой.

— Дайте мне, а я уж решу, когда дать ей.

Док Ропер посмотрел на Тима — и на Венди тоже — так, будто видел их первый раз в жизни.

— Это неправильно.

Доктор какое-то время стоял на месте, глядя на тела и на обстрелянный полицейский участок. Затем принял решение.

— Нужно взглянуть на рану. Если у неё всё ещё сильное кровотечение или сломана бедренная кость, я не дам вам её забрать.

«И всё же дашь, — подумал Тим. — Потому что не сможешь остановить нас».

Ропер опустился на колени, открыл свой саквояж и достал хирургические ножницы.

— Нет, — сказала миссис Сигсби, отстраняясь от Барабанщика. Он тут же снова схватил её, но Тим с интересом заметил, что прежде чем он сделал это, она переместила вес тела на раненую ногу. Ропер тоже заметил это. Хоть он и был в годах, но глаз у него был хваткий. — Я не дам вам резать меня посреди улицы!

— Я всего лишь хотел разрезать брюки, — сказал Ропер. — Если только вы не перестанете сопротивляться. Тогда я не ручаюсь за то, что может произойти.

— Нет! Я запрещаю вам...

Энни схватила её за шею.

— Женщина, я больше ничего не хочу слышать о твоих запретах. Стой смирно или у тебя будет о чём переживать помимо ноги.

— Убери свои руки от меня!

— Только если будешь стоять смирно. В противном случае я скручу тебе шею.

— Лучше не перечьте, — посоветовала Эдди Гулсби. — Она бывает безумной, когда на неё накатывает.

Миссис Сигсби перестала сопротивляться, возможно, не столько из-за усталости, сколько из-за угрозы удушения. Ропер аккуратно обрезал ей брючину в двух дюймах над раной, обнажив белую кожу, сплетение варикозных вен и что-то больше похожее на ранение от ножа, чем от пули.

— Что ж, голубушка, — с облегчением сказал Ропер, — всё не так уж плохо. Хуже, чем царапина, но ненамного. Вам повезло, мэм. Она уже затягивается.

— Я тяжело ранена! — взревела миссис Сигсби.

— Будешь, если не заткнёшься, — сказал Барабанщик.

Доктор промыл рану дезинфицирующим раствором, наложил повязку и закрепил заколкой-бабочкой. Когда он закончил, казалось, на улицу выпал уже весь Дюпре, — по крайней мере, все, кто жил в городе. Тем временем Тим взглянул на телефон женщины. Он нажал на боковую кнопку и на экране появилась надпись: **УРОВЕНЬ ЗАРЯДА 75 %**.

Затем он снова выключил его и протянул Люку.

— Подержи пока у себя.

Когда Люк засунул его в карман с флэшкой, чья-то рука потянула его за штаны. Это был Эванс.

— Тебе стоит быть осторожным, юный Люк. Если, конечно, ты не готов взять на себя ответственность.

— Ответственность за что? — спросила Венди.

— За конец мира, мисс. За конец мира.

— Заткнись, идиот, — сказала миссис Сигсби.

Тим на мгновение задумался. Затем повернулся к доку.

— Не знаю точно, с чем мы тут имеем дело, но знаю, что это что-то экстраординарное. Нам нужно немного времени. Когда появится полиция штата, скажите им, что мы вернёмся через час. Максимум через два. Тогда уж и попытаемся провести нечто похожее на обычную полицейскую процедуру.

Он сомневался, что сможет сдержать это обещание. Он подумал, что его время в Дюпре, штат Южная Каролина, почти подошло к концу, и сожалел об этом.

Он думал, что сможет жить здесь. Возможно, вместе с Венди.

39

Глэдис Хиксон стояла перед Стакхаусом по стойке смирно, расставив ноги и заложив руки за спину. От фальшивой улыбки, которую знал (и ненавидел) каждый ребёнок в Институте не осталось и следа.

— Вы в курсе текущей ситуации, Глэдис?

— Да, сэр. Постояльцы из Задней Половины сейчас находятся в соединительном туннеле.

— Так точно. Они не могут выйти, но в данный момент и мы не можем войти к ним. Я правильно понимаю, что они пытались... скажем так *поиграть* с некоторыми сотрудниками, используя свои экстрасенсорные способности?

— Да, сэр. Это не сработало.

— Но ощущается дискомфорт.

— Да, сэр, слегка. Что-то похожее на... *гудение*. Оно отвлекает. Не в административном здании — по крайней мере, пока что, — но в Передней Половине все его чувствуют.

«Что логично, — подумал Стакхаус. — Передняя Половина ближе к туннелю. Прямо над ним, если быть

точным».

— Кажется, оно усиливается, сэр.

Возможно, это просто её воображение. Стакхаус надеялся на это, и надеялся, что Осёл-Конг был прав, когда говорил, что Диксон и его друзья не могут повлиять на подготовленное сознание, даже с помощью неоспоримой силы овощей, но как говаривал его дед: надеждой сыт не будешь.

Вероятно, смущённая его молчанием, она продолжила:

— Но мы знаем, что они задумали, сэр, и это не проблема. Мы держим их на коротком поводке.

— Хорошо сказано, Глэдис. Теперь о том, почему я пригласил вас сюда. Насколько я знаю, в молодости вы посещали Массачусетский университет.

— Всё верно, сэр, но только три семестра. Это было не по мне, так что я бросила учёбу и вступила в ряды морской пехоты.

Стакхаус кивнул. Не было никакой нужды вгонять её в краску, напоминая о том, что было указано в её досье: после примерного первого года, Глэдис столкнулась с довольно серьёзными неприятностями во время второго курса. В студенческой забегаловке возле кампуса она вырубилась пивной кружкой соперницу за любовь своего парня и её попросили покинуть не только заведение, но и институт. Не удивительно, что она выбрала морскую пехоту.

— Насколько я знаю, вашей специальностью была химия.

— Нет, сэр, не совсем. Я не успела выбрать основную специальность до того, как... как решила отчислиться.

— Но склонялись к химии.

— Э, да, сэр, на то время.

— Глэдис, допустим нам нужно — назовём это незаслуженно поруганной фразой: окончательное

решение по вопросу^[115] постояльцев в соединительном туннеле. Я не говорю, что так и будет, вовсе нет, но допустим.

— Хотите знать, нельзя ли их как-нибудь отравить, сэр?

— Ну, скажем так.

Теперь Глэдис улыбнулась, и эта улыбка была совершенно искренней. Возможно, даже с долей облегчения. Если постояльцев не станет, этот раздражающий гул прекратится.

— Проще простого, сэр, если туннель подключён к системе ОВиК, а я в этом почти уверена.

— ОВиК?

— Отопление, вентиляция и кондиционирование, сэр. Понадобится отбеливатель и чистящее средство для унитазов. У экономок полно того и другого. Смешать и получится газообразный хлор. Поместить несколько ведер под воздухозаборник, накрыть для лучшего всасывания и все дела. — Она над чем-то задумалась. — Наверное, перед этим придётся вывести весь персонал из Задней Половины. В той части может быть только один воздухозаборник. Я не уверена. Могу посмотреть схему, если хотите...

— В этом нет необходимости, — сказал Стакхаус. — Но, может быть, вам с Фредом Кларком, уборщиком, стоит подготовить... ээ... необходимые ингредиенты.

— Да, сэр, конечно. — Глэдис, казалось, не терпелось приступить к этому. — Могу я спросить, где миссис Сигсби? Её офис пуст, а Розалинда сказала обратиться к вам.

— Дела миссис Сигсби вас не касаются, Глэдис. — И так как она, казалось, не собиралась выходить из режима военного, добавил: — Свободны.

Она ушла искать уборщика Фреда, чтобы начать подготавливать ингредиенты, которые положат конец и

детям, и гулу, осаждающему Переднюю Половину.

Стакхаус откинулся на спинку кресла, размышляя, стоит ли применять столь радикальные меры. Он подумал, возможно, стоит. И разве были они столь уж радикальными, учитывая то, чем они здесь занимались последние семьдесят лет? В конце концов, смерть в их деле была неизбежна, и порой скверные ситуации требовали перезагрузки.

Эта перезагрузка зависела от миссис Сигсби. Её вылазка в Южную Каролину была довольно безрассудной, но такие планы часто срабатывали. Он вспомнил слова Майка Тайсона: «Как только начинается бой, стратегия вылетает в окно». В любом случае, для себя он уже подготовил стратегию отхода. Так было уже много лет. Деньги — отложены, поддельные паспорта (три комплекта) — отложены, планы маршрутов — в наличии, пункт назначения — в ожидании. И всё же он будет держаться здесь так долго, как сможет, частично из-за верности Джулии, но главным образом потому, что верит в их работу. Сохранять мир в безопасности ради демократии — дело второе. Сохранять мир в целостности — вот первичная задача.

Пока нет причин уходить, сказал он себе. Тележка с яблоками накренилась, но не перевернулась. Лучше не спешить. И посмотреть, кто устоит на ногах после завершения атаки.

Он ждал, когда его служебный аппарат издаст *трр-трр*. Когда Джулия доложит обстановку на месте, тогда он решит, что делать дальше. Если аппарат не зазвонит, — это тоже будет ответом.

На пересечении федеральной автострады 17 и штатного шоссе 92 находился маленький заброшенный салон красоты. Тим остановился возле него и подошёл к пассажирской стороне фургона, где сидела миссис Сигсби. Он открыл её дверь, затем отодвинул в сторону боковую дверь. Люк и Венди сидели по обе стороны от доктора Эванса, который угрюмо смотрел на свою изуродованную ногу. Венди держала «Глок» Тага Фарадея. У Люка был служебный телефон миссис Сигсби.

— Люк, пойдём. Венди, пожалуйста, оставайся на месте.

Люк вышел. Тим попросил телефон. Люк протянул его. Тим включил его и наклонился к пассажирской двери.

— Как работает эта штукавина?

Миссис Сигсби не ответила, она просто смотрела прямо перед собой на заколоченное здание с выцветшей вывеской «Хэйрпорт 2000». Был слышен стрекот сверчков, а со стороны Дюпре донёсся вой сирен. Уже ближе, но ещё не в городе, решил Тим. Скоро будут.

Он вздохнул.

— Не усложняйте, мэм. Люк говорит есть шанс заключить сделку, а он умный парень.

— Слишком умный на свою беду, — сказала она и сжала губы, всё ещё глядя через лобовое стекло и скрестив руки на своей маленькой груди.

— Учитывая ваше положение, я бы сказал, на вашу беду тоже. Говоря «не усложняйте», я имею в виду, что не заставляйте делать вам больно. Для того, кто причиняет боль детям...

— Причиняет боль и убивает их, — добавил Люк. — Как и других людей.

— Для того, кто делает всё это, вы сами на удивление нетерпеливы к боли. Так что перестаньте

играть в молчанку и говорите, как это работает.

— У него голосовая активация, — сказал Люк. — Не так ли?

Она удивлённо взглянула на него.

— Ты же ТК, а не ТП. И даже не такой уж сильный ТК.

— Всё меняется, — сказал Люк. — Спасибо огням штази. Активируйте телефон, миссис Сигсби.

— Заключить сделку? — сказала она и загоготала. — Какую пользу мне принесёт сделка? Мне конец, несмотря ни на что. Я облажалась.

Тим заглянул в фургон.

— Венди, дай мне пистолет.

Она дала без всяких возражений.

Тим приставил дуло служебного пистолета Тага Фарадея к обрезанной брючине, которая всё ещё болталась на ноге ниже колена.

— Это «Глок», мэм. Если нажму на курок, вы больше никогда не сможете ходить.

— Она умрёт от шока и потери крови! — выкрикнул доктор Эванс.

— Позади остались пять трупов, и она ответственна за это, — сказал Тим. — Думаете, мне не плевать? С меня хватит, миссис Сигсби. Это ваш последний шанс. Вы можете сразу же потерять сознание, но я уверен, что какое-то время ещё побудете с нами. И прежде чем у вас погаснет свет, боль, которую вы чувствуете в другой ноге, покажется поцелуем на ночь.

Она ничего не ответила.

Венди сказала:

— Не делай этого, Тим. Ты не можешь быть таким хладнокровным.

— Могу. — Тим не был в этом уверен. Но точно знал, что не хотел это выяснять. — Помогите мне, миссис Сигсби. Помогите себе.

Ничего. А времени было мало. Энни не скажет полиции штата, куда они поехали; как не скажет Барабанщик или Гулсби. Может, и док Ропер. Вероятным кандидатом был Норберт Холлистер, который благоразумно скрылся из вида во время перестрелки на Мэйн-Стрит.

— Ладно. Хоть вы и кровожадная сука, но мне всё равно не хочется этого делать. На счёт «один».

Люк закрыл руками уши, чтобы заглушить звук выстрела и это убедило её.

— Нет. — Она протянула руку. — Дайте мне телефон.

— Думаю, не стоит.

— Тогда поднесите его к моему рту.

Тим так и сделал. Миссис Сигсби что-то пробубнила и телефон заговорил: «В активации отклонено. У вас осталось две попытки».

— Давайте ещё раз.

Миссис Сигсби прокашлялась и в этот раз её голос звучал почти нормально.

— Сигсби-Один. Начальство Канзас-Сити.

Загорелся экран, который выглядел таким же, как на айфоне Тима. Он ткнул пальцем в иконку телефона, затем выбрал «ИСХОДЯЩИЕ ВЫЗОВЫ». В самом верху списка было написано: СТАКХАУС.

Он протянул телефон Люку.

— Звони. Хочу, чтобы он услышал твой голос. Потом дай телефон мне.

— Потому что вы взрослый и он выслушает вас.

— Надеюсь на это.

Почти через час после последнего контакта с Джулией — слишком долго — служебный телефон Стакхауса загорелся и начал звонить. Он схватил его.

— Вы разобрались с ним, Джулия?

Стакхаус был настолько поражён услышанным голосом, что чуть не выронил телефон.

— Нет, — сказал Люк Эллис, — всё наоборот. — Стакхаус слышал явное удовлетворение в голосе мелкого говнюка. — Мы разобрались с *ней*.

— Что... что... — Он не знал, что сказать дальше. Ему не понравилось это «*мы*». Его успокоила мысль о трёх паспортах, запертых в сейфе в его офисе, и о тщательно продуманной стратегии отхода, идущей с ними в комплекте.

— Не понимаете? — спросил Люк. — Может, вам стоит окунуться в иммерсионный бак. Он творит чудеса с умственными способностями. Я тому живое доказательство. Держу пари, что Эйвери тоже.

Стакхаус почувствовал сильное желание немедленно закончить разговор, просто взять паспорта и убраться отсюда, быстро и без шума. Его остановил тот факт, что мальчик звонил собственной персоной. Значит ему было, что сказать. Может, что-то предложить.

— Люк, где миссис Сигсби?

— Рядом, — сказал Люк. — Она разблокировала нам телефон. Разве это не здорово с её стороны?

«*Нам*». Опять это местоимение. *Опасное* местоимение.

— Произошло недоразумение, — сказал Стакхаус. — Если есть хоть один шанс всё уладить, очень важно именно так и поступить. Ставки гораздо выше, чем ты представляешь.

— Может быть, — сказал Люк. — Было бы неплохо.

— Отлично! Не мог бы ты дать мне миссис Сигсби на пару минут, чтобы я удостоверился, что с ней всё в

порядке...

— Может, лучше поговорите с моим другом? Его зовут Тим.

Стакхаус ждал, по его щекам струился пот. Он смотрел на экран своего компьютера. Дети в туннеле, которые подняли мятеж — Диксон и его дружки — выглядели так, будто уснули. Овощи — нет. Они бесцельно бродили, что-то бормотали и время от времени наталкивались друг на друга, как бамперные машинки в парке аттракционов. У одного был карандаш, и он что-то писал на стене. Стакхаус был удивлён. Он не думал, что кто-то из них ещё способен писать. Может, это были просто каракули. Чёртова камера была недостаточно хорошей, чтобы разглядеть. Блядское низкопробное барахло.

— Мистер Стакхаус?

— Да. С кем я говорю?

— С Тимом. Это всё, что вам нужно знать.

— Я хочу поговорить с миссис Сигсби.

— Но только быстро, — сказал мужчина по имени Тим.

— Я здесь, Тревор, — сказал Джулия. — И мне жаль. У нас не получилось.

— Как...

— Не важно, как, мистер Стакхаус, — ответил мужчина по имени Тим и не важно, что эта стерва здесь. Мы должны заключить сделку, и как можно быстрее. Можете заткнуться и выслушать?

— Да. — Стакхаус положил перед собой блокнот, на который упали капли пота. Он вытер пот рукавом, перевернул страницу и взял ручку. — Продолжайте.

— Люк принёс флэшку из Института, где вы его держали. Её передала женщина по имени Морин Алворсон. Она рассказывает невероятную историю, в которую трудно было бы поверить, если бы она не

приложила видео того, что вы называете Палатой А или Овощебазой. Вы слушаете?

— Да.

— Люк говорит, что вы держите в заложниках группу его друзей и детей из Палаты А.

До этого момента Стакхаус не рассматривал их в роли заложников, но полагал, что Эллису могло так показаться...

— Можно сказать и так, Тим.

— Да, можно сказать и так. А теперь переходим к важной части. Пока что только двое людей знают историю Люка и видели то, что на флэшке. Я один из них. Второй человек — моя подруга Венди, и сейчас она со мной и Люком. Были и другие, кто видел, всё полицейские, но благодаря стерве и боевикам, которых она привезла с собой, все они — мертвы. Большинство боевиков — тоже.

— Это невозможно! — выкрикнул Стакхаус. Мысль о том, что кучка копов из маленького городка могла расправиться с «Опал» и «Руби Ред», была смехотворной.

— Леди-босс слишком поторопилась, и они были застигнуты врасплох. Но вернёмся к делу, хорошо? У меня флэшка. А ещё у меня миссис Сигсби и доктор Эванс; оба ранены, но если они выберутся из всего этого, то оправятся. У вас — дети. Предлагаю обмен.

Стакхаус был ошарашен.

— Стакхаус? Мне нужен ответ.

— Он зависит от того, сможем ли мы сохранить учреждение в тайне, — сказал Стакхаус. — Без этой гарантии любая сделка бессмысленна.

Последовала пауза, затем Тим сказал:

— Люк говорит, мы сможем это устроить. А теперь, Стакхаус, куда мне направляться? Как ваши громилы добралась сюда из Мэна так быстро?

Стакхаусу не оставалось выбора, кроме как сказать, что за пределами Алколу их ждал «Челленджер».

— Миссис Сигсби укажет вам дорогу, как только вы доберётесь до города под названием Буфорт. А теперь мне нужно снова поговорить с Эллисом.

— Это действительно необходимо?

— Я бы сказал, жизненно важно.

Последовала короткая пауза, затем мальчик сказал по защищённой линии:

— Что вам нужно?

— Полагаю, ты связался со своими друзьями, — сказал Стакхаус. — В частности с мистером Диксоном. Не нужно соглашаться с этим или отрицать, я понимаю, что у нас мало времени. Если ты вдруг не знаешь, где они именно...

— Они в соединительном туннеле между Задней Половиной и Передней.

— Так точно. Если мы придём к соглашению, они смогут выйти и снова увидеть дневной свет. Если нет, я наполню этот туннель газообразным хлором, и они умрут медленно и мучительно. Я этого не увижу — через две минуты после отдачи приказа меня здесь уже не будет. Я говорю тебе это, потому что уверен, что твой новый друг Тим захочет обойти любую нашу сделку. Я не могу этого допустить. Ты понимаешь?

После паузы Люк ответил:

— Да. Я понимаю. Я прилечу с ним.

— Хорошо. Пока что. Мы закончили?

— Не совсем. Телефон миссис Сигсби будет работать в самолёте?

Стакхаус услышал, как миссис Сигсби сказала, что будет.

— Не уходите далеко от телефона, мистер Стакхаус, — сказал Люк. — Нам нужно будет снова пообщаться. И перестаньте думать о побеге. Если вы решитесь на это, я узнаю. С нами женщина-

полицейский, и если я попрошу её связаться со Службой национальной безопасности, она сделает это. Ваша фотография окажется в каждом аэропорту страны, и вам не помогут никакие поддельные документы. Вы будете, как кролик в открытом поле. Вы поняли меня?

Второй раз Стакхаус был слишком ошарашен, чтобы говорить.

— Поняли?

— Да, — ответил он.

— Хорошо. Мы свяжемся с вами, чтобы уточнить детали.

После этих слов мальчик прервал связь. Стакхаус осторожно положил телефон на стол. Он заметил, что его рука слегка дрожит. Отчасти из-за страха, но в основном от ярости. *«Мы свяжемся с вами»*, сказал мальчишка, будто был какой-то крутой шишкой из Кремниевой долины, а Стакхаус — мелкой сошкой, которая должна выполнять его приказы.

«Это мы ещё посмотрим, — подумал он. — Мы ещё посмотрим».

42

Люк протянул телефон Тиму, словно желая поскорее избавиться от него.

— Откуда ты знаешь, что у него есть поддельные документы? — спросила Венди. — Ты прочитал его мысли?

— Нет, — ответил Люк. — Но уверен, что у него их много: паспорта, водительские удостоверения, свидетельства о рождении. Уверен, есть у многих из них. Может, не у санитаров, техников или работников столовой, но у тех, кто стоит выше. Они, как Эйхман или Вальтер Рауфф^[116], который придумал передвижные

газовые камеры. — Люк посмотрел на миссис Сигсби. — Рауфф прекрасно вписался бы в ваш коллектив, не так ли?

— Может, у Тревора и есть поддельные документы, — сказала миссис Сигсби, — но у меня — нет.

И хотя Люк не мог проникнуть ей в голову — она закрылась от него, — он подумал, что она сказала правду. Для таких людей, как она, есть специальное слово: *фанатик*. Эйхман, Менгеле и Рауфф бежали, как оппортунистские трусы; их фанатик-фюрер остался и совершил самоубийство. Люк подозревал, если бы этой женщине представилась такая возможность, она бы сделала то же самое. Пока это было относительно безболезненно.

Он забрался обратно в фургон, стараясь не задеть раненую ногу Эванса.

— Мистер Стакхаус думает, я приду к нему, но это не совсем так.

— Нет? — спросил Тим.

— Нет. Я приду за ним.

В сгущающемся сумраке перед глазами Люка вспыхнули огни штази и дверь фургона захлопнулась сама собой.

Большой телефон

1

До Бофорта в фургоне царила тишина. Доктор Эванс попытался заговорить, снова давая им понять, что он был пострадавшей стороной во всём этом, но Тим предложил ему выбор: либо заткнуться и получить пару таблеток оксикодона, которые ему дал доктор Ропер, либо трепать языком и терпеть боль в раненой ноге. Эванс предпочёл молчание и таблетки. В маленькой коричневой баночке осталось ещё несколько штук. Тим предложил одну миссис Сигсби, которая проглотила её насухую, даже не поблагодарив.

Тим хотел тишины для Люка, который теперь был мозгом операции. Он знал, что большинство людей посчитали бы его психом за то, что он позволил двенадцатилетнему мальчику составлять стратегию спасения детей в туннеле, при этом не погубив их, но заметил, что Венди тоже молчала. Они с Тимом знали, что Люк сделал, чтобы попасть сюда, они видели его в действии, и они понимали.

Что именно они понимали? Ну, помимо того, что у него был целый вагон решимости, этот паренёк оказался ещё и настоящим гением. Эти институтские мрази взяли его, чтобы получить способность, которая (по крайней мере, до усиления) не многим больше отличалась от дешёвого фокуса. Они считали его гениальность простым дополнением к тому, что им было действительно нужно; они действовали, как браконьеры, готовые убить слона весом в двенадцать тысяч фунтов ради бивней весом в девяносто фунтов.

Тим сомневался, что Эванс способен был оценить иронию, но решил, что могла бы Сигсби... если она вообще допускала мысль, что секретная деятельность, которая велась десятилетиями, была прервана тем, что они посчитали ненужным — необъятным интеллектом этого ребёнка.

2

Около девяти часов, сразу после пересечения административной границы Бофорта, Люк попросил Тима найти мотель.

— Но не останавливайтесь перед ним. Подъезжайте сзади.

На Бондари-Стрит был «Эконо Лодж», его задняя парковка находилась в тени магнолий. Тим остановился возле забора и выключил двигатель.

— Здесь вы должны оставить нас, офицер Венди, — сказал Люк.

— Тим? — спросила Венди. — О чём он говорит?

— О том, чтобы ты сняла комнату, и он прав, — ответил Тим. — Ты должна остаться.

— Вернитесь, когда вам выдадут ключ, — сказал Люк. — И принесите лист бумаги. У вас есть ручка?

— Конечно, и у меня есть блокнот. — Она похлопала по переднему карману своих форменных брюк. — Но...

— Постараюсь объяснить, когда вы вернётесь, но если вкратце: вы наш страховой полис.

Миссис Сигсби обратилась к Тиму, впервые с тех пор, как они оставили салон красоты.

— То, что пережил этот ребёнок, свело его с ума, и вы, должно быть, тоже сумасшедший, если слушаете его. Лучшее, что вы трое можете сейчас сделать, это оставить меня и доктора Эванса здесь и бежать.

— А значит оставить моих друзей на верную смерть, — сказал Люк.

Миссис Сигсби улыбнулась.

— Ну правда, Люк, подумай. Что они такого для тебя сделали?

— Вы не поймёте, — ответил Люк. — И за миллион лет.

— Иди, Венди, — сказал Тим. Он взял её за руку и сжал. — Сними комнату и возвращайся назад.

Она с сомнением посмотрела на него, но отдала «Глок», вышла из фургона и направилась к мотелю.

Доктор Эванс сказал:

— Я хочу подчеркнуть, что я оказался здесь против...

— Своего желания, да, — сказал Тим. — Мы это поняли. Теперь заткнитесь.

— Мы можем выйти? — спросил Люк. — Хочу поговорить с вами без... — Он бросил взгляд в сторону миссис Сигсби.

— Конечно, без проблем. — Тим открыл обе двери, пассажирскую и боковую, затем встал у забора, отделяющего мотель от стоящего по соседству закрытого автосалона. Люк присоединился к нему. Со своего места Тим мог видеть обоих нежеланных пассажиров, и мог остановить их, если бы они попытались бежать. Хотя он сомневался в этом, учитывая, что они оба были ранены в ногу.

— В чём дело? — спросил Тим.

— Вы играете в шахматы?

— Я знаю правила, но никогда не был хорош в игре.

— Я был, — сказал Люк. Он понизил голос. — И сейчас я играю с ним. Со Стакхаусом. Вы понимаете?

— Думаю, да.

— Пытаюсь думать на три хода вперёд, плюс по три ответа сверху на каждый из его будущих ходов.

Тим кивнул.

— В шахматах время не является фактором, если это не быстрые шахматы, в которые мы сейчас играем. Отсюда нам нужно добраться до взлётной полосы, где стоит самолёт. Затем в какое-то место рядом с Прек-Айлом, где он базируется. Оттуда в Институт. По моим расчётам, мы будем там не раньше двух ночи. А вы как считаете?

Тим прокрутил это в голове и кивнул.

— Может, чуть позже, но пусть будет два ночи.

— У моих друзей есть пять часов на то, чтобы что-то предпринять со своей стороны, но эти же пять часов есть у Стакхауса, чтобы передумать. Пустить газ и сбежать. Я сказал, что его фотография будет во всех аэропортах, и он купился на это; думаю, потому что какие-то его снимки есть в интернете. Многие сотрудники Института бывшие военные. Вероятно, он тоже.

— Возможно, его фотография есть даже в телефоне этой стервы, — сказал Тим.

Люк кивнул, хотя сомневался, что миссис Сигсби была любителем снэпшотов.

— Но он может решиться пересечь границу Канады пешком. Я уверен, что у него есть, по крайней мере, один альтернативный путь к отступлению: заброшенная лесная дорога или ручей. Это один из тех самых будущих ходов, которые я должен держать в уме. Только...

— Только что?

Люк потёр ладонью щёку — нехарактерный для ребёнка взрослый жест усталости и неуверенности.

— Мне нужно ваше мнение. То, о чём я подумал, кажется мне дельным, но я всего лишь ребёнок. И не могу быть уверен. Вы взрослый и вы один из хороших людей.

Тим был тронут этим. Он глянул в сторону мотеля, но не увидел Венди.

— Расскажи мне, о чём ты думаешь.

— Я угробил его. Угробил весь его мир. Думаю, он может остаться только для того, чтобы убить меня. Используя моих друзей в качестве приманки, чтобы я точно пришёл. Что вы думаете об этом? Только говорите правду.

— В этом есть смысл, — ответил Тим. — Не скажу с уверенностью, но месть — эффективный мотиватор, и Стакхаус будет не первым, кто откажется от своих интересов в попытке отомстить. Хотя у меня есть ещё одна мысль, почему он может остаться.

— Какая? — Люк с тревогой глядел на него. Из-за угла мотеля вышла Венди Галликсон с картой-ключом в руке.

Тим кивнул головой в сторону открытой пассажирской двери фургона, затем приблизился к Люку.

— Главная — это миссис Сигсби, так? А Стакхаус просто её прислужник?

— Да.

— Ну, а кто её босс? — сказал Тим, слегка улыбаясь. — Ты думал об этом?

Глаза Люка расширились, а рот чуть приоткрылся. Он понял. И улыбнулся.

3

Девять-пятнадцать.

В Институте стояла тишина. Дети в Передней Половине — спали; в этом им помогло снотворное, которое раздали Джо и Хадад. В соединительном туннеле пятеро бунтовщиков тоже спали, но вряд ли крепко; Стакхаус надеялся, что их мучают самые страшные головные боли. Не спали только овощи,

которые продолжали бродить, будто им было, куда идти. Иногда они ходили кругами, как в хороводе.

Стакхаус вошёл в кабинет миссис Сигсби и открыл нижний ящик стола своим ключом, который она дала ему. Теперь он держал в своей руке особый телефон, который они называли Зелёным Телефоном или иногда Нулевым Телефоном. Он подумал о том, что Джулия однажды сказала об этом аппарате с тремя кнопками. Это было в прошло году в посёлке, когда большая часть мозговых клеток Хекла и Джекла ещё работала. Дети из Задней Половины только что устранили саудовского преступника, который переправлял деньги террористическим ячейкам в Европе, и это без сомнения выглядело, как несчастный случай. Всё было хорошо. Джулия пригласила его на ужин, чтобы отпраздновать. Перед этим они распили бутылку вина, и вторую прикончили во время ужина и после. У неё развязался язык.

— Я ненавижу делать доклады по Нулевому Телефону. И этого мужика с шепелявым голосом. Я всегда представляю его альбиносом. Не знаю, почему. Может быть, что-то такое видела в комиксах, когда была маленькой. Альбинос-злодей с рентгеновским зрением.

Стакхаус понимающе кивнул.

— Где он? Кто он?

— Не знаю и не хочу знать. Я звоню, отчитываюсь, а потом принимаю душ. Есть только одна вещь хуже, чем *звонить* по Нулевому Телефону. Это *получать* звонки.

Теперь Стакхаус смотрел на Нулевой Телефон с каким-то суеверным страхом, будто мысль об этом разговоре заставит его зазвонить прямо в...

— Нет, — сказал он пустой комнате. И беззвучному телефону. Пока что беззвучному. — Ничего суеверного. Ты *позвонишь*. Это простая логика.

Конечно. Потому что люди на другом конце Нулевого Телефона — шепелявый мужчина и могущественная организация, часть которой он являлся — узнают о фееричном провале в этом маленьком городке в Южной Каролине. Разумеется, узнают. Это будет главной новостью по всей стране, а, может, и по всему миру. Они уже могут знать. Если им было известно о Холлистере, резиденте, который жил в Дюпре, то они могли связаться с ним и узнать все кровавые подробности.

Но Нулевой Телефон не звонил. Означало ли это, что они не знали, или давали ему время всё исправить?

Стакхаус сказал человеку по имени Тим, что любая сделка зависит от того, удастся ли сохранить Институт в тайне. Но Стакхаус был не настолько глуп, чтобы думать, что учреждение продолжит свою работу — по крайней мере, не в лесах Мэна, — но если он сможет как-нибудь уладить ситуацию без появления в мировых СМИ заголовков о детях с экстрасенсорными способностями, которых подвергали насилию и убивали... или *почему* подобные вещи вообще имели место... это уже будет неплохо. Его могут даже наградить, если он сумеет замести слишком явные следы, хотя остаться в живых уже само по себе будет наградой.

По словам этого Тима, знали только трое человек. Остальные, кто смотрел флэшку, были мертвы. Мог выжить кто-то из злополучной «Золотой Команды», но они ничего не видели и будут молчать обо всём остальном.

«Заманить сюда Люка Эллиса и его сообщников, — подумал он. — Это первый шаг. Они могут прибыть уже в два ночи. Даже если на полчаса раньше, у меня всё равно достаточно времени, чтобы устроить засаду. В моём распоряжении только техники и санитары, но некоторые из них — например, Грек Зик — довольно

жёсткие парни. Достать флэшку и достать их. Потом, когда позвонит шепелявый мужчина — а он позвонит, — и спросит, улаживаю ли я ситуацию, я смогу ответить...»

— Смогу ответить, что всё уже улажено, — сказал Стакхаус.

Он положил Нулевой Телефон на стол миссис Сигсби и мысленно приказал ему: «Не звони. Не смей звонить до трёх часов ночи. А лучше до пяти или шести утра».

— Дай мне достаточно вре...

Телефон зазвонил и Стакхаус испуганно вскрикнул. Затем рассмеялся, хотя его сердце стучало как отбойный молоток. Это был не Нулевой Телефон, а служебный. А значит звонок поступил из Южной Каролины.

— Алло? Это Тим или Люк?

— Это Люк. Слушайте, я объясню, как всё должно пройти.

4

Калиша заблудилась в огромном доме и не знала, как выбраться, потому что не знала, как попала туда. Она была в коридоре, который выглядел, как коридор в Передней Половине, где она некоторое время жила, прежде чем её похитили, чтобы разграбить её мозг. Только этот коридор был уставлен комодами и зеркалами, стойками для одежды, и чем-то похожим на слоновью ногу с зонтиками внутри. Там был журнальный столик, на нём — телефон, очень похожий на тот, что был у неё дома, на кухне. Телефон звонил. Она взяла трубку и поскольку не смогла произнести то, чему её учили с четырёх лет («Резиденция Бенсонов»), то просто сказала «алло».

— *Hola? Me escuchas?* — спросил голос девочки, тихий и прерываемый статическими помехами; едва слышимый.

Калиша поняла «hola», потому что в средних классах целый год изучала испанский, но её скудный словарный запас не включал «escuchas». Тем не менее, она знала, что говорила девочка, и поняла, что это был сон.

— Да, ага, я слышу тебя. Где ты? *Кто* ты?

Но девочка пропала.

Калиша положила трубку и пошла дальше по коридору. Она заглянула в комнату, похожую на гостиную, как в старых фильмах, затем в бальный зал. Пол был выложен из чёрно-белых квадратов, что заставило её подумать о Люке и Нике, играющих в шахматы на игровой площадке.

Зазвонил ещё один телефон. Она поспешила и вошла в красивую современную кухню. Холодильник был украшен картинками и магнитами, и ещё на нём была бамперная наклейка «БЕРКОВИЦА В ПРЕЗИДЕНТЫ!» Она не знала, кто такой Берковиц, но знала, что это его кухня. Телефон висел на стене. Он был больше телефона на журнальном столике и уж точно больше того, что был у неё дома — почти гротескным. Но он звонил, поэтому она ответила.

— Алло? *Hola?* Меня зовут — *me llamo* — Калиша.

Но это была не испанская девочка. Это был мальчик.

— *Bonjour, vous m'entendez?* — Француз. «Bonjour» — это французское слово. Другой язык, но тот же вопрос, и в этот раз связь была лучше.

— Да, уи-уи, я слышу тебя! Где ты...

Но мальчик пропал, и зазвонил ещё один телефон. Она пробежала через кладовую и оказалась в комнате с соломенными стенами и утоптаным земляным полом, покрытым цветной плетёной циновкой. Это было последнее пристанище беглого африканского

военачальника по имени Бадуг Бокассы, которому одна из его любовниц вонзила нож в горло. На самом деле он был убит группой детей, находящихся в тысячах миль. Доктор Хендрикс помахал своей волшебной палочкой — которой был дешёвый бенгальский огонь, — и мистер Бокассы испустил дух. Телефон на циновке был ещё больше, почти размером с настольную лампу. И когда она ответила, то ощутила тяжесть трубки.

Ещё одна девочка, голос чистый, как звон колокольчика. Казалось, голоса становились яснее по мере увеличения размера телефонов.

— *Zdravo, cujes li me?*

— Да, я хорошо тебя слышу, что это за место?

Голос пропал и зазвонил другой телефон. Он находился в спальне с подвесной люстрой, и был размером с подставку для ног. Ей пришлось поднять трубку обеими руками.

— *Hallo, hoor je me?*

— Да! Конечно! Абсолютно! Говори же!

Ни ответа. Ни гудка. Ничего.

Следующий телефон был на террасе с большой стеклянной крышей, и был размером со стол, на котором стоял. Звонок резал ей уши. Будто телефон подключили к усилителю на рок-н-рольном концерте. Калиша побежала к нему, вытянув вперёд ладони, и сбила трубку с телефона, но не для того, чтобы проснуться, а чтобы заткнуть его, пока он не разорвал ей барабанные перепонки.

— *Ciao!* — прогремел голос мальчика. — *Mi senti? MI SENTI?*

И она проснулась.

Она была со своими друзьями — с Эйвери, Ники, Джорджем и Хелен. Все они спали, но беспокойно. Джордж и Хелен постанывали. Ники что-то бормотал и протягивал руки, от чего она вспомнила, как бежала к большому телефону, чтобы остановить звон. Эйвери ворочался и шептал знакомые ей слова: «*Hoor je me? Hoor je me?*»

Им снилось то же, что и ей, и учитывая, кем они теперь были — кем их сделал Институт — мысль эта казалась вполне здоровой. Они генерировали своего рода групповую энергию, телепатическую и телекинетическую, так почему бы им не видеть общий сон? Вопрос был только в том, кому он приснился раньше? Она решила, что Эйвери, потому что он был самым сильным.

«Пчелиный улей, — подумала она. — Вот, кто мы такие. Улей экстрасенсорных пчёл».

Калиша поднялась на ноги и огляделась. Всё ещё заперты в туннеле, ничего не изменилось, но ей показалось, что изменился уровень групповой энергии. Может быть, поэтому дети из Палаты А не ложились спать, хотя было уже довольно поздно; Калиша всегда хорошо чувствовала время, и думала, что сейчас, по крайней мере, половина десятого, может, чуть позднее.

Гудение было громче, чем когда-либо, и приняло некоторое подобие циклической формы: *mmm-МММ-mmm-МММ*. Она с интересом (но без особого удивления) заметила, что флуоресцентные лампы над головой зациклились в такт с гулом, становясь ярче, затем тускнея, а затем снова становясь ярче.

«ТК теперь видно, — подумала она. — Вот и вся польза от него».

Пит Литтлджон, который шлёпал себя по голове и повторял «йя-йя-йя-йя», подбежал к ней в припрыжку. В Передней Половине Пит был довольно милым и слегка надоедливым, как младший брат, который везде

следует за тобой по пятам, пытаюсь подслушать, о чём это ты секретничаешь с подружками. Теперь на него тяжело было смотреть, с его отвисшей челюстью и пустыми глазами.

— *Me escuchas?* — сказал он. — *Hirst du mich?*

— Тебе это тоже приснилось, — сказала Калиша.

Пит не отреагировал, просто повернулся к своим бродячим приятелям, сказав что-то вроде: *styzez minny*. Одному Богу известно, что это за язык, но Калиша не сомневалась в значении этих слов.

— Я слышу тебя, — сказала Калиша, ни к кому не обращаясь. — Но что тебе нужно?

Примерно в середине туннеля на стене была какая-то надпись, сделанная восковым мелком. Калиша пошла посмотреть, проскальзывая между слоняющимися детьми из Палаты А. Большими фиолетовыми буквами было написано: ЗВОНИТ БОЛЬШОЙ ТЕЛЕФОН. ОТВЕТЬ БОЛЬШОЙ ТЕЛЕФОН. Значит овощам это тоже снилось, только наяву; возможно, с их почти обнулёнными мозгами, они постоянно находились в сонном состоянии. Ужасная мысль: постоянно спать, спать, спать и никогда не видеть реальный мир.

— Ты тоже, а?

Это был Ник, его глаза опухли ото сна, а волосы стояли дыбом, как колья. В этом облике было что-то милое. Она вопросительно подняла брови.

— Сон. Большой дом, большие телефоны? Как в «500 шляпах Бартоломью Куббинса»?

— Какого Бартоломью?

— Это книга доктора Сьюза. Бартоломью всё пытался снять перед королём шляпу, но каждый раз под ней оказывалась шляпа побольше и покрасивей.

— Не читала, но да — сон. Думаю, это Эйвери. — Она указала на мальчика, которые всё ещё спал сном совершенно измотанного человека. — Или, по крайней мере, началось с него.

— Не знаю, он ли начал это, или просто принимает, усиливает и передаёт дальше. Не уверен, что это так уж важно. — Ник посмотрел на послание на стене, затем огляделся. — Овощи сегодня неутомимы.

Калиша хмуро посмотрела на него.

— Не называй их так. Это рабское слово. Всё равно, что называть меня нигрилой.

— Ладно, — сказал Ник. — Умственно отсталые сегодня неутомимы. Так лучше?

— Да. — Она улыбнулась ему.

— Как твоя голова, Ша?

— Лучше. Даже сказала бы — в порядке. А твоя?

— Также.

— И моя тоже, — сказал присоединившийся к ним Джордж. — Спасибо, что спросили. Вам, ребята, снился сон? Большие телефоны и *«Алло, ты меня слышишь?»*

— Ага, — сказал Ник.

— Последний телефон, перед тем как я проснулся, был больше меня. А гул стал сильнее. — И тем же обычным тоном продолжил: — Как думаете, сколько времени ещё пройдёт, прежде чем они пустят газ? Я удивлён, что они до сих пор не сделали этого.

6

Девять-сорок пять, парковка «Эконо Лодж» в Бофорте, Южная Каролина.

— Я слушаю, — сказал Стакхаус. — Если ты поможешь мне, может быть, мы сможем договориться. Давай всё обсудим.

— Давайте нет, — сказал Люк. — Всё, что от вас требуется, — только слушать. И записывать, потому что я не собираюсь повторять.

— Если твой друг Тим всё ещё с то...

— Вам нужна флэшка или нет? Если нет, продолжайте трепаться. Если нужна, тогда *заткнитесь на хер*.

Тим положил руку на плечо Люка. На переднем сиденье фургона миссис Сигсби укоризненно помотала головой. Люку не нужно было читать её мысли, чтобы узнать, о чём она думала: мальчишка пытается делать мужскую работу.

Стакхаус вздохнул.

— Говори. Ручка и бумага наготове.

— Первое. Флэшка будет у нас, но офицер Венди знает имена моих друзей — Калиши, Эйвери, Ники, Хелен и пары других, — и откуда они родом. Если их родители мертвы, как и мои, этого будет достаточно для начала расследования, даже без флэшки. Ей не придётся рассказывать о детях с экстрасенсорными способностями или об остальном вашем преступном дерьме. Они найдут Институт. Даже если вы сбежите Стакхаус, ваши боссы выследят вас. Мы — ваша лучшая возможность пережить всё это. Уяснили?

— Избавь меня от этой торгашеской болтовни. Как фамилия у этого офицера Венди?

Тим, который стоял достаточно близко, чтобы слышать обе стороны разговора, помотал головой. Это был совет, в котором Люк не нуждался.

— Не важно. Второе. Свяжитесь с самолётом, на котором прилетел ваш отряд. Скажите пилотам, чтобы заперлись в кабине, как только увидят нас.

Тим прошептал два слова. Люк кивнул.

— Но перед этим пусть опустят лестницу.

— Как они узнают, что это вы?

— Мы будем в одном из фургонов, на котором приехали ваши наёмные убийцы. — Люк рад был сказать об этом Стакхаусу, надеясь, что он уловит скрытый смысл: миссис Сигсби замахнулась, но промазала.

— Мы не должны видеть пилотов, а они — нас. Мы приземляемся, сходим с самолёта, а они остаются в кабине. Поняли?

— Да.

— Третье. Нас должен ждать фургон, такой же, на котором мы выехали из Дюпре.

— У нас нет...

— Чушь собачья, у вас там, в этом барачном посёлке, есть автобаза. Я видел её. В общем, вы согласны, или мне просто махнуть на вас рукой?

Люк сильно вспотел, и не только потому, что вечер был знойный. Он был очень рад руке Тима на своём плече и заботе в глазах Венди. Было приятно знать, что ты больше не один во всём этом. До сих пор он не понимал, насколько тяжела была эта ноша.

Стакхаус вздохнул, как человек, которого незаслуженно обременяют.

— Продолжай.

— Четвёртое. Вы должны предоставить нам автобус.

— Автобус? Ты *серьёзно*?

Люк решил не отвечать на это прерывание, чувствуя, что оно вполне оправданно. Тим и Венди, конечно же, выглядели изумлёнными.

— Я уверен, у вас везде есть друзья, включая пару человек из полиции Деннисон-Ривер-Бенда. А, может, и все они. Сейчас лето и дети на каникулах; автобусы должны находиться на муниципальных стоянках вместе со снегоуборочными машинами, самосвалами и прочей техникой. Пусть один из ваших друзей-полицейских достанет ключи и вставит их в замок зажигания автобуса, но с количеством мест не менее сорока. Один из ваших техников или санитаров может пригнать автобус в Институт. Оставьте его у флагштока перед административным зданием, с ключами внутри. Вы всё поняли?

— Да, — деловито ответил Стакхаус. Теперь никаких возражений и прерываний, и Люку не нужны были взрослые познания Тима в психологии и мотивации, чтобы понять почему. Стакхаус, должно быть, думал, что это инфантильный и бездумный план, который не далеко ушёл от фантазий. Люк почти видел то же самое в лицах Тима и Венди. Миссис Сигсби находилась в пределах слышимости и выглядела так, будто ей трудно было сохранять серьёзное выражение лица.

— Это простой обмен. Вы получите флэшку, я — детей. Из Передней Половины, и из Задней Половины тоже. Они должны быть готовы к отъезду к двум часам ночи. Офицер Венди будет молчать. Таковы условия. Ах да, вы также получите своего дерьмового босса и своего дерьмового доктора.

— Могу я задать вопрос, Люк? Ты разрешаешь?

— Валяйте.

— Когда у тебя будет тридцать пять-сорок детей, набитых в большой жёлтый автобус с надписью ДЕННИСОН-РИВЕР-БЕНД по бокам, куда ты собираешься везти их? Понимая, что большинство из них лишилось рассудка?

— В Диснейленд, — сказал Люк.

Тим приложил руку ко лбу, будто у него внезапно разболелась голова.

— Мы будем поддерживать связь с офицером Венди. До взлёта. И после приземления. Когда будем в Институте. И когда будем уезжать. Если она не получит звонка, то будет звонить *сама*, начиная с Полиции штата Мэн, затем в ФБР и в Службу национальной безопасности. Ясно?

— Да.

— Хорошо. И последнее. Когда мы приедем, я хочу, чтобы *вы* были там. Руки вытянуты, одна на капоте автобуса, другая на флагштоке. Как только мои друзья

окажутся в автобусе, а мой друг Тим за рулём, я отдам вам флэшку Морин. Это понятно?

— Да.

Кратко и лаконично. Стараясь не звучать, как человек, который выиграл большой куш.

«Он понимает, что Венди может быть проблемой, — подумал Люк, — потому что она знает имена нескольких пропавших детей, но эта проблема, вероятно, разрешима. Чего не скажешь о флэшке, которую тяжело будет списать на фэйк. И я предлагаю её ему на золотом блюде. Разве он может отказаться? Ответ: не может».

— Люк... — начал Тим.

Люк помотал головой: не сейчас, я думаю.

«Он знает, что его положение всё ещё плохо, но теперь видит впереди луч света. Слава Богу, Тим напомнил мне о том, о чём я должен был подумать сам: Институт не заканчивается на Сигсби и Стакхаусе. У них должны быть свои боссы, люди, перед которыми они отчитываются. Когда они узнают, Стакхаус может сказать им, что могло быть хуже; фактически им стоит поблагодарить его за то, что он предотвратил катастрофу».

— Ты позвонишь перед вылетом? — спросил Стакхаус.

— Нет. Я верю, что вы подготовите всё необходимое. — Хотя, применительно к Стакхаусу, доверие не было первым, что приходило Люку на ум. — В следующий раз мы будем говорить лицом к лицу, в Институте. Фургон в аэропорту. Автобус у флагштока. Хоть в чём-то облажаетесь, и офицер Венди начнёт звонить и рассказывать. До свидания.

Он закончил разговор и ослабел.

Тим передал «Глок» Венди и жестом указал на двух пленников. Она кивнула. Как только она встала на страже, Тим отвёл мальчика в сторону. Они стояли у забора в тени магнолии.

— Люк, это ни за что не сработает. Если мы отправимся туда, на взлётке нас может ждать фургон, но если Институт такой, каким ты его описал, мы оба попадём в засаду и будем убиты. Твои друзья и другие дети — тоже. Останется Венди, и она сделает всё, что в её силах, но пройдут дни, прежде чем там кто-нибудь появится — я знаю, как работают правоохранительные органы, когда что-то выходит за рамки установленного протокола. Если они найдут это место, там будет пусто, за исключением тел. Но их тоже может не быть. Ты говорил, у них есть система утилизации для... — Тим не знал, как выразиться. — Для использованных детей.

— Я всё это понимаю, — сказал Люк. — Дело не в нас, дело в *них*. В детях. Я всего лишь тяну время. Там что-то происходит. И не только там.

— Я не понимаю.

— Я теперь сильнее, — сказал Люк, — а мы более чем в тысяче миль от Института. Я часть институтских детей, но это не только из-за них. Если бы это было так, я никогда бы не смог подкинуть пистолет этого мужика силой мысли. Пустые подносы из-под пиццы — это всё, на что я был способен, помните?

— Люк, я просто не...

Люк сконцентрировался. На мгновение он увидел образ телефона, звонившего в прихожей, и знал, если ответит, то кто-то спросит: «Ты меня слышишь?» На смену образу пришли цветные точки и слабый гудящий звук. Точки скорее были тусклыми, чем яркими, что

было хорошо. Он хотел продемонстрировать Тиму, а не навредить... что было очень легко.

Тима кинуло вперёд на сетчатый забор, словно его толкнули невидимые руки, и он выставил ладони как раз вовремя, чтобы не разбить себе лицо.

— Тим? — позвала Венди.

— Я в порядке, — ответил Тим. — Не спускай с них глаз, Венди. — Он посмотрел на Люка. — Это ты сделал?

— Это исходило не от меня, а прошло через меня, — сказал Люк. Потому что теперь у них есть время (немного). И поскольку ему было любопытно, он спросил: — Каково это?

— Как сильный порыв ветра.

— Конечно, сильный, — сказал Люк. — Теперь мы сильнее вместе. Так говорит Эйвери.

— Маленький мальчик.

— Да. Такого сильного, как он, у них не было долгое время. Может, годы. Не знаю точно, что случилось, но думаю, они засунули его в иммерсионный бак — учитывая, что этот околосмертный опыт усиливает огни штази, только без всяких ограничивающих инъекций.

— Я не совсем понимаю.

Люк, казалось, не услышал его.

— Уверен, это было наказание за то, что он помог мне сбежать. — Он кивнул в сторону фургона. — Миссис Сигсби должна знать. Это даже может быть её идея. Как бы то ни было, но это аукнулось. Вероятно, потому что они и взбунтовались. Дети из Палаты А получили реальную силу. Её разблокировал Эйвери.

— Но силы не достаточно, чтобы выбраться из ловушки.

— Пока что, — сказал Люк. — Но, думаю, у них получится.

— Почему? Как?

— Вы навели меня на мысль, когда сказали, что у миссис Сигсби и Стакхауса должны быть свои боссы. Я

должен был сам догадаться, но я не заглядывал так далеко. Возможно, потому что родители и учителя — это единственные «боссы», которые есть у детей. Если есть другие боссы, то почему не может быть других Институтов?

На парковку въехала машина, проехала мимо них и исчезла, моргнув красными огнями. Затем Люк продолжил.

— Может быть, тот, что в Мэне, — единственный в Америке, а может быть, есть ещё один на Западном Побережье. Как пара книгодержателей. Но, может быть, есть один в Великобритании... в России... Индии... Китае... Германии... Корее. Если задуматься, то эта мысль кажется вполне здоровой.

— Гонка умов вместо гонки вооружений, — сказал Тим. — Ты это хочешь сказать?

— Не думаю, что это гонка. Мне кажется, все Институты работают вместе. Не могу знать наверняка, но чувствую, что это так. У них общая цель. В некотором роде, благая: убить нескольких детей, чтобы спасти весь человеческий род от самоуничтожения. Это компромисс. Бог знает, как долго это продолжается, но до сих пор ни разу не было мятежа. Эйвери и остальные мои друзья начали его, но он может распространиться. Может быть, это уже случилось.

Тим Джеймисон не был историком или социологом, но он следил за текущими событиями, и считал, что Люк, возможно, прав. Мятеж — или революция, если воспользоваться менее уничижительным понятием — он, как вирус, особенно в информационный век. Он способен распространяться.

— Сила, которой обладает каждый из нас — причина, по которой они похитили нас и привезли в Институт, — не велика. Когда мы вместе, сила увеличивается. Особенно у детей из Палаты А. С потерей рассудка, сила — это всё, что у них осталось.

Но если есть ещё Институты, если они знают, что происходит в нашем, и если они все объединятся...

Люк помотал головой. Он снова подумал о телефоне в прихожей, только теперь этот телефон был громадного размера.

— Если это случится, то сила возрастет, я имею в виду станет по-настоящему большой. Вот, для чего нам нужно время. Если Стакхаус думает, что я идиот, настолько желающий спасти друзей, что готов пойти на идиотскую сделку, это только на пользу.

Тим всё ещё чувствовал фантомный порыв ветра, который толкнул его на забор.

— Значит мы едем туда не совсем для того, чтобы спасти их, верно?

Люк серьёзно посмотрел на него. С испачканным разбитым лицом и повязкой на ухе он выглядел, как самый безобидный ребёнок. Затем он улыбнулся и на мгновение перестал выглядеть безобидным.

— Да. Мы едем соединять детали.

8

Калиша Бенсон, Эйвери Диксон, Джордж Айлс, Николас Уилхолм, Хелен Симмс.

Пятеро детей сидели в конце соединительного туннеля рядом с запертой дверью, ведущей на уровень «Е» в Передней Половине. Кэти Гивенс и Хэл Леонард какое-то время были рядом, а потом присоединились к детям из Палаты А, вышагивая вместе с ними и держась за руки. Как и Лен. И надежды Калиши неумолимо таяли в отношении Айрис, хотя до сих пор Айрис только смотрела, как дети из Палаты А собираются в круги, расходятся и снова собираются. Хелен полностью вернулась в прежнее состояние. Но Айрис могла зайти

слишком далеко. Как Джимми Каллум и Донна Гибсон, которую Калиша знала в Передней Половине — благодаря её ветрянке, Калиша оставалась там гораздо дольше обычных постояльцев. Ей тяжело было смотреть на детей из Палаты А, но ещё тяжелее было смотреть на Айрис. Вероятность того, что её рассудок мог быть утрачен безвозвратно... эта мысль была...

— Ужасна, — сказал Ники.

Она посмотрела на него с некоторым упрёком.

— Ты у меня в голове?

— Ага, но я не копаюсь в твоём ментальном ящике с нижним бельём, — сказал Ники, на что Калиша фыркнула.

— Теперь мы все друг у друга в головах, — сказал Джордж. Он ткнул большим пальцем в сторону Хелен. — Думаешь, мне и правда хочется знать, что как-то раз она так сильно смеялась на пижамной вечеринке своей подруги, что описалась? Классический случай лишней информации.

— Это лучше, чем знать, что ты беспокоишься о псориазе на своём... — начала Хелен, но Калиша сказала ей помолчать.

— Сколько сейчас время, как вы думаете? — спросил Джордж.

Калиша взглянула на своё голое запястье.

— Два часа как часы спёрли.

— Мне кажется сейчас около одиннадцати, — сказал Ники.

— Знаете, что самое забавное? — сказала Хелен. — Я всегда ненавидела этот гул. Я знала, что он лишает меня разума.

— Мы все знали, — сказал Джордж.

— А теперь он вроде как мне нравится.

— Потому что в нём энергия, — сказал Ники. — *Их энергия, пока мы не вернём её назад.*

— Несущая волна, — сказал Джордж. — И теперь она устойчива. Просто дожидается передачи.

«Алло, вы слышите меня?» — прозвучало в голове Калиши, и дрожь, пробравшая её, была не совсем неприятной.

Несколько детей из Палаты А взялись за руки. К ним присоединились Айрис и Лен. Гул зациклился. Как и пульсация флуоресцентных ламп над головой. Затем они утихли и гул вернулся на прежний уровень.

— Он на связи, — сказала Калиша. Никто из них не нуждался в объяснении, кого она имела в виду.

— Я бы с радостью снова воспарила, — мечтательно сказала Хелен. — *С радостью.*

— Они будут ждать его, Ша? — спросил Ники. — Или просто пустят газ? Как думаешь?

— Я похожа на Профессора Ксавье? — она пихнула Эйвери локтем в бок... но мягко. — Проснись и пой, Эйвестер.

— Я не сплю, — сказал Эйвери, что было не совсем правдой — он дремал, наслаждаясь гулом. Думая о телефонах, которые увеличивались, о шляпах Бартоломью Куббинса, которые становились всё больше и красивее. — Они подождут. Им придётся, потому что если с нами что-то случится, Люк узнает об этом. И *мы* подождём, пока он не приедет.

— И что потом будет? — спросила Калиша.

— Воспользуемся телефоном, — сказал Эйвери. — Большим телефоном. Все вместе.

— Насколько большим? — в голосе Джорджа слышалось беспокойство. — Потому что последний, который я видел, был охренеть какой здоровый. Почти с меня размером.

Эйвери только помотал головой. Его веки опустились. В глубине души он всё ещё оставался маленьким мальчиком, и ему давно пора было спать.

Дети из Палаты А — даже Калише было трудно не называть их овощами — продолжали держаться за руки. Лампы загорелись ярче; одну из них закоротило. Гул возрос и усилился. Калиша была уверена, что его слышали те, кто был в Передней Половине: Джо и Хадад, Чед и Дэйв, Присцилла и этот злобный Зик. И остальные тоже. Испытывали ли они страх? Может, чуть-чуть, но...

«Но они считают, что мы в ловушке, — подумала она. — Считают, что они по-прежнему в безопасности. Верят, что мятеж был подавлен. Ну и пусть продолжают верить в это».

Где-то там был большой телефон — *здоровенный* телефон, с добавочными телефонами во многих комнатах. Если они позвонят на этот телефон (*когда* они позвонят, потому что другого не оставалось), энергия в этом туннеле, где они были заперты, выйдет за пределы любой бомбы, когда-либо взорванной на земле или под ней. Этот гул — несущая волна — мог перерасти в вибрацию, способную разрушить здания, а, может, и целые города. Конечно, она не знала этого наверняка, но ей казалось, что это похоже на правду. Сколько детей, в головах которых не осталось ничего, кроме той энергии, ради которой их похитили, дожидались звонка по большому телефону? Сотня? Пять сотен? Может, даже больше, если Институты были по всему миру.

— Ники?

— Что? — Он тоже дремал и голос его звучал раздражённо.

— Возможно, мы сможем зажечь его, — сказал она, и ей не было нужды пояснять, что «это». — Но если нам удастся... сможем ли мы потом потушить его?

Он задумался над этим, затем улыбнулся.

— Я не знаю. Но после того, что они сделали с нами... честно говоря, моя дорогая, мне по барабану.

Четверть двенадцатого.

Стакхаус был в офисе миссис Сигсби с Нулевым Телефоном — всё ещё беззвучным, — который лежал на столе. Через сорок пять минут закончится последний день привычной работы Института. Как бы не обернулось дело с Люком Эллисом, завтра это место будет заброшено. Сама программа в целом была защищена, несмотря на Венди, которую Люк и Тим оставили на юге, но этому учреждению — конец. Сегодня важнее всего было заполучить флэшку и разделаться с Люком Эллисом. Было бы неплохо освободить миссис Сигсби, но это совершенно не обязательно.

На самом деле, Институт уже был заброшен. С того места, где он сидел, был виден край дороги, ведущей от Института сначала в Деннисон-Ривер-Бенд, а затем во все остальные смежные штаты... не говоря уже о Канаде и Мексике, если у вас есть паспорта. Стакхаус вызвал к себе Зика, Чеда, шефа Дуга (который двадцать лет проработал в «Халлибёртон») и доктора Фелицию Ричардсон, которая пришла к ним из «Хок Секьюрити Групп». Этим людям он доверял.

Что касается остальных... он видел, как среди деревьев мелькают удаляющиеся фары машин. Ему казалось, что пока не более десятка, но скоро будет больше. Скоро Передняя Половина опустеет, за исключением детей. Может, уже опустела. Но Зик, Чед, Дуг и доктор Ричардсон останутся, они были его сторонниками. И Глэдис Хиксон. Она тоже останется, может, даже после того, как не станет всех остальных. Глэдис была не просто бойцом; Стакхаус всё больше и

больше убеждался в том, что она была законченным психом.

«Я тоже псих, потому что остался, — подумал Стакхаус. — Но засранец прав: они выследят меня. И он направляется прямо сюда. Если...»

— Если только он не играет со мной, — прошептал Стакхаус.

В дверь заглянула Розалинда, помощница миссис Сигсби. Её обычно безупречный макияж местами поистерся за последние нелёгкие двенадцать часов, а её безупречно уложенные седеющие волосы растрепались по бокам.

— Мистер Стакхаус?

— Да, Розалинда.

Она выглядела встревоженной.

— Кажется, доктор Хендрикс уехал. Кажется, я видела его машину около десяти минут назад.

— Не удивительно. Вам и самой стоит, Розалинда. Отправляйтесь домой. — Он улыбнулся. Казалось странным улыбаться в такой вечер, но по-хорошему странным. — Я только сейчас понял, что знаю вас с тех пор, как пришёл сюда — давным-давно, — но не знаю, где вы живёте.

— В Миссуле, — сказала Розалинда. Она и сама выглядела удивлённой. — Это в Монтане. По крайней мере, я всё ещё считаю это место домом. В Миссуле у меня есть своё жильё, но, кажется, я не была там лет пять. Просто плачу налоги, когда подходит срок. В свободное время я остаюсь в посёлке. Отпуск провожу в Бостоне. Мне нравятся «Ред Сокс» и «Бруинс», и я люблю смотреть артхаусные фильмы в Кембридже^[117]. Но я всегда готова вернуться.

Стакхаус понял, что Розалинда рассказала ему больше, чем за всё время их совместной работы, растянувшееся на пятнадцать лет. Она была здесь,

верная девочка на побегушках миссис Сигсби, когда Стакхаус уволился со службы в качестве следователя ВВС США (Корпус военных адвокатов), и она всё ещё здесь, и выглядит примерно так же. Ей могло быть шестьдесят пять или даже семьдесят, если она хорошо сохранилась.

— Сэр, вы слышите этот гудящий звук?

— Да.

— Это трансформатор или что-то в этом роде? Никогда не слышала его раньше.

— Трансформатор. Да, полагаю, можно назвать и так.

— Он очень раздражает. — Она потёрла уши, ещё больше растрепав волосы. — Мне кажется, это делают дети. Джулия — миссис Сигсби — возвращается? Не так ли?

Стакхаус понял (скорее с изумлением, чем с досадой), что Розалинда, всегда такая правильная и ненавязчивая, гул или не гул, но держала ухо востро.

— Я ожидаю её, да.

— Тогда я хотела бы остаться. Знаете, я умею стрелять. Раз в месяц хожу на стрельбище в Бенде, иногда два раза. У меня есть эквивалент ВС-значка от стрелкового клуба, и в прошлом году я выиграла соревнование по стрельбе из пистолетов.

Тихая помощница Джулии не только превосходно стенографировала, но оказывается у неё был значок Выдающегося Стрелка... или, как она сказала, его эквивалент. Чудеса, да и только.

— Из чего вы стреляете, Розалинда?

— «Смит-Вессон МР.45».

— Отдача вам не мешает?

— С помощью поддержки кистью я очень хорошо справляюсь с отдачей. Сэр, если вы намерены освободить миссис Сигсби от захватчиков, я бы очень хотела принять в этом участие.

— Хорошо, — сказал Стакхаус, — вы в деле. Мне пригодится любая доступная помощь. — Но он должен быть осторожен с ней, потому что спасение Джулии может оказаться невозможным. Теперь она стала расходным материалом. Самое главное — это флэшка. И этот блядский умник.

— Спасибо, сэр. Я вас не подведу.

— Не сомневаюсь, Розалинда. Я расскажу, как в моём понимании всё должно пройти, но сперва у меня есть вопрос.

— Да?

— Я знаю, что джентльмен не должен спрашивать, а леди не должна отвечать, но сколько вам лет?

— Семьдесят восемь, сэр. — Она ответила достаточно быстро, не отведя при этом взгляд, но это была ложь. На самом деле Розалинде Доусон было восемьдесят один.

10

Без четверти двенадцать.

Самолёт «Челленджер» с номером 940NF на хвосте и надписью «МЭН ПЭЙПЕР ИНДАСТРИЗ» на боку направлялся в сторону Мэна на высоте 39,000 футов. Благодаря реактивной струе его скорость варьировалась от 520-ти и 550-ти миль в час.

Их прибытие в Алколу и последующий взлёт прошли без происшествий, главным образом потому, что у миссис Сигсби был VIP-пропуск от «Регал Эйр», и она охотно воспользовалась им, чтобы открыть ворота. Она всё ещё видела шанс — слабый, но всё же шанс — выбраться из всего этого живой. «Челленджер» стоял в гордом одиночестве с опущенной лестницей. Тим сам

поднял её, заблокировал дверь, а потом постучал по закрытой двери кабины рукоятью «Глока».

— Кажется, у нас тут всё в порядке. Если вы готовы, то взлетаем.

Ответа с другой стороны двери не последовало, но двигатели заработали. Две минуты спустя они поднялись в воздух. Сейчас, судя по данным монитора в переборке, они находились где-то над Западной Вирджинией, а Дюпре остался далеко позади. Тим не ожидал, что покинет город так внезапно и при таких катастрофических обстоятельствах.

Эванс дремал, а Люк спал мёртвым сном. Бодрствовала только миссис Сигсби, которая сидела прямо, не сводя глаз с лица Тима. В этих широких невыразительных глазах было что-то от рептилии. Последняя таблетка обезболивающего от дока Ропера, возможно и сморила бы её, но она отказалась, несмотря на довольно сильную боль. Она избежала серьёзного огнестрельного ранения, но даже рваная царапина причиняла много боли.

— Полагаю, у вас есть опыт работы в правоохранительных органах, — сказала она. — Всё дело в том, как вы ведёте себя и как реагируете: быстро и правильно.

Тим не ответил, только посмотрел на неё. Он положил «Глок» на сиденье рядом с собой. Устраивать пальбу на высоте 39,000 футов — очень плохая идея, и даже на меньшей высоте — какой смысл? Он доставлял эту сучку именно туда, куда она хотела попасть.

— Я не понимаю, почему вы соглашаетесь с этим планом. — Она кивнула в сторону Люка, который — с его испачканным лицом и забинтованным ухом — выглядел гораздо младше двенадцати. — Мы оба знаем, что он хочет спасти своих друзей, и, кажется, мы оба знаем, что это дурацкий план. Идиотизм. И всё же вы согласились. Почему, Тим?

Тим не ответил.

— Почему вы вообще ввязались в это, для меня загадка. Помогите мне понять.

Он не собирался этого делать. Одним из первых правил, которому Тима научил его наставник-офицер во время четырёхмесячного испытательного срока, было таким: *ты* допрашиваешь преступника. И никогда не позволяешь преступнику допрашивать тебя.

Даже если бы он был настроен на разговор, он не знал, чего такого сказать, что прозвучало бы хоть немного здраво. Мог ли он сказать, что его присутствие на этом ультрасовременном самолёте, который изнутри обычно видят только богатые мужчины и женщины, было случайностью? Что когда-то человек, собиравшийся лететь в Нью-Йорк на совершенно обычном самолёте, неожиданно поднялся со своего места, согласившись уступить его за наличку и талон в отель? Что всё — автостоп на север, пробка на I-95, прогулка до Дюпре, работа ночным стучащим — это следствие одного спонтанного поступка? Мог ли он сказать, что это судьба? Что он был направлен в Дюпре рукой какого-то вселенского шахматиста, чтобы спасти травмированного мальчика от людей, которые похитили его и собирались использовать его экстраординарный ум до полного уничтожения? И если так, то кем были шериф Джон, Таг Фарадей, Джордж Баркетт, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу? Просто пешками, принесёнными в жертву ради великой игры? А какой фигурой был он? Было бы неплохо оказаться конём, но, скорее всего, он был очередной пешкой.

— Уверены, что не хотите таблетку?

— Вы не собираетесь отвечать мне, не так ли?

— Нет, мэм, не собираюсь. — Тим повернул голову и выглянул наружу, где царил мрак и было несколько маленьких огоньков внизу, похожих на светлячков на дне колодца.

Полночь.

Служебный телефон издал хриплый звон. Стакхаус ответил. Голос на другом конце принадлежал одному из санитаров вне дежурства, Рону Чёрчу. Запрошенный фургон был доставлен в аэропорт, сказал Чёрч. Денимс Оллгуд, техник вне дежурства (хотя теперь они все были на дежурстве), ехала позади Чёрча в институтском седане. Она должна была забрать Рона и вернуться с ним назад. Но между ними двумя что-то было, и Стакхаус знал об этом. В конце концов, это его работа — всё знать. Он знал, что с прилётом ребёнка эти двое отправятся куда угодно, только не *обратно*. Ну и ладно. Хотя многочисленные дезертирства огорчали, может, это было к лучшему. Пришло время подвести черту в этой операции. У него останется достаточно людей для заключительного акта, и это самое главное.

Люк и его друг Тим шли ко дну, в этом у него не было никаких сомнений. Либо этого будет достаточно для шепелявого человека на другом конце Нулевого Телефона, либо — нет. От Стакхауса это уже не зависело, что было облегчением. Он считал, что эта жилка фатализма, как дремлющий вирус, существовала в нём со времён Ирака и Афганистана, и до этого момента он просто не замечал её. Он сделает всё, что в его силах, как сделали бы любой мужчина или женщина. Собаки лают, но караван продолжает идти.

В дверь постучали и внутрь заглянула Розалинда. Её волосы уже выглядели лучше. Но он не был уверен насчёт наплечной кобуры, которая была надета на ней. Это казалось немного сюрреалистично, как собака в праздничном колпаке.

— Глэдис здесь, мистер Стакхаус.

— Позовите её.

Глэдис вошла. Под подбородком у неё болталась дыхательная маска. Её глаза были красными. Стакхаус сомневался, что она плакала; видимо, раздражение было вызвано смешиванием химических компонентов.

— Всё готово. Осталось только добавить очиститель для унитазов. Одно ваше слово, мистер Стакхаус, и мы пустим газ. — Она резко и сильно тряхнула головой. — Этот гул сводит меня с ума.

«Судя по твоему виду, ты уже близка к этому, — подумал Стакхаус. — Но ты права насчёт гула. К нему невозможно привыкнуть. Как только тебе начинает так казаться, он тут же становится громче — не в ушах, а прямо внутри головы. Затем он разом спадает до прежнего, более терпимого, уровня».

— Я разговаривала с Фелицией, — сказал Глэдис. — В смысле, с доктором Ричардсон. Она наблюдала за ними по своему монитору. Она говорит, что гул усиливается, когда они берутся за руки, и спадает, когда они отпускают друг друга.

Стакхаус уже сам догадался до этого. Как говорится, для этого не обязательно быть профессором.

— Это будет скоро, сэр?

Он посмотрел на часы.

— Думаю, часа через три. Узлы ОВиК находятся на крыше, я прав?

— Да.

— Возможно, я позвоню вам Глэдис, когда придёт время, но могу и не позвонить. Вероятно, всё случится очень быстро. Если вы услышите стрельбу перед фасадом административного здания, начинайте пускать газообразный хлор не дожидаясь команды. Затем приходите на помощь. Не возвращайтесь внутрь, а просто бегите по крыше до западного крыла Передней Половины. Это понятно?

— Да, сэр! — Она одарила его ослепительной улыбкой. Которую ненавидели все дети.

12

Половина первого.

Калиша смотрела на детей из Палаты А и думала о марширующем ансамбле штата Огайо. Её отец обожал команду «Бакайз» и она всегда смотрела футбол вместе с ним — чтобы быть ближе, — но по-настоящему её интересовало только шоу во время перерыва, когда ансамбль («Гооордость „Бакайз“!», — всегда объявлял диктор) выходил на поле, играя на инструментах и одновременно создавая фигуры, которые были различимы только сверху, — начиная от буквы «S» на груди Супермена до удивительного динозавра из «Парка юрского периода», который ходил и кивал своей ископаемой головой.

У детей из Палаты А не было музыкальных инструментов, и единственной фигурой, которую они образовывали взявшись за руки, был круг — неровный, потому что соединительный туннель был узким — но обладали той же... как же это слово...

— Синхронностью, — сказал Ники.

Она испуганно огляделась. Он улыбнулся ей, зачесав волосы назад, чтобы она лучше видела его глаза, которые, скажем прямо, были завораживающими.

— Это умное слово даже для такого белого мальчика.

— Я взял его у Люка.

— Ты слышишь его? Ты с ним на связи?

— Вроде того. Время от времени. Трудно сказать, какие мысли мои, а какие его. Когда спал, было лучше. А сейчас влезают мои мысли.

— Как помехи?

Он пожал плечами.

— Наверное. Но если ты настроишься, уверен ты тоже услышишь его. Его слышно лучше, когда они становятся в круг. — Он кивнул в сторону детей из Палаты А, которые возобновили своё бесцельное блуждание. Джимми и Донна ходили вместе, размахивая сцепленными руками. — Попробуешь?

Калиша попыталась перестать думать. Сначала это было на удивление трудно, но когда она прислушалась к гулу, стало легче. Гул был своего рода зубным ополаскивателем, только для мозга.

— Что смешного, Кей?

— Ничего.

— О, я понял, — сказал Ники. — Промывание мозгов, вместо промывания рта. Неплохо.

— Я кое-что получаю, но немного. Должно быть, он спит.

— Вероятно. Но, думаю, он скоро проснётся. Потому что мы не спим.

— Синхронность, — сказала она. — Крутое слово. Абсолютно в его стиле. Знаешь, как Люк назвал жетоны для торговых автоматов? *Компенсацией*. Ещё одно крутое слово.

— Люк особенный, потому что очень умный, — Ники посмотрел на Эйвери, прислонившегося к Хелен — оба дрыхли, как сурки. — А Эйвестер особенный, потому что... ну...

— Просто потому, что он Эйвери.

— Ага. — Ники усмехнулся. — И эти идиоты взяли и разогнали его мотор, не поставив регулятор мощности. — Его улыбка, скажем прямо, была такой же завораживающей, как его глаза. — Именно они вдвоём и привели нас сюда. Люк — шоколад, Эйвери — арахисовое масло. По отдельности у них ничего бы не

вышло. А вместе они, как шоколадно-арахисовое лукошко, от которого снесёт крышу.

Она рассмеялась. Это было дурацкое сравнение, но вполне точное. По крайней мере, ей так казалось.

— Хотя мы всё ещё торчим здесь. Как крысы в клетке.

Его голубые глаза смотрели в её карие.

— Ты знаешь — это ненадолго.

Она сказала:

— Мы все умрём, не так ли? Если они не пустят газ, тогда... — Она кивнула в сторону детей из Палаты А, которые снова собрались в круг. Гул усилился. Лампы на потолке загорелись ярче. — Это сделают они, когда дадут себе волю. И остальные, где бы они ни были.

«Телефон, — подумала она. — Большой телефон».

— Возможно, — сказал Ник. — Люк говорит, что мы обрушимся на них, как Самсон обрушил дом на филистимлян. Я не знаю подробностей — никто в моей семье не интересовался Библией, — но я уловил суть.

Калиша *знала*, и вздрогнула. Она снова посмотрела на Эйвери, и вспомнила ещё кое-что из Библии: *и дитя поведёт их*.

— Я хочу тебя кое о чём попросить, — сказала Калиша. — Ты, наверное, будешь смеяться, но мне всё равно.

— Давай.

— Не мог бы ты поцеловать меня.

— Ну это совсем не трудно, — сказал Ники. Он улыбнулся.

Она наклонилась к нему. Он наклонился ей навстречу. Они поцеловались, окруженные гулом.

«Приятно, — подумал Калиша. — Я так и думала».

Ники сразу же пришла мысль: «Давай второй раз. Посмотрим, будет ли вдвойне приятно».

Час-пятьдесят.

«Челленджер» приземлился на частной взлётно-посадочной полосе, принадлежавшей фиктивной компании под названием «Мэн Пэйпер Индастриз». Он подрулил к небольшому зданию без огней. Когда он приблизился, на крыше загорелись три сенсорных фонаря, осветив установку аэродромного питания и контейнерный перегружатель. Дожидавшийся их автомобиль оказался не фургоном, а девятиместным «Шевроле Субурбан». Он был чёрным и с тонированными стёклами. Сироте Энни он бы понравился.

«Челленджер» подкатил вплотную к «Субурбану» и заглушил двигатели. На секунду Тиму показалось, что они всё ещё работают, потому что он слышал слабый гул.

— Это не от самолёта, — сказал Люк. — Это дети. Гул усилится, когда мы будем ближе.

Тим прошёл в переднюю часть салона, нажал большой красный рычаг, открыв дверь, и выпустил лестницу, которая коснулась земли меньше, чем в четырёх футах от «Субурбана».

— Ну вот, — сказал он, повернувшись к остальным. — Мы на месте. Но прежде чем мы выйдем, миссис Сигсби, у меня для вас кое-что есть.

В «Челленджере», на столике в секции для переговоров, он нашёл кипу глянцевых брошюр, рекламирующих удивительные достижения «Мэн Пэйпер Индастриз», и с полдюжины фирменных кепок. Одну он протянул ей, а вторую захватил для себя.

— Наденьте. И натяните покрепче. Волосы у вас короткие и не должны сильно торчать.

Миссис Сигсби с отвращением посмотрела на кепку.

— Зачем?

— Вы пойдёте первой. Если нас ждёт засада, я хочу, чтобы вы взяли огонь на себя.

— Зачем им устраивать засаду, если мы едем *туда*?

— Признаюсь, это кажется маловероятным, поэтому вы не должны возражать против того, чтобы пойти первой. — Тим надел свою кепку, козырьком назад. Люк подумал, что он слишком старый, чтобы так носить кепку — это по-детски, — но решил промолчать. Он подумал, что, возможно, таким образом Тим настраивает себя. — Эванс, вы пойдёте следом за ней.

— Нет, — сказал Эванс. — Я не покину этот самолёт. Не уверен, что смогу, даже если бы захотел. Нога очень сильно болит. Не могу ступить.

Тим задумался, затем взглянул на Люка.

— Что ты думаешь?

— Он говорит правду, — сказал Люк. — Ему придётся прыгать по ступенькам, а лестница довольно крутая. Может упасть.

— Я вообще не должен был здесь находиться, — сказал доктор Эванс. — По его щеке скатилась крупная слеза. — Я же медик!

— Вы монстр, — сказал Люк. — Вы смотрели, как дети почти тонут — они и думали, что *тонут* — и делали записи. Там были дети, которые умерли из-за губительной реакции на ваши с Хендриксом уколы. А те, кто выжил, на самом деле неживые, не правда ли? Скажу вам так: я бы с удовольствием наступил вам на ногу. Раздавил бы её пяткой.

— *Нет!* — взвизгнул Эванс. Он откинулся на спинку сиденья и завёл свою распухшую ногу за здоровую.

— Люк, — сказал Тим.

— Не волнуйтесь, — сказал Люк. — Я хочу, но не буду. Иначе стану таким, как он. — Он посмотрел на миссис Сигсби. — У вас выбора нет. Вставайте и спускайтесь вниз по лестнице.

Миссис Сигсби натянула кепку «Мэн Пэйпер Индастриз» и поднялась со своего сиденья с таким чувством собственного достоинства, на какое была способна. Люк начал вставать позади неё, но Тим остановил его.

— Ты идёшь позади меня. Потому что ты важнее.

Люк не возражал.

Миссис Сигсби остановилась на верхней ступеньке лестницы и подняла руки над головой.

— *Это миссис Сигсби! Если там кто-нибудь есть, не стреляйте!*

Люк уловил мысль Тима: «Уже так уверена, как хотела казаться».

Ответа не последовало; снаружи был слышен только стрекот сверчков, внутри — только тихий гул. Миссис Сигсби начала медленно спускаться по лестнице, держась за перила и поддерживая больную ногу.

Тим постучал в дверь кабины рукоятью «Глока».

— Спасибо, джентльмены. Это был приятный полёт. Один пассажир остаётся на борту. Доставьте его, куда хотите.

— Доставьте его в ад, — сказал Люк. — Билет в один конец.

Тим начал спускаться по ступенькам, готовясь к возможному выстрелу — он не ожидал, что она закричит, тем самым выдав себя. Хотя должен был ожидать. Но выстрела не последовало.

— На переднее пассажирское сиденье, — сказал Тим миссис Сигсби. — Люк, ты садись позади неё. Пистолет у меня, но ты моя поддержка. Если она попытается напасть на меня, используй свою ментальную магию. Хорошо?

— Да, — сказал Люк, и сел назад.

Миссис Сигсби села и пристегнула ремень. Когда она хотела закрыть дверь, Тим помотал головой.

— Погодите.

Он стоял, одной рукой придерживая дверь, и звонил Венди, которая была в безопасности в своей комнате «Эконо Лодж».

— Орёл приземлился [\[118\]](#).

— Вы в порядке? — Связь была хорошая, будто она стояла рядом с ним. Он хотел бы, чтобы она была здесь, но потом вспомнил, куда они едут.

— Пока что. Будь на связи. Я позвоню, когда всё закончится.

«Если смогу», — подумал он.

Тим обошёл фургон и сел на водительское место. Ключ лежал в держателе для стаканов. Он кивнул миссис Сигсби.

— *Теперь* можете закрыть дверь.

Что она и сделала, презрительно посмотрев на него и сказав то, о чём подумал Люк.

— Вы выглядите удивительно глупо в этой кепке, козырьком назад, мистер Джеймисон.

— Что я могу сказать: я поклонник Эминема. А теперь заткнитесь.

14

В тёмном здании «Мэн Пэйпер Индастриз», возле окон, на коленях стоял мужчина, наблюдая за тем, как у «Субурбана» загорелись фары, и он направился в сторону ворот, которые были открыты. Ирвин Моллисон, безработный лесопильщик, был одним из многих резидентов Института в Деннисон-Ривер-Бенд. Стакхаус мог бы приказать остаться Рону Чёрчу, но по собственному опыту знал, что отдавать приказ человеку, который может послушаться, — плохая идея.

Лучше использовать марионетку, которая просто хотела заработать несколько лишних долларов.

Моллисон набрал номер, заранее внесённый в его телефон.

— Они едут, — сказал он. — Мужчина, женщина и мальчик. На голове женщины надета кепка, не мог разглядеть её лица, но стоя в дверях самолёта, она выкрикнула своё имя. Миссис Сигсби. Мужчина так же в кепке, но козырьком назад. Мальчик — тот, который вам нужен. На ухе у него повязка и здоровенный синяк на лице.

— Хорошо, — сказал Стакхаус. Ему уже позвонил второй пилот «Челленджера», который сказал, что доктор Эванс остался в самолёте. И это было замечательно.

Пока что всё шло замечательно... или настолько замечательно, насколько могло быть, учитывая обстоятельства. Автобус стоял возле флагштока, согласно требованию. Шеф Дуг и санитар Чед спрячутся среди деревьев позади административного здания, где начиналась подъездная дорога к Институту. Зик Ионидис и Фелиция Ричардсон займут точку на крыше, укрывшись за парапетом до начала стрельбы. Глэдис начнёт подачу газа в систему ОВиК, затем присоединится к Зику и Фелиции. Когда подъедет «Субурбан», эти две позиции позволят вести классический перекрёстный огонь — так, по крайней мере, было в теории. Стоя рядом с флагштоком и положив руку на капот автобуса, Стакхаус будет находиться не менее чем в тридцати ярдах от линии огня. Он знал, что существует риск получить шальную пулю, но это был приемлемый риск.

Розалинду он пошлёт охранять дверь, ведущую из туннеля на уровень «Е» в Передней Половине. Он хотел, чтобы у неё не было возможности увидеть, как её горячо любимый босс также окажется под

перекрёстным огнём, — но это ещё не всё. Он понимал, что в постоянном гуле заключалась сила. Может, пока что её было недостаточно, чтобы сломать дверь, но, может, и наоборот. Может, они просто ждали прибытия Эллиса, чтобы напасть с тыла и посеять хаос, который уже посеяли в Задней Половине. У овощей не хватало мозгов, чтобы придумать что-то подобное, но там были и другие дети. Если это случится, Розалинда будет там со своим «С-В.45», и те, кто войдёт в эту дверь первыми, пожалеют, что не остались за ней. Стакхаус мог только надеяться, что первым окажется треклятый Уилхолм.

«Готов ли я?» — спросил он себя. И ответ, казалось, был утвердительным. Готов, насколько это возможно. Всё по-прежнему может закончиться благополучно. Всё-таки им противостоял Эллис — ребёнок, и какой-то заблудший герой, которого он подобрал по дороге. Через полтора часа это дерьмовое шоу подойдёт к концу.

15

Три часа ночи. Гул теперь стал громче.

— Стойте, — сказал Люк. — Сверните здесь. — Он показывал в сторону грунтовой дороги, едва видимой за старыми высокими соснами.

— Та самая, по которой ты шёл после побега? — спросил Тим.

— Господи, нет. Они поймали бы меня.

— Тогда, как ты...

— *Она* знает, — сказал Люк. — А раз знает она, знаю и я.

Тим повернулся к миссис Сигсби.

— Там есть ворота?

— Спросите *его*. — Она почти выплюнула эти слова.

— Ворот нет, — сказал Люк. — Только большой знак: «Опытная станция „Мэн Пэйпер Индастриз“. Проход запрещён».

Тим невольно улыбнулся, увидев на лице миссис Сигсби выражение полного отчаяния.

— Парню стоит быть полицейским, вам так не кажется, миссис Сигсби? Не упустит ни одно алиби.

— Не делайте этого, — сказала она. — Из-за вас нас всех убьют. Стакхауса ни перед чем не остановится. — Она глянула через плечо на Люка. — Ты читаешь мысли и знаешь, что я говорю правду, так что скажи ему.

Люк промолчал.

— Как далеко этот ваш Институт? — спросил Тим.

— Десять миль, — ответила миссис Сигсби. — Может, чуть больше. — Очевидно, она решила, что упрячиться бесполезно.

Тим свернул на грунтовую дорогу. Как только он проехал мимо больших деревьев (их ветви касались крыши и боков машины), то обнаружил, что дорога была ровной и ухоженной. Над головой висела луна и освещала им путь, окрашивая землю в цвет кости. Тим погасил фары «Субурбана» и направился вперёд.

16

Три-двадцать.

Эйвери Диксон сжал запястье Калиши своей холодной рукой. Она дремала на плече Ники. И теперь подняла голову.

— Эйвестер?

«Разбуди их. Хелен, Джорджа и Ники. Разбуди их».

— Что...

«Если хочешь выжить, разбуди их. Скоро всё начнётся».

Ник Уилхолм не спал.

— Мы *сможем* выжить? — спросил он. — Думаешь, это возможно?

— Я слышу вас! — из-за двери донёсся слегка приглушённый голос Розалинды. — О чём вы там разговариваете? И что это за гудение?

Калиша разбудила Джорджа и Хелен. Калиша снова видела цветные точки. Тусклые, но настоящие. Они носились вверх и вниз по туннелю, как дети, катающиеся на горке, что было логично, потому что они и *были* детьми, разве нет? Или тем, что от них осталось. Огни были материализовавшимися мыслями, петляющими, танцующими и совершающими пируэты вокруг блуждающих детей из палаты А. И разве эти дети не выглядели чуть более живыми? Более настоящими? Калише так казалось, но, возможно, это было лишь её воображение. Принятие желаемого за действительное. В Институте привыкаешь принимать желаемое за действительное.

— У меня оружие, чтобы вы знали!

— И у меня, леди, — сказал Джордж. Он схватился за промежность, затем повернулся к Эйвери. — *«Ну что, братишка?»*

Эйвери посмотрел на каждого из них, и Калиша увидела слёзы на его лице. От этого у неё стало тяжело в животе, будто она съела что-то порченное и сейчас её стошнит.

«Когда это начнётся, быстро уходите».

Хелен: *«Что начнётся, Эйвери?»*

«Когда я позвоню по большому телефону».

Ники: *«Кому?»*

«Остальным детям. Которые далеко-далеко отсюда».

Калиша кивнула в сторону двери. *«У этой женщины оружие».*

Эйвери: *«Это последнее, о чём вам стоит переживать. Просто идите. Все вы».*

— Мы, — сказал Ники. — *Мы, Эйвери.* Мы все уйдём.

Но Эйвери помотал головой. Калиша попыталась попасть внутрь его головы, хотела узнать, что там происходит, что он знал, но услышала только повторяющиеся слова:

«Вы — мои друзья. Вы — мои друзья. Вы — мои друзья».

17

Люк сказал:

— Они его друзья, но он не может пойти с ними.

— Кто с кем не может пойти? — спросил Тим. — О чём ты говоришь?

— Об Эйвери. Он должен остаться. Только он может позвонить по большому телефону.

— Я совершенно не понимаю, о чём ты, Люк.

— Мне нужны они, но мне нужен и он тоже! — выкрикнул Люк. — Мне нужны все они! Так не честно!

— Он сумасшедший, — сказала миссис Сигсби. — Вы, конечно, понимаете...

— Заткнитесь, — сказал Тим. — Повторяю в последний раз.

Она посмотрела на него, оценила его взгляд и сделала, как он велел.

Тим медленно переехал через подъём и остановился. Дорога впереди расширилась. Сквозь деревья он увидел огни и тёмную громаду здания.

— Кажется, мы приехали, — сказал он. — Люк, я не знаю, что происходит с твоими друзьями, но сейчас это вне нашей компетенции. Мне нужно, чтобы ты взял себя в руки. Ты сможешь это сделать?

— Да. — Его голос был хриплым. Он прокашлялся и ответил ещё раз: — Да. Смогу.

Тим вышел, подошёл к пассажирской двери и открыл её.

— И что теперь? — спросила миссис Сигсби. Её голос звучал раздражённо и нетерпеливо, но даже при скудном освещении Тим видел, что она боялась. И правильно делала.

— На выход. Дальше машину поведёте вы. Я буду сзади с Люком, и если вы попытаетесь что-нибудь выкинуть, например, въехать в дерево до того, как мы доберёмся до тех огней, я всажу пулю в вашу спину прямо через сиденье.

— Нет. *Нет!*

— Да. Если Люк прав насчёт того, что вы делали с этими детьми, то за вами крупный должок. И это час расплаты. На выход, садитесь за баранку и езжайте. Медленно. Десять миль в час. — Он замолчал. — И поверните кепку козырьком назад.

18

Из комнаты связи позвонил Энди Феллоуз. Он звучал взволнованно и говорил повышенным голосом.

— Они здесь, мистер Стакхаус! Они остановились примерно в сотне ярдов от того места, где грунтовая дорога переходит в подъездную! Фары выключены, но света луны и уличных фонарей достаточно, чтобы разглядеть их. Если хотите, могу дать вам изображение, чтобы вы сами убедились, что я...

— В этом нет необходимости. — Стакхаус бросил свой служебный аппарат на стол, напоследок взглянул на Нулевой Телефон — который, слава Богу, всё ещё молчал — и направился к двери. В его кармане лежала

рация, выкрученная по полную громкость и соединённая с наушником. Все его люди были на одном канале.

— Зик?

— Я здесь, босс. С леди-доком.

— Дуг? Чед?

— На месте, — сказал шеф Дуг. Который в былые дни иногда сидел с детьми за обедом и показывал разные фокусы, от которых они смеялись. — Мы видим их машину. Чёрный девятиместный «Субурбан» или «Тахо», верно?

— Верно. Глэдис?

— На крыше, мистер Стакхаус. Всё готово. Осталось только смешать ингредиенты.

— Вас понял.

— Розалинда?

— На позиции. Гул здесь, внизу, очень громкий. Думаю, они там что-то *замышляют*.

Стакхаус не сомневался, но это ненадолго. Скоро они начнут задыхаться и обо всём позабудут.

— Держитесь там, Розалинда. Не успеете моргнуть глазом, как окажетесь в Фенвэе, наблюдая за игрой «Сокс».

— Вы поедете со мной, сэр?

— Только если будут играть «Янкиз».

Он вышел на улицу. Ночной воздух приятно охлаждал лицо после жаркого дня. Он ощутил прилив чувств к своей команде. К тем, кто остался с ним. Они будут вознаграждены, несмотря ни на что, если ему доведётся рассказать об этом. Это тяжёлая работа и они остались, чтобы выполнить её. Мужчина за рулём «Субурбана» совершил ошибку — пусть так. Но он не понимал, *не мог* понять, что жизнь всех, кого он когда-либо любил, зависела от того, что происходило в Институте, но теперь всё было кончено. Заблудшему герою оставалось только умереть.

Стакхаус подошёл к школьному автобусу, стоявшему возле флагштока и в последний раз обратился к своим бойцам.

— Стрелки, я хочу, чтобы вы сфокусировались на водителе, ясно? На том, кто в кепке с козырьком назад. Затем разнесите эту чёртову машину от капота до багажника. Цельтесь выше, по окнам, выбейте тонированные стёкла, стреляйте по головам. Подтвердите приказ.

Они подтвердили.

— Открывайте огонь, когда я подниму руку. Повторяю, когда подниму руку.

Стакхаус стоял перед автобусом. Он положил правую руку на прохладную, покрытую росой, поверхность кузова. Левой взялся за флагшток. И стал ждать.

19

— Езжайте, — сказал Тим. Он лежал на полу позади водительского сиденья. Люк был под ним.

— Прошу, не вынуждайте меня делать это, — сказала миссис Сигсби. — Если бы вы только дали мне объяснить, насколько важно это место...

— Езжайте.

Она поехала. Фонари начали приближаться. Теперь она могла видеть автобус и флагшток, и стоящего между ними Тревора.

20

«Пора», — сказал Эйвери.

Он ожидал, что будет бояться; он боялся с тех пор, как вошёл в комнату, которая выглядела, как его домашняя комната, но не была ею, а затем его толкнул Гарри Кросс, и он стал бояться ещё больше. Но сейчас он не боялся. Он радовался. Когда его мама наводила уборку, она всегда включала песню, строчка из которой пришла ему на ум: *я буду свободен*.

Он подошёл к детям из Палаты А, которые уже собрались в круг. Калиша, Ники, Джордж и Хелен последовали за ним. Эйвери протянул руки. Одну взяла Калиша, другую — Айрис, бедная Айрис, которую можно было спасти, случись это на день раньше.

Женщина, стоявшая на страже за дверью что-то выкрикнула, но её слова затерялись на фоне возрастающего гула. Вернулись точки, теперь уже не тусклые, а яркие и становящиеся ещё ярче. Огни штази заполнили центр круга, вращаясь и поднимаясь по спирали, как полоса на вывеске парикмахерской, будто они выходили из какого-то потаённого источника энергии, возвращались обратно и снова появлялись — оживлённее и сильнее, чем раньше.

«ЗАКРОЙТЕ ГЛАЗА».

Это была уже не мысль, а *МЫСЛЬ*, оседлавшая гул.

Эйвери смотрел, как они закрывают глаза, потом закрыл свои. Он ожидал увидеть свою домашнюю комнату или, может быть, задний двор с качелями и наземным бассейном, который его отец надувал каждый День поминовения, но не увидел. То, что он видел внутренним взором — все они видели, — было игровой площадкой Института. И, вероятно, в этом не было ничего удивительного. Да, его сбили там с ног, заставив расплакаться, — не лучшее начало последних недель его жизни, но затем он обрёл друзей, хороших друзей. Дома у него друзей не было. В школе все считали его чудиком; они даже высмеивали его имя, подбегая и крича ему прямо в лицо: «Эй, Эйвери, соплю

убери!» Здесь ничего подобного не было, потому что все они были в равных условиях. Здесь друзья заботились о нём, обращались с ним, как с нормальным человеком, и теперь он позаботится о них. О Калише, Ники, Джордже и Хелен — он позаботится обо всех них.

Но больше всего — о Люке. Если сможет.

За закрытыми глазами, он увидел большой телефон.

Он стоял рядом с батутом, перед неглубокой траншеей, через которую Люк протиснулся под ограждением, — старомодный телефон, не менее пятнадцати футов в высоту и чёрный, как смоль. Эйвери, его друзья и дети из Палаты А стояли вокруг него, образуя круг. Огни штази, ярче чем когда-либо, кружили то над циферблатом, то над бакелитовой трубкой.

«Калиша, ВПЕРЁД. Действуй!»

Возражений не последовало. Её рука отпустила Эйвери, но прежде чем разрыв круга успел нарушить действие энергии и прогнать видение, за руку Эйвери взял Джордж. Теперь гул был повсюду, наверняка слышимый во всех далёких местах, где были такие же дети, как они, стоящие в таких же кругах. Они слышали то же самое, что слышали те, ради чьего убийства их собирали в Институтах. И, как и их мишени, дети — подчинятся. Разница только в том, что они подчинятся добровольно и с радостью. Восстание случилось не только здесь, но и по всему миру.

«Джордж, ВПЕРЁД. Действуй!»

Рука Джорджа разжалась и его место занял Ники. Ники, который заступился за него, когда Гарри сбил его с ног. Ники, который назвал его Эйвестером — особенное имя только для друзей. Эйвери сжал его руку и почувствовал, как Ники ответил. Ники, который всегда ходил с синяками. Ники, который сопротивлялся и не брал их дерьмовые жетоны.

«Ники, ВПЕРЁД. Действуй!»

Он ушёл. Теперь Хелен держала его за руку; Хелен с её выцветшими панковскими волосами; Хелен, которая научила его делать кувырки вперёд на батуте, подначивая, «чтобы ты не свалился и не разбил свою глупую башку».

«Хелен, ВПЕРЁД. Действуй!»

Она ушла, последняя из его здешних друзей, но его руку взяла Кэти, и тут настало время.

Снаружи донеслись приглушённые выстрелы.

«Пожалуйста, только бы не было слишком поздно!»

Это была его последняя осознанная мысль как личности, так и Эйвери. Затем он слился с гулом и огнями.

Пришло время сделать междугородний звонок.

21

Сквозь кромку леса Стакхаус увидел катящийся вперед «Субурбан». Свет от фонарей административного здания блеснул на его хромированном бампере. Он двигался очень медленно, но приближался. Стакхаусу пришло в голову (слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринять, но разве бывает по-другому), что у мальчишки больше нет флэшки, что она осталась у той, кого он называл офицером Венди. Или спрятана где-то по дороге между аэропортом и Институтом, о чём заблудший герой не преминул сообщить офицеру Венди, если всё пойдёт не так.

«Но, что я могу с этим поделать? — подумал он. — Ничего. Что есть, то есть».

«Субурбан» появился в начале подъездной дорожки. Стакхаус продолжал стоять между автобусом и флагштоком, разведя руки в стороны, как Иисус на кресте. Гул достиг почти оглушающего уровня, и он

задался вопросом, продолжает ли Розалинда удерживать свою позицию, или её заставили бежать. Он подумал о Глэдис и надеялся, что она готова приступить к подаче газа.

Он прищурился, пытаясь разглядеть фигуру за рулём «Субурбана». Разобрать что-либо было невозможно, и он знал, что Дуг и Чед ни хрена не смогут увидеть через тонированные окна, пока не разнесут их, но переднее стекло было прозрачным, и когда «Субурбан» сократил дистанцию до двадцати ярдов — чуть ближе, чем он надеялся, — он увидел полосу регулировки кепки на лбу водителя, и отпустил флагшток. Голова водителя лихорадочно завертелась. Одна рука отпустила руль, прижавшись пятернёй к стеклу в жесте остановки, и он понял, что его провели. Трюк был прост, как подкоп мальчишки под ограждением, и настолько же эффективен.

За рулём сидел не заблудший герой. Это была миссис Сигсби.

«Субурбан» снова остановился, затем начал отъезжать назад.

— Прости Джулия, ничего не поделаешь, — сказал он и поднял руку.

Со стороны административного здания и деревьев раздалась стрельба. В дальней части Передней Половины Глэдис Хиксон сняла крышки с двух больших вёдер отбеливателя, расположенных под узлом ОВиК, который обеспечивал нагрев и охлаждение Задней Половины и соединительного туннеля. Задержав дыхание, она вылила чистящее средство для унитазов в ведро с отбеливателем, быстро перемешала ручкой швабры, накрыла ведро и узел брезентом, а затем с горящими глазами помчалась к западному крылу Передней Половины. Когда она бежала по крыше, то поняла, что та движется у неё под ногами.

— *Нет, Тревор, нет!* — заорала миссис Сигсби. Она мотала головой из стороны в сторону. Со своей позиции, позади неё, Тим увидел, как она вскинула руку и прижала ладонь к лобовому стеклу. А второй рукой воспользовалась, чтобы дать задний ход.

Как только машина тронулась, началась стрельба — откуда-то справа, из леса, откуда-то спереди и — Тим был почти уверен — откуда-то сверху. В лобовом стекле «Субурбана» образовались отверстия. Стекло стало молочно-белым и провисло внутрь. Миссис Сигсби превратилась в марионетку, дергающуюся, подпрыгивающую и издающую сдавленные крики, когда в неё попадали пули.

— Лежи, Люк! — крикнул Тим, когда мальчик начал извиваться под ним. — *Лежи!*

Пули пробили задние окна «Субурбана». Осколки стекла посыпались Тиму на спину. С обратной стороны водительского сиденья заструилась кровь. Даже несмотря на устойчивый гул, который, казалось, доносился отовсюду, Тим слышал, как над ним свистели пули, издавая низкое «ззззз».

Затем пули прошли металл. Капот «Субурбана» вздёргнулся кверху. Тиму вспомнилась финальная сцена из какого-то старого гангстерского фильма, в которой Бонни Паркер и Клайд Барроу совершали танец смерти, когда пули пронзали их машину и их самих. Что бы там не удумал Люк, его план оказался катастрофически провальным. Миссис Сигсби была мертва; он видел, как её кровь забрызгала остатки лобового стекла. Они будут следующими.

Затем слышались крики спереди и крики справа. Ещё две пули пробили правую сторону «Субурбана», одна из них даже задела воротник рубашки Тима. И

стрельба прекратилась. Затем он услышал громкий утробный рёв.

— Дайте встать! — выдохнул Люк. — Не могу дышать!

Тим слез с мальчика, и выглянул между передними сиденьями. Он понимал, что в любую секунду ему могут снести голову, но должен был посмотреть. Рядом с ним поднялся Люк. Тим хотел было сказать, чтобы мальчик пригнулся, но слова застряли в горле.

«Это не по-настоящему, — подумал он. — Не может быть».

Но было.

23

Эйвери и остальные стояли вокруг большого телефона. Его тяжело было разглядеть, потому что огни штази были очень яркими и очень красивыми.

«Бенгальский огонь, — подумал Эйвери. — Теперь мы делаем бенгальский огонь».

Он образовался из огней штази, десять футов в высоту, плюясь искрами во все стороны. По началу бенгальский огонь качался из стороны в сторону, но затем групповое сознание взяло его под контроль. Он ударил по гигантской трубке телефона и подбросил её на гигантском основании. Обратно трубка приземлилась криво. Из динамика слышались голоса на разных языках, задающие один и тот же вопрос: *«Алло, вы слышите меня? Алло, вы там?»*

— ДА, — хором ответили дети Института, и кто-то добавил: — ДА, МЫ СЛЫШИМ ВАС! ДЕЙСТВУЙТЕ!

Круг детей в Национальном парке Сьерра-Невада в Испании — услышал их. Круг боснийских детей, заточённых в Динарском нагорье — услышал. На

острове Пампус, охраняющем подход к побережью Амстердама, круг голландских детей — услышал. Круг немецких детей в горных лесах Баварии — услышал.

В Пьетрапертозе, Италия.

В Намвоне, Южная Корея.

В десяти километрах от глухого сибирского городка Черский.

Они услышали, они ответили, они стали единым целым.

24

Калиша и остальные добрались до двери, отделяющей их от Передней Половины. Теперь они отчётливо слышали выстрелы, потому что гул внезапно прекратился, будто где-то выдернули шнур.

«Ой, он всё ещё здесь, — подумала Калиша. — Только мы больше не слышим его».

Стены застонали, почти как живые, а затем стальная дверь между соединительным туннелем и Передней Половиной вылетела наружу, мгновенно убив стоявшую за ней Розалинду Доусон. Дверь приземлилась возле лифта, с вырванными кусками в тех местах, где были массивные петли. На потолке за металлической решёткой пульсировали флуоресцентные лампы, отбрасывая безумные подводные тени.

Стон становился громче, доносясь со всех сторон. Будто здание пыталось разорваться себя на части. В «Субурбане» Тим подумал о «Бонни и Клайде»; Калише вспомнился рассказ По об особняке Эшеров.

«Идём, — мысленно обратилась она к остальным. — Быстрее!»

Они пробежали мимо изуродованной двери и изуродованной женщины, лежащей под ней в расплывающейся луже крови.

Джордж: *«Почему не на лифте? Он же тут рядом!»*

Ники: *«Ты спятил? Не знаю, что тут происходит, но я не войду ни в один долбанный лифт».*

Хелен: *«Это землетрясение?»*

— Нет, — сказала Калиша.

«Мыслетрясение. Не знаю, как...»

— ... как они делают это, но... — Она сделала вдох и почувствовала что-то едкое. — Деваться некуда.

Хелен: *«Что-то не то с воздухом».*

Ники сказал:

— Думаю, это какая-то отрава. *«Эти ублюдки никак не угомонятся».*

Калиша толкнула дверь с надписью «ЛЕСТНИЦА» и они начали подниматься, теперь уже все кашляя. Между уровнями «Г» и «В» ступеньки под ними начали ходить ходуном. По стенам пошли трещины. Флуоресцентные лампы погасли и включилось аварийное жёлтое освещение. Калиша остановилась, наклонилась в рвотном позыве, затем продолжила подниматься.

Джордж: *«А как же Эйвери, и остальные дети внизу? Они же задохнутся!»*

Ники: *«И что с Люком? Он здесь? Он ещё жив?»*

Калиша не знала. Она знала только то, что они должны выбраться до того, как задохнутся сами. Или их раздавит обломками, когда рухнет Институт.

Всё здание разом содрогнулось, и лестница накренилась вправо. Калиша представила, в каком бы они сейчас оказались положении, если бы выбрали лифт, и тут же отогнала эту мысль.

Вот и уровень «Б». Калиша запыхалась, но воздух тут был чище, и она смогла бежать чуть быстрее. Она была рада, что не подсела на сигареты из торгового

автомата. Стон в стенах перерос в низкий вой. Она слышала глухой металлический скрежет, предположив, что это разрываются на части трубы и кабелепроводы.

Всё разрывалось на части. Ей вспомнился ролик на «Ютьюб», который она однажды видела, — отвратительное зрелище, от которого невозможно было оторваться: дантист, извлекающий чей-то зуб с помощью щипцов. Зуб ходил из стороны в сторону, пытаясь удержаться в челюсти, а вокруг него сочилась кровь, и, наконец, он вырвался вместе с корнями. Так же было и сейчас.

Она приблизилась к двери первого этажа, которая теперь была наклонена в бок. Калиша толкнула дверь, но та не поддавалась. К ней присоединился Ники, и они толкнули вместе. Дверь не открылась. Пол у них под ногами поднялся, затем с грохотом опустился назад. С потолка отвалился кусок, упал на ступеньки и покатился вниз, рассыпаясь на части.

— Нас тут раздавит, если мы не выберемся! — прокричала Калиша.

Ники: *«Джордж. Хелен»*.

Он протянул им руки. Лестничный пролёт был узким, но им четверым каким-то образом удалось втиснуться на площадке перед дверью — бедром к бедру, плечом к плечу. Волосы Джорджа лезли Калише в глаза. Скверное дыхание Хелен било ей в лицо. Повозившись, они взялись за руки. Вернулись точки и дверь со скрежетом распахнулась. Дальше был коридор жилого уровня, теперь кренившийся в бок. Калиша первой выскочила из покосившегося дверного проёма, как пробка из бутылки шампанского. Она упала на колени, порезав руку об упавшую лампу, от которой повсюду валялись осколки. На одной стене всё ещё висел покосившийся плакат с тремя детьми, бегущими по лугу, на котором было написано, что это просто ещё один день в раю.

Калиша поднялась на ноги, обернулась, и увидела, как остальные трое сделали то же самое. Вместе они побежали в гостиную, мимо комнат, где больше не будут жить похищенные дети. Двери этих комнат распахивались и захлопывались, будто аплодируя им. В столовой несколько торговых автоматов упали, рассыпав закуски. Разбившиеся «шкалики» наполнили воздух резким запахом алкоголя. Дверь на игровую площадку деформировалась, но осталась на месте, хотя стекло было разбито, и внутрь ворвался порыв свежего летнего ветра. Калиша подошла к двери и замерла. На мгновение она забыла о здании, которое, казалось, со всех сторон разрывало себя на части.

Её первой мыслью было, что остальные всё-таки выбрались, возможно, через вторую дверь туннеля, потому что они были там: Эйвери, Айрис, Хэл, Лен, Джимми, Донна и все остальные дети из Палаты А. Затем она поняла, что это не совсем они. А их проекции. Аватары. И там же был громадный телефон, вокруг которого они стояли. Он должен был раздавить батут и сетку для бадминтона, но всё это было цело, и она могла видеть сетчатое ограждение не только позади этого большого телефона, но и *сквозь* него.

Потом дети и телефон — исчезли. Калиша почувствовала, что пол снова поднимается, но в этот раз он не собирался опускаться. Она увидела медленно увеличивающийся зазор между гостиной и краем игровой площадки. Пока что не более девяти дюймов, но он продолжал расти. Ей пришлось спрыгнуть вниз, чтобы оказаться снаружи.

— Вперёд! — крикнула она остальным. — Быстрее! Пока ещё можете!

Стакхаус услышал крики на крыше административного здания, и стрельба оттуда прекратилась. Он обернулся и сперва не поверил своим глазам. Передняя Половина поднималась. На крыше, на фоне луны, вырисовывалась шатающаяся фигура, которая растопырив руки, пыталась сохранить равновесие. Видимо, Глэдис.

«Этого не может быть», — подумал он.

Но это происходило. Со скрипом и треском Передняя Половина поднялась выше и оторвалась от земли. Она заслонила луну, затем качнулась, как нос огромного неповоротливого вертолётa. Глэдис отправилась в свободный полёт. Стакхаус услышал её крик, когда она скрылась в темноте. На крыше административного здания Зик и доктор Ричардсон побросали своё оружие и прижались к парапету, уставившись на то, что казалось сном наяву: медленно поднимающееся в небо здание, осыпающееся осколками стёкол и обломками шлакоблоков. Оно потянуло за собой большую часть сетчатого ограждения вокруг игровой площадки. В нижней части здания из разорванных труб лилась вода.

Из двери гостиной на игровую площадку вывалился торговый автомат с сигаретами. Джордж Айлс, разинув рот, смотрел на днище Передней Половины, улетающей в небо, и был бы раздавлен, если бы Ники не оттащил его в сторону.

Шеф Дуг и санитар Чед вышли из-за деревьев с вытянутыми шеями и отвисшими челюстями, опустив оружие. Они могли подумать, что внутри «Субурбана» все мертвы, хотя, скорее всего, в изумлении и смятении просто забыли о нём.

Теперь днище Передней Половины находилось над крышей административного здания. Она плыла с величественной неуклюжей грацией боевого корабля Королевского флота восемнадцатого века, идущего под парусами на лёгком бризе. Изоляция и провода, часть

которых продолжала искриться, болтались, как оборванные пуповины. Выступающий кусок трубы процарапал вентиляционных кожух. Грек Зик и доктор Фелиция Ричардсон бросились к люку, через который попали на крышу. Зик успел, доктор Ричардсон — нет. Она поднесла руки к голове в защитном жесте, одновременно бессознательном и жалком.

В этот момент соединительный туннель — ослабленный многолетним пренебрежением и разрушительной левитацией Передней Половины — обрушился, погребая под собой детей, которые и так уже умирали от отравления хлором и умственного перенапряжения. Они поддерживали круг до самого конца, и когда потолок обрушился, в голове Эйвери Диксона мелькнула единственная мысль: мне нравилось иметь друзей.

26

Тим не помнил, как выбрался из «Субурбана». Он был полностью поглощён увиденным: огромное здание, которое парило в воздухе и висело над зданием поменьше, затмевая его. Он увидел фигуру на крыше второго здания, поднявшую руки над головой. Затем среди этой невероятной иллюзии в стиле Дэвида Копперфильда раздался приглушённый треск, поднялось огромное облако пыли... и парящее здание камнем рухнуло вниз.

Мощный удар сотряс землю, и Тим пошатнулся. У меньшего здания — офисного, предположил Тим — не было никаких шансов выдержать такой вес. Оно разлетелось во все стороны, разбрызгивая куски дерева, бетона и стекла. Поднялось ещё больше пыли, достаточно, чтобы заслонить луну. У автобуса

сработала сигнализация (оказывается у них она тоже есть), издавая ВУУП-ВУУП-ВУУП-ВУУП. Человек, который был на крыше, разумеется, не выжил, а те, кто были внутри здания, теперь превратились в месиво.

— Тим! — Люк схватил его за руку. — *Тим!* — Он указал на двух мужчин, вышедших из-за деревьев. Один продолжал смотреть на руины, а второй поднимал руку с большим пистолетом. Очень медленно, словно во сне.

Тим поднял свой пистолет, намного быстрее.

— Не стоит. Оружие на землю.

Они в замешательстве посмотрели на него, затем сделали так, как он просил.

— Теперь идите к флагштоку.

— Это закончилось? — спросил один из мужчин. — Пожалуйста, скажите, что всё закончилось.

— Думаю, да, — ответил Люк. — Делайте, как говорит мой друг.

Они побрели сквозь клубящуюся пыль к флагштоку и автобусу. Люк подобрал их оружие, подумал о том, чтобы бросить его в «Субурбан», но понял, что они больше никуда не поедут на этом изрешечённом пулями и забрызганном кровью автомобиле. Он оставил один из автоматов. А остальное оружие выбросил в лес.

Стакхаус глянул в сторону приближающихся к нему Чеда и шефа Дуга, затем повернулся, созерцая руины своей жизни.

«Но кто мог знать? — подумал он. — Кто мог знать, что у них достаточно силы, чтобы поднять в воздух здание? Ни миссис Сигсби, ни Эванс, ни Хекл и Джекл, ни Осёл-Конг — где бы он ни был этой ночью — и уж точно не я. Мы думали, что работаем с высоким

напряжением, но на самом деле получали только малый ток. Шутка обернулась против нас».

Кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся и увидел заблудшего героя. Он был широкоплечим (как и положено каноничному герою), но в очках, что не соответствовало стереотипу.

«Ах да, ведь есть Кларк Кент», — подумал Стакхаус.

— Вы вооружены? — спросил человек по имени Тим.

Стакхаус покачал головой и указал рукой.

— Они должны были обо всём позаботиться.

— Остались только вы трое?

— Не знаю. — Никогда ещё Стакхаус не чувствовал себя таким усталым. Он предположил, что это шок. Шок и вид здания, поднимающегося в ночное небо и загораживающего собой луну. — Возможно, уцелел кто-то из персонала в Задней Половине. Или тамошние доктора, Халлас и Джеймс. Что касается детей в Передней Половине... я не представляю, чтобы кто-нибудь из них мог пережить *это*. — Он указал разом отяжелевшей рукой в сторону руин.

— А остальные дети? — сказал Тим. — Разве они не были в другом здании?

— Они были в туннеле, — сказал Люк. — *Он* хотел отравить их газом, но туннель обрушился раньше. Когда взлетела Передняя Половина.

Стакхаус хотел было отрицать это, но что толку, если этот Эллис умел читать мысли? К тому же, он сильно устал. Совершенно вымотался.

— И твои друзья тоже? — спросил Тим.

Люк открыл рот, чтобы сказать, что он не знает наверняка, но скорее всего. Затем он резко повернул голову, будто его кто-то позвал. И если так, то, должно быть, сначала это прозвучало в его голове, потому что Тим слышал чей-то голос только пару секунд спустя.

— *Люк!*

По захламлённой лужайке бежала девочка, огибая обломки, разлетевшиеся лучами. За ней следовали ещё трое: два мальчика и одна девочка.

— *Люки!*

Люк подбежал к первой девочке и обнял её. К ним присоединились остальные трое, и в этом групповом объятии Тим снова слышал гул, но уже тихий. Некоторые обломки зашевелились, куски дерева и камня поднялись в воздух и снова упали. И, кажется, он слышал шёпот их голосов в своей голове? Может, это только его воображение, но...

— Они всё ещё источают это, — сказал Стакхаус. Он казался безразличным, как человек, просто убивающий время. — Я слышу их. И вы тоже. Будьте осторожны. Это имеет накопительный эффект. Так Халлас и Джеймс стали Хеклом и Джеклом. — Он издал короткий смешок. — Просто пара карикатурных балбесов в белых халатах.

Тим проигнорировал его, позволив детям радоваться воссоединению, чего они, чёрт возьми, заслужили, как никто другой. Он не сводил глаз с трёх выживших взрослых. Хотя они не выглядели так, будто собирались доставить ему неприятности.

— И что мне делать с вами, говнюками? — спросил Тим. Не то, чтобы обращаясь к выжившим, а просто размышляя вслух.

— Прошу, не убивай нас, — сказал Дуг. Он указал на группу обнимающихся детей. — Я кормил этих ребят. Я сохранял им жизнь.

— Что бы ты здесь ни делал, не стоит оправдывать это, если *хочешь* остаться в живых, — сказал Тим. — Заткнуться было бы самым мудрым решением. — Он перевёл внимания на Стакхауса. — Кажется, автобус нам не понадобится, поскольку вы убили большинство детей...

— Мы *не*...

— Вы оглохли? Я велел заткнуться.

Стакхаус увидел то, что было написано на лице этого человека. Это не было похоже на героизм, ошибочный или нет. Это было похоже на желание убивать. Поэтому он заткнулся.

— Нам нужно выбраться отсюда, — сказал Тим, — и я не собираюсь шагать с вами, неутомимыми бойцами, по лесу до посёлка, который по словам Люка, у вас тут есть. Это был долгий и утомительный день. Есть предложения?

Стакхаус, казалось, не услышал его. Он смотрел на останки Передней Половины и раздавленного под ней административного здания.

— Всё это, — изумился он. — Всё это из-за одного беглеца.

Тим легонько пнул его по голени.

— Внимание, придурок. Как мне вывезти отсюда детей?

Стакхаус не ответил; промолчал и мужчина, который сказал, что кормил детей. Заговорил третий, который в своей форме был похож на больничного санитаря.

— Если я скажу, вы отпустите меня?

— Как тебя зовут?

— Чед, сэр. Чед Гринли.

— Что ж, Чед, зависит от того, насколько дельным будет твоё предложение.

Последние выжившие постояльцы Института обнимались, обнимались и обнимались. Люк чувствовал, что может обнимать их вечно, и чувствовать, как они обнимают его, потому что он не ожидал увидеть их

снова. На данный момент они хотели только одного: находиться в тесном кругу, который они образовали на этой захлавленной лужайке. Хотели быть друг с другом. Мир со всеми его проблемами мог идти в жопу.

«Эйвери?»

Калиша: *«Погиб. Он и остальные. Когда на них обрушился туннель».*

Ники: *«Лучше так, Люк. Он бы уже никогда не стал прежним. Не стал собой. То, что он сделал, что они сделали... опустошило бы его, как раньше опустошило других».*

«Что с детьми из Передней Половины? Кто-нибудь из них выжил? Если да, мы должны...»

Ответила Калиша, которая покачала головой и вместо слов показала картинку: покойного Гарри Кросса из Сельмы, Алабама. Мальчика, который умер в столовой.

Люк взял Ша за руки. *«Все? Хочешь сказать, что все они умерли от припадков до того, как всё это обрушилось?»*

Он указал на руины Передней Половины.

— Думаю, когда она взлетела, — сказал Ники. — Когда Эйвери позвонил по большому телефону. — Он увидел, что Люк не совсем понял, и добавил: *«Когда присоединились другие дети».*

— Вдалеке, — сказал Джордж. — В других Институтах. Дети в Передней Половине были просто слишком... есть такое слово...

— Слишком уязвимы, — сказал Люк. — Вот, что ты хотел сказать. Они были уязвимы. Будто после одного из этих чёртовых уколов. Плохих уколов.

Они кивнули.

Хелен прошептала:

— Уверена, они умерли, глядя на точки. Ну не ужас ли?

Ответ Люка был детским отрицанием, на которое взрослые цинично ухмыляются, и которое могут понять только другие дети: *«Это не справедливо! Не справедливо!»*

«Да, — согласились они. — Не справедливо».

Они разошлись. Люк посмотрел на каждого из них в тусклом лунном свете: на Хелен, Джорджа, Ники... и Калишу. Он вспомнил тот день, когда встретил её, со сладкой сигаретой во рту.

Джордж: *«Что дальше, Люки?»*

— Тим знает, — сказал Люк, надеясь на это.

29

Чед повёл их вокруг разрушенных зданий. Стакхаус и Шеф Дуг плелись за ним, опустив головы. Тим следовал за ними с пистолетом в руке. Люк и его друзья шли позади него. Сверчки, заглушённые разрушением, снова застрекотали.

Чед остановился у края асфальтированной дорожки, вдоль которой бампер к бамперу стояли полдюжины легковых автомобилей и три пикапа. Среди них стоял небольшой грузовой фургон «Тойота» с надписью «МЭН ПЭЙПЕР ИНДАСТРИЗ» на боку. Он указал на него.

— Этот подойдёт, сэр? Что скажете?

Тим подумал, что подойдёт, по крайней мере, для начала.

— А ключи?

— Все постоянно пользуются этими фургонами, поэтому ключи оставляют под козырьком.

— Люк, — сказал Тим, — не мог бы ты проверить?

Люк пошёл; остальные дети пошли за ним, будто не могли вынести и минуты разлуки. Люк открыл

водительскую дверь и опустил козырёк. Что-то упало ему в руку. Он протянул ключи.

— Хорошо, — сказал Тим. — Теперь открой заднюю дверь. Если там что-то есть, расчисти место.

За эту работу взялись большой мальчик по имени Ник и второй, поменьше, по имени Джордж, выбрасывая наружу грабли, тяпки, ящики с инструментами и несколько мешков с удобрениями. А тем временем Стакхаус сел на траву и опустил голову на колени. Это был красноречивый жест поражения, но Тиму не было его жалко. Он похлопал Стакхауса по плечу.

— Мы уходим.

Стакхаус не посмотрел на него.

— И куда? Кажется, паренёк говорил что-то о Диснейленде. — Он издал на редкость невесёлый смешок.

— Не твоё дело. Но мне любопытно: куда *вы* собираетесь идти?

Стакхаус не ответил.

30

В задней части фургона не было сидений, поэтому спереди дети сидели по очереди, начиная с Калиши. Люк устроился на металлическом полу между ней и Тимом. Ники, Джордж и Хелен сгруппировались у задней двери, глядя через два маленьких запylённых окна на мир, который больше не ожидали увидеть.

Люк: *«Почему ты плачешь, Калиша?»*

Она ответила, затем произнесла вслух для Тима.

— Потому что вокруг так красиво. Даже в темноте, но всё равно красиво. Жаль, что здесь нет Эйвери, чтобы он тоже увидел это.

На восточном горизонте всё ещё не было видно никаких признаков рассвета, когда Тим свернул на юг, на шоссе 77. Мальчик по имени Ник занял место Калиши на переднем сиденье. Люк вместе с ней перешёл в заднюю часть фургона, и теперь все четверо спали, прижавшись друг к другу, как щенята. Ники, казалось, тоже спал — его голова стучалась в окно каждый раз, когда фургон налетал на выбоину... которых на дороге было немало.

Сразу после знака, извещающего, что Миллинокет находится в пятидесяти милях впереди, Тим взглянул на свой мобильник и увидел две «палки» связи и девять процентов заряда. Он позвонил Венди, которая ответила после первого же гудка. Она хотела знать, всё ли с ним в порядке. Он ответил, что в порядке. Она спросила, в порядке ли Люк.

— Да. Он спит. У меня тут ещё четверо детей. Были другие — не знаю сколько, но довольно много, — и все они погибли.

— Погибли? Господи, Тим, что случилось?

— Пока не могу сказать. Расскажу, когда смогу, и, может, ты даже поверишь, но в данный момент я в какой-то глухомани, у меня тридцать баксов в кармане, и я не могу пользоваться кредитками. Там был настоящий хаос, и я не хочу оставлять бумажных следов. А ещё я устал, как собака. Бензина пока что полбака, и это хорошо, но телефон почти сдох. Сука, сука, сука, так?

— Что... ты... есть что-то...

— Венди, связь пропадает. Если слышишь: я перезвоню. Люблю тебя.

Он не знал, услышала ли она последнюю фразу, и как отреагировала, если услышала. Он никогда не

говорил ей этого раньше. Он выключил телефон и положил его на приборную панель вместе с пистолетом Тага Фарадея. Всё, что случилось в Дюпре, казалось случилось давным-давно, почти в прошлой жизни, которой жил другой человек. Сейчас важнее всего были дети и то, что с ними делать дальше.

А также то, кто мог прийти за ними.

— Эй, Тим.

Он повернулся к Ники.

— Я думал ты спишь.

— Нет, просто размышлял. Могу я вам кое-что сказать?

— Конечно. Говори, что хочешь. Не давай мне заснуть.

— Просто хотел сказать спасибо. Не буду утверждать, что вы укрепили мою веру в людей, но прийти туда с Люки... для этого нужны яйца.

— Слушай, парень, ты что ли читаешь мои мысли?

Ник помотал головой.

— Сейчас не могу. Не думаю, что смогу даже сдвинуть обёртки от конфет на полу этой развалюхи, а это была моя фишка. Если бы я был связан с ними... — Он кивнул в сторону спящих детей в задней части грузовика. — То другое дело. По крайней мере, на время.

— Думаешь, ты ослабнешь? Вернёшься к тому, что у тебя было?

— Не знаю. В любом случае, для меня это не так уж важно. И никогда не было важно. Меня больше волнует футбол и уличный хоккей. — Он уставился на Тима. — Слушайте, у вас под глазами даже не мешки, а целые чемоданы.

— Да, не мешало бы поспать, — согласился Тим. Часиков эдак двенадцать. Ему вдруг вспомнилось обветшалое заведение Норберта Холлистера, где не работал телевизор и повсюду бегали тараканы. —

Кажется, существуют частные мотели, где не будут задавать вопросов, если предложить наличку, но, боюсь, с наличкой туговато.

Ники улыбнулся, и Тим увидел, каким красивым молодым человеком он станет — если будет на то Божье благословенье — через несколько лет.

— Думаю, мы с друзьями могли бы помочь вам с этим. Не уверен, но, пожалуй, да. Бензина хватит, чтобы доехать до следующего города?

— Да.

— Остановитесь там, — сказал Ники, и снова прислонился головой к окну.

32

Незадолго до девяти часов утра, когда должно было открыться миллинокетское отделение «Симэнс Траст», кассир по имени Сандра Робишо вызвала менеджера банка из его офиса.

— У нас проблема, — сказала она. — Взгляните на это.

Перед ней была открыта видеозапись с банкомата «Эй-Ти-Эм». Брайан Стернс сел рядом. Между транзакциями камера банкомата уходила в сон, а в маленьком северном городке Миллинокет, штат Мэн, это обычно значило, что она «спала» всю ночь, просыпаясь от первых пользователей в районе шести часов утра. Таймер на записи показывал 5:18. Стерн увидел, как к банкомату подошли пятеро человек. Четверо из них натянули на носы и рты рубашки, наподобие бандитских масок, как в старых вестернах. У пятого была низко натянутая на глаза фирменная кепка. Стернс прочитал надпись на ней: «МЭН ПЭЙПЕР ИНДАСТРИЗ».

— Они похожи на детей!

Сандра кивнула.

— Или карлики, что маловероятно. Смотрите дальше, мистер Стернс.

Дети взялись за руки, образовав круг. По изображению пробежали несколько разноцветных полос, будто от электрической наводки. Затем из купюроприёмника начали сыпаться деньги, как из игрового автомата в казино.

— Какого чёрта?

Сандра помотала головой.

— Не знаю, какого чёрта, но они забрали около двух тысяч долларов, а банкомат не выдаёт больше восьми сотен. Так он запрограммирован. Думаю, нам стоит кому-нибудь сообщить об этом, но не знаю кому.

Стернс не ответил. Он только с изумлением наблюдал, как маленькие бандиты — они выглядели, как ученики средних классов — подбирали деньги.

Затем они исчезли.

Шепелявый человек

1

Одним прохладным октябрьским утром, примерно три месяца спустя, Тим Джеймисон шёл вниз по подъездной дороге от местечка с названием Катоба-Хилл-Фарм до южно-каролинского межштатного шоссе 12-А. Прогулка заняла какое-то время — подъездная дорога была почти полмили длиной. Чуть длинней, говорил он Венди, и её можно было назвать южно-каролинским межштатным шоссе 12-В. На нём были вылинявшие джинсы, грязные рабочие ботинки, и толстовка, такая большая, что доходила до бёдер. Это был подарок от Люка, заказанный по интернету. На груди золотыми буквами было написано: ЭЙВЕСТЕР. Тим так и не увидел Эйвери Диксона, но ему нравилось носить эту толстовку. Его лицо было сильно загоревшим. Катоба уже лет десять не являлось настоящей фермой, но за амбаром всё ещё оставался акр посевной земли, и сейчас шёл сезон сбора урожая.

Тим подошёл к почтовому ящику, открыл его, принялся выгребать обычный мусор (похоже, в наши дни уже никто не получал настоящей почты), и замер. Его желудок, с которым во время прогулки всё было в порядке, казалось, сжался. Приближалась машина. Ничего особенного, обычный «Шеви Малибу», припорошенный красноватой пылью, и с обычным количеством жуков на решётке радиатора. Это был не сосед, Тим знал все их машины, но это мог быть продавец или заблудший путник, желающий узнать дорогу. Только это было не так. Тим не знал, кто был за

рулём, но знал, что этот человек должен был появиться. И он появился.

Тим закрыл почтовый ящик и завёл одру руку за спину, будто подтягивая ремень. Его ремень был на месте, как и пистолет, «Глок», который когда-то принадлежал рыжеволосому помощнику шерифа по имени Таг Фарадей.

Мужчина заглушил двигатель и вышел. Он был одет в гораздо более новые джинсы, чем Тим — на них ещё были видны магазинские складки, — и белую рубашку, застёгнутую до самого горла. Его лицо было одновременно красивым и невзрачным, что может показаться парадоксальным, пока сам не увидишь такого человека. У него были голубые глаза и нордического оттенка волосы, почти белые. Фактически, он выглядел именно так, как его представляла себе покойная миссис Сигсби. Он пожелал Тиму доброго утра, и Тим ответил на приветствие, продолжая держать руку за спиной.

— Вы — Тим Джеймисон. — Пришелец протянул руку.

Тим посмотрел на неё, но не пожал.

— Да. И кто же вы такой?

Блондин улыбнулся.

— Допустим, Уильям Смит. Это имя указано в моём водительском удостоверении. — Со «Смит» был полный порядок, как и с «*водительском*», но «*удостоверении*» он произнёс, как «*удоштоверении*». Шепелявость, но лёгкая. — Зовите меня Билл.

— Чем могу быть полезен, мистер Смит?

Человек, назвавшийся Биллом Смитом — имя столь же безликое, как и его седан, — покосился на утреннее солнце, слегка улыбаясь, словно обдумывал несколько вариантов ответа на этот вопрос, которые все были одинаково хороши. Затем он снова посмотрел на Тима.

Улыбка всё ещё играла на его губах, но глаза не улыбались.

— Можно, конечно, тянуть резину, но, уверен, вам предстоит напряжённый день, так что я не отниму времени больше необходимого. Позвольте начала заверить вас, что я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности, так что если у вас там пистолет, а не просто зачесалось, можете отпустить его. Думаю, мы оба согласны, что для этой части света в этом году было достаточно стрельбы.

Тим хотел спросить, как мистер Смит нашёл его, но зачем утруждать? Это было не так уж трудно. Катоба-Фарм принадлежала Гарри и Рите Галликсонам, которые нынче жили во Флориде. Последние три года за их старым домом присматривала дочь. Кто мог справиться с этой задачей лучше помощника шерифа?

И она по-прежнему *была* помощником шерифа, продолжая получать жалованье, по крайней мере, на данный момент, хотя трудно было сказать, в чём конкретно заключались её обязанности. Ронни Гибсон, отсутствовавшая в ночь нападения отряда миссис Сигсби, теперь исполняла обязанности шерифа округа Фэйрли, но как долго это продлится, можно было только гадать; ходили слухи о перемещении участка в соседний Даннинг. Да и Венди никогда не была создана для работы патрульным.

— Где офицер Венди? — спросил Смит. — Вероятно, в доме?

— Где Стакхаус? — парировал Тим. — Должно быть, вы слышали «офицер Венди» от него, потому что Сигсби мертва.

Смит пожал плечами, засунул руки в задние карманы новых джинсов, покачался на пятках и огляделся по сторонам.

— Ну и славно же здесь, правда? — «Славно» получилось, как «шлавно»; шепелявость и впрямь была

лёгкой, но в основном отсутствовала.

Тим решил не развивать тему со Стакхаусом. Было ясно, что он ничего не добьётся, и кроме того, Стакхаус — дело прошлое. Он мог быть в Бразилии; мог быть в Аргентине или Австралии; или мог быть мёртв. Теперь Тиму было всё равно. Шепелявый человек был прав: не стоит тянуть резину.

— Помощник шерифа Галликсон в Колумбии, на закрытом слушании по поводу перестрелки, произошедшей летом.

— Полагаю, у неё припасена история, на которую они купятся.

Тим не собирался подтверждать это предположение.

— Она также посетит несколько совещаний по поводу дальнейшей судьбы правоохранительных органов здесь, в округе Фэйрли, поскольку головорезы, которых вы послали, уничтожили большую их часть.

Смит развёл руками.

— Я и люди, с которыми я работаю, не имеем к этому никакого отношения. Это была исключительно инициатива миссис Сигсби.

Может, правда, а может, нет, мог бы ответить Тим. *Она действовала так, потому что боялась тебя и людей, с которыми ты работаешь.*

— Насколько я знаю, Джордж Айлс и Хелен Симмс — уехали, — сказал мистер Смит. — «Симмс» вышло, как «Симмш». — Юный мистер Айлс — к дяде в Калифорнию, мисс Симмс — к бабушке с дедушкой в Делавэр.

Тим не знал, откуда этот шепелявый мужчина брал информацию — Норберт Холлистер давно пропал, мотель Дюпре был закрыт, снаружи стоял знак «ПРОДАЁТСЯ», который, вероятно, простоят там ещё очень долго, — но его информация была верна. Тим никогда не думал, что останется вне поля зрения, но

ему не нравилась глубина познаний мистера Смита о детях.

— Это значит, что Николас Уилхолм и Калиша Бенсон всё ещё здесь. И, конечно же, Люк Эллис. — Он опять заулыбался, но уже сдержанней. — Виновник всех наших несчастий.

— Что вам нужно, мистер Смит?

— Не так уж много. Мы скоро подойдём к этому. А пока позвольте похвалить вас. И не только за вашу храбрость, которая была бесспорной в ту ночь, когда вы штурмовали Институт практически в одиночку, но и за заботу, которую вы с офицером Венди проявили после. Вы ведь разделили их, я прав? Сначала Айлса — примерно через месяц после возвращения в Южную Каролину. Затем, через две недели после него — Симмс. Оба покинули вас с историями о похищении по неизвестной причине, удержании в неизвестном месте неопределённый период времени, а затем освобождении... также по неизвестной причине. Вы с офицером Венди сумели всё это устроить, хотя, должно быть, находились под пристальным вниманием.

— Откуда вы всё это знаете?

Теперь пришла очередь шепелявого мужчины не отвечать, но это было нормально. Тим догадывался, что, по крайней мере, часть информации он получил из газет и интернета — возвращение похищенных детей всегда было новостью.

— Когда уедут Уилхолм и Бенсон?

Тим обдумал это и решил ответить.

— Ники уезжает в эту пятницу. К тёте с дядей в Неваду. Его брат уже там. Ник не горит желанием, но понимает, что не может остаться здесь. Калиша пробудет ещё неделю или две. У неё есть двенадцатилетняя сестра в Хьюстоне. Калиша очень хочет воссоединиться с ней. — Это было и правдой, и неправдой. Как и остальные, Калиша страдала от ПТСР.

— И их истории также выдержат полицейскую проверку?

— Да. Эти истории довольно просты, и, разумеется, они все боятся того, что может случиться, если расскажут правду. — Тим замолчал. — Не то чтобы им поверят.

— А юный мистер Эллис? Что насчёт него?

— Люк останется со мной. У него нет близких родственников и некуда идти. Он уже вернулся к процессу познания. Это успокаивает его. Мальчик скорбит, мистер Смит. Скорбит о родителях, скорбит о друзьях. — Он замолчал, пристально глядя на блондина. — Я также подозреваю, что он скорбит о детстве, которое ваши люди украли у него.

Он подождал, что на это ответит мистер Смит, но тот промолчал, поэтому Тим продолжил.

— Вообще, если мы сможем придумать достаточно убедительную историю, он продолжит с того, на чём остановился. Его зачислили в Эмерсона и в МТИ. Он очень умный парень. — Он не стал добавлять «как вам хорошо известно». — Мистер Смит... вас это вообще волнует?

— Не очень, — ответил Смит. Он достал из нагрудного кармана пачку «Американ Спирит». — Курите?

Тим помотал головой.

— Я и сам не любитель, — сказал мистер Смит, — но недавно я прошёл курс по коррекции шепелявости, и выкуриваю сигаретку в качестве награды, когда удаётся контролировать себя в разговоре, особенно таком длинном и напряжённом, как у нас сейчас. Вы заметили мою шепелявость?

— Она очень слабая.

Мистер Смит кивнул, явно довольный, и закурил. Запах в прохладном утреннем воздухе казался сладким и ароматным. Запах, который будто был создан для

такой табачной страны... хотя с восьмидесятых годов это не касалось Катоба-Фарм.

— Надеюсь, они, как говорится, будут держать язык за зубами. Если кто-то проболтается, последствия затронут всех пятерых. Несмотря на флэшку, которая у вас якобы есть. Не все мои... люди... верят в её существование.

Тим улыбнулся.

— Будет неразумно, если ваши... люди... захотят проверить.

— Я вас понял. Но всё же будет очень плохо, если кто-нибудь из этих детей заговорит о своих приключениях в лесах Мэна. Если вы поддерживаете связь с мистером Айлсом и мисс Симмс, вам стоит предупредить их. Или пусть Уилхолм, Бенсон и Эллис выйдут на них другим способом.

— Вы говорите о телепатии? Я бы на это не рассчитывал. Она возвращается к тому уровню, который был до того, как ваши люди похитили их. То же самое с телекинезом. — Он сказал Смиту то, что услышал от детей, но сам не до конца был в этом уверен. Одно Тим знал точно: ужасный гул больше не возвращался. — Как вы это скрыли, Смит? Мне любопытно.

— Не могу удовлетворить ваше любопытство, — ответил блондин. — Но скажу вам, что нашего внимания потребовало не только ушреждение в Мэне. В разных концах света было двадцать других Институтов и все они выведены из строя. Два из них — в странах, где послушание прививается чуть ли не с рождения — продержались около шести недель, а потом в обоих случились массовые суициды. — У него получилось «шуишиды».

«Массовые суициды или массовые убийства?» — подумал Тим. Но не собирался вдаваться в подробности. Чем скорее он избавится от этого человека, тем лучше.

— Эллис — с вашей помощью, весомой помощью — погубил нас. Звучит довольно мелодраматично, но это правда.

— Думаете, меня это волнует? — спросил Тим. — Вы убивали детей. Если ад существует, вы отправитесь туда.

— А вы, мистер Джеймисон, несомненно верите, что попадёте на небеса, если такое место существует. Но как знать, может быть, вы правы. Разве Бог может отвернуться от того, кто мчится спасти беззащитных детей? Будь я на месте Иисуса на кресте, вы были бы прощены, потому что не ведаете, что сотворили. — Он бросил сигарету в сторону. — Но я скажу вам. За этим я и пришёл сюда с согласия моих коллег. Благодаря вам и Эллису мир сейчас находится на грани самоубийства. — На этот раз слово получилось без искажений.

Тим ничего не ответил, просто ждал.

— Первый Институт, хотя и не с таким названием, существовал в нацистской Германии.

— Почему я не удивлён? — сказал Тим.

— И почему так предосудительны? Нацисты провели расщепление ядра раньше Америки. Они создали антибиотики, которыми мы пользуемся по сей день. Они положили начало современному ракетостроению. А некоторые немецкие учёные проводили эксперименты по экстрасенсорике при полной поддержке Гитлера. Они открыли, почти случайно, что группы одарённых детей способны заставить проблемных людей — назовём их преградами на пути прогресса — перестать быть проблемными. Эти дети были «израсходованы» к 1944-му году, потому что не существовало никакого надёжного метода, научного метода поиска замены после того, как они становились, на институтском жаргоне, овощами. Самый действенный тест на определение скрытых экстрасенсорных способностей появился позже. Знаете, что это был за тест?

— BDNF. Нейротрофический фактор мозга. Люк сказал мне, что это был маркер.

— Да, он умный мальчик, это точно. Теперь все причастные жалеют, что не оставили его в покое. Его BDNF был не так уж высок.

— Уверен, Люк был бы не против, чтобы его оставили в покое. И его родителей. А теперь, давайте не будем отвлекаться. Говорите, что хотели сказать.

— Хорошо. До начала Второй мировой войны и после её окончания проводились разные конференции. Вы должны что-нибудь помнить из школьного курса истории.

— Я помню Ялтинскую, — сказал Тим. — Рузвельт, Черчилль и Сталин собрались вместе, чтобы поделить мир.

— Да, это самая известная, но самая важная встреча произошла в Рио-де-Жанейро, и ни одно правительство в ней не участвовало... если только вы не хотите назвать группу этих людей — и их преемников на протяжении многих лет — своего рода теневым правительством. Они — *мы* — знали о немецких детях, и принялись искать других. К 1950-му году мы поняли полезность BDNF. Один за другим в изолированных районах были построены Институты. Оборудование было усовершенствовано. Они существуют уже более семидесяти лет, и по нашим подсчётам спасали мир от ядерного холокоста более пятисот раз.

— Это смешно, — резко сказал Тим. — Абсурд.

— Вовсе нет. Позвольте привести вам один пример. В то время, когда в Мэне взбунтовались институтские дети — бунт, который распространился как вирус на все остальные Институты, — они работали над самоубийством евангелиста по имени Пол Уэстин. Благодаря Люку Эллису, он остался жив. Через десять лет он станет близким соратником христианского джентльмена, который станет министром обороны

Америки. Уэстин убедит министра, что война неизбежна; министр убедит в этом президента, что в конечном счёте приведёт к превентивному ядерному удару. Всего лишь одна ракета, но она может запустить цепную реакцию. Эта часть находится вне нашего диапазона предсказаний.

— Вы не можете знать ничего подобного.

— Как, по-вашему, мы выбирали цели, мистер Джеймисон? Доставали из шляпы бумажки с их именами?

— Телепатия, я полагаю.

Мистер Смит был похож на терпеливого учителя с медлительным учеником.

— ТК двигают предметы, а ТП читают мысли, но никто из них не способен предсказать будущее. — Он снова достал сигареты. — Уверены, что не хотите?

Тим помотал головой.

Смит закурил.

— Дети, как Люк Эллис и Калиша Бенсон, встречаются редко, но есть и другие, ещё более редкие. Ценнее любого драгоценного металла. Что в них особенного? Их таланты не пропадают с возрастом, и они не разрушают умы других участников.

Краем глаза Тим уловил какое-то движение и повернулся. По подъездной дороге шёл Люк. Чуть выше по склону стояла Энни Ледо с дробовиком наперевес. По бокам от неё были Калиша и Ники. Смит пока что не видел никого из них; он смотрел в туманную даль, на маленький городок Дюпре и сверкающие железнодорожные пути, проходящие через него.

Теперь большую часть времени Энни проводила в Катоба-Хилл. Она души не чаяла в детях, и они, казалось, наслаждались её обществом. Тим указал в её сторону пальцем, затем похлопал рукой воздух: не приближайтесь. Она кивнула и осталась на месте, наблюдая за происходящим. Смит продолжал

любоваться видом, который действительно был славным.

— Допустим, есть ещё один Институт — очень маленький, очень *особенный*, где всё первоклассное и современное. Никаких устаревших компьютеров или разваливающейся инфраструктуры. Он находится в совершенно безопасном месте. Другие Институты существуют на так называемой вражеской территории, но не этот. Там нет тайзеров, нет инъекций, нет наказаний. Нет никакой надобности подвергать постояльцев этого специального Института околосмертным испытаниям наподобие иммерсионного бака, чтобы помочь им открыть свои глубинные способности.

— Допустим, он в Швейцарии. Не в её пределах, но *на* нейтральной земле, потому что многие страны заинтересованы в его обслуживании и продолжении бесперебойной работы. Очень многие. Сейчас там находится шестеро особенных гостей. Они уже не дети; в отличие от ТП и ТК в других Институтах, их таланты не ослабевают и не пропадают с переходом во взрослую жизнь. Двое из этих людей на самом деле довольно возрастные. Их уровень BDNF не связан с их весьма особенными талантами; в этом смысле они уникальны, и поэтому их очень трудно найти. Мы постоянно искали замену, но сейчас поиск приостановлен, потому что вряд ли в этом есть какой-то смысл.

— Кто эти люди?

— Преды, — сказал Люк.

Смит вздрогнул и обернулся.

— Ну, здравствуй, Люк. — Он улыбнулся, но в то же время отступил назад. Неужели испугался? Тим подумал, что да. — Преды, совершенно верно.

— О чём вы, чёрт возьми, говорите? — спросил Тим.

— О предвидении, — ответил Люк. — Эти люди могут видеть будущее.

— Ты шутишь, да?

— Он не шутит, и я тоже, — сказал Смит. — Можно назвать этих шестерых нашей линией DEW — это сокращение времен Холодной войны, означающее линию раннего локационного обнаружения. Или, если выразаться современным языком, это наши беспилотники, летающие в будущее и отмечающие места зарождения значительных конфликтов. Мы концентрируемся только на предотвращении самых крупных. Мир выжил только потому, что мы смогли принять упреждающие меры. Тысячи детей погибли в этом процессе, но *миллиарды* были спасены. — Он повернулся к Люку и улыбнулся. — Уверен, ты понимаешь это достаточно простое уравнение. И, уверен, такой математически одарённый ребёнок, как ты, способен увидеть соотношение затрат и выгод.

Энни и двое её подопечных начали спускаться с холма, но в этот раз Тим не стал останавливать их. Он был слишком ошеломлён услышанным.

— Я могу поверить в телепатию, могу поверить в телекинез, но предвидение? Это даже не наука, это ярмарочное развлекалово!

— Уверяю вас, это не так, — сказал Смит. — Наши преды находят цели. ТК и ТП, работая в группах для увеличения силы, — устраняют их.

— Предвидение существует, Тим, — тихо сказал Люк. — Я знал это ещё до побега из Института. И почти уверен, Эйвери тоже. Потому что всё остальное казалось бессмысленным. С тех пор, как мы приехали сюда, я прочитал об этом всё, что смог найти. Статистика по этой теме довольно неопровержима.

К Люку присоединились Калиша и Ники. Они с любопытством смотрели на блондина, который назвался Биллом Смитом, но не проронили ни слова. Позади них стояла Энни. Несмотря на тёплый день, она была в своём серапе и походила на мексиканского стрелка

больше чем когда-либо. Её глаза блестели и смотрели понимающим взглядом. Дети изменили её. Но Тим не думал, что с помощью своей силы; со временем ей бы стало только хуже. Тим думал, что дело в простом товариществе, или в том, что они приняли её такой, какой она была. Какова бы ни была причина, он был рад за неё.

— Вот видите? — сказал Смит. — Это подтвердил ваш местный гений. Наши шестеро предков — какое-то время их было восемь, а в семидесятых, страшно подумать, только четверо — постоянно ищут определённых людей, которых мы называем *петлями*. Они — поворотные элементы, на которых вращается дверь человеческого вымирания. Петли — не *источники* разрушения, они — *векторы* разрушения. Уэстин был такой петлёй. Как только они обнаруживаются, мы изучаем их, наблюдаем за ними, снимаем на видео. А дальше их передают детям из нескольких Институтов, которые, так или иначе, устраняют их.

Тим мотал головой.

— Я в это не верю.

— Как сказал, Люк, статистика...

— Статистика докажет, что угодно. Никто не может видеть будущее. Если вы и ваши коллеги действительно верите в это, в таком случае вы не организация, вы — секта.

— У меня была тётушка, которая видела будущее, — вдруг сказала Энни. — Однажды вечером она оставила сыновей дома; они хотели пойти в танцзал, где потом взорвался пропан. Двадцать человек сгорели, как мыши в клетке, но её мальчики были дома, в безопасности. — Она замолчала, а затем, подумав, добавила: — Ещё она знала, что Труман станет президентом, хотя никто не верил в *это* дерьмо.

— А она знала про Трампа? — спросила Калиша.

— О, она умерла задолго до того, как появился этот столичный олух, — сказал Энни, и когда Калиша подняла ладонь, проворно хлопнула по ней.

Смит проигнорировал это вмешательство.

— Мир всё ещё цел, Тим. И это не статистика, это факт. Семьдесят лет спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, мир всё ещё существует, несмотря на то, что у многих стран есть ядерное оружие, несмотря на то, что примитивные человеческие эмоции, всё ещё господствующие над рациональным мышлением, и суеверия, маскирующиеся под религию, продолжают направлять курс человеческой политики. Почему? Потому что мы защищали его, а теперь защиты не стало. Из-за Люка Эллиса и вашего непосредственного участия.

Тим посмотрел на Люка.

— Ты веришь в это?

— Нет, — ответил Люк. — И он тоже, во всяком случае, не до конца.

Хотя Тим не этого знал, но Люк подумал о девочке, которая спросила его о математической задаче из АОТ-теста, — той, где говорилось о стоимости номера отеля некоего Аарона. У неё получился неправильный ответ, и сейчас было то же самое, только в гораздо большем масштабе: плохой ответ, полученный из ошибочного уравнения.

— Уверен, вы хотели бы верить, — сказал Смит.

— Энни права, — сказал Люк. — Действительно, есть люди, у которых бывают вспышки предвидения, и её тётя могла быть одной из них. Несмотря на то, что говорит этот человек и во что он может верить, это случается не так уж редко. Возможно, пару раз было и у тебя, Тим, но ты называл это как-то иначе. Вероятно, инстинктом.

— Или догадками, — сказал Ники. — В сериалах у копов постоянно появляются догадки.

— Сериалы — это не настоящая жизнь, — сказал Тим, и вспомнил кое что из прошлого: как он без видимой причины вышел из самолёта и направился автостопом на север.

— И очень жаль, — сказала Калиша. — Я люблю «Ривердейл».

— Слово «*вспышка*» постоянно используется в подобных историях, — сказал Люк, — потому что оно ближе всего — что-то вроде удара молнии. Я верю в это, и верю, что есть люди, способные это обуздать.

Смит поднял руки в жесте, как бы говоря: ну вот, пожалуйста.

— Именно об этом я и сказал. — Только вместо «сказал» получилось «шказал». Его шепелявость снова стала заметной. Тиму это показалось интересным.

— Но кое о чём он умолчал, — сказал Люк. — Вероятно, потому что не может сказать этого даже себе. Никто из них не может. Как наши генералы не любили говорить себе, что не существует никакого способа выиграть войну во Вьетнаме, даже после того, как это стало очевидным.

— Не понимаю, о чём ты, — сказал Смит.

— Понимаете, — сказал Калиша.

— Подтверждаю, — сказал Ники.

— Лучше признавайтесь, мистер, — сказала Сирота Энни. — Эти гаврики читают ваши мысли. Это похоже на щекотку, чувствуете?

Люк повернулся к Тиму.

— Когда я понял, что всё должно быть завязано на предвидении, и когда добрался до настоящего компьютера...

— Для пользования которым не нужны жетоны, — вставила Калиша.

Люк пихнул её.

— Помолчи ты минутку, ладно?

Ники усмехнулся.

— Осторожно Ша, Люки начинает сердиться.

Она засмеялась. Смит — нет. С приходом Люка и его друзей, он потерял контроль над разговором, и выражение его лица — сжатые губы, сведённые вместе брови — говорило, что он не привык к такому.

— Как только я получил доступ к настоящему компьютеру, — повторил Люк. — Я сделал распределение Бернулли. Вы знаете, что это такое, мистер Смит?

Блондин помотал головой.

— Но он знает, — сказала Калиша. В её глазах было видно веселье.

— Точно, — согласился Ники. — И оно ему не по нраву. Это какое-то там распределение — ему не друг.

— Распределение Бернулли — это способ точного выражения вероятности, — сказал Люк. — Он основан на идее, что есть два возможных исхода для определённых эмпирических событий, как например подбрасывание монетки или победа в футбольном матче. Исходы выражаются в виде p для положительного результата, и в виде $1-p$ для отрицательного. Не буду утомлять вас подробностями, но итог всего этого — булевозначный результат, который чётко выражает разницу между случайными и неслучайными событиями.

— Хватит грузить нас всякой ерундой, — сказал Ники. — Переходи к сути.

— Монетка падает случайным образом. Футбольный результат *кажется* случайным, если взять маленькую выборку, но если взять большую, станет ясно, что это не так, потому что в игру вступают другие факторы. Тогда ситуация становится вероятностной, и если вероятность A больше вероятности B , то в большинстве случаев выпадает A . Вы знаете об этом, если когда-нибудь ставили на спортивные события.

— Конечно, — сказал Тим. — Информацию о шансах и вероятном разбросе очков можно найти в обычной ежедневной газете.

Люк кивнул.

— Это действительно очень просто, и если применить распределение Бернулли к статистике предвидений, возникает интересная тенденция. Энни, через какое время случился пожар после того, как твоя тётя решила оставить сыновей дома?

— В тот же вечер, — сказала Энни.

Люк казался довольным.

— Что может служить прекрасным примером. Проведённое мной распределение Бернулли показывает, что вспышки предвидений — или видения, если вам больше нравится это слово — как правило точны, когда предсказанное событие находится всего в нескольких часах езды. Когда время между предсказанием и предсказанным событием увеличивается, вероятность того, что предсказание сбудется, начинает снижаться. Как только это становится вопросом недель, оно в значительной степени теряет силу, и p становится n .

Он обратил своё внимание на блондина.

— Вы *знаете* это, и люди, с которыми вы работаете, тоже знают. И знают многие годы. Фактически десятилетия. Должно быть так. Любой математик с компьютером может запустить распределение Бернулли. Возможно, результат был неоднозначный, когда вы начали заниматься этим в конце сороковых или начале пятидесятых, но к восьмидесятым годам всё должно было исправиться. А, скорее всего, к шестидесятым.

Смит помотал головой.

— Ты очень умён, Люк, но ты всё ещё ребёнок, а дети склонны к магическому мышлению — они искажают истину до тех пор, пока она не втиснется в

рамки их видения этой истины. Ты думаешь, мы не проводили тестов, чтобы *доказать* способность предвидения у нашей группы?

Его шепелявость продолжала усиливаться.

— Мы проводим новые тесты каждый раз, когда получаем нового преда. Им поручается предсказать ряд случайных событий: какой самолёт прибудет с задержкой... смерть Тома Петти... брексит... даже, какие машины проедут через определённые перекрёстки. Фиксация успехов — *зафиксированный* успех — длится почти три четверти века!

Три «шетверти» века.

— Но ваши тесты всегда фокусируются на событиях, которые должны произойти *вскоре*, — сказала Калиша. — И не думайте отрицать — это маячит у вас в голове, как неоновая вывеска. А ещё это логично. Какая польза от теста, если вы не можете получить результат на пять или десять лет вперёд?

Она взяла Ники за руку. Люк отступил назад и взял за руку Калишу. И теперь Тим снова мог слышать гудение. Тихое, но ощутимое.

— В день своей смерти представитель Берковиц оказался именно в том месте, какое было предсказано предами, — сказал Смит. — И предсказание было сделано почти за год до этого.

— Ладно, — сказал Люк, — но вы нацелились на людей — к примеру, на Пола Уэстина, — исходя из предвидений о том, что случится через десять, двадцать и даже двадцать пять лет. Вы знаете, что они ненадёжны, вы знаете, что эти люди и события, в которых они участвуют, могут пойти по совершенно иному пути от чего-то совершенно тривиального, как пропущенный телефонный звонок, но вас это не останавливает.

— Допустим, ты по-своему прав, — сказал Смит. — Но разве не лучше перестраховаться, чем потом

жалеть? — «Перештраховаться». «Шалеть». — Подумай о предсказаниях, которые сбылись, а затем подумай о возможных последствиях бездействия!

Энни вставила свои пять копеек:

— Как вы можете быть уверены, что предсказания сбудутся, если вы убьёте указанных в них людей? Я этого не понимаю.

— И он тоже не понимает, — сказал Люк, — но ему невыносима мысль, что все совершённые ими убийства были совершены без веской причины. Им всем невыносима.

— Нам пришлось уничтожить деревню, чтобы спасти её, — сказал Тим. — Кажется, кто-то говорил это о Вьетнаме?

— Если вы намекаете на то, что преды обманывают нас, выдумывая всякие небылицы...

— А вы можете быть уверены, что они этого не делают? — возразил Люк. — Может, не осознанно, но... у них там хорошая жизнь, верно? Беззаботная. Не похожая на ту, какая была у нас в Институте. Может, на момент появления их предвидения — верны. Но они всё равно не учитывают случайные факторы.

— Или Бога, — вдруг сказал Калиша.

Смит — который уже очень давно играл в Бога — сардонически усмехнулся при этих словах.

Люк сказал:

— Вы понимаете, о чём я говорю, конечно, понимаете. *Существует слишком много переменных.*

Смит некоторое время молчал, глядя на открывающийся вид. Затем сказал:

— Да, у нас есть математики, и распределение Бернулли всплывает в их докладах и дискуссиях. Вообще-то, уже многие годы. Так что, допустим, ты прав. Допустим, наша сеть Институты не спасала мир от ядерного уничтожения пять сотен раз. Пусть будет

только пятьдесят? Или пять? Но разве оно того не стоит?

— Нет, — очень тихо сказал Тим.

Смит уставился на него, как на сумасшедшего.

— *Нет?* Вы говорите *нет*?

— Здравомыслящие люди не приносят детей в жертву на алтарь вероятности. Это не наука, это суеверие. И теперь, я думаю, вам пора уходить.

— Мы всё восстановим, — сказал Смит. — Если, конечно, успеем, потому что мир катится под гору, как детский драндулет без тормозов. Я также пришёл сказать вам об этом и предупредить вас. Никаких интервью. Никаких статей. Никаких постов в «Фэйсбук» или «Твиттер». Большинство людей всё равно посмеются над подобными историями, но мы отнесёмся к ним со всей серьёзностью. Если хотите застраховать свою жизнь, *ведите себя тихо*.

Гул становился громче, и когда Смит доставал «Американ Спирит» из кармана своей рубашки, его рука дрожала. Человек, появившийся из невзрачного «Шеви», был уверен в себе и стоял во главе ситуации. Он привык отдавать приказы, которые должны выполняться в кратчайшие сроки. Но теперь перед ними стоял другой человек, с сильной шепелявостью и растущими пятнами пота в подмышках.

— Думаю, тебе лучше уйти, сынок, — очень мягко посоветовала ему Энни. Возможно, даже доброжелательно.

Пачка сигарет выпала из руки Смита. Когда он нагнулся, чтобы подобрать её, она отлетела в сторону, хотя ветра не было.

— Курение вредит, — сказал Люк. — Вы и без предов знаете, что будет, если не бросите.

У «Малибу» заработали дворники. Включились фары.

— Лучше идите, — сказал Тим. — Пока можете. Я понимаю, вы злитесь из-за того, как всё сложилось, но вы не представляете, насколько злы эти дети. Они достигли нулевой отметки.

Смит подошёл к своей машине и открыл дверь. Затем он указал пальцем на Люка.

— Ты веришь в то, во что хочешь верить, — сказал он. — Как и все мы, юный мистер Эллис. Со временем ты сам это поймешь. К своему сожалению.

Он уехал, поднимая клубы пыли, которая полетела в сторону Тима и остальных... а затем резко свернул в сторону, будто от порыва ветра, который никто из них не почувствовал.

Люк улыбнулся, подумав, что Джордж справился бы с этим лучше.

— Возможно, было бы лучше избавиться от него, — сказала Энни как ни в чём не бывало. — В дальнем конце сада достаточно места для тела.

Люк вздохнул и помотал головой.

— Есть и другие. Он всего лишь куратор.

— К тому же, — сказал Калиша, — тогда мы будем, как *они*.

— И всё же, — мечтательно произнёс Ники. Он больше ничего не сказал, но Тиму не нужно было быть телепатом, чтобы закончить его мысль: *это было бы здорово*.

2

Тим ждал возвращения Венди из Колумбии к ужину, но она позвонила и сказала, что должна остаться. На утро была назначена ещё одна встреча, посвящённая будущему правоохранительных органов округа Фэйрли.

— Господи, это когда-нибудь закончится? — спросил Тим.

— Почти уверена, что эта встреча будет последней. Ты знаешь, ситуация сложная, а бюрократия нисколько не улучшает её. Вы там в порядке?

— Да, в полном, — сказал Тим, надеясь, что так и есть.

Он сварил на ужин большую кастрюлю спагетти; Люк состряпал соус Болоньезе; Калиша и Ники приготовили салат. Энни куда-то исчезла, как это часто бывало.

Они хорошо поели. Хорошо поговорили и довольно много смеялись. Потом, когда Тим принёс из холодильника пирог «Пэйпербридж Фарм», держа его высоко, как официант из оперетты, он увидел, что Калиша плачет. Ник и Люк оба приобняли её, но не говорили никаких утешительных слов (по крайней мере, вслух). Они выглядели озабоченными и вдумчивыми. Из-за неё, но, возможно, не полностью из-за неё; возможно, они погрузились в свои собственные переживания.

Тим поставил пирог.

— Что случилось, Кей? Уверен, они знают, но я-то — нет. Так что выкладывай.

— Что если он прав? Что если этот человек прав, а Люк — нет? Что если миру осталось три года... или три *месяца*... потому что мы больше не защищаем его?

— Я не ошибся, — сказал Люк. — У них есть математики, но я лучше. Это не хвастовство, если это правда. И что он там сказал обо мне? Магическое мышление? Но это верно и для них. Им невыносимо думать, что они ошибаются.

— Ты не уверен! — выкрикнула она. — Я слышу это в твоей голове, Люки, *ты всё ещё не уверен!*

Люк не стал отрицать этого, просто уставился в свою тарелку.

Калиша посмотрела на Тима.

— Что если они все же правы? Тогда это будет наша вина!

Тим заколебался. Ему тяжело было думать, что дальнейшие его слова могут сильно повлиять на то, как эта девочка проживёт оставшуюся жизнь, а он ни за что не хотел возлагать на себя такую ответственность, хотя боялся, что это уже произошло. Мальчики тоже слушали. Слушали и ждали. Тим не обладал экстрасенсорными способностями, но одна способность у него всё же была: он был старшим. Взрослым. И они хотели услышать от него, что никакого монстра под кроватью нет.

— Это не ваша вина. Никого из вас. Этот человек приходил не для того, чтобы предостеречь вас, а чтобы отравить вашу жизнь. Не позволяй ему сделать это, Калиша. Не позволяйте — все вы. Как вид, мы созданы для одной цели, и вы, ребята, достигли её.

Он потянулся к Калише обеими руками и вытер слёзы с её щёк.

— Вы выжили. Вы использовали свою любовь и ум, и выжили. А теперь давайте есть пирог.

3

Наступила пятница и пришла очередь Ника уезжать.

Тим и Венди стояли с Люком, глядя как Ники и Калиша, обнявшись, спускаются вниз по подъездной дороге. Венди должна была отвезти его на автобусную станцию в Брунsvике, но все трое понимали, что перед этим им двоим нужно — вполне заслуженно — побыть немного наедине. Чтобы попрощаться.

— Давай-ка ещё раз всё повторим, — сказал Тим часом ранее, после обеда, во время которого Ники и

Калиша почти ничего не поели. Тим и Ники вышли на заднее крыльцо, пока Люк с Калишей мыли посуду.

— В этом нет надобности, — сказал Ники. — Я всё понял, бро. Правда.

— И всё же, — сказал Тим. — Это важно. Из Брунсвика до Чикаго, так?

— Так. Автобус уезжает в семь-пятнадцать вечера.

— С кем можно общаться в автобусе?

— Ни с кем. Не нужно привлекать внимание.

— Что ты должен сделать по прибытии?

— Позвонить своему дяде Фреду из Нави-Пир. Потому что там меня оставили похитители. Там же они оставили Джорджа и Хелен.

— Но ты этого не знаешь.

— Нет, не знаю.

— Ты знаешь Джорджа и Хелен?

— Никогда не слышал о них.

— А кто тебя похитил?

— Не знаю.

— Чего они хотели?

— Не знаю. Это загадка. Они не домогались меня и не задавали вопросов; я не слышал никаких других детей и вообще ни черта не знаю. Когда полиция будет допрашивать меня, не добавлять ничего лишнего.

— Всё верно.

— В конце концов, копы сдадутся и я смогу поехать в Неваду, где буду счастливо жить с моими тётей и дядей, и с Бобби. — Бобби был братом Ники, который в ночь похищения Ники остался ночевать в гостях.

— Твоя реакция на смерть родителей?

— Для меня это новость. И не переживай, я смогу зарыдать. Это не будет трудно. И не будет фальшиво. Поверь мне. На этом всё?

— Почти. Первым делом расслабь кулаки. Те, что у тебя на руках, и те, что у тебя в голове. Дай шанс своей новой жизни.

— Это не легко, чувак. — Глаза Ники заблестели от влаги. — Нихуя не легко.

— Я знаю, — сказал Тим и рискнул обнять его.

Сначала Ник пассивно принял его объятия, а затем обнял его в ответ. Крепко. Тим подумал, что это неплохое начало, и что с этим парнем всё будет хорошо, сколько бы вопросов не задала полиции, сколько бы раз они не сказали, что всё это какая-то бессмыслица.

Джордж Айлс был единственным, за кого Тим переживал, когда наставлял его; парень был тем ещё балаболом и выдумщиком. Однако Тим думал — *надеялся*, — что всё же достучался до Джорджа: если ты ничего не знаешь — это спасёт тебя; если что-то добавишь — это может погубить тебя.

Теперь Ник и Калиша стояли в обнимку возле почтового ящика в конце подъездной дороги, где мистер Смит своим шепелявым голосом пытался посеять вину в детях, которые только хотели выжить.

— Он по-настоящему любит её, — сказал Люк.

«Да, — подумал Тим. — И ты тоже».

Но Люк был не первым, кто оказался белой вороной в любовном треугольнике, и не последним. И уместно ли здесь слово «любовный»? Люк был гением, а ещё ему было двенадцать. Его чувства к Калише спадут, как жар, хотя было бы бесполезно говорить ему об этом. Но он будет помнить, как Тим помнил девочку, по которой сходил с ума в двенадцать лет (ей было шестнадцать — на световые годы старше него). Как и Калиша запомнит Ники, красавчика, который сопротивлялся.

— Тебя она тоже любит, — мягко сказала Венди, и легонько сжала загорелую шею Люка.

— Но не так же, — мрачно ответил Люк, и тут же улыбнулся. — А, чёрт возьми, жизнь продолжается.

— Заводи машину, — сказал Тим Венди. — Автобус не будет ждать.

Она забрала Люка, и они вместе поехали к почтовому ящику, где он остался с Калишей. Они оба помахали, когда машина тронулась с места. Рука Ники высунулась из окна и помахала им в ответ. Затем машина уехала. В правом переднем кармане Ники — до которого карманникам сложнее всего добраться — лежали семьдесят долларов наличными и телефонная карта. А в его ботинке был засунут ключ.

Люк с Калишей направились вверх по подъездной дороге. На полпути Калиша закрыла лицо руками и заплакала. Тим начал спускаться, но передумал. Этим должен был заняться Люк. Что он и сделал, обняв её. Из-за того, что Калиша была выше ростом, она прижала свою голову к голове Люка, а не опустила ему на плечо.

Тим услышал гул — теперь не громче шёпота. Они разговаривали, но он не слышал, о чём, и это было нормально. Этот разговор был не для него.

4

Через две недели настала очередь Калиши отправляться в путь, но не в Брунсвик, а на станцию в Гринвилле. Она должна была прибыть в Чикаго к вечеру следующего дня и позвонить сестре в Хьюстон из Нави-Пира. Венди подарила ей маленькую сумочку, расшитую бисером. В ней лежали семьдесят долларов и телефонная карта. В одном из её кроссовок лежал ключ, идентичный ключу Ники. Деньги и телефонную карточку могли украсть, но ключ — никогда.

Она крепко обняла Тима.

— Этого не достаточно, чтобы отблагодарить тебя за то, что ты сделал, но больше у меня ничего нет.

— Достаточно, — сказал Тим.

— Надеюсь, из-за нас миру не придёт конец.

— Говорю тебе последний раз, Ша: если кто-то и нажмёт большую красную кнопку, то это будешь не ты.

Она слабо улыбнулась.

— Когда мы были все вместе, у нас была большая красная кнопка, чтобы покончить со всеми большими красными кнопками. И мне было приятно нажимать её. Вот, что меня тревожит. Насколько приятно это было.

— Но это позади.

— Да. Всё уходит, и я этому рада. Никто не должен обладать такой силой, особенно дети.

Тим подумал, что некоторые люди, которые могли нажать большую красную кнопку, и *были* детьми, по крайней мере, головой, если не телом, но не стал этого говорить. Впереди её ждало неизвестное и неопределённое будущее, что и без того было страшно.

Калиша повернулась к Люку и полезла в свою новую сумочку.

— У меня кое-что есть для тебя. Это осталось в моём кармане, когда мы покинули Институт, а я даже не обратила внимания. Хочу, чтобы это было у тебя.

Она протянула ему смятую пачку сигарет. Спереди был изображён ковбой, крутящий лассо. Над ним: СЛАДКИЕ СИГАРЕТЫ. Под ним: КУРИ, КАК ТВОЙ ОТЕЦ!

— Осталось пару штук, — сказала она. — Смятых и, вероятно, несъедобных, но...

Люк начал плакать. Теперь Калиша обняла его.

— Не надо, милый, — сказала она. — Не надо, пожалуйста. Хочешь, разбить мне сердце?

5

Когда Калиша и Венди уехали, Тим спросил Люка, не хочет ли он поиграть в шахматы. Мальчик помотал головой.

— Думаю, пойду на задний двор, посижу под тем большим деревом. Я чувствую пустоту внутри. Никогда раньше не чувствовал себя таким опустошённым.

Тим кивнул.

— Пустота снова заполнится. Поверь мне.

— Пожалуй. Тим, думаешь они когда-нибудь воспользуются ключами?

— Нет.

Ключи открывали депозитную ячейку в банке Чарльстона. Внутри находилось то, что Морин Алворсон передала Люку. Если бы с одним из детей, покинувших Катоба-Фарм — или с Люком, Венди и Тимом — что-нибудь случилось, один из них должен был приехать в Чарльстон и открыть ячейку. Может, все они вместе, если между ними ещё останется связь, установленная в Институте.

— Кто-нибудь поверит в то, что на флэшке?

— Энни уж точно, — с улыбкой сказал Тим. — Она верит в призраков, НЛО, «заместителей» и так далее.

Люк не улыбнулся в ответ.

— Да, но она немного... ну, того. Хотя теперь, когда она так часто видится с мистером Бентоном, ей стало лучше.

Брови Тима от удивления поползли вверх.

— С Барабанщиком? Хочешь сказать, они ходят на свидания?

— Вроде того, если этим словом можно назвать встречи пожилых людей.

— Ты прочитал её мысли?

Люк слегка улыбнулся.

— Нет. Я опять могу только двигать подносы для пиццы и перелистывать страницы книг. Она сказала мне. — Люк задумался. — И, думаю, нет ничего такого в том, что я рассказал об этом тебе. Она вроде как не брала с меня клятву хранить молчание или что-то в этом духе.

— Ну офигеть. А что касается флэшки... это как потянуть за одну нитку и распустить весь свитер. На ней есть дети, которых опознают. Много детей. Начнётся расследование, и все надежды на то, что организация шепелявого мужика возобновит работу, пойдут прахом.

— Я всё равно не думаю, что им удастся что-то восстановить. Он может думать обратное, но это не больше, чем очередное магическое мышление. С пятидесятих годов мир сильно изменился. Ладно, я пойду... — Он неопределённо махнул рукой в сторону дома и сада.

— Конечно, иди.

Люк направился вперёд, хотя он не шёл, а скорее плёлся, опустив голову.

Тим почти дал ему уйти, но потом передумал. Он догнал Люка и взял его за плечо. Когда мальчик обернулся, Тим обнял его. Он обнимал Ники — чёрт, он обнимал их всех, иногда после пробуждения от дурных снов, — но это объятие значило гораздо больше. Для Тима в этом объятии заключался целый мир. Он хотел донести до Люка, что тот был храбрым, возможно, храбрейшим ребёнком, когда-либо существовавшим за пределами детских приключенческих книг. Он хотел сказать Люку, что тот был сильным и порядочным, и что его родители гордились бы им. Он хотел сказать Люку, что любит его. Но не было слов, и, возможно, слова были бы лишними. Как и телепатия.

Иногда объятие и есть телепатия.

На заднем дворе, между крыльцом и садом, рос красивый большой дуб. Люк Эллис — некогда живший в

Миннеаполисе, штат Миннесота; некогда любимый сын Герба и Эйлин Эллисов; некогда друг Морин Алворсон, Калиши Бенсон, Ника Уилхолма и Джорджа Айлса — сел под ним. Он положил руки на согнутые колени и посмотрел на то, что офицер Венди называла Роллеркостер-Хиллз.

«И некогда друг Эйвери, — подумал он. — Эйвери был тем, кто вытащил их. Если кто и был героем, так это не я. Им был Эйвестер».

Люк достал из кармана смятую пачку сигарет и выудил одну из них. Он вспомнил, как впервые увидел Калишу, сидящую на полу с сигаретой во рту. *«Хочешь одну? — спросила она. — Немного сахара поможет взбодриться. Мне всегда помогает».*

— Как ты думаешь, Эйвестер? Улучшит ли это моё душевное состояние?

Люк откусил кусок от конфеты. Ему и правда стало легче, хотя он понятия не имел, почему; этому определённо не было научного объяснения. Он заглянул в пачку и увидел ещё две-три сигареты. Он мог съесть их прямо сейчас, но, возможно, лучше обождать.

Лучше оставить на потом.

23 сентября 2018 года

От автора

Пару слов с вашего позволения, Постоянный Читатель, о Рассе Дорре.

Я познакомился с ним больше сорока лет назад — сильно больше — в городке Брайтон, штат Мэн, где он был единственным помощником врача в больнице всего с тремя докторами. Он занимался большинством мелких медицинских проблем моей семьи, от болей в животе до детских ушных инфекций. При гриппе он часто любил говаривать: «Без джина и водки не обойтись». Он спросил меня, чем я зарабатываю на жизнь, и я ответил, что пишу романы и рассказы, в основном страшные, об экстрасенсорных явлениях, вампирах и прочих монстрах.

— Извините, я не читаю подобных книг, — сказал он, но никто из нас не подозревал, что со временем он будет читать всё, что я напишу: обычно готовые рукописи и часто ещё не завершённые работы. Кроме моей жены, он был единственным, кто видел мои сочинения до их полной подгонки и готовности предстать всеобщему вниманию.

Я начал консультироваться у него, в первую очередь по медицинским вопросам. Именно Расс рассказал мне о том, что грипп меняется из года в год, делая непригодной старую вакцину (это для «Противостояния»). Он дал мне список упражнений для разработки мышц коматозных больных (это для «Мёртвой зоны»). Он терпеливо разъяснил мне, как животные заражаются бешенством и как прогрессирует эта болезнь (для «Куджо»).

Круг его обязанностей постепенно расширялся, и когда он отошёл от медицины, он стал моим штатным помощником. Мы вместе посетили школьное

книгохранилище в Техасе во время моей работы над «11/22/63» — книги, которую я в буквальном смысле не смог бы написать без него, — и пока я погружался в атмосферу этого места (выискивая призраков... и находя их), Расс делал снимки и проводил замеры. Когда мы пришли в кинотеатр, где был задержан Ли Харви Освальд, именно Расс спросил, какие фильмы показывали в тот день (сдвоенный сеанс «Боевого клича» и «Война — это ад»).

Для романа «Под куполом» он собрал ворох информации о микроэкосистеме, которую я пытался создать, от мощности электрогенераторов до того, насколько может хватить продуктов, но больше всего он гордился идеей, которая пришла к нему, когда я спросил не может ли он придумать какой-нибудь запас воздуха для моих персонажей — что-то вроде акваланга, — минут на пять или около того. Это требовалось для кульминации книги, и озадачило меня. Как и Расса, пока однажды она не застрял в пробке, разглядывая окружающие его машины.

— Колёса, — сказал он. — В них есть воздух. Затхлый и противный на вкус, но вполне пригодный для дыхания. — И так, дорогие читатели, это оказались колёса.

Следы Расса разбросаны по всей книге, которую вы только что прочитали, от BDNF-тестов для новорожденных (да, это реальная вещь, только слегка приукрашенная для книги), до производства ядовитого газа из бытовой химии (не пытайтесь попробовать это дома, дети). Он проверил каждую строчку и факт, помогая мне достичь того, что всегда было моей целью: сделать невероятное правдоподобным. Он был рослым широкоплечим блондином, который любил пошутить, выпить пива и запускать бутылочные ракеты на Четвёртое июля. Он вырастил двоих замечательных дочерей и был рядом с женой во время её последней

затяжной болезни. Мы вместе работали, но ещё он был моим другом. Мы были похожи. Никогда не ссорились.

Расс умер от почечной недостаточности весной 2018 года, и мне его чертовски не хватает. Когда нужна информация (в последний раз о лифтах и айфонах первого поколения), но гораздо сильнее, когда я забываю, что его нет, и думаю: «Эй, надо бы звякнуть Рассу или написать по имейлу, спросить, как дела». Эта книга посвящена моим внукам, потому что она в основном о детях, но заканчивая её, я думаю о Рассе. Это очень тяжело отпустить старых друзей.

Я скучаю по тебе, дружище.

Прежде чем я закончу, мой Постоянный Читатель, я хочу поблагодарить уже знакомых вам людей: моего агента, Чака Веррила; Крисса Лотта, который занимается зарубежными правами и нашёл ещё дюжину способов сказать «*Вы меня слышите?*»; Рэнда Холстена, который занимается фильмами (в последнее время их очень много); и Кэти Монагэн, которая занимается рекламой для «Скрибнер». И *огромное* спасибо Нэн Грэхам, которая редактировала книгу, полную подвижных частей, параллельных временных линий и десятков персонажей. Также хочу сказать спасибо Марше Дефиллиппо, Джули Югли и Барбаре Макинтайр, которые принимают звонки, устраивают встречи и обеспечивают мне те жизненно важные часы, которые я каждый день использую, чтобы писать.

И последнее, но не менее важное спасибо моим детям — Наоми, Джо и Оуэну — и моей жене. С позволения Джорджа Р. Р. Мартина, она моё солнце и звёзды.

17 февраля 2019 года

Перевёл **Magnet**

---

notes

Примечания

1

Песня группы REO Speedwagon с альбома Hi Infidelity 1980 года.

2

1 фут = 0,3 м.

3

Примерно 112,5 км. 1 миля = 1,6 км.

В буквальном смысле. В Америке практикуется намыливание окон нерабочих магазинов. Не знаю, зачем. Может, чтобы с улицы не было видно внутреннее помещение.

Магазин, который торгует автомобильными запчастями, в особенности для хот-родов. Подобные магазины появились в США в сороковых годах во время расцвета культуры хот-родов. Хот-род — автомобиль, сильно модифицированный для достижения максимальной скорости.

Алан Джексон (р. 1958) — американский кантри-певец. Джордж Стрейт (р. 1952) — американский кантри-певец и актёр.

Боковой амиотрофический склероз. В англоязычных странах называется болезнью Лу Герига.

«Приключения маленького Чёрного Самбо» — детская книга, написанная Хелен Баннерман и изданная в ноябре 1899 года.

От слова «драйв» — первый удар на лунке, который выполняется драйвером, клюшкой для дальнего удара.

The Brink's Company — частная охранный компания, основанная Перри Бринком в 1859 году в Чикаго. В настоящее время работает по всему миру, предоставляя услуги по охране банкам, торговым предприятиям, правительственным организациям, монетным дворам и ювелирным магазинам.

Реконструкция Юга — период после окончания Гражданской войны, с 1865 по 1877 годы, в который происходила реинтеграция проигравших в войне южных штатов Конфедерации в состав США и отмена рабовладельческой системы на всей территории страны.

Дикси или Диксиленд — прозвище южных штатов, особенно тех, которые входили в состав Конфедерации. Термин произошёл от Линии Мэйсона-Диксона — границы, проведённой в 1763–1767 годах английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения длящегося почти век территориального спора между британскими колониями Пенсильванией и Мэрилендом. До гражданской войны линия служила символической границей между свободными от рабства штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

13

Души, которые занимают тело, оставленное другими душами.

RC Cola — безалкогольный напиток, газировка.

В Америке используется буквенная система оценок.
«С» равно тройке.

16

Аттракцион в виде тюрьмы образца Дикого Запада.

Полицейская мигалка.

Анонимные Алкоголики.

Известный американский баскетболист, многого добился в спорте при росте всего 170 см.

Бросок крюком — бросок в баскетболе, совершаемый боком к кольцу за счёт вращательного движения руки и выпуска мяча над головой.

Scholastic Assessment Test — дословно «Академический оценочный тест». Стандартизированный тест для приёма в высшие учебные заведения в США.

Специальная полоса вдоль дороги для родителей, привозящих и забирающих своих детей из школы. На этой полосе запрещено оставлять машину.

Семья на учёбе (*фр.*)

Мамуля, мамочка (*исп.*)

Mucho (*исп.*) — много.

Роман американского писателя Уильяма Берроуза (1914–1997), одного из ключевых авторов США второй половины XX века.

Rockaway Beach — песня Ramones с альбома 1977 года Rocket to Russia. В 2014 году умер последний из четырёх основателей группы. Видимо, 2,263 концерта за 22 года не прошли даром.

28

1 фунт = 0,45 кг.

Малая бейсбольная лига — некоммерческая организация, которая занимается организацией матчей по бейсболу и софтболу.

Коллегия выборщиков — система двухступенчатых выборов, при помощи которой избирается президент США и вице-президент США. В настоящее время количество выборщиков 538.

Тони Хоук — профессиональный скейтбордист. «Бёрдхаус» — его компания по продаже скейтбордов и аксессуаров к ним.

Концентрационный лагерь и лагерь смерти во время Второй мировой войны.

Изначально Орем, штат Юта, был мормонским поселением. Вообще, в Америке много шутят и иронизируют над мормонами.

Строчка из поэмы Томаса Стернза Элиота (1888–1965) «Любовная песнь Альфреда Дж. Пруфлока». Идёт сразу после строчки «А в комнате — женщины приходя и уходят».

В оригинале слово «rarer», которое действительно звучит, как заводящийся мотор.

Отсылка к фильму «Знакомство с Факерами».

Turner Classic Movies — круглосуточный телеканал, показывающий старые фильмы из фильмотеки компании Turner Entertainment, основанной Тедом Тёрнером. Тед Тёрнер (р. 1938) — американский бизнесмен, основатель круглосуточного канала CNN. Пол Ньюман (1925–2008) и Стив Маккуин (1930–1980) — иконы американского кино. Вместе снимались в фильме 1974 года — «Вздымающийся ад».

Эрнест Хемингуэй (1899–1961) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года. Уильям Фолкнер (1897–1962) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года. Вольтер (имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) — один из величайших французских философов-просветителей XVIII века.

Харви Лейвен (Ван) Клиберн-младший (1934–2013) — именитый американский пианист.

Они же карты Зенера — колода карт с пятью повторяющимися рисунками (круг, крест, волнистые линии, квадрат, звезда), предложенная в 1930-х годах психологом Карлом Зенером (1903–1964) для изучения паранормальных форм восприятия или способностей человека, например, ясновидения. Эксперименты с картами Зенер проводил вместе со своим коллегой, парапсихологом Джозефом Бэнксом Рейном (1895–1980). Оттуда их второе название.

41

Монета в десять центов.

«Повелитель мух» — дебютный роман английского писателя Уильяма Голдинга (1911–1993), изданный в 1954 году. Считается одним из выдающихся произведений мировой литературы XX века.

Джеймс Дин (1931-1955) — икона американского кино. Трагически погиб в автокатастрофе.

Рагу по-китайски.

Отсылка к американской романтической рождественской традиции целоваться под омелой (вечнозелёное кустарниковое растение).

Девушка, которая встречает и усаживает посетителей ресторана.

Лабораторный прибор, используемый для изучения поведения животных, созданный американским психологом и бихевиористом Берресом Фредериком Скиннером (1904–1990) на последнем году обучения в Гарварде.

Стив Харви (р. 1957) — актёр, комик, писатель, шоумен, музыкант. Дэвид Хассельхофф (р. 1952) — актёр и певец, наиболее известен по ролям в телесериалах «Рыцарь дорог» и «Спасатели Малибу».

Священный текст движения святых последних дней, который, по мнению верующих, содержит писания древних пророков, живших на Американском континенте приблизительно с 2200 года до н. э. до 421 года н. э. Впервые была опубликована в марте 1830 года Джозефом Смитом-младшим.

50

Телевизионное шоу на канале «Эй-Би-Си».
Транслируется с 1989 года.

AOL (сокращение от America Online) — американский медийный конгломерат, который также предоставляет пользователям бесплатную электронную почту.

Эдуард Мане (1832–1883) — французский живописец, гравёр, один из родоначальников импрессионизма.

Штази (сокращение от немецкого названия) — Министерство государственной безопасности ГДР, существовало с 1950 по 1990 годы.

Мартин Лютер Кинг-младший (1929–1968) — американский баптистский проповедник, общественный деятель и активист; самый известный представитель и лидер движения за гражданские права чернокожих.

Элдридж Кливер (1935–1998) — политический деятель и революционер США, один из основателей и министр информации Партии чёрных пантер, автор нескольких книг, посвящённых вопросам расового и социального неравенства в современном мире.

Главная героиня мультфильма «Дисней»
«Принцесса и лягушка».

Персонаж-заяц из диснеевских мультфильмов
«Бэмби».

Жидкокристаллические градусники. Представляют собой пластиковую ленту с полосками жидких кристаллов, которые меняют цвет в зависимости от температуры. Прикладываются ко лбу.

Я не силён во французском, но можно перевести, как «сральник».

Всемирный фонд природы — международная общественная организация, работающая в сферах, касающихся сохранения, исследования и восстановления окружающей среды.

В Главе 7 свода законов США говорится о банкротстве.

Конторы, устроенные по типу кол-центров. Обзванивают население и впаривают разные финансовые схемы с целью отъёма денег. Например, работа такой конторы хорошо показана в фильме «Волк с Уолл-Стрит».

Теодор Сьюз Гайсел (1904-1991) — американский детский писатель и мультипликатор. Штучка Раз и Штучка Два — персонажи его книги «Кот в шляпе».

Американская медицинская ассоциация.

Наиболее популярная ежегодная гонка на автомобилях с открытыми колёсами, одно из трёх самых престижных автомобильных соревнований в мире. Проводится в штате Индиана на автодроме «Индианаполис Мотор Спидвей».

HORSE — вид баскетбольной игры для двух игроков. Один игрок делает бросок, другой должен повторить. Если второй попадает мимо кольца, то ему записывается буква «Н» и так далее, пока кто-то из двоих не соберёт всё слово.

67

1 ярд = 0,91 см.

Американский менталист, популярный на телевидении в 70-х годах.

Карточная игра, победитель в которой должен дать пощёчину проигравшему.

Отто Адольф Эйхман (1906–1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, ответственный за массовое уничтожение евреев.

Джон Китс (1795–1821) — английский поэт, умер от туберкулёза в 25 лет.

Отсылка к коричневорубашечникам — штурмовые отряды, представлявшие собой военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Существовали с 1921 по 1945 год.

Всё это телевизионные шоу.

НАСКАР — Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей. Из-за огромного количества машин участвующих в заездах, часто случаются групповые столкновения.

Почтовая служба Соединённых Штатов.

Стол с подогревом для еды в столовых, ресторанах и т. д.

«Мамаша Кураж и её дети» — пьеса немецкого поэта и драматурга Бертольта Брехта (1898–1956).

Широко известное название штата Миннесота из-за обилия в нём озёр.

79

Город в Миннесоте, пятый по численности населения.

Pokey на сленге — тюрьма, тюряга.

Американский производитель моделей поездов и макетов железных дорог.

Смысл существования (*фр.*).

Тимо́ти Джеймс Маквей (1968–2001) — организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) теракта в истории Америки, унёсшего жизни 168 человек.

Давние поклонники знают, что Кинг будет не Кинг, если не упомянет в книге наклейку на бампер.

Ширли Темпл (1928–2014) — американская актриса. Наиболее известна по своим детским ролям в 30-х годах. Ушла из кино в 49-ом году.

Возможно, речь идёт о партии синего «Валиума», из-за приёма которого один человек скончался, и ещё четверо попали в больницу. Оказалось, что дозировка «Валиума» превышала обычную в двадцать раз. А случилось это в феврале 2019 года, в Плимуте, графство Девон, Англия.

Бинтауном или Городом бобов называют Бостон.

Фильм Клинта Иствуда 2014 года.

Даётся за героизм на поле боя, либо за общие заслуги.

Видимо, отсылка к народной ирландской антивоенной песне Johnny, I Hardly Knew Ya — Джонни, я едва тебя знала.

91

Город в штате Мэн.

Фамилия Фриды — Brown, то есть — коричневый, смуглый, каштановый, карий и т. д.

Обдолбанной.

Песня Джона Леннона («Дайте миру шанс»), ставшая гимном контркультурного движения против войны во Вьетнаме.

Midnight Special — «Полуночный экспресс», народная песня, впервые зазвучавшая в тюрьмах южных штатов США. Согласно поверью, заключённый увидевший огни полуночного экспресса, вскоре будет освобождён.

Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) — английский поэт.

Примерно, блядская шлюха, сукин сын и хуесос соответственно.

Так называют северные штаты. А Мэн — пограничный штат, дальше уже Канада.

Помощник машиниста (разг.)

В уфологии и учениях Нью-эйдж — душа, занявшая тело, оставленное другой душой. Нью-эйдж — общее название совокупности различных мистических течений и движений.

Джон и Роберт Кеннеди, оба были застрелены.

Сын Сэма — Дэвид Берковиц, американский серийный убийца, действовавший в 76–77 годах.

Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении — федеральный закон США, подписанный президентом Обамой 23 марта 2010 года. В народе называется Обамакер от Obamacare — Обамаздравоохранение.

Отсоси мой хрен (*исп.*)

Триаж или медицинская сортировка — распределение пострадавших и больных на группы, исходя из нуждаемости в первоочередных и однородных мероприятиях в конкретной обстановке.

В оригинале использовано слово gork — акроним от God only really knows (одному только Богу известно). Это медицинский сленг для людей в коматозном или устойчивом вегетативном состоянии.

Персонажи ситкома «Счастливые дни».

Харт Крейн (1899–1932) — американский поэт. Считается, что покончил с собой так, как написано в книге. Тело не было найдено.

Mara Salvatrucha (или MS-13) — одна из самых жестоких и многочисленных уличных банд Центральной и Северной Америки. Основана в 1980 году иммигрантами из Сальвадора.

Мегацерковь — общепринятое в англоязычных странах обозначение протестантских церквей численностью более 2000 прихожан, собирающихся в одном здании.

Отсылка к Злой Водье Востока, персонажу книг Фрэнка Баума (1856–1919) о стране Оз.

Гек и Джим — персонажи романа «Приключения Гекельберри Финна», написанного Марком Твеном и опубликованного в 1884 году.

Посттравматическое стрессовое расстройство.

Йозеф Менгеле (1911–1979) — немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

Окончательное решение по еврейскому вопросу или просто Окончательное решение — политика правительства Третьего рейха в отношении евреев. Под эвфемизмом «окончательное решение» подразумевалось массовое уничтожение еврейского населения Европы.

Вальтер Рауфф (1906–1984) — штандартенфурер СС. Во время боевых действий в Северной Африке, отвечал за преследование евреев.

Пригород Бостона.

Фраза, сказанная Нилом Армстронгом при приземлении «Аполлона-11» на поверхность Луны. «Орёл» — это позывной.